МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова»

Р. А. Евтехов

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ (КОНЕЦ XVII — НАЧАЛО XX в.)

Монография

Москва — Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52
Е 271

Утверждено к печати редакционно-издательским советом Бурятского госуниверситета
Протокол № 5 от 18 октября 2018 г.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (Регистрационный номер № 124091900005-1, гос. задание ФНИСЦ РАН на 2024 г.) по теме «Российская политическая идентичность в условиях становления нового миропорядка»

Научный редактор
д-р ист. наук, проф. Т. В. Паликова

Рецензенты
О. И. Митяева, д-р ист. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
Е. Н. Хантакова, д-р ист. наук, проф., БГУ им. Д. Банзарова
Н. А. Четырина, канд. ист. наук, доц., науч. сотр., МГУ им. М. В. Ломоносова

Евтехов Р. А.

Е 271 **Система обеспечения внутренней безопасности азиатских окраин России (конец XVII — начало XX в.)** / Р. А. Евтехов; научный редактор Т. В. Паликова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2025. — 376 с.

ISBN 978-5-9793-1985-8
DOI 10.18101/978-5-9793-1985-8-2025-1-376

Монография посвящена истории системы безопасности азиатских окраин России, ядром которой являлся институт полиции. Как ключевой проводник власти на местах полиция играла ведущую роль в управлении, хозяйственном освоении, развитии и обеспечении социальной инфраструктуры и государственной безопасности. Азиатские окраины, будучи одним из самых криминогенных регионов империи, существовали в условиях минимального штата органов безопасности и одновременно их широчайших прав и полномочий. Важнейшим условием функциональности системы было безоговорочное подчинение, бесправие общества и одновременно его содействие в обеспечении безопасности.

Издание адресовано специалистам в области истории Отечества, политической истории, краеведам, студентам профильных факультетов, а также всем, кто интересуется историей полиции, систем безопасности и историей Забайкалья.

Evtekhov R. A.

Internal Security System in the Asian Outskirts of Russia (late 17th to early 20th centuries) / R. A. Evtekhov; scientific editor T. V. Palikova. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2025. — 376 p.

The monograph deals with the history of the security system in the Asian outskirts of Russia, the core of which was the police institution. As a main conveyor of local power, it played a leading role in governance, economic development, ensuring social infrastructure and state security. The Asian outskirts, being one of the most crime-prone regions of the empire, existed in the conditions of a lack of security staff together with its broadest rights and powers. The key condition for the functionality of the system was unconditional submission, the lack of rights of society and at the same time its assistance in ensuring security.

The book is intended for specialists in the field of National History, Political History, local historians, students of specialized faculties, as well as for a wide readership by providing information on the history of the police and security systems in Transbaikalia.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

© Р. А. Евтехов, 2025
© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2025

ISBN 978-5-9793-1985-8

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Постановка проблемы 6
Обзор литературы 11
Обзор источников 19
Азиатские окраины Русского государства: (гео)политические интересы 24
Забайкалье в составе азиатских окраин Российской империи 28
Факторы создания и развития системы управления азиатскими окраинами империи 34

РАЗДЕЛ 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — СЕРЕДИНЕ XVIII в.

«...управление дальней, Сибирской украйны...»: становление государственных институтов управления окраинами 50
«*Следить, дабы все под царскою высокою рукою послушны были и жили смирно во всяком послушании*» 55
Бунташные полвека Забайкалья 59
Власть и безопасность: реализация петровской идеи «*регулярного*» государства 63
Трансформации административно-территориальной структуры в 20–60-е гг. XVIII в. 70
Создание Иркутской губернии и реформа управленческой системы региона 76
Нормативная база деятельности органов обеспечения безопасности Восточной Сибири 80
«*Полиции иметь денной и нощной дозор*»: состояние полицейской стражи до 1775 г. 87

РАЗДЕЛ 2. СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРУКТУРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

Схема административно-территориального деления Иркутской губернии в соответствии с реформой 1775 г. 98
«*Буде нужда того требует, то губернию разделить на провинции...*»: Удинская провинция 1775–1784 гг. и ее комиссарства 101
Полномочия и функции провинциального воеводы 108
Кому быть «*душою гражданства*»? 111
Модернизация управления Восточной Сибири в конце XVIII века 119

Нормативные преобразования Екатерины II
в области становления разветвленной системы безопасности 122

Коменданты-городничие: отцы города Верхнеудинска 127

Создание «*Городской полиции присутствия*» Верхнеудинска 134

Характеристика преступности и меры борьбы с ней
в последней трети XVIII — начале XIX в. 142

Церковь и полиция в поддержании общественного благочиния
на рубеже XVIII–XIX вв. 149

РАЗДЕЛ 3. РАЗВИТИЕ И РАСШИРЕНИЕ ОРГАНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Законодательные новеллы о безопасности
и административном устройстве Забайкалья 157

Организация городской полиции в первой четверти XIX в. 162

Служебная повседневность городской полиции Верхнеудинска:
интерьер канцелярии, библиотека, архив и пожарная часть 167

Формулярные списки как источник по изучению
социального портрета городничих 176

Борьба церкви и полиции с альтернативными религиозными течениями ... 183

Организационно-штатная система полиции и ее содержание
в 30–50 гг. XIX в. 188

Организация политического надзора в первой половине XIX в. 196

Создание, структура и противоречия системы управления
Забайкальской области 199

Организационные особенности системы безопасности региона
до реформы полиции Сибири 205

Деятельность полиции по сохранению благочиния
и уголовная статистика в первой половине XIX в. 214

Причины и источники злоупотреблений служителей полиции 235

РАЗДЕЛ 4. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Нормативные основы организации и функционирования
полицейской системы второй половины XIX в. 241

Штатная система полицейских управлений по реформе 70-х г. XIX в. 244

Проблемы и противоречия системы внутренней безопасности
в первое десятилетие после реформ 254

Преобразования штатов и организационная структура
общей полиции в 1880-е гг. и до распада империи 259

Обеспечение внутренней безопасности органами полиции
во второй половине XIX в. 272

Система политического охранительства в структуре безопасности окраин 284

Инновации в сфере борьбы с уголовной преступностью
и ее классификация в начале XX в. 294

Система уголовного сыска и правоохранительная деятельность в начале XX в. 302
Надзорная деятельность полиции над проституцией в городах Забайкалья 316
Злоупотребления чинов системы безопасности 323
Становление системы обеспечения общественного порядка после февральской революции 1917 г. 328

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 336

ЛИТЕРАТУРА 341

ПРИЛОЖЕНИЕ 370

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Постановка проблемы

Проблемы безопасности общества во всем их многообразии — важнейшие в системе международных приоритетов развития. Они охватывают такие направления, как поддержание мира, борьба с терроризмом, предотвращение этнических и религиозных конфликтов, противодействие киберугрозам. Ключевым остается главное — сохранение безопасности, защита прав и свобод отдельно взятого человека, предотвращение насилия и обеспечение равенства и справедливости для всех. Любой человек имеет право на безопасную и защищенную жизнь, поэтому обеспечение безопасности людей есть главный приоритет любой власти.

Безопасность — неотъемлемая часть устойчивого развития и благополучия общества. Суть решения этих вопросов сегодня, к чему пришло большинство развитых стран мира, сводится к решению проблем безопасности через минимизацию использования традиционных инструментов: насильственных, конфликтных, мажоритарных и др. Их потенциал для современного общества исчерпан, а потому все прежние традиционные модели обеспечения безопасности нуждаются в замене их консенсусно-консолидирующими, что могло бы многократно усилить устойчивость политических систем.

Обеспечивая безопасность во всех сферах жизни общества, важно не создать культа безопасности или приоритета государственного над частным. Вопрос выбора российским обществом следования по пути приоритета личностной безопасности его граждан или поиска альтернативных путей остается открытым. Но, кажется, только этот путь способен, по И. А. Ильину, «*поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры*» [190, с. 478]. Во многом это зависит от сложившегося контекста, особенностей развития России, которые коренятся в ее историческом прошлом.

Для России следование любым из путей, на наш взгляд, невозможно без учета социально-политической данности нашего прошлого и настоящего. В этом отношении нет достаточного понимания контекста устройства и функционирования системы власти и безопасности России на отдельных и значимых территориях страны, что и говорить о рефлексии на этот счет. С другой стороны, система власти и безопасности России до революции 1917 г., несмотря на свои явные недостатки, при минимальных потрясениях существовала не одно столетие. Не идеализируя ее, ведь в конце концов она дезинтегрировалась почти без остатка, нужно признать, что в ней были находились некие стержни,

удерживавшие ее в работоспособном состоянии долгое время. В общественной полемике второй половины XIX в. фундаментом системы определялось «самодержавие» (буквально десятилетие назад такие качества приписывались «скрепам», в настоящий момент «традиционным ценностям»). Учитывая их серьезнейшее значение, они не описывают основания, на которых развивалась система безопасности столетиями и распалась почти без остатка в минимальные исторические сроки. Опыт исследования основ конструирования внутренней безопасности и рефлексия причин ее деформации могут стать полезными для дальнейшего совершенствования.

Несмотря на тренд политической власти России к сверхцентрализации, в последние два десятилетия стало очевидно, что наше общество тяготеет к регионализации. Изучение процессов формирования и развития управления как скрепляющего элемента, удерживающего всю систему государственности огромной по протяженности страны, имеет не только научную актуальность, но и практическое значение. Опыт построения системы управления обществом, в том числе и отрицательный, позволяет видеть оптимальные модели общественного договора и основ государственности, которые поддерживаются гражданским обществом, а значит, наиболее устойчивы к любым вызовам. Современные рассуждения об устройстве власти и государства часто содержат отсылки к традициям русской государственности. Суммарно их сущность сводится к превознесению таких конструкций, как вертикальная система власти, подчиненность на основе силы, давление государственного над частным, централизованность, мобилизованность, консерватизм, традиционализм, соборность, охранительство, религиозность и т. д. Характерно, что все эти конструкции приписываются российскому обществу уже не одно столетие.

Тренды современной российской политики в области государственного устройства, регионального управления, местного самоуправления и силовых институтов диктуют необходимость снова и снова обращаться к историческим основам. Наблюдаемый в последние двадцать лет на фоне трансформации властных институтов контекст усиления силовых систем Российского государства вызвал всплеск интереса к их изучению. Систематически возникают вопросы: Способна ли такая мощная силовая система поддерживать реальную защищенность общества? Может ли она обеспечивать порядок и безопасность частной жизни? Нет ли у такой системы неких совершенно иных мотивов, нежели защита общества? Нужно ли эту систему модернизировать? До какого предела допустимо вмешательство власти в частную жизнь человека?

Особый интерес вызывает полиция — один из ведущих органов обеспечения безопасности, легитимная опора власти, позволяющая удерживать политический курс в интересах существующего режима. Она кроме прочего имеет полномочия осуществлять легальное насилие — важную функцию государственной власти. С другой стороны, сложно найти другой орган, настолько близко взаимодействующий с обществом, конкретным индивидом и властью как таковой в лице отдельных ее институтов. Полиция исторически служит защите и обеспечению общепринятой нормы. Реформа полиции 2011–2012 гг.,

проведенная с целью повышения эффективности, не только трансформировала разные стороны основного правоохранительного института России, но и вернула историческое название. Несмотря на противоречивое отношение общественности к этому переименованию, есть в нем некое обращение к опыту прошлых столетий.

Полиция Российской империи являлась прямым проводником политики государства, одним из главных ее исполнителей. Поэтому ее исследование не есть разбор стратегий, концепций и законодательства, а изучение реализации политики государства в области обеспечения правопорядка и стабильности общественного развития. Опыт организации взаимодействия и работы, как положительный, так и отрицательный, с административными учреждениями, пресечения преступности, навыки взаимодействия с обществом как средства эффективного поддержания безопасности, выработанные полицией в XVIII —начале XX в., представляют значительный интерес и могут служить ключом к решению отдельных проблем власти и общества современной России. При этом важно сказать, что прямое наложение этого опыта на текущую действительность невозможно. Изменчивость социальной ткани, эволюционирующей безостановочно, не позволит «импортировать» опыт прежних эпох, а только важнейшие подходы или принципы. Полиция России, на наш взгляд, есть ядро системы обеспечения внутренней безопасности государства, будь то конкретная область или вся территория целиком на современном этапе или в исторической ретроспективе.

Система обеспечения безопасности в Российской империи кроме общей полиции включала различного рода органы политического сыска (жандармерия), воинские подразделения, специальные и чрезвычайные охранительные органы, органы борьбы со шпионажем, таможенные учреждения, в конце концов и сами властные институты на местах. Не снижая значения указанных органов, считаем полицию основным движущим элементом системы безопасности. Изучение такого сложного, многогранного института невозможно без внимательного рассмотрения контекста развития административного аппарата, в первую очередь на региональном уровне. Значительное внимание в работе уделено истории трансформаций управления рассматриваемым регионом. Важный акцент в исследовании сделан на основной задаче полиции – обеспечении правопорядка и безопасности.

Сосредоточение внимания на азиатских окраинах России[1], под которыми в данном случае мы подразумеваем лишь забайкальский регион, обусловлено несколькими соображениями. Во-первых, сравнение с другими регионами выявляет его нестандартность, что подчеркнуто в особом статусе административных институтов и полномочий управления. Во-вторых, исследуемая территория крайне отдалена от центральных узлов империи и усложнена наличием других этнических общностей с собственным обычным правом, наличием мест ссылки и каторги и другими факторами. В-третьих, приграничный регион достаточно сложен с точки зрения взаимодействия с опасным, в отдельные периоды, соседом — Китайской империей.

[1] В представлении общества дореволюционной России, Азиатская Россия включала в свой состав Сибирь и Дальний Восток, владения в Центральной Азии и Кавказский край.

Значительная часть нашего исследования посвящена наименее изученному периоду в истории азиатских окраин — XVIII веку. С одной стороны, такое предпочтение вызвано наличием значительного числа «белых пятен» именно в этот, фундаментальный, период становления регулярной системы власти, упрочнения государственности на окраинах. С другой, быстро меняющееся территориальное устройство и общая запутанность системы регионального управления заставили нас более подробно охарактеризовать данный период.

Фокус внимания на организации и состоянии безопасности азиатских окраин позволил иначе взглянуть на трансграничные процессы и само содержание понятия безопасности. Проблемы обеспечения безопасности существования человека, власти и государства в целом занимают исследователей уже не одно столетие. Представления о понятии в целом трансформировались одновременно с обществом. Вне зависимости от конкретных трактовок и отдельных деталей сущность ее сводится к некоему ощущению, чувствованию защищенности.

Не ставя себе задачу полноценного анализа эволюции представлений о безопасности, позволим себе лишь краткий экскурс. Содержание термина «*безопасность*» в период XVIII в. тесно связано с конкретным периодом политического переустройства и реформирования. Широкое хождение оно получает достаточно поздно. На протяжении XV–XVIII вв. основным термином, описывавшим сохранение некоего внешнего порядка, тишины, спокойствия и ненарушение существовавших общественных норм, было «*благочиние*». Понятие «благочиние» широко вошло в дискуссию о государстве и порядке его функционирования в екатерининское время, но первое употребление его известно, как минимум, с середины XVII в.

Механизмы обеспечения безопасности в России развивались медленнее, в сравнении с Западной Европой. Некоторые исследователи пытаются оправдать отличия неким особенным путем развития России или ее исключительными чертами. Действительно, Россия не стала национальным государством, оставаясь на протяжении всего рассматриваемого периода империей. Формированию империи в XVII и XVIII вв. много послужили институты общины и церкви, ни тот, ни другой не стали оппозицией власти. Церковь, утеряв субъектность, перешла на обслуживание верховной власти и убеждение общества в высшем происхождении такой системы. С момента своего возникновения система обеспечения внутренней безопасности государства нацелилась на консервирование и поддержание института государства, существовавшего общественного порядка и норм. О сохранении безопасности внутренней, духовной заботилась церковь. Таким образом, благочиние не подразделялось на разные подпункты, оно объединяло в себе все относимое к средствам и способам нарушения существовавшего порядка, как физического, так и духовного.

Представление о потенциально опасных явлениях, способных нанести урон в первую очередь собственности, появляется еще в Московском царстве, где мы и фиксируем появление многосоставного термина «благочиние». В «*Наказе о градском благочинии*» от 6 апреля 1649 г. понятие «благочиние» представляется

как порядок, сохранение которого зависит от определенных обстоятельств или от реализации неких мероприятий «*...для береженья от огня и ото всякого воровства...*»[1]. В целом оно предполагало безопасность власти в лице самодержавца и государства в качестве его личной вотчины.

Эпоха петровских преобразований актуализировала эти проблемы. Россию «встряхнула» череда инноваций, и прежняя система просто не могла функционировать в новых условиях. Именно петровским реформам своим существованием обязана полиция. Единого значения в этом контексте безопасность не имела, а вот полиция становится не только обозначением службы, которая призвана «*убыток, вред и опасность отвращать...*», но и комплексным аналогом этого понятия. Екатерининская эпоха подарила более глубокое, с печатью гуманистических ценностей времени представление о порядке и безопасности. Произошел возврат к прежней терминологии, наполненной христианской этикой и представлением о роли «*начália*» — в лице государя(ыни). Правление монарха и подчинение положенным законам представлялось основой порядка и безопасности. Значительно возрастает представление о роли и значении самодержца в системе сохранения существующей системы. Впоследствии эти идеи будут развиваться, а в николаевское время уже приобретут черты, уравнивавшие безопасность и сохранение общественного строя. Любая новизна, изменение постепенно начинает восприниматься государственной машиной как чуждое и вредное ее сохранению и стабильности, эта идея будет активно развиваться с прекращением Великих реформ Александра II и фактически до распада империи, когда транслируемые властью ценности станут откровенно чуждыми новому поколению русского общества.

Сегодня появилось множество вариаций понятия безопасности, таких как личностная, экологическая, информационная, политическая и т. д. Базовым можно считать определение безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов личности и общества от внутренних, внешних и потенциальных угроз. В противовес этому, безопасность государства мы трактуем не иначе как состояние стабильности и несменяемости элиты, находящейся у власти, отсутствие явных угроз ее политическим и экономическим интересам. Исходя из этого, можем заключить, что **система обеспечения внутренней безопасности — это совокупность органов, институтов и практик, деятельность которых направлена на достижение безопасности человека, общественных институтов и власти в понимании и представлении соответствующего исторического времени**.

Принято разделять внешнюю и внутреннюю безопасность. Если внешняя безопасность предметом своих интересов считает все исходящие извне угрозы, то внутренняя — лишь те, что возникают или потенциально могут возникнуть внутри общества и государства.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 1. 1649–1676. № 6. С. 164–166.

Обзор литературы

Тема обеспечения безопасности в разных аспектах, в том числе истории полиции, ее роли в системе управления на макроуровне, изучена многими поколениями историков. Предметом интереса становились разные хронологические, географические и тематические аспекты. Только за последние более чем 300 лет существования полиции в России накопился без преувеличения огромный объем материала, который продолжает привлекать исследователей. Анализ азиатских окраин в этом контексте — тема относительно новая, хотя уже обнаруживает ряд очень серьезных исследований. Отделять историографию системы безопасности Российской империи в целом от ее непосредственных окраин неоправданно. Несмотря на это, история изучения темы требует отдельного, специального монографического исследования. Многочисленность исследований не позволяет нам остановиться на каждом, поэтому рассмотрим лишь некоторые.

Литературу по данной тематике традиционно можно разделить на три основных периода: дореволюционный, советский и современный. Каждый из них обладает своим набором подходов, методов, кругом сюжетов, срезом источниковой базы.

Дореволюционный период (XIX — начало XX в.) характеризуется изучением институтов обеспечения безопасности не только историками, но и правоведами. Сбор материалов и их обобщение начиналось еще современниками. В работах российских исследователей в области права, таких как В. М. Грибовский, Н. М. Коркунов, Д. Д. Семёнов, В. М. Гессен, А. Д. Градовский, Н. В. Варадинов и др. [9; 45; 50; 54; 86; 93; 118], в целом рассматривался вопрос обеспечения безопасности, в большей степени посвященный так называемому полицейскому праву: полиции, ее законодательной регламентации, структуре, компетенции, эффективности. Исследователи часто не ставили своей задачей анализировать полученные архивные и фактические данные, ограничиваясь констатацией изученных материалов и их последовательной передачей. Появились и специальные работы, посвященные деятельности МВД, например труд чиновника этого ведомства Е. Н. Анучина. Используя архивные материалы министерства внутренних дел, он создал краткий очерк истории городской полиции, охарактеризовав крупные центры страны, в которых она развивалась. Он выделил причины «*неудовлетворительного состояния городской полиции*», среди которых — искусственное появление городов, низкие доходы полицейских, обременение многочисленными обязанностями и др. [73, с. 227–228]. Описывая ход работы комиссии, рассматривавшей вопросы реформирования городской полиции, Анучин отмечает лишь положительные изменения, касающиеся штатного расписания, жалования, оставляя вне поля своего зрения неразрешенность других проблем. Те же реформы середины XIX в. положительно оценены С. А. Адриановым [99, с. 133], который счел, что освобождение от избыточных функций позволило полиции сосредоточиться на своем основном предназначении — охране общественного порядка. Сильной стороной данной работы является использование достаточного числа архивных

материалов Министерства внутренних дел и того, что сам автор являлся чиновником этого ведомства. Слабость его работы — отсутствие достойных критических замечаний о самой реформе. Автор ограничивается описанием сложностей, с которыми сталкивались правительство и министерство в своей деятельности. Значительный фактический материал данной темы, основанный также на архивных документах МВД, содержат работы Н. В. Варадинова.

Основательным является труд И. И. Дитятина, в котором ключевой идеей стало различие взаимоотношений между государством и обществом в России и Западной Европе. По его мнению, сила общества в Европе, в отличие от России, превалировала над диктатом государства [61, с. 302]. В сравнительном анализе автор выявил естественное зарождение полиции в западноевропейских городах как следствие их автономной жизни. Наиболее подробно он остановился на устройстве полиции городов Москвы и Санкт-Петербурга, где необходимость в штатной полиции назрела еще до начала XVIII в. Реформы правительства Екатерины II в области функционирования городской полиции он определил как поверхностные, не изменившие сути общественной жизни и роли в ней правоохранительных учреждений, приведшие лишь к дальнейшей регламентации всех сторон жизни. Рассматривая конкретные примеры деятельности полиции Российской империи, И. И. Дитятин констатировал отсутствие ориентированности на важнейшую задачу данного института — охранение гражданства. Описывая структуру полиции XVII в., он указывал, что «*объезжие головы*» охраняли город не столько в интересах общества, сколько по казенным надобностям, так же как и пожароохранные мероприятия осуществлялись не для ограждения посада от огня, а для охранения казенных зданий и складов.

Противоположного мнения придерживался И. Т. Тарасов [127], находивший общие тенденции в развитии полиции городов России и Западной Европы. Появившаяся как орган обеспечения безопасности полиция со временем стала орудием государства для регламентации всех сторон жизни общества [126, с. 12–13], а неудовлетворительное качество службы вызвано многочисленным функционалом, усугублялось низким жалованием и невысокой степенью ответственности за упущения. Он выделил четыре периода развития полиции в стране начиная с 1718 г. и отметил, что внутренняя политика обеспечения безопасности была неустойчива, цели, поставленные перед реформаторами, очень часто не только не достигались, но и искажались в процессе реформ. В работе «*Полиция в эпоху реформ*» (1885 г.) Тарасов больше остановился на вопросах и принципах реформирования полиции. Он подчеркивал, что полиция зародилась именно в городе, и поэтому не удивительно, что именно с города началось ее реформирование в середине XIX в.

И. Юдин пошел дальше и провел некоторый анализ эффективности полиции, выявив, по его мнению, главные причины коррупции. Он счел, что низкое жалование и широкие обязанности полицейских фактически толкали их к получению доходов незаконным путем [287, с. 579–580]. Положение полиции в окраинных и пограничных городах, где преобладало военное население, «*от которого мало чем можно поживиться*», было куда более худшим, чем в центральных городах с развитой промышленностью и торговлей. В то же

время, подчеркивая исключительную роль полиции в городах, Юдин называет ее «*полной хозяйкой городов*».

Наибольшее значение для изучения системы органов власти и безопасности в их взаимодействии и развитии имеет фундаментальный труд Ю. В. Готье [53]. Объемная, хорошо иллюстрируемая архивными примерами, глубокая работа посвящена устройству и деятельности административных учреждений на всех уровнях губернского управления. Готье подробно изложил влияние областных реформ указанного в заглавии периода на деятельность местных администраций, их канцелярию и взаимодействие с прочими учреждениями. Ему свойственно пространное изложение материалов о ходе проведения реформ, принятии законов, что в целом характерно для историографии дореволюционного периода. Охрану порядка и безопасности он считал важнейшей задачей полиции, но подчеркивал невозможность ее осуществления из-за очень малого штата служителей. Оценивая деятельность местных администраций как неудовлетворительную, Готье в то же время называет одну из главных причин, редко звучавшую в исследованиях, — некомпетентность правительства.

Дореволюционный этап изучения вопросов, касающихся безопасности, в целом крайне важен как база для дальнейших исследований, введения в научный оборот значительного пласта архивных материалов, формирования теоретических подходов, иногда достаточно критических. Дореволюционные исследователи смогли заложить солидный фундамент, поставить важные вопросы перед последующими поколениями ученых. Вместе с тем изучение отдельных составных элементов безопасности, например городской полиции, ограничивалось крупнейшими центрами империи, в то время как малые и провинциальные города остались вне поля зрения исследователей, а земская полиция тем более. Данный период характеризуется преобладанием общей описательности правового и материального положения полиции, этапов движения реформ, проблем и причин неудовлетворительности службы. Были введены в оборот важные архивные материалы, проведена их систематизация, сформировались отдельные методологические течения в исследовании государства и безопасности, которые не теряют актуальности и сегодня.

В **советский период** (1917–1991) историки рассматривали проблемы безопасности через соответствующую методологическую призму, игнорируя юридический аспект. Определяющее значение имела идеологическая составляющая общественно-политической и научной жизни общества, которая не позволяла объективно рассматривать деятельность служб безопасности. Почти целиком прекратилось исследование исполнительной полиции. Правда, значительное внимание стали уделять проблемам политической полиции, преследования и прессинга самодержавной власти на общество, роли МВД в системе удержания власти и репрессий, что по понятным причинам мало изучалось на дореволюционном этапе.

История силовых органов в целом не представляла для советских историков особого интереса, если в ней не отражалась классовая борьба и эксплуататорский характер взаимоотношений государственных органов и общества. Такой подход представлен, например, в работах Н. П. Ерошкина [64; 65]. Полицейские

органы, армия, по его мнению, это основные орудия угнетения, созданные в интересах господствующего класса и для обеспечения его безопасности. Хотя он и определил полицию как «*особый инструмент удержания власти*», основными задачами ее назвал сохранение «*внешнего благочиния*» города, соблюдение тишины, чистоты и т. д., в чем проявилась определенная солидарность с дореволюционными историками.

Советская историческая школа отдельное и пристальное внимание обращала на деятельность систем политической безопасности, безопасности государства: политической полиции, охранных отделений и агентурно-провокаторской сети. Эти вопросы поднимались в работах П. А. Зайончковского, З. И. Перегудовой, И. В. Оржеховского, М. И. Хейфеца, Ф. М. Лурье и многих других [68; 94; 106; 109; 130; 139; 317].

Отметим особое внимание советских историков к проблемам деятельности МВД — основной структуры самодержавного государства. Превалирующее положение МВД во внутриполитическом курсе эпохи Александра II подчеркивала В. Г. Чернуха [132]. Она указала на исключительную роль шефа жандармов и влияние министра внутренних дел на политику Александра II, который был вынужден идти на уступки под напором общества. И эта роль все возрастала, неудивительно в этом контексте дальнейшее сращивание позиций министра и шефа жандармов в 1880 г. Основные задачи полицейских ведомств, по ее мнению, сводились к сохранению политического строя без коренных для него изменений.

Собственно система обеспечения безопасности в этот период понималась исключительно как часть защиты государства от народа и угнетения последнего. В ряде своих трудов Д. И. Шинджикашвили [321] дает характеристику полицейским учреждениям лишь вкупе с органами политического сыска, выделяя основные этапы его реформирования. В монографии А. В. Хохлова [348, с. 10] сообщается о зверских методах борьбы царского правительства с революционным движением, в частности о привлечении военных, расстрелах, телесных наказаниях, погромах, истязаниях и т. д. Полицию он считал подлинным органом подавления, который осуществлял массовые аресты, слежку за неблагонадежными, применял пытки, и определял российское самодержавие как «*самодержавие полиции*».

Некоторые аспекты уголовной статистики не нашли своих исследователей. В работе С. С. Остроумова [107] демонстрируется динамика роста преступности и методы статистических подсчетов. Значительный объем статистических данных приведен в работе И. В. Оржеховского [106]. Не ограничиваясь ими, исследователь рассмотрел структуру, основные методы и приемы борьбы самодержавной власти с революционным движением.

Важным вкладом в советскую историографию изучения полиции как ядра системы безопасности общества стала работа коллектива авторов — Р. С. Мулукаева, М. И. Сизикова, А. Я. Малыгина и др. [15; 103; 260; 309]. При их участии вышло множество сборников, монографий и пособий, в том числе и на современном этапе. В трудах данного коллектива в основном поднимаются общие вопросы истории и развития органов безопасности, начиная с древнейших

времен. Отдельно хочется отметить очень продуктивного исследователя правовой системы Российской империи, а также декабристского этапа нерчинской ссылки и каторги С. В. Кодана [82]. В его трудах достаточно детально рассмотрен процесс ссылки декабристов и, особо, административно-правовые изменения в этой связи.

Научная дискуссия, посвященная непосредственно рассматриваемому региону, начала складываться в большинстве своем в советский период. Однако она затрагивает лишь общие вопросы управления городами, не выделяя отдельно органы безопасности из общей системы власти. Хотя авторы раннего советского периода, в частности В. П. Гирченко, вполне объективно повествовали о характере взаимоотношений властных структур и общества, достаточное внимание уделив деятельности самих органов управления. Его работа [51] и сегодня является фактически единственной, в которой раскрывается роль и деятельность региональных институтов управления в XVIII в. В публикации упоминаются факты исполнения воеводой полицейских функций на подведомственной территории, различные злоупотребления, в том числе полицейских чиновников. В работе Н. В. Кима [81] очень кратко сообщалось об управлении полицейскими делами в городах Забайкалья городничими. Характеризуя этот институт, автор по традиции, без какого-либо обоснования отметил лишь его «*чудовищные злоупотребления*».

Изучением отдельных аспектов забайкальских окраин, городов, их особенностей и административного устройства занимались Л. К. Минерт, Н. Н. Щербаков, Ф. М. Шулунов, Г. М. Сёмина и др. [97; 98; 120; 123; 142; 162; 286]. При общей историографической ценности этих сочинений непосредственно предмету нашего исследования уделено минимальное внимание.

Академические издания «*История Бурят-Монгольской АССР*», «*История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 т.)*» [303; 304; 305; 306] и др. являются обобщающими трудами и подводят итог изучению региона. В них в полной мере отражен интерес советских историков к вопросам экономики, протестного движения, положения крестьян и городских низов. В числе прочих обязанность посадского населения избирать старост, сотских и десятников для исполнения полицейских функций признавалась повинностью в пользу государства. Авторы почти полностью игнорировали развитие силовых институтов XVII — начала XX в., отмечая их лишь в контексте подавления революционного движения.

Советская историческая школа наиболее пристальное внимание уделяла политической полиции и роли МВД в системе административно-политической власти в России. Система безопасности и составляющие ее органы определялись как инструменты угнетения, действовавшие в интересах господствующего класса и сохранения его положения. Изучению исполнительной полиции в целом уделялось незначительное внимание, а развитие административно-полицейских учреждений на окраинах почти полностью осталось вне поля зрения ученых. Советская историография также не концентрировала свое внимание на полицейских структурах имперской России, если речь не шла о политической или репрессивной ее роли.

Современный период (1990-е гг. — настоящее время) характеризуется расширением источниковой базы, методологических подходов и тематических сюжетов в исследованиях системы обеспечения правопорядка и безопасности. Историки на современном этапе активно обратились к общей (исполнительной) полиции и другим органам безопасности. Неплохо изучены региональные полицейские органы, традиционно относящиеся ко второй половине XIX — началу XX в. Исследования вышли на принципиально иной уровень освоения аспектов темы. Работ в разных плоскостях действительно много, и появилась необходимость обобщения и выявления некоторых векторов развития этой области знаний. Проблематика состава и деятельности местной полиции в том или ином аспекте нашла своего исследователя почти в каждом регионе России. Отметить всех авторов или даже их большинство не представляется возможным, и подобная работа заслуживает отдельного исследования. Поэтому отметим лишь некоторую выборку.

Ранее уже указанный коллектив авторов: Р. С. Мулукаев, М. И. Сизиков, А. Я. Малыгин и др. [14; 102; 105; 110; 259] — сформировал целую школу по изучению органов безопасности. В большинстве они занимались подготовкой учебных пособий по истории и сборников документов, которые фактически стали методологической основой многих первых, более глубоких исследований общественной безопасности. В числе работ общего характера — труд В. И. Власова и Н. Ф. Гончарова [47]. Использованные ими архивные и законодательные материалы позволили отследить эволюцию органов, осуществлявших сохранение правопорядка, розыск преступников и способы раскрытия преступлений. В охваченный авторами период с IX по XX в. показана эволюция уголовного права и его применение. Одной из причин неудовлетворительной службы полиции авторы сочли скудное содержание полицейских чинов — достаточно популярное в литературе мнение. История полиции рассматривается в трудах П. А. Кошель, В. В. Рыбникова и Г. В. Алексушина [87; 313]. Последними появление правоохранительной деятельности отнесено ко времени еще княжеских дружин, что не вполне обоснованное допущение. При этом исследователи расположили все весомые мероприятия и указы, касающиеся полиции, в хронологической последовательности и поэтапно продемонстрировали развитие института.

Современный этап ознаменовался полноценным возвратом юридической науки к рассмотрению проблем и институтов безопасности. Начиная с 2000-х гг. защищен целый ряд диссертационных исследований. Заслуживает внимания работа В. И. Ченковой [349], посвященная вопросам, связанным с развитием системы полицейских учреждений в административной структуре. Автор видит слабость административной системы не только в кадровой проблеме, но и в самой форме государственного управления, основанной на желании власти создать лишь инструмент для исполнения распоряжений, а не полновластные органы местного управления.

О. Е. Фомин в своей диссертации [347] совершенно справедливо рассматривает полицию и внутреннюю военную стражу Российской империи как элементы системы удержания власти в недемократическом обществе. Автор

считает, что для полиции Российской империи, которая занималась борьбой с преступностью и обеспечением безопасности гражданства, охранение прав и свобод граждан не являлось первоочередной задачей. В то же время И. А. Тарасова [271] определила первостепенную задачу полиции как поддержание порядка в интересах самодержавия при осуществлении ею важной функции по сохранению социальной стабильности в обществе.

В диссертации Д. Н. Гергилева [327], посвященной изучению административного управления Сибирью в XVIII–XIX вв., процесс появления узкоспециализированных служб (в том числе полицейских) в результате реформ 70–90-х гг. XVIII в. определяется как завершение бюрократизации местного управления. Он отмечает, что этот период характеризуется усилением постоянных органов надзора за местной администрацией через расширение роли губернаторов и появление двух государственных органов полиции — канцелярии городничего (коменданта) и управ благочиния. Реформа обнажила серьезные проблемы, актуальные для всей административной системы Сибири, касающиеся, во-первых, кадровой политики, а во-вторых, превышения должностных полномочий и самовластия как отдельных чинов, так и целых структур. Институту полиции также посвящены диссертации А. С. Масалимова, М. Г. Пинигина, Р. И. Байгутлина, В. В. Медведева, Я. А. Гуркина, А. Ю. Тумина и др. [324; 329; 337; 338; 342; 346].

Особенностью темы на современном этапе является более пристальный интерес к правоохранительной практике в регионах. В работе А. В. Седунова [117] рассмотрено развитие городской полиции города Пскова, ее структуры и полномочий. Полиция, по его мнению, была основной, после армии, опорной для правительства структурой, которая находилась в полном подчинении губернскому правлению. Седунов, соглашаясь с мнением предшествующих историков, подтвердил вывод о недостаточности штата российской полиции, что являлось серьезной проблемой развития системы местного самоуправления. Работы С. А. Гомоновой, Е. И. Степановой, П. А. Сунгурова, В. М. Антропова, К. В. Лен [146; 147; 217; 328; 344; 345] и др. посвящены преимущественно европейской части России и Западной Сибири.

Выделяются труды Томской школы историков, в частности Д. М. Шиловского [138; 353], изучившего материалы криминальной обстановки в Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Продолжением исследований в данном направлении можно считать научные работы Ю. Н. Москвитина и И. В. Черновой [100; 233; 350], посвященные различным аспектам изучения полицейского аппарата Томской губернии. Исследования И. В. Черновой наиболее презентативны в отношении полиции губернского города. В них рассматривается не только организационно-штатная структура полиции и ее эволюция, но и содержание деятельности [90; 91; 281]. Отказавшись от подробного анализа уголовной статистики, автор сконцентрировалась на основных направлениях полицейской службы и формах ее организации в губернском городе, причем вопреки сложившейся историографической традиции она начинает повествование о предмете своего исследования не с середины XIX в., а с конца XVIII в. В работах А. Б. Храмцова, Е. А. Детининой и др. [131; 170; 277; 279] детально

рассматриваются отдельные проблемы развития общей и городской полиции Сибири, ее законодательная регламентация, особенности функционала.

Отдельно отметим И. А. Коновалова [84; 200; 203], которым разработана проблематика местного управления Сибири XVIII — начала XX в. и роли и значения в нем полиции. В одной из последних работ [83] он высказал идею о трансформации военно-административных полномочий воевод в административно-полицейские функции последующих губернаторов. При этом губернаторы исполняли свои задачи во внутренней политике преимущественно через аппарат полиции. Им же достаточно последовательно отстаивается идея о ведущем значении полиции в системе местного управления Сибири, которая отчасти реализовывала функции местной администрации.

В определенной мере исследование истории безопасности на окраинах уже становилось объектом внимания. Необходимо отметить крупнейший продолжающийся сборник, посвященный вопросам ссылки, каторги, полиции, внутренней и внешней безопасности, системы суда — «*Сибирская ссылка*» [183; 192; 193; 227; 274; 281], который издается коллективом под руководством профессора А. А. Иванова.

Тематика ссылки и каторги активно разрабатывается в Сибири, например в работах З. В. Мошкиной [101; 235], в которых представлено управление, правовое положение, условия содержания политзаключенных Нерчинской каторги во второй половине XIX в. Высшее управление регионом и взаимодействие разных ступеней власти, в том числе в аспекте пенитенциарной системы, рассмотрены в работах А. В. Ремнева, А. А. Иванова, Л. М. Дамешека, И. Л. Дамешек, Д. А. Ананьева, О. А. Малыгиной и др. [52; 57; 58; 59; 70; 77; 115; 122; 185]. Отдельные вопросы ссылки и каторги поднимались широким кругом авторов, в том числе Л. В. Кальминой, Е. В. Семёновым, Е. А. Петуховым, А. В. Волочаевой, Г. А. Шайдуровой, С. В. Евдокимовой и др. [63; 76; 326; 341; 343; 352]. Участие служилого населения в правоохранительных мероприятиях исследовали Г. А. Леонтьева, Е. А. Высотина [48; 92].

Уголовному сыску отдельных областей Восточной Сибири посвящены работы А. А. Сысоева [116; 191; 269], характеризующие основные этапы истории и развития уголовного сыска. Он пришел к выводу, что уголовный сыск в регионе, несмотря на достаточный уровень организации и материально-техническое обеспечение, мало соответствовал местной специфике. Продолжением работы в данном направлении, но ограниченным Забайкальем и хронологическими рамками конца XIX — начала XX в., стала диссертация С. И. Калашниковой [333], в которой значительное внимание уделено сыскному отделению при Читинском городском полицейском управлении. Структура и деятельность городской и земской полиции осталась вне поля ее интересов. Тема с большим привлечением уголовной статистики развивалась в диссертациях А. С. Петрова и А. В. Данчевской [331; 340]. Формирование полиции Восточной Сибири, Иркутской губернии и самого Иркутска рассмотрено в работах С. Ю. Грозина [163; 164; 165]. Правоохранительная служба периодов Временного правительства и Советской власти рассмотрена в работе С. Ф. Феоктистова [129]. Аспекты уголовного судопроизводства раскрывались С. Л. Курас,

С. Л. Шахеровой и др. [167; 212; 213]. Вопросам правонарушений, совершаемых иностранцами в XIX — начале XX в., посвящены труды В. В. Синиченко [124; 257; 261; 262], который основное внимание уделил азиатским мигрантам и совершаемым ими преступлениям в Восточной Сибири. Кроме этого, он достаточно подробно рассматривает приграничные взаимодействия, в частности деятельность таможни и шпионаж.

Историография современного периода изучения вопросов внутренней безопасности достаточно разнообразна и многочисленна, отличается появлением трудов разной тематической направленности с привлечением разнообразных источников, что говорит об углублении источниковой базы и расширении области интересов. В работах современных авторов, в сравнении с предыдущим периодом, фокус внимания приближается к микроуровню изучения темы, что дает возможность увидеть непосредственное влияние политики государства на общественную жизнь. В ряде работ отмечаются положительные тенденции в деятельности систем безопасности империи, чего фактически не было на протяжении двух предыдущих периодов. Изучение местных, краевых архивов позволило выйти на новый уровень качества и поставить новые ракурсы для дальнейшей работы.

Общий анализ историографии дает представление о том, что предшествующими поколениями ученых подняты многие вопросы поддержания системы безопасности, в том числе в рамках административно-управленческой системы. На сегодняшний день историками подготовлен солидный фундамент, позволяющий подробнее рассматривать историю развития системы безопасности отдельно взятого региона как части общеимперской системы.

Обзор источников

При разработке темы, связанной с учреждением и функционированием органов системы государственной власти и безопасности, важно использование комплекса разнообразных источников, позволяющих предостеречь от неверной интерпретации исторических фактов. В основу исследования положен комплексный анализ архивных и опубликованных материалов, содержащих сведения об административных, управленческих и полицейских органах, существовавших на территории азиатских окраин Забайкальского региона.

При проведении данного исследования мы опирались на комплекс опубликованных и неопубликованных источников: **законодательных актов, делопроизводственных документов, справочно-статистических материалов, периодической печати, источников личного происхождения**. Основой для классификации использованного материала стала информативность и репрезентативность задействованных источников.

К собранию опубликованных источников первоочередным образом относится корпус *нормативно-правовых актов*, вошедших в «*Полное собрание законов Российской империи*» в трех собраниях (1649–1916 гг.). Основная масса источников необходима для выявления структуры, статуса и функционала органов

системы безопасности в исторической динамике. Первоочередное значение безусловно имели общие, "узловые" акты («*Устав благочиния*» 1782 г., «*Об утверждении временных правил по устройству полиции...*» 1862 г.), а также локальные неопубликованные нормативные акты («*Полицейская инструкция Тобольскому полицмейстеру*» 1733 г.) и др. Детализирующие сведения извлечены из документов высших ведомственных органов мнения Государственного совета, указы Сената, циркуляры МВД, постановления ГУВС и т. д., а также нижестоящих: указы, постановления губернской администрации, органов городского самоуправления, инструкции, наказы, приказы, акты.

Использованы материалы сборника законодательных памятников XVIII в., собранные В. М. Грибовским, и ряд изданий сборников «*История органов внутренних дел*». Законодательная группа источников является фундаментом для изучения системы безопасности как части государственной машины Российской империи. Данная группа документов позволяет выявить нормативное состояние органов безопасности, их функционал, штатную структуру и объем полномочий.

Законодательный акт для изучаемого периода — это, в первую очередь, регламентирующий тип документа, который на практике мог реализовываться совершенно иначе, чем задуман изначально. В этой связи нами использовались группы *опубликованных делопроизводственных документов,* изданных в тематических сборниках, таких как «*Сборник документов по истории Бурятии XVII века*» под редакцией Г. Н. Румянцева [35]. В сборник вошли документы по раннему, наименее изученному периоду истории окраин. Ценнейшие документы, внимательно отобранные и проработанные, позволяют и сегодня с ними работать, хотя в оригинале многие из них уже недоступны. Важное значение имели сборники: «*История старообрядцев (семейских) в документах государственных архивов Байкальского региона*», «*Польские политические ссыльные в Бурятии (1847–1919 гг.)*», «*Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия*», «*Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы (в 3 т.)*» и т. д. Необходимо отметить издания делопроизводственных и прочих источников специалистами по филологии XVIII в.: «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века» (сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова), «*Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII в.*» (сост. Т. Н. Меженина). Значение этих сборников в целом для истории приграничья и системы обеспечения безопасности сложно переоценить. Состав этих документов разнороден и отражает разные тематические и хронологические блоки, но достаточно ярко иллюстрирует претворение многих нормативных актов в жизнь. Здесь представлены приказы, распоряжения, деловая переписка учреждений, протоколы, штатные документы и т. д.

Опубликованных делопроизводственных материалов все еще крайне мало, и основной базой исследования послужили *неопубликованные делопроизводственные документы.* Изучены и проанализированы фонды государственных архивов: Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ, г. Улан-Удэ), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК, г. Чита), Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Государственного архива Иркутской области (ГАИО, г. Иркутск), Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург).

Основной массив документации почерпнут нами из фондов ГАРБ. Из них наибольший объем использован из сохранившихся архивных дел, посвященных определенным мероприятиям: «*По постановлению Удинской провинциальной канцелярии о содержании Удинской полиции...*» (Ф. 88. Управление Верхнеудинского коменданта. Оп. 1. Д. 144); «*Об открытии градской полиции 10 октября 1798 года*» (Там же. Д. 716); «*Об открытии городового магистрата...*» (Ф. 20. Верхнеудинский городовой магистрат. Оп. 1. Д. 238); «*О вступлении на должность городничего...*» (Ф. 90. Верхнеудинская городская полиция. Оп. 1. Д. 138) и др. Эти и подобные им дела информативны в силу концентрации разного рода документов, созданных разными учреждениями. И хотя основной массив документов приходится на крупнейшие города Забайкалья, преимущественно Верхнеудинск, объем и детальность документов позволяют говорить об организации системы безопасности всего Забайкалья.

Важную часть делопроизводства составили документы, созданные рядовым звеном полицейских: *журналы* входящих и исходящих документов, регистрации билетов и паспортов, ежедневные *рапорты* квартальных о происшествиях в городе. В материалах фондов обнаружены документы, касающиеся внутренней организации полиции, такие как *формулярные списки* служителей, *штатные расписания*, *требовательные ведомости* на выдачу жалования, *ведомости* состава нижних полицейских служителей, *описи* казенного имущества полиции. Все эти материалы позволили восстановить историю организации органов безопасности, рассмотреть внутреннее устройство службы, взаимодействие с обывателями и некоторые черты повседневности. Важнейшую роль играли *приказы* комендантов, городничих и окружных начальников по организации городской жизни и некоторые сохранившиеся дела о их вступлении в должность. Большое значение имела *переписка* учреждений разных уровней: *промемории* провинциальной и комендантской канцелярий, *сообщения* городской полиции и магистрата, *донесения и рапорты* городской полиции, *прошения и объявления* жителей. Не менее значимыми являются *рапорты* губернаторам и *записки* городничих, окружных начальников о фактическом состоянии полицейских органов области и т. д.

Отдельно нужно сказать об использованных в работе формулярных списках полицейских служителей разного уровня, состоящих на хранении в ГАРБ (г. Улан-Удэ)[1] и ГАЗК (г. Чита)[2]. Формулярный список представляет собой многостраничную таблицу, состоящую из 15 пунктов: 1) чин, ФИО, возраст, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание; 2) происхождение, социальный слой; 3–6) наличие недвижимой собственности: приобретенной, родительской или принадлежащей супруге; 7–9) основные сведения об образовании, указание о времени, месте и звании вступления на службу, карьерный

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345; Оп. 6. Д. 326; Оп. 7. Д. 85; Оп. 9. Д. 1, 27, 31, 32а, 157, 160, 321.

[2] ГАЗК. Ф. 1общ. Оп. 1. Д. 239, 5957.

рост; 10) место и время участия войнах и сражениях; 11) нахождение под судом, следствием и их последствия, наложение штрафов; 12) способен ли и достоин к повышению чина — в этой графе аттестацию (способен, не способен или малоспособен) проводил непосредственный начальник чиновника; 13) нахождение в отпусках и просрочках; 14) в отставке, какое время и по какой причине; 15) семейное положение, сведения о супруге и детях. Число пунктов и необходимые подробности несколько видоизменялись с течением времени, непосредственно приведенные пункты соответствуют формулярам середины XIX в. Формулярный список содержит основные сведения о чиновнике с перечислением характеристик деловых, личностных и моральных качеств, позволявших делать вывод о целесообразности его повышения по службе [158].

Не менее важным является массив документов ГАЗК и ГАИО. Отложившиеся в них документы помогли определить организационные особенности полиции, позволили провести компаративный анализ штатной структуры. Изучены материалы высшего звена управления: *циркуляры* МВД и Департамента полиции, *указы и приказы* военного губернатора, *постановления* областного управления. Весь этот объем способствовал освещению проблем материально-технического обеспечения, штатных и организационных изменений, эффективность систем безопасности. Особо стоит выделить *годовые отчеты* исправников и с*татистические сводки* по совершенным преступлениям, которые позволили выявить и проследить динамику развития учреждения. *Протоколы заседаний* управ, *рапорты о происшествиях* по области и городам были использованы для определения особенностей и условий службы полицейских, объема работы и уголовной нагрузки полиции.

Нами отмечено крайне неудовлетворительное состояние документов архива ГАИО, в частности фонда 24 «*Главное управление Восточной Сибири*». Многие дела, хранящиеся в фонде с тематическими заголовками, относящимися напрямую к службам безопасности, могли бы существенно дополнить и разнообразить источниковую базу, однако уже сегодня они недоступны по причине их крайне плохой сохранности (россыпь, грибок, труха). Поскольку вопрос дезинфекции зараженных дел и их реставрации в данном архиве, да и в целом не только в нем, решается не в достаточной степени, и, возможно, многие из использованных нами документов уже в ближайшем будущем будут целиком утрачены.

Коллекции документов центральных и региональных архивов позволяют восстановить историю системы безопасности Забайкалья как составной части азиатских окраин. Учитывая специфику деятельности полиции, касающуюся фактически любого даже малозначительного дела или мероприятия, произошедшего в уезде, городе или области в целом, документы полиции можно обнаружить в любом фонде учреждений того периода, при этом материалы достаточно разрозненны и крайне разнообразны.

В материалах фондов ГАРФ, таких как ф. 102 «*Департамент полиции МВД*», ф. 124 «*Уголовные отделения первого департамента Министерства юстиции*», сосредоточена уникальная информация, позволяющая проследить этапы реформирования полиции окраин в конце XIX — начале XX в., формы

проявления социальной помощи империи нижним чинам полиции и вдовам погибших, политику усиления полицейских городов финансово-правовыми средствами. Особый интерес представляют дела о злоупотреблениях, свидетельствующие о конкретных недостатках полицейской системы империи. Отдельные материалы, полученные из фондов РГАДА и РГИА, стали важным дополнением собранных сведений, благодаря которым расширились в том числе и хронологические рамки исследования.

Существенное значение имела *периодическая печать* XIX — начала XX в., которая представлена, главным образом, официальными изданиями —газетами «*Забайкальские областные ведомости*» (1884–1905 гг.), «*Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности*» (1917 г.). В официальных изданиях публиковались указы, циркулярные письма, постановления и другие официальные правительственные документы. В неофициальной периодике: газетах «*Байкал*» (Троицкосавск, 1897–1906 гг.), «*Верхнеудинский листок*» (Верхнеудинск, 1905–1906 гг.), «*Забайкальская новь*» (Чита, 1907–1917 гг.) — освещалась разнородная информация о происшествиях по городам Забайкалья, участии в этом полиции. Ценность данной группы материалов заключается также в том, что периодика отражает уровень общественного доверия к полицейским органам и содержит многочисленные оценки качества ее деятельности. Периодическая печать того времени является важнейшим источником по информативной насыщенности, но нельзя не отметить определенную ее субъективность, нуждающуюся в проверке другими источниками.

В работе использованы также опубликованные *справочно-статистические материалы*: «*Памятные книжки Забайкальской области*» (1871–1912 гг.) и «*Обзоры Забайкальской области*». Задействованы различные статические документы локального и общесибирского масштаба, в частности официальные издания Забайкальского областного статистического комитета. В этой группе документов представлены сведения о штатном расписании силовых учреждений, их ранговом разделении и т. д. Эти источники достаточно официозны и не содержат критического взгляда на существовавшую реальность, но позволили сформировать общее видение места полиции в системе местной власти, выявить фактическую численность, получить сведения о качественном составе руководящего звена и т. д.

Особое значение для понимания неофициального положения полиции и ее взаимодействия с обществом имеют документы *личного происхождения*. К данной группе источников отнесены опубликованные *воспоминания* жителей города, чиновников, *путевые записки* и *очерки* путешественников и др. Среди них особо выделяются Т. П. Калашников, Н. В. Паршин, М. В. Танский, Е. А. Танская, В. В. Птицын, Дж. Кенан, С. В. Максимов [289; 290; 292; 293; 294; 295; 296]. Эти источники содержат ценные сведения о повседневной жизни и деятельности административного аппарата, отношении к нему общества, характеристики градоначальников, их социокультурный портрет и др. Оценочные суждения современников позволили оценить уровень доверия общества полиции, определить влияние деятельности силовых учреждений на общественные настроение.

В целом источниковая база исследования обладает достаточной репрезентативностью. Анализ всего комплекса разнообразных и многочисленных материалов, использованных в работе, позволяет сделать вывод о том, что информация, содержащаяся в них, является прочной основой для системной разработки поставленных проблем. Весь корпус неопубликованных и опубликованных источников, а также привлеченная литература послужили базой для решения сформулированных исследовательских задач.

Азиатские окраины Русского государства: (гео)политические интересы

В силу особого для русской цивилизации значения пространства, на котором складывалось и проживало население разной культурно-исторической идентичности и конфессий, геополитические проблемы достаточно рано стали играть весомую роль. Поражение в Крымской войне быстро породило в элитах желание компенсировать разгром экспансией в Азию. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, впоследствии получивший прибавку *Амурский*, продвигал дальневосточное направление, через которое элита хотела отыграться «*за все то, что она терпит от Запада*». Одновременно империя двигалась на юг — в Центральную Азию и далее на юго-восток, в Маньчжурию и Корею. Россия приобретала все новые земли и покоряла народы, оправдывая главное устремление империи — рост и расширение.

Движение на восток, за пределы Сибири, в XIX в. сопровождалось идеологическим обоснованием, выразившимся в мессианской идее покорения и освоения Азии. Ее причины объяснялись географией России, расположенной между Европой и Азией. Сам процесс инкорпорации Сибири и Дальнего Востока в состав Русского государства, в том числе и отечественными учеными, всегда оценивался неоднозначно. Сложность объективной интерпретации, с одной стороны, лежит в длительности рассматриваемых событий. Их начало положено походом Ермака против Сибирского ханства (1581 г.), а завершается освоением Камчатки и Чукотки к середине XVIII в. С другой стороны, не так однозначны цели политики в Сибири. В течение всего периода существенно менялись интересы, преследуемые в Азии, не говоря уже о методах их достижения и восприятии происходящего местными аборигенными общностями. И с третьей стороны, что считать окончательным присоединением к государству новых территорий: формальное согласие представителей местных народов быть в подчинении и платить налоги, установление контроля над всеми местными обществами, заключение официальных актов о признании границ с соседями? Так или иначе, Россия, благодаря этим событиям, простиралась на огромные расстояния (рис. 1), на фоне которых Забайкалье кажется малозначительной территорией, хотя его площадь сравнима с размерами крупных европейских держав.

Исторический процесс присоединения территорий Сибири и Дальнего Востока, в результате которого Россия приобрела статус империи, в литературе

обозначается как «*покорение Сибири*». Отчасти это укоренившееся благодаря дореволюционной литературе мнение о характере самого процесса, просматривавшегося как безусловное завоевание храбрыми государевыми людьми. Близкий к нему, но с подходом к колонизации в русле западной методологии взгляд базируется на присоединении Сибири как вполне классическом способе колонизации [268, с. 172–174] по типу Северной и Южной Америки, но со своей спецификой. Ключевым доказательством в пользу именно этого направления служит на первый взгляд неяркая деталь — отношение метрополии и ее общества к колонизируемым территориям. Колония всегда воспринимается как актив, как некая дополнительная ресурсная площадка, но не как полноценная территория империи. И вне зависимости от отношения к самому подходу подобное отношение не только имело место, но, похоже, не изжито до сих пор.

Существует еще одно направление, которое зародилось в середине прошлого столетия и актуализировалось начиная с 2010-х гг. Суть его целиком обслуживает политический заказ своего времени и сводится к идее о добровольном вхождении. Некоторые общности действительно вступали в покорность империи вполне мирно, для них это были привычные кыштымные отношения[1]. Но подход «вхождения» как научный, не выдерживает критики. Наравне с мирными договоренностями имели место кровопролитные и затяжные стычки, конфликты и противостояния, не говоря уже об отсутствии в указанный период субъектности у территорий/общностей, подвергшихся колонизации. Народы Сибири в большинстве своем на момент присоединения находились на догосударственной стадии развития.

Территориальные притязания Российской империи привели к появлению в ее составе земель, объединенных общим термином «*окраины*», которые отличались друг от друга и от центральных губерний способом вхождения в состав Российского государства и, следовательно, типом управления. Иркутской школой историков [57; 58] выделяются три основные модели окраинного управления Российской империи: *политическая автономия*, присущая западным областям: Великому княжеству Финляндскому и Царству Польскому; *административная автономия*, ставшая способом управления Кавказским регионом; управление с *общеимперской государственной администрацией*, мы бы добавили, по колониальному типу. Отличительная особенность последней модели, присущей Восточной Сибири и Дальнему Востоку, заключается в наличии имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) — губернатор (гражданский или военный) — уездный начальник. При этом суждение, что присоединение Сибири исключительно колониальное, по примеру Америки, неверно. Местным обществам сохранялись определенные элементы автономии и прав. Если говорить о коренном

[1] Е. П. Мартынова выделяла в пределах Сибирского ханства два типа подчинения: кыштымное и тарханное. Кыштымные отношения предполагали подчинения одних другим на основе силы, реализовывались в виде уплаты подати и предоставлении военного ополчения. Нередко кыштымы, находясь в целом в свободном положении, приравнивались в своем статусе к рабам. При этом они жили в своей культурно-этнической среде, сохраняя свою материальную, духовную культуру и язык. Тарханы не обязаны были платить дань, но на случай похода должны были принимать в нем участие [96, с. 25].

населении Забайкалья, это элементы внутреннего самоуправления, право внутреннего суда согласно местным обычаям, сохранение культурно-этнического своеобразия, а все это немыслимо для чисто колониальной системы поглощения территории. В конце концов русская колониальная политика не ставила себе полномасштабные задачи вытеснения народов и тем более их физическое уничтожение, что имело место в истории других колониальных территорий.

Процесс завоевания, а затем инкорпорации Сибири в состав Российского государства включал в себя постепенное продвижение казаков и служилых людей в Азию, вплоть до их выхода к Тихому океану и закреплению на Дальнем Востоке. Отметим, что едва ли можно назвать первые военные успехи за Уралом результатом государственной политики. Напротив, первые импульсы в большей степени являлись интересами частного капитала, династии Строгановых и их попытками уберечь свои капиталы от набегов сибирского хана Кучума. Последующие походы характеризуются изменением тактики войны от быстрых военных походов к последовательному закреплению земель путем строительства острогов-крепостей. Власть видела богатства рядом лежащей территории. Сформировались совершенно иные цели, появились фискальные интересы царской администрации. Ранее уже состоявшие в кыштымных отношениях местные малые народы не оказывали значительного сопротивления и соглашались на систематическую уплату ясака. Родовая аристократия быстро осознала свою пользу от пришлых русских, которые гарантировали защиту от набегов, поддержание формального порядка на территории и, самое главное, невмешательство в их внутренние дела, с сохранением норм традиционного права и веры. Этот процесс не был повсеместно мирным, имели место столкновения, жестокость с обеих сторон. Чем далее на восток заходили «*государевы люди*», тем большие свободы оставались местным народам, не преминувшим пользоваться таковыми.

Сибирь, вместе с тем, оказалась полезна и в качестве некоторого отвлечения избытка воинственных и авантюрно настроенных людей — казаков. Это отчаянно смелые люди, которые профессионально умели воевать и были готовы к суровым лишениям. Сибирь оправдала эти лишения, ведь была не только богата ценнейшими мехами, но, как впоследствии выяснилось, и полезными ископаемыми, и плодородными землями, с которыми уже наблюдались сложности в европейской части России. Рост численности населения потребовал постоянного движения вовне, в данном случае на восток, с целью изыскания землицы. При этом движение вглубь Сибири не сопровождалось привлечением крупных регулярных соединений, в большинстве проводилось небольшими отрядами. Это, собственно, и стало причиной, почему большинство местных народов сохранило элементы автономии. Реальных располагающих сил для «перемалывания» народов не было достаточно, поэтому оно и не происходило.

От непосредственно утилитарных, экономических интересов в середине XVII — начале XVIII в. российская власть плавно перешла к решению все более усложнявшихся внешнеполитических проблем. С присоединением ряда территорий у границ России появляется огромный сосед — Китайская империя, не стремящаяся к диалогу и имеющая свои виды на только завоеванные

русскими земли. Серьезным испытанием для приграничных территорий стала кровавая Албазинская кампания второй половины XVII в., закончившаяся заключением Нерчинского договора 1689 г. Результаты подписанного договора нельзя считать выгодными для русских, но нужно учитывать, что его заключение происходило в условиях масштабного «поигрывания мускулами» с китайской стороны. Результат был сочтен достаточным. В какой-то мере благодаря заключению слабого договора власть обратила внимание на приграничье и начала осознавать территории как свои, а не просто подконтрольные. Азиатские окраины как составная часть Российской империи к концу первой трети XVIII в. начинают переосмысляться. Граница становится не просто указателем отделения одной территории от другой, а оплотом безопасности, неприступности и целостности империи.

Осознание единства империи, вероятно, не пришло к обществу и власти даже в начале XX в. В некоторой мере это отражает отношение к Сибири как к некой дополнительной территории, «прихожей», но не самой России. Высылка каторжных обычно сопровождалось припиской — «*...из России...*». Государственная машина в своих многочисленных статистических сборниках, даже в материалах переписи 1897 г. достаточно явно разделяла, с одной стороны, Россию, с другой — Сибирь и Дальний Восток. Даже внутри Сибири можно увидеть разделение в представлении общества того времени, которое западную и восточную части воспринимало по-разному. Если первая ближе и еще как-то принималась как своя, то вторая была совсем чужая, а Дальний Восток и вовсе нечто совершенно чуждое. Даже население, несмотря на то, что в узловых центрах было почти чисто русское, не воспринималось полноценно как «свое». Эти тенденции чувствовала и русская интеллигенция, например Ф. М. Достоевский, который утверждал, что «*...у Сибири нет будущности, так как все ее реки впадают в Ледовитый океан*». Такое биполярное отношение, особенно в обывательской сфере не изжито и сегодня. Сибирь воспринимается как нечто отдельное, хоть и в составе России. Но стратегическое значение окраин, несмотря ни на что, осознавалось властью достаточно четко, особенно начиная с XVIII в.

Интересы империи, медленно приходящей к осознанию свой целостности и неделимости стали распространяться за пределы ее границ, чем обусловлена окончательная и бесповоротная инкорпорация территорий Сибири и Дальнего Востока в состав России. Азиатские окраины становятся форпостом дальнейшего продвижения на восток и его удержания. По словам С. В. Максимова, судьба Забайкалья тесно связана с настоящим и будущим Амурского края. Отсюда шла основная часть переселенцев, хлеб и все необходимое для их обустройства. Амур, заключает он «*...без Забайкалья существовать не мог*» [291, с. 136]. Россия кроме полученных территорий стремится дальше, одновременно вмешиваясь в политику за пределами своих границ, отстаивая интересы элиты на территории Китая, Кореи и Средней Азии.

Идея о создании отдельного, автономного аппарата на территории Забайкалья, которому мы прицельно посвятили данное повествование, возникла еще в середине XVIII в. и была продиктована в большей степени геополитическими интересами. В середине XIX в. это было связано с территорией Дальнего

Востока, где соприкасались интересы двух государств в силу естественно сложившейся границы — Российской и Китайской империй. Обе они развивались преимущественно континентально. Дополнительно в этот период к территориям Азиатско-Тихоокеанского региона проявился интерес великих морских держав — Англии и Франции. И та и другая, пользуясь преимуществами промышленного переворота, в поисках рынков импорта ресурсов и экспорта товаров стремились расширить сферы своего влияния. Демографические ресурсы России для закрепления и удержания дальневосточных областей были крайне скудны, доказательство тому — низкая плотность заселения Сибири, ее окраин. А вот мобилизационный ресурс [230] — способность и желание отстоять установленные границы — был куда выше, благодаря чему еще силами первых казаков была остановлена попытка Китая взять Албазин, точку, позволяющую захватить как минимум часть Приамурья. Одновременно китайские власти убедились, что, несмотря на слабо заселенные области Амура и превосходящую в численности китайскую армию, захватить эти земли будет проблематично. Мобилизационные ресурсы с укреплением казачьих подразделений усилены и вновь утверждены в прежних границах империи, не уступая ни пяди земли. Россия времен империи свои границы и интересы отстаивать умела, возможно, не всегда озабочиваясь ценой.

Азиатские окраины — сложное, многокомпонентное явление, так же как процесс их включения в состав империи и инкорпорация. На протяжении столетий с их присоединения интересы и цели, которым отвечали эти территории, не были статичны, они трансформировались вместе с восприятием элит. В отдельные периоды первоочередной интерес представляли сами присоединяемые области, затем закономерно интерес стал распространятся на уже освоенные соседями земли. Постепенно окраины стали форпостами сохранения стабильности, безопасности границ империи и одновременно каналами внешних взаимоотношений и распространения влияния.

Забайкалье в составе азиатских окраин Российской империи

Оказавшись на перекрестке важных, но далеко не самых оживленных транспортных путей в Монголию, Китай и на Амур, Забайкалье в составе азиатских окраин имело важное стратегическое значение. Несмотря на климатические и рельефные особенности, регион оценивался как перспективный в разных направлениях хозяйственного освоения. Первый этап освоения обычно начинают отсчитывать от организации первого зимовья атаманом Максимом Перфильевым в 1639 г. Главной целью был «*прииск и проведование новых землиц неясачных людей*» [205]. Первоначально регион выполнял роль «донора» фискальных поступлений, затем транзитного коридора для продвижения русских на Амур и одновременно оборонительного плацдарма в противовес устремлениям Цинского Китая, а позднее — как полноценно осваиваемой области в экономическом отношении.

Восточная Сибирь в целом отличается характером административных нововведений, внедрявшихся здесь со значительным опозданием и часто в усеченном виде — «*смотря по тамошним условиям*». Но даже на этом фоне Забайкалье стоит особняком. Отличия фиксируются в том числе в политике формирования государственных институтов и общих схем управления, которые имели ряд отличий. Это обусловлено социально-экономическими и политическими причинами, особенностями освоения и переселенческой политики царского правительства. Сибирские территории и приграничье не могли сразу быть приравнены к западным областям и часто требовали особого управления.

Главными узлами, проводниками государственной политики по реализации функций обеспечения безопасности как на окраинах Российской империи, так и на всей ее протяженности, конечно, были города. Города Забайкалья появились на месте первых возведенных казаками зимовий. Зимовья основывались с целью организации промысла и сбора ясака с местного кочевого населения. В них казаки обустраивались более или менее стабильно. Появлялись постройки бытового, оборонительного и культового характера, вместе образовывая острог. Забайкальские остроги — крупные (для данной территории) поселения, которые отличались, в первую очередь, наличием фортификационных сооружений. В рассматриваемом регионе они были маркирующими признаками принадлежности территории. Не стоит забывать о том, что Сибирь в целом была колонизируемой территорией с соответственной моделью управления. В ней города-остроги управлялись универсальными чиновниками (воинские начальники, приказчики, комиссары, воеводы, коменданты и др.), которым соответственно подчинялись и все окрестные земли. В их ведении кроме общих административно-распорядительных находились функции обеспечения порядка и безопасности и вся полнота полицейской власти. Изначальное сращение военных и гражданских полномочий впоследствии в полной мере проявилось в высшем губернаторском звене.

Область за Байкалом не была дружелюбной землей, вооруженные столкновения являлись обычным делом. Роль острогов как важных связующих звеньев и перевалочных пунктов была исключительна. Совершенно справедливо отмечено, что никакой иной формы закрепления территорий за русским царством воеводская администрация не представляла [148, с. 141]. Сибирский приказ, направляя инструкции местным воеводам и приказчикам, санкционировал создание укрепленных поселений, часто довольствуясь и уже основанными зимовьями-острожками, которые основывали первопроходцы. Основная цель укрепленных поселений — это, конечно же, оборона, обеспечение условий дальнейшего продвижения и сбор ясака.

Несмотря на сельский вид и крайне медленный процесс урбанизации, свои статусы города-остроги чаще получали именно как стратегические объекты. Нередко этот процесс запускался лишь с приданием острогу статуса города. Чего стоит только объявление в 1851 г. Читы столицей огромной области, хотя население небольшого поселка к тому моменту насчитывало чуть более 600 жителей. Подобное не было исключением, и это особенность развития сибирских городов в целом. Описания городов в стиле: «*...город захолустный,*

имеет вид деревни. При каждом доме есть огород, в каждом дворе имеется скот» [80] достаточно типичны и применимы к большинству городских поселений азиатских окраин.

Уже на ранних этапах естественным образом выделяются более перспективные для роста и развития остроги. Одним из самых отдаленных, выросших на окраинах, в «*Китайских и Даурских землях*», был Нерчинск. Первое оборонительное сооружение на территории будущего города воздвигнуто в 1653 г. П. И. Бекетовым. Впоследствии, в 1654 г., Нерчинский острог стал центром организованного Даурского воеводства во главе с А. Ф. Пашковым [218, с. 121]. Деревянная крепость тем самым маркировала область как земли русского царя. За ним основаны все территориально подчиненные остроги (в ряде случаев первоначально заложены зимовья, затем преобразованные в более крупные поселения, некоторые получали статус острогов) — Иргенский (1653), Телембинский (1658), Албазинский (1666), Еравнинский (1675), Итанцинский (1679), Аргунский (1681), Сретенский (1689), Читинский (1708). Невозможность управления Нерчинской областью на общих условиях осознавалась еще в XVIII в., когда широко развивалась добыча серебряной руды. Для управления Нерчинскими заводами 17 сентября 1761 г. направлен бригадир В. И. Суворов и вместе с ним для заселения Нерчинского воеводства командирован артиллерии майор Ф. И. Соймонов, произведенный в полковники. Соймонов должен был селить людей на землях «*около нерчинских заводов, а по оном заселении тех мест, селить оных по дороге от Нерчинска к Иркутску, по братской степи*», тем самым обеспечивая им транспортную доступность. Для насыщения региона людьми власть предприняла некоторые шаги, например разрешила помещикам в зачет рекрутов отправлять в Сибирь крестьян. Общая численность населения на протяжении всего имперского периода была небольшой. Несмотря на то, что Нерчинск находится слишком далеко от магистральных путей передвижения, он на долгое время стал административным центром всего Дальневосточно-Даурского направления.

Селенгинский острог был основан казачьим пятидесятником Г. Ловцовым и десятником О. Васильевым в 1665 г. по приказу нерчинского воеводы. Селенгинск, имея в первую очередь стратегическое приграничное значение, стал центром воеводства Западного Забайкалья. И для того были вполне объективные причины. Осмотрев острог в 1675 г., Н. Г. Спафарий написал: «*Тот острог лучше всех украинских* (окраинных. — *Р. А.*) *сибирских острожков, для того что хлеб родица всякой, да и в садах всякыя зелия родятся ж и китайския, потому что страна теплая, а рыбы зело много промышляют из Байкала и из реки, лесу всякого много и лугов для сенокоса много, а паче всех луче мочно завести в нем торг великой, потому Китайское государство недалеко*». Ключевыми, впоследствии подчиненными Селенгинску были остроги Баргузинский (1648), Баунтовский (1652), Удинский (1666), Тункинский (1676), Итанцинский (1679), Ильинский (1688), Кабанский (1692), Троицкосавский (1727) и др.

Западные области за Байкалом испытывали на себе давление кочевых и китайских соседей, в связи с чем в Селенгинске и окружных острогах разместили воинский пехотный батальон. Казаки в XVII в. сообщали об

исключительно оборонительной роли города. Это решение было стратегическим: город хоть и играл определенную роль в торговом и хозяйственном освоении региона, но на эти позиции были и более успешные кандидаты. Посол Ф. Головин и ссыльный гетман Д. Многогрешный много потрудились, чтобы укрепить оборонительную линию, но наибольшее усиление Селенгинск обрел усилиями графа С. В. Рагузинского. Им составлен план переноса крепости, а позднее представлен и более высокий статус, фактически военно-стратегической и административной столицы Западного Забайкалья.

Постепенное, хотя и медленное развитие забайкальских острогов привело к выделению несколько ключевых из них — Нерчинск, Селенгинск, Удинск, Баргузин, Троицкосавск. Впоследствии к ним добавились Чита, Сретенск, Акша. Политика укрепления азиатских окраин в первой половине XVIII в. продолжила курс на усиление роли и значения Нерчинска на востоке и Селенгинска на западе. Потепление отношений между Китаем и Российской империей, минимизация иностранной угрозы негативно сказалась на обеих «*даурских столицах*». Нерчинск и Селенгинск быстро приходят в упадок и становятся заштатными городами уже в начале XIX в.

К концу XVIII в., когда вопросы обороны ушли в тень, а на первое место вышли торговля и транспортировка грузов, разрастается город Троицкосавск, основанный в 1727 г. все тем же Рагузинским на месте Барсуковского зимовья как пограничное укрепление. Подкрепленный Буринским трактатом и Кяхтинским договором, он становится крупнейшим пунктом торговли с Китаем. Устройство этого необычного образования сложно: оно включало собственно город Троицкосавск и две слободы (торговую Кяхту с городским самоуправлением и Усть-Кяхту) и на несколько лет в силу ряда обстоятельств было преобразовано в Кяхтинское градоначальство[1]. Торговая слобода признавалась современниками очень красивым и ухоженным местом [243, с. 19–20], поэтому не удивительно, что за ней закрепилось неофициальное наименование «*Песчаной Венеции*». Начало перемещения китайского импорта на морской путь с постройкой Суэцкого канала привело к постепенному упадку торговли.

Иначе выглядела ситуация с городом Баргузин. Старейший острог за Байкалом, который дорос до статуса города, он даже в лучшие свои годы был небольшим поселением. Острог основан в 1648 г., но в результате пожара 1734 г. все укрепления были утеряны, после чего уже не восстанавливались. Дарованный статус города не спровоцировал его рост и развитие, и причиной тому нам видится географический фактор. В первой половине XVIII в. остроги постепенно начали терять свое значение, уступив место пограничным караулам и крепостям. Некоторые из острогов развились до более или менее значительных для того времени поселений и получили статус городов, другие же захирели и окончательно превратились в сельские поселения.

Примечательно, что в Западном Забайкалье после основания Удинского острога (1666) было быстро оценено его удобное расположение по пути

[1] Географическо-статистический словарь Российской империи: Т. 2 [Дабан-Кяхтинское градоначальство]. Санкт-Петербург, 1865. С. 898.

на восток. Уже с конца XVII в. он рассматривался как предпочтительный пункт и даже поднимался вопрос о переводе в него основной массы служилых и приказчика из Селенгинского острога [157, с. 29–30]. В 1684 г. енисейский воевода князь К. О. Щербатов получил из Сибирского приказа указание выяснить возможность такого перевода и переподчинить Селенгинский острог Удинскому. При расспросе служилые люди сообщали, что «*мимо Удинской острог в Даурские и из Даурских острогов с казнами великих государей и со всякими делы, и служилым и торговым и промышленным и всяким людем проезд бывает болшой, и в казну великих государей в том Удинском остроге пошлины сбираются; и за тем де Удинским острогом жить служилым и ясашным людем и пашенным крестьяном от приходу воинских людей впредь будет безстрашно и сберегательно, потому что де тот Удинской острог стоит в болшой крепости, меж Селенгой и Удой реками, в боровом лесном месте, и степи де подле Селенгу реку к Удинскому острогу подошли узкие, и пашенные крестьяне поселены и ясашные иноземцы живут от Удинского острогу в ближных местах*». Иначе охарактеризовали они Селенгинский острог, где, по их мнению, «*служилым людем жить для того, что тот де Селенгинской острог стоит на степи по край Мугальской земли, и тем де служилым людем быть в том Селенгинском остроге для страсти Мугальским людем, и для всяких вестей и степных караулов, и простронения вдаль государских людей*»[1]. Боязнь ослабить приграничный Селенгинск не позволила осуществить этот план, слишком велика казалась опасность, исходящая от Китая и кочевых монгольских племен. Удинский острог оставался перевалочным пунктом, куда поступал хлеб для выплаты жалованья служилым Нерчинского и Албазинского острогов. Через него же впоследствии двинулись многочисленные партии ссыльных. В остроге имелась артиллерия, во главе гарнизона стоял пятидесятник. Особое значение острог приобрел в ходе событий, предшествовавших заключению русско-китайского договора в Нерчинске в августе 1689 г., когда посол Ф. А. Головин «*силами своих стрельцов и казаков построил в Удинске вместо прежнего острога по образцу Селенгинска малую деревянную крепость*» [98, с. 15].

Среди всех городов Забайкалья Верхнеудинск (Удинск) — один из немногих, что развивался поступательно, начиная с основания острога во второй половине XVII в. Подобным образом развивался Нерчинск, основанный в середине того же века, и первое столетие он был главным форпостом России в Азии, а затем центром ссылки и каторги, но, потеряв оба качества, перестал расти. Схожая судьба у Селенгинска. Другие города, в частности Доронинская слобода, получившая статус города в 1770 г., а в 1782 г. ставшая центром уезда, уже через 15 лет теряют свой статус. Мысовск[2] поздно, в 1902 г., получивший городской статус, так и не успел развиться в большой город. Отдельного внимания заслуживают Чита, ставшая в середине XIX в. центром благодаря исключительному решению власти, и Троицкосавск-Кяхта, приграничный форпост и ведущий пункт международной торговли.

---

[1] Русско-китайские отношения в XVIII в. : материалы и документы. Москва, 1978. Т. 1. С. 456.

[2] С 1941 г. город Бабушкин (Республика Бурятия).

Из представленных городов региона в течение второй половины XVII — начала XX в. большей репрезентативностью (и сохранностью документов) в отношении изучения системы безопасности граждан представляет Верхнеудинск. Именно на примере этого города сохранились документы организации отдельной городской полиции начиная с XVIII в., деятельности коменданта во главе полиции. В Верхнеудинске в XIX в. существовал крупнейший на окраинах аппарат полиции, а также зафиксирована работа филиала жандармского корпуса. Значимость изучения деятельности полиции Верхнеудинска определена тем обстоятельством, что в зависимости от занимаемого на протяжении двух веков места в административной иерархии региона менялись формы полицейской охраны, ее организация. Именно это позволяет рассматривать Верхнеудинск как образец внедрения механизма формирования и функционирования системы обеспечения безопасности в азиатской части империи. По этой причине основной фокус внимания в работе направлен на историю городской полиции в системе управления как основы аппарата обеспечения внутренней безопасности. При этом автор сознает, что, концентрируясь на данном городе, особенно в период второй половины XVIII — начала XX в., он тем самым не исчерпывает всех аспектов темы, а только отмечает ее основные направления.

Региональная система обеспечения безопасности, на наш взгляд, является наиболее показательной для понимания ее устройства и эффективности. Историография прочно закрепила понимание системы власти Российской империи как государства полицейского, надзирающего за и контролирующего все стороны жизни общества. Но возникают совершенно справедливые вопросы: Каким образом удавалось контролировать столь значительные территории? Какими инструментами осуществлялось поддержание порядка и безопасности? Отличалась ли организация полицейских органов на окраинах? Насколько эффективным и объемлющим был надзор полицейских органов? На эти ключевые вопросы постараемся ответить в данной работе.

Связующее звено между верховной властью, бюрократией и обществом — полиция, в том числе и уездная, орган преимущественно городской, базировавшийся в ключевых сибирских городах. Это раскрывает, собственно, и основную причину создания полиции: именно в поселениях компактного проживания значительного числа людей возникает наибольшая в ней потребность. Для Забайкалья таких поселений-городов несколько, их особенностью является то, что большинство из них к моменту организации в них полиции не были городами в полном смысле, поэтому статусом и соответствующими органами они наделялись решением власти.

Рассматриваемая нами система обеспечения внутренней безопасности на азиатских окраинах Российской империи охватывает период с середины XVII в. до 1917 г. включительно. Нижняя граница обусловлена появлением первых регулярных управленческих органов на территории окраин России, а верхняя — 1917 год — определяется дезинтеграцией имперской системы безопасности и заменой ее новыми учреждениями общественного характера.

Территориально исследование охватывает граничащие с Китаем части азиатских окраин[1] Российской империи, расположенные восточнее от озера Байкал, которые обозначаются нами как Забайкалье (Забайкальский регион). В его состав включаются условно разделенные западная и восточная части, в отдельные периоды входящие в состав более крупной административной единицы — Иркутской губернии, а затем Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств в качестве Забайкальской области. Эта территория совпадает с границами современных Забайкальского края и Республики Бурятии.

Основной логикой изложения материала внутри разделов избран проблемно-хронологический принцип. Несмотря на определенные недостатки в использовании данного принципа, он позволил охарактеризовать ключевые аспекты как нормативные основы полицейской охраны и практику полицейской стражи, разграничивая их. Такой подход позволил отмежевать нормативное изложение от его реализации, не позволяя подменить регламент реальной исторической практикой.

Факторы создания и развития системы управления азиатскими окраинами империи

Важной особенностью исторического развития России, оказывавшей сущностное влияние на ее цельное восприятие и формирование внутриполитического курса, было географическое расположение страны. Почти безостановочно расширялась территория и увеличивалась протяженность границ империи. Она осваивала все новые земли, народы, разнящиеся по этнокультурным, религиозным и хозяйственным характеристикам. Управление составными частями империи, распределение ресурсов и мощностей в соответствии с избранными стратегиями развития в комплексе представляло собой региональную политику.

По мнению А. В. Ремнева, региональная политика — это совокупность правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, хозяйственное освоение регионов, ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций при элиминировании политических претензий [360]. Однако при реализации данной политики возникала значительная управленческая проблема, а именно два нередко противоречащих друг другу взгляда центра и региона (периферии), обменивавшихся взаимоисключающими предложениями планами и проектами. В империи, особенно на отдельных этапах, системный диалог был невозможен, поэтому заменялся лишь монологом центра. Установления центральной власти могли быть просто физически не реализуемыми на периферии. Впоследствии мы можем это наблюдать на примере обязанности земского исправника объезжать подвластную полиции территорию или обязанности рядовых полицейских выезжать на происшествие в область, тогда как поездка могла занимать только в оду сторону несколько

[1] Под азиатскими окраинами Российской империи, которые в нашем представлении существенно меньше, чем Азиатская Россия, мы пониманием южные, приграничные территории Восточной Сибири и всю территорию Дальнего Востока.

дней, в то время как их обязанности выполняли письмоводители, при прочих условиях вовсе не привлекаемые к контактной службе. Такие узаконения писались без учета многообразия территорий, где они планировались применяться. Эти особенности достаточно рано стали формировать форму адаптации к условиям вертикали власти в империи — создание особых, чрезвычайных учреждений, более автономных и полномочных.

Местные власти на окраинах имели собственные устремления к автономии в праве принятия решений, что противоречило имперской системе власти. Управленческий аспект региональной политики включал в себя устройство административных, полицейских и судебных институтов власти; административно-территориальное устройство; организацию бюрократического аппарата. Главные векторы в региональной политике азиатских окраин сходились на создании максимально экономного механизма, часто многофункционального.

Поиски оптимального соотношения властных полномочий между центральными ведомствами и высшей территориальной администрацией в лице генерал-губернаторов и губернаторов долгое время занимали властный аппарат. Преодоление на региональном уровне проблем, порожденных отсутствием в центре и на местах единства власти, противоречиями территориального и отраслевого принципов управления, процессом инкорпорации в единую управленческую структуру традиционных институтов самоуправления и суда красной нитью проходит через всю историю управления Сибирью [360]. На высшем и центральном уровнях могли создаваться специальные территориальные органы, такие как Сибирские комитеты [168, с. 8–9], Комитет Сибирской железной дороги или Комитет Дальнего Востока. Как отмечали уже современники, «*территориальный характер центральных учреждений до некоторой степени маскировал полное отсутствие чего-либо похожего на областное устройство*» [360].

Специфика рассматриваемых нами окраин империи выражается в ряде факторов, которые неизбежно влияли на действие всех общеимперских установлений. На формирование административно-управленческого аппарата и системы обеспечения безопасности региона в целом оказал влияние ряд важных, на наш взгляд, факторов.

Первым фактором, повлиявшим на систему организации власти и безопасности в регионе, был географический, что подразумевает значительную удаленность Забайкалья от губернского центра г. Иркутска, а тем более от центральных областей, усиливаясь природно-климатическими условиями, когда территория становилась полностью недоступна для любого вида коммуникации (середина весны и осени). Проще говоря, область являлась «провинцией провинции».

Второй фактор — трансграничность и геополитическая значимость региона, вследствие чего его население было преимущественно военно-служилым. Изначально земли за Байкалом позиционировались как своеобразный плацдарм дальнейшего продвижения на восток [108, с. 19]. Соответственно этой логике, города (крепости и остроги) представляли собой военно-оборонительные пункты, которые маркировали принадлежность региона. В каждом остроге дислоцировались гарнизоны как из казачьих, так и из регулярных войск.

Третьим фактором стало превращение региона в место ссылки и каторги. Несмотря на то, что высшие чиновники Восточной Сибири боролись если не за отмену, то хотя бы за значительное сокращение ее масштабов, никакого серьезного политического решения вплоть до распада империи так и не было принято. Даже после отмены массовой ссылки в 1900 г. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев сетовал на то, что Иркутское генерал-губернаторство продолжало оставаться «*единственным местом ссылки на поселение из всех местностей Европейской и Азиатской России*» [77, с. 79].

Четвертый фактор — демографический, а именно численность и особенности местного населения, в том числе сословность, поликонфессиональность, полиэтничность и исходящее из них разнообразие хозяйственного и культурного уклада жизни. Особо ярко этот фактор проявлялся в городах — местах компактного проживания различных групп населения. Учитывая, что каждой из этих групп, в частности разделенных по религиозному признаку, дарованы права и обязанности, они требовали к себе особого внимания. «*Буйный и своенравный характер*» населения региона, отмечаемый в отписках местных начальников, сочетался с одним из самых высоких в пересчете на 100 тыс. населения уровнем преступности.

Подтверждением важности и значимости данных факторов в развитии края кроме прочего являются исследования, доказавшие их влияние на отдельные сферы управления и политики [332], которые невозможно игнорировать. Их осознание способствует не только пониманию особенностей развития и угасания империи, но и осуществлению ею региональной политики во всем ее многообразии, в том числе в сфере внутренней безопасности. Влияние этих факторов прослеживается на всю вертикаль управления Сибирью, но особенно на институты нижнего звена, непосредственно взаимодействующие с обществом: административно-полицейские службы, организационно-штатные структуры, специфику их деятельности и т. д. Условия функционирования системы безопасности порождали внутренние сложности, противоречия и часто являлись причиной ее слабой эффективности, особенно на поздних этапах империи. Для более полного понимания характера факторов необходимо рассмотреть как каждый отдельно, так и совокупно в их взаимосвязи и взаимозависимости, продемонстрировать характер их влияния на систему управления, реализованную на окраинах.

Сложно говорить, что из факторов оказало наибольшее влияние, ведь все они фактически неразделимы и взаимно дополняют и усиливают друг друга. Первоочередным, пожалуй, стоит считать **географический фактор**, следствием которого стали последующие. Простираемое от юго-востока озера Байкал до китайской границы общей площадью порядка 613 тыс. кв. км, Забайкалье представляло собой местность, покрытую большей частью лесами. Регион, хорошо снабженный водными ресурсами и полезными ископаемыми, обладал богатой фауной и неизменно вызывал восхищение: «*Но все ли сокровища Сибири раскрыты,* — вопрошал Н. В. Паршин, пересекая Прибайкалье, сам отвечая: *нет, она хранит в себе их еще весьма много... Это Русская Бразилия, где, к сожалению, невежество запинается за богатство...*» [293, с. 32–33].

Резко континентальный климат сделал сельское хозяйство на этой территории рискованным. Даже надзорное, нерегулярное управление таким регионом — сложная задача. Низкая плотность заселения, в основном по ключевым позициям транспортной коммуникации того времени, не могла быть иной в силу климатических условий и крайне удаленного от европейской части расположения, представляла проблему даже с точки зрения логистики. Пространственная протяженность обусловила дисперсное расположение населенных пунктов со слаборазвитыми коммуникациями, а чаще всего их полным отсутствием и серьезно осложняла работу административно-правоохранительного аппарата.

В 1897 г. плотность населения региона составляла один человек на квадратный километр, иначе говоря, была характерна крайняя рассредоточенность малых групп населения на больших пространствах. Рыхлость поселенческой структуры, с одной стороны, и территориальная отдаленность Забайкалья от центра генерал-губернаторства — с другой замедляли темпы его развития. Ситуация усугублялась в 1884 г. подчинением Забайкалья Приамурскому генерал-губернаторству, центр которого находился на еще большем удалении от столицы Забайкалья Читы — в Хабаровске. Чита, в свою очередь, значительно оторвана от городов Западного Забайкалья, следствием чего стал бюрократизм и чрезмерное затягивание решений по важнейшим проблемам.

В отчете за 1900 г. Е. О. Мациевский подчеркивает, что «*Забайкальская область в ревизионно-отчетном отношении находится в ведении Амурской контрольной палаты... Дальность расстояния административного центра области от мест расположения Амурской контрольной палаты в г. Хабаровске ставит Амурскую контрольную палату в большое затруднение при возникновении разногласия или недоразумений в кассовом отношении. Контрольная ревизия затягивается на бесконечное время; внезапные ревизии производиться не могут. Забайкальская область всю свою отчетность в виде сотен пудов книг отправляет в город Хабаровск, где контрольная палата не в состоянии произвести эту проверку своевременно, а часть лиц, заинтересованных и прикосновенных к делу за этот период времени, оставляют область, часть лиц умирает и, таким образом, в случае каких-либо неправильностей в кассовом отношении последние остаются невыясненными*» [77, с. 47–48]. Поскольку Забайкальская область являлась государственным проектом создания плацдарма для дальнейшего продвижения империи на восток, правительство экспериментировало с административной подчиненностью области для достижения заданной цели.

По причине отдаленности в Забайкальской области появилась должность вице-губернатора, так как с момента назначения до момента прибытия военного губернатора в область проходил месяц, а то и два. К тому же военным губернаторам полагались длительные — до четырех месяцев отпуска. Вице-губернатор мог исполнять обязанности губернатора довольно длительное время, принимая важные решения по различным вопросам, что требовало от него знаний, самостоятельности и ответственности [Там же, с. 69].

Между тем, до тех пор, пока губернским центром являлся Иркутск, Верхнеудинск был ближайшим к нему забайкальским городом. Это в значительной

мере влияло на мобильность принятия управленческих решений, учитывая медлительность и бюрократизм делопроизводства. В период весенне-осенней распутицы Забайкалье становилось почти недоступным для коммуникации с Предбайкальем. Даже на примере доставки почт из Иркутска в Нерчинск в более удобное время, например зимой, в середине XIX в. доставка шла не ранее чем на 5-6-й день. Летом через круговой путь на это требовалось не менее 11–12 дней [293, с. 22]. Плохая доступность создавала своеобразные кадровые проблемы при комплектовании административных учреждений. Об этом свидетельствует тот факт, что в бюрократическом аппарате Забайкальской области и Сибири в целом было значительно меньше потомственных дворян. Мало кто из способных и образованных чиновников изъявлял желание поступить на службу в столь отдаленные части империи. В результате на должности нередко назначались люди, зачастую неспособные к службе, или выходцы из тех групп населения, которые в условиях сословного государства не должны занимать такие посты, в частности образованные и грамотные ссыльные. Отслужившие свои сроки чиновники, основная масса которых были уроженцами западных областей империи, старались сразу покинуть регион. Например, военные губернаторы после выхода в отставку немедленно выезжали в ближайшие к центральным частям империи губернии.

Второй фактор логичным образом вытекает из первого и заключается в приграничности положения региона и наличии стратегической геополитической значимости для империи. Геополитическая значимость азиатских окраин осознавалась еще в XVII в., подтверждением чего было заключение 29 августа 1689 г. первого нерчинского русско-китайского договора, узаконившего торговлю России с маньчжурским Китаем. Значительная часть территориальных споров разрешилась подписанием 21 октября 1727 г. Кяхтинского (Буринского) трактата. В угоду своим торговым интересам русская сторона пошла на уступки Китаю, признав его право на территории по среднему и нижнему Амуру. Одновременно была установлена граница и ее охрана, что и придавало вплоть до первой половины XIX в. Забайкалью значимость плацдарма утверждения России в Приамурье.

К середине XIX в. регион фактически стал перекрестком, где сошлись интересы разных государств: с одной стороны, России и Китая, с другой — Англии и Франции. По мнению Л. В. Кальминой [194, с. 190–191], мероприятия, связанные с созданием обособленной Забайкальской области, свидетельствуют о наличии у русской администрации определенного геополитического проекта, в рамках которого проводилась нейтрализация нараставшего влияния западных держав. В частности, выбор в качестве административного центра Читы — населенного пункта без каких бы то ни было градообразующих признаков продиктован географическим положением — в начале Амурского бассейна [231, с. 3], что позволяло минимизировать влияние западных держав на регион. Забайкалье в системе отношений с Азией выполняло важнейшую роль плацдарма продвижения России в Китай, а позднее в Корею, способствуя улучшению межгосударственного общения. Центрами концентрации русско-китайского/монгольского взаимодействия с конца XVIII в. стали Троицкосавск/Кяхта и Маймачен [244, с. 5].

Интенсификация этих процессов и взаимных политических и территориальных претензий происходила во второй половине XIX в. при одновременном развитии транспортной инфраструктуры в России и Китае. В то же время нежелание уступать окраины и перспектива оказывать влияние на дальние, не принадлежавшие ей территории толкали элиты России к строительству железной дороги в самом приграничье Китая и Монголии [194, с. 191]. Геополитические устремления и чрезмерная озабоченность русского правительства собственным внешнеполитическим статусом имели куда большее значение, нежели хозяйственно-транспортное усовершенствование региона. Эти же устремления стали решающей причиной сооружения Транссибирской магистрали, о чем свидетельствует развитие Забайкальской области не столько как форпоста на востоке страны, сколько как сырьевого придатка европейской ее части. Министр финансов России С. Ю. Витте считал, что железная дорога будет содействовать мирному включению Маньчжурии в сферу российских интересов [288, с. 306]. Кроме того, дорога давала возможность приобретения новых рынков сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ведущую роль в этом процессе играло строительство КВЖД.

Фактор приграничности с самых ранних этапов диктовал необходимость в особом составе населения, а именно — способном держать оборону в случае надобности. Первоначальное население до середины 60-х гг. XVIII в. [254, с. 12–17] состояло почти целиком из казаков, поддерживавших обороноспособность крепостей и всей Забайкальской линии, как отставных, так и служилых. Сибирское казачество — это особое сословие, первоначально комплектовавшееся из вольных казачьих общин, «*ссыльных в службу*» участников антиправительственных выступлений и «*гулящих людей*» [48, с. 54]. Может быть, именно поэтому воинское сословие Сибири не лишено было задатков авантюризма, лихоимства и пренебрежения к жизням других. Основной обязанностью казаков здесь была военная и приграничная служба. Необходимость именно такого рода войск в Забайкалье продиктована сложной геополитической ситуацией и дороговизной содержания на окраине значительных регулярных соединений. В XVII в. на окраинах особенно часто происходили военные столкновения и конфликты. В результате большая часть населения должна быть способна и готова к жизни в таком достаточно опасном месте. Даже само слово «город» первоначально имело значение «огороженное частоколом поселение», что свидетельствовало о его основной, оборонительной, функции.

Опасность, исходящая со стороны Китая, и необходимость закрепления ясачных территорий за империей, на протяжении второй половины XVII в. подталкивали власть к сосредоточению большего количества служилых в приграничье. При этом расчет делался на то, что они смогут закрепиться и осесть здесь, неся службу по охране границы. Значение острогов заключалось не только в военной обороне местности, они имели и экономическое значение как пункты сбора и хранения ясака, а с ростом аграрного освоения еще и как фискальный пункт (в том числе налога в пользу государства, взимаемого с распашки, из которого впоследствии выдавалось жалование) [180, с. 157].

Осознание важной военно-стратегической роли Забайкалья было присуще не только местной администрации, но и высшим правящим кругам. Так,

указ об увеличении гарнизона Удинска до 1000 человек, царский посол Ф. А. Головин получил еще в 1689 г., но исполнить его «*за малолюдством в даурских и байкаловских острогах*» смог лишь частично. Это яркий пример указа, шедшего абсолютно вразрез с объективной реальностью окраин. В тот период такой гарнизон не только невозможно было собрать на окраине, а кроме того, негде разместить, невозможно обмундировать и тем более накормить. Даже впоследствии, в течение XVIII в., гарнизон крепости состоял из двуротной, по другим источникам — полутораротной, команды (не более 200 чел.). В связи с этим логичным образом происходило делегирование задач охраны безопасности не гражданской власти, которой воинское сословие не подчинялось, а местному военному управлению.

Другой важнейшей из особенностей функционирования окраин было отсутствие четкой грани между внешней и внутренней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ. Даже сама структура местного управления была более динамична, чем во внутренних губерниях, и носила осознанно переходный характер. Проводя политику, направленную на интеграцию окраин в единое имперское пространство, власть придерживалась определенной последовательности. Этот процесс обозначил в начале 1880-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин: «*При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, а связывались с Империей через посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и не редко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии*» [Цит по: 360]. Действительно, при необходимости приграничных взаимодействий чинам административно-полицейского аппарата нередко приходилось собирать сведения и информировать вышестоящие инстанции о вопросах внешнегосударственной безопасности. Сохранились сведения о сборе чинами полиции первой половины XIX в. данных о приграничных действиях китайского правительства, расположении войск и удобных плацдармов[1]. Между тем положение региона влияло и на кадровую политику, о чем свидетельствуют данные о назначении на пост военного губернатора кандидатов, получивших специальное образование в области разведки, так же как и назначение на должность городничих преимущественно из военных по происхождению или службе. Трансграничность территорий способствовала наделению отдельных чиновников особыми полномочиями или совмещению нескольких должностей, что не регламентировалось законодательством, но позволяло в специфических условиях наиболее мобильно отвечать на вызовы. Эти полномочия имели военизированный акцент, в целом вполне стандартный для колониальных территорий. Учитывая, что большинство населения Забайкалья — это военные, создание гражданской полиции на ранних этапах было неоправданным. Отчасти поэтому даже в последующем XIX веке военные

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 27. Л. 1-8 об.

и особенно офицеры «щеголяли» неподчинением гражданской полиции. Единственно возможным условием успешного формирования полиции с реальными полномочиями усмирять служилое население было ее функционирование в системе военного управления. Действительно, некоторые полицейские полномочия, особенно в XVIII в., имели почти все воинские начальники, они производили допросы и следствие, собирали показания. Регулярные штаты полиции в городах создавались под ведением военных комендантов.

В середине XIX в. военно-стратегические и геополитические задачи определили создание отдельной Забайкальской области, которая должна была сыграть роль плацдарма для дальнейшего закрепления Российской империи в Приамурье. Геополитическая роль области осознавалась всеми губернаторами на разных этапах управления ею. На всем протяжении своего существования Забайкальская область меняла подчиненность, что объяснялось актуализацией тех или иных внешнеполитических целей империи. Избрание для области упрощенной, по сравнению с губернской, формы управления обосновано, в том числе приграничным положением и необходимостью ее военного усиления. Перспективы формирования в Забайкалье торгово-промышленного плацдарма для укрепления позиций России в Азии требовали сосредоточения гражданской и военной власти в одних руках и оперативного решения важных вопросов без длительных обсуждений и бюрократической волокиты. Однако «усеченный» состав административных и судебных учреждений только в общих чертах соответствовал численности населения и размерам территории области [77, с. 50–51].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, акцентируя внимание на важном стратегическом значении вверенного ему края, настаивал на необходимости серьезно обсудить «*меры к военному усилению этого последнего, опорной точкой которого является Забайкальская область*». Отношения с Китаем требовали постоянного внимания к пограничным с этим государством землям. В 1884 г. бывший военный губернатор Забайкальской области Л. И. Ильяшевич представил в Комитет министров свои соображения о стратегической роли и необходимости военного усиления Забайкальской области: «*...при возрастающем с каждым годом политическом значении восточных окраин, все усиливающемся промышленном и гражданском развитии Сибири, при неминуемо ожидаемых постоянных и частых сношениях с Китайской империей и, наконец, при тесном соприкосновении русских интересов с интересами западноевропейских держав на берегах Тихого океана и совершающих здесь территориальные приобретения — стратегическое и политическое значение Забайкальской области все усугубляется. Между тем военные силы, которыми располагает этот край, могут оказаться далеко не достаточными для достижения указанной цели*» [Цит. по: 77, с. 38].

Специфика деятельности административно-правоохранительного аппарата, существенно зависела от статуса местных территорий и особенностей внешнеполитического положения государства и его приграничных взаимодействий. Этот фактор влиял на становление управленческого аппарата, его качественный состав, систематические и чрезвычайные функции и круг полномочий. В то же время деятельность служб безопасности обусловлена и

количественно-качественным составом населения. Окраины в этом смысле — более чем особая территория в силу наличия ссылки и каторги.

Расположение региона предопределило возможность его использования в целях изоляции уголовных преступников и политической оппозиции. Использовались для этих целей конечно отдельные местности, но регион в целом стал большим пенитенциарным проектом. Основной преградой для бегства с мест ссылки и каторги была протяженность территории и климат. В научной литературе развитие уголовной ссылки определяется как фактор правовой системы Сибири. По словам В. П. Шахерова [134, с. 79], ссылка оказывала существенное влияние на сословную систему сибирского города. Ссыльно-каторжный элемент активно внедрялся в хозяйственную деятельность области, несмотря на то, что оставался поднадзорным, со значительными ограничениями в свободе перемещения. Первоначально в XVII в. в ссылку отправляли лишь государственных и политических преступников, но во второй половине XVIII в. произошла интенсификация ссылки как меры пресечения.

Ссылка отчасти была обусловлена необходимостью освоения и заселения региона, то есть частью государственной политики в этом направлении. Для пребывания ссыльных был образован особый Нерчинский округ, с 1760 г. Нерчинск стал основным местом отбывания каторги, а этапирование колодников шло через Верхнеудинск. Все каторжные трудились на рудниках, доход от которых составлял личный интерес кабинета Его Императорского Величества (ЕИВ). В результате складывалась ситуация, когда преступники, провинившиеся перед обществом, отрабатывали свое наказание, обогащая императорскую фамилию. Закоренелых преступников среди ссыльных было немного. Например, по данным 1833 г., в Сибирь прибыло 7109 ссыльных, из которых только 9% осуждены за тяжкие преступления, в то время как бродяги составляли почти 33% [140, с. 49]. По этой причине, как утверждали военные губернаторы, ссыльнокаторжный элемент мало способен к тяжелому земледельческому труду, и попытка его прикрепления к земле провалилась. Оставляла желать лучшего и сама организация «исправления». Генерал-губернатор С. Б. Броневский в 1837 г. сообщал, что на заводах Восточной Сибири сосредоточено до 800 ссыльных [Там же, с. 50], из которых работой обеспечивалась лишь половина, остальные пребывали и без работы, и без надзора. Хотя и не большая, но все же существенная часть ссыльных представляла собой достаточно опасный для местного населения элемент — преступники, участники бунтов и восстаний и высланные крестьяне.

В XIX в., по официальным сведениям, в Сибирь было сослано более 800 тыс. человек [122, с. 278], включая членов их семей, добровольно последовавших за сосланными. Надзор за ссыльными составлял одну из важнейших функций сибирской администрации и определял специфику деятельности полиции. Обязанности по надзору за ссыльнокаторжными лежали на губернаторах, а прямые заботы об их этапировании — на земских исправниках.

Представители сибирской администрации выражали серьезное недовольство состоянием ссылки в регионе. Ссыльных сюда прибывало значительно больше, чем он мог принять. В результате в Забайкалье сложилась опасная

криминальная обстановка, когда люди размещались и содержались в крайне неудовлетворительных условиях, что нередко толкало их на совершение преступлений. Об этом свидетельствует структура преступности среди ссыльных. Большинство преступлений в регионе — кражи и грабежи, чаще всего пищи, одежды, бытовых предметов (посуда, металлические изделия и т. д.), что позволяет характеризовать их как вынужденные, совершенные ради выживания. Сосланные редко могли подыскать себе занятие, вследствие чего голодали и нищенствовали. В 1864 г. в области насчитывалось 35 этапных помещений[1], почти все они были крайне плохо оборудованы, и нередко каторжники сбегали во время ночного привала. Многочисленные потоки беглых преступников стекались к населенным пунктам, преимущественно городам, где была возможность поживиться съестными припасами.

С первой половины XIX в. значительно усиливается роль политической ссылки [186]. Политические ссыльные — это особая группа лиц, за которыми полагался специальный надзор. Но, несмотря на законные обязанности администрации и полиции вести наблюдение за «политическими», отдельных штатов для этого не создавалось вплоть до начала XX в. В результате загруженные бюрократической волокитой учреждения еще больше расширяли свой функционал. Усугубилась ситуация с отменой крепостного права, активизировавшей поток вынужденной миграции на территорию окраин.

К 1877 г. население Забайкальской области достигло более 460 тыс. человек, а в 1883 г. уже более 506 тыс. человек. Численность ссыльнопоселенцев достигла 13 264 чел., из которых четвертая часть — 3 118 человек находились в неизвестных отлучках[1]. Положение становилось угрожающим. Согласно отчетам военного губернатора и начальников полиции, ситуация с поселенцами была неблагополучной, они прозябали в нищете, отчего многие из них стремились покинуть определенное для них место и найти заработок на стороне. В 1908 г. в Верхнеудинском уезде числилось 7 962 ссыльнопоселенца, из которых фактически по месту жительства находилось только 1 571 человек. Еще больше ситуация осложнилась с началом Первой мировой войны. Верхнеудинск и уезд, как и другие территории страны, стали пристанищем военнопленных. В городе содержалось около 8 500 человек, а рядом с городом, в местности Нижняя Березовка, еще 27 500 [340, с. 121]. Между тем, значительная концентрация криминогенного населения могла оказывать и влияние на законопослушное население, вовлекая его в преступные сообщества. Об этом наиболее ярко свидетельствуют данные начала XX в. [Там же, с. 140], когда при совершении групповых преступлений организаторами чаще всего являлись именно беглые ссыльные или ссыльнопоселенцы.

Крестьянское население крайне редко оказывало помощь беглым ссыльным из страха перед законным взысканием, а также в силу реальной опасности, исходившей от беглецов. Вред, который могли причинить беглые — грабежи, убийства, делал общество значительно более заинтересованным в поддержании безопасности. Именно поэтому создание дополнительных караулов в поселениях и даже в городе нередко инициировалось обывателями.

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 731. Л. 4–4 об.

Содействие общества — важнейшая опора поддержания безопасности, стремление к чему — несомненная особенность местного, традиционно настроенного населения. Местное население не только находило и задерживало беглых, но и собственными силами доставляло их к властям.

Верхнеудинский земский исправник М. М. Геденштром, подчеркивая опасность края и его не вполне подлежащую контролю ситуацию с ссыльными, описывал картины, поистине достойные страниц фантастического романа. Он предупреждал русских сановников о возможном мятеже ссыльных, к которым могут легко примкнуть приписные крестьяне и заводские рабочие. Особую опасность, по его мнению, представляли ссыльные поляки: «*Природная ненависть русских к полякам почти неизвестна сибиряку, и отчужденному от России посельщику поляк — товарищ. Забрав пушки в Иркутске, Селенгинске и Нерчинске, с награбленным богатством они свободно опустятся по Шилке в Амур, без труда овладеют Манджуриею — оттуда Кореею и оснуют свое Государство на счет расслабленного Китая*» [256, с. 189]. Из Западной же Сибири поляки могут прорваться в казахские степи и далее в Бухару и Тибет. Последнее предупреждение не могло не найти отзвука в правительственных кругах, напуганных вскрытым в 1832 г. заговором поляков в г. Омске. Поэтому, делал вывод Геденштром, нужно срочно ввести в сибирские губернии дополнительные войска и восстановить «*постоянное строгое управление Сибирью как колониею, где часто человеколюбивые законы безмолвствуют и действует не одетый формою, но властью обнаженною — страх*» [58, с. 226–227]. Имели ли реальную почву описанные им фантазии, а может, ссылка его самого и занятие маловажных должностей наскучили опальному чиновнику и таким образом он хотел если не физически, то хотя бы мысленно вернуть себя в водоворот политики, сказать сегодня сложно. Сама фигура Геденштрома не лишена противоречий, с одной стороны, хитрый казнокрад, не гнушавшийся поборов, с другой — отважный исследователь севера, внесший большой вклад в изучение Сибири. Так или иначе, но видимый им непродуманный порядок и хаос в делах ссылки и каторги очевиден.

Ссыльнокаторжный элемент оказывал влияние не только на деятельность, но и на качественный состав системы безопасности. Нередко, особенно среди избираемых нижних чинов полиции, оказывались ссыльные и бывшие преступники, так как горожане не желали отрываться от своих хозяйственных занятий. Вместе с тем бывшими государственными преступниками оказывались и высшие чины сибирской бюрократии, как было в г. Иркутске, где должность городничего в 1828–1832 гг. [134, с. 134] занимал декабрист А. Н. Муравьев, или в г. Верхнеудинске, где в 1813–1818 гг. земским исправником был вышеозначенный, обвиненный по делу о контрабанде и коррупции М. М. Геденштром. А что уж говорить о временах XVII в., когда приказчиком Селенгинского острога стал ссыльный гетман Д. Многогрешный, воевавший с царскими войсками и за это первоначально приговоренный к казни. Менее заметный, но все же пример А. И. Деспот-Зеновича, будущего градоначальника Троицкосавска, ранее высланного властями в г. Пермь под надзор полиции как неблагонадежного.

Массовая ссылка в Сибирь оказывала самое непосредственное влияние как на социально-экономическую, политическую и криминальную обстановку в крае, так и на административно-правоохранительную систему. В целях надлежащего осуществления ссылки создавались специальные органы, которые действовали в тесном контакте с полицией [140, с. 50]. В том числе для осуществления надзора и организации ссылки в Забайкалье в 1851 г. образовано упрощенное управление военного губернатора, сосредоточившего в своих руках как административно-полицейскую, так и военную власть. Несмотря на значительные массы ссыльных, для забайкальской полиции не применялись особые штаты полицейских управлений, что в значительной мере подрывало успешность их функционирования. Поэтому нигде не было такого значительного вмешательства военных в поддержание правопорядка, как на окраинах.

Кроме стандартного набора полицейских функций любого другого региона империи в Забайкалье вопросы, связанные со ссылкой и каторгой, составляли почти половину делопроизводства полиции. Наличие уголовной ссылки сказалось не только на обширности компетенций административно-полицейского аппарата, но и на широте его полномочий. Полиция на окраинах вплоть до своего расформирования сохраняла судебные функции, которые на большей части Российской империи были урезаны реформами 60-х гг. XIX в. Сделать то же в Забайкалье представлялось преждевременным опять же из-за большого числа беглых каторжан и незаконно передвигавшихся поселенцев. Разнообразие категорий населения, проживавшего на окраинах, на которых действовало многочисленное и многосоставное законодательство, было отдельной сложностью местной службы. Значительно проще и быстрей вопросы суда решались полицией, тем более в условиях приграничного положения.

Все вышеперечисленные условия повлияли на формирование четвертого — **демографического фактора**. Если сказать точнее, этот фактор заключается в многообразии категорий этноконфессионального и сословного в составе населения азиатских окраин. Этнически здесь были представлены, из самых крупных групп, русские, буряты, евреи, поляки, эвенки, украинцы, татары, китайцы и др. Конфессионально — православие, буддизм, старообрядчество, ислам, иудаизм, традиционные религии (шаманизм) и секты-ответвления от христианства (скопцы, хлысты, субботники) и др. Сословно были представлены также все группы населения, но есть специфика. Во-первых, значительную часть населения составляли инородцы, которые вели достаточно различающийся культурно и хозяйственно образ жизни (кочевое скотоводство, охота, землепашество и т. д.). Во-вторых, категория привилегированного населения в лице дворянства в Сибири численно была значительно меньше, чем в европейской части России. Более того, личное дворянство только в Сибири превышало потомственное почти в два раза [312], в то время как в остальных частях империи, кроме Средней Азии, этот показатель был ровно обратным. В-третьих, следующими по численности после крестьян шли казаки (на каждую тысячу жителей области приходилось 356 крестьян, 291 казак, 274 инородца[1]). Перво-

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 74. Забайкальская область / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1904. С. 6.

начальный состав его до середины 60-х гг. XVIII в. [114, с. 13] включал служилых, поддерживавших обороноспособность крепостей и всей Забайкальской линии, и отставных казаков. Сибирское казачество XVII — первой трети XVIII в. — это особое сословие, как мы уже говорили выше, которое часто комплектовалось из вольных казачьих общин, «*ссылки в службу*» участников антиправительственных выступлений, «*гулящих людей*» [48, с. 54], а впоследствии и инородцев. Лишь в начале XVIII в. государство начало приводить вольное казачество к некоему подобию регулярных соединений, но управление ими через гражданские власти, в частности полицию, было крайне затруднительным.

Население окраин Российской империи, в целом будучи сословным, сосуществовало смешанно, но вместе с тем компактно, из-за чего возникали многочисленные конфликты внутри. Численность населения, незначительная в XVIII — первой половине XIX в., с притоком ссыльных, строительством Транссибирской магистрали резко возрастает. При этом географические и климатические условия да и уровень развития хозяйства не позволяли в полной мере обеспечить всему населению достаточный уровень жизни. Не справлялась с этой задачей и администрация, координирующая каторгу. В результате в регионе сконцентрировалась критическая масса населения, не занятая в какой-либо сфере. Города также не могли обеспечить необходимый уровень занятости из-за своей малочисленности и экономической слабости [242, с. 39–40]. Однако в сравнении с деревней в городе возможность хоть как-то обеспечить свою жизнь была существенно выше. В результате не занятые трудовой деятельностью слои населения, несмотря на всевозможные ограничения, стягивались в города, что привело в начале XX в. к значительному росту преступности. При этом население, например, Верхнеудинского уезда в начале XX в. составляло около 200 тыс. человек (из них 15–26 тыс. в г. Верхнеудинске) и обслуживалось одним уездным полицейским управлением, в то время как в Троицкосавске, в силу его особого положения, и уезде с населением около 40 тыс. чел. существовали и городское, и уездное полицейские управления. Безусловно, это также в значительной степени влияло на занятость и, как результат, на качество полицейской службы.

Важным направлением деятельности местных органов управления был земельный вопрос, включавший несколько составляющих. Этническая и сословная неоднородность населения приводила к тому, что приходилось разрешать противоречия, возникающие в рамках как межнациональных (между русским и коренным населением), так и сословных притязаний. Разные слои населения имели разный, законодательно установленный размер обрабатываемых земель. В результате сложилась своего рода чересполосица, которую отягощало отсутствие четких земельных границ между разными сословиями [224]. Разбор жалоб и взаимных земельных претензий как внутри русского или инородческого населения, так и между ними составлял важную часть забот местного административно-полицейского аппарата. Коренное и пришлое население, рассредоточенное малыми группами на больших пространствах, сосуществовало смешанно, проживая нередко компактно в рамках одного или рядом располагавшихся поселений, что усложняло управление и создавало условия для споров.

Достаточно специфичной была служба русских чиновников и полицейских в условиях взаимодействия с инородцами. Коренное население, находившееся ко времени присоединения к России на достаточно низком уровне развития, в большинстве догосударственном, оказалось неспособно к быстрой интеграции в силу ряда объективных обстоятельств: разности общественных условий, типа хозяйствования, менталитета, сдерживающих механизмов имперской бюрократии и т. д., вследствие чего оно получило самоуправление с ведением собственного делопроизводства. Проблема ревизии деятельности инородческих органов управления нередко лежала на полиции, которая расследовала и пресекала злоупотребления местной знатной верхушки. Согласно замечаниям военного губернатора Забайкальской области Н. П. Дитмара по вопросу улучшения полицейских и административных учреждений Восточной Сибири, заседатели окружных управлений при взаимодействии с инородцами сталкивались с проблемой незнания или сокрытия ими знания русского языка. В силу превалирования родовых отношений буряты нередко намеренно скрывали следы преступлений, а командируемый с чиновниками переводчик из инородцев «*держал сторону их*» и давал неточный перевод, отчего «*затемлялись дела*»[1]. То же касалось проверок делопроизводства инородческих управлений, в которых встречались серьезные нарушения, отмечалось взяточничество, но почти не бывало недоимок. Тайши пользовались своим положением, злоупотребляли властью — да так, что местные инородцы нередко находились чуть не на положении рабов. Быт, устроенный в соответствии с родовыми законами, исключал возможность пресечения правонарушений русской администрацией, имевшей право вмешательства только лишь при ущемлении интересов русского населения или правительства.

Установление мирных дипломатических отношений с Китаем способствовало значительному росту торговли. Благодаря появлению в городе масштабного торга возрастает доля купеческого населения. Полиция становится необходимым учреждением организации и контроля прозрачности торговли, тем более что на пути к приграничной торговле в г. Троицкосавске Верхнеудинск формировался как перевалочно-складской пункт, требующий постоянной охраны. С сокращением военных функций приоритетными в городе стали интересы торговли, а связанное с ней население приобрело значительный вес. Это еще один значимый аспект внимания со стороны власти и полиции. Ярмарки сопровождались возрастанием употребления алкоголя и увеличением числа различных происшествий (в том числе краж, драк, избиений и проч.), подчеркивала И. Ю. Замула [69, с. 136]. Заинтересованность в надежной и защищенной торговле привела к одновременному с ежегодной ярмаркой появлению небольшого штата полиции во главе с военным комендантом. Существенное влияние на учреждение полиции в городах Забайкалья оказывала приграничная торговля с Китаем, в интересах которой она и была сформирована.

Проблемой административно-правоохранительного аппарата азиатских окраин была поликонфессиональность населения. О внимании к морально-этической жизни общества свидетельствует устав «*О предупреждении и пресечении*

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79–94 об.

преступлений»[1], треть которого занимают пункты, связанные с религией и православной церковью. Защита православия и его духовной монополии стояла в ряду главных задач полиции. В условиях существования других конфессий, в числе которых — признанные государством (буддизм), подвергавшиеся гонениям (разного рода секты) или классифицированные раскольниками (старообрядцы, с внутренним делением на течения и секты), задача властей заключалась в недопущении «*совращения*» православных и контроле обращенных «*инородцев*». Истории известны многочисленные примеры, когда определенная часть населения соблюдала все внешние обряды и необходимые ритуалы православия, но при детальном рассмотрении оказывалась привержена тайному религиозному течению. При этом масштабы явления были значительными, и, не справляясь с ними, Русская православная церковь (РПЦ) постоянно прибегала к устрашающей силе полиции.

Особенностью, на наш взгляд, была независимость и нередко бунтарский нрав местного населения. Если вернуться в конец XVII в., характер забайкальского служилого сословия ярко иллюстрируется событиями 1696 г. [62, с. 60], когда произошел бунт казаков. Удинские казаки и стрельцы, совместно со служилыми близлежащих острогов, начали грабить проезжающих людей. В мае того же года они в составе более двухсот человек прибыли в Иркутск, требуя денежного, хлебного и соляного жалования за будущий год, а затем потребовали отставки воеводы. Воевода, опасаясь больших беспорядков, вынужден был выдать им требуемое, но, не удовлетворившись этим, казаки направились вниз по Ангаре и ограбили два острога. Затем вернулись к Иркутску, осадили город, не рискнув штурмовать, ушли за Байкал, обещая «*разоренья учинить*» по возвращении. «*Лихие*» казаки оказывались в отдалении за Байкалом неспроста. Согласно отписке енисейского воеводы, в 1693 г. из Тобольска на государеву службу посланы казачьи дети, часть из которых по дороге разграбляла остроги, заимки и деревни. В наказание они разосланы на службу в Удинский и Селенгинский остроги. Нередко и управителей острогов назначали из ссыльных, например приказчика Удинска Петра Арсеньева (1692 г.), сосланного за проступки в казачью службу, а в 1696 г. принявшего участие в упомянутом бунте [60, с. 106].

Многие путешественники и даже местные чиновники подчеркивали необходимость многократного усиления власти и надзора в Сибири. Среди поддерживавших таковую идею был и упомянутый уже коррупционер Геденштром, по чьим словам, сибиряки — это на 7/8 «*или развращенные промышленные, разделявшие победы и разбои казаков, или ссылочные преступники*». Считая их превосходящими своих российских собратьев по умственным и физическим способностям, он предполагал, что именно поэтому и нужна здесь «*строгость и неограниченная власть сибирского начальства*», чтобы обуздать их «*своеволие и буйство*». Попытки Сперанского усилить законность и ввести в управление некоторые правовые принципы объявлялись им гибельной филантропией, от которой происходит лишь «*расслабление*» власти. К правовому порядку,

[1] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Санкт-Петербург : Типография Второго отдела собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. 159 с. URL: https://www.prlib.ru/item/459984?ysclid=m111xhoky0465450731 (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.

считал Геденштром, оказались одинаково не готовы ни сибирские чиновники, ни местное население. Патриархальное, отеческое управление, столь милое местному чиновничеству, сменилось бумажной отчетностью и тем, что «*пустому многоделию несть конца... Все пишет и, отписавшись, дремлет на краю гибельной бездны, готовой изрыгнуть безначалие и мятеж на остов законного порядка. Хозяйство, промышленность упадают; народ беднеет; недоимки возрастают: нравственность народа, даже дворянства сибирского — единственно плод страха наказания или скорой решительной взыскательности начальства — расстроилась; взамен всего процветают питейные сборы и грамотеи-ябедники*». Во всех частях управления царит хаос, — вещал Геденштром, — беспомощность и безответственность. Купечество ненавидит чиновничество, мещанство развратилось, не ощущая над собой прежнего «*домашнего наказания*», государственные крестьяне «*чувствуют теперь менее тягость земского закона — и потому богатые, не боясь уже скорого и неминуемого наказания — своевольничают*». Поселения ссыльных в Енисейской губернии не принесли результатов, Томский и Каинский округа переполнены неустроенными ссыльными, каторжане охраняются плохо, отчего происходят частые побеги [58, с. 226–227].

Население региона, постоянно пополнявшееся ссыльнопоселенцами в объеме большем, чем могло обустроить, медленно стало подвергаться влиянию криминального контингента. Экономически маломощный регион не мог обеспечить всех приемлемым уровнем дохода, в результате многие из насильственно водворенных вынуждены скитаться в поисках пропитания по пригородным территориям. Это увеличивало нагрузку на местные полицейские органы, которые к концу XIX в. перестали справляться с непрекращающимся потоком беглых. Особенность функционирования административно-полицейских институтов проявлялась в многочисленных задачах по надзору за населением, в том числе фиксации выражения лояльности к официальной православной религии. Исполнение обязательных задач при стандартном штате полиции в уездных городах, низком жаловании и без учета местных условий и больших расстояний было физически невозможным. В результате службы обеспечения безопасности азиатских окраин империи формировались и развивались под влиянием указанных нами факторов: географического положения, трансграничности, ссылки и каторги и особенностей национально-конфессионального, сословного состава населения. Безусловно, влияние на местный аппарат управления оказывало большее число явлений, но, на наш взгляд, указанные выше факторы наиболее значительны. В силу этого забайкальский регион в составе окраин России в середине XVII — начале XX в. представлял собой нестандартное территориальное образование, что выражалось и в особом статусе и управленческом аппарате. В ряде случаев власть игнорировала черты, деструктивно влиявшие на область, что привело к формированию ряда особенностей, в том числе значительно более широкому кругу полномочий и чрезвычайных задач, специальности штатных организаций управленческих институтов и т. д. В особых условиях региона управленческие структуры не имели должного контроля со стороны государства и стимулов к качественному исполнению своих обязанностей и ответственности за их реализацию.

РАЗДЕЛ 1

Административно-территориальные трансформации и зарождение системы обеспечения безопасности на азиатских окраинах России во второй половине XVII — середине XVIII в.

«...управление дальней, Сибирской украйны...»: становление государственных институтов управления окраинами

Восточная Сибирь и Дальний Восток с момента своего присоединения развивались как колониальные территории со связующими центрами — острогами. Средоточия администрации метрополии, военной мощи и налоговых поступлений, остроги, впоследствии став городами, образовали сеть узловых поселений — маркирующих землю как принадлежащую России, одновременно ставших двигателями развития регионов. Города на этих территориях чаще появлялись в силу властной инициативы, а не в результате естественных условий развития экономики и общественной жизни. Основным организатором и проводником городской жизни, контроля порядка и исполнения властных постановлений молодых городов стал единственный регулярный и полномочный гражданский институт в XVIII в. — полиция, имевшая мало чем ограниченную власть над местным населением.

Основные административные преобразования окраин в конце XVII — XVIII в. происходили под руководством чрезвычайно назначенных чиновников и органов, имевших широчайшие полномочия. Такой сценарий развития окраин вызван слаборазвитыми государственными институтами на местах, их малонаселенностью и преимущественно военным акцентом в функционировании. Так, исключительно военные обстоятельства вызвали преобразования в 90-х гг. XVII в. царского посла Ф. А. Головина, сформировавшего пограничные военные силы. Он укрепил Селенгинский острог и превратил Удинск в полноценную крепость. Координацию этой работы проводил возглавляемый Головиным, на сегодняшний день почти не изученный — разрядный шатер (материалы хранятся в РГАДА), пожалуй, первый особый орган управления окраинами. В 30-х гг. XVIII в. граф С. А. Владиславич-Рагузинский заключил международные договоры, сделал Селенгинск главным оборонительным пунктом приграничья и санкционировал появление Троицкосавской крепости как торгово-оборонительного пункта. В 70-х гг. XVIII в. секунд-майор Щербачев урегулировал вопросы инородческого управления, а за ним в 80-х гг. XVIII в.

последовали административные изменения, произведенные А. Юни (Юний)[1], в числе которых формирование Верхнеудинского уезда, он же санкционировал избрание общественных институтов самоуправления. В 30-х гг. XIX в. М. М. Сперанский учредил специальные комитеты управления и внес значительные изменения в организацию административно-управленческих институтов и т. д. Правда, надо признать, что часто такие полномочные чиновники не создавали каких-то инновационных моделей управления на месте, а приводили отстающий в административном устройстве регион к реалиям западных областей государства. Административные изменения коренным образом перекраивали модели управления в первую очередь городами как наиболее важными точками, обеспечивающими целостность государства на окраинах.

Города как центры округи выступали в роли коммуникационных узлов [108, с. 21], интегрировавших окружавшие их поселения в единое административно-территориальное пространство уезда — губернаторства (доли / разряда / провинции) — государства. Крупнейшим из них в Забайкалье со времени колонизации стал Нерчинский острог. Даурский уезд создан в 1654 г., а его основатель А. Ф. Пашков назначен «*в Даурской земле быти воеводою*» [273, с. 150] (1656–1661 гг.) [36, с. 147]. Очевидно, что после первого воеводы территория возвращена в подчинение Енисейского уезда. Все последующие назначались в статусе приказных людей, компетенция их постоянно менялась: приказчик острога(ов), всего уезда. Нередко территория жаловалась «*во всякое управление*», что не давало точного понимания границ полномочий. Уезды этого времени достаточно условны, существует город/острог и приписанные к его власти земли вокруг. К концу XVII в. категория этих должностей окончательно размывается, так как в документах фигурируют приказчики, например, мельниц или отдельных деревень [71, с. 76], не только острогов. Надо признать, что приказчики были не во всех населенных пунктах, а только в ключевых, чаще в острогах. Их функции близки воеводским, они ведали фискальными поступлениями и повинностями, вершили суд по мелким делам и расправу, ведали торговыми вопросами, продажей алкоголя и мехов. Приказчиков чаще назначал воевода, реже их выбирало местное население, а затем утверждал воевода.

Необходимо оговорить еще одну деталь: период до появления регулярного Петровского государства и даже после него характеризуется значительным смешением названий должностей и их полномочий и также статусов территориальных единиц. Одна и та же должность по-разному называлась в одном и том же документе (ландрат и комендант; комендант и воевода; земский комиссар и воевода; приказчик и воевода) — чего стоит только приведенный список должностных лиц, управлявших в разное время Илимским воеводством [137, с. 126–131] — от воевод до комендантов, управителей и земских комиссаров. Власть не стремилась к стройности системы. Должности получали не всегда по месту службы — заняв некую позицию, получаешь соответствующий статус, как будет впоследствии, а нередко, наоборот, получив некую позицию выше прежней, получаешь более соответствующий ей пост.

[1] Его сын Ф. А. Юни впоследствии будет работать в составе посольства Ю. А. Головкина в Китае.

В делопроизводственном отношении может создаться впечатление, что приказчик острога второй половины XVII — начала XVIII в. — это не кто иной, как городовой воевода, просто именуемый привычным термином. И это было бы так, ведь действовали все они по царскому наказу (инструкции), данному воеводе Пашкову. По крайней мере в источниках и литературе городовой воевода и приказчик функционально тождественны, в отличие от уездного (разрядного) воеводы. Но при этом в уездах существуют десятки других чиновников, также именуемых приказчиками. Приказчик не только ниже воеводы статусом и формально в управлении имеет только острог, деревню или объект, порученный ему. Это своего рода универсальный чиновник, получавший определенный наказ и, как правило, определенный круг полномочий в отношении указанного объекта. Подтверждением этого предположения может являться анализ «*наказной памяти*» приказчикам [154]. Полномочия приказчика и воеводы в целом очень близки, за некоторыми исключениями опять-таки статусного характера. В этом отношении на окраинах не происходило чего-то исключительного, аналогичные процессы смешения должностей и полномочий шли как минимум в Западной Сибири и на Урале. Интересна деталь, что, несмотря на статус воеводы, существовала «*печать Государева Сибирские земли Даурских острогов*» [214], которой обладал нерчинский воевода. Вероятно, можно говорить о последнем как о городовом воеводе, имевшем в качестве чрезвычайных функций управление над всеми Даурскими острогами.

Так или иначе, статус нерчинского воеводы ниже воеводы енисейского, и на это указывает статус канцелярий (изб). При енисейском воеводе находилась съезжая изба, как и полагалось уездному воеводе, а при нерчинском — приказная[1]. Есть и другие сведения, которые указывают о подчинении, даже если и формальном, нерчинского воеводы енисейскому, например, отписки первого второму как старшему или отдельные назначения, которые производились из канцелярии второго.

К концу XVII в. основными единицами территориального деления России стали воеводства (уезды), входившие в более крупные административные единицы — разряды. Енисейский разряд создан в 1677 г. и включал Иркутский и Нерчинский уезды. В 1689 г. Нерчинский острог утверждается в статусе города [36, с. 205; 62, с. 28], в это же время складывается полноценный уезд, который возглавил уже не приказный, а воевода. Его канцелярия подразделялась на отделы (столы), среди которых были три важнейших: ясашный и разрядный, денежный и хлебный, судный [121, с. 8]. В непосредственном подчинении не позднее чем с 1701 г. числятся: товарищ (заместитель), штат приказной и таможенной изб из 7 подьячих и приметная должность городничего [Там же , с. 13]. О последнем известно немного, в частности, что это был первый непосредственно полицейский чин в регионе. Его оклад составлял 9 руб. серебром и хлебное довольствие. Известно также, что на этой должности состоял до августа 1698 г. некий Тихон Поляков [Там же, с. 8], убитый в том году. Наличие городничего не только подчеркивает городской статус Нерчинска, но примечательно для характеристики полиции, о чем идет речь ниже. Территориально

[1] В ряде исследований две избы сопоставляются как аналогичные.

Нерчинский уезд обрисован в «*Особенном наказе отправленному в Нерчинск воеводою Бибикову*» от 1 февраля 1701 г.[1], в котором сообщается «*о ведении в Нерчинске теми же острожками, которыми ведали прежние воеводы*»: иргенский, телебинский, еравнинский, аргунский и др. Нерчинскому воеводе подчинялись приказчики острогов и слобод уезда, которые пришли на смену острожным (казачьим, осадным) головам. Основными вопросами ведения приказчиков острогов (а ранее голов) были сбор налогов, в том числе ясака, наблюдение за порядком в местном обществе, в частности за поведением служилых.

В Западном Забайкалье воеводский центр складывался намного медленнее. Изначально центром здесь был Селенгинский острог, в который с 1675 г. и как минимум до 1700 г. [36, с. 205] назначались приказные люди, первым из которых стал Г. Ловцов. В их распоряжении находилась приказная изба и подчиненные острожные, стрелецкие, казачьи головы, возглавлявшие отдельные группы служилых и точки их дислокации (острожки, зимовья, форпосты). Подчинение самого приказчика имеет некоторые разночтения в литературе. По версии В. К. Андриевича, Западное Забайкалье оставалось в ведении Енисейска на протяжении конца XVII — начала XVIII в., ему же подчинялся селенгинский воевода [88, с. 117]. Действительно, согласно выписке из ясачной книги 1671/72 г. [35, с. 240–244], Иркутск и Западное Забайкалье целиком указаны в составе Енисейского уезда (входившего в состав Томского разряда). В этот период не замечено единства территории Западного и Восточного Забайкалья — ни административно, ни фискально. После образования Енисейского разряда в 1677 г. Нерчинский уезд формально входил в его состав, а Западное Забайкалье — в состав Иркутского уезда. Подтверждение этому можем найти в чертежной книге С. У. Ремезова [320]. Он не только определяет Иркутск как центр Восточной Сибири, но и отдельно изображает его с подчиненными землями Западного Забайкалья (рис. 2, 3). Иркутск и прилежащие к нему земли не были классическими в этом отношении. Возможным объяснением является то, что эта область была «*присудом*» Енисейского разряда, то есть не уездом в полном смысле, а управлялась фактически напрямую разрядным воеводой через приказчика. Это предположение косвенно подтверждает тот факт, что управляющие в Иркутске высшие должности: приказчики и письменные головы — сравнимы по статусу с приказчиками присудов в западносибирских областях, но это лишь предположение. Так или иначе, к концу XVII в. Западное Забайкалье управляется через приказчиков, подчиненных иркутскому воеводе.

Разряды как более крупные сегменты управления являлись некими прообразами будущих провинций. Возглавлявшие их воеводы по чину и статусу находились выше всех других, которым направляли указания, получая в обмен отписки. Вхождение Иркутска в Енисейский разряд подтверждается писцовой книгой 1686 г. [13, с. 4], хотя в том же году Иркутск становится центром уезда и сохраняет прилежащие территории, надо думать, вместе с Западным Забайкальем. Такую картину дает анализ делопроизводственных документов и переписки между приказчиками Селенгинского острога и иркутскими воеводами [35, с. 247–255]. К этому периоду складывается понимание необходимости

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1822.

вертикальной системы подчинения между острогами и крупными областями Восточной Сибири. С 1682 г. в Иркутский острог начали назначать воевод, хотя статус города он получил позднее. Все указы селенгинскому приказчику больше не поступают напрямую от енисейских воевод, а поступают через иркутских воевод[1], решения по острогам и деревням также поступают из Иркутска. Дополнительно, не позднее чем с 1683 г. [39, с. 107] в Удинске также появляются приказчики. Известно о них немного, например, одним из первых нами выявлен Емелька Паникадильщиков, который в 1684 г. [71, с. 76] не вполне законно промышлял чужим дощаником с товарами, хотя тот был завещан Вознесенскому монастырю.

В региональной литературе закрепилось мнение, что Селенгинск подчинялся нерчинскому воеводе, которое в основном основывается на формальном старшинстве последнего и некоем единстве забайкальских территорий [62, с. 23]. С этим мнением можно согласиться лишь применительно к определенному промежутку времени. В основной массе документов Нерчинского воеводства Западное Забайкалье рассматривалось только в фискальном отношении и лишь фрагментарно. Полномочия приказчиков в этот период несколько уже, чем воеводские, но, учитывая все особенности, можно предположить, что селенгинский приказчик имел более широкие полномочия и задачи, чем приказчики, подчиненные нерчинскому воеводе. Становилась все более отчетливой необходимость появления самостоятельного центра в Западном Забайкалье. Отсутствие такого центра, с одной стороны, компенсировалось чрезвычайными чиновниками, с другой — низкая плотность населения и его малочисленность не создавали необходимого фундамента для его появления. Уже упомянутый нами полковой воевода, полномочный царский посол, окольничий Ф. А. Головин внес неоценимый вклад в формирование здесь отдельного центра. Кроме непосредственно дипломатических и военных, он исполнял гражданские воеводские полномочия в Даурии в качестве чрезвычайных. Основной его задачей было урегулирование отношений с Китаем и установление стабильной границы. Его походная канцелярия (разрядный шатер), начавшая свою деятельность еще в Иркутске в 1687 г., получила широчайшую компетенцию по управлению Даурией как особым разрядом. В материалах дел разряда имеются челобитные, судебные, административные, военно-стратегические дела, дела по снабжению и т. д. Фактически деятельность Головина по размаху и компетенции в Забайкалье можно назвать уникальной. Его разрядный шатер — не стационарное, а постоянно передвигающееся вместе со своим хозяином учреждение. После Иркутска он переместился в Удинский острог, а затем в Селенгинск, Нерчинск и т. д. Штат канцелярии состоял из дьяка, нескольких подьячих, толмача и дополнялся в местах своего пребывания чиновниками приказных изб. При этом разрядный шатер и лично Головин не заменили и не отменили существовавшее воеводско-приказное управление, но все имевшиеся в регионе администраторы им подчинялись. Несомненно и то, что обстановка на границе и работа разрядного шатра окончательно привели к закреплению Западного Забайкалья за Иркутским воеводством.

[1] Не исключаем, что после повышения статуса Иркутска Селенгинск, в свою очередь, становится центром присуда.

Крупнейшие остроги Западного Забайкалья этого времени: Баргузинский, Селенгинский, Удинский и др. — оставались укрепленными центрами, управляемыми приказчиками. Во главе воинских контингентов стояли казачьи (стрелецкие) головы. Фиксируем, что в 1701 г. управление в Удинске находится в руках стрелецкого и казачьего головы А. А. Бейтона[1] (ранее называвшегося приказчиком). В Итанцинском остроге управлял приказчик К. Свешников [23, с. 142–143], Ильинском — сын боярский И. А. Главинский, Кабанском — С. Казан [71, с. 77]. Этим сведениям не противоречит заметка Тулишэня, члена маньчжурской делегации 1712–1715 гг., который, будучи проездом в Удинске, сообщал что «*над городом определен один начальный человек*» [128, с. 29–30]. Из Иркутской летописи известно, что после казачьего головы Андрея Бейтона в 1714 г. из г. Иркутска в Удинск «*комендантом*» назначен воевода Степан (Федор) Рупышев. Э. В. Демин [128, с. 207] ошибочно считал, что с этого времени началось комендантское правление в городе, что, конечно, не так. Во-первых, материалы летописи не являются полностью достоверным источником, прежде всего потому, что написаны позднее этих событий. Во-вторых, в Селенгинск, острог большей значимости в начале XVIII в., комендантов стали назначать только с 1727 г. В Удинске не было в этот момент достаточного контингента — хотя бы батальона, поэтому определить статус Рупышева достаточно сложно. Рупышев мог быть не комендантом, а ландратом, возглавлявшим соответствующую долю, если, конечно, указанная личность в принципе существовала. Никаких других сведений о нем, кроме упоминания в летописи, нам не известно, а вместе с тем институт приказчиков (впоследствии земских комиссаров) в забайкальских крепостях в том или ином виде сохранялся вплоть до середины 70-х гг. Конечно же, высшими чиновниками по статусу и полномочиям в Забайкалье являлись нерчинские воеводы.

«Следить, дабы все под царскою высокою рукою послушны были и жили смирно во всяком послушании»

Одновременно с установлением первых государственных институтов управления на азиатских окраинах появляются и некоторые регулярные административно-полицейские службы. Необходимость создания отдельных полицейских учреждений еще не была принята на государственном уровне и являлась дополнением к административному и военному управлению регионами. Наблюдение за порядком в острогах, как и в большинстве малых населенных пунктов России в конце XVII — начале XVIII в., находилось в ведении приказного или воинского управления. Приказчики могли чинить следствие и суд по незначительным делам, но основной их задачей стало задержание и допрос подозреваемого с последующим извещением об этом руководства (воеводы). Анализ наказной

[1] Андрей Афанасьевич Бейтон, сын казачьего головы, поручика и героя Албазина Афанасия Ивановича Бейтона. У Афанасия Ивановича было четверо сыновей — Андрей, Яков, Иван и Федор. Все они в разных чинах и должностях, в том числе казачьих голов, приказчиков и воевод, в разное время занимали видные посты в Удинском, Селенгинском, Иркутском и Нерчинском острогах.

памяти приказчикам острогов привел исследователей к мнению о неоднозначности исполняемых ими функций в этой сфере [154, с. 92]. Природно-климатические особенности и политическая конъюнктура могли по-разному определять их полномочия и обязанности. Еще с XVII в. приказчикам полагалось «*ведать судом и расправою*», что предполагало надзор за местным населением и служилыми людьми. В регионах же с нестабильной приграничной обстановкой и не всегда мирными ясачными областями, как в Забайкалье, на первый план выходила оборонительная функция. К этому добавлялось поддержание безопасности острога, расстановка караулов и надзор за ними, осмотр порядка содержания оружия служилых людей и т. д.

Тяжкие преступления были исключены из полномочий приказчиков и передавались на рассмотрение вышестоящих начальников — воевод. Среди судебных дел приказчики рассматривали малозначительные имущественные и гражданские дела, а среди исполняемых ими наказаний — «*битие батожем нещадно*» [Там же, с. 93]. Сравнение приказных полномочий периода последней трети XVII в. на территории Сибири свидетельствует, что функциональные возможности приказчиков очень сильно зависели от условий, в которых они осуществлялись. Можно с уверенностью установить прямую взаимосвязь между отдаленностью и нестабильностью региона и широтой данных приказчикам полномочий.

Одним из ранних документов, относящихся к реализации судебно-полицейских полномочий за Байкалом, является «*Наказная память ...вновь назначенному приказчику Селенгинского острога*» (1682–1684 гг.). Приказчику поручалось среди «*...всяких чинов людей... расправу чинить*», то есть судить и исполнять судебные решения. В случае появления разбойников их следовало задержать или организовать погоню, а затем держать под арестом до распоряжения воевод. Наказная память дифференцировала дела для рассмотрения приказчика и те, что нужно направлять на рассмотрение воеводе: «*дурна унимать и чинить наказанья смотря по вине, опричь*[1] *татиных*[2] *и разбойных и убийственных и волшебных дел, а будет кто пойман на татьбе, разбое или приведен будет в убивственных и в волшебных делех, ему* [приказчику. — *Р. А.*] *тех людей роспрося держать за крепкие караулы скованных и о том писать к воеводе*» [35, с. 255–259]. Приказчик следил за торговлей спиртным и пресекал винокурение без разрешения, азартные игры и торговлю табаком. Средствами профилактики различных нарушений объявлялись лишь «*крепкие караулы*» на въезде и выезде из крепости.

Полицейские полномочия были предписаны высшему управленческому звену — воеводам. Для Забайкалья их полномочия подробно расписаны в «*Наказе нерчинским воеводам*» (1696 г.). Фактически этот документ — результат установления, по крайней мере, нейтральных отношений с Китайской державой на основе Нерчинского договора 1689 г. Территория за «*Байкалморем*» признавалась за Россией и наказ наделял воевод широчайшими

[1] Устар. кроме.

[2] Устар. татьба — преступное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой.

полномочиями: от судебно-полицейских, административно-хозяйственных, фискальных до военных и дипломатических. Первые две функции значительно превалировали над прочими чаще во внутренних областях [208, с. 139], в то время как на окраинах имели место все перечисленные.

Воевода, будучи прямым проводником царской политики на месте, наделялся высшей судебно-полицейской властью в своем регионе. Он обязывался оберегать местное население от набегов, пресекать воровство, карточные игры, драки, пьянство, грабежи и следить, чтобы все под «*царскою высокою рукою послушны и жили смирно во всяком послушании*»[1]. Важным аспектом политики обеспечения безопасности в государстве было соблюдение мира и спокойствия между разными сословиями: *«... служивые и посадские и всякие люди и пашенные крестьяне корчмы и зерни у себя не держали, и разбою и душегубства у них и меж себе драк и никакого воровства нигде и шатостей и бунтов и измены в русских во всяких людях и измены в русских во всяких людях и в иноземцах... отнюдь не было*»[2]. Розыскное повытье (отдел), обычное для всех воеводских канцелярий, занималось документооборотом по полицейским вопросам. Поиск и задержание преступников осуществлялось непосредственно воинской командой, ими же исполнялись наказания и осуществлялась охрана «*посаженных в цепь*» (арестованных). Воеводе поручалось наблюдение за движением населения, поиск беглых и приведение в покорность ослушавшихся. В вопросах сыска, следствия и суда воевода руководствовался «*Указами великого государя*» и «*Соборным уложением*». Всех приезжих допрашивали в приказной избе, писали «*расспросные речи*»: как зовут, откуда родом, кто родители, где в настоящее время живут, цель появления в уезде и т. д. Если «*в ком чаять смуты или воровскаго заводы и тех людей распрашивать и по распросу, буде который доведетца, велеть сажать в тюрьму*» [216, с. 179]. Особенные полномочия имел воевода при подавлении и расследовании любых выступлений против власти. А. Д. Градовский отмечал: «*полицейский характер воеводского управления выражался довольно сильно... в пресечении и преследовании преступлений. Эта сторона полицейской его деятельности проникала даже в его судебную деятельность, сообщая последней какой-то полицейский характер*» [55, с. 432]. Безопасность и «*сохранность в покорности территории сибирским воеводам подведомственной*» была их главной задачей, потому не удивительны были и происходившие от широты полномочий злоупотребления.

Напрямую воеводам поручалось сохранение пожарной безопасности, в первую очередь в интересах торговли. В «*Наказных статьях Нерчинскому воеводе*» от 5 января 1701 г.[3] вменялось: «*радеть, чтоб... сделать двор гостиной... принять меры безопасности от пожара и буде возможно, чтоб близ того двора деревяннаго строения не было...*». К противопожарным мерам относился и запрет посадским жителям топить домашние и банные печи летом, а пищу готовить во дворе, на специально устроенных печах. Для контроля чрезвычайных случаев, пожара, нападения разбойников или ясачных воевода должен

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 3. № 1542.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1822.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1835.

устанавливать крепкие караулы, «*чтоб никакие воинские или воровские люди к острогам и на уезды войной... не пришли*»[1]. Собственно, никаких иных способов противодействия преступлениям еще выработано не было.

Воевода исполнял и судебные полномочия, которые ширились в зависимости от территориального положения, политической или приграничной обстановки. В отдельных областях России воеводам поручалось «*всяких служилых и жилецких людей во всяких управных делах судить и расправы меж ими чинить*» [216, с. 179]. Заседания суда в зданиях воеводских канцелярий проводились в специально отведенных «*судебных каморах*», где хранились документы и судейская печать.

Вся полнота регулярной, непосредственной охраны правопорядка вверялась служилым казакам и их командирам. Крупные воеводские города, такие как Нерчинск, кроме воинских команд могли иметь специальные должности городничих или городовых приказчиков, назначавшихся из дворян или детей боярских. Такая должность,как мы сообщали выше, предусматривалась в штате воеводской канцелярии Нерчинска [121, с. 13]. Установить подлинно круг полномочий городничих этого времени сложно, единственная на данный момент попытка изучения этой очень любопытной должности предпринята Б. Н. Чечериным в его капитальной работе, посвященной областным учреждениям России XVII в. [133, с. 366–370]. Известно, что городничие этого времени наблюдали за крепостью в целом, состоянием фортификационных сооружений, казенных запасов в крепости, пожарной безопасностью, сохранением тишины и спокойствия, недопущением корчемства и т. д. Городничих могло быть несколько, чем их должность сближается с будущими квартальными надзирателями. В других поселениях: зимовьях, острогах и небольших городах без приказчиков — соответствующие охранно-полицейские функции выполнял имевшийся на месте воинский начальник (острожный, стрелецкий, казачий голова). Головы, как и другие главные чины, имели не только полицейскую, но и судебную власть над подчиненной воинской командой [Там же, с. 374], а также пресекали преступную деятельность и вели розыск беглых. В их компетенции находился суд и наказание служилых, за исключением опять-таки «*убийств, татьбы и волшебных дел*».

Можно заключить, что вопросы внутренней безопасности на период финала XVII в. не осознаны в полной мере как отдельный вид целенаправленной деятельности. Исполнение полицейских функций предполагалось как логичная часть административно-управленческих функций и удержания общества в состоянии покорности. Соразмерно правам и полномочиям конкретного чина, встроенного в сословную систему, существовавшую в России во второй половине XVII в., он исполнял все значимые управленческие задачи в отношении подведомственных ему лиц, в том числе полицейские и судебные. Конечно, для получения более качественного и независимого рассмотрения дела и суда было необходимо обратиться к приказчику, а еще лучше к воеводе. Они и являлись олицетворением справедливого суда в глазах обывателя, чем нередко злоупотребляли.

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1822.

Бунташные полвека Забайкалья

Как справлялись с судебно-полицейскими обязанностями воеводы и приказчики, особенно во взаимодействии с наиболее активной воинской частью населения, стоит сказать отдельно. Почти абсолютная власть, вызванная концентрацией всех важных полномочий в одних руках, при почти бесправном населении без системы самоуправления создавали широчайшие возможности для злоупотреблений, чем воеводы пользовались в полной мере. Единственным средством к пресечению поведения потерявшего границы дозволенного, особенно на дальних рубежах России, была систематическая замена воевод раз в несколько лет. Очевидцы событий так характеризовали местных управленцев: «*Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями... для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось ни во что*» [62, с. 57]. Такое положение дел, надо сказать, признавалось и центральной властью: *«многие воеводы воруют лучшие ясачные соболя... емлют себе многие взятки»* и т. д.[1]

Исследователи Сибири и ее общественно-политического развития сходятся во мнении, что нигде злоупотребления воевод не доходили до той грандиозной степени, когда населению становилось совершенно «*не можно жить*». После безрезультатной мольбы государю о смене воевод общество своими силами пыталось оградить себя от «*воевод-разорителей, грабителей, мучителей*» поднимая бунты [62, с. 58]. Очень ярко иллюстрируется качество воеводского управленческого аппарата и его взаимодействие с обществом в работе Н. Н. Оглоблина [104; 240], где приведены и прокомментированы архивные документы, касающиеся Красноярского бунта 1695–1698 гг. Азиатские окраины переживали те же процессы. В Нерчинском остроге в 1673–1676 гг. проходило восстание, связанное со злоупотреблениями приказчика П. Шульгина, который «*...за взятки выпускал бурятских аманатов... скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть нечего было по дороговизне хлеба, питались травою и кореньями; бил служилых кнутом и батогами, велел брать в руку батогов по пяти и шести*» [125, с. 238]. Доведенные до отчаяния казаки отказались повиноваться приказчику. Дело приняло серьезный оборот: казаки не пустили его в приказную избу, выбрали нового приказчика. Отказы от приказчиков и воевод часто происходили в Сибири в течениие XVII в. В том же Нерчинске 8 октября 1695 г. вспыхнуло новое восстание. Из отписки в Сибирский приказ иркутского воеводы следует, что воеводу А. Савелова нерчинские служилые отстранили от дел и поместили под караул. Между тем они избрали из своего круга двух лиц — сына боярского И. Аршинского и пятидесятника Ф. Свешникова, которых и наделили расправными функциями [62, с. 58]. Выбранные казаками лица исполняли воеводские обязанности почти два года, до прибытия нового воеводы в 1697 г.

В 1696 г. приказчик Герасим Турчанинов жаловался на баргузинских казаков, называя их ворами, разбойниками, грабителями: «*...напали на меня,*

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 3. № 1532.

на домишко мое и разрубили все без остатку, и женишку мою мучили и вязали, также и людишек моих в воду бросали». Безусловно, не стоит воспринимать местное казачье население сквозь призму указанных фактов исключительно как варваров и разбойников. Казаки сознавали несправедливость и боролись с ней всеми доступными способами, в частности и вполне законными — сообщая высшим начальникам и государю о злоупотреблениях местных управленцев. Если реакции на их сообщения не следовало, то они использовали единственный доступный им метод борьбы, за отсутствием соответствующих институтов — бунт. Такое свободолюбие порождало и некоторые зачатки гражданской организации и даже прописанные договоры. В договоре служилых людей Селенгинского, Удинского, Кабанского и Ильинского острогов, составленном в апреле 1696 г., говорится: «*есть ли начальные люди, воеводы и приказные учнут нам чинить какие напрасные обиды и налоги и какое разоренье и на них... государем бить челом ... и быть нам... служилым людям всем заодно вместе*». Что любопытно, в этом договоре полицейские функции — обязанность воеводы и царской администрации в целом выставлялись как общая ценность и необходимость содействия в их поддержании: «*меж собою друг на друга напрасные вражды начальным людям никакой... не приносить и от зерни, карты и пития друг друга унимать*», а кто «*учнет меж городы Удинска и Селенгинска... чинить какие ссоры напрасные или зернью и карты учнут играть или покупное пить и бражничать и на таких людей великим государем бить челом и начальным людям докладывать*» [62, с. 59].

Одним из самых массовых выступлений в регионе зафиксирован бунт в отношении уже упомянутого А. Савелова, ставшего иркутским воеводой в 1696 г. [35, с. 422–436]. Описание злоупотреблений Савелова занимает солидное число страниц дела, от взяток и «*верстания*» в чины без государева указа, невыдачи служилым жалования, кражи до измены государю. В ответ на злодеяния Савелова казаки и служилые люди Удинского и Селенгинского острогов в 1696 г. подняли восстание. Любопытна в этом отношении челобитная удинского приказчика А. Бейтона, находившегося в самой гуще события, но не смещенного с должности казаками: «*удинские казаки взбунтовались и пограбили животы ... и впредь грабить хвалятся, а унять их невозможно*». Изрядно напугав воеводу своим приходом в Иркутск «*с ружьем к городу и к воеводскому двору к нему, Афанасию* [воеводе. — Р. А.]*, приступили... и из пищалей к стрельбе на него...*». Можно констатировать, что казаки не взбунтовались в целом против самодержавной системы власти, существовавшей на тот момент. Грабежам и побоям подверглись люди воеводы, казаки попытались наказать и самого воеводу, из чего следует, что они пытались восстановить справедливость в собственном понимании и защитить себя от посягательств со стороны обидчика.

Вообще ценность человеческой жизни в это время, надо отметить, была не высока. Крепостной гнет находился в самом расцвете, поэтому можно было свободно покупать и продавать людей, как любую другую собственность. Для сравнения, в XVII в. парень в Якутске стоил 6 р., в Нерчинске уже 20 р., а девка (пленница) 5 р. Баба (то есть рожавшая женщина) от 15 до 30 р., а семейство из мужа, жены и дочери на «*вечныя времена*» за Байкалом оценивалось в 100 р.,

в то время как лошадь в Иркутске стоила 2 р., а работа плотника за год составляла чуть более 30 р. [71, с. 63]. И это, к слову, в Сибири, где, как отмечает автор, в то время все было дороже.

Расследования дел о злоупотреблениях своих предшественников в Восточной Сибири вели новые воеводы, в отличие от Западной Сибири, где громкими делами занимались присланные государем сыщики [104]. Указом от 1 февраля 1701 г., новоназначенному нерчинскому воеводе Ю. Бибикову в числе прочего поручалось расследование убийства иркутского сына боярского С. Шестакова в 1695 г. казаками Аргунского острога и раздела его имущества между убийцами. Прежний воевода С. Николаев расследовал дело и выяснил, что Шестаков чинил разные обиды местным тунгусам, вследствие чего некоторые из них откочевали. Казаки вменили Шестакову в вину сокращение его действиями ясака, за что между ними завязалась перепалка, а затем последовало его убийство. Указом воеводе поручено розыск*«производить не очень жестокий, чтобы не смутить и не разогнать казаков ... зачинщиков двух или трех человек наказать жестоко, сослать в Якутск»*[1]. Но в связи со смертью Николаева его сын, опасаясь вызвать смуту не стал возобновлять следствие, потому Бибикову поручалось окончить расследование. Страх Николаева-младшего был полностью обоснован.

Нападение служилых на детей боярских, приказчиков и воевод не то чтобы было обычным делом, но и редкостью не было и расследовалось с большим шумом. Такие дела обычно рассматривались быстрее остальных. В течение двух лет расследованы убийства в камчатских острогах и разграбление имущества приказчиков [23, с. 472], в результате которого из повинных 30 человек казнены только зачинщики, остальные «*биты кнутом нещадно*». Расследование и раскрытие преступных дел, творимых служилым сословием, часто было затруднено не только отдаленностью, но и слабостью власти на местах. Можем предположить, что нередко результат расследования воеводы продиктован не только законным основанием, но и политическим положением и расстановкой сил его окружения. Не только расследования дел могли занимать годы, но и поиск преступников, даже в громких делах. Например, в 1703 г. Степан Матвеевич убил своего отца Матвея Михайловича, представителя знаменитого княжеского рода Гагариных [75, с. 430], и скрывался от правосудия под другой фамилией, женился и, что самое интересное, распоряжался оставленным ему отцом имением. Только в 1722 г. Степана казнили за отцеубийство.

Куда в меньшей степени от злоупотреблений были защищены крестьяне и другие непривилегированные слои населения. Известно множество челобитных, обращенных к государю от пашенных крестьян и ясачных на злодеяния детей боярских и служилых. Так, в челобитной 1658 г. от ясачных в Енисейскую съезжую избу на И. Похабова «*сироты... иноземцы ясачные людишки*» [241, док-т 6] сообщают о многих обидах от сына боярского, включая грабежи, физические расправы, насилие над женами и т. д. Не были редкостью нарушения закона в виде убийств, грабежей и незаконного винокурения в обществе местных пашенных и служилых людей [Там же, док-ты 7, 9], на которых также

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1835.

жаловались ясачные. Русские пашенные крестьяне, «*бедные и беспомощные и до конца разоренные сироты*...» [35, с. 214–218] не реже жаловались на обиды со стороны администрации. Среди совершаемых злодеяний отмечены поборы, грабежи, применение побоев, пыток, незаконных арестов и попытки отдельных служилых совершенно невообразимого — «*жен сильничать*». Одновременно с этим в литературе указывалось на притеснения местных ясачных русскими крестьянами. Однако обращения к государю от крестьян второй половины XVII в. за защитой говорят скорее о куда большей опасности для них со стороны кочующих ясачных, повсеместно грабивших скот в русских деревнях и причинявших иной урон хозяйствам. Вразумительных решений по челобитным как от русских крестьян, так и ясачных, как правило, не было, реакция в основном следовала лишь в случае бунта притесняемых.

Конечно не все злоупотребления чинов воеводско-приказной системы пресекались бунтами. Приграничное общество было способно к конструктивному диалогу, в том числе через объединения. Обращает на себя жалоба кабанских, ильинских и селенгинских служилых людей на приказчиков Тресковской и Колесниковой деревень Клепалова и Паникадильщикова (уже упомянутого нами). Документ составлен по крайней мере от 1000 человек. Подписавшие обвиняли приказчиков в скупке хлеба и варке из него пива на продажу, отчего хлеб начал сильно дорожать. А кроме того, указывалось, что жители названных деревень судом и расправой относились ранее к Кабанскому и Ильинскому острогам и хотели бы сохранить таковое положение. На жалобу последовала резолюция воеводы И. Ф. Николаева: с приказа таковых сместить, а суд и расправу восстановить в ведении прежних острогов.

Несколько крупных бунтов в Забайкалье в последней трети XVII в. и на рубеже XVII–XVIII вв., в общей хронологии не занимающие и половины века, очень показательны и целиком встраивают социально-политические процессы окраин в общеимперские. В отсутствии регулярной службы защиты порядка, справедливости и независимого суда, общество окраин России, как и другие территории, что видно из аналогичных примеров по всей территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, стремилось через имеющиеся у него инструменты восстановить справедливость и защитить себя. Единственными к этому средствами являлись челобитные и бунты. Конечно, возможностей защитить себя было больше у людей вооруженных — служилых и казаков. По крайней мере наличие у них оружия заставляло администрацию если не бояться, то как минимум считаться с их интересами. Не всегда учиненные казаками суд и расправа гуманны, но всегда отражали видение справедливости сурового приграничного общества. При этом служилое и податное общество не находились на каком-то первобытном уровне жестокости и не стремилось исключительно к ней. Напротив, ими хорошо осознавалась необходимость сохранения порядка и спокойствия в регионе и их роль в этом. Другое дело, что казаки считали справедливым сурово наказывать, порой даже грабить зарвавшегося воеводу или приказчика, оправдывая это логикой справедливого возмездия — раз он ограбил нас, мы можем ограбить его. В этой структуре ценностей и понятий о справедливости могло не найтись места статусу воеводы как государева человека, ведь сами казаки тоже считали себя людьми государевыми.

Власть и безопасность: реализация петровской идеи «регулярного» государства

Период первой четверти XVIII в. крайне важен в плане окончательного встраивания азиатских окраин в систему регулярного управления государством. Забайкалье как составная часть Российской империи понимается нами как окраина, чем, к слову, вызвана причина назначения ее местом ссылки и каторги. Добраться отсюда в европейскую часть империи чрезвычайно сложно, и в этом, собственно, состоял основной замысел ссылки. Власть, пытаясь дистанцироваться от нежелательных политических элементов, одновременно создала уникальные условия формирования общества Сибири.

Система управления азиатскими окраинами вплоть до последней трети XVIII в. до крайности запутана. Это вызвано не только сложностью и неоднозначностью региона, но и самим противоречивым ходом административных трансформаций. Сибирь «не поспевала» перестраиваться за вереницей следовавших друг за другом реформ Петра. Только заработавшее нововведение, служба быстро перекрывалась новой, а затем переименовывалась и получала иные задачи, что сопровождалось постоянным введением новых должностей и институтов. За исполнением чрезвычайных задач некоторые учреждения и вовсе теряли из виду основные обязанности. В результате к концу правления Петра и вплоть до Екатерины II уже не вполне понятно, для чего существуют те или иные должности и органы, которые часто противоречили или дублировали друг друга.

Первая Петровская территориальная реформа государства указом от 18 декабря 1708 г.[1] разделила всю Россию на 8 огромных по территории губерний. В противовес прежней системе они не делились на уезды, а составлялись из городов и прилегающих к ним земель (города с пригородами и слободами), а также разрядов и приказов. Губернатор стал высшей административно-управленческой инстанцией в губернии, в его ведение кроме прочих вошли функции управления, надзора, полицейские и судебные дела и т. д.

Урегулирование отношений и надзор за местными властями в регионах осуществлял учрежденный сразу за созданием 22 февраля 1711 г. Правительствующего Сената особый институт фискалов (5 марта 1711 г.). Фискалы, прообраз будущих прокуроров, занимались выявлением злоупотреблений на местах, о чем они рапортовали обер-фискалу, заседавшему в Сенате. Инструкция или наказ земским фискалам поручает им многочисленные полицейские задачи в уездах. Они обязывались объезжать населенные пункты и проверять исполнение местными властями своих задач, выяснять, нет ли каких злоупотреблений или нарушений. Позднее, в 1714 г., их численность и полномочия расширены[2]. На данный момент институт фискалов изучен довольно слабо и часто характеризуется самыми общими чертами, почерпнутыми из законодательства.

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 2218. С. 436.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 2786.

По логике реформы, гарнизонные малые города возглавляли коменданты, а где не было гарнизонов — ландраты[1] с собственными канцеляриями. Последние кроме канцелярии получали в помощь специальных комиссаров для земских дел и сборов. Ландраты по своему функционалу напоминали прежних воевод, в их полномочия входили административные, фискальные и полицейские функции. На данный момент известно о деятельности только двух ландратов в Сибири — тобольского и якутского [49, с. 54]. Предполагаем, что с течением времени их обязанности были переданы земским комиссарам. Реформа предполагала отделение суда от администрации. В качестве независимых судей в губерниях появились должности ландрихтеров. Такие изменения окончательно запутали и без того не вполне стройную систему управления Сибирью. Уже и сами чиновники не всегда понимали, как называть друг друга и чем отличается воевода от ландрата и коменданта. Повсеместная запутанность в системе регионального управления отмечена и доказана не одним поколением историков, начиная с дореволюционных [53, с. 3], на примере не только Сибири, но и западных областей России.

Поспешность и непродуманность первой реформы заставила продолжить преобразования в поисках подходящей, работающей модели территориального управления. Среди всех мероприятий власти по встраиванию обширных азиатских окраин в систему имперского управления реформы 1719–1724 гг., на наш взгляд, были поворотными. В Сибири дробление губерний на провинции и дистрикты начато указом от 29 мая 1719 г.[2], а окончено только 26 ноября 1724 г.[3], в то время как в западных областях страны такое дробление стало отменяться. В составе Сибирской губернии были выделены три провинции, среди которых — Тобольская[4], включившая интересующую нас территорию —Восточную Сибирь. Среди значимых городов в указе названы только Иркутск и Нерчинск. Западное Забайкалье с центром в Селенгинске в этот период продолжало подчиняться Иркутску. Вместо прежней приказной палаты в Иркутске организована провинциальная канцелярия во главе с воеводой, в составе аппарата которой фиксируются земская контора, камерирское правление и т. д. Реформа предполагала упразднение ландратских долей и деление губерний на провинции, а тех — на дистрикты [272]. Вводилась многоступенчатая территориально-управленческая структура: губерния — провинция — дистрикт — слобода. Эта схема не стала универсальной, работала далеко не везде, и в отдельных регионах реализация реформы пошла своим ходом. Исследователи сходятся во мнении, что чаще всего такие типы административно-территориального деления вводились с целью упорядочения переписи населения, взимания податей на определенное воинское подразделение [53, с. 103–104] и в целом для усиления военно-карательных мероприятий. Вообще создание дистриктного деления в России неоднозначно оценивается историками. И до сегодняшнего дня прямо и открыто констатируется, что специалисты не знают, какое на самом

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 2879.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3378.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7. № 4606.

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3380.

деле устройство России было создано реформами 1719–1724 гг. [255, с. 272–273], с чем мы вынуждены согласиться. Процесс создания дистриктов, существенно не отличавшихся от прежних уездов, а в ряде случаев сосуществовавших с ними параллельно, реализован особенно основательно по приграничным и, скажем, не вполне стандартным регионам: места ссылки, горнозаводские, приграничные. И хотя дистрикты были созданы повсеместно, именно в указанных областях они существовали дольше всего.

На территории Забайкалья создается один — Селенгинский — дистрикт, территория же Нерчинска оставалась уездом, по крайней мере формально. Причиной создания дистрикта стала обстановка на границе с Китаем и необходимость возложения содержания местных служилых на территориальную единицу, в которой они расквартировывались. Такие территориальные образования возглавлялись земскими комиссарами и их земскими конторами, основной задачей которых был контроль сбора налогов (особенно после введения подушной подати в 1724 г.), хозяйственное обеспечение экспедиций, посольств и ряд административных функций. В этом смысле комиссары напоминали городовых воевод, власть которых распространялась на прилежащие к городу территории. По мнению Ю. В. Готье, создание областей на шведский манер позволило привнести больше дисциплины в сборе налогов и сохранении полицейского порядка. По поводу последнего были предприняты и другие меры.

В дистриктах предусматривались надзорные должностные лица: казачий голова, сотник и городничий (который существовал ранее, при воеводах, только в городах), занимавшиеся надзором за служилыми — основной категорией жителей азиатских окраин империи. Одновременно в документах фиксируется наличие таких органов, как земские избы [10, с. 26], не исчезавшие из делопроизводства вплоть до 80-х гг. XVIII в., очевидно, низовые элементы гражданского самоуправления, возглавляемые земскими старостами. Старосты также играли значительную роль в обеспечении порядка в среде крестьян. О роли и значении новых элементов правоохранения сказать что-то определенное сложно, но что можно утверждать уверенно — для того времени система оказалась действенной. Несмотря на неснижавшееся давление на общество со стороны власти налогами, новым укладом и установлениями, значительно снизилась активность выступлений и бунтов, по крайней мере на окраинах.

Говоря о профессиональных органах безопасности, их формирование традиционно связывается с реформаторской деятельностью Петра I. Прежде создания регулярной полиции указом от 10 марта 1702 г.[1] петровское правительство упразднило в городах губных старост и сыщиков, которые ведали полицейскими делами, и передало эти функции в руки дворянства. В более или менее крупных городах дворяне из «*добрых и знатных людей*» заседали вместе с воеводами для решения насущных дел города. С указом от 5 апреля 1707 г. [29, с. 82–83] воеводы стали лично ответственными за полицейский сыск. Особенно это касалось пресечения бегства крестьян из уездов в города. Не прошло и 10 лет, как указом от 12 октября 1711 г. «*О беспрепятственном розыске и*

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 1900.

преследовании сыщиками воров, разбойников...»[1] был восстановлен институт сыщиков. Такой институт чрезвычайных чиновников, основными задачами которых предполагались: поиск, преследование и допросы разбойников с целью выяснения связей преступников и их криминальных свершений, казался Петру наименее волокитным и эффективным. Ю. В. Готье выделяет три способа борьбы с преступностью, характерные для первой половины XVIII в.: принуждение обывателей к собственной защите, понуждения местных администраций и посылка отдельных военных команд под предводительством сыщиков [53, с. 341]. Сыщики действовали фактически в каждой губернии независимо от губернаторов и местных властей и имели собственную военную поддержку. В историографии нет однозначных оценок эффективности такой структуры, сыщики существовали достаточно долго и были упразднены только в 1762 г.[2]

На западный манер и в соответствии с идеей регулярного государства Пётр создает в 1715 г. первый специализированный полицейский орган — Главную полицмейстерскую канцелярию [335, с. 83]. Исследователи в целом солидарны и в том, что Пётр перенял лишь в общих чертах систему западноевропейской полиции, когда попытался основать подобные органы в России [350, с. 19]. Причина этому — не только слабое экономическое положение и отсутствие системы и опыта внутреннего самоуправления города, но и принципиально иная направленность службы данного органа. Система полиции, заботившаяся о внешним благочинии, какой она задумывалась, описанная законодательными актами, отлична от западноевропейской системы. Значимость нового учреждения определялась не только необходимостью в самой правоохранительной службе, но и потребностью в наблюдении за лояльностью общества и контроле исполнения постановлений. Первой полноценной инструкцией деятельности полиции становятся «*Пункты данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру*» от 25 мая 1718 г. [336, с. 45; 350, с. 19]. Охранение города — обязанность городских жителей, просуществовавшая до середины XIX в.; им в помощь для несения караулов определялись казаки из городовых команд. Использование военных как полицейской стражи было очень выгодно для казны. Во-первых, оно обусловлено подготовленностью и дисциплиной военных кадров и, во-вторых, экономией финансов, так как им не нужно выплачивать жалование, они уже получают содержание от государства.

Первоначально, следуя системе строгой вертикали, органы полиции создавались в главных центрах государства — Санкт-Петербурге и Москве. Затем система, приобретая все более четкие законодательные основания и штаты, распространяется на крупные города и губернские центры, а позднее и на более мелкие города и остроги. Данный тип создания полиции в Российской империи, как считает И. И. Дитятин [61, с. 217], в корне отличается от западноевропейского. Создание европейской полиции явилось следствием естественной жизни города, в то время как полиция Российской империи — не что иное, как инструмент власти в поддержании собственных интересов. Напряжение внутренней обстановки в стране, усиление крепостничества требовали

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 4. № 2439.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 15. № 11573.

создания органа для борьбы с преступностью, предотвращения бунтов, восстаний, бегства с принудительных работ, выявления подпольных производств алкоголя и т. д.

Распространенным является мнение о создании полиции указом от 16 апреля 1719 г. «*О искоренении воровских людей, и беглых солдат, и рекрут*», чем введены обязанности губернаторов в соблюдении противопожарных, санитарных норм, содержании постоев войск и прозрачности торговли [313, с. 42]. Указ определял лишь рамки для местных администраций в борьбе с преступностью и соблюдением спокойствия на управляемых территориях, но не устанавливал штат и прямые обязанности полиции.

Что касается благочиния малых окраинных городов, то его сохранение фактически поручалось местным военным начальникам — комендантам. Термин «*комендант*» заимствован русским делопроизводством в самом начале XVIII в. из «*Прибалтийских администраций*» [155, с. 139]. Эта должность, как и воеводская, не имела четких разграничений, но согласно указу от 28 января 1715 г. коменданты и обер-коменданты не назначались в города без гарнизонов, хотя были исключения. М. М. Богословский считает, что часто термины «воевода» и «комендант» взаимно заменялись. Функциональные различия между ними незначительны на первых этапах, но разница все же была. Воевода в начале XVIII в. — универсальная должность, руководитель и города, и округа, и войскового соединения. Комендант же связан исключительно с военным ведомством и подчиняется губернскому обер-коменданту, исполняя полномочия по гражданской части в качестве чрезвычайных. Другое дело, что эта чрезвычайность переросла со временем в стандарт. Согласно «*Воинскому уставу*» 1716 г., комендант гарнизонной крепости руководил в городе расстановкой караулов, организацией обороны, поддержанием порядка и дисциплины в крепости. Без его разрешения воинская команда не могла войти в крепость или покинуть ее.

Караулы в городе расставлялись при въезде на шлагбаумах и в крепости, любой подъезжающий обязан был иметь письменный документ-разрешение на проезд. В случае происшествия, в том числе поимки беглого или беспаспортного, сведения тут же подавались коменданту. Он лично организовывал и руководил тушением пожаров в городе и крепости. Устав не только предписывал иметь в присутствующих местах и самим горожанам специальный инвентарь для пожаротушения, но и содержал пошаговую инструкцию на случай возгорания, в тушении которого основной силой была воинская команда. Поэтому еще до создания разветвленного штата полиции ее функции часто исполняли военные начальники и вверенные им воинские подразделения. Причиной стало в том числе видение самим Петром I государственного аппарата, идеал которого заключался в воинском порядке, четкости и железной подчиненности вертикали власти. В этой связи наиболее организованной, обученной и квалифицированной частью системы обеспечения безопасности была армия.

Комендантам обладали крайне широким функционалом, особенно если речь шла о пограничных крепостях. Кроме руководства обороной и защитой территории они нередко организовывали сбор разведывательной информации, например о передвижениях войск соседей [145, с. 38–42]. Нередко

коменданты высокого уровня исполняли и некоторые внешние задачи, в том числе урегулирование конфликтов на границе, координацию передвижения инородцев, перешедших в подданство русского царя, и ссыльных. Именно коменданты на местах стали первыми учредителями и регуляторами охранно-полицейской службы в городах и округе. В отличие от штатной полиции столиц и крупнейших центров государства, эта полиция являлась, по сути, военной стражей и привлекалась в основном для охраны, сыска и поимки разбойников. Уже с самых ранних этапов становления полиция Российской империи имела военизированный характер, традиционный для всего сибирского бюрократического аппарата.

Осознание запутанности системы управления регионами привело к принятию ряда постановлений, в частности указа от 29 мая 1719 г. о необходимости снабжения губернаторов, воевод, обер-комендантов и комендантов воеводской инструкцией для «*управления по оной*»[1]. Тем самым созданные многочисленные должности: коменданты, фискалы, комиссары, ландраты и пр. — в какой-то мере были универсализированы. «*Инструкция или наказ воеводам*»[2], которой они снабжались, предусматривала в том числе и охранительно-полицейские задачи. С одной стороны, определялся круг чиновников, которые могли исполнять полицейские функции, с другой — имело место некоторое дублирование в работе отдельных ведомств. Отмечаемый многими исследователями беспорядок в местном управлении при Петре I характерен не только для европейской части России, но и для Восточной Сибири на уровне как органов управления, так и отдельных должностей. Инструкция 1719 г. аккумулировала ранее разрозненные документы воедино — о деятельности областных правителей — воевод. Являясь высшим должностным лицом провинции, воевода сосредотачивал в своих руках многочисленные задачи по управлению краем, контролю общества и присутственных мест, надзору за исполнением законов, внутренней безопасностью и охраной правопорядка. Особо указывалось о надзоре воевод за земской полицией, а что касается сохранения порядка в городах, то воевода должен иметь надзор за всеми более или менее важными происшествиями. К охранным функциям в целом по провинции относились задачи по отслеживанию шпионов, содержанию в надлежащем виде фортификации, обеспечению безопасности от преступников, борьбе с фальшивомонетчиками, контролю за прозрачным ведением торговли. Важнейшей среди этих мер была общая для всех ведомств Российской империи — борьба с беглыми и «*шатающимися*», результатом чего стало введение «*проезжих писем*» (фактически паспортной системы). Наделяя воевод фактически абсолютной властью, система не усвоила проблем и сложностей, связанных с данным обстоятельством и определившихся в предыдущем столетии. Правда, важная деталь отличила «новых» воевод от прежних — их деятельность теперь регулировалась куда более детально.

Еще один важный документ, на который необходимо обратить внимание, — «*Инструкция или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях*» (1719 г.). Основная задача земских комиссаров — это организация сбора и контроль

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3381.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3294.

поступления налогов, но при этом на первый план выдвигалось правило «*...опасность отвращать*»[1]. Через подчиненных комиссар контролировал безопасность в регионе, он осматривал вверенную территорию на предмет скрывающихся беглых, разбойников и грабителей. Пункт 20 обязывал по возможности следить за благопристойностью и пресекать плутовство, татьбу, обман, прелюбодеяния, содомский и прочие грехи. Комиссар подчинялся напрямую воеводе уезда. Его контора состояла из писаря и нескольких нижних комиссаров, которые в практике Забайкалья в основном находились в крупных городах, занимаясь тем, что «*ведали крестьян*». Любопытная должность, предусмотренная в этом же штате, — мостовой надзиратель, обязанный следить за содержанием коммуникаций: мостов, постоялых дворов, дорог. Надзирателю полагался собственный штат из трех человек, используемых для организации и караулов, рассылок, розыска и поимки воров.

Период петровских преобразований в отношении полиции можно назвать периодом поисков и нормативных «экспериментов». Сюда можно отнести, например, попытку выстроить полицию западноевропейским путем, через создание децентрализованной системы «*доброй полиции*», подчиненной органам городского самоуправления — магистратам, которые могли бы создавать полицию и содержать ее по своему усмотрению. «*Регламент главному магистрату*» от 16 января 1721 г. содержал отдельную главу «*о полицейских делах*». Вначале там очерчены некоторые моральные основы функционирования полиции, ее обязанность рождать добрые порядки, в том числе принуждение всех к труду и честности, присмотр за сиротами, вдовами, воспитание молодых. В итоге регламент сообщает, что полиция есть «*душа гражданства*». Основой практического функционала полиции регламент определял «*обережение*» общества от воров, разбойников, насильников, наведение чистоты на улицах, карантинные мероприятия и препятствие необъективному повышению цен. Исследователи однозначно сходятся во мнении, что регламент главному магистрату в полицейском отношении остался чисто теоретическим рассуждением законотворцев [61, с. 216–217]. От себя добавим, что эти рассуждения в их морально-воспитательном отношении положены в основу «*Устава благочиния*» 1782 г.

Характерный момент, который стоит отметить при изучении власти и полиции, просуществовавший вплоть до конца XVIII в., — это продолжение исполнения отдельных полицейских функций должностными лицами в отношении подчиненных. Командиры проводили задержание и первичное дознание в отношении солдат, крестьянские начальники и старосты среди крестьян, магистраты и ратуши в среде горожан и т. д. В компетенции вышестоящих руководителей продолжают наблюдаться некоторые «отеческие» черты, особенно в части взысканий и суда, и хотя такие явления были нарушением законодательства как такового, воспринимались местными сообществами как справедливые. Такое отражение сословного общества вполне закономерно, правда, в отношении Забайкалья оно усугублялось отдаленностью от центров и замкнутостью территории. Злоупотреблениям в этой связи могли

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3295.

препятствовать низовые системы самоуправления, но они только появлялись и целиком зависели от местных начальников. Слабое прогнозирование результатов преобразований, усиленное непониманием воплотителей идеи особенностей территорий дало невнятную, разветвленную систему региональной власти Сибири первой четверти XVIII в. Эта система реализовывала как административно-управленческие, так и судебно-полицейские функции в соответствии с сословной системой общества. Введенные аппаратные инновации позволили окончательно встроить присоединенные территории в общую, с оговорками, систему имперской власти.

Трансформации административно-территориальной структуры в 20–60-е гг. XVIII в.

Вереница нововведений Петра I навсегда изменила облик России, правда преобразования во власти и общественной жизни не всегда были последовательны. Казалось бы, после смерти Петра они должны остановиться, но заведенный им «локомотив» мчался вперед независимо уже от легкомысленности занимавших престол лиц. Реформы власти и местного управления продолжались также противоречиво и путанно.

Дробление Сибири на централизованные области стало необходимой мерой, ведь, как признавало царское правительство, «*за дальним расстоянием городов и слобод в правлении великая неспособность...*» [75, с. 62]. Исключительное административное, торговое и промышленное значение Иркутска для Восточной Сибири требовало наделения города соответствующим статусом. Это произошло 26 ноября 1724 г. с образованием Иркутской провинции[1], в состав которой включено все Забайкалье. Даты ее учреждения разнятся в литературе — от 1719 и 1724 до 1731 г. и даже 1736 г. Имеются сведения о присланных из Иркутской провинциальной канцелярии указов и других документов не позднее чем в 1725–1726 гг. [136, с. 427; 137, с. 90]. Отдельные обрывочные сведения из архивных россыпей и характер административных преобразований позволили В. Н. Шерстобоеву датировать образование провинции предварительно 1722 г. При этом он в своих работах не утверждал эту дату в таком определении. Скорее всего, провинция начала складываться по реформе 1719 г., но процесс затянулся как минимум до 1722–1724 гг.

Иркутская провинция до 1731 г. управлялась воеводами. В литературе встречается некая неточность, в соответствии с которой считается, что на эту должность был назначен полковник И. Д. Бухгольц. На самом деле он занял позицию коменданта Иркутска, пока прежний, М. Измайлов, временно совмещавший ее с должностью воеводы, был вызван в Москву [285]. В 1731 г. должность иркутского воеводы упраздняется в связи с учреждением должности вице-губернатора [72, с. 42]. Несмотря на вполне самостоятельное правление вице-губернаторов, ряд вопросов они могли решить только через обращение в Тобольск или не могли решить без участия тобольского губернатора; обычно

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7. № 4606.

это были кадровые и организационные мероприятия. Довольно часто исследователи обращаются к указу от 30 января 1736 г., ошибочно принимая его за дату образования Иркутской провинции. Однако в данном указе речь идет именно о создании «*независимого от Тобольска вице-губернаторства, с непосредственным подчинением Сибирскому приказу*», с чем солидарны и некоторые исследователи [137, с. 60]. Таким образом, провинция не начала свое существование, а лишь продолжила, но как более самостоятельное образование, одновременно укрупнив все ступени управления областью.

Селенгинский дистрикт фиксируется в документах не ранее 1724 года и не позднее 1733 года [10]. По меньшей мере, он существовал до формирования уезда и должности воеводы, формально его возглавившего вместо коменданта в 1736 г. Примечательно, что именно в этот период (1724 г.) крепости Нерчинская и Селенгинская вошли в штат крепостей оборонительной системы азиатской границы империи [63, с. 36]. Создание уезда не упразднило дистрикт, напротив, как и на Урале и в Западной Сибири, дистрикт в Забайкалье продолжал существовать одновременно с уездом. В делопроизводстве наличие дистрикта упоминается неоднократно, например с. Тарбагатай в 1746 г. упоминается как составная часть дистрикта. Единственным объяснением такой практики является параллельное сосуществование двух систем: уездной (в лице воеводы) и дистриктной (в лице земского комиссара), ведь объяснить это ошибками в делопроизводстве через 10 лет после логичного упразднения дистрикта невозможно.

Система самоуправления была выстроена чуть более понятно. В Селенгинске существовал магистрат (ратуша), которому подчинялись земские избы. В таких острогах, как Кабанский, Ильинский и другие, проживало, как правило, небольшое количество жителей, перешедших в городское сословие. Из-за дальности расстояний ближайшими органами самоуправления, доступными для них, были земские избы. Удинск в 1722 г. обозначен как город, хотя и не соответствовал еще в полной мере этому определению. Став примерно в это же время пригородом Селенгинска, Удинск имел собственные подчиненные населенные пункты [53, с. 110], поселения, которые в совокупности относились к административному и военному центру в Селенгинске. Такое разделение осуществлялось в соответствии с заложенными идеями петровских преобразований. Все относительно крупные города, в которых действовали магистраты, подчинялись напрямую воеводам или губернаторам[1]. В Удинске находилась контора земского комиссара, он, в свою очередь, подчинялся камер-коллегии через камерира (земского надзирателя сборов) и земскую контору в Иркутске [10, с. 48–49]. Полномочия комиссара были широки, от решения земледельческих, хозяйственных задач и фискальных вопросов, до обеспечения воинских чинов, наблюдения за внутренней безопасностью, статистикой и т. д. Отписка удинского земского комиссара Федора Бейтона от 17 мая 1726 г. в походную посольскую канцелярию сообщает: «*О бытности в Удинску... графа Федора Алексеевича Головина которые обреталися великого государя всякие дела в столицах и в тетратях... как принял я по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества Удинской пригород и всякие дела в 720 году, и*

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 5. № 3295. С. 637.

вышеписанные прежние дела явились многие избиты гнусом, поэтому из них подлинного известия изобрать невозможно» [33, с. 309]. Приведенный отрывок демонстрирует не только противоречие в системе управления, ведь земский комиссар — это должность начальника дистрикта, который на тот момент располагался не в Селенгинске, а в пригороде Удинске. Как следует из текста, в пригороде сосредоточен и весь комплекс документации, что еще раз подчеркивает специфический статус Удинска. Любопытно, что земский комиссар имел подчиненных, так называемых нижних комиссаров, в таком статусе находился, например, служивший в Селенгинске С. Стансупов [23, кн. 2, с. 430].

В документах этого периода среди прочего фиксируется нахождение в 1726 г. в Удинске канцелярии надворного суда и фискала [10, с. 49, 57]. Фискал, судя по всему, выполнял надзорные функции при канцелярии земского комиссара. А вот существование надворного суда сложно поддается объяснению, ведь, как считается, такие учреждались только в крупных центрах Сибири (Тобольск, Енисейск) [23, кн. 2, с. 401–402] и на короткий период 1722–1727 гг. Каким-то объяснением ситуации может служить факт, что в указе 1722 г.[1] допускалось назначение судебных комиссаров в отдаленных городах, которые производили бы суд по делам до 50 руб. В пользу этой версии говорит и наименование иногда в документах судебных комиссаров и провинциальных судов надворными судами.

Новая реформа территориального управления в 1727 г., упразднила дистрикты на территории западной части империи, но они оставались на Урале, Алтае, в Сибири и Забайкалье. Губернии сохраняли деление на провинции, к которым добавились еще и уезды [53, с. 108–110]. В последних восстановлены воеводы, им возвращена вся полнота их прежней административно-судебной и полицейской власти[2]. Возвращение воеводских должностей растянулось на длительное время.

Указом от 14 мая 1726 г. из Тобольска в Селенгинск переведен полк, получивший название Якутского, под командованием И. Д. Бухгольца. Передислокация регулярных частей связана с опасениями екатерининского правительства относительно претензий Китая на некоторые заселенные русскими подданными территории. Войска подтягивались на случай возможного военного конфликта. Селенгинск тем самым сохранял позиции в качестве военно-административного центра Западного Забайкалья. Как военно-стратегический и оборонительный приграничный пункт, он получил комендантское правление [62, с. 23], которое сосредоточило управление гарнизоном и поддержание порядка в крепости.

Даты появления в Селенгинске коменданта также имеют разночтения. В литературе называются 1726, 1727, 1728 и 1731 гг. Дата 1727 (1728) обычно объясняется назначением Бухгольца «*главным пограничным управителем с Китаем областей*» [314]. В этой должности он преимущественно занимался укреплением оборонной линии: организацией пограничной службы, строительством крепостей, решением спорных пограничных вопросов, наблюдением за торговлей в пограничных крепостях, отправкой торговых караванов

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 6. № 3935.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7. № 4929.

в Пекин и т. д. В Селенгинске в этот период созданы новые учреждения: таможня, ратуша, введена должность фискала и др. И хотя в связи со своей активной деятельностью Бухгольц так или иначе действительно принимал участие в решении разных вопросов начиная с 1724 г., в должность коменданта он был назначен только с повышением в чин бригадира в 1731 г., прибыв в город в 1732 г. Дополнительно с 1736 г. он совмещал должности коменданта и воеводы, а уволен в отставку в чине генерал-майора в 1740 г. Уже следующий год, не успев насладиться жизнью на пенсии, Бухгольц скончался. Незадолго до его отставки иркутский вице-губернатор Ланг отправил донесение в Петербург, что «*бригадир и селенгинский комендант Бухгольц, который яко древен и в ногах болезнь имеет, того ради его Бухгольца оттуда возвратить, а туда здороваго человека его же характера послать*»[1]. Должность селенгинского воеводы существовала, по крайне мере, до 1766 г. [95, с. 30], а вероятно, и до реформирования системы и создания провинции в 1775 г. Нерчинск в период до 1775 г. продолжал управляться воеводой. Так, в документах сохранилась, в частности, промемория академика Г. Ф. Миллера к нерчинскому воеводе Г. Ф. Деревнину с требованием предоставления людей для раскопок [204].

Воеводские полномочия только что созданного в 1736 г. Селенгинского уезда первоначально делегировались коменданту, он же руководил розыскным повытьем, которое осуществляло полицейскую охрану и розыск преступников в уезде. Должности коменданта и воеводы после отставки И. Д. Бухгольца в 1740 г. совмещал В. В. Якоби (Якобий) до 1745 г., когда на должность воеводы стал назначаться отдельный чиновник. Якоби в 1764 г. становится командиром всех дислоцированных в Забайкалье войск и в связи с возросшим функционалом оставил должность коменданта. По примеру Головина и Рагузинского, он имел свою военно-походную канцелярию, а его полномочия были исключительны. Например, в соответствии с ЕИВ указом он имел право разрешать или запрещать выделение земли и леса в Кяхтинском форпосте[2]. Почти во всей региональной литературе распространено заблуждение, что В. В. Якоби был воеводой и комендантом Селенгинска с 1741 до 1769 г., и действительно в отдельных документах он снабжается обеими должностями и в 1766 г. [16, с. 13—14]. Но достоверно известно, что должность коменданта он покинул не позднее 1765 г., так как в других, не менее надежных документах в том же году сообщается о прибытии в Селенгинск секунд-майора (капитана) И. А. Аппелегреина[3] (рис. 5) для занятия этой должности. Последний факт подтверждается и материалами других архивов: «*комендантом Селенгинска* [в 1765 г.] *генерал Шпрингер назначил драгунского капитана И. Апелгрина...* [который] *был выходцем из Скандинавии...*» [171, с. 86], и другими источниками. Объяснить такое несоответствие можно частыми отлучками Якоби и временным назначением его на должность исполняющего обязанности, в частности, в 1753 г. он занял временно должность иркутского вице-губернатора. В достаточно крупной по численности соединения Селенгинской крепости по штату полагался плац-майор,

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 11. № 8017. С. 29.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 11. № 8833.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 7об.

считающийся заместителем коменданта и наделявшийся обычно полицейскими функциями. Учитывая особенности Забайкалья как места ссылки и каторги, селенгинский плац-майор кроме прочего играл значительную роль в распределении и обеспечении прибывавших поселенцев.

Ориентировочно, где-то в 60–70-е гг. короткое время должность селенгинского коменданта занимал секунд-майор П. Е. Ходыревский, ценнейшие сведения о котором в своем капитальном труде приводит В. Н. Шерстобоев [137, с. 98–100]. Он сообщает, что Ходыревский был большим сторонником канцелярского порядка и пытался, в том числе не вполне гуманными методами, принудить к нему писцов. Нарождающийся класс бюрократии практиковал легальные способы противостоять деспоту, подавая вереницу жалоб в Иркутск. При ближайшем рассмотрении все они оказались если не пустяковыми, то точно заключались в вещах не существенных для серьезных обвинений: «*яко то: в заседание в присутствии за зерцалом в шабке, в курении трубки и держании при себе в судейской каморе охотничьей собаки и в ругании приказных служителей скверною матерною бранью*». При этом жалобы оказались действенными, Ходыревский задержан, а впоследствии, в 1771 г., назначен илимским воеводой.

Военные реформы этого времени не были декоративными и действительно являлись насущной необходимостью. Восточный сосед Китай вызывал немалые опасения. Будучи закрытым государством, «великий китайский дракон» не демонстрировал дружеского настроя, несмотря на имевшиеся кяхтинские договоренности (1727 г.), на границе продолжали происходить разного рода провокации. Китай не оставлял стремления присоединить себе некоторые русские пограничные территории. Поэтому военная реформа имела важное стратегическое значение — сохранение целостности империи и неприкосновенности ее границ. Все проводимые в этот период трансформации были бы невозможны без дипломатических успехов и кипучей деятельности сподвижника Петра I графа С. Л. Владиславича-Рагузинского. Его стараниями сформирована относительно надежная пограничная линия, очертившая русские владения. Установление стабильной границы позволило начать разделение систем обеспечения внешней и внутренней безопасности, в том числе развивать гражданскую бюрократию региона.

Стоит также сказать о системе организации местного городского самоуправления, которое в Сибири положено созданием в 1722 г. Тобольского магистрата как главного для всей Тобольской провинции. Ему подчинялись магистраты крупных центров: Иркутска, Тюмени, Томска и др. и магистраты меньших городов: Нерчинска, Селенгинска и пр. [210]. Заседания в магистратах проводили избранные бургомистры, которые их возглавляли, для помощи им учреждались должности ратманов. Любопытный факт: численность чинов в магистрате Селенгинска была выше, чем аналогичного в Нерчинске, что свидетельствует о росте не в пользу прежнего воеводского центра. В 1727 г. прежние магистраты, согласно общепризнанным сведениям, переименованы в ратуши [62]. Хотя имеются документы, в которых ратуша Селенгинского дистрикта именуется таковой уже в 1725 г. [10, с. 53]. В некоторых документах упоминается Иркутская ратуша, которой подчинялась Селенгинская, в других же она названа магистратом. Заседания в тех и других вели бургомистры, и сами их

чиновники не всегда знали, как правильно называться. Скорее всего, эти переименования имели собой одну цель — переподчинение. До 1727 г. формально ратуши оставались независимы от воеводско-приказной администрации, продолжили разбирать и производить суд по мелким делам в среде городских и купеческих обывателей. После реформы они сохранили свой функционал, но стали поднадзорны воеводам и губернаторам. Ратуши как органы местного самоуправления, занимаясь урегулированием внутренних торговых отношений, контролем миграции, также обладали некоторыми судебными и полицейскими полномочиями, но вопросы заграничной торговли решались уже при участии земской конторы и комиссара. Несмотря на то что комиссар не имел права вмешательства в дела купечества, выдача паспортов для следования, например, в г. Ургу производилась исключительно при его участии.

Можно констатировать, что путем административно-территориальных преобразований Петра I территории азиатских окраин оказались окончательно встроены в систему управления России. Сложность в определении четких границ при смене одной модели территориального управления другой заключается в том, что одна и та же должность в течение почти всего XVIII века часто именовалась по-разному. Так, приказчики в разное время обозначаются как комиссары или управители, и уточнить, отличались ли эти должности в разные периоды первой половины XVIII в., нам не удалось. В то же время представляется, что территориальные отличия в это время не предполагали какой-то более или менее стройной системы должностей и органов. Терминологическая путаница вполне соотносится с общероссийской действительностью. Нередко в одном и том же документе одно должностное лицо называется то комендантом, то воеводой, то есть прослеживается архаичность системы назначения чиновников на должности по знатности происхождения, без их особого разграничения: «*во всякое управление*» определенной отраслью или областью. Отголоски такой чехарды встречаем, например, в документах Удинской провинциальной канцелярии, где в конце XVIII в. комиссары провинции иногда назывались управителями[1], хотя последние уже были упразднены. На основании подобных сведений М. М. Богословский [155], на наш взгляд, пришел к неверному выводу о тождественности этих должностей, что опровергается источниками (в документах сообщается: *комиссар и управитель*[2]). Должности имели определенные различия, другое дело, если при назначении одного должностного лица на окраины (что наблюдается на материалах Забайкалья) человек наделялся функциями другого в качестве чрезвычайных, что и вызывало терминологическую путаницу. Ярким примером этого является упомянутый выше В. В. Якоби, назначенный комендантом Селенгинской крепости и исполнявший воеводскую должность. Документы на его имя часто сопровождались канцелярской путаницей, где он назывался то воеводой, то комендантом. Не стал исключением И. А. Аппелегреин, бывший комендантом Удинска, а впоследствии, с 1775 г., исполнявший должность городничего; он даже стал позже подписываться в документах «*комендант и городничий*».

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 133.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 44. Л. 50.

Создание Иркутской губернии и реформа управленческой системы региона

Упорядочение управления азиатскими окраинами империи и Сибирью в целом происходило в результате реформ 60-х гг. XVIII в. и было связано с тремя важнейшими мероприятиями. Первое — с упразднением Сибирского приказа в 1763 г. Иркутская провинция 19 октября 1764 г.[1] преобразована в отдельную губернию, в соответствии с чем укрупнены все ступени управления регионом. При этом сохранилась логика петровских реформ, выделяющих в губернии главнейшие города с прилежащими к ним землями. Губерния включила в себя Илимский, Иркутский, Нерчинский, Якутский, Охотский уезды и Иркутский подгородный, Верхоленский, Баргузинский, Селенгинский дистрикты и 11 городов. В области появился главный правитель по гражданской части — губернатор, им стал генерал-майор Карл Львович фон Фрауендорф. Военная часть подчинялась обер-коменданту — главному начальнику всех гарнизонов. Второе мероприятие ознаменовало переформирование бывших полков с целью создания из них батальонов[2], вследствие доклада князя А. Голицына о неудовлетворительном положении сибирских гарнизонов. В докладе указывалось на необходимость изменения ситуации в военно-оборонительных целях, а также решения земских проблем, где использовались военные (сопровождение казны, амуниции и ссыльных, сыск и поимка преступников, охрана при сборе налогов и недоимок). Третьим мероприятием стала выработка новых условий службы чиновников, в том числе штатов 1763 г.[3] Вводилось в числе прочего обязательное и постоянное жалование для канцелярских служителей, тем самым мелкие чиновники перестали, по крайней мере официально, кормиться за счет местного населения. Вместе с тем упразднены должности фискалов и квартирмистров[4].

19 апреля 1764 г. Екатерина II утвердила доклад воинской комиссии, согласно которому гарнизон Селенгинска причислялся к пограничным с одним расположенным батальоном, состоящим из четырех рот, а также одной инвалидной и одной мастеровой[5]. «*Генеральным наставлением, касающимся до гарнизонных батальонов и солдатских школ*»[6] (1764 г.), устанавливалась широкая сеть комендантских канцелярий по всей территории Сибири, т.е. фактически вводилось военное управление. Согласно ему, коменданты одновременно подчинялись военному ведомству в лице обер-коменданта и гражданскому — в лице губернатора. Гарнизонные батальоны теперь официально имели задачи по обеспечению безопасности и несению стражи во вверенном городе и округе.

---

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 16. № 12269.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 2: Штаты по гражданской части. № 11991.

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135. С. 69.

[5] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. Штаты военно-сухопутные (1711–1800). С. 133–134.

[6] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135. С. 70.

Например, если в регионе состоял пехотный полк, то он не только содержал в боевом порядке крепость и гауптвахту, но и организовывал посты для искоренения воров и разбойников, усмирения непослушания крестьян во всей провинции/уезде. Гарнизонный же полк обеспечивал караулы по всем ключевым пунктам только городской инфраструктуры (церкви, мосты, склады, присутствия, госпитали и т. д.). В Западном Забайкалье утверждены четыре комендантских управления[1], три из них впервые: в Акшинске, Удинске и Кударинской слободе и подтверждено прежнее в Селенгинске. Последний оставался главным военным центром, в котором находился штаб всех забайкальских воинских сил, откуда проводилось управление комендантами и их назначение[2].

Штат забайкальских гарнизонных управлений состоял из коменданта в звании майора (секунд-майора) и писаря. В 1766 г. комендантами числились: в Удинске — капитан И. Мертвецов, в Кударинской слободе — секунд-майор И. Копылов, в Акшинске — капитан С. Силкин, в Селенгинске — капитан И. Апелгрен (Аппелегреин)[3]. На делопроизводство выделялось по 5 руб. ежегодно. Коменданту подчинялась одна рота солдат, кроме Селенгинска, где располагалось две роты. Обычно батальон образовывали четыре строевые роты по 110 солдат, одна мастеровая и одна инвалидная роты. В штаб входили командир роты, адъютант, лекарь, провиантмейстер, надзиратель за больными, профосы[4], капитаны, поручики, прапорщики, сержанты, каптенармусы[5] и др., общим числом в 1 батальон — 772 человека. Любопытно, что эти изменения никак не затронули Восточное Забайкалье, в штатах не указано расположение войск в Троицкосавске и Нерчинске, хотя коменданты в этих городах сохранялись.

Система местного административного управления с очевидностью продолжала сохраняться в прежнем виде, по крайней мере действовали Селенгинская (воевода И. Якимов) и Нерчинская (воевода инженер-капитан М. К. Овсяников) воеводские канцелярии[6]. Между тем в регионе существовали управительские канцелярии (напоминающие прежние управления земских комиссаров), с превалированием земских (хозяйственно-налогово-крестьянских) дел. Управители, судя по всему, обладали элементами судебных и полицейских полномочий, распространяющимися на отдельные сословия. Известно, что на рубеже XVII–XVIII вв. управителями называли чиновников, временно исполнявших обязанности воевод, но не назначенных на должность официально через Сибирский приказ. Не исключаем, что с течением времени под

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800). С. 136.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

[3] Адрес-календарь российский на лето 1766 г. от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1766. 169 с. С. 73.

[4] Профос — должность нижних чинов российской армии, которым было поручено наблюдение за чистотой и порядком в месте расположения войск, надзор за арестантами, исполнение телесных наказаний, заведование утилизацией нечистот.

[5] Каптенармус — унтер-офицерское звание должностных лиц, заведовавших ротной кладовой (цейхгаузом) с предметами обмундирования и вооружения.

[6] ГАРБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–2об.

управителями могли подразумеваться любые административные, не военные чины, в том числе и земские комиссары. Они существовали в Забайкалье, как минимум в Удинске и Баргузине, до 1775 г. и подчинялись воеводской и губернской власти. Управительские канцелярии на окраинах содействовали сельскохозяйственному освоению, развитию хлебопашества и обеспечению ссыльных средствами производства. Однозначно по этому поводу высказался и первый воевода Удинской провинции[1], подтверждая, что никакого другого управления в таких городах, как Удинск, кроме земского, не существовало, по крайней мере до появления комендантов. Данный уровень власти находит ближайшие хронологические аналогии в Алтайском горном округе [225], где система управителей существовала до XIX в. В Забайкалье управители заменены в 1775 г. провинциальными комиссарами. Особняком в этой системе находилось Нерчинское горное начальство[2] под руководством генерал-майора В. И. Суворова, которое меняло свою подчиненность с течением времени, но всегда напрямую — Берг-коллегии или особому управлению, минуя губернатора.

Вернемся к организации и устройству комендантской канцелярии подробнее. Итак, по разным данным, назначение первого коменданта в Удинск состоялось в 1764–1765 гг. Первый документ *«комендантских дел»* зарегистрирован 2 февраля 1765 г. Это ордер из военно-походной канцелярии генерал-майора Якоби[3] о назначении капитана Ивана Степановича Мертвецова удинским комендантом. Канцелярия начала свою деятельность только в начале 1765 г., а комендант прибыл к месту службы не ранее чем в конце марта. В том же году он принял присягу в новом чине секунд-майора[4]. По распоряжению обер-коменданта писарем был определен Д. Куркин[5]. О последнем известно, что он, пользуясь своим привилегированным положением, смог устроить трех сыновей в специальную гарнизонную Селенгинскую школу. Под руководство коменданта определена, как указывается в документах, «*полутораротная*» или «*двуротная команда*» второго селенгинского батальона. К ним добавилась казачья команда[6], которая в Удинске насчитывала порядка 100 человек[7], предположим, что она и учитывалась как пол-роты. Комендант обязывался поддерживать порядок в гарнизоне, следить за обороноспособностью крепости. В решении охранительных задач, несении караульной службы, охране складов, пересылаемых арестованных и ссыльных значительную роль играли солдаты и городовые казаки.

Комендантская канцелярия состояла из присутствия коменданта, провиант-комиссара, писаря и нескольких вольнонаемных писцов или образованных солдат/казаков, выполнявших рутинные работы по канцелярской части.

---

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–1об.

[2] ГАРБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[4] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 4об.

[5] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[6] Не исключаем, правда, что двуротным гарнизон назывался как раз-таки из-за казачьей команды.

[7] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об.

Немалую роль, особенно в первое время, играли каптенармусы, они вели делопроизводство и заверяли документы[1]. В помощь комендантам, если в крепостях дислоцировалось не менее двух батальонов, назначался плац-майор, который занимался содержанием «*доброй полиции в городе и порядку...*»[2]. В Селенгинске, в силу особого значения крепости, был назначен плац-майор, в то время как штатное расписание Удинска такую должность исключало. Удинскому коменданту, как и всем остальным, испытывавшим определенные трудности с управлением, ничего не оставалось, как делегировать часть обязанностей подчиненным. С этой целью в начале 1766 г. Мертвецов поручил поручику Турову принять полномочия плац-майора по содержанию уличной чистоты и полицейского порядка[3] в Удинске, а вместе с этим штатную команду из 35 воинских чинов, находившуюся до прибытия рот в городе. У военных блюстителями порядка были профосы.

О первом удинском коменданте И. С. Мертвецове сохранились некоторые сведения: родился он в 1714 г. в Иркутске, в русской посадской семье. Обучен грамоте и 8 августа 1738 г. вступил в военную службу рядовым, затем 23 апреля 1750 г. стал каптенармусом. 9 сентября 1752 г. Мертвецову присвоено звание сержанта, 25 апреля 1755 г. — прапорщика, 1 января 1757 г. — подпоручика, а затем и поручика Якутского карабинерского полка, где он произведен в чин капитана. Будущий комендант был боевым ветераном: «*в походах против неприятеля принимал активное участие в Семилетней войне в Пруссии, в 1759 г. при взятии немецких городов, в августе при Франкфурте действительно неробкой баталии в сражении с неприятелем и во всех вышеописанных походах находился всегда безотлучно*» [114, с. 8]. Мертвецов был женат, после его смерти вдова Надежда Матвеевна получала специальный пенсион, а сын Степан служил в первом селенгинском батальоне в чине подпрапорщика[4]. Известно, что дом коменданта и канцелярия отстроены к 1765–1766 гг. силами казаков Удинска [97, с. 31]. Комендантский дом признавался путешественниками как одно из самых красивых строений города и представлял собой здание с подклетью размером 10 × 4 саж., с балконом на втором этаже и лестницами, украшавшими фасад, а в пристроях сеней размещались удобства (нужники). Уже после его смерти дом приспособили под присутствие провинциальной канцелярии. Предчувствуя скорый уход, за неделю до своей смерти комендант направил майору, батальонному командиру Круглову письмо, пронизанное дружескими чувствами, и сообщил, что «*властию Бога нашего по прежне продолжающейся болезни... приключилась мне крайняя болезнь почти и движения мало имею...*». Выражая последнюю волю, он просил Круглова принять в свое управление Удинскую крепость и уведомить о том обер-коменданта. 20 июня 1771 г. «*по воле всемогущего Бога Удинского пригорода господин комендант секунд-майор Иван Мертвецов по прежней продолжающееся ево болезни быв чрез десять дней*

[1] Инструкция пехотного полка полковнику: с приложением форм, штатов и табелей. Санкт-Петербург : [Сенатская типография], 1764. С. 20.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135. С. 69.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1об.

[4] ГАРБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4. Л. 2об.

в крайней немощи и двадцатого числа по полудни в 7 часов умре...» [114, с. 8]. Круглов, исполнив просьбу умирающего, еще некоторое время продолжал исполнять его обязанности.

Параллельно с учреждением комендантской канцелярии в Удинске и вплоть до учреждения провинции в 1775 г. сохранялась управительская канцелярия, которую возглавлял управитель[1]. Любопытно, что наравне с Удинской канцелярией в документах называются Ильинская, Кабанская и Баргузинская приказные (земские) избы [22, с. 30], которые возглавили старосты. Земские избы как низовой, крестьянский уровень самоуправления, подчинялись магистрату и в основном занимались решением хозяйственных задач, исполнением постановлений власти и участием в организации сбора налогов и исполнения повинностей. В силу слабой сохранности документов однозначно судить об устройстве управительских канцелярий сложно, все документы по гражданской части города сгорели вместе с провинциальной канцелярией при пожаре 1787 г. Известно, что она занималась хозяйственными, земскими вопросами, сбором налогов, хозяйственным обеспечением вооруженных сил и т. д.

Обновление системы военного управления и появление новых структур сопровождалось изменением нормативно-правовых основ. Параллельно определенной трансформации подверглась нормативная база функционирования правоохранительной системы. По факту, созданная воинская система управления военной и гражданской инфраструктурой стала первой, систематически выполнявшей задачи охраны правопорядка.

Нормативная база деятельности органов обеспечения безопасности Восточной Сибири

Как уже отмечалось ранее, для первой половины XVIII в. характерно исполнение охранно-полицейских функций всеми полномочными административно-управленческими и военными органами. Причина, по которой и полицейские, и судебные функции в отношении сословного или территориально подчиненного общества осуществлялись большинством административно-управленческих институтов, видится в сословной системе отношений. Наиболее ярко эти черты проявились во второй половине XVIII в., в период становления абсолютизма. Полицейские полномочия в это время вверялись губернаторам, воеводам, земским комиссарам, комендантам и воинским начальникам, то есть практически всем обладающим достаточной исполнительной властью и ресурсом должностным лицам. Из поля зрения исследователей нередко исчезали законодательные акты, регламентировавшие работу военной машины империи, в то время как в них затрагивались ключевые проблемы полицейского надзора и обеспечения безопасности городов. Причиной следует считать условное разделение гражданского и военного законодательства как предметов ведения разных по своей структуре и полномочиям ведомств. Военные регламенты являются важными источниками по истории организации полицейской охраны

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 21об.

и пожарной части. Закрепилось также представление, с которым сложно спорить, о том, что военные были важной составляющей комплектования полиции, часто за счет непригодных к строевой службе. При этом редко характеризуется обязанность военных поддерживать порядок в месте их локации как прямая и важнейшая задача.

С самого начала образования городской полиции слабость экономики не позволила централизованно из государственной казны ее содержать. Попытка полностью передать ведение полиции местным магистратам в первой трети XVIII в. провалилась, так как они попросту игнорировали данную повинность. Опасная, криминогенная обстановка в стране вынуждала правительство привлекать к службе военные команды и чины. В некоторых городах такой тип полиции становился даже наиболее предпочтительным [149, с. 78], как со стороны местного городского населения, так и со стороны правительства, в ущерб предложениям местных властей. К концу XVIII в. указы прямо повелевали принимать на службу в полицию только отставных военных чинов, так как городские обыватели для нее не были годны. Отчасти это стало следствием политики обеспечения неспособных к строевой службе солдат, согласно указу от 4 сентября 1760 г.[1] об определении раненых и негодных военных к службе в присутственные места по их способностям.

Из крупных нормативных актов, регулирующих работу полиции начиная с 30-х гг. XVIII в., можно выделить обновленный в 1728 г.[2] «*Наказ воеводам...*», которым вместо изначальной коллегиальности, в духе петровских преобразований, вводилась прежняя система вертикального старшинства. Устанавливались достаточно конкретные отношения между разными уровнями власти: губернатор — провинциальный воевода — воевода города — воевода пригорода. За недостатки в работе нижестоящего нес ответственность его начальник. В наказе подтверждалась подконтрольность воеводам розыска и суда. Городские сословия (купцы, мещане, цеховые)за правосудием обращались в ратуши, к заседавшим в них бургомистрам. Жалобы на последних можно было подать воеводам. Право на решение о смертной казни предоставлялось губернаторам. Появились особые статьи о недопущении шпионажа, пресечении ереси и недопустимости отклонения в магометанство. Детализируются статьи о правилах застройки, пожарной безопасности, содержания в чистоте городов. Для производства охраны тишины и порядка полагалось устанавливать на улицах рогатки и караулы. Воеводам разъясняется, что в первую очередь необходимо организовать миграционный контроль, ограничить движение по области и городам. Таким образом функции надворных судов вновь возвращены воеводам[3]. В одних руках вновь соединялись почти все полномочия местных властей. Воевода теперь обладал почти безграничной властью, ведь он один определял меру пресечения при судопроизводстве, в соответствии с уложением и указами, но со своим видением вопроса. В полицейском отношении полномочия воевод несколько ограничивались институтом сыщиков, окончательно

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 15. № 11096.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5333.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5521.

ликвидированным только в 1762 г. А с их упразднением и вся полнота полицейской власти передана воеводам и губернаторам, которым надлежало следить за порядком, организовывать розыск и задержание беглых, воров и разбойников. Эта деятельность обязывала к содействию и сотрудничеству с местными жителями, которых законодатели оценивали как важное звено поддержания правопорядка[1], что не всегда указывалось, но предполагалось самим духом законов.

Отдельно в наказе прописана возможность участия губернских военных сил под руководством воеводы для поиска и поимки разбойников. В случае отсутствия таковых возможностей губернатор мог объявить сбор служилых, городовых и уездных жителей и организовать погоню[2]. Внимание воинских начальников на исполнении задач по сохранению благочиния дополнительно акцентируется в указе от 26 июня 1724 г.[3], где предписывалось вести охрану порядка и благочиния командирам и их военным командам в местностях их квартирования. Указом от 21 июня 1728 г. подтверждается обязанность местных властей отправлять воинские команды для искоренения организованных группировок грабителей, указом от 9 января 1730 г.[4] — об откомандировании военных команд для сыска разбойничьих шаек под предводительством сыщика. Данная группа указов и инструкций, лежавших в основе правоохранительной службы первой половины XVIII в., актуализировалась с некоторыми изменениями, не отменяя предыдущие, и в целом относилась к организации сыска воров и разбойников[5]. По подсчетам исследователей, инструкции и указы, подобные этим, не единичны и подтверждались и уточнялись время от времени, например с 1719 по 1744 г. не менее восьми раз [226, с. 11–13]. Это говорит о значительном разгуле именно организованной преступности, розыск по делам которой представлялся наиболее сложным и опасным.

Кроме борьбы с разбойниками силовые структуры империи следили за исполнением духовных служб и могли наказывать взысканиями за непосещение церкви. Указом от 14 января 1730 г. «*О сборе штрафных денег за небытие у исповеди и у Святого причащения...*»[6] светским начальникам предписывалось, согласно поданным духовными учреждениями данным, понуждать к посещению церкви всех православных, находящихся в их юрисдикции, и штрафовать всех без исключения ее не посещающих.

Пошаговый план действий для организации специальных команд сыщиков, которые полагалось формировать из воинского контингента региона, являет собой «*Инструкция из Правительствующего Сената сыщикам для искоренения воров и разбойников*» (1744 г.)[7]. Сыщику из числа офицеров и его воинской

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 16. № 11672.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5333. С. 98–99.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7. № 4533. С. 315.

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5495. С. 244–245.

[5] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–11.

[6] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5496.

[7] Инструкция из Правительствующего Сената [сыщикам для искоренения воров и разбойников 7 сентября 1744 года]. URL: https://archive.org/details/bmk-brz_20201018/mode/2up (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.

команде вменялся в обязанность не только розыск грабителей и разбойников, но и при обнаружении — искоренение «*воровских станиц*» и применение по необходимости пыток. Целью всех этих мероприятий было выявление у задержанных места и времени преступления, «технической стороны» в случае убийства, адресата сбыта в случае ограбления и установления сети участников. Сыщики были неподвластны местным правителям, а подчинялись непосредственно Сенату, которому отчитывались в проведенных расследованиях. Сами команды сыщиков, «*не чиня экзекуции*» над разбойниками, которые подлежали «*смерти натуральной или политической*», поместив их под караул, ожидали решения из Сената. Правда, некоторые виды наказаний команды осуществлять все же могли, например «*бить кнутом без всякия пощады*». В случае обнаружения беглых солдат их передавали в учреждения воинской коллегии, а всех остальных — гражданским властям для суда и приговора. В Забайкалье удалось проследить путь этого документа, который сохранял актуальность со времени присылки в 1744 г. селенгинскому воеводе вплоть до создания в 1765 г. Удинской комендантской канцелярии, т.е. на протяжении двадцати лет. Надо полагать, что, хотя о деятельности сыщиков в этой местности нам ничего не известно, указанный норматив использовался в качестве инструкции для организации погони воеводами и комендантами. Сущность инструкции и всех последующих указов (например, указа от 19 ноября 1756 г.[1]), связанных с сыщиками, почти не менялась.

Закономерно, что наибольшая масса нормативных документов относится, в первую очередь, к развитию и реформированию городской полиции как наиболее важного сегмента системы борьбы за безопасность. Земская полиция на протяжении более чем полувека, с 1775–1782 гг. по 40-е гг. XIX в., оставалась почти неизменной [336, с. 138]. В сибирских городах полиция как обособленное учреждение появляется только при императрице Анне Иоанновне. 23 апреля 1733 г. ею утвержден доклад Полицмейстерской канцелярии «*Об учреждении полиции в городах*»[2]. Отдельные канцелярии учреждены в 23 губернских и провинциальных городах. Среди них крупнейший сибирский город того времени — Тобольск. Изначально полиция не планировалась как сетевое учреждение, все созданные органы, а точнее чины, их возглавлявшие, снабжались специальной инструкцией. Этот тип взаимодействия естественным образом перешел из делопроизводственной практики XVII в. Тобольский полицмейстер также получил индивидуальную инструкцию, которая подготовлена в канцелярии Петербургского генерал-полицмейстера, а источником послужили «*Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицеймейстеру*» (1718 г.). Сам факт того, что тобольский полицмейстер действовал исходя из положений этой инструкции, сомнений не вызывает. Интересным представляется то, что инструкция являлась своего рода уставным документом для всех полицейских учреждений Сибири до екатерининских преобразований.

[1] Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената, 19 ноября 1756 года. Об определении главных сыщиков для розыска и искоренения воров и разбойников и беглых людей. URL: http://hisdoc.ru/laws/16433 (дата обращения: 23.07.2023). Текст : электронный.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 9. № 6378.

Деятельность комендантских канцелярий в качестве административно-полицейских учреждений всей Сибири в этот период сложно переоценить. Их официальный функционал можно рассмотреть на примере открытия Удинского комендантства. Для понимания комендантом своих обязанностей по гражданской части из Селенгинска между 1764–1766 гг. ему направлена специальная, «*как поступать следует... полицейская инструкция*». Поскольку система регулярной полиции к этому времени только оформлялась и универсальных инструкций еще не существовало, правительственный аппарат по традиции создавал индивидуальный наказ каждому делегируемому к должности чиновнику. В процессе его службы документ распространялся на чиновников низшего звена со схожим функционалом как типовой. Такое положение в организации нормативно-правовых актов свидетельствует о трансформации представлений власти первой половины XVIII в. С одной стороны, чиновники продолжали восприниматься как доверенные лица, получавшие в управление определенный аппарат или отрасль, с другой — рост бюрократии уже не позволял наделять их всех индивидуальными наказами. Постепенно начало появляться понимание, что эти инструкции и наказы чаще всего являются типовыми.

В делопроизводстве и переписке удинского коменданта указанный документ обозначался как «*полицейская инструкция*», а при ближайшем рассмотрении оказался «*инструкцией или наказом Тобольской полиции полицеймейстеру*». Вывод о их идентичности нами сделан из упоминания порядковых номеров и содержания ряда пунктов, которые при сравнении оказались идентичны. Инструкция вшита в дело № 144, озаглавленное еще в конце XVIII в. как «*Дело по постановлению Удинской провинциальной канцелярии о содержании Удинской полиции в ведении комендантской и провинции, а потому об отдаче под ведение пожарных инструментов и об отводе квартир, о наряде обывателей в штатный караул и о содержании и илиминации с приложением с указов копий от 28 октября 1775 г. по 6 декабря 1782 г. на 338 листах*»[1]. Сам факт, что данный документ оказался так далеко от места своего непосредственного назначения и использовался как минимум до 1775 г., указывает не только на его востребованность и универсальность, но и на отсутствие типового служебного документа для полиции, описывавшего ее задачи. Никакого другого документа, определявшего всю полноту забот полиции по исполнению своих обязанностей, на тот момент не существовало. Можно сделать вывод, что данная инструкция использовалась на территории Восточной Сибири как регламент для работы полиции.

Инструкция не имеет датировки, но по ряду фактов можно установить примерную. Документ подписан: «*Василий Салтыков*» (Василий Федорович Салтыков, 1675–1751), который в 1732 г. назначен генерал-полицмейстером, «*главным начальником всех полиций*». С именем Салтыкова связано устройство многочисленных полицейских канцелярий в 23 городах империи, о чем подписан соответствующий указ Анны Иоанновны. Еще одной личностью, подписавшей документ, стал «*князь Николай Щербатов*». Согласно «*Родословной росписи князей Щербатовых*»[2], князь в чине подполковника в 1732 г. назначен

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–194.

[2] Родословная роспись князей Щербатовых. URL: http://rurik.genealogia.ru/Rospisi/Scherb.htm (дата обращения: 23.07.2023). Текст : непосредственный.

советником Петербургской полицмейстерской канцелярии, а в 1734 г. переведен членом Кронштадтской полицмейстерской конторы. Сама же Тобольская полицмейстерская канцелярия создана указом 1733 г., соответственно, тем же годом можно датировать инструкцию. Авторство документа однозначно относится к канцелярии петербургского генерал-полицмейстера.

Документ состоит из заголовка, преамбулы, текста присяги, 40 пунктов непосредственно инструкции, указания лиц, подписавших документ, и приложения. Инструкция пространная, на 35 страницах, 5 из которых — приложения.

Отразим основные сферы ведения полиции города:

1. Составление описи и плана расположенных в городе домов, улиц, опасных проходов и проездов. Учет жителей города, обнаружение всех находящихся без разрешения (*пашпорта*). Ведение реестра собственности в городе, контроль купчих на помещения. Составление ведомостей приезжающих и отъезжающих, тем самым удерживая полный контроль над передвижением населения, особо обращая внимание на документы иностранцев.

2. Поддержание средств противопожарной безопасности, среди которых: контроль в весенне-летнее время устройства печей во дворах, запрет на топку печей в домах, контроль правильного устройства печных труб, наличие пожарных инструментов в обывательских домах и «*соборных*» местах. В противопожарных целях полиции предписывалось наблюдать за нормами и порядком возведения жилых и нежилых зданий, за соблюдением необходимых технологий и разметок.

3. Обеспечение выбора старост слобод и улиц, десятских, пятидесятских и сотских с каждых 10, 50 и 100 дворов соответственно. Главной их функцией объявлялось наблюдение за положенным содержанием пожарных инструментов и «*чтоб не учинилось противнаго запрещению*». Они же стали первыми пожарными командами. Организация ночных обходов и караулов в городе, для чего возводились будки и рогатки.

4. Наблюдение за чистотой и порядком в городе, у мостов и водоемов. Нарушителей облагать взысканием штрафом или бить батогами без суда.

5. Контроль транспорта, в том числе водного. Запрет на провоз неизвестных людей, среди которых, по логике законодателя, могли быть беглые, шпионы и разбойники. Контроль, как бы мы сейчас сказали, “правил дорожного движения” на лошадях. Задержание гулящих, слоняющихся и беспаспортных (без разрешения на передвижение). Пресечение гуляний по улицам пьяных людей, особенно ночью. Недопущение продажи товаров и услуг лицам без паспортов. За укрывательство беглых служилых взымать штрафы.

6. Всех пойманных воров расспрашивать «*с пристрастием*» (с применением пыток) для выявления всех их преступлений и поиска товарищей. Воров после поиска и дознания необходимо направлять в команду (к начальству) соответствующего сословия. Если будут обнаружены фальшивомонетчики, созданные ими подделки направлять в монетную контору. Полиция должна принимать челобитные по случаям грабежей, учинять расспросы и розыск.

7. Особенно надлежало полицейским беспокоиться о корчемных и «*других неистовых*» заведениях, немедленно производя задержания в случаях учинения

драк, игры в зернь (азартная игра, в которой используются небольшие косточки с белой и черной сторонами, носящие то же название, аналог «игры в кости»), картежные игры и другие «*похабства*». Отдельную ответственность составляло расследование корчемства, незаконного производства и продажи алкоголя. Залогом успеха в этих вопросах опять же было не только «*смотрение накрепко*», но и подача изветов (доносов) и объявлений жителями. В делах предотвращения драк на улицах и рынках полиции должны содействовать солдаты, десятники, караульные и даже обыватели. Несодействие, доказанное свидетелями, каралось публичным битьем кошками[1].

8. Полиция наблюдала за порядком и санитарными нормами устройства торговых лавок и продажи съестных припасов, следила за внешним видом торговцев, которые должны соблюдать чистоту и носить белые полотняные кафтаны. За нарушения полагались штрафы и физические наказания. Особенно важным признавалось наблюдение за продажей скоропортящихся товаров — мяса и рыбы.

9. Полагалось следить и за ценообразованием, ограничивать перекупщиков. В то же время полиция должна беречь от «*всяких обид и утеснения, охранять*» всех торговых людей, а в особенности маркитантов[2]. Контролировать верность мер и весов, правильное устройство безменов, чтобы у купцов не было возможности обсчета покупателей. В праздничные и воскресные дни торговля в торговых рядах воспрещалась, кроме продажи продуктов питания, и то лишь до обедни. Нарушавшим такой запрет полагалось платить штраф.

10. Не допускалось в городах быть нищим, просящим милостыню, таковых сразу необходимо определять в богадельни, а для совсем старых и увечных, не способных работать, полагалось в губерниях иметь госпитали. Шатающихся наказывать и возвращать в свои вотчины, где таковых полагалось кормить их хозяевам (помещикам и вотчинникам). Если шатающиеся пойманы неоднократно, то они ссылались в каторжные работы или на мануфактуры, а их хозяин выплачивал штраф.

11. Полиция обязывалась организовывать постой для военных чинов, составляя списки и распределяя солдат по дворам.

12. Важной сферой ответственности было санитарное предостережение от эпидемий и эпизоотий, организация медицинских мероприятий с целью локализации распространения заболеваний.

Указанная полицейская инструкция, конечно, не являлась исчерпывающей для деятельности комендантов как начальников полиции, но максимально объемлющей, особенно по службе в городах. Кроме распоряжения воинскими чинами и крепостью комендант должен был вникать во все делопроизводственные документы и свидетельствовать наличие тех или иных казенных припасов при их передаче[3], в частности в случаях недостачи, кражи и т. д. Можно

---

[1] Орудие наказания, кошка — это плеть с несколькими «хвостами» на каждом конце которых закреплен твердый наконечник или узел, наносившие при ударе больший урон жертве.

[2] Маркитанты — продавцы продуктов питания.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 57. Л. 1, 2, 17.

уверенно констатировать, что для сформированных в отдельных крупных центрах Восточной Сибири полицейских учреждений начиная с 1733 г. имелась общая инструкция о задачах полиции, которая однозначно связана с созданием специализированной Тобольской полиции. Актуальность данной инструкции сохранялась вплоть до 1775 г. и передавалась полицейским управлениям и комендантам крепостей как непосредственная инструкция в работе. Благодаря ей полиция имела точное представление о контурах своих полномочий и обязанностей.

«Полиции иметь денной и нощной дозор»: состояние полицейской стражи до 1775 г.

Наличие специальных инструкций для правоохранительной деятельности и полномочных на то чинов позволяло в течение XVIII в. организовать полноценную полицейскую службу во всей Российской империи, включая и азиатские окраины. Общество оставалось сословным, поэтому закономерно, что и подобная служба имела ярковыраженный сословный характер, что вполне объясняет дублетность правоохранительных функций разных учреждений.

Так, в Селенгинске полномочия полицейской охраны первоначально выполнялись воеводской канцелярией, приграничным правлением и командирами приграничных форпостов[1], а в 1727–1731 гг. переданы комендантской канцелярии. Как мы полагаем, полиция находилась в ее ведении вплоть до появления полицейского управления. Хотя отдельные задачи охраны правопорядка решались воеводской канцелярией, земским комиссаром, приграничным правлением и воинскими командирами, чаще они все же относились к вопросам приграничной и сельской безопасности. Гражданские вопросы в среде городского населения рассматривались ратушей и земским комиссаром. Полномочия городской полиции в полном объеме несла канцелярия коменданта. Они не были выстроены в систему, поэтому распоряжения, указы и инструкции относительно полицейских дел направлялись то в воеводскую, то в комендантскую канцелярию. Несколько упрощало бюрократию то, что в Селенгинске две эти канцелярии некоторое время управлялись одним чиновником.

Определенными элементами полицейских полномочий в Российской империи обладали и местные органы самоуправления, такие как земские избы и магистраты (ратуши). В основном в документах фиксируется розыск земскими избами определенных лиц — горожан, которые имели долги [10, с. 26] и не спешили с ними рассчитываться. Избы организовывали розыск, задержание и препровождение их в город для расчета или дачи объяснений. Подобные же документы встречаются в делопроизводстве Селенгинской ратуши.

Преступность в тот период нередко носила приграничный и крайне опасный характер. Именно поэтому наличие гражданской полиции по области в представлении власти было неоправданным, военные в этом отношении справлялись куда лучше. Наиболее опасным участком считался

[1] ГАРБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–20.

Нерчинский приграничный регион, в котором с 1727 по 1752 г. только монголами совершено более 122 разбойных нападений [48, с. 70]. Причина понятна: на восточном направлении забайкальской границы, в отличие от западной, не было пограничных караулов соответствующей численности и мощности. Ситуация осложнялась политической обстановкой во Внутренней Азии: кочевники, недовольные китайским владычеством, массово переходили русскую границу. Они грабили местное население и ожесточенно сопротивлялись своему выдворению [85, с. 5], которое осуществлялось иногда на более чем 100 юрт (порядка 200–250 чел.). Проведение таких операций было невозможно даже силами всех полицейских Забайкальского региона. Иногда отпор набегающим приходилось давать в полной боевой готовности, с применением артиллерии. Нападения, которые сложно отличить от грабительских набегов, были столь массовыми, что иркутский вице-губернатор А. И. Жолобов в одной из докладных записок в Петербург писал: «*Чуть ли не вся Монголия хочет бежать в Россию*». Сложности приграничной ситуации добавляли ответные меры местного населения на грабежи: несмотря на строжайший запрет, в погоне за грабителями они пересекали границу. Так, в октябре 1756 г. 200 тунгусов и 10 русских казаков во главе с князем А. Гантимуровым, преследуя 200 монголов, разграбивших два приграничных караула, перешли на монгольскую сторону. В ожесточенной схватке отбив угнанный скот, они вернулись в российские пределы [Там же].

Имели место и похищения: в 1758 г. монголы увели с собой 11 тунгусских и 1 русского казака, не забыв прихватить скарб, «*...взяли их ружья, сайдаки, седла... 85 казачьих лошадей*». Сообщения, подобные «*пограбили... уведено 9 лошадей, 1 верблюд, 2 седла...*» или «*покрадены 22 лошади*», «*с Кыринского караула мунгальские воры покрали 24 головы конного табуна*», стали суровой нормой приграничной жизни. Чуть более спокойная обстановка в Западном Забайкалье, очевидно, была целиком заслугой В. В. Якоби. Справедливости ради стоит сказать, что и здесь не было полного спокойствия, но и нападения отмечались пореже и с меньшим ущербом.

Полномочия селенгинского коменданта по сохранению полицейского порядка были широчайшими и не ограничивались городом. Причину этого нужно усматривать в особенности местного комендантства в первую очередь как пограничного. В полномочиях Якоби находились в том числе приграничные контакты с китайской стороной и, конечно, разведывательные задачи. Он имел возможность на месте решать многие вопросы самостоятельно, но по приграничным делам чаще предпочитал запрашивать консультации высшестоящих органов. В 1750 г. он в своем донесении о тунгусе, трижды уличенном в краже лошадей у китайцев (возможно, купцов), предлагал, по примеру монгольских чиновников, обойтись без казни, хотя это противоречило имеющимся двусторонним договоренностям. Коллегия иностранных дел такую инициативу поддержала, указав на необходимость наказывать подобных воров кнутом, а на смертную казнь получать резолюцию от Сената [88, с. 178]. Надо отметить, что исполнялись уже вынесенные приговоры в этот период крайне медленно. Например, долгое время велась переписка сначала о казни, затем просто

о розыске солдата Уфимцева и дьячка Сажина, убивших в 1742 г. в Кяхте китайца, пьянствовавшего вместе с ними [88, с. 211]. Остроты делу придавал международный характер преступления, китайская сторона требовала скорейшего поиска душегубцев даже в 1750 г. Только в 1753 г. выяснилось, что оба убийцы погибли на Баунтовском озере [Там же, с. 212], а официальное правосудие их так и не настигло. Таким образом, розыск некоторых преступников, не проживавших в городах, в условиях приграничья мог длиться десятилетиями, а то и вовсе не завершался.

Особую роль в практике содержания безопасности окраин играла каторга. В этом контексте интересно отметить историю перебежчика и незадачливого каторжника М. И. Шульгина [42, с. 161–167]. Бывший селенгинский разночинец, не лишенный толики авантюризма, в 1748 г. совершил попытку убить священника местной церкви и ограбить ее. Был пойман, наказан кнутом и сослан в Нерчинские серебряные заводы. По присылке на каторгу выяснилось, что у неудачливого бандита из-за обморожения отсутствовали обе ступни ног, «*затем с нуждою ходит на коленях на привязанных деревяшках*». Потому работать в заводах он не мог и был выслан на попечение воеводской канцелярии Нерчинска, где обретался за счет милостыни. В городе он жил в доме бывшего каторжника иеромонаха Т. Воронина. По его словам, якобы прознав о будто бы планируемом походе руководителя Нерчинской экспедиции на китайский город Ангун, решился обеспечить на этом себе безбедное существование, донеся эти слухи как факт до китайцев. Любопытно, что по дороге от Нерчинска к китайской границе он посетил несколько населенных пунктов и даже острог, где собирал милостыню. В некоторых случаях ему удавалось найти приют в домах. К слову, многие, с кем Шульгин наиболее выгодно контактировал, также бывшие каторжные. Очевидно, они испытывали жалость к увечному и проявляли некую солидарность. Иногда он промышлял воровством, и никто не заявил о хоть и увечном, но весьма подозрительном кочующем инвалиде. Добравшись до китайцев, Шульгин сообщил им слухи, за которые планировал получить вознаграждение, но сведения, очевидно, не впечатлили официальных лиц, и его через некоторое время выдали обратно. На родной стороне он сразу сознался в измене, был допрошен, бит плетьми и подвергся пытке. Первоначально его приговорили к казни, но Сенат принял решение заменить казнь на кнут, клеймение, вырезание ноздрей и содержание в иркутской тюрьме скованным. Эта история, с одной стороны, свидетельствует о возможности почти беспрепятственного передвижения преступного элемента по территории окраин, если нет сопротивления местного населения. С другой стороны, недостатки полицейской службы, а в ряде случаев ее полное отсутствие и неэффективность каторги могли нанести, ни много ни мало урон международному положению России.

Продолжая тему значения системы исполнения наказаний для поддержания безопасности окраин, стоит сказать, что административный и полицейский аппарат региона был так надорван обеспечением и поддержанием института каторги, что ожидание его хоть сколько-то эффективной работы не было оправданным. Комендантским правлениям и подчиненным им службам на

окраинах приходилось сталкиваться с определенными сложностями при исполнении своих обязанностей в силу больших потоков каторжных и ссыльных. Например, с ноября 1766 г. по сентябрь 1767 г. только через пригород Удинск проследовало порядка 5 тыс. человек, среди которых были уголовные преступники, старообрядцы, беглые, высланные из Польши, а также военнослужащие и члены их семей в составе Селенгинского пехотного полка и др. Вся организация, охрана и обеспечение их движения возлагались на комендантов и служилых крепостей, а препровождение непосредственно по области чаще всего ложилось на плечи местного сельского населения. В таких условиях поддержание порядка только среди пересылаемых становилось неподъемной задачей, не говоря уже о систематической службе.

Воинская среда региона также неоднородна: пехотный полк, казаки, пограничная стража и т. д. Для размещения временных «*пришельцев*» и постоянного размещения воинских чинов в 1768 г. возведены казармы для солдат и их семей, офицерские палаты, помещения канцелярий, гауптвахты. Где-то перестраивались старые здания крепости, где-то возводились новые. Действительно, поддержание порядка в городе, где квартировали многочисленные военные, — непростая задача. По сведениям В. П. Шахерова, в Селенгинске в 1767 г. стояли карабинерный и пехотный полки, и при норме 3 человека на избу, там находилось по 10 и более человек [134, с. 41]. Местное население, терпя существенное стеснение, высказывало крайнее недовольство. Удинский пригород был еще относительно малым населенным пунктом, но развивался как военно-оборонительный центр. Основная масса населения состояла из действующих или отставных военных. В городе уже была «*казачья команда Удинского пригорода*»[1], а 1 июля 1766 г.[2] появилось первое сообщение о прибытии в Удинск двух рот второго селенгинского батальона. Постепенно возросла и обывательская часть населения города, потребность в безопасности которой игнорировать стало невозможно. Рядовыми блюстителями порядка в городах часто были воинские чины. Как отмечала Е. А. Высотина [159, с. 66], функции полицейской охраны — одна из первейших задач городовых казаков. В городе с малочисленным гражданским населением, с еще слабо развитыми ремеслами и торговлей не полагалось вводить полицию в полном объеме. Правда, комендант отметил любопытную деталь поведения местного общества, которое *«по здешним традициям... часто было непослушным»*[3].

Ордером губернатора А. И. Бриля устанавливалось, что полиция должна находиться под управлением комендантов, как и некоторые другие гражданские функции, например, пожарная охрана. Коменданты концентрируют в своих руках сохранение безопасности не только в городе, но и на окрестных территориях. Ситуация носит общероссийский характер, особенно в небольших уездных городах, сформированных по типу военных острогов. Специфика окраин заключалась в том, что коменданты стали олицетворением полиции

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 6об.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 751. Л. 374–375.

не только в городе, но и за его пределами. Обыватели из окрестных селений именно у них искали защиты и правосудия.

Полицейская инструкция, рассмотренная выше и предписывавшая коменданту избрание сотских и десятских для охраны благочиния, давала возможность делегирования части обязанностей по охране благочиния обывателям города на условиях общественной повинности. В решении задач поддержания порядка основную помощь должны оказывать выборные от города старосты, знавшие грамоту. Для «*лучшего порядка*» старосты подчинялись непосредственно коменданту[1], хотя он и считал, что одному старосте местные горожане, по «*здешнему обыкновению*», вряд ли будут послушны, но допускал возможность снижения ими некоторой напряженности в обществе. Подобная система охранения порядка не была достаточной, поэтому к полицейской страже активно привлекали воинских чинов. Комендант не только являлся распорядителем, но и лично принимал участие в разборе дел, выслушивании показаний и т. д., правда, чаще всего дел, в которых обвиняемыми становились военные чины[2]. Это еще раз подтверждает работу полиции в условиях исключительно сословной организации общества, даже на низовом уровне.

Будучи универсальной единицей управления, комендант занимался разными проблемами жизнедеятельности города. Оговоримся сразу: мы не претендуем на абсолютную полноту освещения всех его функций, для этого необходимо отдельное исследование. Комендант в своей деятельности опирался на несколько основополагающих документов: «*Воинский устав пехотной службы*» (1716), «*Генеральное наставление, касающееся до гарнизонных батальонов...*» (1764), «*Инструкция полковничья пехотного полку*» (1764), «*Генеральное наставление по комендантской должности*», «*Устав о полевой и пехотной службе*» (1797). Среди главных задач ему вменялись: обеспечение и контроль местной воинской команды, сохранение и поддержание в боевой готовности гарнизона и крепости, снабжение инструкциями, учет провианта, обмундирования, складов (магазинов), организация караулов, составление билетов об отпуске солдат и т. д. К сфере чрезвычайных функций относились почтовая, административно-распорядительная, контролирующая и полицейская. Специфической и сложной функцией была организация линии препровождения колодников в Нерчинские заводы.

Все въезды и выезды из города также охранялись военными, проверявшими документы проезжающих, каждое утро коменданту подавались рапорты с указанием прибывших и уехавших. Отвечая за безопасность города, комендант контролировал все миграционные изменения. Сыск беглых составлял, пожалуй, главную задачу полицейских органов империи. В центральных губерниях основной контингент беглых составляли крепостные, бежавшие арестанты и дезертиры. Даже не будучи беглым, но находясь в определенной местности без повода и разрешения, человек подвергался задержанию за «*праздношатание*»[3], считаясь потенциально опасным. Правительство стремилось обеспе-

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 751. Л. 374–375.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 40. Л. 6а, 15.

[3] Праздношатание — устар. пребывание в определенной местности в течение длительного времени без определенной цели и законного (разрешающего документа) на это повода.

чить каждого человека занятием, считалось, что человек без занятия склонен к праздному времяпрепровождению, а от этого он может предаться физическим или нравственным грехам. В этой идейной концепции заключено желание правящих кругов занять население, что не только положительно отражалось на доходах государства, но облегчало контроль над организованным в «трудовые коллективы» обществом. Контролировать занятость населения полезным трудом должна была полиция через нижние чины, занимавшиеся обходами.

Полицейские сержанты, возглавляя десятников, избранных местным обществом, или воинские команды, обходили, реже объезжали город днем и ночью, наблюдая за спокойствием, благочинием, отсутствием шума, драк, пресекая грабежи, занимаясь поиском и поимкой беглых, шатающихся, подозрительных и предупреждением пожаров. О том, что дозор по улицам действительно осуществлялся, свидетельствуют рапорты полицейского правления. В них содержатся сведения об обнаружении на улице пьяных, которых доставляли в полицию, где давали время прийти в себя, а утром комендант решал их участь. Обходы окрестностей города, особенно зимой, имели крайне важное значение, даже в небольшом городе в течение зимы они спасали не один десяток изрядно подвыпивших и замерзающих людей. Сибирские зимы в XVIII в. отличались изрядной суровостью, частыми вьюгами и большим объемом осадков; сохранились описания, когда населенные пункты под крышу заметало снегом. В таких условиях обход даже по ключевым точкам города приносил огромную пользу для спасения горожан.

Полицейские имели специальные трещотки для оповещения горожан о пожаре. Для нейтрализации возгораний при полиции имелся профессиональный инвентарь: ручной насос, труба и рукава для него. В качестве профилактических мер полиция обязывалась контролировать правильное устройство, исправность и чистоту печей и вытяжных труб в казенных и частных зданиях, особенно строго это соблюдалось после крупных пожаров в других городах, в частности в 1780 г. в Селенгинске[1]. На коменданта возлагалась обязанность выявления и поимки виновников пожаров, невыполнение считалось «*упущением начальства*». Важным условием эффективной борьбы с пожаром считалось сохранение и поддержание инвентаря в рабочем состоянии, для чего как со стороны губернского руководства, так и самим комендантом неоднократно проводились проверки пригодности оборудования.

Мерой правильного роста города и не менее важной пожарной безопасности являлся элементарный контроль застройки. Строить без дозволения полиции запрещалось, существовали также некоторые обязательные требования к характеристике самих строений. Застраивался город согласно плану, учитывая количество улиц и проулков[2]. Правила строительства гражданских зданий чаще шли в разрез с интересами общества. Речь идет о строительстве домов, расположенных по центральным улицам городов. Существовало требование: по главным улицам городов строить только на каменном основании. Поскольку такое строительство дорого стоило, это часто вызывало протест

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 277.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 751. Л. 106–107об.

со стороны горожан. По этому поводу к генерал-губернатору И. В. Якоби обратились жители Удинска, планировавшие заложить дома по Главной (Большой) улице. Но он, исполняя запрет правительства, предложил признавшим возведение домов таким способом слишком обременительным выбрать другую улицу, где подобное требование отсутствует [22, с. 53].

В условиях окраин дела о беглых солдатах и ссыльных составляли львиную долю всего полицейского делопроизводства. Как только кто-либо из каторжан совершал побег, местной полиции предписывалось публиковать сведения о бежавших. Составлялось условное описание беглого, часто бывшее единственно возможным ориентиром для поиска. Такие сведения можно обнаружить в сообщениях Нерчинской заводской полиции. Они включали дату, пол и количество бежавших, описание прецедента («*бежали неведомо куда*»), внешности — рост, цвет глаз, волос, возраст, наличие особых примет на теле (рубцы, родимые пятна, серьги) и лице («*лицом смугл*» или «*лицом красн*»)[1]. Казалось бы, если человек не имел клейма или каких-либо явно выделявшихся внешних признаков, выявить его в среде городских обывателей крайне сложно, если не учитывать, что само население города быстро доносило о появлении неизвестных, подозрительных лиц. Наибольшая вероятность скрыться от полиции у бежавших была в сельской местности, хотя и там большинство беглых либо сами сдавались властям, либо выдавались крестьянами и инородцами. Инструктируя полицейских, комендант обязывал их добросовестно наблюдать за ключевыми постами и присутствиями города, особенно в теплое ночное время. Он напоминал десятникам о соблюдении крайней осторожности при обходе, ведь беглые могли быть вооружены, и наделял служителей полиции правом ареста и доставки в канцелярию для допроса и проверки документов любого вызвавшего подозрение. К слову, сами десятники вооружались лишь силой убеждения, заключающейся в особом медном знаке — специальном жетоне, указывавшем на то, что данное лицо находится при исполнении, некий аналог современного удостоверения. Такие знаки имели все должностные лица: судьи, земские исправники (рис. 7), в том числе десятники [300]. Более весомым аргументом могли служить только хранящиеся при полиции в конце XVIII в. загадочные «*палки, крашенные красной краской*», которые, вероятно, представляли собой жезлы полицейских. Неизвестно, вооружались ли ими все полицейские или только сержанты. Холодное оружие, шашки полагались только военным.

Самое большое количество сообщений о беглых приходилось на весну и лето. Состояние охраны в Нерчинских заводах было не самым лучшим, результат ложился тяжким бременем на полицейские службы. Для поиска бежавших полиция не обладала ни достаточными возможностями, ни ресурсами. Часто для поимки беглых прибегали к помощи военных. Так, 2 апреля 1780 г. провинциальная канцелярия сообщает коменданту о том, что в восьми верстах от города четырьмя каторжниками ограблена группа молодых людей, направлявшихся на пикник. Украдены вещи и продукты, которые позволили бы беглецам добраться до «*моря*» (оз. Байкал). Для поимки «*злодеев*» воевода предложил собрать команду из 12 казаков[2].

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 265.

Отдельную проблему составлял сыск беглых солдат. В течение только 1766 г. бежало около 60 человек[1]. Причины побегов могли быть как реальные, например неуставные отношения в воинской среде (издевательства и побои), так и выдуманные для снятия ответственности за побег (впадение в беспамятство) [22, с. 111–112]. Побег с мест службы совершали не только рядовые солдаты, но и чины выше, как, например, пойманный профос второго Селенгинского батальона Бобков [22, с. 165]. В ходе дознания беглый должен доказать невиновность в совершении тяжких преступлений в бегах, раскаяться и клятвенно обещать не повторять подобного.

Города окраин России в середине XVIII в. в большинстве представляли собой малые поселения, в 100–300 домов. В плане безопасности они хотя и были очень спокойными, но уже требовали отдельных, хоть и небольших полицейских служб. Например, в первый же полноценный год (1766-й) своей деятельности удинский комендант сообщает о более чем 60 лицах, которые найдены, арестованы и переданы в суд, и о 7 случаях пересылки ссыльных и колодников[2]. Такая активная деятельность для поселения, еще даже не имевшего статуса города, привела к появлению не позднее 1769 г.[3] органа удинских полицейских дел — первого специализированного полицейского учреждения города. К сожалению, сохранность документов не позволяет выяснить, кем санкционировано его создание и штат. Косвенные сведения, в частности указы иркутского губернатора о необходимости подчинения полиции комендантам и сведения об организации Нерчинской городской полиции свидетельствуют о создании полиции Удинска вследствие указа губернатора. Штаты полиции были небольшие. Комендант каждой из крепостей играл роль полицмейстера, а при нем несколько полицейских из военных унтер-офицерского (сержантского) звания. В Удинске одним из первых документально зафиксированных полицейских (1773 г.) стал сержант М. Квашенкин (рис. 6). Ему в соответствии с полицейской инструкцией поручалось наблюдение за чистотой улиц, профилактические обходы города, делопроизводство, контроль за исполнением постановлений коменданта, побуждение местных жителей к вывозу отходов в назначенное место и контроль застройки города. Сержант Квашенкин как главный исполнитель полицейских обязанностей был достаточно загружен работой, несмотря на небольшое население города.

Жизнь общества в этот период была детально регламентирована, а полиция несла ответственность за соблюдение многочисленных нормативов. Не составляли исключение для службы и праздничные дни. Приведем любопытный пример распоряжения коменданта за март 1773 г.: «*...наступающего праздника пасхи воскресенья христова всем батальонным служителям г-нам офицерам, унтер-офицерам, нижним чинам и нерегулярной команде рекомендую быть во всякой чистоте и опрятности. Нижних чинов приводить к божественной службе, а до начатия ее читать всем военной артикул... высшим чинам смотреть за*

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-20.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-22.

[3] Дата обоснована описью дел и документов, хранящихся при правлении.

подчиненными, чтобы никакого шуму и драк... не было.... Правящему должность полицейскую сержанту Квашенкину от полиции иметь денной и ночной дозор, особливо в ночи, чтоб шатающихся праздно по улицам никого не было, а где оные им бесчинники явятся, таковых брать под караул и рапортовать немедленно, по улицам же чтоб была чистота как полицейская инструкция повелевает и от пожарного случая иметь всем жителям предусмотрительность особливо во дворах, нигде при нынешнем времени огня незачем иметь под штрафом»[1].

В случае происшествий комендант как строгий отец города напоминал полицейскому сержанту о наблюдении за всеми шатающимися, особенно охраняя казну и провиантский магазин (склад), совершая особенно в ночное время дозор с крайней осторожностью[2]. Первый же подозрительный человек должен немедленно отправиться под караул в комендантскую канцелярию для проверки документов. Сержант и сам мог отдавать приказы, которым должны подчиняться жители, например, «*велел жителям, имеющим лодки, в ночное время не быть на берегу... для осторожности...*»[3]. Такие меры позволяли предотвратить попытки разбойников проникнуть в город.

Полиция принимала от жителей объявления (заявления), рассматривала их, собирала необходимые сведения, вела допросы и все собранные материалы передавала в вышестоящие инстанции, полномочные на принятие решений по делу. Так, например, при обращении в полицию удинского разночинца Зубакина, который жаловался на невыплату заработанных его братом денег крестьянином Падериным[4], комендантская канцелярия сообщила в Селенгинскую хлебопахотную контору, которая продолжила разбирательство. При различных происшествиях — поджогах, убийствах, нападениях казаков на крестьян — в случае необходимости комендант обменивался сведениями с селенгинским комендантом, воеводой и другими управлениями. Не всегда обыватели могли обратиться напрямую в полицию, особенно сельские жители. В таких случаях о происшествии, например краже, сообщалось в земскую избу. Та, в свою очередь, по возможности принимала меры или сообщала в компетентные органы.

Приказы коменданта касались не только сферы безопасности, но и бытовой и даже праздничной сферы жизни города. Перед нами распоряжение от 20 апреля 1773 г.: «*1-е. Для завтрашнего воскресного и высокоторжественного дня рождения ЕЯ... императрицы Екатерины* [21 апреля]... *казенным работам не быть и рекомендуем всем Селенгинского второго батальона служителям и нерегулярных казаков приводить к божественной службе и благодарственному молебну во всякой опрятности по военному регулу, а до начатия службы читать военный артикул и ...указы... 2-е. Правящему полицейскую должность сержанту Квашенкину смотреть, чтобы по улицам была чистота и при всяком дворе были поставлены ёлки, а в вечернее, надлежащее время на них горели свечи неотменно*»[5].

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 31.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 41.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 46 об.

[4] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 751. Л. 302.

[5] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 35.

Комендант лично принимал участие в осмотре порядка в городе, из чего делались соответственные выводы. Например, тому же сержанту Квашенкину: сообщалось, что «*... усмотрено при Удинском пригороде здешние жители всякий навоз из дворов своих возят непорядочно... сим накрепко подтверждается, чтоб отныне все жители навоз вывозили и сыпали по всему крайнему берегу равенственно и никаких ям и протчих неудобностей от них не было... таково и в строении еще надпоминается, что без ведома и отводу полиции отныне никто не дерзнул строения иметь, а чинить оные з дозволения и надлежащего отводу по имеющимся здесь от его высокопревосходительства плану и кровли крыть круглой япанчей*». Комендант как олицетворение власти участвовал не только в решении проблем организации жизни в городе, но и смерти. Его канцелярия принимала решение об определении территории под кладбище и захоронении «невостребованных» тел горожан и служилых.

Если об устройстве и деятельности городской полицейской охраны этого времени есть хотя бы какие-то сведения, то о полицейской страже вне города известно совсем мало. Сведения о грабежах, наоборот, изобилуют. Принимать некие меры в ответ на сообщения о грабежах приходилось коменданту и городской полиции. Так, 18 сентября 1772 г. в комендантскую канцелярию обратился кяхтинский купец, остановившийся на ночлег у озерка, не доезжая до Троицко-Селенгинского монастыря[1]. В этом месте его ограбили десять неизвестных с «*завязанными*» лицами и снабженные «*превеликим дубьем и обнаженными ножами*». Предполагаем, что в более-менее крупных деревнях из местного населения избирались десятники или подобные, которым поручались отдельные задачи по обеспечению безопасности. Подтверждает это мнение рапорт «*по вступившему сего числа к полицейским делам Хонхолойской деревни крестьянина Федора Трофимова с товарищи объявлению в нападении и бытии их грабеже против сего числа 3 в ночное время неведомо какими воровскими людьми... чего ради казачий команды толмач для сыску и поимки таковых злодеев за реку Уду в тамошнее место командируется...*»[2]. Собственно, выводы из текста рапорта можно сделать следующие, во-первых, как и в городах, в прилежащих территориях из свободного населения избирались лица на условиях общественной повинности для несения полицейской стражи. Во-вторых, значительную роль в розыске и расследовании преступлений играла казачья команда. В-третьих, управление коменданта и полицейские дела Удинска имели актуальные сведения о всех событиях криминального характера, что происходили в округе, и предпринимали возможные меры, исходя из имеющихся ресурсов.

Фактически аппарат полиции в негубернских городах окраин империи до последней трети XVIII в. исчислялся наличием коменданта и одного-двух полицейских чинов сержантского звания и такая численность обусловливалась малыми размерами городов и слабой населенностью региона. В то же время полицейская охрана вне городов оставалась в большинстве своем на попечении местных органов самоуправления, силами которых избирались десятники, несшие дозор, и воинских чинов, направлявшихся в область в случае

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. С. 92.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 46 об.

происшествия. Вместе с тем ограниченность полицейского контингента компенсировалась широчайшими полномочиями и участием воинских формирований в обеспечении безопасности. Случаи тяжких преступлений были скорее исключительны, а основная масса дел не нуждалась в профессиональном сопровождении и особом расследовании. При этом стоит признать, что регион обладал чертами достаточно опасного места.

Применительно к окраинам двоякость должности коменданта выразилась в соединении военных и административно-полицейских функций. К военным относились сохранение порядка в гарнизоне, обеспечение солдат, расстановка караулов, контроль поставки и выдачи провианта, забота о проходящих воинских командах, наблюдение за сохранностью казенного имущества; административно-полицейские: исполнение повинностей и проведение переписей тяглого населения, организация строительства казенных учреждений, поддержание благочиния и пожарная охрана, руководство проведением задержания и допроса, санкционирование начала уголовного преследования, осуществление решений суда и т. д. Можно также назвать контролирующие функции, в числе которых: ревизия канцелярии, учет казны, контроль над правильностью составления документов и в целом над местными органами управления. Полицейские функции связаны еще и с тем, что, согласно указам центрального правительства, поимка беглых, грабителей и убийц осуществлялась силами военных команд, которые находились под руководством коменданта.

РАЗДЕЛ 2

Становление органов обеспечения безопасности в структуре административно-управленческого аппарата последней трети XVIII в.

Схема административно-территориального деления Иркутской губернии в соответствии с реформой 1775 г.

Забайкалье в ходе интеграции в систему управления Российской империи формировалось как периферия. Выполняя роль транзитного коридора для продвижения русских на Амур [230, с. 27], Забайкалье в условиях трансграничного расположения в значительно большей мере испытывало довлеющую роль государства в своем развитии. Политика формирования административно-управленческих институтов и моделей управления на протяжении всего имперского периода имела ряд значительных отличий, в том числе от центральных западносибирских областей.

Система управления окраинами в составе Забайкалья и в целом Восточной Сибири, особенно периода XVIII в., на сегодняшний день изучена недостаточно. Многие исследователи раз за разом повторяют укоренившиеся в историографии общие формулировки, неточности и ошибки. В публикациях коллектива авторов во главе с А. А. Борисовым систематически повторяется положение о том, что «*в результате губернской реформы 1775 г. Иркутская губерния стала включать ... дистрикты*» [156, с. 107]. Диссертация С. Д. Батоева изобилует всевозможными ошибками, например, автор приводит неверные даты образования провинции, путает должности и чины, безосновательно подчеркивает усложнение социальной структуры города, ошибочно утверждает образование Сретенского уезда в составе Удинской провинции, путает между собой магистрат и городовую управу и др. [325, с. 71–73, 97–98]. Казалось бы, достаточно обратиться к «*Полному собранию законов Российской империи*», к соответствующему разделу, находящемуся в открытом доступе в сети Интернет, даже без привлечения архивных источников, а не повторять грубые неточности, предварительные и неподтвердившиеся выводы предшественников. Дистрикты в большинстве своем как раз-таки были ликвидированы реформой 1775 г., за исключением, возможно, горнозаводских территорий Алтая. Такие примеры говорят об острой необходимости изучения архивов и введения их материалов в научный оборот.

Система регионального управления Сибирью в XVIII в., результат синтеза многочисленных и несистематичных административных нововведений времен

Схема административно-территориального деления Иркутской губернии в соответствии с реформой 1775 г.

Петра I и колониальной политики царского правительства, сложна и запутанна. Изучение только лишь законодательных актов не даст полного представления об этой системе, так как при устройстве управления чиновникам нередко приходилось адаптироваться под местные условия. Часто одна и та же должность в документах называется по-разному, одному чиновнику вверяются чрезвычайные полномочия, которые в иных ситуациях он бы никогда не выполнял, и т. д.

При создании новых административных единиц иногда не упразднялись прежние. Напротив, в законодательстве отмечалось, что, несмотря на введение новой системы правления в тех местах, где это полезно и нужно, старые органы необходимо сохранять на прежних основаниях. Данная законодательная норма характеризует запутанность системы управления азиатскими окраинами. Нужно отметить, что внедрение новых с сохранением укоренившихся учреждений — характерная черта внутренней политики Екатерины II [160, с. 335; 207, с. 29]. Ход развития системы административного управления Забайкальем в течение всего XVIII в. свидетельствует о ее «догоняющем» характере. Административные нововведения внедрялись на окраинах со значительным опозданием и часто в усеченном виде. Например, в то время как в 1726 г. на всей западной части Российской империи упраздняются дистрикты, в Восточной Сибири они только организуются. Запоздалое учреждение новых административных схем обусловлено рядом социально-экономических причин, которые являлись, в свою очередь, результатом колонизационной и переселенческой политики царского правительства и специфических факторов развития региона. Сибирские территории с самого начала не могли быть приравнены к западным областям, да, собственно, и таких задач по уравниванию новых присоединенных территорий не ставилось. Насущной потребностью было создание в Сибири небольшого мобильного аппарата управления для поддержания порядка и соблюдения властных интересов. Этого удалось достигнуть только учреждением в 1851 г. Забайкальской области во главе с военным губернатором. Попытки организации автономного аппарата в Забайкалье предпринимались еще в XVIII в. в виде создания за Байкалом провинции во главе с воеводой.

Административное реформирование при Екатерине II — не исключительная прерогатива правительства. Губернаторам предлагалось вносить свои коррективы в новое территориальное деление их губерний [53, с. 117]. Труднодоступность окраин даже для губернского центра Иркутска представляла серьезную проблему для управления. В течение длительного времени года Забайкалье полностью блокировано для коммуникации, что совершенно недопустимо для трансграничного региона и места ссылки и каторги, которым он постепенно становился. Губернатор А. И. Бриль еще в 1768 г. предложил создать отдельную Удинскую провинцию, объединявшую все забайкальские земли с центром в г. Удинске. Бюрократическая машина «зажевала» эту идею до 1775 г., когда, согласно «*Учреждению для управления губерний...*», постановлено, что «*буде нужда того требует, то наместничество или губернию разделить на области или провинции*». Екатерина II очень быстро усвоила проблемы региональной системы власти после восстания Пугачева. В такой трансформации можно не

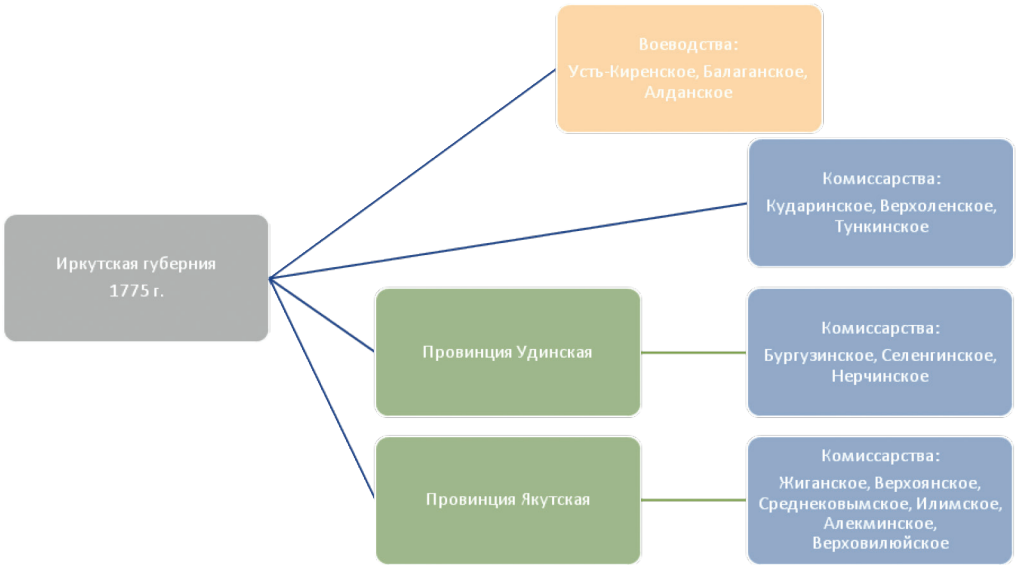
только увидеть желание сделать стройной вертикаль управления, но и сформировать более эффективный аппарат, способный не допустить сбоев или моментально о таковых сигнализировать.

31 января (11 февраля) 1775 г. императрица подписала указ «*О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства*»[1], согласно которому Иркутск оставался губернским городом, но выделялись две провинции — Удинская и Якутская (рис. 4), одноименные города которых стали центрами. Одновременно утверждены воеводства: Усть-Киренское, куда воеводская канцелярия из-за частых разливов рек перенесена из Илимска, в последнем учреждено комиссарство; еще два воеводства — Балаганское и Алданское созданы из ранее существовавших в них земских комиссарств. В составе провинций создано 12 комиссарств: Иркутского губернского ведомства — в Кударинской слободе, Верхоленском и Тункинском острогах; в Удинской провинции — в Бургузинском остроге, городах Селенгинске и Нерчинске; в Якутской провинции — в Ижигинском, Верхоянском и Среднековымском зимовьях, городе Илимске, Алекминском остроге и Верховилюйской волости.

Губерния возглавлялась губернатором, а воинские команды и коменданты состояли под управлением иркутского обер-коменданта. Тем самым вводилась более разветвленная, ступенчатая система (схема 1): губернский, провинциальный (+воеводский) и комиссарский уровни. Под ними стояли подчиненные по территориальному признаку волости, остроги, слободы, деревни, форпосты. Отдельно состояли монастыри.

Схема 1

Административно-территориальное деление
Иркутской губернии по реформе 1775 г.

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 20. № 14242.

Таким образом, была организована модель управления одной из крупнейших губерний Российской империи. И хотя необходимость модернизации системы кристаллизована еще десятилетием ранее, на практике модель показала успешность некоторого административного отделения забайкальской окраины от Иркутской губернии. Опыта подобных преобразований в регионе было мало, но данную реализацию в определенном смысле можно счесть успешной. Другое дело, что она устарела уже ко времени внедрения. Самое явное противоречие трансформаций 1775 г. лежало в попытке отделения властей по отраслевому (судебная, надзорная, полицейская и т. д.) принципу, в то время как на деле в провинции все сущностные сферы управления, в противоположность, стекались в руки воеводы, в том числе суда и полиции. Такую систему, конечно, не могло спасти формальное наличие должности прокурора, мало ограничивавшего полномочия воеводы.

«Буде нужда того требует, то губернию разделить на провинции...»: Удинская провинция 1775–1784 гг. и ее комиссарства

С открытием 25 сентября 1775 г. [289, с. 156] провинциальной канцелярии Удинск стал центром провинции. До реформы он обозначался как пригород (или пригородок) Селенгинска с гражданским населением всего 271 человек. Обоснование выбора слабозаселенного пункта было достаточно простым — город находился на пересечении важнейших дорог до Нерчинска, Баргузина и Селенгинска, то есть открывался путь во все стороны Забайкалья. План переноса столицы Западного Забайкалья созрел у казаков еще в XVII в., но тогда решение так и не приняли. В силу сложной приграничной обстановки это могло быть воспринято Китаем как сигнал отступления. С установлением стабильной границы и мирных взаимоотношений, а также при поддержке губернаторского корпуса проект наконец осуществился.

Территориально к провинции приписывались три крупнейших города: Нерчинск, Селенгинск и Баргузин с подчиненными каждому из них окрестностями, которые стали именоваться комиссарствами. Непосредственно к Удинску относились: остроги Ильинский (1,2 тыс. чел.), Кабанский (671 чел.), Итанцинский (183 чел.), Яравнинский (34 чел.); Кударинская слобода (70 чел.), Кяхтинский форпост (1,1 тыс. чел.); Посольский и Троицкий монастыри.

Первым провинциальным воеводой стал майор артиллерии Иван Васильевич Тевяшев (Тевяшов). Как главный начальник провинции, он напрямую подчинялся иркутскому губернатору. При воеводе состояли: товарищ (заместитель), титулярный советник Ф. И. Нерлов (после коллежский асессор И. В. Ланской; затем капитан В. Л. Воейков); прокурор И. И. Мельгунов; секретарь Г. Н. Удачин и канцелярия. Помещение канцелярии располагалось в комфортабельном по тем временам доме умершего коменданта И. С. Мертвецова[1].

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.

Согласно штатному расписанию[1], провинциальная канцелярия делилась по отраслевому принципу на повытья (отделения). В Удинской провинциальной канцелярии по причине немногочисленности штата повытья группировались следующим образом: 1) оборочное, 2) подушное, 3) ясачное, экономическое и соленное, 4) приходно-расходное, 5) питейное и провиантское, 6) судебное и розыскное. В каждое определены канцелярские служители (табл. 1).

Таблица 1

Распределение канцелярских служителей
по повытьям Удинской провинциальной канцелярии (1775 г.)

Повытье	**Должность**		
	канцелярист	подканцелярист	копеист
Оборочное	В. Дорофеев, протоколист, нотариус, составитель ежемесячных и годовых ведомостей	И. Березовский	А. Суетин
Подушное	Размахин Н., регистратор оборочного и подушного повытьев, нотариус	И. Тарасов	Г. Цынков
Ясачное, Экономическое, соленное	И. Арканов		М. Суворовцев П. А. Суриков
Приходно-расходное	А. Дуткин, приходчик, расходчик, составитель ведомостей денежной казны и ясака		Т. П. Калашников
Питейное и провиантское		П. Мальцев	
Судебное и розыскное		Е. Размахин	

Несмотря на то, что в наказе 1728 г. не было прямого указания на подчиненность воеводе полиции, набор задач по розыску преступников, организации противопожарных мероприятий свидетельствует об исполнении провинциальным воеводой полицейских функций. Само наличие розыскного повытья как бы вторит этому, но указаний на место их реализации (город или область) не уточняется. Наличие каждого из повытьев определяют принципиальные направления деятельности, большинство из них производили учет поступлений, расхода, управление логистикой, хранением и т. д. Цены и оборот многих товаров, особенно первоочередной важности, состояли под строгим контролем канцелярии. Много сведений в целом о воеводском управлении ближайшего Предбайкалья — Иркутской губернии отражено в капитальном двухтомнике В. Н. Шерстобоева [136; 137].

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 11–11об.

При Удинской канцелярии впервые создана регулярная почтовая служба — Удинское почтовое правление. Начиная с 1768 г. почта отправлялась через комендантскую канцелярию снаряжаемыми солдатами и казаками. Почтмейстером назначен сын боярский Епифанцов[1], совмещавший должность смотрителя при приеме и отпуске вина, а почтальонами — двое рядовых ротной команды, которых определял комендант. Для организации почтового правления приобретены соответствующие принадлежности — тетради, шнуровые печати, две сыромятные сумки для конвертов и тщательно учтены средства, заработанные за счет писем обывателей. Отправка писем обеспечивала некоторый доход, за счет уплаты пошлины с партикулярных писем. Отправка почт осуществлялась 1-го и 16-го числа каждого месяца. Переданные провинциальной канцелярии почтовые полномочия не внесли каких-то существенных изменений в этот процесс, а организация отдельной почтовой экспедиции и строительство ее здания начаты лишь в 1798 г.[2]

Воевода не являлся воинским начальником, его должность в большинстве концентрировалась на гражданском управлении[3]. Однако по штату ему полагалось иметь провинциальную команду. Такая же формировалась в комиссарствах, но в Удинске она комплектовалась в большем размере — до 60 чел. Впоследствии из нее комендантом создана верхнеудинская городовая команда[4]. Штатная команда использовалась при сборах податей и ясака, для установки караулов, охраны казенных помещений. Несмотря на наличие городовой команды, ее численность не была достаточной, и воевода систематически обращался к коменданту с целью определения военных чинов для разных нужд. Комендант располагал более широкими возможностями, ведь ему подчинялась полутораротная команда солдат, часть которых, правда, нередко откомандировывались на решение разных задач вне города. Военное управление сохранилось в ведении комендантов Нерчинской, Селенгинской, Акшинской, Удинской, Кяхтинской крепостей и др., как и полицейские дела, по крайней мере первое время.

Создание провинции не стало причиной открытия в Удинске городского самоуправления. Селенгинск и Нерчинск сохраняли самоуправление в виде ратуш[5], решавших фискальные и судебные проблемы мещан и купцов, а также вопросы городского хозяйства, миграции и т.д. Причина нам видится в недостаточной численности городского сословия Удинска. Региональное управление в этот период все еще обладает определенной путаностью и нестройностью. Например, Селенгинск, управлявшийся комиссаром, подчинялся провинциальному воеводе с канцелярией в Удинске, а посадское население Удинска — через земскую избу Селенгинской ратуше.

Территориально состав Удинской провинции определялся подчинявшимися ей населенными пунктами, вошедшими в состав трех комиссарств. Рассмотрим

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3159. Л. 1.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 8. № 5333.

[4] ГАРБ. Ф. 306. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–9об.

[5] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1779 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1779. С. 401.

все три подробнее. На момент формирования комиссарства население Селенгинска с уездом составляло 15,7 тыс. человек (из которых половина — ясачные; без учета воинских и служилых чинов). В самом городе гражданского населения насчитывалось чуть менее 800 человек. Со времен комендантов Бухгольца и Якоби, как указано в штатах указа о разделении губернии[1], в связи с неназначением воевод, полицейские и прочие гражданские функции выполняли коменданты. С 1745 г., в связи с «*отрекательством*» Якоби, воеводы присылались Сибирским приказом или назначались из местных дворян. Ко времени реформы воеводой состоял отставной капитан И. Неклюдов. 21 сентября 1775 г. комиссаром Селенгинска назначен поручик Я. Загарин (Загаринов), принявший должность от сына боярского, бывшего за комиссара Д. Ф. Холшевникова (Хощевникова). Последний — яркий пример крайней нехватки квалифицированных кадров в Сибирском управлении. Он неоднократно по приказу воеводы временно принимал в управление разные учреждения и ведомства почти по всей территории Забайкалья.

Обязательным элементом передачи должностных дел друг другу было составление списков передаваемого имущества. В сохранившихся списках сосредоточены сведения о казенных строениях (в т. ч. домах чиновников), их имуществе, крепостях, складах. Крайне интересен набор предметов, составлявших интерьер присутственных мест того времени. Сохранился список[2] казенных вещей и мебели в бывшей воеводской канцелярии Селенгинска, что позволяет представить некоторые детали быта. Начнем с самой крепости: «*Селенгинская городовая квадратная крепость с тремя башнями, в ней воеводская канцелярия с прирубной судейной палатой с сенями*». Авторы списка еще по-старому называли судебную палату «*судейской каморой*», начиная список со «*святых образов*»:

1. Спаситель, по сторонам Богоматерь с архангелами писанной красками на полотне, при ней лампада белого железа с шелковой кисью.

2. Пророка Ильи и Угодника Прокопия Праведного [Устюжского] *... лампада белого железа с кисью.*

3. Крест деревянный восьмивершинной на коем распятие Господа.

В подьяческой:

4. Николая Чудотворца в серебряном окладе [икона].

5. Распятие Господа.

После указания культовых предметов всегда следовало перечисление мебели и канцелярских принадлежностей.

В судейской каморе:

- *Стол, на нем красное сукно мерой 2 аршина* [в присутственных местах дореволюционной России стол начальника всегда покрывал отрез ткани красного цвета].
- *Печать серебряная Селенгинской воеводской канцелярии.*

---

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 20. № 14242. С. 30.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л.29–30.

- *Шкаф деревянный в котором содержатся разные документы* [в списке всего несколько указов] *и печатное зерцало в раме, позолоченной* [часто встречающийся предмет интерьера любого присутственного места, обычно представлявший собой трехгранную призму с тремя указами Петра I, которые чиновникам надлежало постоянно повторять для памяти].
- *Две оловянные чернильницы в футлярах с песошницами* [песочница — обязательный предмет любой канцелярии, представлявший собой маленькую емкость, больше похожую на современную солонку, наполняемую мелким песком, которым посыпали только что написанный текст для скорейшего высыхания].
- *Медный колокольчик* [для вызова служителя].
- *Два деревянных стула под зеленой краской, на них подушки красного сукна.*
- *Подсвечник медный, три двойных подсвечника.*
- *Железные ножницы.*
- *Одна деревянная мера рекрутская, присланная из губернии за печатями* [вероятно, речь идет о мерной линейке для измерения роста и фигуры].
- *Один деревянный сундук с денежной казной.*
- *Два стола подьяческих с ящиками* [имеются в виду выдвижные ящики].
- *Один стол круглый с ящиком.*
- *Один стул деревянный.*
- *Три сундука, в коих дела содержатся.*
- *Два счетных стола, на которых деньги считать* [имеются в виду специальные столы с расчерченными на их поверхности линиями и латинскими цифрами или покрытые специальными скатертями].
- *Двое счет, на которых всякие доходы и расходы располагаются.*
- *В состоящей городовой крепости цейхгауза: знамена, орудия, оружие, одежда и всякая рухлядь.*

В таком виде принята бывшая Селенгинская воеводская канцелярия. В описях, кроме того, имеются сведения о казенных домах воеводы и канцеляриста, в том числе об одежде и посуде. Крайне скудные сведения об архиве воеводы, хотя дела там должны были содержаться со времен приказного управления начала века, наводят на мысль, что часть их либо отложилась в материалах комендантской канцелярии, таможенного управления, либо попросту утеряна из-за многочисленных пожаров и наводнений.

Нерчинск как центр старейшего в Забайкалье воеводства сохранял свой статус до реформы. Возглавлял город воевода капитан М. К. Овсяников. Уезда как такового уже не существовало, ведь все подчиненные Нерчинску остроги и слободы приписаны к канцелярии Нерчинского горного начальства. В подчинении нерчинского воеводы оставались: население города, пригородных деревень и ясачные общим числом 16,1 тыс. человек (без учета воинских и служилых чинов). Усложнялось управление наличием на границе множества караульных (регулярных и нерегулярных) воинских команд, которые ранее подчинялись непосредственно генерал-майору Якоби. Первоначально на должность комиссара был назначен состоявший ранее при городовой команде подпоручик С. Карбутов, затем ему на смену пришел М. Тархов, потом майор Власов,

за ним поручик М. Ботов — и это всего в течение двух лет. Впоследствии в должности укрепился капитан К. К. Болотов[1]. Систематическая смена комиссаров, как прежде воевод, — особенность окраинных комиссарств.

Из документов[2] передачи Нерчинской крепости мы можем восстановить ее общий вид: «*Крепость деревянная ветхая, восемь башен, в том числе четыре проезжих и четыре угловых. Все крыты тесом, на проезжих башнях железные гербы. На полуденной башне колокол медный с языком*». Внутри крепости здание канцелярии, состоящее из четырех светлых комнат и печью в каждой. Кладовой амбар, в котором из примечательного обнаружены только плеть, серебряная печать албазинская, кусочек серебра и др. Упоминаются комиссарский дом и амбары. Описание всех помещений канцелярии и находящихся в них объектов заняло бы массу времени, поэтому оно имеет крайне обобщенный вид, на «скорую руку»:

Образов святых разных

Лампад масленых железных 2, медных

Стол деревянный крашеный с часами ... медными с прибором

Стол судейский без ящиков, на нем сукно красное с покроем, на нем:

Зерцало деревянное на три угла с написанными скорописью указами, при нем герб, на оном зерцале чехол суконный старый

Ящик в коже обит железом

Ящик маленький обит медью, в коем серебряная печать казенная

Почтовая медная печать

Маленький медный колокольчик

Чернильница столовая оловянная с песошницей

Уложение переплетенное, печатная книга указов 1714–1725

В стенном шкафу:

Плакат выданной в 1724 году в переплете, печатная инструкция о ревизии мужеского полу душ, в переплете, письменный устав о соляных промыслах в переплете, письменная полицмейстерская инструкция и другие указы

Железный ящик:

2 железных шандала [шандал — купный напольный, утяжеленный книзу светильник с несколькими подсвечниками. В данном случае может подразумеваться как напольный, так и настольный подсвечник] *с медными съемами*

Подсвечник железный

Удивительна формальность переписи имущества, которая, видимо, составлялась в большой спешке. По традиции больше всего внимания уделялось железным вещам. Но даже из такого краткого описания можно отметить, какой значительной была воеводская канцелярия и в каком упадке она находилась ко времени назначения комиссаров.

Третьим центром комиссарства стал Баргузинский острог, где проживало 808 человек гражданского населения. Назначение комиссара сюда следует из

[1] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1779 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1779. С. 401.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 226–228.

указа от прежнего Сибирского приказа, что вызвано желанием развивать на этих отдаленных землях хлебопашество. В делопроизводственных документах местный комиссар именуется управителем, как и ранее тот, что существовал в Удинске. Это отразилось и в тексте указа «*... ЕИВ из Удинской провинциальной канцелярии от 3 сентября 1775 № 120 повелено бывшей в Баргузинском остроге управительской канцелярии именоваться Баргузинским комиссарством...*»[1]. Должность комиссара передана бывшему управителю Ф. Вернеру с фактическим сохранением прежних функций, но в связи с поступившими на него жалобами от местного общества он в том же году снят с должности. Его место занял дворянин А. Ловцов, а впоследствии прапорщик И. В. Повалишин[2].

При вступлении в должность Ловцова составлен список[3] переданных крепости помещений, казенных вещей и мебели в бывшей канцелярии управителя. Содержание списка еще более бедное. Баргузинский острог обветшал, сохранялась башня с проезжими воротами на петлях и башнями на углах крепости. В проезжей башне над воротами в часовне — образ архангела Михаила. В остроге разместился деревянный погреб, ранее используемый для хранения припасов. В крепости располагалось 6 амбаров: для хранения ясака, казны, соли и трех провиантских, а также архив документов.

Канцелярия деревянная; отдельное, очевидно, ее помещение представлено судейской, достаточно светлой, с четырьмя окнами, где ранее заседал управитель:

В судейской образ Спасителя ... лампада медная
На судейском столе сукно красное новое, другое старое
Зерцало, стоящее перед лицом судящего
Соборное уложение письменное, копия списанного Наказа 1728 года, копия инструкции ревизион-коллегий
Объявления всякого чина людей, баргузинских жителей
Чернильница
Колокольчик медный
Стол
Шандал железный, при нем съемы
Три ящика — один для денежной казны, другие два для дел
... план... и табель торжественным дням
Дела и указы бытности приказчиков в судейской
Печь с железной трубой

Полномочия прежних приказчиков и управителей передавались комиссарам не только в атрибутах и интерьерах канцелярий и острогов, череде почти ежегодной сменяемости, но и в функционале. В их руках находился сбор налогов, общее управление городом и округой, разбор жалоб, суд и разрешение различных мелких вопросов. Канцелярии комиссаров укомплектованы были

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 98.

[2] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1779 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1779. С. 401.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 134.

не в полной мере, кадровая проблема стояла очень остро. Согласно штатам от 15 декабря 1763 г., каждому комиссарству в помощь назначалось 6 канцелярских служителей[1]. По факту, в Селенгинском комиссарстве их только четверо, которые кроме исполнения прямых обязанностей разбирали и приводили в порядок архив воеводской канцелярии. В Баргузине и вовсе назначены только два канцеляриста. Кроме того, каждый комиссар имел в распоряжении небольшую городовую команду, обычно в составе сержанта, капрала и двух десятков рядовых. Сами комиссары должны соответствовать обер-офицерскому званию.

Штат комиссарства был небольшим и соответствовал достаточно скромным размерам поселения. Однако, учитывая географический фактор, значительные расстояния, которые необходимо преодолеть для исполнения управленческих задач и неусыпной охраны порядка, становится очевидной невозможность удовлетворительного исполнения всех возлагаемых на комиссара задач. Отслеживать выполнение всех государственных постановлений и обеспечивать внутренний порядок и безопасность вверенной области — превалировало в работе комиссарств. Правда, оснащение и обеспечение их всем необходимым оставалось неудовлетворительным.

Полномочия и функции провинциального воеводы

Воевода — уникальный по своим полномочиям чиновник. Как мы уже отмечали ранее, несмотря на новацию отхода от концентрации большинства гражданских полномочий в одних руках, которая прослеживается в законодательстве последней трети XVIII в., создание провинции было неким шагом назад. Воевода провинции в целом близок по существу к прежним сибирским уездным воеводам. Другое дело, что провинция территориально была крупнее прежних уездов. Очень важно еще раз подчеркнуть, что реформа 1775 г. на большей части империи упразднила систему провинций, заменив их уездами. Лишь на отдельных территориях Сибири, в том числе на окраинах, эта устаревшая модель введена и существовала почти до конца века. Достаточно емкое определение задач провинциального воеводы и его команды дала сама власть: «*добропорядочное всего исправление, над всеми тамошними народы смотрение и всех обидимых правосудием удовольствие*» [51, с. 9]. Главным регламентом провинциального воеводы оставался все еще актуальный «*Наказ губернаторам и воеводам...*» 1728 г., где обозначились важнейшие функции, в первую очередь представительство интересов императора и государства в целом, недопущение убытков казне, организация делопроизводства, исполнение указов вышестоящих лиц и т. д. Учитывая особенности окраин империи, важнейшей задачей воеводы была организация сбора и доставки фискальных поступлений, а в случае их отсутствия — применение санкций к должникам. Контроль осуществлялся и за так называемыми натуральными повинностями: организацией подвод для транспортировки грузов и правительственных кортежей, исправлением и содержанием дорог и мостов, постоем военных и др.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 124.

Важнейшей задачей, особенно актуальной для Восточной Сибири, было регулирование земельных отношений. Пестрый состав населения (казаки, инородцы, поселенцы-ссыльные, свободные крестьяне), разные типы хозяйствования (хлебопашество, кочевое скотоводство, промыслы), малое число освоенных, удобных пашенных земель при абсолютном превалировании аграрного сектора — всё это факторы, усложнявшие отношения. Картину дополняет прямая подчиненность Нерчинских рудников короне (кабинетские земли), а большая часть земель, пригодных к хлебопашеству по р. Селенге, находилась в распоряжении Троице-Селенгинского монастыря. Для решения споров на тему главной ценности аграрного общества — земли не существовало отдельного аппарата, всем занималась провинциальная канцелярия воеводы.

Для института провинциальных воевод характерно было соединение исполнительной и судебной власти в одних руках. Канцелярия распоряжалась судебными делами, в том числе по тяжким преступлениям — грабежам и убийствам. Лишь некоторые мелкие дела городского сословия возлагались на ратуши. Последние задумывались как независимые органы городского самоуправления, распространявшими свои полномочия лишь на жителей посада. В процессе же ратуши попали под полный контроль воеводской власти. Могло ли городское общество противиться решениям деспота-воеводы, который по сути своей не только главный начальник, но и одновременно высшая апелляционная инстанция провинции? Конечно нет.

Реформы 1775 г. в целом отделили суд от общей администрации, но, как мы уже сказали ранее, введенная система провинций морально устарела. Полномочия воеводы сохранялись в прежнем виде и объеме. Судебный процесс почти целиком концентрировался в провинциальной канцелярии. Комиссары исполняли задачи розыска и преследования преступников на территории всей провинции. Исключение в полицейском отношении составили города, где полиция подчинялась комендантам. Лишь на короткий период 1776–1779 гг. в Удинске полиция была передана под руководство воеводы. Провинциальные власти организовывали поиск и поимку беглых, принуждая земские избы устанавливать караулы и доставлять задержанных в город. За ослушание или укрывательство беглых и беспаспортных крестьянам грозило битье кнутом и ссылка на заводы. Воевода в числе прочего исполнял различного рода постановления правительства, наблюдал за санитарным порядком в провинции, принимая меры к предотвращению и остановке эпидемий и эпизоотий.

Нельзя сказать, что обеспечение всего и вся происходило само собой, ключевая нагрузка обеспечения безопасности ложилась на обывателей. Крестьянское население Забайкалья делилось на ведомства, в состав каждого из которых входило несколько волостей. Ведомства управлялись приказными избами (Ильинская, Посольская, Иволгинская, Троицкая, Мухоршибирская и др.), подчинявшимися провинциальной канцелярии. В качестве чиновников крестьяне избирали старосту, выборного и сотского. Приказная изба, в свою очередь, назначала для управления в каждую деревню своего ведомства десятского. Основная задача приказных изб — исполнение постановлений вышестоящих органов и правительства, а именно: сбор податей, распределение земель

и сенокосных угодий, исполнение повинностей и, конечно, сохранение благочиния. Старосты обязывались наблюдать за добропорядочным поведением крестьян, соответствием частного строительства нормативам, отслеживать и выдавать беглых. Сотский отвечал за санитарные и противопожарные мероприятия, надзирал за исполнением натуральных повинностей, охраной лесов. Приказные избы обладали правом суда за «*малые погрешности*...» [51, с. 10] (пьянство или нерадивое занятие сельским хозяйством), назначения телесных наказаний (розги) или посадки в цепь. Почти все административные органы, имевшие в подчинении определенную общность, могли осуществлять разбирательство и суд по мелким нарушениям.

Сложно назвать такую систему справедливой или хотя бы отвечающей запросам своего времени. Конечно, как и в предыдущее столетие, нередко возникало общественное недовольство, хотя и не всегда такое массовое, как в случае с баргузинским комиссаром Ф. Вернером. После его отзыва с должности высшему начальству передали многочисленные жалобы[1]. Возмущенные обыватели, не дожидаясь отставки начальника, отказывались повиноваться. Таков был случай опять же с баргузинским комиссаром, прапорщиком И. Повалишиным, которому отказались подчиняться местные иноверческие крестьяне и одновременно взбунтовались поселенцы. Воеводская канцелярия, как всякое отсталое от своего времени бюрократическое ведомство, не смогла отреагировать адекватно. Потребовалось личное вмешательство губернатора, принявшего в личное управление Баргузинское комиссарство через посланного им И. Баннера. В Баргузин для организации следствия был немедленно вызван провинциальный прокурор. Решение, конечно, приняли не в пользу общества, вследствие того что наступило время сбора ясака. Через два месяца Повалишина восстановили в должности комиссара, а сельским старостам и братским выборным разосланы приказы, чтобы общества по всем законам были ему в повиновении[2]. К сожалению, кадровая проблема в Сибири не позволяла избавляться от сколь бы то ни было опытных управленцев. Даже обвиненный в «*лихоимстве*» (вымогательстве) администратор лишь переназначался на другую должность. Показателен пример балаганского воеводы капитана морской артиллерии 3-го ранга В. Л. Воейкова, обвиненного в нанесенных местному обществу обидах и взяточничестве. Вызванный к губернатору для объяснений, он сообщил, что просители неоднократно приносили ему деньги без его принуждения, принесенное он приказывал возвращать. Ни в коем случае не оправдывая Воейкова, стоит отметить, что сам факт «подношений» денег или ценных вещей действительно имел место, нередко без всякого на то научения. Сибиряки хорошо понимали, как работает рядовая бюрократия и как можно ее стимулировать к большей эффективности. Поэтому редко кто приходил заявить о деле или справиться о его движении с пустыми руками. Другой вопрос, что каждый приносил дар по своим доходам, которые росли непропорционально аппетитам чиновничества. В результате расследования губернское правление постановило: учитывая недостаток «*в таковых чинах,* [решено] *удержать*

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 133.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 403-403об.

его превосходительство Воейкова на службе»[1]. Губернатор осознавал, что игнорировать запятнанную репутацию нельзя, и чтобы бывший воевода «*не мог произвести смущения в тех селениях, откуда на него были принесены жалобы*», указом от 11 марта 1779 г. назначил его товарищем удинского воеводы. В июне 1782 г. Воейков сам стал воеводой, а через год начался процесс новой трансформации управления и провинция ликвидировалась. При ликвидации воеводства штатная структура не изменилась[2]. Правда, комиссары, как и прежде, менялись систематически. Вместе с тем фиксируем сохранение прежней военной структуры региона, под руководством комендантов остаются созданные ранее упомянутым указом 1764 г. три новых комендантства (Удинск, Акшинск, Кударинская крепость) и два прежних (Селенгинск и Нерчинск)[3].

С созданием Удинской провинции впервые предпринята попытка некой автономизации окраин для повышения уровня эффективности управления, к чему подталкивали природно-географические факторы. Время организации Удинской провинции совпадает с введением «*Учреждения для управления...*» (1775 г.) и отделением суда от общей администрации. Внедренная схема серьезно устарела, и не отрегулирована с учетом опыта предыдущих лет или хотя бы адаптирована под местные условия. Концентрация административной и судебной власти в одних руках при почти полном отсутствии аппаратных сдержек и противовесов и слабости местного самоуправления давала широчайшие возможности для злоупотреблений. Политика обустройства азиатских окраин Российской империи не только не носила инновационного характера с целью развития региона, но даже не адаптировалась к местным социально-экономическим, географическим, этническим, климатическим и прочим особенностям. Воспроизведение устаревших схем управления регионами Российской империи производилось в Сибири фактически в неизменном виде, без учета явных и проверенных недостатков. Внедрение провинциальной модели управления труднодоступным Забайкальем доказало лишь необходимость создания там отдельного, мобильного аппарата. Провинция не просуществовала даже десяти лет, что говорит о ее полном несоответствии реалиям времени и места. Провинциальная канцелярия — первая попытка создания и укрепления вертикали и мобильности власти на окраине окраин. В полной мере эта идея будет воплощена позднее, при создании отдельного института военного губернатора Забайкальской области.

Кому быть «душою гражданства»?

Интеграция восточносибирских территорий в единую систему управления в XVII–XVIII вв. осуществлялась, главным образом, с помощью местных администраций. Она по сути своей, с некоторыми оговорками, являлась

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 156. Л. 360–460об.

[2] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1782. С. 450.

[3] Там же. С. 451.

колониальной. В Сибири XVIII в. фактически отсутствовали дворянские корпорации, в связи с чем полицейские, наблюдательные, судебные и другие гражданские функции возлагались целиком на служилый бюрократический аппарат. Сибирская бюрократия XVIII в. представляется крайне разношерстным институтом. В нем состояли выходцы из разных сословий (военных — преимущественно; казаков, мещан, купечества, священнослужителей и т. д.). Для Сибири характерен малочисленный состав бюрократов среднего звена (воеводы, коменданты, городничие, исправники, комиссары), что порождало ситуацию, при которой такой чиновник, часто совмещавший несколько позиций в управлении, становился в своей области почти безграничным властителем. Причина этого лежала в системе организации власти как последствия противоречивых административных преобразований Петра I, пространно трактуемых законодательных актов и коллизий в них и, конечно, в самом характере режима власти и сословности общества. Малейшая попытка ограничить монополию любого местного властителя сразу приводила к личностным конфликтам, нередко используемым заинтересованным обществом [334, с. 12], имея различные поводы, но совершенно явный общий подтекст — попытку ограничения интересов и полномочий друг друга. Самостоятельно договориться им почти никогда не удавалось, поэтому такие конфликты решались только с вмешательством высшего начальства.

С созданием Удинской провинции принявший ее в управление, основываясь на «*Наказе губернаторам, воеводам...*» 1728 г., воевода И. В. Тевяшев с подачи своего заместителя фактически сразу же потребовал от удинского коменданта секунд-майора И. А. Аппелегреина передачи полицейского и пожароохранного ведомства в его ведение как главного гражданского правителя области[1]. Передача гражданских функций воеводе серьезно ограничивала власть коменданта в городе. Несмотря на подчеркнутое равенство, канцелярии обменивались промемориями, комендант ставился в какой-то мере младше воеводы с потерей главного гражданского ведомства города — полиции.

Аппелегреин в ответ на требование сообщил о его «*неподвластности воеводе*» и потребовал предъявления указаний вышестоящих инстанций на передачу. С этого началась массивная переписка-спор провинциальной и комендантской канцелярий. Личностная сторона конфликта описана в воспоминаниях Т. П. Калашникова, канцелярского служителя провинциальной канцелярии, который в своих воспоминаниях пребывал на стороне воеводы [289, с. 156–159].

Естественно, ни одна из сторон отступать не собиралась. Поднимались все имеющиеся по этому поводу документы и регламенты, в том числе уже архивные. Провинциальная канцелярия, приводя цитаты и выдержки из документов, настаивала на том, что плац-майор, который должен руководить полицией в Удинске, не положен по штату, потому и полицию необходимо отнести к учреждению гражданскому, а не военному.

Для воеводы полиция — это необходимый инструмент поддержания послушания среди населения, которым он руководил. Для коменданта полиция

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–1об.

в первую очередь способ сохранения власти в городе. В своих многочисленных ответах он указывал на логичное утверждение об отсутствии предписания в документах, которыми апеллировали воевода и его окружение, о передаче «*городового смотрения*» воеводе[1]. Действительно, несмотря на существовавшие примеры подобной передачи учреждения, сама форма и порядок каким-либо образом не регламентированы. Аппелегреин, «*почитая и наводя справки*», аргументировал свою позицию формальным разграничением в городе, положенным ему на основании воинского штата, а провинциальная канцелярия, не имея указаний свыше, самостоятельно определила свои обязанности по управлению полицией. Это, по его мнению, невозможно без повеления высшего начальства, при том что они подчинены разным типам власти: воинской и гражданской. Ордером губернатора А. И. Бриля еще при И. С. Мертвецове утверждалось нахождение полиции в подчинении комендантов. Дополнительно, Аппелегреин увидел разграничение сфер управления в ордере того же Бриля от 28 октября 1775 г.[2], где указывалось для лучшего порядка создать описи воеводской канцелярии в уезде, а комендантской — в городе об изменениях собственности на частные дома, также просить разрешение у соответствующих ведомств для постройки.

Воевода не остановился на требовании прямого себе подчинения полиции Удинска, выдвинув те же требования селенгинскому и нерчинскому комендантам. По его замыслу, они должны передать полицейские правления местным агентам воеводы — комиссарам. Комендант категорично отказали, мотивируя отсутствием специальных указов высшего начальства[3], сообщив, что по всей Российской империи в городах полиция находится в их ведении. Ссылка на постановления губернаторов содержать полицию в военном ведении придавала спору ощутимые основания. Даже сами комиссары, прямые подчиненные воеводы, запросили предоставить более точные указания для перевода полиции[4]. Напряженность между ведомствами нарастала. Нерчинское комиссарство пошло на эскалацию конфликта, опубликовав указ, призывавший население игнорировать распоряжения полиции, поскольку в городе такого учреждения якобы нет. Ситуация стала близка к критической, поэтому нерчинский комендант первым обратился за разъяснениями к губернатору. По его справке, нерчинская городская полиция основана ордером губернатора Бриля от 5 марта 1773 г. на имя секунд-майора и батальонного командира Круглова, который на этом основании избрал служителей из обер- и унтер-офицеров и надлежащих нижних чинов, снабдил инструкциями и поручил местным жителям избирать для служения в полиции десятских и сотских. Губернатор повелел оставить полицию «*на старом порядке под ведением военных*».

Ситуация разгорелась с большим пылом, когда конфликт вплотную приблизился к рукоприкладству. Началось с того, что прокурор провинциальной канцелярии Мельгунов посчитал отведенную ему на постой квартиру неудобной.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 36.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 17–18.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 114–115.

[4] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 35.

Провинциальная канцелярия предложила выбрать среди обывательских домов другую. Мельгунов избрал квартиру некоего купца Жижина, не допустившего его к осмотру своей квартиры. Для рассмотрения дела земский староста должен был сопроводить купца в канцелярию, но Жижин, ожидая наказания от воеводы, заручился покровительством коменданта. Доставленный в канцелярию купец заявил, что без разрешения полиции, находящейся в ведении коменданта, не мог допустить прокурора к осмотру квартиры. Воевода решил доказать, что главный начальник в городе он, и распорядился выписать билет на вселение прокурора в указанную квартиру. Последний направил своих людей для перевоза дров, а хозяин квартиры бежал к коменданту с мольбой о «*защищении*». Тот прислал вооруженных солдат с розгами, чтобы высечь людей прокурора. Прокурор немедля бросился к воеводе, которому пришлось отправить своего товарища с приказом к коменданту. Комендант заявил, что как «*градодержатель и защитник гражданства*»[1] в свете произошедшей ссоры он не допустит несправедливости со стороны воеводы, поскольку тот превысил свои полномочия, так как главный градоначальник в городе — комендант.

Описанная ситуация демонстрирует, что и общество, и приближенные двух высших начальников в городе пытались использовать их личную неприязнь и открытый конфликт для решения собственных задач. Такой случай совсем не редкость, о чем свидетельствует сохранившееся эпистолярное наследие [289, с. 150]. Надо сказать, вспоминая эти события, авторы редко объективно оценивали и ситуацию, и оппонентов. Примеров, когда, не получив удовлетворения прошению, обыватели обращались через «*всепокорные*» рапорты к другому «*всемогущему*» начальнику, сохранилось немало[2]. И это еще один фактор работы системы власти в отсутствии полномочных органов самоуправления. Опасная борьба ведомств, развернутая не где-нибудь, а на приграничье с одним из наиболее неоднозначных соседей России — Китаем, могла быть прекращена только одним человеком — губернатором.

Губернская администрация предложила оставить полиции Нерчинска и Селенгинска в военном ведении, приказав при этом передать в ведение комиссарств содержание пожарных инструментов, основываясь на наказе 1728 г., где это отдельно и достаточно четко обговорено. Такой однозначности в вопросе передачи удинской полиции не было, следовали одна за одной отмашки с посылкой копий указов 1762 г., о должности полицмейстеров и др. Возможно, что в самой губернской канцелярии не имелось понимания, как стоит поступать в данном случае. В нормативных актах вариантов организации и подчинения полиции много, вопрос же состоял в механизме и целесообразности передачи в данном конкретном случае.

Провинциальный воевода, несмотря ни на что, не хотел остаться проигравшим и через губернскую канцелярию обратился к прямому руководству коменданта в обер-комендантскую канцелярию в Иркутске. И. А. фон Линеман подтвердил Аппелегреину и провинциальной канцелярии, что действительно полиция должна быть в ведении гражданских властей, которые теперь

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 69.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 189.

в ведении провинциального воеводы[1]. И здесь происходит самое невероятное, что только можно представить в вертикально подчиненной имперской системе власти. Несмотря на прямое указание непосредственного руководства, комендант сообщил, что приступить к его исполнению он не может. Основание к этому он усматривает в различных указах, воинском уставе, а также ссылаясь на особое положение города, находящегося в приграничной зоне[2]. Повторным указом обер-комендантской канцелярии от 23 января 1776 г., под угрозой законных взысканий за неисполнение Аппелегреин обязывался передать все полицейские и пожарные дела провинциальной канцелярии[3]. Комендант в промемории от 28 апреля 1776 г. все еще упорствовал. Без повеления главной в губернии апелляционной инстанции — губернатора полиция передана быть не могла.

Воевода решил идти до конца и подготовил донесение только назначенному на должность губернатора Ф. Г. Немцову от 30 апреля 1776 г. с перечислением оснований для передачи полиции в его ведение как «*тутошнего первого и главного градоначальника, а не в комендантском которого при том во внутреннем гражданском распоряжении никакой должности не имет; а должность ево состоит только в одной военной страже к обороне сего места*»[4], и о том, что, несмотря на строгое указание обер-коменданта, Аппелегреин все еще ищет причины, чтобы не передавать полицию.Затянувшийся спор окончен предложением Ф. Г. Немцова от 12 июня 1776 г.[5], по которому полицию города полагалось передать в ведение провинциального воеводы в соответствии с наказом 1728 г. Коменданту через обер-комендантскую канцелярию предписывалось не вступать в письменные и словесные разбирательства и иметь командование над гарнизоном и в силу воинского устава сохранять дисциплину только среди воинских чинов.

Описанный конфликт имел как межведомственные, так имежличностные черты. Еще М. М. Богословский считал, что основой и причиной будущих управленческих противоречий системы власти, выстроенной Петром Великим, стала она сама [155, с. 46]. Ю. В. Готье в своем фундаментальном труде писал, что подобные соперничающие начальнические конфликты в городах не редкость [53, с. 73]. Их источником он называет нечеткость взаимоотношений в системе управления, которая порождала личную неприязнь. Целиком поддерживая данное утверждение, считаем необходимым уточнить некоторые детали. В условиях общественных отношений XVIII в., с особенностями общения в высшем свете, с большим уважением к чинам и наградам, действительно можно увидеть некоторое отражение отношений предыдущего XVII в. с характерными ему спорами в боярской думе о старшинстве. Такая система рождала естественное соперничество между чиновниками. Действительно, описываемый конфликт имеет очень глубокие корни. Для Аппелегреина — воевода

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 42.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 36–37об.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 45.

[4] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 92–93об.

[5] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 101.

прямой ограничитель его власти, тем более что он уже возглавлял ранее крупный центр — Селенгинск. И без того натянутые отношения коменданта и воеводы осложняли и сами просители, которые в случае неудовлетворения решением одного сразу же обращались к другому, и если один из них принимал решение, противоречащее другому, это не могло не вызывать взаимного раздражения. Известны документальные подтверждения, что многие обыватели и приезжие, получив обиду от воеводы или даже в случаях справедливого взыскания, искали заступничества у противоположной стороны. При этом просители прекрасно чувствовали характер взаимоотношений между двумя крупными начальниками города и пытались извлечь из этого максимальную выгоду.

Главной причиной описанного конфликта послужило отсутствие нормативных разграничений полномочий и описания конкретного механизма действий в случае изменения статуса власти в регионе. А почва для этого все та же — устаревшая схема управления, не соответствовавшая времени, нормативам и месту. Все использованные в описанном выше споре ссылки на законодательные документы были действующими и обосновывали законность требований. Не желая выполнять решение, принятое стороной-соперницей, комендант как опытный чиновник находил множественные лазейки в аргументации воеводы: отсутствие оригинальных указов, нестыковки и противоречия в документах, размытые формулировки узаконений военной коллегии, Сената и ЕИВ. Несовершенство законодательства позволило ему более чем на полтора года отсрочить передачу полиции. Еще больший интерес вызывает фактическое неповиновение своему прямому начальнику — обер-коменданту, который как минимум дважды отправлял требование о передаче полиции, в том числе под угрозой санкций. Даже это не стало помехой, дело затягивалось, вовлекая в него все большее число должностных лиц. Требование резолюции губернатора в обход приказа своего прямого начальства покажется удивительным, если не знать, что для окраин губернатор — это единственный реальный хозяин области. Решения, им принятые, могли идти даже вразрез с законодательством, в соответствии с принципом управления отдаленными губерниями, «*смотря по тамошним*» условиям.

Губернатор не пошел на поводу у воеводы и не допустил передачу полиции в других городах (Селенгинск и Нерчинск). Удинск стал исключением, поскольку губернатор признал, что воеводская должность в этом городе является преимущественной перед комендантской. В прочих же городах такового не последовало и более этот вопрос не должен был подниматься провинциальной канцелярией[1]. В затягивании конфликта сказалась несогласованность постановлений центральной власти, которая не имела универсального ответа на вопрос, в чьем ведении необходимо находиться полиции. Это лишний раз свидетельствует о значительном числе трактовок законодательства и универсальности полиции, с одной стороны, и некой аппаратной ценности полиции, которую получив, мало кто хотел отпускать — с другой. Фактически задачи по разрешению несовершенства законов ложились на губернаторов, принимавших решения на основании собственных убеждений.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 111.

Несмотря на исчерпывающее предписание иркутского губернатора Немцова, фактическую деятельность под ведением воеводы удинская полиция начала только весной 1777 г. Переподчинение провинциальной канцелярии и такое значительное к ней внимание позволили поднять некоторые вопросы комплектования кадров. 4 мая 1777 г. поручик Ботов рапортовал о состоянии полиции в городе. Согласно полицейской инструкции, горожане обязывались избирать сотских, пятидесятских и десятских для несения дозора по улицам и старост для надзора за ними. Между избранными выстраивался вертикальный характер подчинения. В случае каких-либо происшествий необходимо было информировать смотрителя улицы, солдата или урядника, а те уже рапортовали в полицию. Подобная форма организации полиции воспринималась горожанами как очередная повинность, более принудительная и обязательная. Систематическое уклонение городского населения от исполнения полицейских обязанностей и, как следствие, неукомплектованность штата грозили городу беспорядками, о чем и сообщил Ботов, считая, что горожане *«прежде не знали над собой полицейской строгости»*. К 1777 г. штат полиции в Удинске в расчете на 95 городских дворов должен состоять из сотского, 2 пятидесятских и 10 десятских, т. е. из 13 человек. Реально же полицейские обязанности исполняли только 2 десятника из нерчинских мещан, несших службу за местных купцов[1]. Исправлением ситуации, по мнению обывателей, послужило избрание «*правящего за полицмейстера*» фурьера[2] Т. Волкова. Фурьер, как и каптенармус, относился к младшему командному составу унтер-офицеров, куда входил и сержант — наиболее часто встречающееся звание среди полицейских этого времени.

Составной частью поддержания безопасности в городе являлось содержание пожарной охраны. Для этого в городе, как правило, наличествовал специальный инвентарь: пожарная заливная машина (медный ручной насос), труба к нему, коромысло, медное «*брызжало*», железные молоток и клещи, три кожаных рукава с медными винтами, шесть ведер[3]. Хотя немногочисленный этот инвентарь и при комендантах содержался не самым лучшим образом, очевидно, провинциальная канцелярия и вовсе не могла с этим справляться. Губернаторские проверки, проводимые впоследствии, выявили неудовлетворительность состояния пожарной охраны и полиции под ведением воеводы и причина скорее была ресурсная.

При необходимости комендант мог призвать воинскую команду или гарнизонных солдат для решения какой-либо насущной проблемы или организации сыска преступников. Воевода такими ресурсами обладал в меньшей степени, в результате эффективность его управления снижалась. После очередной проверки губернатор Ф. Н. Кличка своим приказом от 11 февраля 1779 г.[4] приказал

---

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 136–136об.

[2] Фурьер — младшее унтер-офицерское звание в армии XVIII в. должностных лиц, занимавшихся заготовкой продовольствия и вопросами размещения солдат (квартирами), поэтому иногда фигурирует в документах как квартирьер.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 203об.

[4] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 210.

вернул полицию в ведение коменданта. После возврата полиции в ведение комендантской канцелярии название «*Удинских полицейских дел*» исчезло и заменилось «*Полицейским правлением*». Комендант сохранил свои позиции распорядителя и главы полиции, хотя формально оказался отделен от нее. Общие функции исполняли несколько полицейских сержантов (табл. 2), сохранявшихся в штате гарнизона города. Городское общество в качестве натуральной повинности продолжало избирать из своего состава в помощь полиции десятников сроком на один год[1], а также обеспечивать присутствие дровами. Любое официальное требование, например о выборе десятников, проходило несколько этапов. Полицейское правление рапортовало в комендантскую канцелярию, которая, в свою очередь, передавала соответствующее сообщение в магистрат, магистрат — в земскую избу, а далее — в обратном порядке. В случае смерти или серьезной травмы десятника, находящегося на службе, полиция по праву требовала от общества его замены. Сообщения о ежегодной перемене шестерых десятников на новых регулярны с 1784 г.[2], с образования городничего правления, когда полицейские функции стали для коменданта постоянными, а не чрезвычайными, как ранее.

Таблица 2

Полицейские г. Верхнеудинска второй половины XVIII в.

Время службы	**Должность/ФИО**
1773	сержант Михаил Квашенкин
1777	фурьер Тихон Волков
1779–1780, 1786	сержант Иван Слаботчиков
1780	сержанты Иван Волков, Иван Плахин
1784–1788, 1795	сержант Степан Семенович Садовский
1789–1794, 1796–1797	сержант Петр Быков
1794–1795	сержант Василий Поспелов
1797	сержант Богданов
1798–1800	квартальный надзиратель, коллежский регистратор Е. Г. Попов

Основание: ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1, 2, 36, 44, 144, 369, 716, 720; Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 357; Там же. Оп. 2. Д. 793, 1304; Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 26, 130, 238, 3159.

В итоге опыт показал, что управленческие амбиции воеводы не оправдались. Губернским правлениям через короткое время стало очевидно, что полицию нужно возвращать в ведение коменданта. Последний в общей сложности с помощью различных проволочек смог оттянуть (забюрократизировать) начало работы полиции под ведением воеводы почти на два года. А еще менее чем через два года полиция, по предложению нового губернатора, возвращалась обратно в ведение коменданта, того же И. А. Аппелегреина. И здесь нужно

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3, 45.

отметить, что без властных, в какой-то мере даже «старшинских» амбиций, этот вопрос мог решиться куда быстрей. Отсюда следует вполне законный вывод о наличии даже у некрупной бюрократии возможности политического влияния и аппаратной борьбы. Бюрократизм последней трети XVIII в., как мы могли проследить, уже был своеобразным инструментом достижения политических целей, пусть даже на региональном уровне.

Модернизация управления Восточной Сибирью в конце XVIII века

Бюрократическая система активно развивалась, и внедренная в 1775 г. схема правления потребовала усовершенствования менее чем через 10 лет, в том числе и потому, что устарела к моменту внедрения. Законодательный гений императрицы Екатерины II совершенно иначе мыслил систему управления регионами. Предложенный формат управления в «*Учреждении для управления...*» начал реализовываться в Восточной Сибири только с 1783 г. Целью новой вереницы изменений было устроение типовой, более четкой вертикальной системы управления, соответствующей идее разделения властей, хотя и не обошлось без особых установлений и оговорок.

ЕИВ указом 6 марта 1783 г.[1] образовано Иркутское наместничество. Медлительной и неповоротливой системе местной власти понадобился еще целый год для того, чтобы окончательно встроиться в новую реальность. Новая схема управления Восточной Сибири включала в себя деление Иркутского наместничества на 4 области (в нормативах иногда фигурируют провинции), каждая из которых состояла из 4–5 (всего 17) уездов (схема 2). Дополняла стройную картину устроенная на особых штатах Троицкосавская крепость во главе с обер-комендантом. Штат наместничества значительно изменился, задачи и полномочия распределялись между отдельными ведомствами. Общий штат наместничества включал[2]: палаты уголовных, гражданских и казенных дел, общее правление (прокурор, стряпчие и канцелярские служители), совестный суд, верхний земский суд, губернский магистрат, верхнюю расправу, приказ общественного призрения, поместное правление и т. д. В соответствии с принципом разделения региона формировались губернские, областные и уездные воинские команды.

С 1778 г. Нерчинский округ утратил былую автономию, перейдя в стратегических вопросах в ведение Сената и Берг-коллегии, а в вопросах безопасности — Иркутского губернатора. С 1783 г. управление областью подчинено обер-коменданту Троицкосавской крепости[3]. По той же логике, управление гражданскими делами в Якутске и Охотске передано комендантам, сверх их стандартных обязанностей. Для решения вопросов Нерчинских заводов, которые в 1787 г. [189] перешли в прямое подчинение Кабинету, создается Нерчинская горная экспедиция (экспедиция казенной палаты).

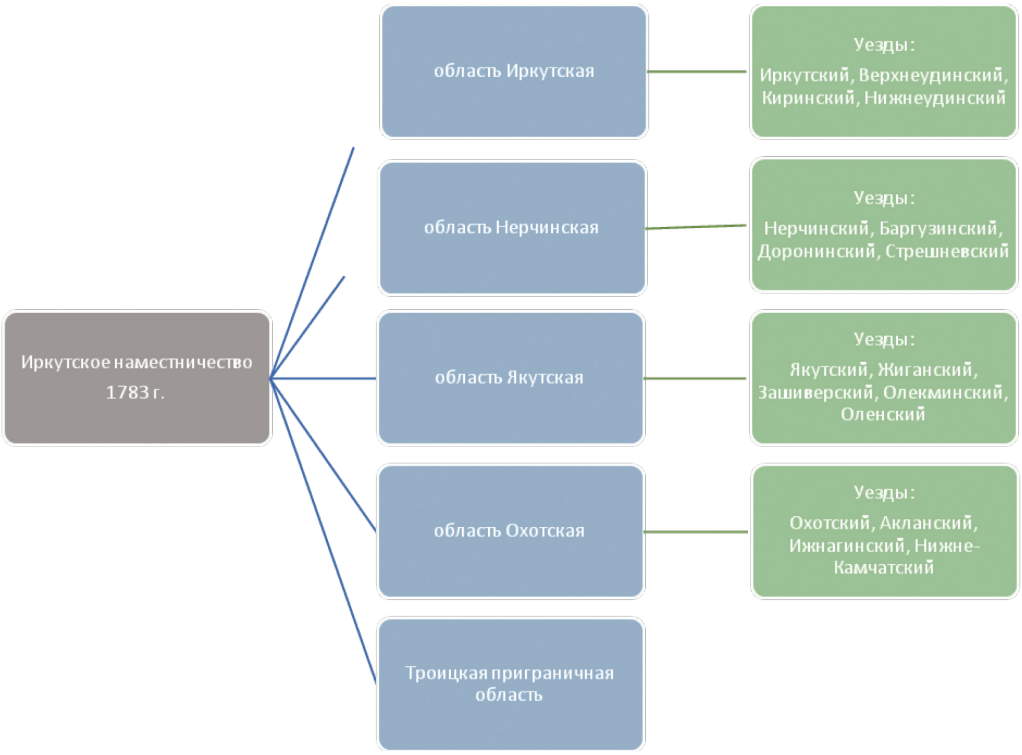
[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д.238. Л. 1.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 44: Книга штатов. Ч. II: Штаты по духовной и гражданской части: Штаты по гражданской части (1715–1780). № 17494. С. 254.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 21. № 15680, 15683.

Схема 2

Административно-территориальное деление Иркутского наместничества

Основание: ПСЗРИ. Собр. I. Т. 44: Книга штатов. Часть II: Штаты по духовной и гражданской части: Штаты по гражданской части (1715–1780). № 17494. С. 268; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1785 от Рождества Христова. СПб., 1785. С. 366–378.

В каждом уезде Иркутского наместничества учреждены присутственные места: управа благочиния или городничий (где не назначено комендантов или небольшая численность гарнизона), нижний земский суд во главе с капитан-исправником (уездная полиция), казначейство, дворянская опека, уездный суд, городовой магистрат, нижняя расправа (первая ступень суда), общее присутствие и отдельные чины: землемер, стряпчий, доктор, лекарь и т.д. Подробная схема с указанием чиновников сохранилась благодаря адрес-календарям (месяцослову)[1].

Именуемый в статусе пригорода Селенгинска Удинск с дарованием статуса города и собственного герба переименован в Верхнеудинск 6 марта 1783 г. В соответствии с указом Иркутского наместнического правления от 17 марта 1784 г. создается магистрат, которому подчиняются земские избы уезда[2]. При магистрате 13 сентября 1784 г. создан сиротский суд[3]. Управа благочиния как

[1] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1785 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1785. С. 366–378.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

[3] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 31. Л. 11–11об.

таковая не создана, город сочтен недостаточно большим для этого. Гражданские функции исполнялись комендантом, ему же были перепоручены полномочия городничего, так называемые городнические дела (городничее правление)[1]. Создаются два земских суда — Верхнеудинский (исправник Иван фон Швейден) и Нерчинский. Городской статус сохраняют Троицкосавск, Баргузин и Селенгинск, но уже без магистратов, как сообщалось до увеличения в них купеческого сословия. Селенгинская ратуша, по некоторым данным, также закрывается. Образованы только два магистрата — в Верхнеудинске и Нерчинске, чем отмечено значительное торгово-ярмарочное значение этих городов.

Территориально уезды включали волости, во главе которых стояли волостные правления. В состав правления входили волостной голова, староста и писарь, ежегодно избираемые на ежегодном мирском сходе [141, с. 40]. За избранием должностных лиц внимательно следили земские суды. К слову, деятельность волостных правлений включала исполнение постановлений полиции (наблюдение за состоянием коммуникаций, взыскание мелких штрафов, сыск беглых), суда и расправы (рассмотрение мелких преступлений и проступков), фискальных (своевременное взыскание налогов). Таким образом, волостные правления были низовой частью поддержки функций полиции в уезде.

Стремление правительства Екатерины II к формированию системы городов в Российской империи ускорило процесс ее роста на всей территории. В особенности способствовало этому дарование «*Жалованной грамоты городам*» в 1785 г. На окраинах города чаще всего не возникали естественным путем, этим статусом наделялись наиболее перспективные в экономическом и стратегическом плане остроги. Постепенное увеличение торгового сословия в некоторых узловых точках свидетельствовало о возможности подстегнуть этот рост усилиями власти — пожаловать институт городского самоуправления и некоторые особые права. Запущенные изменения сложно переоценить, хотя они были столь «тягучими» и медленными, что сама городская реформа проводилась Екатериной почти на протяжении всего ее царствования.

Модернизация управления азиатскими окраинами, проведенная правительством Екатерины II, безусловно установила более четкую структуру власти в регионах. Точнее были определены территории и полномочия местных органов, заменены многочисленные сложно устроенные службы. Вместе с тем способствование росту городов позволило развиваться самым перспективным с экономической точки зрения группам населения — горожанам. Внутри городского сословия выделились городские обыватели (мещане), проводники рыночных отношений — купцы, цеховики, которые впоследствии стали первыми промышленниками и значительно изменили облик России. Власть, в интересах которой организовывался контроль за городскими слоями, основным своим агентом означила полицию. Именно она должна надзирать, главным образом, за деятельностью городского самоуправления, лояльностью власти и, конечно, способствовать охранению казенных интересов.

---

[1] Обращаем внимание, что Управление городничего повторяет прежнее название полиции города — *«Удинских полицейских дел»* и *«Полицейское правление»*.

Нормативные преобразования Екатерины II в области становления разветвленной системы безопасности

До екатерининских реформ полиция, как мы выяснили ранее, руководствовалась отдельными указами, инструкциями, пунктами, не имея общего уставного документа, четко очерчивающего круг ее полномочий и обязанностей. В рассматриваемый период деятельность по сохранению порядка обозначалась термином «*благочиние*». Термин дословно обозначает характер устройства общественной жизни, а также соблюдения неких норм и установлений[1]. В законодательных источниках екатерининской эпохи благочиние можно трактовать как сохранение существующих порядков, благопристойности, тишины, спокойствия и одновременно как эквивалент полиции. Сформировалось два взаимодействующих и взаимозависимых института поддержания безопасности: гражданский во главе с губернатором и военный в лице комендантов.

К реформированию полицейской системы власть подтолкнул высочайший уровень преступности, массовые грабежи и убийства, но особенно — политические риски, связанные с народными движениями и восстаниями. Существовавшие судный, сыскной приказы и институт сыщиков были ликвидированы, а все заботы по поиску и поимке разбойников переложены на административные органы. Так, в «*Наставлении губернаторам*» от 21 апреля 1764 г. прямо указана их основная задача, заключающаяся в сохранении порядка, тишины и обеспечении безопасности во вверенной губернии. Губернатор провозглашался начальником гарнизонов, следил на территории своей губернии за исполнением законов, решал большинство кадровых вопросов, а кроме того имел особое попечение о дорогах. В чрезвычайных случаях (восстания, эпидемии, особо опасные грабежи) губернатор получал полномочия сосредотачивать и направлять гражданскую и военную власть в своих руках в целях ликвидации их последствий.

Кроме гражданских институтов деятельность по сохранению порядка и борьбе с преступностью велась местными военными командами во главе с комендантами. Ранее нормативы предписывали последним бороться с разбойниками или заниматься их сыском и поимкой, но лишь с «*Генеральным наставлением, касающимся до гарнизонных батальонов...*» (1764 г.) полицейские функции стали неотъемлемой частью гарнизонной службы. Кроме того, структура их задач включала: содержание крепости, гауптвахты, постов у важных городских присутствий и караулов для искоренения воров и беглых. Наставление предусматривало введение должностного лица — плац-майора, для содержания «*доброй полиции в городе и порядку во всякое время*»[2]. Основополагающей непосредственно для должности комендантов была «*Инструкция пехотного полка полковнику...*» (1764 г.). Серьезное внимание в ней уделено расквартированию армейских соединений в городах и селениях, а также отношениям

[1] Энциклопедический лексикон. Санкт-Петербург : Типография А. Плюшара, 1835–1841 гг. Т. 6: Бин-Бра. 1836. С. 9.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. № 12135. С. 69.

между солдатами и местными жителями из-за многочисленных жалоб последних. Это было одним из вызовов спокойствию региона. В связи с этим высшему начальнику, им мог быть и командир, и комендант, необходимо было внимательно следить за мирным сосуществованием местных и служилых. Усиление надзорных и контрольных обязанностей военных способствовало снижению риска бунтов и восстаний, к чему все время стремилась власть. Следовало внимательно выслушивать жалобы и донесения, наказывать виновных, вступать, если потребуется, в диалог с местными органами управления, чтобы разрешать споры. Документ подтверждал обязанность военных задерживать преступников в местностях, где они дислоцировались. Предусматривались обращения гражданских властей к военным за помощью в случаях неповиновения общества, опасности от грабителей, пожаров по необходимости. Воинская команда, что важно, обязана удерживать, если надо силой, общество от анархии и грабежей при пожаре, а высший военный начальник мог требовать полного подчинения как гражданских властей, так и населения города.

В историографии сложилось мнение о «*Наказе уложенной комиссии*» (1764 г.) как особом источнике формирования полицейского права. Содержание этого документа скорее отражало определенное мировоззрение, доктрину, направлявшую законотворческую деятельность и указующую нужный вектор развития. Наказ не имел практического применения, но вполне отражал видение Екатериной II охраны как государственного порядка,так и общества. При этом отдельные идеи Наказа нашли свое отражение в нормативном наследии эпохи, в том числе в полицейском законодательстве.

Формирование регулярных органов полиции на территории Российской империи началось повсеместно и последовательно в процессе губернской реформы 7 ноября 1775 г. Утверждению столь обширного законодательного акта, как «*Учреждение для управления губерний Всероссийския империи*», предшествовал ряд обнажившихся проблем. Среди важнейших — стихийные бунты населения, вызванные усилением податного гнета из-за начавшейся войны с Турцией (1768), и участившееся бегство крепостных крестьян. Особенно сильно власть империи потрясло восстание Е. И. Пугачёва. Эта вспышка недовольства показала слабость региональных администраций не только в предупреждении и подавлении подобных событий, но даже информировании о них. Проведенная в результате серия реформ не только ввела новую структуру административно-территориального деления, но и унифицировала систему суда и следствия. Одновременно укреплялось положение дворян на местах в деле удержания общества от бунтов и сохранения благочиния.

Губернатор или наместник, и ранее имевший широчайшие полномочия, теперь концентрировал в руках и гражданские, и военные институты, став главным надзирателем за исполнением законов и взиманием налогов. В деле успешного исполнения наказа императрицы в его арсенал вошли полиция, гарнизоны крепостей и полевые войска. Губернатор стал почти абсолютным властителем в губернии по примеру самодержца в империи. Важное новшество реформы — это первый шаг к созданию в уездных городах специализированной городской полиции. Во всех уездных городах в случае отсутствия коменданта,

назначался хозяин города — городничий, считавшийся чиновником 8-го класса по «*табели о рангах*», на уровне майора. Коменданты продолжали существовать. Разницы между этими чиновниками в законодательстве не предусмотрено, кроме лежащей на поверхности подчиненности различным ведомствам: коменданта — военному, городничего — губернскому и некоторого различия в механизме назначения (городничий назначался по представлению губернского/наместнического правления Сенатом; комендант — военным ведомством).

Основные задачи городничего и коменданта можно условно разделить на следующие сферы: административно-хозяйственную, надзорно-полицейскую и этическую. «Учреждение» 1775 г. не содержит описания конкретных задач по указанным направлениям деятельности, что оставляло широкие возможности для маневра. На наш взгляд, задача конкретизации в данном случае не ставилась. Городничим указывались только основные сферы, направления деятельности, при этом они наделялись определенной свободой действий, учитывая местные условия, что в целом специфично для законодательства XVIII в. Главная обязанность городничего состояла в сохранении благочиния, добронравия и порядка, контроле за исполнением законов, исполнении постановлений высших органов и суда. В этом деле власть обязывала всех и каждого оказывать содействие городничему. За бездействие в ответственный момент обывателя могли подвергнуть штрафу. Городничему дозволялось осуществлять арест и допрос, полагаясь на его личное усмотрение. Формально судить он не мог, ему прямо сообщалось, что он не судья. Несмотря на это, он имел право «*смирять по мере данной ему власти нарушителя*». В результате очень быстро сложилась практика производства суда городничим по мелким проступкам, например за пьянство или драку. В таких случаях обычно виновник приговаривался к битью плетьми или кратковременному содержанию под арестом при полиции. Нередко городничий участвовал третейским судьей и во внутрисемейных распрях разного рода. Разрешение моральных дилемм или строжайший разговор с ослушником — не редкое занятие городничего. Кроме того, особой заботой его было наблюдение за правильностью мер и весов, санитарными и противоэпидемическими мероприятиями.

Коменданту и городничему категорически запрещалось покидать город. Во всех более или менее важных случаях, кроме мелких гражданских и уголовных дел, они обязывались извещать губернское / наместническое правление. Хозяину города в традициях широчайшего вмешательства государства в частную жизнь членов общества полагалось наблюдать за моральным обликом горожан, содействовать трудолюбию, добронравию, высылать из города беспаспортных, шатающихся и обеспечивать работой и средствами к жизни нуждающихся. Городничему предписывалось следить за благоустройством города, особо обращая внимание на сохранность казенных зданий, а в случае необходимости ремонта сообщать начальству, прилагая сметы, организуя починку или строительство, наблюдение и расчет с рабочими. Он контролировал исполнение противопожарных мероприятий, а в случае пожара руководил его тушением. Им же санкционировался отвод квартир под постой военных и в целом все задачи по размещению и удовлетворению потребностей воинских команд.

«Учреждение» 1775 г. не предписывает особого штата городничему при упразднении всех разнообразных прежних полиций. В его распоряжении сохраняется только штатная городовая команда, которую он использовал при расстановке караулов и предотвращении каких-либо критических ситуаций. В отношении штата земской полиции, в отличие от городской, ясности куда больше. Земский исправник, возглавлявший сельскую полицию, — должность, аналогичная должности городничего с разницей в территориальных границах распространения компетенции: город и уезд. Это наводит на мысль о том, что законодатели в скором времени планировали вернуться к проблеме формирования полиции в городах.

Орган сельской полиции обозначался как земский суд, возглавляемый земским исправником (капитан-исправник). На окраинах он назначался губернатором, в связи с малочисленностью дворянства. В штат присутствия[1] земского суда входили три заседателя, в зависимости от обширности региона. Главная обязанность земского суда совпадала с таковой же у городничего: соблюдение порядка и благочиния. Но были и особые заботы, к слову, впоследствии переросшие в основные: разбирательство по поводу недоимок, исполнение натуральных повинностей, соблюдение в надлежащем виде дорог и «*подводной гоньбы*»[2] (пунктов смены лошадей и отдыха путников), переправ, мостов и пр.

Возврат к описанию организации городской полиции осуществлен изданием 8 апреля 1782 г. «*Устава благочиния или полицейского*»[3]. Устав сохранял свою актуальность вплоть до 1862 г., а в Сибири — до 1867 г. В первую очередь документ санкционировал создание специализированного органа — управы благочиния, возглавляемой городничим. Управа задумывалась как коллегиальное учреждение, вместе с городничим в ней заседали два пристава — гражданских и уголовных дел и два ратмана. Все служители в ней находились в иерархической зависимости, подчиняясь строгой вертикали власти, поэтому задуманная как система сдержек она не заработала. Функции прокурорского надзора осуществлял уездный стряпчий.

Устав предполагал деление города на части во главе с частным приставом, к которому приставлялись два гражданских сержанта. Части делились на кварталы, к каждому из которых прикреплялся квартальный надзиратель с помощником — квартальным поручиком. Назначение пристава осуществлялось губернским правлением по рекомендации городничего, а квартального — городничим, по представлению пристава. Сержанты и поручики избирались мещанами из городской среды. Поручик в перспективе мог стать квартальным надзирателем, а тот, в свою очередь, приставом. Полагалось назначать на такие ответственные должности лиц благонадежных, без явных пороков, так по крайней мере гласил устав. На практике занимать общественные должности лучшие люди города редко стремились. На окраинах полицейских и вовсе

[1] Присутствие (присутственное место) — офиц., устар. государственное учреждение, канцелярия, где исполняются служебные полномочия, осуществляется присутствие.

[2] Подвода — конная повозка; гоньба — гнать, гнаться.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 21. № 15379.

решено было набирать почти исключительно из отставных военных. Обыватель мог занять должность полицейского, только попав на канцелярскую работу и проявив себя в ней. Институтом общественного служения, коим фактически являлась работа гражданским сержантом и квартальным поручиком, горожане пользоваться не торопились.

Управа благочиния не имела определенного регламента заседаний, но каждый день в 8 часов утра в нее поступали рапорты от квартальных надзирателей или частных приставов о происшествиях за ночь. На каждый полученный в рапортах сигнал управа обязывалась отреагировать вынесением решения, допросом задержанных, передачей дела в суд и т.д. За мелкие проступки наказание было или несущественным, или отсутствовало вовсе. За серьезные проступки после проведения допроса и сбора улик подозреваемого передавали суду. Полицейские могли сами выносить взыскания за нетяжкие преступления, руководствуясь содержанием устава. Рассмотрение дел горожан требовало соблюдения их сословных привилегий, для чего городничий вызывал представителя магистрата.

Каждая часть города обязательно обзаводилась огнегасительным мастером, иногда его называли машинщиком, то есть приставленным к пожарной машине (насосу). Для внимательного ночного надзора за безопасностью города полагалось иметь определенное число рогаток (шлагбаумов) – символических преград для пеших, конных путников и экипажей. Регламенты предполагали организацию рогаток на каждой улице, при въезде и выезде из города. С наступлением ночи они опускались, а поднимать и дозволять проезд могли только ночные стражи — в Сибири ими чаще являлись военные, в западных областях — нередко служилые инвалидных команд или обыватели. Проезд или проход в ночи мог быть разрешен только при предъявлении документов, в остальных же, если незваный гость упорствовал, стражник мог открыть огонь на поражение.

Функции управы благочиния достаточно подробно регламентировались, к основным относились сохранение порядка, добронравия и тишины, контроль над исполнением обязательных постановлений правительства. Вместе с тем управа занималась задержанием беглых и беспаспортных, розыском и задержанием преступников, контролем цен. Управа надзирала за решением местным самоуправлением вопросов содержания улиц и городских коммуникаций, застройки, освещения, противопожарных мероприятий и поведения общества.

Впервые достаточно подробно в нормативных актах закреплялась обязанность гражданской власти в лице полиции охранять идеологию империи. Главным носителем государственной идеологии была церковь. Сформированные в уставе 11 «*правил добронравия*», пронизанные христианской этикой, обязывали полицию вмешиваться в то, что мы сегодня назвали бы частной, или личной, жизнью человека. В определенной мере это было шагом вперед в развитии абсолютистского государства. Подобные нормы к этому времени достаточно широко реализовывались в практике сохранения безопасности общества Западной Европы. Вплетение церкви в систему институтов власти усиливалось и расширялось. Если в последней четверти XVIII в. тема религии

и добронравия в уставе занимала сравнительно небольшую часть, то в конце XIX в. («*Устав предупреждения и пресечения...*» (1876 г.)) это уже треть всего устава. Заметим еще одно положение документа, в целом общее для всего полицейского законодательства Российской империи, — взаимные обязанности: полиция охраняет городское общество, а общество обязано не только соблюдать порядок и благочиние, но и всячески содействовать компетентным органам в их деятельности.

Полицейские получили кроме регламента минимальный набор требований, которым они должны соответствовать. Устав предписывал принимать на службу людей добропорядочных, усердных, честных, умевших выслушать каждого, оказать помощь обиженному. Полицию призывали не делить людей по их социальному статусу и происхождению. Им полагалось обладать не только высокоморальными качествами, но и знанием российского законодательства, посвящая его изучению хотя бы час ежедневно.

Таким образом, «Устав благочиния» объединил все до того изданные акты, описывающие компетенцию и задачи полиции, определив ее действия при различных преступлениях, порядок ведения следствия, допроса и некоторые судебные функции по малозначительным делам. Главным новшеством, которое привносил устав, — было описание универсального штата городской полиции. Несмотря на отсутствие указаний, десятники продолжали традиционно избираться городским населением для несения рядовой службы сроком на один год. Городская и земская полиция закрепила за собой больше административных полномочий, став преемницей воеводских и земских канцелярий, одновременно утвердившись в своем праве вести суд по малозначительным делам. В итоге полиция стала безграничной хозяйкой как в городах, так и в уездах. Без ее ведома или участия не проходила, пожалуй, ни одна мало-мальски важная веха общественной жизни. Особенно много в этом смысле зависело от личностей, реализовывавших полицейские полномочия.

Коменданты-городничие: отцы города Верхнеудинска

Период после дарования вольностей городам в научной литературе часто оценивается как некая альтернатива полицейскому всевластию, пришедшему на смену при Николае I. Это не вполне так. Магистраты как органы самоуправления в рамках своих полномочий так же осуществляли судебно-розыскные задачи, и достаточно активно. Самоуправление дало мещанско-купеческому населению городов некоторую самостоятельность в решении экономических вопросов и фрагментарную защиту от всевластия бюрократии. При этом городничие и полиция появились сразу, как можно заметить, после создания самоуправления для его контроля и верификации лояльности общества. И лишь до определенной доли полицию можно характеризовать как антагониста самоуправления.

Жалованная грамота дворянству и городам открыла совершенно новый этап в развитии города и осознании обществом своих элементарных возможностей и прав. Это видно хотя бы из того, что правители городов и областей

постепенно приобретают «человеческие черты», а не только сухие факты своих биографий, например получают подробное описание и моральную характеристику современников, участников бюрократической системы, интеллигенции. Далеко не всегда эта характеристика блистательна, но в чем ей не откажешь, так это в живости и яркости. Жизнеописания управленцев средней руки представляют собой отдельную тему. С другой стороны, сохранилось множество формулярных списков, способных сообщать некоторые общие сведения о личности, местах службы, состоянии и т .д.

О самом первом коменданте Удинска мы уже писали ранее, и хотя уже не одну страницу посвятили секунд-майору коменданту Верхнеудинска И. А. Аппелегреину и тому резонансному противостоянию, главным героем которого он был, не можем удержаться от того, чтобы не сказать еще немного. Сведений о нем сохранилось не в пример больше, чем об остальных. Секунд-майор Иван Андреевич, швед по происхождению, как и Якоби, предшественник на должности коменданта Селенгинска, кавалер ордена Владимира 4-й степени (за 35-летнюю беспорочную службу). Должность удинского коменданта Аппелегреин занял ориентировочно в 1773 г. Сам факт переназначения из более крупной крепости в меньшую по значению мог говорить о понижении. В данном случае, скорее, следует делать вывод о смещении фокуса внимания в сторону более перспективного Верхнеудинска, который уже осознавался как потенциальный центр. В документах начиная с 1783 г. Аппелегреин именовался как «*комендант и городничий*», а созданная при нем полицейская система существовала до 1798 г. Интересна деталь, что только после смерти Ивана Андреевича местное население высказало несколько жалоб на злоупотребления полицейских при городничем. Но при этом все городское население относилось к покойному градоначальнику с таким почтением, что предпочитало оправдывать его. Общество сообщало в своих донесениях, что он не знал о злоумышлениях полицейских, своими хитрыми поступками и речами обманывавших городничего, который горожанами воспринимался как светоч справедливости и честности. И возможно, что именно в этом конкретном случае все было действительно так. Приведенный пример, который впоследствии еще будет неоднократно повторяться, — на самом деле яркий элемент российский политической идентичности: «царь хороший, бояре плохие», который виден даже на низовом уровне власти. Хладнокровие и самообладание Аппелегреина, который всем своим видом олицетворял власть (а не начальство), действительно было гипнотическим. Заслуживает внимания и другая версия истории, изложенная Я. Кротовым в очерке «*Сто дней Нарышкина*» [356], основанная на ранних описаниях и документах следственного дела. Новоназначенный начальник Нерчинских заводов В. Нарышкин, в результате своих сумасбродств значительно поиздержавшись, потребовал от провинциальной канцелярии крупную сумму денег лично для него. Естественно, воевода Тевяшев отказал, на что Нарышкин приказал коменданту Аппелегреину схватить воеводу и его канцеляристов и принять управление на себя. Комендант не только не стал исполнять повеления старшего по званию, но и хорошо подготовил город к обороне

против сумасброда. В боевую готовность была приведена штатная команда и гарнизон, удвоены караулы, из Селенгинска тайно затребована полевая артиллерия, возле города выставлена застава. Прибывший Нарышкин, почти не имея свиты, ничего не смог противопоставить Аппелегреину и Тевяшеву. Нарышкин, обескураженный хладнокровным поведением коменданта, вспоминал о своем аресте: «*... из-за фрунту вышел коммендант, с презрением на меня смотрел... оборотясь, надев шляпу, от меня пошел, сказав: Теперь мы знаем, кто ты таков! и управимся*». Хотя свидетель произошедшего служитель воеводской канцелярии Т. П. Калашников, исключительно положительно описывая личность воеводы И. В. Тевяшева, называл коменданта «*трусом*» и даже приводил слова, якобы сказанные Нарышкиным, что он «*вор и вместе воровал с Брилем*» [289, с. 162], иркутским губернатором. Учитывая, что Калашников долгое время работал под начальством воеводы, относившегося к нему по-отечески, и то, что между воеводой и комендантом была некоторая, мягко говоря, напряженность, его словам не стоит безоговорочно доверять.

Аппелегреин объявил об аресте всех офицеров Нарышкина, после чего тот сдался сам и был направлен в Иркутск. Как написал Кротов, «*Сенат постановил срок заключения считать с 17 июля 1776 года, когда Нарышкин сам себя арестовал под удавьим взглядом Аппелегрена*». В приведенной ситуации есть и другая сторона. Безусловно, сумасбродства высших чиновников, не ограничиваемых ни законом, ни силой, имели место быть и в европейской части Российской империи, но неизвестны случаи, чтобы они доходили до таких размахов, когда использовалась военная команда, приведенная в полную боевую готовность в условиях бездействия губернатора и его канцелярии. Еще более невероятной кажется подготовка к обороне против назначенного высшей властью и открытому вооруженному конфликту против деспота. И все это в условиях границы с могущественной державой, отношения с которой однозначно не были товарищескими. Разговор о похождениях Нарышкина заслуживает отдельного рассмотрения, регион еще долго приходил в себя и исправлял последствия чинимых им действий. Например, бережливые отцы из правительствующего Сената империи потребовали вернуть все подаренные служилым деньги[1]. Нарышкин был щедр на казенные, как выяснилось, средства, которые раздаривал без счета.

Последующие градоначальники явно уступали Аппелегреину и по выправке, и по масштабу, и по длительности своей службы в городе. После его смерти в конце июня — июле 1798 г. на его место временно был назначен прапорщик С. А. Константинов, при котором проведена реорганизация полиции. За Константиновым заступил на должность майор А. И. Крупский[2] (табл. 3). Первым делом он разграничил гражданскую и военную функции, сообщив магистрату, что намерен принимать только те дела, которые включены в его сферу деятельности «*Уставом о полевой и пехотной службе*». Дела по гражданской части адресовались особо устроенной в Верхнеудинске полиции. Однако местные условия не позволили коменданту сконцентрироваться на воинских вопросах.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 7.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3313. Л. 1.

Таблица 3

Комендантs Удинска-Верхнеудинска второй половины XVIII в.

Комендант, звание	**Дата вступления в должность**	**Дата сдачи должности**
Иван Степанович Мертвецов, секунд-майор	назначен 18 января 1765 г., вступил в марте 1765 г.	13 июля 1771 г.
Круглов, секунд-майор, командир батальона, исполняющий обязанности	13 июля 1771 г.	
Иван Андреевич Аппелегреин (Апелгреин), секунд-майор	1773	июнь 1798 г.
Леонов, подпоручик, исполняющий обязанности	июнь 1798 г.	август 1798 г.
Степан Афанасьевич Константинов, прапорщик	август 1798 г.	17 февраля 1799 г.
Антон Иванович Крупский (Крупской), майор	назначен 22 ноября 1798 г., вступил 17 февраля 1799 г.	ноябрь 1799 г.
Иван Андреевич Пермяков, майор	ноябрь 1799 г.	20 декабря 1799 г.
Дмитрий Михайлович Фролов, майор	20 декабря 1799 г.	сер. июня 1800 г.

Основание: ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 57, 108, 144, 156, 696, 716, 720; Ф. 20. Оп. 1. Д. 3313; Ф. 90. Оп. 1. Д. 47.

Интересна веселая байка, пересказанная Н. В. Паршиным [293, с. 157]. Один из градоправителей, вечером возвращаясь домой «*в веселом расположении духа*», запнулся о надгробный камень на кладбище при соборной церкви и повредил ногу, выругавшись на надгробие и покойного. Вскоре градоправитель занемог от ушиба. Опасаясь кары, он, признав свою вину, покаялся, обещая отслужить по усопшему панихиду. Учитывая буйный нрав некоторых градоначальников, история с надгробным камнем вполне безобидна. Кстати, в его же воспоминаниях фигурировал разбитый надгробный камень одного из комендантов при ремонте крыльца Одигитриевского собора, основанного на кладбищенском погосте. Фамилию он вспомнить не смог, но предположим, что похоронен там был Мертвецов (1771 г.).

После Крупского должность коменданта исправлял майор И. А. Пермяков, прослуживший в должности не более двух месяцев, прославившийся своими буйствами и ставший, вероятно, прообразом героя вышеописанной байки. Вследствие доноса о поведении Пермякова стало известно Иркутскому губернатору Б. Б. Леццано. Для расследования его поведения 19 декабря 1799 г. назначили майора Д. М. Фролова, секретным губернаторским ордером[1] которому предписывалось либо подтвердить, либо опровергнуть эти сведения. В частности, выяснить причины отсутствия Пермякова на службе, потому как ходили упорные слухи, что он болен «*до такой степени, что не выходил из дома*

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 696. Л. 1–2об.

несколько дней», причиной чего названо чрезмерное употребление алкоголя и причины его буйств, например как он, будучи в сильном опьянении, «*чуть не заколол свою дочь и жену шпагой и сам на свою жизнь покушался*». Следовало выяснить, реален ли его сговор с заседателем земского суда о лжесвидетельстве против купца, обвиняемого в оскорблении Его Величества. Губернатор потребовал освидетельствования штатным лекарем и выяснения причин «*ипохондрического сумасбродства*: *от всегдашнего употребления вина*» или болезни. В поле расследования попал частный пристав Широковских, который, как и его непосредственный начальник, заподозрен в наказании своей жены «*на теле*», связях с непотребными девицами, алкоголизме и наличии незаконнорожденных детей. Результаты расследования не известны, косвенно можем предположить, что как минимум часть подозрений подтвердилась, так как оба были сразу сняты с должностей, а в город назначен первый городничий И. А. Сеннов. Таким образом, можно сделать вывод, что представители управленческого звена наделялись совершенно разными чертами морального облика, в том числе далеко не самыми добродетельными. Отдаление территории от центра делало личные недостатки управленцев более заметными и влияющими на жизнь обывателей.

Роль комендантов-городничих в военно-административном и полицейском управлении приграничных крепостей как фактически единственных управителей городов переоценить сложно. Причина концентрации в городах военных сил — не только в их приграничном расположении, но и как форпостов по дороге к Амуру. Военные обеспечивали безопасность как в городе, так и в окружающих селениях, сопровождали ссыльных, поддерживали безопасность торговых путей. В этом смысле комендант являлся единственным ответственным лицом, сосредоточившим в своих руках как военные, так и чрезвычайные гражданские функции обеспечения порядка и исполнения обязательных постановлений в виде руководства городской полицией. Городничие широтой своих полномочий в полной мере оправдывали определение «хозяин города». Любое дело, хоть сколько-то касающееся жизни города, должно было осуществляться с дозволения городничего. Городничий в том числе был ответственен за ликвидацию природных катаклизмов. Например, летом 1784 г.[1] после наводнения в Верхнеудинске оказался затопленным казенный винный магазин (склад), в связи с чем городничий объявил торги на постройку новых винных и соляных магазинов, определил их расположение и т. д. Другой пример — городничий имел полное право и даже обязанность проводить ревизию любого присутственного места в городе, будь то магистрат или казначейство[2]. Чаще всего такие проверки инициировались губернским правлением (наместничеством) и включали в себя анализ документации, целостности денежной казны, верности расходов и доходов учреждений и соответствие документооборота закону.

Обустройство кладбища или санкция на осмотр (вскрытие) мертвого тела осуществлялось только с разрешения городничего. Любопытен в этом смысле документ[3], сообщающий о подготовке похорон умершего солдата, что тоже

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–16.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 696. Л. 65–66об.

проводилось с личного распоряжения коменданта. Разнообразие документов комендантской канцелярии, свидетельствующих о деятельности чиновников, позволяет раскрывать даже такие стороны жизни общества XVIII в. Солдат умер в Баргузине, и местный городничий занимался его проводами. Солдата похоронили за его же деньги, а оставшиеся при нем средства передали вдове. В числе расходов на похороны значились:

свечи восковые — 1 руб.

домовище [гроб] — *1 руб. 50 коп.*

копание могилы — 50 коп.

похороны с выносом — 60 коп.

вино в поминовение — 60 коп.

читание псалтыри [священнику] — *60 коп.*

холст [вероятно, саван] — *15 коп.*

рукописание [грамота, напечатанная типографским способом, разрешительная молитва — молитва о прощении грехов усопшему, которую читал священник] — *15 коп.*

сахару для кутии [удивительная позиция, сахар в западной части России в этот период очень дорог и достать его сложно] — *10 коп.*

чай кирпичной [импортный чай, который распространялся в виде спрессованных брикетов, похожих на кирпич] — *60 коп.*

служение обедни [вероятно, речь об оплате литургии в церкви] — *1 руб. 50 коп.*

Итого в расходе 7 руб. 60 коп.

Проанализировав действия высшего слоя региональных начальников — отцов уездного города, зададимся закономерным вопросом о составе рядовой полицейской стражи. Промежуточным звеном между комендантом и самым нижним звеном — десятниками были полицейские сержанты, на которых возлагались основные функциональные задачи, руководство нижними чинами, все письменные дела и расследования преступлений. Сержанты менялись очень часто, вследствие их систематических отлучек по делам службы. Основной контактной полицейской силой города кроме сержантов были десятники. Их избрание воспринималось местным обществом как вариант натуральной повинности и поэтому усиленно саботировалось. Нормативы предписывали избирать с каждых десяти дворов одного десятника сроком на год. В реальности же в Верхнеудинске, например, избирались стандартно 6 десятников[1], хотя дворов было около 100. Действующих избранных в других городах Забайкалья, как правило, было еще меньше. Качество подготовки и способности нижних служителей даже современниками оценивались как крайне неудовлетворительные. В рапорте сержанта Быкова к городничим делам от 20 января 1793 г. говорится, что среди присланных десятников первый оказался ненадежен, а у второго сломана нога[2]. Некоторые выбранные десятники оказывались так стары, что иногда не доживали до окончания своих полномочий. Бывали случаи, когда избранный десятник оказывался «*весьма глуп*» или отмечен в «*распутном*

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–3.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 53–53об, 62.

поведении», из-за чего полиция не возлагала на таких служителей никаких надежд. Выбранные нередко отличались «*буйным поведением*», а то и вовсе не исполняли своих обязанностей. Один из таких блюстителей без дозволения начальства приводил в полицию «*братских*» (бурят) и русских людей, напивался и бранно ругался в помещении полиции, что само по себе уже преступление[1], не говоря о драках с дозорными солдатами. Причин такого положения несколько: во-первых, общественные должности не оплачивались, поэтому ответственные и порядочные граждане не желали отвлекаться от своих хозяйственных занятий; во-вторых, по формальному признаку, служителей полиции должно избирать общество, но делало оно это с наименьшими затратами, не обращая внимания на положение человека в обществе и его моральный облик; в-третьих, избранные на должности не служили на постоянной основе, не были подготовлены и не накапливали опыта службы. Отсутствие материальной заинтересованности стало определяющей причиной, не позволявшей правительству преодолеть эту ситуацию. Передача же полиции от коменданта местному самоуправлению означала бы лишь номинальное ее существование. В этом можно убедиться на примерах западных областей, где при передаче полиции местному самоуправлению исполнение ее функций часто полностью игнорировалось. В приграничье такое легкомыслие могло привести к потере территорий и хаосу.

Назначение комендантов окраинных крепостей для руководства военными силами и поддержания их в боевой пригодности указывает на факт нежелания Российской империи уступать завоеванные, хотя и слабо освоенные территории. Это подтверждает приоритет военных чинов перед гражданскими при назначении на ключевые посты, в том числе полицейские, особенно учитывая условия существования на длительном протяжении только географической границы между государствами. Культ военной службы способствовал усилению окраин и повышению значимости полицейской службы во внутреннем пространстве империи.

Работа системы сохранения политической безопасности в этот период также набирала обороты. Губернаторы, напрямую имевшие связи с высшими институтами власти, наделенные мало или почти не ограниченной властью, через свои канцелярии лично занимались наблюдением за политической стабильностью и лояльностью общества. Постановления о розыске тех или иных лиц, политически представлявших, по их мнению, опасность, распространялись систематически. Если ранее такие постановления шли через провинциальную канцелярию в полицию, то теперь направлялись напрямую к коменданту или городничему. Полиция на практике доказала свою эффективность в максимально скорой реакции на отдельные угрозы стабильности режима. В этой связи без каких-либо существенных трансформаций режим мог консервироваться очень долго.

Необходимость в наблюдении за местным населением и сохранении политической благонадежности в чисто практическом смысле имела неснижаемое значение. Охрана важных, стратегических объектов нередко поручалась не

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 77-79 об.

только некомпетентным, но и заведомо недобросовестным лицам. Это тоже одна из особенностей штатного состава системы безопасности окраинных территорий. Сообщения о смене служилых лиц при охране границы за злоупотребления стали чуть ли не главной причиной рокировок. При этом объектом преступлений часто становилось то, что служилые должны были охранять, а именно — приграничная торговля. Отметим примечательный случай: в 1779 г. канцелярия приграничных дел потребовала от Харацанской дистанции срочной замены здешних казаков за пьянство, продажу чужой собственности через границу и кражу лошадей[1].

Значимость комендантов на окраинах империи подтверждается согласованием назначаемой кандидатуры с высшими властными структурами. Можно говорить об исключительности этого института в истории становления и развития азиатских окраин. Функционал комендантов/городничих охватывал все основные сферы развития города, при этом кадровый состав комендантских команд был достаточно слабым, основными их помощниками в полицейских делах оказывались сержанты при полиции и выбранные десятники. Дополнительно к ним коменданты могли использовать городовую воинскую команду для решения конкретных полицейских задач, причем не последнюю роль в этом играли их нравственные качества.

Создание «Городской полиции присутствия» Верхнеудинска

Смерть Екатерины II и воцарение Павла I послужили триггером для обновления всей управленческой системы империи, вплоть до отдаленных ее окраин. Внутренняя политика императора Павла отчетливо обрисовала ограничение дворянских притязаний на власть, усиление военного акцента в управлении, в том числе полицией. Свободолюбивые порядки бюрократии быстро сменились армейской выправкой и строгостью. Малейшие отступления от регламента немедленно карались. В регионах прошли многочисленные инспекции, после чего десятки высших руководителей были отставлены. Такая «шагистика» не могла нравиться привыкшей к вольностям политической бюрократии, особенно в отдалении, где она была сама себе хозяйкой.

Постепенно наметился отход от децентрализованной системы управления, реализованной Екатериной II. Возвращалась в работу часть прежних коллегий, но уже в качестве министерств (1802), управлявших отдельными отраслями. Изменился прежде заложенный, хоть и плохо реализованный принцип совещательности в работе государственных учреждений. Вводилось единоначалие в принятии даже больших и важных решений. Ликвидировались наместничества. Вновь минимизируется отделенность суда от общего управления, полиция получает больше полномочий судить. Власть, словно ртуть, начала стягиваться вновь в единую точку, тяготеть к вертикальной централизации.

Иркутская губерния с этого времени включала 15 административно-территориальных единиц, т. е. на две меньше (Сретенский и Доронинский уезды объединили с Нерчинской областью). В них было 13 округов: Акланский,

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 4–6.

Баргузинский, Верхнеудинский, Жиганский, Зашиверский, Гижигинский, Иркутский, Киренский, Нижнеудинский, Нижнекамчатский, Олекминский, Оленский, Якутский — и 2 области — Нерчинская и Охотская. Казалось бы, ничего не поменялось, хотя наметилось значительное сокращение полномочий на местах. Любое мало-мальски важное дело необходимо было согласовать с губернским правлением, а тому, в свою очередь, — с центральным аппаратом империи.

Справедливости ради скажем, что Павел менял старые устои не во всех сферах. Многие направления внутренней политики, заведенные в екатерининскую эпоху, утверждались и получали дальнейшее развитие. Возобновилась линия на сокращение комендантов, особенно там, где не было значительных воинских гарнизонов, и там они переименовывались в городничих. Согласно указам от 1 февраля и от 15 октября 1797 г.[1], их должностные обязанности изменились незначительно. Самым большим преобразованием стал перевод переименованных комендантов из военного ведомства в гражданское с подчинением губернатору. Продолжилось расширение сети полиции. Указом от 18 декабря 1797 г.[2] предлагалось создать полицию в губернских городах, где это требовалось. Губернаторов обязали составить штаты новых учреждений. Инициировалось создание некой надстройки управления полицией: там, где имелся военный губернатор, полиция подчинялась ему напрямую, там, где был только гражданский, появлялся посредник — военный губернатор или комендант. Отмечена попытка «замкнуть» гражданское управление на военном, тем самым ограничив первое. На деле это не породило ничего, кроме дальнейшей бюрократизации. Указ, вместе с тем, не только расширил сеть полицейских органов по всем городам империи, но и явился актом продолжения политики экономии, переложившей бремя содержания полицейских органов на население. В нем предписывалось «*из губернских штатов обратить на содержание дворянства нижние земские суды с канцелярскими их суммами*». Содержание городских полиций отнесено «*... на счет городов тех губерний*». Принципиально полиция не менялась, но вместо управ благочиния, где городничий заседал коллегиально с другими должностными лицами и хотя бы формально должен учитывать иное мнение, в полицейских правлениях он, по факту сохраняя свои позиции, превращался в председательствующего,начальника. В уездах изменения были скорее косметическими, капитан-исправник нижнего земского суда теперь именовался исправником земского суда. Значительных штатных и функциональных изменений не последовало, но самими чинами полиции это осознавалось как некое покушение на их статус. Вот краткий итог павловских преобразований: высшие должностные лица уездов укреплялись в своих позициях, но вариативность и вероятность второго мнения при этих учреждениях сильно сокращалась.

На основании указанного закона 1797 г. в Верхнеудинске открылась отдельная городская полиция. Указом от 28 августа 1798 г. № 17393[3] Иркут-

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 24. № 17777; 18210.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 24. № 18278.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 8.

ское губернское правление предписывало коменданту прапорщику С. А. Константинову назначить коллежских регистраторов, казачьего сотника Попова квартальным надзирателем, а провиантского комиссара Седых — частным приставом. Последний, находясь под следствием, не мог вступить в должность, которая оставалась некоторое время вакантной. 19 сентября 1798 г. Константинов уведомил магистрат о создании Верхнеудинской городской полиции. Он же составил штатное расписание (табл. 4) в соответствии с универсальным штатом полиции уездного г. Старая Руса и определил список необходимых товаров для работы канцелярии. Разработанный штат полиции Верхнеудинска состоял из частного пристава, 2 ратманов (для заседания в полиции[1]), 2 гражданских сержантов, 3 квартальных поручиков, мастера для огнегасительных орудий, 6 десятников и сторожа для отопления помещения полиции, которые «*ряжаются с обывателей домов*». Комендант определил помещение, которое должна занять полиция, так как имел право требовать от общества удобные помещения. Стремление распространить в Забайкалье нормы полицейской организации центральных районов свидетельствует о попытке нивелирования локальных особенностей, унификации административно-полицейской структуры и, конечно, необходимости усиления безопасности этих территорий.

Таблица 4

Штат присутствия городской полиции г. Верхнеудинска в 1798 г.

Должность	Число чинов	Объем в год, руб.
Городничий	1	300 (из казны)
Частный пристав	1	200
Квартальный надзиратель	1	150
Канцелярия и канцеляристы	3	130
Ратман	2	Члены магистрата
Квартальный поручик	3	На общественных началах
Гражданский сержант	2	
Маклер	1	
Словесный судья	1	
Сторож	1	
Огнегасительный мастер	1	
Десятники	6	

Основание: ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 4 ; Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 20–21, 106, 116.

В воскресенье 10 октября 1798 г. в 12 часов пополудни собрание в составе коменданта Константинова, городского главы Титова, бургомистра Егова, ратманов магистрата Кодовина(?) и Вторушина, квартального надзирателя Попова, ратмана полиции Баженова и словесного судьи Елизова постановило

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 10.

в соответствии с упомянутым указом от 28 августа 1798 г. № 17393[1] открыть «*Верхнеудинской градской полиции присутствие*». К этому времени полицейские служители были приведены к присяге «*в здешней каменной церкви*». Несмотря на значительный объем делопроизводства, в сохранившихся документах вопрос о канцелярских служащих почти не поднимался. Известно, что при полиции постоянно служил только канцелярист Невейкин, остальные нанимались временно для исправления дел, как правило, из служилых или казаков, владевших грамотой.

С некоторым опозданием принято постановление[2] о выделении для присутствия «*частного суда*» (иногда так в документах именовалась городская полиция) дома, в котором находилось городское училище. Магистрат утвердил избранных лиц на общественные позиции: ратман П. Баженов, словесный судья И. Елизов, квартальные поручики отставные унтер-офицер М. Мордовской, капрал гвардии К. Резников и казак Я. Лосев. Выборные в квартальные поручики верхнеудинцы успели принять некоторое участие в службе городской полиции, что ранее отрицалось [274]. Правда, их служба по сохранению порядка длилась недолго, в процессе преобразований Павла эта должность была упразднена в 1799 г. [350, с. 23].

Городское общество, как и ранее, всячески вело борьбу с избыточной, по его мнению, повинностью — избранием различных служителей, через затягивание исполнения предписаний и выдвижением заведомо неподходящих кандидатур. Исходя из принципа соблюдения собственных хозяйственных интересов и ограждения от дополнительных обязанностей, довольно часто избирались немощные[3], или малолетние, либо в обход законов, лица, не принадлежащие к городскому сословию. Даже таких служителей общество не торопилось поставлять, прося начальство придержать избранных «*по малости городских обывателей*»[4]. Комендант, несмотря на свою всесильность, испытывал существенное сопротивление магистрата и земских изб, которые могли счесть завышенными его требования, категорично заявляя о необязательности владения грамотой или другими качествами для занятия должности. Противостояние с начальством проявлялось не только в нежелании предоставлять служителей, но и в максимально длительном сопротивлении самих избранных. Несогласные с выдвижением пытались отстоять свои права, например избранный в конце 1790-х гг. частным маклером Мордовской сознательно скрыл свою грамотность. Понимая нежелание его выполнять обязанность, Мордовскому предлагали самостоятельно найти себе замену. Данная ситуация не стала исключение из правил, кадровая проблема была острой на территории всех окраин империи.

Управляющее звено полиции,как мы ранее уже выяснили, далеко не всегда соответствовало высоким нравственным стандартам устава благочиния.

---

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 28–28об, 29.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 23–26.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 22–22об.

[4] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 82.

Например, освободившийся из-под следствия в декабре 1798 г.[1], бывший ранее полицейским Седых, о котором говорилось выше, по предложению Константинова, назначен частным приставом. Хотя он и обвинялся во многих злоупотреблениях и, по существу, не по всем из них смог оправдаться, власть закрыла глаза на его деяния из-за нежелания искать другого кандидата. Несмотря на упорство комендантов в избрании необходимых чинов и средств на содержание полиции, общество могло отстоять наиболее экономный вариант, что редко оспаривалось даже губернатором. Невзирая на то, что любой комендант считал себя единоличным правителем города и именовал себя не иначе, как «*...здешнего города я старший...*» [350, с. 29], магистрат, как ни странно, находил варианты защитить свои позиции, не подвергшись взысканиям.

Сведения о прениях полиции и магистрата, проблемы, связанные с отсутствием навыков и знаний для службы в полиции, многократно исходящие от комендантов, а также настроения в городской среде привели к тому, что комендантам предписывалось в целях «*благоустраения полиции*»[2] избегать избрания на полицейские должности купцов и мещан, отдавая предпочтение чиновникам. Фактически этим подведена черта под периодом, когда функции защиты порядка власть пыталась сделать частью обязательных забот населения. К концу XVIII в. можно наблюдать постепенный отход от этой системы и общество, самоустраняясь от участия, постепенно заняло положение молчаливого нанимателя, не принимающего решений, свидетеля деятельности системы охраны благочиния. С одной стороны, такое положение дало начало профессионализации полиции, с другой — усугубило ее военизированный, а не гражданский характер, от чего впоследствии будет углубляться пропасть недоверия между властью в широком смысле и гражданином. В отсутствии сильного института самоуправления и представительства в Российской империи развитие иного варианта маловероятно.

Еще один аспект, нуждающийся во внимании, ставший очевидным в этот период и только усугубляющийся впоследствии, — это сочетание трех факторов: малочисленность штата полиции без достаточного содержания и довольствия; отягощение многочисленным функционалом; наделенность широчайшими полномочиями, закономерным следствием которых стали злоупотребления. На практике служащие полиции могли без каких-либо веских причин как арестовать любого на их взгляд подозрительного человека, так и заковать его в цепь, даже без санкции коменданта. Почти полная бесправность перед лицом полиции осложнялась отсутствием образования и подготовки полицейских, особенно в условиях окраин. Например, не сказать, что систематически, но все же случалось по предписанию Иркутского губернского правления на место выбывавших из службы при полиции назначать ссыльных[3]. Интересно дело 1788 г. о наказании профоса М. Светлеговского [22, с. 15]. Согласно материалам следствия, он обвинялся в изготовлении поддельного документа, далеко не

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 51.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 111.

[3] ГАРБ. Ф. 180. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

первом его преступном деянии. Ранее, будучи губернским канцеляристом, он был бит плетьми за изготовление фальшивого паспорта и выслан из Санкт-Петербурга в Сибирь, где в 1782 г. определен в Удинскую провинциальную канцелярию копиистом. Служа там, он изготовил фальшивый билет, его снова били плетьми и определили в профосы в 1787 г. Физические наказания мало подействовали, за кражу из церкви денег он вновь бит, на этот раз шпицрутенами. Обер-комендантская канцелярия назначила ему ссылку в Горбическую крепость в той же должности. Другой пример: двое казаков Харацанской дистанции Завьялов и Березовский[1] в 1780 г. высланы за кражу, продажу через границу лошадей и пьянство. Первый отсылался в Удинск, а второй — в Иркутск, где они вновь были определены к службе. Такие перетасовки в качестве наказания для служилых и чиновников — общая практика для всей Сибири и Дальнего Востока. За мелкие нарушения, например пьянство или оскорбление кого-либо, кроме самодержца и его окружения,нарушителей приговаривали к содержанию под арестом на хлебе и воде. Ссылка, физические наказания, понижение в звании и социальном статусе — вот весь нехитрый набор методов исправления. На практике все эти способы на «хронических» злоумышленников действовали малоэффективно.

Отношение полицейских к обывателям характеризуется в документах также достаточно ярко. Грубости и физическое насилие в отношении жителей — факт, отмечаемый и очевидцами, и исследователями. Приведем лишь один из ярких примеров. 5 марта 1797 г. в верхнеудинские городнические дела обратился кударинский ясачный В. Шишманов [22, с. 105–106] с просьбой об освидетельствовании побоев, нанесенных ему полицейским сержантом Богдановым. По его словам, все началось с конфликта Шишманова с солдатом возле питейного дома, после чего последний пожаловался в полицию. Богданов с несколькими солдатами поспешил арестовать Шишманова и приказал солдатам бить его «*по-армейски*». Пока Шишманова тащили на гауптвахту, за него вступился некий ямщицкий староста, который просил избавить несчастного от избиения, за что бит палкой сержантом. Поступившего в гауптвахту ясачного без допроса посадили в цепь. Со слов полицейских ситуация выглядела иначе, хотя и менее убедительно, а самая сложная задача досталась коменданту — выявить реальную картину случившегося. Функционал, которым наделялся комендант, вряд ли мог позволить ему вникать во все тонкости разбираемого дела. Судя по документам, составлявшимся уже после смерти коменданта Аппелегреина, Богданов, как и его прямой начальник Седых, находясь под покровительством коменданта, всегда избегали наказаний, а жалобы на них воспринимались последним как напрасные наветы.

Продолжая историю о службе сержанта Богданова, стоит упомянуть еще одно дело, расследованное земским судом. Местному обществу было хорошо известно поведение Седых, он неоднократно притеснял обывателей, находясь под покровительством коменданта, «*через хитрые свои поступки коим* [комендантом] *он, защищаясь, наносил обиды* [обществу]»[2]. Даже представители штатной

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 4-4об.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 371. Л. 36.

городовой команды подтверждали дерзостное поведение сержанта. Он обвинялся в издевательствах над крестьянами Губановым и Юдиным, последний им замучен до смерти. Находясь под арестом, сержант признался в содеянном, сославшись на приказ своего начальника Седых, который, в свою очередь, утверждал, что его оговорили. Поскольку следственные действия уже были исчерпаны, от штатной команды и представителей города истребованы свидетельские показания о деятельности арестованных. Собранная доказательная база подтвердила слова Богданова, но дальнейшее производство дела затягивалось. Судьба Седых нам не известна, но Богданов был обвинен судом и еще какое-то время находился в городской тюрьме.

Нельзя сказать, что общество было целиком бесправным перед полицией. Одним из инструментов сопротивления обидам и притеснениям было самоуправление в форме деятельности магистрата. Орган городского самоуправления, имея возможность напрямую обращаться к высшим должностным лицам, действуя исключительно в формально-юридическом поле, часто пользовался своими правами, получая удовлетворение уже после свершившегося факта обиды, и нередко добивался хотя бы частичного восстановления справедливости. Но магистрат — орган сословный, защищавший права городских обывателей, мещан и купцов. Другие категории населения — крестьяне, ссыльнопоселенцы и разночинцы перед полицией были бесправны, особенно в неформальном, контактном поле взаимодействий.

Справедливости ради скажем, что полицейские чиновники также имели возможность ощутить на себе суровые нравы местного населения. Согласно рапорту Селенгинского комиссарства от 14 апреля 1783 г., староста сбора подушных денег Ковригин, по характеристике комиссара «*грубиян и немало забияка*» [22, с. 68], пьяным усажен сержантом Широковских и солдатом Ершевым в цепь. Ругаясь, староста затеял драку с сержантом, и солдату пришлось их разнимать. Случаи нападения на непосредственных служителей полиции — нижних, выборных чинов и солдат хоть и редко, но фиксируются на протяжении всего исследуемого периода, в то время как случаев нападения на высшие чины полиции — городничих и комендантов нами не обнаружено вплоть до начала XX в. Допускаем, что если таковые случались, то, скорее, как исключения. Покушение на здоровье и жизнь высокого чиновника в традиционном обществе было равным покушению на государя.

Подводя некоторый итог, отмечаем, что во второй половине XVIII в. на азиатских окраинах Российской империи сложились условия для создания отдельных городских полиций, допускаемых лишь в самых крупных городах. На наш взгляд, их появление в большинстве небольших городов азиатских окраин стоит отсчитывать со времени возникновения комендантских канцелярий. Коменданты, занимавшиеся наблюдением за благочинием в армейских кругах, ко второй половине XVIII в. получили эти функции как дополнительные, в связи с ростом населения городов. Полиция в первые десятилетия ее существования отмечена отсутствием штатного состава, возложением функций на батальонных, воинских служителей и недостаточным материальным обеспечением.

Несколько слов необходимо сказать об организации в это время наименее изученной земской полиции. В управлении земским судом, созданным еще в 1784 г., на 1805 г. фиксируем коллежского асессора Ф. В. Келлера. Штат земской полиции был очень мал и недостаточен для огромной по протяженности территории, отсутствовали заседатели. И здесь мы наблюдаем еще один нестандартный феномен — деятельность частных земских комиссаров. В том же 1805 году Верхнеудинский уезд делился на Ильинское (П. Г. Янковский), Селенгинской (Г. И. Беляев), Баргузинское (А. А. Алексеев)[1] частные комиссарства. Разделение учреждено указом от 11 августа 1803 г. «*Об уменьшении числа уездов в губерниях Иркутской и Тобольской и о разделении оных на несколько комиссарств...*». Система ликвидирована в 1822 г. Частные комиссары подчинялись земским судам и в своей компетенции в большинстве занимались надзором за податями и повинностями, рекрутскими наборами, почтовыми отправлениями и т. д.

Относительно положения Восточного Забайкалья ситуация была более запутанная. Нерчинск в полицейском отношении управлялся городничим надворным советником И. А. Далбиным. Нижний земский суд возглавлялся М. Ф. Муроповым, в штате числился один заседатель и секретарь[2]. При этом Нерчинский уезд не делился на комиссарства, хотя годом ранее фиксировалось наличие одного комиссара, замещавшего исправника. Тогда же уезд обладал собственным гражданским правлением, возглавляемым И. К. бароном фон Клебеком[3], но к 1806 г. оно, вероятно, было ликвидировано.

Благодаря широчайшей компетенции, полиция вмешивалась и влияла на любую сферу жизни общества, которую ей предписывала регулировать власть. Такие возможности вкупе с минимальным контролем «сверху», отсутствием контроля «снизу» и учитывая особые факторы региона, порождали злоупотребления. О них мы можем судить по расследованиям, которые происходили почти после каждого очередного переназначения коменданта/городничего. Многочисленные задачи вкупе с крайне ограниченным штатом позволяют в какой-то мере оправдывать неисполнение множества из них и недосмотр за действительно важными проблемами города. Но уже ясно очерчено, что полиция стала главным проводником самодержавной политики на местах и основным организатором городской жизни, ее регулятором. С появлением на окраинах полицейских правлений во главе с городничими закладывались новые принципы охраны правопорядка. Жители города получали возможность обращения за защитой и требовать охраны своих прав и имущества. Полицейские и, в частности, комендант, несмотря на злоупотребления, в глазах обывателей продолжали быть заступниками от несправедливости.

---

[1] Роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1805. Ч. 2. С. 230.

[2] Роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1806. Ч. 2. С. 332.

[3] Роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1805. Ч. 2. С. 231.

Характеристика преступности и меры борьбы с ней в последней трети XVIII — начале XIX в.

Полиция под ведением комендантов в городах и земская полиция во главе с земскими исправниками в уездах продолжала в течение финала XVIII в. заниматься прямыми обязанностями по регулированию городской жизни, поиску преступников, расследованию преступлений, сохраняя свои хозяйственно-надзорные и управленческие функции.

Главная задача полиции, определенная законодательством эпохи Екатерины II, — сохранение благочиния, тишины, чистоты и порядка в городах и уездах —останется таковой вплоть до модернизации в середине XIX в. Основу деятельности полиции составляли профилактические мероприятия: организация караулов, контроль въезда, выезда и переправ, миграционный и статистический учет, противопожарный надзор и др. Механизм реагирования на происшествия реализовывался через прием объявлений (заявлений) об инцидентах. Заявить о каком-либо непорядке или преступлении можно было как устно представителям полиции или караульным, так и письменно непосредственно в канцелярии. Очень действенным, по мнению обывателей, был второй способ, особенно если таковое составлялось на имя городничего. Нельзя было просто назвать имя и должность городничего, заявители, в соответствии с табелью о рангах, обращались к нему «*Его Высокоблагородие...*», чаще всего это выглядело как: «*Высокоблагородному и высокопочтенному ... господину и кавалеру...*»[1]. Если орден только один, все равно указывалось: «*кавалеру различных орденов*». Стандартный оборот для примера приведем в объявлении от 21 декабря 1786 г. дворянского заседателя Шумака: «*Высокоблагородному и высокопочтенному господину секунд-майору и кавалеру верхнеудинскому коменданту Ивану Андреевичу Аппелегреину*»[2]. Объявитель старался указать как можно больше «регалий» начальника. И как ни странно, это действовало. В случае с тем же Шумаком следующим днем комендант лично дал приказ полицейскому правлению найти воров или продавцов краденого. В особо острых случаях горожане апеллировали к градоуправителю письменно с неизменного: «*всемогущему градодержателю*». Фигурируют и вовсе надуманные звания. В одном из прошений мещанин просил коменданта наказать избивших его работника, обращаясь к нему как к «*обер-полицмейстеру*»[3], как бы случайно ошибившись. Читать такие заявления городничему было особо приятно, по крайней мере по убеждению обывателя. Расчет в милейших ошибках крайне прост, обративший внимание на заявление начальник прикажет наиболее тщательно произвести розыск по делу или хотя бы не будет затягивать с решением. Такие примеры — не особенность населения окраин, это общая тенденция, притом в отношении совершенно всех властных институтов. Обращения к губернатору или генерал-губернатору не стеснялись снабдить словами «*премилосердный*» или *«...государь высокомилостивейший и отец*» [22, с. 100–101].

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 16, 20, 56.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 16–16об.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

Переходя непосредственно к проблемам преступлений, стоит сказать несколько слов об их классификации. Вообще, нормотворчество в этой области во второй половине XVIII в. достаточно богато, в связи с чем и научный взгляд на проблему не однозначен [144; 178; 266] . Суммарно классификация (уголовных) правонарушений сводится к следующим разделам преступлений против:

1) веры — богохульство, святотатство, клятвопреступление, колдовство;

2) государства (власти) — оскорбления или «*умышления на жизнь*» особы государя, правительство и высших сановников, измена, шпионаж, бунт; сопротивления против порядка управления и суда, неповиновение начальству, подделка документов и денег, сокрытие указа, дезертирство, бегство из мест заключения, мародерство, взяточничество;

3) личности — убийство, самоубийство, принесение тяжкого и нетяжкого вреда здоровью, оскорбление и клевета;

4) имущества — кражи, грабежи и разбои, поджоги, утайка находки;

5) нравственности — растление, насилие, прелюбодеяние, внебрачное рождение детей, мужеложство, инцест, скотоложство;

6) тишины и спокойствия — драки, брань, пьянство, шум и пение «*срамных*» песен, нарушение комендантского часа, содержание притона.

Львиная доля обращений в полицию в конце XVIII в. на азиатских окраинах империи вызвана случаями хищения имущества (одежды, предметов быта, денег, продуктов), реже взлома недвижимости. С учетом аграрного способа производства как основного закономерны заявления о кражах: скота (чаще крупного и мелкого копытного), сена, дров, сельскохозяйственного инвентаря. Кража скота — «излюбленное» преступление бурят, по условным оценкам автора, более половины (до 70%) совершаемых ими преступлений в отношении русского населения были как раз кражи скота, в первую очередь лошадей. Крупный скот чаще пропадал в сельской местности, а мелкий скот и птицу чаще крали в городских поселениях, что объясняется особенностью ведения хозяйства. Вероятно, о мелких кражах, учитывая бюрократическую волокиту, обыватели сообщали редко, в то время как дорогое имущество рассчитывали вернуть. Часто встречаются заявления о пропаже тех или иных видов одежды и тканей[1], очевидно, самого ценного, что можно похитить. Стоимость их заявителями иногда оценивались в огромные по тем временам 300 руб. Была ли пропажа действительно столь дорогой, большой вопрос, хотя, кажется, именно из этого столетия шла поговорка, что «*в России дешевле купить имение, чем прилично одеться*». Пострадавший указанием дороговизны вещи мог так попытаться стимулировать полицию к более активному поиску. Сообщения о краже женских принадлежностей мужчинами и наоборот обыденны, целью вора в этих случаях была перепродажа или преподнесение в подарок. Между тем кражи совершались не только и не столько дворовыми и крестьянами, казалось бы, самими бедными и незащищенными слоями. В городах фигурантами чаще становились свободные горожане, служилые и казаки. Кражи очень часто совершались гостями, в том числе приглашенными хозяевами, или нанятыми работными людьми. Иногда обыватели снаряжали за вором казаков или служилых — своеобразная альтернатива полиции, очевидно не бесплатно,

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 16-16 об; Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 43.

но и это не гарантировало успеха. Сам феномен повсеместного воровства, часто мелкого, исходит не только из низкого уровня жизни даже городского населения, но и отсутствия определенной культуры отношения к чужому имуществу и друг к другу. Полицейские обязывались примечать пропажу у кого-либо из городских жителей, нередко она обнаруживалась на человеке, который, ничего не подозревая, купил ее частным порядком у самого вора. Имели место случаи отправки работного человека за покупками, когда отправленный бежал с деньгами[1]. Найти и доставить «пропавшего» было нелегко, ведь чаще за покупками человек направлялся далеко за пределы города.

Не часто, но системно в полицию обращались жертвы разбойных нападений на бескрайних забайкальских дорогах. В основном разбойники под угрозой расправы забирали перевозимое имущество, скот (лошадей) и денежные средства, не нанося какого-либо урона здоровью жертв. Случаи убийства разбойниками, вероятно, случались, но редко.

Другая распространенная категория обращений — унижение достоинства: оскорбления, неучтивое поведение, угрозы в порыве ярости. Такие дела обычно решались достаточно быстро, и городничий или исправник, проанализировав мнения обеих сторон, принимал решение, кому перед кем извиняться.

Достаточно распространены были заявления в среде как городского, так и сельского населения на неисполнение долговых и прочих обязательственных договоренностей (невыплата заработанного, задолженность, невозвращение арендованного или одолженного имущества или денег на покупку и т. д.). Производством подобных дел полиция занималась редко, большая их часть разбиралась магистратом, так же как и розыском должников.

Еще одна крупная группа заявлений — по поводу причинения урона имуществу: поджоги, порча сенокосных угодий, скота, построек. Самым внимательным образом разбирались дела о поджогах, из которых умышленных, как правило, не было много. Пожары приносили такой, без преувеличения, огромный ущерб, что каждый случай расследовался с целью выяснения точной причины. Поджоги сена, сараев и даже домов, особенно в уездах, совершались намеренно, но большинство — от неосторожности — например, поджигание сухой травы возле построек весной или неосторожной эксплуатации печи в доме. В городе пожары чаще происходили из-за несоблюдения безопасности и крайне плотной, деревянной застройки. Рапорты полицейских сержантов коменданту свидетельствуют о проведении ими осмотра состояния печей и дымоходов. Поручение коменданта исполнялось достаточно тщательно, осматривались не только казенные, но и обывательские здания, в том числе хозяйственные постройки, с последующим предоставлением коменданту реестра домохозяйств, где обнаружены неисправности. Обычной резолюцией требовалось «*накрепко сделать предупреждения... чтоб жители в три дня все исправили*»[2]. Неисполнение предписания влекло за собой штрафы и физические наказания. Профилактические мероприятия как в городе, так и в области проводились, как правило, после очередного происшествия. Так, в 1780 г., после

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 46.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д.44. Л. 20-21.

«*великого пожара*»[1] в Селенгинске неповоротливая бюрократическая система зашевелилась, и началась проверка устройства обывательских печей, труб и состояния городских пожарных инструментов.

Несмотря на всю суровость нравов сибирского населения, заявления о рукоприкладстве (драки, избиения, нанесение легких ран) приносились не часто, хотя и систематически имели место. Полагаем, что население, особенно сельское, крайне редко прибегало к помощи органов, предпочитая решить «миром» — узким кругом заинтересованных лиц, иными словами, обоюдно договориться. Достаточно редки случаи причинения средних, тяжелых увечий и убийств. Изнасилования и разного рода надругательства — явления еще более исключительные вплоть до начала XX в., и каждый такой случай становился повсеместно обсуждаемым и осуждаемым.

Большинство преступлений (кражи мелкого имущества, драки, порча имущества, нанесение урона здоровью и убийства) в конце XVIII — в первой половине XIX в. совершались в состоянии алкогольного опьянения. Даже при крайней медлительности системы они быстро раскрывались, в основном при содействии внимательных соседей, случайных и неравнодушных свидетелей. Нанесение серьезного урона хозяйству, кражи со взломами домов, разбойные нападения на путников, грабежи церквей и присутственных мест совершались с вполне трезвым умыслом. Присутственные места и церкви подвергались нападениям редко, в силу традиционного уклада жизни, да и сделать это было нелегко, ведь они охранялись даже ночами. Нельзя сказать, что злоупотребление алкоголем имело место на окраинах. Наоборот, путешественники отмечали характерную, в первую очередь для городского населения, трезвость «*и любовь к уединению*» [293, с. 39]. Последняя, по мнению некоторых, доходила до нелюдимости, поэтому не отмечалось каких-либо массовых гуляний. Действительно, сельское и городское население окраин является не вполне охочим к общению, особенно вне самого ближайшего круга привычных лиц. Большие гуляния с обилием алкоголя очень редки и не носят массового характера, отчего преступлений на этой почве именно в этот период происходило немного.

Общество при всем том, ища защиты у власти в лице полиции и коменданта, с готовностью содействовало расследованию дел. Мещане и крестьяне самостоятельно задерживали, сопровождали и выдавали пойманных беглых каторжников, которые являлись для них самой опасной категорией преступников. В рапорте городской полиции коменданту Д. М. Фролову от 1 июня 1800 г. сообщалось о пойманных восьми бежавших с Нерчинских заводов[2]. Двое из них были пойманы братскими (бурятами), четверо — куналейскими крестьянами, один — часовыми солдатами, еще один явился сам. Рапорт хорошо иллюстрирует примерный расклад поимки беглых: половина беглых задержана русскими крестьянами, четверть — бурятами, еще четверть — властями, кроме тех, кто сдался сам или не обнаружен. И хотя перед нами весьма условная раскладка, не претендующая на абсолютную точность, она хорошо презентует основу, фундамент, на котором держалась вся система безопасности окраин империи.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 277.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 315–315об.

Следующими за каторжниками по частоте встречающихся категорий беглых были солдаты, дворовые и работные люди. Пойманные личными усилиями обывателей, они препровождались в полицию, где составлялся рапорт с указанием фигурантов, личностей задержанных и обстоятельств произошедшего[1]. Далее проводились допросы и высылка в случае отсутствия признания в каких-либо преступлениях в соответствующие ведомства или же арест до вынесения приговора судом. Борьба с незаконной миграцией населения была важнейшей и сложнейшей задачей полиции. Беглые каторжники представляли большую опасность для обывателей, особенно за пределами хорошо охраняемых городов. Безопасность вне города и даже в непосредственной близости с ним гарантировать никто не мог. Например, весной 1780 г. в местечке Берёзовка под Удинском четырьмя беглыми каторжниками были ограблены молодые люди, которые выбрались в поход-пикник. Напавшие забрали продукты, медный котелок и холщовые мешки[2], причем следствие установило, что объем украденных продуктов достаточен для того, чтобы добраться до Байкала.

Вообще, вне зависимости от режима, в любой системе поддержания внутренней безопасности содействие общества — ее основной фундамент. С одной стороны, содействие обеспечивалось повсеместным послушанием государству и церкви, ведь для абсолютистской монархии иной сценарий поведения не предусматривался. С другой стороны, это целиком взаимовыгодный процесс. Необходимость поимки беглых заключалась не только в восстановлении режима отбывания ссылки (это обывателей интересовало в минимальной степени), но и в крайней опасности беглых для местного населения. Ссыльные грабили и могли убить как случайных путников, так и целые семьи, они проникали в дома и амбары с целью похищения жизненно необходимых вещей и продуктов. Успехи в поимке беглых и поддержании безопасности в городах азиатских окраин стали возможны и осуществимы только благодаря тесному взаимодействию власти и общества. Содействие последнего являлось эффективным дополнением к деятельности полиции, а часто оно даже лучше справлялось с задачей собственной охраны. Полиция как отдельный институт больше нужна была именно городу.

Вообще, бегство с каторги было привычным явлением. Не проходило и пары недель, чтобы полицейские управления не получали сообщения о бегстве в среднем 4–10 каторжников. Бежали почти всегда организованными группами, а значит, более или менее продуманно. Побег можно было совершить и во время доставки к месту каторги, поводы к этому давали содержание и охрана препровождаемых. Караван мог состоять из более чем сотни ссыльных и одного-двух десятков сопровождающих, не всегда хорошо вооруженных. Всех их нужно было обеспечить пропитанием и кровом. Так, в декабре 1799 г. караульный при Верхнеудинской тюрьме Федоров сообщал о наличии в остроге 42 человек, отправлявшихся в Нерчинские заводы[3]. Они, по его словам, совершенно не обеспечены одеждой и обувью, пригодной к такому длительному

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 70.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 265.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 695. Л. 268–268об.

пути, и, всего вероятнее, погибнут в дороге, учитывая, что 12 из них больны. А между тем в городе уже находилось 124 человека (в том числе 18 женщин) для переправки в заводы; к концу месяца их количество возросло до 166 человек.

Заслуживающей внимания представляется группа преступлений против нравственности. Чаще всего виновные приговаривались к различным церковным наказаниям, например наложением епитимьи. Среди наиболее распространенных преступлений против нравов стабильно фигурируют прелюбодеяние, непосещение и неисполнение церковных обрядов, сожительство без брака, рождение детей вне брака и др. Особо широко распространенными в Сибири считались последние два. К этой же группе, если учитывать практику наказаний, относится намеренное или случайное убийство новорожденных. Еще правоведы XIX в. говорили о невозможности выявить преднамеренность убийства новорожденного, кроме, конечно, случаев намеренного их подкладывания. Преступники, осужденные по этим и некоторым другим деяниям, после поступления в полицию решения суда препровождались для исполнения наказаний к священникам. Церковные власти и сами выявляли в городе подобных ослушников и сообщали полиции для принятия мер. Остановимся на этом отдельно.

В качестве промежуточного итога, характеризуя преступность на азиатских окраинах империи, необходимо подчеркнуть ее неразветвленную структуру. Преступления часто носили бытовой характер, реже совершались по предварительному плану и злому умыслу, были спонтанными. Тенденция роста и развития преступности в регионе вполне сопоставима с ситуацией, характерной для Восточной Сибири в целом. Традиционный уклад жизни не позволял широко развиваться профессиональной преступности, заметны были лишь отдельные эпизоды. Большая часть сведений, заявляемых в государственные учреждения безопасности, касалась преступлений против личности и имущества.

К сожалению, методов сохранения безопасности в арсенале полиции насчитывалось не так много. Главным залогом сохранения тишины и спокойствия было сохранение традиционного уклада жизни, культивировавшего послушание начальству и богобоязненность. Основным способом сохранения безопасности была профилактика — обходы населенных пунктов днем и ночью, устройство караулов и ночных сторожей по всем улицам и у ключевых зданий. Полицейские применяли иногда воспитательные, «отеческие» методы работы с населением: убеждение, увещевания, «*строжайший*» наказ (предупреждение) и др. Их применение чаще отмечается в делах городского благоустройства и соблюдения чистоты, а также вопросах морального облика населения: семейном поведении, послушании родителям, увеселениях, драках и т. д. Действенности указанных методов способствовал надзор полиции за всеми элементами жизни общества — это соблюдение правил торговли, пресечение контрабандной торговли, провоза запрещенных товаров, продажи нелегального алкоголя, правильность и сохранность мер и весов, порядок при проведении ярмарок, соблюдение санитарных норм, вывоз мусора и повсеместное послушание. Малые города, аграрное хозяйство и низкий уровень урбанизации не способствовали значительному возрастанию преступности.

Роль полиции выходила далеко за рамки современных представлений о ее деятельности. Играя роль воспитателя горожан, она приучала их к выполнению санитарно-гигиенических правил, к нормам городской жизни. Отчасти это было обосновано тем, что жизнь города этого да и более позднего времени мало чем отличалась от сельской — усадьба, заборы, деревянные строения, скот, простые и незамысловатые нравы жителей. Полицейские служители обязывались принуждать, иногда под страхом сурового наказания, горожан к вывозу мусора, очищению своих дворов и территорий близ домов. Забегая вперед, скажем, что эти принуждающие методы продолжали применяться вплоть до конца XIX в., и по оценке специалистов того времени никакие иные методы не работали. Кроме чисто эстетических целей чистота служила средством профилактики эпидемий, поддержания качества питьевой воды, эпизоотий и пожаров. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций полиция становилась фактически на линию обороны, не допуская распространения заразы, выставляя специальные защитные кордоны, тем самым блокируя город.

Не менее охраняемым полицейскими мерами, кроме богобоязненности и нравственности, был труд. Леность в представлении власти да и всего общества того времени была спутницей разврата и непотребства. Любой крестьянин или мещанин должен трудиться, в том числе на общее благое дело — общественное или государственное. Нищий, который слонялся без дела, должен препровождаться в работный дом, а если он к тому не способен из-за старости или увечности — в богадельню, с глаз долой. Особенную обеспокоенность власти представлял досуг служилого населения. Строго расписанный день и обязательные дела способствовали тому, что у служилых сокращалось свободное время, в рамках которого они могли заняться чем-то неподобающим. Логика в этом отношении была проста и сохранялась еще со времен Петра I: праздность порождает преступность.

Наиболее интенсивная охрана благочиния осуществлялась в праздничные, воскресные и ярмарочные дни. В случае первых двух официально объявлялось: «*казенным работам не быть*»[1]. Например, в день рождения императрицы Екатерины II 21 апреля 1773 г., который объявлен праздничным, комендант повелел всем служилым и казакам присутствовать на церковной службе и молебне, а до того читать уставные и нормативные документы. Так представлялось идеальное времяпрепровождение, свободное от службы или работы. Иногда власть находила возможность разделить праздник с подданными и создать соответствующее настроение. В честь рождения великого князя Александра Павловича городовой команде второго Селенгинского батальона (130 чел.) решено выдать каждому по рублю. Тем самым Екатерина II, ставшая бабушкой, разделила свою радость с верным служилым сословием. Своевременное исполнение и контроль таких решений — прямая функция полиции. Надзорная ее функция, особенно за идейной сферой жизни общества, уже проявила себя на бытовом уровне. Даже в примере с контролем полицейскими наличия во дворах елок с зажженными свечами в вечернее время[2], все обязаны торжественно праздно-

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 108. Л. 35.

[2] Там же.

вать, если таково веление власти. Что касается ярмарочных, то эти дни наравне с праздничными были особенно напряженными для полиции. Комендант подчеркивал важность сохранения честности торга и качества товара, наблюдения за увеселительными мероприятиями, недопущения драк, криков, азартных игр, шума, предотвращения случаев карманных краж и т. д.

При всем том отдельно отметим в определенной мере мягкий режим содержания арестантов, что потенциально могло становиться причиной злоумышлений в черте города. Например, при вступлении в должность комендант майор Крупской крайне удивился наблюдению, что содержащиеся в тюремном остроге «*по двое ходят по улицам со слабым караулом, да уголовной преступник Богданов* [бывший полицейский сержант] *ходит без крепы и караула, а паче по питейным домам и пьянствует, того ради предлагаю всех в тюрьме содержащихся колодников заковать в неопасные ножные крепи, так ровно и сержанта Богданова и содержать его под крепчайшим караулом, дабы он как и прочие чего вредного учинить не мог*»[1]. Столь удивительное отношение к заключенным сохранялось достаточно длительное время, по меньшей мере до середины XIX в.

Небогатый арсенал методов сохранения безопасности русской полицией в большинстве благополучно перейдет в следующий век и будет так или иначе применяться вплоть до распада империи. Его ограниченность в целом покрывала профилактические потребности ответа на характер и численность совершаемых преступлений. Сложных схем и способов преступлений почти не применялось, не раскрывались лишь единичные дела. Большинство совершаемых преступлений, как и в последующее время, носили часто очевидный характер. Исключение составляли, пожалуй, лишь разбойные нападения по области, с которыми бороться удавалось очень слабо. Фундаментом эффективного ответа на преступления и в целом на сохранение внутренней безопасности являлось содействие местного населения и профилактика.

Церковь и полиция в поддержании общественного благочиния на рубеже XVIII–XIX вв.

Молодая Российская империя за свое стремление к повсеместному контролю общества в ряде исследований дореволюционных и современных ученых определяется как «*полицейское государство*» [61; 179; 236; 251; 338]. В нашем представлении, эта концепция отражает некий инструментарий, применяемый для удержания и осуществления власти монархиями и диктатурами, иначе говоря, применение надзорных (полицейских) мер, учитываемых обществом как произвол, ущемление их прав и свобод. Одной из важных черт, дающей исследователям право представлять Россию именно в таком ключе, является вмешательство власти в сферу духовной и интимной жизни общества, что особенно ярко проявилось на протяжении XVIII в. Российская империя в этом отношении не уникальна, те же черты обнаруживались в ряде западноевропейских стран. В ходе становления абсолютизма Русская православная церковь (РПЦ),

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 695. Л. 4-5.

имевшая возможность оппозиции власти, была лишена автономного управления и политического влияния. Став частью государственного аппарата, она подчинилась его интересам и устремлениям. Для встраивания ее в систему регулярного государства и контроля такого мощного идеологического и экономического института создан Святейший Синод. Православие стало официальной идеологией государства, его ресурсом и, как следствие, объектом пристальной защиты.

Лояльность к православной церкви должны были выказывать не только городские власти, полиция, но и высший управленческий корпус — губернаторы. Получая покровительство последних, церковь, в свою очередь, была подотчетна им в финансовых и некоторых других вопросах. Закрепленная среди властных институтов, церковь стала закостенелым и опасным рычагом государственного контроля и управления. С. Ю. Витте впоследствии, в начале XX в., написал в своих воспоминаниях: «*У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России*» [288, с. 329].

15 января 1727 г. были созданы Иркутская и Нерчинская епархии. Обычно в каждой епархии повсеместно существовали духовные правления — органы церковной бюрократии для надзора и исполнения постановлений. Во второй половине XVIII в. в Забайкалье действуют духовные правления в Нерчинске и Селенгинске. С утратой последним статуса города правление передано в Удинск, оно располагалось при Одигитриевской соборной церкви в деревянном здании, состоящем из двух комнат. В середине XIX в. все духовные правления, за исключением Читинского, которое в конце века преобразовано в Забайкальскую духовную консисторию, были упразднены.

Система сохранения порядка в городах тесно взаимодействовала с духовной сферой общества. Всеми способами власть охраняла главенствующую идеологию, удерживая общество от инакомыслия и антиправительственных действий. И надо сказать, в тех условиях это работало весьма эффективно. Духовное правление осуществляло контроль за исполнением наказаний за довольно широкий спектр преступлений и проступков — от аморальных до непреднамеренного убийства[1]. К покаянию привлекались преступники разных категорий: убийцы, насильники, растлители, изменщики, скотоложцы, детоубийцы.

Важной составляющей полицейского надзора был морально-этический аспект, охватывавший и частную жизнь человека. Представление о том, что частная жизнь обывателей нуждается в постоянной родительской опеке государства, сохранится на длительный период. Наблюдение за жизнью и поведением человека осуществлялось с той же строгостью и вниманием, что и за исправным соблюдением законов и постановлений. Как уже сообщалось выше, в «Уставе благочиния» вопросам поддержания церкви посвящена отдельная часть. Для населения обязательным было посещение всех церковных мероприятий, особенно исповеди, тайна которой ликвидирована петровской церковной реформой. Сама церковь превратилась из помощницы и заступницы

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

в государственный орган сохранения внутренней и политической безопасности. Порядочный образ жизни, основанный на христианской морали, являлся основной целью имперской идеологии, потому как нацеливал людей на служение и послушание, тяжелый труд, отказ от дурных привычек, праздного времяпрепровождения, развратной жизни. Начальственные попытки поощрять добродетель и труд, одновременно отвращая от пороков, дошли до награждения специальными «похвальными грамотами» от губернского правления крестьян, отличившихся усердным трудом и трезвостью. Вопреки расхожему мнению, такая практика появилась задолго до большевиков. Наблюдение за ведением крестьянами благопристойной, христианской жизни вменялось как обязанность, среди прочего, сельским старостам, особыми инструкциями [66, с. 48] местных органов гражданского управления, в нашем случае Удинской провинциальной канцелярией.

Проверка же приверженности к доминирующей идеологии в основном проводилась по формальному признаку — посещению церковных обрядов. Важность, по выражению академика Н. П. Покровского, такого «*способа поверки*» [113, с. 162−163] подтверждается уточнением в протоколах допросов времени последнего посещения исповеди. Непосещение церкви автоматически делало человека неблагонадежным, вызывая подозрение в злоумышлениях против порядка и государства. Это считалось важной частью общественного благочиния того времени, что полиция отдельно сообщала городничим и комендантам о нем, с указанием фамилии, причины и давности непосещения. Подтверждением служат, например, рапорты сержанта полицейского правления С. Садовского в комендантскую канцелярию[1]. Он отмечает нежелание жителей Верхнеудинска причащаться и исповедоваться, а для исправления ситуации — необходимость принятия определенных мер. Учет посещаемости становится важной стороной взаимодействия полиции и духовного правления. Для стимуляции исполнения паствой треб существовала система принуждения, например уплата штрафа [113, с. 134−135] за непосещение церкви без уважительной причины. Окраины империи и особенно Сибирь были флагманом в увеличении числа отказов от исповеди и общем сокращении числа прихожан.

Подтверждать свою преданность церкви обязывались не только рядовые горожане, чиновники, но и воинские чины, о чем свидетельствуют распоряжения комендантов о посещении молебнов в праздничные дни, в Воскресение Христово (Пасха)[2], тезоименитства членов императорской фамилии и т. д. В день празднования рекомендовалось быть в чистой одежде и «*всяческой опрятности*» всем батальонным служителям, нерегулярной команде (казакам), рядовым солдатам и «*господам офицерам и унтер-офицерам*». Последние обеспечивали обязательную явку служилых на молебен. Такими мерами обеспечивалось общее благочиние в городе и подчиненность всего общества «железному» распорядку. Подобные распоряжения от коменданта поступали в преддверии каждого воскресенья, когда всем военным сообщалось о недопустимости в этот день казенных работ и рекомендовалось придерживаться вышеописанного распорядка дня.

[1] ГАРБ.Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

[2] ГАРБ.Ф. 88.Оп. 1, Д. 108. Л. 31.

Одной из важнейших задач как православной церкви, так и полиции была забота о чистоте информации. Публикацией официальных распоряжений и указов от губернского правления занималось городничее правление или полиция. Правительственные документы, подлежащие объявлению «*во всенародное услышание*», провозглашались и вывешивались вблизи церквей. Не всегда эти документы касались дел церкви, как, к примеру, указ Синода об установлении праздника Казанской пресвятой богородицы 22 октября[1], предписанный опубликовать верхнеудинскому коменданту А. И. Крупскому. Постановления об открытии административных учреждений, предложения исполнять государственные контракты на поставку товаров или возведение зданий или указы, касающиеся общества, всегда публиковались с целью информирования как можно более широких слоев населения. Сведениям, опубликованным из других источников, рекомендовалось не доверять[2]. Новости о значимых событиях внутри города, например освящение соборной церкви в мае 1785 г.[3], рассылались по отдельным присутственным местам и сообщались городскому населению всеми доступными средствами.

Тесное взаимодействие церкви и полиции отмечаем в области учета естественного и миграционного движения населения. Духовные правления направляли и контролировали работу священнослужителей по ведению метрических книг, которые составлялись в нескольких экземплярах и были важнейшим информационным ресурсом в условиях подушного налогообложения, позволявшим оценивать и планировать объемы прямых и косвенных налогов. Учет того же крестьянского населения, кроме прочего, играл ключевую роль для выработки стратегии обеспечения воинских частей довольствием. Именно в этих целях в начале 30-х гг. XVIII в. Забайкалье разделяется на дистрикты. Метрическая запись позволяла достоверно обнаружить и определить сословную принадлежность человека. Контролем малейших изменений населения в городе занималась городская полиция. Ежедневно квартальные надзиратели всех городов Российской империи подавали вышестоящим начальникам рапорты со сведениями о числе родившихся, умерших, а также о передвижениях населения с указанием социального положения, цели приезда или отъезда[4]. Контроль был необходим в условиях полностью регулируемой бюрократическим аппаратом миграции населения из села в город, чтобы не допустить оттока самых бедных слоев крестьянства в города и, самое главное, чтобы пресекать бегство крепостных. Этой мерой также удерживался примерно на одной позиции достаточно невысокий уровень преступности, потому как в ходе проверок устанавливалась личность и причастность к какому-либо преступлению въезжающего или выезжающего. Не теряло своей бдительности в этом плане Верхнеудинское духовное правление. Например, своим сообщением от 1797 г.[5] на имя коменданта оно информировало об обнаружении в городе рудокопца

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1.Д. 470. Л. 89, 91.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 284.

[3] ГАРБ. Ф. 20.Оп. 1. Д. 5876. Л. 1.

[4] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 506. Л. 2.

[5] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 66.

Осокина, который направлен в Нерчинск к священнику Гробову отбывать церковное покаяние. Осокин в городе найден праздношатающимся, потому его требовалось выдворить из города и направить для исполнения положенного ему наказания.

Взаимодействие полиции и духовного правления часто касалось вопросов общественной морали, преступности и отношения жителей к священникам и церкви в целом. Как полицейские проводили обход города, так и священники совершали обходы своей паствы. В августе 1816 г. к верхнеудинскому городничему через причетчика[1] обратился благочинный священник Кузнецов, который посетил, якобы с проповедью, дом рабочего Худякова. «*Пришедши он с животворящим крестом*», встретил «*дерзостное*» поведение хозяина и обнаружил стоящих в ряд с иконами «*глиняных кукол и истуканов*», поставленных для украшения дома. При этом священник сообщал, что Худяков произнес «*к поношению чести его и противу предписании начальства о соблюдении к духовенству должного уважения укоризны... и прочие грубые дерзкие слова*», за что и арестован городничим[2]. По освобождении ему предписано просить прощения у оскорбленного им священника. Не получив удовлетворения, священник обратился к городничему с повторной просьбой принудить Худякова принести извинения. Такое поведение священника не могло не вызвать у обывателей отрицательной реакции. Само их хождение по домам имело и вполне корыстные причины, по традиции их принято было угощать, а то и одаривать небольшой суммой денег. К концу века современники с пренебрежением писали: «*сновали из дома в дом алчущие и жаждущие рубля попы с крестом и коротенькими наспех молебствиями*» [296, с. 50]. Обходы позволяли контролировать паству и ее приверженность православию, а также обнаруживать и подавлять любое шатание от лояльности к власти. Полиция гарантировала неприкосновенность церкви и заставляла всех сопротивляющихся почтительно относиться к священникам, что вызывало еще большую неприязнь и к церкви, и к полиции.

Вообще, попытки власти контролировать морально-этическое поведение граждан с той же строгостью, что и уголовные преступления, — интересный феномен. Обязанность поддержки православия возлагалась и на городское самоуправление. Так, 23 февраля 1786 г. Верхнеудинский городовой магистрат сообщил коменданту об обвинении вдовы кяхтинского мещанина П. Кошкаровой в прелюбодеянии и заключении ее под стражу[3]. Согласно материалам дела, она обвинялась в прелюбодеянии с военным фурштатской команды. Через несколько дней после ареста Кошкарова приказом коменданта переведена в тюремный острог, где находилась под арестом вплоть до 30 июня, когда бургомистр сообщил о решении палаты Иркутского уголовного суда передать дело в консисторию, чтобы та приказала наложить на обвиняемую церковное покаяние. Одновременно решение суда было озвучено в указе Иркутского наместнического правления коменданту, который поспешил исполнить указание,

[1] Причетчик — устар. член причта церкви; общее название всех клириков, за исключением священника и диакона: дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 518. Л. 136–136об.

[3] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1, Д. 457. Л. 1.

но в этом и заключался курьез. Комендант приказал освободить Кошкарову и направить к священнику, который не принял обвиняемую, так как еще не получил указания от Иркутской консистории. Только 8 января 1787 г.[1], фактически через год после первоначального ареста, духовное правление приняло Кошкарову для наложения на нее церковного покаяния.

От приговора к посещению и исполнению церковных обрядов обыватели уклонялись всеми доступными способами. Священник Попов в 1787 г. уведомил коменданта о непосещении церковных служб приговоренной к десятилетнему церковному покаянию солдатской жене В. Лифановой, которая была осуждена за прелюбодеяние и убийство собственного младенца[2]. Солдатка объявлена комендантом в розыск. Полицейское правление, почти сразу обнаружив Лифанову с помощью десятников, доставило ее в канцелярию коменданта. Из объяснения Лифановой следовало, что все это время она жила у солдата Лапина и из города не отлучалась, а посещать церковные службы не могла по причине болезни. Прелюбодеяние и убийство новорожденных детей, к слову, — самое частое из чисто женских преступлений. Эта категория дел подвергалась тщательному дознанию, правда, обычно наказывалась церковным покаянием. Даже обстоятельства рождения женщиной мертвого ребенка расследовались, власть не позволяла избавляться какими бы то ни было способами от нежелательных детей. В убийстве новорожденных в большинстве обвинялись крестьянки и солдатские жены, то есть самый незащищенный слой населения.

Солдатские жены и вдовы чаще фигурировали в различных делах, связанных с нарушением христианской этики, полагаем для того было несколько причин: во-первых, уже отмеченная поголовная бедность этой категории лиц; во-вторых, отсутствие, как, например, в случае с крестьянками в деревне, связывавших их традиционных устоев жизни и внимательного наблюдения общины и родни; в-третьих, сама особенность их жизни: когда мужья долгие годы находились на службе, жены предоставлялись самим себе. Такие свойства их быта нашли отражение в довольно неприличных, но точных поговорках: например, о солдатках говорили, что они «*наволочки затылком стирают*» [41, с. 160] (намек на половой акт в миссионерской позе). Наравне с этим общество в какой-то мере оправдывало их поведение, что нашло отражение в многочисленных этнографических свидетельствах, и опять же вполне романтических поговорках: «*у солдатки губы сладки, а у вдовы как медовы*». Так или иначе особенности жизни и быта и солдаток, и вдов служили причиной бдительного за ними надзора.

Иногда жители самостоятельно обращались в духовное правление для защиты себя и своих близких от возможных посягательств. Интересно в этом смысле обращение жителя Казаковой деревни в духовное правление Нерчинска в 1755 г. о домогательствах посадского М. Бурмакина [22, с. 91]. В деле присутствуют даже некоторые пикантные подробности, как означенный Бурмакин склонял, притом неоднократно, к содомскому греху крестьянина Т. Казакова.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 457. Л. 14.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 457. Л. 28.

Это письмо — яркий пример того, как обыватели искали защиты через церковную бюрократию. И хотя бы объявление появлялось более чем через месяц после происшествия, пострадавшие не теряли надежды на то, что обидчика настигнет правосудие.

Не только интимная часть жизни общества интересовала полицию и церковь в качестве сферы, подлежащей регулированию, к ней относился и порядок во внутрисемейной жизни, воспитание детей, семейная иерархия. Жалоба в полицию матери или отца на сына — вполне обыденное дело. Причины разлада между родителями и отпрысками находились самые разнообразные — от сожительства со служанкой[1], когда мать жаловалась на сына с целью его увещевания, до пьянства, «*буйства*»[2] и рукоприкладства. Полиция, и нередко в лице самого городничего, пыталась не только провести увещевательную беседу или наказать, но и искала способы примирения сторон. Где-то дело ограничивалось выговорами и строжайшими предупреждениями, где-то воспитывали розгами, а где-то конкретно решалась насущная проблема — отослать предмет ссор, служанку, к родственникам или прачкой в городскую больницу. Поддержание внешнего морального благочиния касалось не только рядовых слоев населения, но и канцелярских служащих и офицеров армии. Полиция могла провести профилактическую беседу и со священником, если таковой ослушался, например вступил в права завещателя вопреки разрешению начальства[3].

Полиция и духовное правление объединялись общими социальными обязанностями — наблюдением за нищими и убогими, заботой о их трудоустройстве, по возможности насущном обеспечении, хотя такая работа, пожалуй, редко была эффективной. Систематически велся учет нищих, питавшихся за счет пожертвований, которые опускались в специальные ящики в церквях. Из рапорта полицейского правления от 16 января 1785 г. узнаем о смерти жены отставного солдата Тарачеева, которая числилась в числе неимущих и по случаю смерти вычеркнута из списка[4]. Освобожденное место заняла вдова отставного солдата Моржавина, находящаяся «*в недвижимой болезни*». В конечном счете это делалось лишь за счет все тех же свободных и работающих горожан, жертвовавших на нужды церкви. В продолжение темы социальных обязательств РПЦ хочется привести один интересный сюжет конца XVIII в. В г. Бежецк Углицкой провинции на средства городского общества содержалась богадельня для стариков и «*несчастнорожденных детей*» [111, с. 7–8] (незаконнорожденных или по разным причинам оставшихся без родителей). Детей там приучали к христианским традициям, для чего приглашался священник, проводивший требы. За 1798 год, по сведениям бежецкого старосты, священник исполнил 55 треб в богадельне, в том числе 35 из них — над «*гробками*» умерших детей. Такое частое посещение священником брошенных детей щедро оплачивалось горожанами, в общей сложности выплатившими ему за год 5 руб. 50 коп.

[1] ГАРБ. Ф. 90, Оп. 2. Д. 85. Л. 61.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345. Л. 6–6об; ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1314. Л. 40–42.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3. Л. 31–31об.

[4] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

Для сравнения — единственная наемная работница, заведовавшая всей богадельней, в год получала 6 руб.

Церковь ревностно охраняла не только свою идейную монополию, но и экономические интересы. Согласно указу от 28 августа 1808 г.[1], в обязанность церковных старост входил контроль за соблюдением монопольного права церкви на ряд товаров. Так, 29 октября 1809 г. церковный староста Верхнеудинской соборной церкви В. Кулаков сообщил в полицию о том, что в торговых рядах купцом И. Налетовым ведется незаконная продажа восковых свечей. Проверка квартального надзирателя Широковских подтвердила этот факт, купец сознался в продаже, и у него было изъято более 4 пудов свечей (около 70 кг). По закону полагалось конфискованные свечи передать в церковное владение, а купца наказать штрафом, в два раза превосходящим стоимость свечей. Магистрат пытался отстоять интересы купечества, разрешив торговлю свечами в объемах менее 20 фунтов[2], губернское правление сочло такое решение противозаконным по исключительному праву церкви на розничную торговлю.

Выявленные исторические сюжеты составляют лишь разрозненные примеры взаимодействия полиции и церкви в целях поддержания благочиния в городе. Обеспеченная достаточным уровнем полномочий, полиция была важным институтом защиты и укрепления прав православной церкви от негативного общественного отношения, ослушаний, а также содействовала исполнению обязательных религиозных обрядов, понуждала общество к посещению церкви и поддерживала ее монопольные права. Внутренняя переписка церкви и полиции по различным вопросам наводит в целом на мысль о церкви как полноправном управленческом институте власти. Тяжкие преступления против церкви и ее представителей совершались редко. Традиционно считается, что таковые стали происходить только в начале XX в., в связи с трансформацией общественных отношений, однако отдельные факты, например ограбления церквей, наблюдались и в течение всего XIX века.

Полиция и церковь на протяжении XVIII — начала XX в., являясь бюрократическими структурами, стали основными элементами поддержания безопасности в городах империи путем принуждения общества к исполнению обязательных постановлений правительства. Соблюдение православной морали в обществе иногда полицейскими средствами — арестами, принуждениями, штрафами — не могло не вызывать недовольства и, в конечном итоге, не разочаровать общество в деятельности как полиции, так и церкви.

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 38.

РАЗДЕЛ 3

Развитие и расширение органов обеспечения безопасности в первой половине XIX в.

Законодательные новеллы о безопасности и административном устройстве Забайкалья

Традиции екатерининского законодательства в области охраны правопорядка продолжались ее внуком Александром I, с именем которого вначале связывались большие надежды. Его воцарение запустило процесс модернизации системы высшего государственного управления. В соответствии с Манифестом от 8 сентября 1802 г. создано Министерство внутренних дел (МВД). Министру поручалось заботиться о «*повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей Империи*»[1]. Структура министерства предусматривала Департамент внутренних дел, составной частью которого стала Экспедиция спокойствия и благочиния в двух отделениях, ведавших сельской и городской полицией. Централизованный тип управления позволил начать переход к унификации полиции, правда, это мало коснулось ее устройства на окраинах. До появления министерства руководство полициями осуществлялось через губернаторов и полицмейстеров на местах. Вскоре роль МВД стала ведущей, объемы компетенции и функционала его только возрастали вплоть до падения империи.

Принципы функционирования системы обеспечения безопасности на азиатских окраинах продолжали базироваться на прежних узаконениях, с оговоркой на некоторые павловские преобразования. Изменения, затеянные правительством Александра I, своей негласной целью преследовали необходимость отхода от нововведений короткого павловского правления, с одной стороны, но продолжения его линии на упрочение единоначалия и контроля, ограничение прав сословного самоуправления и усиление роли бюрократии — с другой. Безусловно, положительным изменением стоит признать отмену в 1801 г. пытки[2], что свидетельствует о постепенном отходе от жестоких методов наказания к более гуманным. Хотя до полного их изживания, в том числе в деле розыска и производстве наказаний, оставалось еще много времени.

Логичным продолжением реформ системы управления полицией стало новое организационное установление, а именно «*О средствах к исправлению*

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27. № 20406.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 26. № 20022.

полиции в городах»[1] от 24 октября 1803 г. Указ в целом уточнял соотношения военных и гражданских элементов в ее управлении, а именно функций городничих и комендантов в зависимости от значения города и штатной системы. Коменданты постепенно оттеснялись от управления гражданской сферой, в крупных городах им поручалось только военное ведомство и, соответственно, поддержание порядка лишь среди военных. Пожалуй, главным следствием указа стало изъятие полиции из прямого ведения губернаторов в управление МВД через губернское правление.

Следующий наиболее заметный шаг связан с именем М. М. Сперанского, главного идейного вдохновителя министерства полиции, о формировании которого сообщалось манифестом от 25 июня 1811 г.[2] Министерство стало особым институтом с правом контроля всех местных административных органов. Как самостоятельное учреждение оно просуществовало недолго и с 1819 г. возвращено в ведение МВД.

Еще одним новшеством стало комплектование нижних полицейских чинов, в частности десятников и сторожей, указом 26 февраля 1819 г.[3] из военного ведомства. Законодательная норма в большей степени носила рекомендательный характер и не содержала ни точного числа требуемых служителей, ни порядка комплектования. Ее ограниченность позволяла реализовать предложенные новации лишь в крупных городах. Набор десятников из числа военных в средних и малых городах представлял большую сложность, поскольку не предполагал хотя бы минимального жалования. Большинство отставных, что не состояли в инвалидной роте, чаще всего были настолько не годны к службе, что и десятская должность оказывалась им не под силу.

Большое значение для азиатских окраин Российской империи в административном и полицейско-пенитенциарном аспекте имели «*Учреждения для управлений сибирских губерний*»[4]. Усложнение управления указывало на необходимость появления более автономного аппарата. Указом от 26 января 1822 г.[5] образовано главное управление Восточной Сибири (ГУВС). Его возглавил генерал-губернатор с советом, состоящим из шести советников, трое из которых назначались от МВД. При этом генерал-губернатор, который, по мнению Сперанского, должен осуществлять лишь надзор за легитимностью действий совета, сохраняя право единоличного принятия решений, фактически концентрировал в руках полный контроль. Хотя совет и мог подать письмо в Сенат о действиях генерал-губернатора в случае, если он пошел против решения совета, но серьезного значения такие письма иметь не могли. К тому же Сперанский отказался от выборности в совет от городского населения, а дворянство для его образования в Сибири было слишком малочисленно.

Реформа расположила региональное управление на четырех основных ступенях. Высшей ступенью стал совет ГУВС под председательством

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 27. № 21007.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 31. № 24686.

[3] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 36. № 27699.

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 38. № 29125.

[5] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 38. № 28892.

генерал-губернатора. В полномочиях высшей ступени находились вопросы управления, надзор за деятельность административных органов, контроль и отчетность, разбор жалоб и толкование законов, а также поощрение, повышение и увольнение чиновников.

Следующий уровень — губернский, подразделявшийся на общее и частное губернское управление. Первая ступень — «*общее управление*» (гражданский губернатор и совет под его руководством) занималось надзором за местной администрацией. В исключительной власти губернатора находились исполнение постановлений высшей власти, решение кадровых вопросов в системе городского и сельского самоуправления; представление к наградам, пересмотр уголовных дел. Последняя функция фактически означала легитимность вмешательства администрации в судопроизводство [58, с. 144]. Частное губернское правление состояло из правления, губернского суда и казенной палаты. В его ведении находились административно-полицейские и хозяйственные вопросы, в том числе экспедиция о ссыльных, приказ общественного призрения, архитекторская часть, типография, медицинская управа и т. д. Губернский суд рассматривал и гражданские, и уголовные дела; прокурорский надзор осуществлял губернский прокурор [58, с. 145]. Полномочия казенной палаты заключались в контроле хозяйственно-финансовых вопросов, ревизии счетов, распределении земель, межевании и т. д.

Третий уровень управления — окружной. Уезды Иркутской губернии укрупнены и переименованы в округа: Иркутский, Ниждеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский (табл. 5) и Киренский. Каждый округ подразделяется на волости и народные управы [166, с. 309]. Отдельную структуру составило Троицкосавское пограничное управление в составе пограничного начальника, городничего, советника и заседателей, избираемых казаками от полков [315, с. 16]. Учитывая иностранные контакты, в штат правления полагались переводчики с монгольского, маньчжурского, тунгусского [315, с. 61], а также пограничные цурухайский, харацайский, тункинский приставы.

Таблица 5

Штатно-кадровый состав окружных управлений Забайкалья на 1823 г.

Штатная должность	**Верхнеудинский округ**	**Нерчинский округ**
Окружной начальник	коллежский асессор Ф. А. Ивашенцов	коллежский асессор В. И. Коссович
Городничий	капитан И. Д. Татаринов	майор А. Г. Элин
Окружной судья	коллежский асессор И. А. Шелковников	коллежский асессор Ф. З. Рик
Земский исправник	коллежский асессор И. И. Кусков	коллежский секретарь М. Ф. Муромов
Казначей	губернский секретарь Ф. М. Железнов	коллежский секретарь А. Е. Жилин
Стряпчий	титулярный советник П. М. Гельмерин	коллежский асессор А. Г. Пицковский-Клепцов

Основание: Съёмщиков Е. А. Окружное управление Сибири 1822–1898 гг. : учебное пособие. Новосибирск, 2019. С. 16.

В зависимости от численности населения округа делились на три категории: малолюдные, средние, многолюдные. От категории напрямую зависел объем полномочий и функциональность административных органов. Общее и частное управления полагались лишь в многолюдных округах (Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский), в средних округах (Иркутский, Киренский) только частное управление, а в малолюдных все управление сосредоточивалось в руках земского исправника. В состав общего окружного управления входили окружной начальник и окружной совет, состоящий из городничего, окружного судьи, земского исправника, окружного казначея, стряпчего и городского главы при наличии в городе думы. Функции общего окружного управления соответствовали вышестоящим уровням власти.

Частное окружное управление состояло из окружного суда (по судебным гражданским и уголовным делам) и окружного казенного управления (по хозяйственным делам). В состав окружного суда входили окружной судья, два или три заседателя, в зависимости от населения округа, и окружной стряпчий. Суд рассматривал гражданские и уголовные дела. Исключение составляли лишь дела о злоупотреблениях служебным положением, которые слушались в губернском суде. Земский суд состоял из земского начальника и 2–3 заседателей, в зависимости от населенности и площади округа. Суд осуществлял надзор за крестьянским самоуправлением, информировал население округа об указах и постановлениях властей, принимал «*меры в случае повальных болезней и скотских падежей*», контролировал состояние хлебных, соляных и винных магазинов [58, с. 146]. В Верхнеудинский округ входили 8 волостей, 4 степные думы и 4 города.

Четвертый уровень управления представлял городское, разделенное на три категории, в зависимости от численности населения. К городам многолюдным относился только Иркутск. Управление средних городов (Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска) концентрировалось в частной управе во главе с городничим (без частного пристава, который полагался только в Иркутске), с квартальными надзирателями и медицинской частью. Вопросами хозяйствования и суда в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи, двух заседателей и трех кандидатов. Однако в Верхнеудинске магистрат был первоначально заменен городовым судом, и только в 30-х гг. XIX в. (не позднее 1832–1833 гг.) создана ратуша. До ее создания задачи мещанского суда исполнял окружной суд, который в Верхнеудинске заседал в составе окружного судьи, трех заседателей, секретаря, канцеляриста и писцов 2-го и 3-го разрядов[1]. В малолюдных городах (Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске и Баргузине) полагался только городничий, городские старосты и словесный суд. Последний ведал вопросами городского хозяйства и разбором незначительных дел. Более серьезные гражданские и уголовные дела рассматривал окружной суд [58, с. 147–148]. На практике в Селенгинске, например, благочиние города поручено городничему, а Баргузин через какое-то время утратил и эти позиции и перешел в ведение земского исправника. В таком виде забайкальский административно-правоохранительный аппарат просуществовал до середины

[1] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 125.

столетия. Земская полиция (земский суд во главе с исправником) со времени создания оставалась фактически в неизменном виде.

Важное значение для формирования полиции имел устав о сибирских городовых казаках[1] от 22 июля 1822 г. В Иркутской губернии определены два городовых казачьих полка — Иркутский и Забайкальский. В состав Забайкальского полка вошли Нерчинская и Верхнеудинская команды. Возглавлял казачью команду губернатор или окружной начальник. Важнейшей обязанностью городовых казаков была полицейская, включая ночной дозор по городу, поимку беглых, конвой казенных перевозок и колодников, поддержание порядка на ярмарках и даже исполнение обязанностей квартальных надзирателей в малолюдных городах.

Принятые в этот же период «*Устав о ссыльных*» и «*Устав об этапах в сибирских губерниях*»[2] от 22 июля 1822 г. регулировали вопросы пересылки ссыльных, обязанности и ответственность губернской администрации в организации и обеспечении подобных мероприятий. Отдельно разъяснялись обязанности городской и земской полиции, заключавшиеся в контроле поступивших партий ссыльных. Неся чрезвычайную ответственность за здоровье конвоируемых, полиция определяла их на лечение, рапортуя об этом в губернский центр, составляя ежемесячные отчеты, списки и т. д. Постепенно все сводилось к информированию губернского правления абсолютно обо всех, даже незначительных происшествиях при перемещении ссыльных.

Общеимперские подзаконные акты дополняли, уточняли и обобщали все узаконения, направленные на обеспечение безопасности, утверждая тем самым развитие общей полиции в сторону уголовной. Хотя общие задачи и контроль исполнения постановлений не снимались. Как и прежде, пожарная служба, несмотря на некоторую внутреннюю обособленность, продолжала принадлежать ведомству общей полиции, которое могло наказывать за отсутствие инструмента и несоблюдение пожарной безопасности. Дополнительные детали уточнялись в принятых в 1832 г. «*Уставе пожарном*» и за ним в «*Строительном уставе*». Оба документа не потеряли актуальности и в 1857 г. были обновлены и переизданы. Сенатским указом от 7 марта 1853 г. «*О нормальной табели составу пожарной части в городах*» установлены пропорции расчета численности пожарной команды к числу населения города и источники финансирования.

Наконец, менялось нормативное оформление и оценка самих преступных деяний. Появилась регулятивная ясность в дефиниции «преступление» и определена форма назначения ответственности за него. В правовое поле вводилось два дифференцированных понятия: проступок и преступление. Уголовный кодекс «*Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*» от 15 августа 1845 г. подтвердил и несколько расширил полномочия полиции. Теперь руководство полиции получало право самостоятельно расследовать и выносить приговор лицам, совершившим правонарушение против «*общественного благочиния*», налагать штрафы до 30 руб., определять наказание розгами, производить арест сроком от суток до 3 месяцев, назначать общественные работы и статус «*под*

[1] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 38. № 29131.

[2] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 38. № 29128.

особый надзор полиции». Вместе с тем определена ответственность полицейских чиновников за нарушение своих обязанностей.

Впоследствии полномочия полиции по производству суда по мелким делам были урезаны указом от 8 июня 1860 г.[1] об учреждении института судебных следователей. Его сила распространялась лишь на губернии, управляемые по общему положению, к которым, как правило, не относились окраины в целом и Забайкалье конкретно. Указом от того же 8 июня 1860 г. «*Наказ полициям о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, 1860 года*»[2] утверждалось право полиции возбуждать следствие и принимать решения по маловажным проступкам и преступлениям. По более серьезным делам полиция вела только дознание, сбор свидетельств и показаний, осмотр, обыск, выемку вещественных доказательств. Не дожидаясь постановления судебных органов, она проводила арест и взятие подписки о невыезде. Все прочие действия оставались за судебным следователем. Следствие в окраинных регионах продолжали вести по-старому квартальные надзиратели и заседатели земского суда, даже в 70-х гг. XIX в. институт судебных следователей здесь не появился.

Несмотря на отсутствие назревшей полномасштабной реформы органов безопасности, ее необходимость хорошо осознавалась властью. Об этом свидетельствует систематическое издание актов, уточняющих или регламентирующих их деятельность. Политика, направленная на укрепление и удержание полицией широчайших полномочий, несмотря на некоторое перераспределение функций, на окраинах не была реализована. В результате к середине XIX в. полиция окраин представляла собой в малоизмененном виде полицию последней трети XVIII в. Обладая почти безграничными правами и полномочиями, в том числе судебными, полиция оставалась полной хозяйкой местного управления. При этом вмененные нормативы приводили в некоторое движение систему органов безопасности в преддверии надвигавшейся реформы, но не предлагали каких-то принципиально новых основ ее организации. Не говоря уже об отдаленных окраинах, в которых изменения продолжали внедряться в усеченном виде.

Организация городской полиции в первой четверти XIX в.

Городская полиция азиатских окраин империи в первые два десятилетия XIX в. сохранялась в прежнем виде, с минимальными изменениями. Вопреки расхожему мнению, закрепившемуся в историографии об особых новшествах, внесенных указом 24 октября 1803 г. «*О средствах к исправлению полиции в городах*», в реальности существенных изменений на окраинах не произошло. Указ повышал статус городских полиций крупных городских центров и уточнял их штатную структуру. Необходимость пересмотра внутреннего устройства аппарата действительно назрела, учитывая то, что с момента проведения реформ Екатерины II прошло 20 лет. Весь этот период города медленно, но неуклонно

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 35. № 35890.

[2] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 35. № 35892.

росли, увеличивалась численность населения и все больше становилось объектов для полицейской охраны.

Среднестатистический штат полиции, которому на примере Забайкалья более всего соответствовала Верхнеудинская городская полиция вплоть до 1825 г., состоял из городничего, частного пристава, одного-двух квартальных надзирателей, пяти канцелярских служителей, восьми нижних чинов (десятников), заплечного мастера (палача), квартирмейстера и мастера огнегасительных орудий[1]. Сохранение в штате заплечного мастера и квартирмейстера объясняется очень медленным отходом от организационно-управленческой и хозяйственной функции. В других городах пограничья, Баргузине и Селенгинске, сохранялось городничее правление без частных приставов и с меньшим числом десятников и канцеляристов. Это не было пределом малочисленности, в еще меньших городах правление вовсе состояло из городничего, канцеляристов и нескольких десятников на посылках. Мало в чем изменилось отношение населения к общественной службе, горожане нехотя шли на эту должность и все чаще нанимали или вовсе, при возможности, игнорировали службу. Избранные часто оправдывались слабостью здоровья и действительно не могли стать подспорьем в деле сохранения безопасности территории.

Новые штатные единицы полиции в городах и округах утверждались крайне медленно. Были ситуации, когда город уже вырос и требовал дополнительных чинов, но экономическое состояние тому не способствовало. Например, необходимость в назначении второго квартального в г. Верхнеудинске была разрешена оригинальным способом: поступающие на должность частного пристава исполняли в дополнение обязанности квартальных надзирателей (табл. 6).

Таблица 6

Частные приставы штатной городской полиции г. Верхнеудинска от появления до упразднения должности

Время службы	**ФИО**	**Ранее занимал должность**
1798–1799	Седых И., коллежский регистратор	провиантский комиссар
1799–1800	Широковских	
1800–1809	Попов Е. Г., коллежский регистратор	квартальный надзиратель
1809–1810	Широковских (совмещение должности квартального и частного)	квартальный надзиратель
1810–1811	Обирков	
1811–1814	Рублёв, титулярный советник (совмещение должности квартального и частного)	
1814–1822	Икингрин П. П., губернский секретарь (совмещение должности квартального и частного)	дворянский заседатель земского суда

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 326; Там же. Оп. 9. Д. 1, 4, 8, 27, 31, 49; Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 138, 315, 321; Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891; Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144, 716.

[1] Иногда именовался *машинщиком*, то есть мастером пожарозаливной машины (насоса), и исполнял обязанности трубочиста.

Экономия средств и людей проявлялась даже в выборе ратмана, который вынужден был совмещать службу в магистрате и полиции. Широко распространилась практика замены по договоренности избранного на другого. Например, в 1814 г. из восьми десятников только один служил сам, остальные предпочли найти себе замену[1]. Социальный состав десятников представлен наименее обеспеченными слоями населения: крестьяне, поселенцы, отставные солдаты, мещане. Городские власти виртуозно владели техникой затягивания вопроса, используя бюрократические проволочки и переписку, особенно когда это касалось общественных повинностей, что не удавалось преодолеть даже облеченным властью городничим. Горожане имели объективные причины не стремиться к службе[2], бывали случаи, когда избранных привлекали к совершенно посторонним, партикулярным работам в угоду личным интересам начальников.

На протяжении первых двух десятилетий XIX в. число канцелярских служителей медленно и неуклонно росло. Они представляли собой относительно молодых людей, чаще до 30 лет[3], происходивших из обер-офицерских семей. Обер-офицерские дети — это дети, рожденные до получения их отцами (не дворянами) потомственного дворянского достоинства. Закрытость дворянского сословия была нарушена еще Петром I, при котором дворянство, сначала личное, а потом и потомственное, оказалось напрямую связано с военной или гражданской службой. В некоторых случаях отцы могли передавать заслуженное дворянское достоинство сыновьям. Среди канцелярских служителей значились и совсем молодые, 15–19 лет, обычно служившие копиистами. Когда штатных служителей не хватало, нанимались образованные солдаты и казаки для «*исправления письменных дел*», но в штат они не входили.

Канцеляристы, несмотря на их исключительную важность в бюрократической системе, — достаточно бедный сегмент служилой иерархии. Официальное жалование среднего письмоводителя очень низкое, поэтому они искали дополнительный приработок, оказывая в свободное время письменные услуги населению. Некоторые не брезговали и незаконными способами, получая за делопроизводственные услуги «благодарности» просителей. Суть, конечно, состояла не только в нищенском жаловании, а еще и в наличии некоей своей, особой власти, власти бюрократии. Еще в XVII в. власть признала законными денежные и натуральные приношения должностным лицам до начала дела («*почести*») и приношения после окончания дела («*поминки*») [248]. Требовать что-либо за производство дела было запрещено, но опытные просители несли сами, в полной уверенности, к слову абсолютно верной, что без дара дело просто не «*выгорит*» [222]. Чиновники, в том числе самые мелкие, «*брали деньгами и продуктами... проситель никогда не приходил в присутственные места с пустыми руками. Если он был беден, то и тогда приносил полотенце, чашку меда, большой пряник, а иногда и просто хлеб*» [172]. Сформированная столетиями норма в глазах обывателя не казалась взяткой или

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 138. Л. 27–27об.

[2] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 716. Л. 82.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 315. Л. 1–3.

несправедливым побором, она больше соответствовала народной формуле, выраженной в строках Г. Р. Державина: «*живи и жить давай другим*».

Канцеляристы в полную меру пользовались теми немногими возможностями, которые имели, обучая сыновей грамоте в гарнизонных школах. Прагматизм заключался в желании хорошо устроить отпрыска на службу, да и губернское правление время от времени требовало предоставить списки канцелярских детей для назначения к службе в военной коллегии по родам войск на гражданском или военном поприще. Знание грамоты — эффективный способ как получения более высокого звания при поступлении на службу, так и быстрого продвижения по карьерной лестнице. Согласно сведениям за 1819 г., из четверых старших детей (четырех отцов канцелярских служителей Верхнеудинской полиции)[1] трое (от 7 до 13 лет) обучались в училище, один — в ином месте. Дети еще одного были слишком малы, и только один отец не сознавал необходимости образования для них, и они нигде не обучались.

Контактный состав полиции, наименьший по численности, нес на себе все бремя рядовой службы. Большая их часть имела воинские чины. При отсутствии по объективным причинам штатных служителей городничий назначал в помощь унтер-офицеров штатной команды. Они исполняли обязанности квартальных и обеспечивали неусыпное присутствие полиции. Правда, указом 16 января 1811 г. все воинские команды, подчинявшиеся гражданской администрации, переданы в военное ведомство, чем был нанесен серьезный удар по полномочиям городничих. С этого времени городничие не могли свободно распоряжаться воинскими чинами для усиления полиции, их стало необходимо запрашивать у воинского начальства. На запрос городничего Измайлова[2] командир инвалидной команды Скорняков предоставлял минимальное число солдат, ссылаясь на отсутствие указаний высшего руководства и малочисленность команды. Правда, на таких пунктах, как въезд в город со стороны Иркутского тракта, на летнем и зимнем путях у возведенных шлагбаумов военные несли службу неизменно[3]. Так или иначе, возможности использовать военных в охране порядка значительно сокращались. Но в документах продолжали фигурировать солдаты и унтер-офицеры, сопровождавшие квартальных и частных приставов в качестве устрашения. Военные пользовались авторитетом и по закону не боялись пустить в ход силу.

Несмотря на сокращение участия регулярных воинских частей, значительную роль в поддержке полицейского порядка продолжали играть казачьи (в документах нерегулярные) соединения. Более того, «*Уставом о сибирских городовых казаках*»[4] 1822 г. полицейские функции среди их обязательных задач закрепляются и занимают уже второе место после пограничной службы [48, с. 75]. Предусматривалось привлечение казаков по гражданской части на караульно-полицейскую службу при больницах, присутствиях, кабаках или

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 10. Д. 8. Л. 3об–4.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 88. Л. 1–1об.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 138. Л. 9 об.

[4] ПСЗРИ. Собр. I. Т. 38. № 29131. С. 532–545.

обходе города[1], для поимки беглых, для содержания этапов и караулов в городах, на заводах, на золотых промыслах. Их содействие на страже безопасности окраин чрезвычайно важно. Обычно казаков командировали временно для исполнения конкретных целей — ареста, патруля, приведения в покорность, доставки лиц(а) к присутствию городничего. Местные власти по возможности пользовались разночтениями в законодательстве, привлекая прикомандированных казаков к службе в полиции в качестве штатных чинов (например, квартальных[2]), однако при первой же детальной проверке атаманом штатного распределения казаков такие излишества исключались. Обоснование простое: казаки служат на подобных должностях лишь в малолюдных городах, но кадровый голод и усилия Иркутского гражданского губернатора в ряде случаев позволяли отстоять хотя бы несколько подобных назначений.

Отдельным вопросом стояло содержание полиции. Сумма, расходуемая городом на содержание той же верхнеудинской полиции, сохранялась в старых границах (табл. 7), что говорит об устойчивости штатной системы в целом. Проблема крылась в том, что средства на ее содержание собирались вовремя все реже. Городничий Сеннов три раза в год отправлял письменное требование в магистрат о присылке средств на жалование полицейским, остальные сборы, на дрова и канцелярию, обычно производились в начале года. Сумма в требованиях не менялась, но городничий старался экономить и не обременять город дополнительными сборами[3]. Самая дорогая статья: содержание помещения, его отопление, охрана и уборка — не часто доставлялась в виде денег, обычно город предпочитал исполнить ее «*натурально*». Задачи трубочиста могли также перепоручаться пожарному мастеру. Все остальные суммы, в первую очередь на жалование, приходилось собирать деньгами, а более состоятельным жителям города — вкладываться дважды.

Таблица 7

Содержание городской полиции Верхнеудинска накануне реформы М. М. Сперанского (1822 г.)

Чин	Число чинов	Объем в год, руб.
Городничий	1	600 (не из доходов города)
Частный пристав	1	350
На освещение и отопление квартир руководящего состава полиции	2	350
Квартальный надзиратель	1	199,99
Канцелярия и канцеляристы	5	200
Освещение, отопление управы, машинной и прочего		1224,12
Трубочист	1	140,15
Итого из доходов города		2464, 26

Основание: ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 319; Там же. Д. 4790. Л. 284.

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 88. Л. 1–1об.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1304. Л. 1, 4, 5–5об.

[3] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 173.

Городничий П. Е. Решетников, напротив, инициировал отдельный сбор средств на приобретение дополнительной мебели и инвентаря для канцелярии[1]. Вместе с этим он ходатайствовал об увеличении канцелярских расходов до 200 руб. в год, что признано губернским правлением необходимым. Сбор на содержание полиции в городе производился с собственников городской недвижимости, большую часть которых составляли мещане и купцы. Дополнительные сборы вызвали общественную дискуссию. На заседании земской избы в 1808 г. решено собирать средства не только с купцов, мещан и цеховых, которые имели дома, но и с тех, кто не владел недвижимой собственностью, «*коих здесь немалое число*»[2], не исключая священнослужителей и разночинцев. Исполнить такое решение было проблематично, особенно в отношении военных и священнослужителей.

Таким образом, мы наблюдаем постепенную трансформацию прежде установленной системы полицейской охраны в силу местных особенностей. Надо сказать, что любые изменения проводились с тяжелейшей бюрократической волокитой. Содержание полиции ложилось бременем на городские расходы как в плане прямого сбора средств на ее довольствие, так и на продолжающуюся повинность в виде избрания на общественные должности без содержания. Обозначилась тенденция на увеличение накладных расходов, которые прежде подразумевались екатерининским законодательством, но получили точную реализацию несколько позднее. Размеры штатов, в целом хоть и недостаточные для сохранения городского благочиния, но компенсировались за счет воинских чинов, используемых в охране безопасности городов.

Служебная повседневность городской полиции Верхнеудинска: интерьер канцелярии, библиотека, архив и пожарная часть

Интерьер региональных властных учреждений (присутствий) достаточно неплохо сохранился благодаря систематической инвентаризации при передаче дел от одного чиновника к другому. Наиболее подробные описи составлялись при вступлении в должность городничего, что объяснимо, ведь он становился, говоря современным языком, «материально ответственным лицом» за сохранность казенного имущества.

Подробный план присутственных мест города на начало XIX в. нам не известен, но сохранилось описание 1823 г.[3] Согласно ему, главное здание присутственных мест представляло собой двухэтажный кирпичный дом[4], построенный в 1804 г. (заложен в 1801 г.) на фундаменте из серого камня, 9 саж. 2 арш. в длину и 7 ½ саж. в ширину (250 м^2) (рис. 8). В 1809 г. помещение выкуплено казной под присутственные места. С наружной стороны[5]

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 314–315об, 319.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4790. Л. 284.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 313. Л. 3-4 об.; Оп. 6. Д. 436. Л. 3об–4.

[4] Современное помещение отдела межрайонных приставов (ул. Ленина, д. 13).

[5] Вероятно, речь о стороне в направлении реки, противоположной той, которая выходила на торговые ряды.

изначально имелся деревянный балкон и два нужника. Внешние стены здания оштукатурены и выбелены. Крыша крыта тесом в два ряда на гвоздях. Полы выстланы сосной. Верхний этаж занимали окружной (5 комнат) и земский суд — земская полиция (4 комнаты), из них две комнаты отведены под ведомственные архивы. На нижнем этаже располагались: городовая управа — городская полиция (5 комнат), казначейство (6 комнат, одна из которых представляла, судя по всему, сейф с железной дверью) и караульня. Структура основного помещения присутствия менялась: в 1830 г. на нижнем уровне располагались управа, ратуша и архив; на верхнем этаже — уездный и земский суд, дворянская опека. Городничий занимал отдельный флигель[1] 7 × 5 саж. (50 м^2), расположенный рядом с основным зданием и состоявший из 4 комнат, с отдельными прихожей и кухней. Поздние документы свидетельствуют о приспособлении флигеля под временный изолятор для арестованных, вмещавший 25 человек[2]. Весь комплекс дополнялся деревянными строениями во дворе — арестантской казармой, баней, сараем, каланчой и машинной. 10 июня 1878 г. пожар уничтожил комплекс, сохранив лишь каменные стены. Комплекс восстановлен в 1887 г. без изменения фасада.

Мы можем мысленно восстановить отдельные элементы интерьера помещения полиции, который по большей части являлся «наследством» коменданта. В 1814 г. там стояла деревянная мебель: три стола, два из которых с выдвижными ящиками покрыты алым сукном (традиционное покрытие в присутствиях), пять крашеных стульев, окованный железом ящик с навесным замком и окованный железом баул (дорожный сундук) в ветхом состоянии. Инициируемые время от времени дополнительные сборы средств с городских жителей указывают на конкретные товары, которые приобретались для работы[3]: 4 медных и 2 железных подсвечника, ножницы, фонарь, 6 стульев, стол с задвижным ящиком на замке, шкаф с открывающимися дверцами, замки для двух настольных чернильниц, песочницы и колокольчик на присутственном столе. К имевшемуся набору предметов приобретены после 1823 г. два стола, кресло, покрытое красной краской, вероятно для городничего, два шкафа с дверками на замках и ящик на замке. Помещение освещали семь медных подсвечников и один железный шандал[4]. Как атрибуты государственной идеологии в помещении размещались иконы «*Троицы Живоначальной в трех лицах с медной лампадой*», образы Иоанна Златоуста и Николая Чудотворца и «третья икона»-зерцало — треугольная призма с написанными на ее гранях указами Петра I, неизменно стоявшая на столе начальника в присутственных местах. Из канцелярских принадлежностей в наличии пара железных ножниц, жестяная чернильница с прибором и печати. Еще не утеряна к этому времени старая медная печать для конвертов с надписью: «*Верхнеудинского коменданта*

[1] Сегодня это помещение Сбербанка России (ул. Ленина, д. 15А), примыкающее к городской библиотеке.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 436. Л. 3об–4.

[3] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 319.

[4] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 313. Л. 1–2 об.

управляющего должность городничего»[1], а также печать для запечатывания алкоголя, чугунный горшочек для варки чернил и цепи.

Для ведения делопроизводства в городах обычно устанавливался специальный сбор. Средства направлялись, прежде всего, на приобретение бумаги трех разных видов, в зависимости от качества, габаритов, и чернил. Готовых чернил в регионе не продавалось, для их изготовления приобретались чернильные орешки, чаще китайские. В описях встречается купорос, который использовался для приготовления черных чернил. Не менее важным было приобретение свечей, в то время сальных, и сургуча для печатей, которые ставились на все пересылаемые документы, а также мотоуз[2] для переплета и нитки для сшивания дел.

Особый интерес представляет перечень книг при городской полиции. Вся служебная библиотека, частично доставшаяся от канцелярии коменданта, состояла из 1) законодательных актов — 41 ед. хр., 2) книг неделопроизводственного характера — 8 ед. хр., 3) планов города и присутствий — 3 ед. хр.[3] Составители реестра-описи, из которого нами получены сведения, попытались структурировать список документов библиотеки. Например, первая группа включала законные книги, регламенты, учреждения, штаты, уставы, инструкции, что не всегда соответствовало указанным заголовкам, очевидно современным исследователям необходимо будет провести систематизацию и атрибуцию. В первую группу входили документы, регламентирующие организацию и деятельность административных учреждений. В списке находим: четыре собрания законов: Петра I (1714–1725), изд. 1739 г., Екатерины I и Петра II (1725–1730) и два — Екатерины Алексеевны (1766–1767), последние три изданы в 1780 г. Законы, содержащиеся в них, касались различных сфер жизни государства: налогов, пошлин, полиции, городской жизни, купечества и многих других.

Ко второй большой группе документов отнесены регламенты. В списке: «*Регламент главного магистрата*» (1721) — основополагающий документ для организации жизни города, «*Духовный регламент*» (1776) — определял место и функции духовного сословия Российской империи. Регламенты ревизион-коллегии (1733), камер-коллегии (1731), берг-коллегии (1721) касались в основном финансовой части, налогообложения, отчетности и добычи полезных ископаемых.

Третья группа нормативных актов — это уставы, важнейший среди которых — «*Устав благочиния или полицейский*» (1782), этим документом устанавливался штат, обязанности и компетенция полиции. Поскольку полиция первоначально находилась в военном ведении, под руководством коменданта, то здесь сохранились два воинских устава. «*Воинский устав 1716 года*» (1717) формулировал порядок военной службы, уголовно-судебной части, чинопроизводства, а также противопожарные мероприятия. Устав 1716 г. серьезно устарел ко времени создания описи, тем более что в учреждении хранился уже новый вариант

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 313. Л. 1–2об.

[2] Мотоуз — пеньковый или льняной шнур (бечевка), на котором шили книжный блок или блок производственного дела.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 138. Л. 20–21.

«*Воинский устав о полевой пехотной службе*» (1797) и «*Устав воинский о конной экзерции*» (1763). К этой же группе отнесены «*Устав купеческого водоходства...*» (1781), который регулировал вопросы страхования морских грузов, и «*Таможенный устав*» (1755), регламентировавший международную торговлю с учетом близости границы и необходимости контроля уплаты пошлин за торговлю.

К четвертой группе относятся штаты, которые являлись фактически штатным расписанием, со сведениями о количестве служителей, их жаловании и т. д. «*Штат Главной провиантской канцелярии...*» (1766) затрагивает ценовые вопросы продовольствия и в целом функционирования магазинов (складов), находившихся под пристальным надзором городничих. «*Штат придворной обер-егермейстерской канцелярии*» (1773) устанавливал штатное расписание придворной службы, ведавшей царской охотой, но с какой целью документ оказался в таком отдалении от места своей реализации — большая загадка. На хранении также находились: «*Штат о гарнизонных батальонах и провиантской экспедиции*» (1764), «*Штат медицинских коллегий*».

Пятая группа включала «*Учреждения*». К одному из важнейших относится почтовое (1772), так как на тот момент почта была единственным средством связи с губернским правительством, доступным местным органам. Тем более что в Удинске до создания провинциальной канцелярии почтовое правление находилось в ведении военного коменданта крепости. Документ инструктировал о порядке ведения почтово-пересыльной работы, заполнении документации и правилах взимания платы за корреспонденцию. «*Учреждение инвалидного дома в Москве для отставных, неимущих штаб- и обер-офицеров*» (1779) определяло категории военных для пребывания в инвалидном доме и контролирующие учреждения. Вероятно, этот документ использовался как пример для организации домов призрения инвалидов по всей России, тем более что в батальоне состояла инвалидная рота. И действительно, Верхнеудинская крепость в 1799 г. кроме основного гарнизона в составе роты имела инвалидную команду, возможно, именно поэтому в документах всегда сообщалось о нахождении в городе полутораротной команды (полторы роты). Инвалидная команда состояла из 40 человек, два из которых — унтер-офицеры. К слову, состояние их было удручающим, так как на 20 декабря того же года 21 из них был болен (кто-то в госпитале, кто-то на квартире), трое — слепы[1], то есть в строю могли находиться 1 унтер-офицер и 18 солдат.

Шестая группа документов включала наказы и инструкции. Важнейшим в этом списке является «*Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать*» (1728), регламентирующий структуру и деятельность по управлению областями. В этом документе прописывались и полицейские функции губернаторов и воевод: охрана тишины и порядка, поимка беглых, борьба с преступностью и пр. Впоследствии эти функции были переданы городничим, и документ этот — скорее архивный раритет. Кроме «Наказа» в списке обозначены «*Инструкция бывшему в Нерчинских заводах генерал-майору Суворову*» (1764), назначенному главным правителем Нерчинских заводов, не входивших в общую систему управления.

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 720. Л. 3а об.

В седьмую группу вошли разрозненные документы, относящиеся к самым разным отраслям управленческой деятельности и общественной жизни: «*О порядке в содержании приходов и расходов...*» (1736), «*О порядке захоронения скота, павшего в результате заразных заболеваний, или Какие к пресечению скотского падежа потребны способы*» (1756), «*Положение о гарнизонных батальонах*» (1764), «*Краткое наставление о воспитании детей*» (1766), «*Генеральный план императорского воспитательного дома*» (1772), «*План коммерческого воспитательного училища*» (1772), «*Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год*» (1775), «*Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империей Всероссийскою и Оттоманской*» (1775), «*Стат водяной коммуникации...*» (1778), «*Положение о городовых пенечных, льняных ... других товарах*» (1782), «Конвенция *о торговле и границах между ... императрицею всероссийскою... и чинами герцогств Курляндскаго и Семигальскаго*» (1783), «*Собрание фасадов...*» (1809–1812). Последний, к слову, имел принципиальное значение, так как именно полиция являлась распорядителем строительства в городе. Любое строительство не только должно быть согласованным, но и иметь внешний вид, соответствующий разработанным вариантам фасадов. Вольности в архитектурном вопросе не допускались. В списке содержатся и другие законодательные акты, но их чтение затруднено вследствие не слишком разборчивого написания. Не вполне понятно, почему некоторые из этих документов не сданы в архив в связи с утратой актуальности их содержания. Можно попытаться обнаружить в этом какую-либо закономерность, но мы предполагаем, что это объяснимо недосмотром служащих.

Если перечисленные выше документы являются официальными нормативами правительства, то вторая часть книг, хранившаяся при полиции, состояла из документов общепрактического характера. Они не имели отношения к полицейскому делопроизводству, а скорее — к повседневной жизни. К такому разряду книг относятся «*Опыты пчеловодства...*» (1807). Сложно сказать, для каких целей книга хранилась, вряд ли полицейские были большими любителями меда. Первые зафиксированные опыты с пасеками проводились во второй половине XIX в., но кто знает, может быть, имели место и более ранние эксперименты. К этому же разряду относится книга «*Выделывание ... сахара из свекловицы*» (1814). Издание книги соотносится с началом промышленного производства сахара в России. Сахар в то время был чрезвычайно дорог, хотя, учитывая упоминание его использования на поминках рядового солдата, описанное выше, может он и не был столь недоступным. Наиболее вероятное объяснение лежит в содействии власти организации подобной отрасли на востоке империи, например с развитием хлебопашества и картофелеводства. Вполне возможно, что отправка в регион столь ценных изданий имела целью наладить производство этих продуктов.

Три книги о добыче и производстве селитры (1811–1812) также могли иметь чисто практическое значение: селитра применялась при изготовлении пороха. В городе, как и в других крепостях, находился пороховой погреб, а его запасы часто продавались инородцам для охоты. Также во дворе здания полиции находилось пять пушек, которые, надо предполагать, было чем заряжать.

Нельзя исключать и то, что книги могли быть изъяты. Не менее значимы для практического применения были книги о крашении — первая о красильных растениях (1813), вторая — о добыче и приготовлении червеца (1814). Эти две книги свидетельствуют о кустарном производстве красок, и этот факт подтверждается современниками. Червец применялся для производства красных красок, которыми могли окрашивать ткани или писать объявления о розыске. Последняя традиция сохранялась до распада империи, считалось, что красный цвет более остальных привлекает внимание и позволяет эффективнее информировать население о преступниках. Книга О. К. Каменецкого «*Наставление, каким образом поступать должно с больными там, где нет лекарей...*» (1813) также имела прикладное значение и среди прочих распространялась медицинским департаментом МВД. В городе функционировала всего одна больница, лечение в ней было платным, и не каждый мог себе позволить качественное медицинское обслуживание. Учитывая свирепствовавшие эпидемии, знание элементарных азов медицинской помощи культивировалось государством.

В распоряжении полиции кроме солидной по тем временам для небольшого города библиотеки имелось три плана — города Верхнеудинска, городской больницы и присутственных мест.

Вопрос о содержании архива в Верхнеудинске в целом редко поднимался в XVIII в., но уже с начала XIX в. при вступлении в должность городничие интересовались положением и содержанием архива в городе. Городничий Гоствило Карпилович рапортовал в губернское правление о том, что не может принять в ведение архив (документы последних 7 лет), так как он не приведен в надлежащий порядок[1]. В течение первого десятилетия XIX в. предпринимались попытки организовать рекомендуемое хранение архива в городе. В 1813 г. надворные советники Горлов и Бельский, проверив присутственные учреждения Верхнеудинска, выявили соответствующее узаконениям делопроизводство во всех городских административных учреждениях, кроме архива. Причиной пристального внимания к архивам стал указ Иркутского губернского правительства от 15 ноября 1813 г.[2], где подтверждалась необходимость немедленного приведения уездных архивов в надлежащий вид. Для исполнения предписания губернское правление откомандировало особого чиновника — коллежского регистратора К. Решетникова, который приходился сыном действующему городничему П. Е. Решетникову. Ему поручалось осуществить отбор и создать описи хранящихся дел[3]. По окончании работы он рапортовал об отработанных при городской полиции архивных делах с 1765 по 1807 г. (за 43 года) — 1 897 дел[4] общим объемом 218 423 листа.

Большинство обработанных документов продолжали храниться в присутствиях, где были получены или подготовлены. Единый архив в этот период так и не был создан. К архивным материалам обращались в случае необходимости изыскания ранних сведений или прецедентов. Так, архив пригодился при

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 7. Л. 8.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 190. Л. 1–2.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 190. Л. 12.

[4] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 190. Л. 29–29 об.

споре о подчинении полиции при создании Удинской провинции. Комендант И. А. Аппелегреин сообщал, что «*здешная Удинская комендантская канцелярия... почитая и наводя справки...*»[1], исследовала вопрос и пришла к определенным соображениям. Собственно, все основные аргументы по требованиям воеводы почерпнуты из документов предыдущих лет, созданных при коменданте Мертвецове. Он многократно цитирует извлечения из указов и инструкций, которые направлялись предыдущему градоначальнику от имени губернского правления. Использовать внутреннюю библиотеку и архив в разборе различных дел и сложных ситуаций могли не только комендант и его службы, но и другие присутствия. Так, земский комиссар, коллежский асессор Левен сообщал коменданту С. А. Константинову о крайней необходимости Верхнеудинского нижнего земского суда, который он возглавлял, законодательных актов о моровой язве и скотском падеже. Левен просил отыскать и доставить данные документы и даже предположил, что таковые могут храниться только при полиции или в архиве[2]. И действительно, в описи книг при полиции они имелись.

Учреждения городской полиции, как и другие бюрократические органы, ведя активное делопроизводство, принимали, перерабатывали и создавали значительный массив документов, начиная с середины 70-х гг. XVIII в. Отмечались случаи, когда принятые к исполнению документы с помарками и приписками вызывали недоумение при исполнении приговоров суда, как в деле с секретарем Грановитой палаты[3], который был признан виновным в самовольных приписках. Подобные случаи специальных и ненамеренных описок имели место и в Сибири. Иркутское губернское правление оповещало о необходимости заполнять документы на заседаниях полиции с перечислением присутствовавших и указанием причин отсутствия. Отчасти это была попытка установить ответственных лиц за принимаемые на заседаниях решения и дисциплинировать администрацию. Все поступающие и исходящие документы, как и ранее, внимательно фиксировались канцелярией. Составлялись развернутые отчеты о текущем делопроизводстве[4]: документы, по каким вопросам, сколько и откуда присланы, количество опубликованных для сведения указов, решенных и нерешенных дел.

Окружение полицейских служащих кроме канцелярии и комплекса властных учреждений города составляло и пожароохранное ведомство, которое они курировали. Имеются сведения о составе пожарного инвентаря, находившегося на балансе. Вопрос размещения этих предметов отдельный. В документах нередко встречается упоминание о специальном сарае, очевидно, не самого надлежащего качества и тем более не отапливаемого. Ведомость фиксирует в 1807 г. следующий список: машина заливная (насос) большая, медная, под холщовым чехлом, к ней же два железных ключа для технического обслуживания; два рукава, один с медным наконечником, к нему железный шомпол; затем три багра, два ухвата, тринадцать вёдер, четыре войлочных щита и четыре

[1] ГАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 144. Л. 17–18.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 735. Л. 2–3.

[4] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

веревки разной длины и качества[1]. Столь небогатый и нехитрый инвентарь количественно не мог обеспечить сколько-нибудь серьезное противопожарное обеспечение города, притом что жители во дворах хранили простейшие инструменты для тушения (багры, швабры и ведра). В зимнее время инвентарь находился в промерзшем сарае и редко ремонтировался. В качестве пожарного транспорта использовались две относительно новые и две старые телеги (рис. 9), тягловой силой служили четыре лошади, находившиеся в распоряжении квартирмейстера, которые задействовались для полицейских целей и не всегда находились в доступе в случае пожара. Содержание пожарной части обходилось недешево. Для одного Верхнеудинска в 1815 г. на приобретение и ремонт инвентаря требовалось 3 349 руб.[2] Хуже всего дело обстояло с теми инструментами, что требовали систематического ухода, — кожаными рукавами для насоса. В списке средств для «*мазни рукавов машинных*», что предотвращало их высыхание и протечки, числились: нефть (2 ф.), свиное сало (10 ф.), скипидар (3 ф.), нерпичий и рыбий жир (по 5 ф.), конопляное масло (3 ф.), мыло (3 ф.) и деготь (1 ведро)[3]. Большинство из указанного, вероятно, приобреталось в регионе: имелись салотоплетные и мыльные производства, конопля высевалась на полях, жир добывался на Байкале, деготь производился из березовой коры, скипидар — из сосновых смол. Предметом завоза из западных областей, пожалуй, служила только нефть. Стоимость указанного списка оценивалась в 65 руб. — немалая сумма для одного лишь поддержания рукавов в рабочем состоянии.

Отдельный вопрос — профессионализм пожарных. Специальной команды в Верхнеудинске и других городах Забайкалья еще не существовало, поэтому специализироваться должны были жители городов. Назначение ответственных выглядело следующим образом: основных действующих пожарных предполагалось назначить 14 человек: 2 — для подвоза воды в бочках, 2 — для закачивания воды насосом, 1 — к заборному рукаву, 1 — к брызгалке, 8 — к прочему инвентарю. Еще 55 человек по плану должны действовать баграми, носить ведрами воду и перемещать заборный рукав. Так же, как многие другие инициативы, касающиеся пожарной охраны, эти остались нереализованными, несмотря на систематические угрозы пожаров и штрафы местному обществу.

Продолжая характеристику внешнего вида предметной и архитектурной составляющей системы безопасности г. Верхнеудинска, нельзя не привести краткое описание нового тюремного острога, перестроенного в 1846 г. из ремесленного дома, так как старая крепость к этому времени была срыта. Верхнеудинский тюремный острог[4] состоял из двух зданий, первое деревянное двухэтажное с двумя флигелями. На нижнем этаже располагалось 4 арестантских помещения и караульная, на верхнем — помимо караульной еще 5 помещений, в одном из которых, вместимостью до 30 человек, содержались двое

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 7. Л. 10об.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 140. Л. 5–6.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 140. Л. 3об–4.

[4] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Л. 9. Л. 150–151.

прикованных к стене арестантов, еще в двух — пересыльные арестанты и еще в двух — приговоренные к конкретным срокам.

Во флигеле располагалась кухня с очагом для надзирателей, во втором флигеле — кладовая для припасов и одежды. Второе строение состояло из двух корпусов; первоначально по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири оно было передано под размещение инвалидной команды, а после ее перевода в Нерчинск в корпусах поселились 11 семейств нижних чинов квартирующей здесь 1-й роты линейного сибирского батальона №13. Внутри двора острога располагался одноэтажный деревянный флигель с 5 камерами предварительного заключения и кухней. Содержание тюрьмы, кроме казенной субсидии на отопление и освещение, ложилось на город. Само здание планировалось перестроить, достроить военную кордегардию[1] и баню.

Некоторое представление о предметной среде острога дают отчетные сведения о приобретении материалов для ремонта, а также вещей для обеспечения быта сидельцев. Всего городничее управление приобрело несколько видов[2] товаров, которые можно сгруппировать по следующим наименованиям:

Запасы для ремонта: *мох для* [конопачения]*стен в замке и кухне (10 возов); замазка для 49 тюремных рам; известь на обеление печей (20 пудов)*.

Транспорт: телега и сани для вывоза мусора в летнее и зимнее время (2).

Кухонная утварь: *бак или чаша для пищи (8); хлебная лопата (2); бочонок для воды (7); ведро (8); ковш железный (9); решето для сеяния муки (1); ложка деревянная (100)*.

Санитарная утварь: *ушат (10); шайка (8)*[3]*; черпак* [отличие от ковша — наличие длинной ручки] *для воды и параш (2); корыто для стирки белья (1)*.

Инструменты: *лом (1); кочерга железная (5); пешня железная (1); нож железный (2); топор (2); фонарь (4); замок железный (13); щипцы железные (4); лопата деревянная (10)*.

Этот инвентарь лишь дополняет некоторые представления о бытовой жизни острога, это список только новоприобретенных товаров. Большая их часть — товары ежедневной необходимости и сезонного ремонта. Кроме того, тюрьма сама по себе — лишь элемент организации системы безопасности, призванный изолировать опасные элементы.

Выстроенная система городской безопасности азиатских окраин империи в первые два десятилетия XIX в. существовала на общих основаниях с небольшими корректировками. Она реализовывала свои задачи в лице городской полиции, которой продолжало содействовать гражданское общество и другие службы: исполнения наказаний, пожарная охрана и т. д. В целом предметная среда, окружающая полицейского служащего, релевантная аналогичной в уездных городах того времени. Незначительно богаче обставлялись присутствия губернских городов, таких, как Иркутск или Томск, хотя они имели куда более солидную историю развития и высокий статус. При этом надо сказать, что

[1] Вид фортификационного сооружения, помещение для охраны въездных ворот.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1327. Л. 6–6об.

[3] Ушат и шайка — емкости для воды, как правило использовались для умывания, учитывая, что в остроге не было бани.

в целом минимально необходимый набор предметов в распоряжении полиции имелся, даже более того, она была обеспечена нужными законодательными источниками и целым архивом, которые позволяли ей исполнять свои обязанности на удовлетворительном уровне.

Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих

Говоря о проблемах безопасности, очень важно видеть за непосредственной реализацией полномочий не только институты, но и конкретных людей в контексте их биографий. В этом смысле живой интерес представляют личности руководителей полиции на местах, прославленных в русской литературе не самым приятным образом, — городничих.

Верхнеудинск на протяжении первой половины XIX в. сохраняет свои ведущие позиции среди других забайкальских городов как один из самых крупных, но не только это вынуждает нас использовать его как основную иллюстрацию. Из всех забайкальских городов здесь институт городничих просуществовал дольше всех, что повлияло и на лучшую сохранность документов. Городничее правление Верхнеудинска, совмещенное с комендантским, начало осуществлять свою деятельность с 1784 г., после упразднения Удинской провинциальной канцелярии. С прибытием 18 июня 1800 г. надворного советника И. А. Сеннова[1] в городе начал действовать отдельный, самостоятельный институт городничих, существовавший вплоть до его упразднения в 1867 г. На сегодняшний день известны имена большинства городничих Верхнеудинска, пребывавших на должности с 1800 до 1864 г. (табл. 8).

Основным наиболее, а порой и единственно, достоверным источником сведений о личностях городничих повсеместно являются формулярные (послужные) списки [188, с. 37–38]. Начиная с середины XVIII в. этот вид документов являлся формой учета всех служащих империи [170, с. 36]. Систематическое ведение и отсылка формулярных списков вышестоящему начальству начались с 1764 г., одновременно с появлением пенсионного обеспечения государственных служащих [56, с. 37]. Власть считала важным тщательное их, формуляров, составление, о чем говорят многочисленные предписания, которые имели скорее характер напоминаний. Формулярные списки городничих, полицмейстеров, уездных начальников, окружных исправников велись с наибольшим числом подробностей, ведь дослужившиеся до определенного звания имели право на получение личного дворянства. Аналогичные документы канцелярских служащих и квартальных надзирателей существенно короче.

Городничие Верхнеудинска к моменту назначения на должность в большинстве находились уже в почтенном, с учетом продолжительности жизни того времени, можно сказать, в пожилом возрасте, между 47 и 54 годами. В то же время их европейские коллеги были значительно моложе — 37 и 47 лет [170, с. 38]. Самым пожилым на должности стал И. А. Сеннов, назначенный

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3313. Л. 12.

в возрасте 60 лет, а самыми молодыми — 36-летний Ф. В. Куркин и 41-летний А. Г. Элин. Возраст отставки от должности существенно разнится, что говорит о вариативности сценариев. Чаще всего отставка означала продолжение карьеры в другом городе или на другой должности. Разумеется, для некоторых должность становилась последней перед пенсией или смертью; так, 4 из 9 градоначальников к своей отставке в возрасте от 61 до 68 лет больше на другие должности не назначались.

Происхождение городничих на окраинах империи имело отличие от такового в крупных и уездных городах Центральной России, где они чаще были потомственными дворянами [173, с. 602], чем представителями каких-то иных слоев. Из известной нам сословной принадлежности девяти верхнеудинских городничих потомственное дворянское происхождение имел только один. Остальные исходили преимущественно из военно-служилого слоя (обер-офицерские (3), старшинские, казачьи (2), солдатские (1) сыновья). Закрытость дворянского сословия, как указывалось ранее, начиная с Петра I, не была абсолютной. Обер-офицерское звание на военной или гражданской службе позволяло получить потомственное дворянство, правда только если оно не присваивалось при выходе в отставку. Статус «*обер-офицерские дети*» имели рожденные до получения их отцами (не дворянами) дворянского достоинства, статус «старшинский сын» указывает на потомственное казачье происхождение, само звание старшины в XVIII в. не давало прав дворянства [229, с. 70]. Старшины — это в основном представители выделившейся из казачьего общества верхушки.

Только один из рассматриваемых нами городничих происходил из городского сословия, был купеческим сыном. Примечательно указание на одного из городничих, К. Д. Ильина — «*сын городового секретаря*». Многообразие статусов по происхождению — не что иное, как желание наиболее точно передать социальное положение родителя [188, с. 32–34]. Происхождение большинства городничих из военно-служилого сословия является логичным следствием превалирования этой группы в Сибири. Особенностью является и тот факт, что многие городничие не только не являлись дворянами, но даже и не все из них — отпрыски обер-офицерских детей. Это подтверждает известный тезис о возможности быстрого продвижения по службе на окраинах империи и в то же время указывает на ограниченную численность дворян в регионе.

В формуляры очень подробно заносились сведения о заслугах совершенно разного свойства. Для примера остановимся на заслугах, перечисленных в формуляре уже упомянутого П. А. Измайлова: *«... 1 апреля 1792 г. определен в Алекминской земский суд комиссаром, где находясь собрал доимки 2 000 рублей и 1798 года с 12-го мая по 29 число препровождал следующий в Камчатку полк на 900-верстное расстояние, за что дана ему бывшим Иркутским губернским правлением похвала ... декабре 1799 г. из Алекминска переведен в Верхнеудинский земский суд комиссаром, где в бытность свою собрал доимки в 1797 году 20 375 рублей. Склонил по ордеру г-на губернатора и кавалера Лецано 18 родов братских старшин к выгодным для казны продажам скота для вновь водворенных за Байкалом поселенцев и других к пожертвованию своею собственностью, что принято было начальством в уважение...*

Таблица 8

Таблица 8

Общие сведения о городничих г. Верхнеудинска

ФИО	Чин	Время назначения и сдачи должности	Происхождение	Возраст на момент вступления, лет[1]
Иван Алексеевич Сеннов	Надворный советник, VII кл.	5 июня 1800 — март 1806 г.	Обер-офицерский сын	60
Первушин	Титулярный советник, подпоручик	6 июня 1806 — 4 июля 1807 г.		
Гоствило Карпилович	Титулярный советник	4 июля 1807 — 1808 г.		
Петр Егорович Решетников	Титулярный советник	29 августа 1808 — 13 июля 1814 г.	Старшинский сын	около 50
Петр Алексеевич Измайлов	Коллежский асессор	26 июня 1814 — 11 января 1821 г.	Казачий сын	54
Иван Дмитриевич Татаринов	Капитан	17 декабря 1820 — 1823 г.	Дворянин	47
Андрей Гаврилович Элин	Майор	14 июня 1823 — 1825 г.	Солдатский сын	41
Григорий Сергеевич Юдин	Подполковник при вступлении на должность, затем надворный советник	3 марта 1825 — 1845 г.	Обер-офицерский сын	48
Ксенофонт Дмитриевич Ильин	Надворный советник	24 августа 1845 — 1853 г.	Сын городового секретаря	55
Андрей Матвеевич Плотников	Надворный советник	30 января 1853 — 1855 г.	Купеческий сын	51
Фауст Васильевич Куркин	Титулярный советник	25 января 1862 — 12 марта 1864 г.	Обер-офицерский сын	36

[1] Возраст вступления на должность и отставки в отдельных случаях допускает погрешность в 1 год +/— к указанному возрасту.

Возраст на момент отставки, лет	**Семейное положение / дети**	**Имущественное положение**	**Участие в боевых действиях**	**Награды на момент назначения**	**Судимость**
66	Женат / дочь	Двое дворовых	Участник подавления Пугачевского бунта	Орден Св. Георгия 4-го кл.	
56	Вдовец / двое сыновей		Нет		Судим
61	Нет	Дворовые имелись	Нет		Нет
50	Женат вторым браком / детей нет	Нет	Участник Русско-Шведской войны 1808–1809 гг.		Нет
43	Женат / детей нет	Нет	Участник Отечественной войны	Орден Св. Анны 4-й ст.	Нет
68	Женат / две дочери	Имеет собственный дом, 4 дворовых, у жены еще один ребенок	Нет	Орден Св. Владимира 4-й ст.	Нет
63	Вдовец / дочь	Дом в г. Иркутске, принадлежавший жене	Нет	Орден Св. Владимира 4-й ст.	Нет
53	Женат / двое сыновей и дочь	Нет	Нет		Нет
38	Женат / двое сыновей	Нет	Нет	Орден Св. Станислава 3-й ст.	Нет

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345. Л. 7об.–12 ; Оп. 6 . Д. 326. Л. 11об.–12 ; Там же. Оп. 7. Д. 85. Л. 4об.–8 ; Там же. Оп. 9. Д. 1. Л. 1об.–2, 11об.–12 ; Там же. Д. 27. Л. 1об.-8об. ; Там же. Д. 31. Л. 1об.–2об. ; Там же. Д. 32а. Л. 17–18 ; Там же. Д. 157. Л. 73–88 ; Там же. Д. 160. Л. 12об.–36 ; Ф. 90. Оп. 1. Д. 321. Л. 2об.–12, 14об.–15 ; ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 239. Л. 32–44; Там же. Д. 5957. Л. 1–25.

С 15 числа августа 1801 года по 24 декабря 1802 года находился при г-не действительном статском советнике Лабе у поверки присланных за Байкал поселенцев, доставе об оных верной отчет. Употреблен был к склонению 11 родов бурятов к хлебопашеству, в чем довольно успевши. Получил от г-на действительного статского советника и кавалера Лабы благодарность, засвидетельствованную его письмом ... 1803 года марта 8-го числа, по ордеру военного губернатора и кавалера Лебедева в исполнение ЕИВ указа командирован с полковником Иркутского гарнизонного полка Налабардиным от Кяхты в западную сторону для почести с российской стороны проезжающему со стороны китайской по границе китайскому Жунэжу Навану Доирсын [слаборазборчиво] *Жиндинского караула. Когда Ван отозван был в китайскую столицу, то сия поездка осталась до сентября, а он командирован по особому предписанию того ж г-на Лебедева в восточную сторону по границе, где разведывание* [проводил] *о движении китайского государства до реки Амура. Что и исполнил, доставив в пограничную канцелярию описание всех нужных по границе урочищ, местоположений удобных и неудобных к хлебопашеству мест и о соседственных караулах, в каких они урочищах, в каком расстоянии от российских, какими людьми и каким числом содержатся. Исполнив при том другие поручения касательно внутренних частей пограничных караулов и возвращаясь с Амура в Троицкосавскую крепость 23 августа, успел быть с г-м Налабардиным в почести Мунгальского Вана сентября 3 числа до Харацайской крепости...*»[1]. Учитывая, что приведенный отрывок составляет не более четверти общего описания, можно представить, как бережно чиновники относились к накоплению подобных записей, что не удивительно, так как возможность получить статус дворянина зависела нередко от суммы всех накопленных заслуг.

Довольно пестрым является набор чинов и званий городничих на момент назначения. Большинство их (6 из 9) уже имели опыт службы в должности городничих, комендантов или земских исправников. Не учтенные здесь И. Д. Татаринов и А. Г. Элин определялись «*к поправке дел при городничем правлении*», то есть временно. О них известны лишь звания: капитан и майор соответственно. Остальные 9 находились в чинах надворных (4) и титулярных (4) советников и коллежского асессора (1). Ко времени окончания срока своих полномочий, большинство имели чин надворных советников (примечательно, что пожалованные им сразу получали потомственное дворянство, после 1856 г. только личное).

Интересен вопрос об их имущественном положении. Из имеющихся сведений о 8 городничих только у одного — Г. С. Юдина, занимавшего должность в течение 20 лет, имелся в городе собственный дом. Он же оказался самым крупным «*душевладельцем*», вместе с женой у них было пять дворовых людей. Городничий К. Д. Ильин владел деревянным домом в Иркутске, принадлежавшим его умершей жене. Еще двое городничих имели по 1–2 дворовым. У прежнего коменданта Верхнеудинска И. А. Аппелегреина ко времени его смерти имелось как минимум 2–3 дворовых, которые, к слову, получили «*вольную*» по его завещанию. Таким образом, городничие не располагали каким-либо существенным имуществом, несмотря на их явно привилегированное

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 27. Л. 1–7.

положение. Это лишний раз подтверждает, что честная служба городничего не могла обогатить. После службы городничий мог рассчитывать на пенсионное содержание от государства, что вполне соотносится со сведениями из западных областей.

Сложен вопрос географии происхождения городничих. Прямого ответа в формулярах нет, но можно предположить таковое по месту вступления в службу. У большинства, но не у всех местом вступления обозначены военные или гражданские институты Иркутской губернии. Поэтому можем считать их скорее местными, чем командированными, в отличие от представителей высшего губернаторского звена.

Городничие предпочитали обзаводиться семьями, 6 из 9 были женаты. Только один, предполагаем, оставался холост, еще двое — вдовцы. В женах градоначальников чаще всего оказывались дочери военных или чиновников и, как правило, младше мужей. В их семьях рождалось мало детей, 1–2, реже 3, что не соотносится с семейственностью их западнорусских коллег, в семьях которых насчитывалось 5–7 детей. Можно предположить, что необремененность детьми и есть причина занятия должностей так далеко на окраинах, но, как мы выяснили, большинство из них были местными. Двое из шести женатых городничих совсем не имели детей. Было ли причиной нестабильное экономическое положение, низкий уровень медицины или климат, сказать сложно, скорее всего, причиной были поздние в военной среде браки. Часть градоначальников обзаводились детьми после 30 лет, и чем позднее, тем меньше детей у них было. Например, у городничего Юдина (51 г.) росли две дочери — 15 лет и 9 месяцев; у Решетникова (61 г.) два сына — 29 лет (женат, бездетен) и 44 лет (холост); у Сеннова (64 г.) — дочь 18 лет; у Ильина (61 г.) — незамужняя дочь 30 лет; у Плотникова (53 г.) — дочь 30 лет (замужем), сыновья 25 и 20 лет. Не исключаются и особенности семейного планирования. Если даже поверхностно сравнить состав семей канцелярских служителей при полиции, выходцев из гражданских, и тех же квартальных и частных приставов из военных, то канцеляристы оказывались куда более плодовиты. В семьях канцелярских служителей чаще насчитывалось от 3 до 7 детей, а у квартальных и частных приставов это скорее редчайшее исключение, в основном 1–2 ребенка. Можем обоснованно предположить, что причина малодетности лежала именно в особенностях и условиях воинской службы.

Только треть городничих (3 из 9) были участниками войн: русско-шведской, австро-русской (Австрийский поход русской армии) и отечественной. Коллеги же их из центральных регионов России, напротив, в большинстве боевые офицеры с ранениями. Капитан И. Д. Татаринов — участник битв в Швеции, во взятии городов Борго, Гельсингфорс, Аландских островов, осаде крепости Свеаборг (1808–1809); майор А. Г. Элин — в Западной Галиции против австрийских войск (1809), а затем в боях на территории Российской империи, ранен при обороне г. Смоленска (1812); городничий И. А. Сеннов не был задействован в зарубежных походах, но принимал участие в подавлении Пугачевского бунта, именовавшегося в документах как «*внутреннее замешательство*» (1773–1774).

Интересны сведения о наградах, особенно орденах, Российской империи. Их важность заключалась не только в моральном значении признания заслуг и трудов. Они играли исключительную роль в жизни любого чиновника или офицера и могли способствовать изменению социального или материального (например, прибавка к пенсиону) статуса. 5 из 9 городничих Верхнеудинска на момент назначения уже имели ордена, правда их позиции в наградной иерархии невысокие — 4-й, реже 3-й степени и рассчитывались на чиновников, отличившихся в «*беспорочной службе*» и т. д.: ордена Святых Владимира, Анны, Станислава.

Губернское управление старалось не представлять к высшим управленческим должностям людей, ранее судимых. Только один городничий — П. Е. Решетников на момент назначения судим, притом неоднократно. Отчасти в этом повинен был его сложный характер, о чем свидетельствует большинство дел, касавшихся его взаимоотношений с различными чиновниками. Имели место и серьезные его провинности, связанные с нарушением конкретных функций («*оставление дела без производства*» или принятие ложного доноса) и халатностью, приведшей к случайной гибели человека. Последнее обвинение имело последствия для его дальнейшей службы: переведенный в должность городничего г. Троицкосавска он отставлен от должности из-за недосмотра за порядком добычи глины, что привело к гибели крестьянки.

Как и на всех прочих чиновников, на городничих поступали жалобы и анонимные доносы. Так, на городничего П.А. Измайлова и частного пристава Икингрина во время деятельности комиссии Сперанского по выяснению злоупотреблений чиновников (1819) поступали жалобы, но при их рассмотрении ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано [209, с. 139]. Однако ко времени завершения рассмотрения этих вопросов в 1822 г. Измайлов уже вышел в отставку и получал пенсию. Пристав Икингрин еще в 1800-е гг. обвинялся Иркутским уголовным судом в якобы требовании у баргузинской мещанки двух соболей и меха тарбагана, но решением палаты оправдан и служил до 1824 г., когда сам подал в отставку по болезни.

Формуляры представляют собой важнейший источник с большим информационным потенциалом, содержащим в том числе и значимые социальные сведения о чиновниках, дающие некоторые представления о высшем чиновничестве уездного уровня. Исходя из полученных сведений, типичный чиновник, назначенный на должность верхнеудинского городничего, — это мужчина в возрасте около 50 лет, прошедший многочисленные переназначения по службе и обладавший значительным опытом управленца. Как правило, военный, за редким исключением, принимавший участие в боевых действиях, по социальному происхождению — выходец из военно-служилого сословия. Такой чиновник успевал дослужиться до чина надворного советника, позволявшего получить дворянские привилегии. Чаще всего он не имел недвижимой собственности, но владел 1–3 дворовыми людьми и поэтому жил на жалование. Почти всегда женат, но обзаводился малым количеством детей, в чем, с большой вероятностью, повинна его воинская служба. Верхнеудинские городничие в основном были законопослушны, но встречались и нарушители закона, и

штрафники. Учитывая обстоятельства службы в Сибири, высшее начальство даже в таких случаях предпочитало оставлять их на службе. Таким образом, характерный портрет полицейских чиновников — городничих окраин Российской империи имеет определенные отличия от аналогичного портрета западноевропейских коллег, что свидетельствует об ином характере комплектования кадрами сибирского управленческого аппарата и условий их службы.

Борьба церкви и полиции с альтернативными религиозными течениями

Православные нормы являлись важнейшим, цементирующим элементом имперской идеологии, главным образом направленным на сохранение самодержавия. Став государственным институтом, РПЦ одновременно стала объектом защиты власти. «Нравственная» жизнь общества, основанная на христианской морали, была основной целью имперской идеологии, потому как нацеливала людей на тяжелый труд, отказ от пьянства, праздного времяпрепровождения, развратной жизни, а главное — на верное служение самодержцу и системе его власти. Отход от православных идеалов являлся одним из преступлений, которые наказывались властью.

В течение рассматриваемого времени функции полиции по надзору за неблагонадежными и представителями других конфессий не только сохранились, но и значительно возросли. Если в отношении старообрядцев, компактно проживавших на территории окраин, надзор осуществлялся для того, чтобы не допустить распространения вероучения и пополнения их рядов православными, то деятельность остальных альтернативных течений не допускалась в принципе. По той же причине розыск представителей многочисленных христианских сект затруднялся, так как большая часть представителей сект старались не выдавать себя и действовали тайно.

Вопрос распространенности и численности альтернативных религиозных течений на территории Сибири XIX–XX вв. продолжает оставаться открытым в науке. Отдельные немногочисленные сообщества, неравномерно разбросанные почти по всей заселенной территории региона, время от времени обнаруживались. Согласно официальным данным «*Всеподданнейшего отчета военного губернатора Забайкальской области*» за 1877 г., в ней насчитывалось 26 154 старообрядца, в том числе 24 921 «*поповец*» и 1 233 «*беспоповца*», 10 духоборов (5 муж. и 5 жен.) и 3 скопца[1]. В 1883 г. духоборы и молокане совместно не превышали 22 человек (19 муж. и 3 жен.)[2]. Составлявшие ведомость из-за малого количества исчисляемых даже не утруждали себя указывать, к какому течению те принадлежат. Конечно, считать это исчерпывающими данными нельзя: для сравнения, в 1879 г. в Иркутской губернии одних *«субботников»* насчитывалось свыше 600 человек [153, с. 135], не считая всех остальных. В одном селе

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 731. Л. 12.

[2] ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 785. Л. 34об-35.

Знаменское Иркутской губернии в 30-е гг. XIX в. насчитывалось 187 субботников[1]. Представители различных сект чаще проживали компактно, хотя те же скопцы нередко занимались коммерцией и переезжали с места на место.

Отношение местного населения к сектантам, при максимально широких каналах распространения официальной пропаганды христианских ценностей и нетерпимости к иноверцам, напротив, отмечаем как терпимое. Так, в своем сообщении священник писал, что проживавшие в Знаменском селении *«взрослые девицы и женщины, имея сообщение с субботниками и бывая, вероятно, у них на обрядах сами, в играх 16 и 22 мая 1844 года употребляли свадебный субботнический обряд»*, так же как достаточно толерантное отношение к ним представителей иных вероисповеданий (христиан, иудеев, ламаистов) из окрестных населенных пунктов неоднократно отмечали в рапортах полицейские и священники других местностей.

Русская история, как и европейская, отмечена значительным числом ответвлений от традиционной христианской религии и одним из самых примечательных была секта скопцов. *«Белые голуби»*, как они сами себя именовали, представляли собой тайную и сплоченную общность с собственной обрядностью и догматами. Данное направление нетрадиционного христианства оценивается в литературе как изуверское, ведь последователи скопцов подвергали себя процедуре кастрации. Посредством такой практики адепты стремились обрести чистоту и приблизиться к богу. Скопческая секта вполне успешно существовала не только в европейской части России, но и в отдаленных областях Сибири. Явное отношение к проповеди ереси имели торговцы и ссыльные. Как известно из трудов по истории зарождения и распространения скопчества в России, торговля — одно из наиболее популярных занятий среди скопцов, поскольку позволяло передвигаться на значительные расстояния, а значит и пропагандировать свои идеи.

Сведения о обнаруженной на территории Иркутской губернии секте скопцов впервые встречаются в рапорте священников Николаевской церкви с. Голуметь Е. Амвросова и М. Копылова от 3 октября 1848 г. на имя благочинного Сретенской церкви (с. Бельск). В своем донесении священники сообщали что, находясь на службе в приходе Голуметь, имели возможность длительное время наблюдать за подозреваемыми в ереси. Выяснение истоков секты интересовало церковные власти больше, как ни странно, чем собственно ее существование. Священники и в целом церковное начальство считали, что, пресекая именно источник ереси, они смогут искоренить само движение. Это убеждение происходило из того, что рядовые члены секты считались совращенными. Возможность последователей искренне верить не допускалась. Существование подпольного движения в с. Голуметь, по мнению священников, могло иметь два источника. Первый подразумевал вербовку в секту уже почти десятилетие назад крестьянином с. Мальта В. Илемниковым, прибывшим в Голуметь по торговым делам. Второй связан с именем поселенческого крестьянина В. Агафонова, который сознался в оскоплении 15 лет назад (медицинских доказательств этому факту не получено) и, по мнению священников, начал совращать

[1] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3892. Л. 2.

«...скопческим духом простосердечных, не опытных и не утвержденных в истинном христианстве...».Некоторые, поверив ему, *«блуждают в ложном учении: не хотят считать никакого человека ближним себе, во-вторых отметают брак и законное супружество и презирают священничество...»,* собираются еженедельно по субботам в назначенных домах всегда ночью, опасаясь быть застигнутыми, где проводят тайные беседы, песнопения и моления по скопческому обряду.

Дело об обнаружении секты в этой местности заведено еще в 1832 г.[1], тогда же состоялись и первые допросы подозреваемых в ереси. Сразу выявлено 17 человек, 15-ю годами позднее (1848 г.) на учете их осталось только 10, что стало с остальными, материалы дела умалчивают. Священники отметили, что все эти крестьяне воздерживаются от мясной пищи, но «*особых добродетелей к окружающим у них не отмечается*». В секту входят мужчины и женщины разных возрастов из небогатых слоев населения. Имеет смысл привести некоторые пространные выдержки из их показаний. Среди подозреваемых в ереси почти 50% женщины (приложение 1), из которых половина — девушки добрачного возраста, в том числе 13–14 лет. Можно заподозрить, что большинство женщин обращены в секту не по искренним убеждениям, а по настоянию отцов и мужей. Правда, именно женщины, особенно молодые, оказывали наиболее жесткое сопротивление посягательству на их веру со стороны православного священничества.

Первоначально скопцы были больше мужской сектой, но впоследствии, ощутив возможность найти опору и в женской среде, разработали церемониал, предполагавший женский вариант оскопления. Материалы дела представляют медицинские аспекты проведенного действа: «*Крестьянская дочь Авдотья* [в других материалах Евдокия] *Игнатьева, 24 года. Неграмотная, у исповеди была в прошлом году. До 11 лет жила при отце и матери, пришедших на поселение из России за преступление. После смерти отца мать вступила в духоборческую секту, совращала дочь и била ее за невступление, но видя сопротивление отдала ее в услужение винокуренного завода пропитанному Докукину*». Последний, являясь фактическим работодателем Авдотьи, у которого она исполняла работы по дому, убедил на оскопление «*...чтобы спастись*». Воспользовавшись ее молодостью, внушаемостью и отъездом своей супруги «*...он сделал ей оскопление — отрезал груди, отчего она пришла в беспамятство. На обеих руках он ей поставил два знака круглыми... величиной с медную монету пятикопеечную. По оскоплению ее он привязывал к груди и рукам ее коровье сало, что продолжалось 12 дней, напоследок она почувствовала облегчение и занималась домашними работами*». Прожив у Докукина 4 года, Авдотья перешла в работу к другому крестьянину, которому не сообщала о своем оскоплении. Вместе с тем умолчала и об исполнении каких-либо ритуальных действий в соответствии со своей новой верой.

Некоторые женщины, находившиеся в секте, вполне состоялись в семейном плане: «*Домникия Голубева, 44 года, крестьянская жена. В церковь ходит, грамоты не знает, замужем, двое детей. С давнего времени чувствует она в нутре своем боль и 7 лет назад оставила мясную пищу. Кою она теперь употребляет, кроме скотского мяса; и с того времени не имеет никаких с мужем*

[1] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3892. Л. 2.

своим сообщений [имеются в виду интимные отношения]. *Отношение к секте отрицает, общения с мужем не имеет не из-за секты, хоть с ними* [представителями секты] *и общается, но не оскоплена, полноты в грудях не имеет из-за худобы, а знаки на руках были случайные ожоги*». Вероятно, Домникию могли бы не заподозрить в отношении к секте, если бы не свидетельства повивальных бабок, которые донесли о выжженных у нее знаках, характерных для скопцов, и «*неимении полноты в грудях*». Поскольку медицинского освидетельствования не проведено, подозрение таковым и осталось. Заподозренные в принадлежности к секте лица отметали любые домыслы, признавая лишь те, что стали достоверно известными.

Идеологически секта больше ориентировалась на мужскую аудиторию. В качестве основной идеи оскопления выступало желание сохранить христианскую чистоту и «*удерживать себя от блуда*». Наиболее опытными в духовных вопросах секты и, очевидно, проводниками скопческой веры, конечно, являлись старые мужи, не всегда даже являвшиеся отцами семейств: «*Василий Агафонов, 62 года, неграмотный, на исповеди ежегодно, холост... 14 лет назад, будучи никогда не женат и имея общения с женским полом, решился отрезать сам себе детородные уды, что исполнил имевшимся у него перочинным ножом без всякого к тому склонения от кого-либо, а принял в основание Евангелие 19 главы 12 статьи — где сказано, что есть скопцы, сами оскопившие себя ради царства небесного. О том оскоплении никто не знал. Сам он пошел в услужение к торговцу, при разъездах познакомился со скопцом Филиповым. Но никого не совращал в секту*». Все совершавшие оскопление отрицали свою причастность к секте, однако их выдавало знакомство и близкое общение с другими скопцами. Нередко наиболее подкованные в идейном плане представители секты ссылались, как и в данном случае, на признанные русской православной церковью тексты, обосновывая свое поведение.

Среди заподозренных в ереси не только русские крестьяне: «*Ясашный Козьма Попов, 46 лет, грамотный, церковь посещает, женат, двое детей. Решился на оскопление в ссылке, как и хозяин его Семен Васильев, который убедил его, что оскопление позволит... воздержаться от всех слабостей. Будучи на заимке с хозяином своим, который острым ножом вырезал у него нижнюю часть тайного уда, а потом производил лечение привязанием неизвестных ему пластырей, что продолжалось в течение 10 дней, после чего было облегчение. Через полгода вернулся домой, где живет с женой и детьми, занимается скотоводством. Жена его доселя не знала об оскоплении его, а когда спрашивала почему он удаляется от нее, то он отзывался тем, что не намерен более иметь с ней плотских сообщений, а желает воздержать себя от вина и мясной пищи, которую он не употребляет, сообщений со скопцами он не имеет*». Слова мужа подверглись сомнению из-за показаний жены «*... ничего не замечала, хотя он и отлучался часто в Голуметское селение — где были эти скопцы, но то, вероятно, по делам хозяйственным. С мужем сообщений не имела после его приезда из ссылки, как он сообщал, что хочет укрепить плоть диетой и отсутствием плотского* [не разборчиво] *больше к нему не приставала...*». Священники при распознании ереси скопцов детально

опрашивали подозреваемых об их интимной жизни. Описание семейной жизни могло дать им основания укрепиться в подозрениях.

Среди подозреваемых оказались как неофиты, так и уже осужденные за приверженность к секте (приложение 1). «*Поселенец Никон Филипов, 32 года, грамотен, церковь посещает. В 1828 году сужден за телесное свое оскопление, послан в Сибирь на поселение без наказания. Отношение к скопцам и пропаганду отрицает. В Сибири работал на Василия Агафонова, письмоводством занимался по делам торговым*». Есть основания подозревать, что в 30-х гг. XIX в. именно Филипов являлся основателем группы скопцов в Голумети.

В числе скопцов находились и целые семьи: «*крестьянин Тимофей Невидимов, 59 лет. Грамотен. Церковь посещает. Вдовец. Жениться не собирается по старости и потому воздерживает себя. Не употребляет вино и мясную пищу*»; зять «*крестьянин Яков Третьяков, 30 лет. Неграмотный. Одна дочь. Женат, жил с женой и тестем Невидимовым. В 1831 году, находясь в поле, где размышлял о непостоянной своей жизни, решил оскопить себя для воздержания, для того острым ножом отрезал себе тайный уд и сжег на огне. Не употребляет вина и мясной пищи. Жена на вопросы о близости получала ответ, что он хочет себя удержать и не иметь страстей, на что и согласилась*». Кроме них под подозрение попали дочери Невидимова: Анисия, Акилина и Агрипина, которые на допросе сообщили, что отрицают брак, не употребляют мяса. На руках и ногах у них замечены выжженные знаки. Таким образом, священники утверждали, что обнаружили целое подпольное сообщество скопцов числом в 17 человек, так или иначе связанных с одним поселением.

Подытоживая приведенные материалы, можно сделать ряд выводов. Основными распространителями скопчества в Сибири были его адепты, сосланные из европейской части России. Как и в Европейской России, одним из способов транзита скопческой ереси в массы стала торговля. Все заподозренные в ереси на допросах категорически отрицали принадлежность к секте, признавая лишь общеизвестные или не вызывающие подозрения факты. Представители секты скрывали факт оскопления и наличие выжженных знаков, а сознавшись, чаще сообщали либо о случайности выявленного, либо о самостоятельном и добровольном совершении данных действий, без чьего-либо научения и участия. Ни в каких специальных молебнах, по их словам, они не участвовали, а если и собирались у кого-либо в доме, то занимались разговорами и «*пили чай*».

По формальным признакам выявить скопцов было очень сложно, они все утверждали, что являются добропорядочными православными и по всем порядкам посещали церковь, причастие и даже исповедь, ходили на церковные молебны и т.д. Все подозреваемые в ереси и члены секты представлялись простосердечными, а потому совращенными от истинной веры. Сведения для принятия мер полицией передавались к окончанию допросов. Первоначально роль следователей исполняли сами священники.

Существовало три внешних признака скопца, которые частично совпадают с тремя основными этапами «посвящения». Первый этап — это отказ от интимной жизни, мясной пищи и вина. Второй этап — нанесение / выжигание на руках и ногах знаков. Третий этап — непосредственное принятие оскопления.

В женский вариант включалось удаление молочных желез и сосков, а также наружных половых губ. Удаление, конечно, осуществлялось не единовременно и, возможно, включало в себя только одну из операций. Оскопление мужчин, по свидетельствам дела, проводилось ими самостоятельно, что воспринято со слов самих скопцов и крайне сомнительно, учитывая болезненность процедуры, необходимость послеоперационных мероприятий, в частности остановку крови и обеззараживание прижиганием, последующий уход с применением трав и животного жира. Указанные три этапа посвящения являлись признаками отношения к секте, подтверждаемыми в многочисленной научной литературе о скопцах.

Раскрытие таких тайных обществ силами полиции без доноса со стороны было фактически невозможно, в этом смысле содействие РПЦ, как и ранее в удержании под контролем духовной жизни общества, оставалось исключительным. Выявленные и допрошенные члены секты в случае, если они признавались заподозренными в вербовке новых участников, немедленно передавались в полицию, а затем под суд. С рядовыми членами обычно обходились лишь обязательным исполнением церковных треб.

Организационно-штатная система полиции и ее содержание в 30–50 гг. XIX в.

Нововведения реформы М. М. Сперанского переформатировали управление регионом, которое после означенных мероприятий к 1828 г. приобрело строгий, оформленный вид. Одновременно ужесточается дисциплина и проводятся попытки выявления злоупотреблений, внесения точности в делопроизводство. В результате деятельности комиссии Сперанского выявлены злоупотребления как местных, так и губернских властей. Для их пресечения в будущем проведена ранее фактически не существовавшая персонифицированная ответственность за исполнение или неисполнение полицией своих обязанностей. Между губернским и уездно-полицейским управлением появляется прослойка — окружное правление. Округа достаточно быстро и неплохо укомплектовываются, несмотря на всеобщую кадровую проблему сибирских штатов управления и полиции (табл. 9).

С изменением статуса забайкальских городов поменялась вся полицейская система региона. По новому ранжиру, к средним городам отнесены Верхнеудинск, Нерчинск и Троицкосавск, получившие первые два окружные управления, последний — пограничное. В каждом создана городовая управа с городничими и квартальными надзирателями, без частных приставов.

Земских судов в Забайкалье осталось только два: Верхнеудинский (Западное Забайкалье) и Нерчинский (Восточное Забайкалье). Их штат состоял из исправника, заседателей, секретаря, столоначальников, регистратора и писцов. Содержание земских судов обходилось достаточно дорого: Верхнеудинского — в 12 360 руб. в год при четырех заседателях, а Нерчинского — в 9 960 руб. в год при двух заседателях. Именно институт земской полиции представлял

наиболее плачевный вид. Полицейские в городах, несмотря на все имеющиеся проблемы, в большинстве занимались непосредственно контактной работой с населением и пресечением преступности. Земская же полиция чаще занималась фискально-управленческими проблемами, а с учетом расстояний между населенными пунктами физически оказалась не приспособлена к решению проблем безопасности.

Таблица 9

Персональный состав органов окружного управления на 1828 г.

Должность	**Верхнеудинский округ**	**Нерчинский округ**
Окружной совет		
Окружной начальник	Н. С. Лосев, кавалер орденов Св. Анны II и Св. Владимира IV ст.	И. П. Бобылев, кавалер ордена Св. Анны III ст.
Городничий	подполковник Г. С. Юдин	Капитан Д. Я. Куркин
Секретарь	кол. секр. А. Стрелков	вакантна
Окружное управление		
Казначей	т. сов. Ф. М. Железников	кол. рег. И. Портнягин
Стряпчий	кол. секр. Ф. В. Филипов	губ. секр. П. Ларионов
Соляной пристав	тит. сов. П. Г. Цыннов	тит. сов. Н. В. Васильев
Смотритель больницы	губ. сек. К. Бочаров	-
Землемер	вакантна	кол. рег. М. Дедов
Окружной суд		
Судья	И. А. Шелковников	тит. сов. И. И. Муромов
Заседатели	Я. Я. Семчевский кол. секр. Н. М. Суровцев тит. сов. Д. П. Расторгуев губ. секр. М. Петров кол. рег. В. Ильин	губ. секр. И. Богданов кол. секр. П. А. Киреев
Секретарь	кол. секр. П. Шергин	губ. секр. М. Бояркин
Земский суд		
Исправник	тит. сов. В. М. Корсаков, кавалер ордена Св. Анны III ст.	тит. сов. П. Б. Гельмерсен
Заседатели	тит. сов. М. П. Железнаков тит. сов. М. Т. Павлинов тит. сов. С. И. Березовский	тит. сов. И. А. Шемахин кол. рег. И. О. Ринкин
По кормческой части заседатели	кол. секр. Н. М. Березовский кол. секр. И. М. Павлинов губ. секр. Н. Д. Образцов	-
Секретарь	губ. секр. Муромов	кол. рег. И. О. Богданов

Основание: Съёмщиков Е. А. Окружное управление Сибири 1822–1898 гг. : учебное пособие Новосибирск, 2019. С. 30–31.

Очень медленно, но все же рост городов заставлял власть увеличивать городские штаты. В 1824 г. Иркутский губернатор одобрил предложение городничего Элина[1] об учреждении третьей должности квартального надзирателя Верхнеудинска (табл. 10). Полицию теперь представляли городничий, 3 квартальных, канцелярия, 8 десятников и машинщик. В состав управы входили и другие чиновники, такие как врач, землемер и т. д.

Таблица 10

Содержание штатной городовой управы г. Верхнеудинска и накладные расходы (1825 г.)

Наименование расхода	**Объем**	**Сумма в год, руб.**
Городничий	1	600 (из казны)
Отопление и освещение квартиры городничего		200
Квартальный надзиратель	3	600
Канцелярия и канцеляристы	5	200
Отопление	50 саженей дров	75
Освещение	12 пудов свеч	156
Текущий и плановый ремонт арестантской, гаубтвахты и др. помещений (машинной, полковой, инвалидной и плотницкой)		409.1
Ремонт шлагбаумов	4	100
Расчистка зимних дорог		5
Содержание пожарной части		1 150
Итого из доходов города		2 895,1

Основание: ГАРБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 481. Л. 2–18; Ф. 20. Оп. 6. Д. 4111. Л. 2–3; ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 358. Л. 113об.; Там же. Д. 452. Л. 4 об.–34 об.

Изменения в законодательстве на протяжении первой трети XIX в. постепенно сократили возможность и право городничих привлекать штатных военных. Их необходимость для службы была более чем очевидна, но закон обязывал оплачивать службу военных за городской счет. К 1835 г. число воинских чинов при полиции возросло до 15 человек, соответственно, выросла нагрузка на городскую казну. Нелегкое финансовое положение города заставило городское общество ходатайствовать о замене 15 военных, обходившихся в 1435 руб. в год, на 10 выборных. Окружной начальник поддержал предложение при условии, что 4 человека из них будут военнослужащими, а 6 — мещанами, что и понятно — уровень подготовки военных, обладавших необходимой физической подготовкой и способных подчиняться приказам, существенно выше. Нельзя сказать, что замена воинских на выборных легко решала проблему, ведь следствием стал рост состава общественных должностей, на которые местные мещане обязаны избирать кандидатов. К 1833 г. число таких общественных должностей достигло 35 чинов (табл. 11).

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5342. Л. 39.

Таблица 11

Список общественных должностей г. Верхнеудинска подлежащих избранию на 1833 г.

Должности и присутственные места	**Требуемое число кандидатов**
Гильдейское [купеческое] общество	
Торговый депутат	3
Частный маклер и публичный нотариус	1
Словесный суд	
Словесный судья	1
Кандидат	1
Присяжный к винному и соленному магазинам	1
Оценщик	2
Сторож	1
Городовая ратуша	
Квартирмистр	1
Сторож	1
Денщик	4
Городовая [полицейская] управа	
Квартирмистр	1
Десятник	8
Пожарный староста	1
Рядской [рыночный] староста	1
Земские дела	
Городовой староста	1
Кандидат	1
Денщик	2
Каморник	2
Сборщик податей	2
Итого	35

Основание: ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

Имелись проблемы и с доходно-расходной частью городского бюджета. Уже в 30-е гг. XIX в. население Верхнеудинска начало испытывать значительные трудности с содержанием городской полиции. Штатные расходы, установленные в 20-е гг. (табл. 10), изменились незначительно, зато существенно выросли накладные расходы, например на ремонт присутственных зданий, тюрьмы и проч. И действительно, не предусмотренные изначальной сметой средства на починку телег и тулупов, расчистку снега и др., складывались в солидную сумму. Город нуждался в покупке и содержании новых лошадей для пожарной службы, что оценивалось в 1 000 руб., в найме трубочиста с жалованием

в 90 руб. и мастера к огнегасительным орудиям с жалованием 220 руб., однако средства так и не были изысканы. И хотя основная часть требуемых расходов была незначительна, в сумме оказалась обременительной. Можно ли обвинять хозяйственных горожан в скупости, если весь состав «купеческого» Верхнеудинска включал двух купчих первой гильдии (с капиталами в 50 тыс. руб.); вторая гильдия отсутствовала; 19 купцов третьей гильдии (с капиталами 8 тыс. руб.), из которых трое считались лишь «*на правах*»[1], то есть условно. Цеховые, коих насчитывалось всего несколько человек, и оставшееся мещанское население значимых доходов не имели.

Причина резкого роста расходов видится в модернизации управления комитетом М. М. Сперанского, причем не столько в самой модернизации, сколько в ее отсутствии несколько десятилетий, за которые успел износиться инвентарь, прийти в ветхость коммуникации и помещения присутствий. Да и городские потребности возросли естественным образом. В 1825 г. доход города составлял 4 224 руб.[2] (табл. 12), при расходах в 6 762 руб. Статьи доходов и расходов уравнялись лишь к 1831 г. Будучи обязательными, расходы на полицию, даже скромно укомплектованную, тяжким бременем ложились на городскую казну и доходили до трети от городских доходов[3].

Таблица 12

Основные категории городских доходов г. Верхнеудинска за год (1825 г.)

Наименование дохода (источника взиманий)	**Сумма, руб.**
Лавки Гостиного двора	402 руб. 50 коп.
Аренда лугов	251 руб. 85 коп.
Торги пашен в оброк	540 руб. 20 коп.
Рыбная ловля	508 руб. 75 коп.
Мелкие лавочки	7 руб. 50 коп.
Пошлины со свидетельств, разрешающих ведение торговли крестьянам	422 руб. 50 коп.
Услуги перевоза через р. Селенга	350 руб.
Городовые выгоны	240 руб.
Другое	...
Всего	4 224 руб. 24 ¼ коп.

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 358. Л. 95об.–96.

Несмотря на установление равновесности доходов и расходов к 1831 г., город накопил дефицит в размере 3 241 руб.[4] Жалование полицейским продолжали выплачивать по третям года, но все чаще задерживали. В 1827 г. не

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 6. Д. 4111. Л. 22.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 358. Л. 95об.–96, 113об.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 423. Л. 9.

[4] ГАРБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 481. Л. 2об.–3.

удалось собрать средства уже за две трети года[1]. Пытаясь найти выход и хотя бы частично возместить долг квартальным, окружной начальник Н. Лосев в 1829 г. убеждал почетных граждан к добровольному пожертвованию средств личным примером, внеся сумму в 10 руб.

Проблема существовала не только с прямыми выплатами жалованья, но и с гарантированными компенсациями тому же городничему. Начиная с 1825 г. город не предоставлял квартиры, обязуясь выплачивать компенсацию в размере 100 руб. в год на их содержание, но и эту сумму общество собирало с трудом. Ранее повинность была натуральной (дрова, свечи) и не всегда качественной. Например, городничий Сеннов в ноябре 1800 г. жаловался, что выделенная ему городом квартира слишком холодная, и вполне резонно предполагал, что зимой жить там вовсе невозможно[2]. Задолженность города по выплате жалованья квартальным надзирателям с 1828 г. составила 800 руб., а компенсация на благоустройство, отопление и освещение квартиры городничего резко возросла до 1 000 руб. Кроме содержания личного жилья срочного исправления требовали помещения присутствий города. Старые помещения, пришедшие в совершенную ветхость, не подлежали ремонту, так как эксплуатировались с середины XVIII в.

Неся многочисленные общественные и денежные повинности в отношении полиции, жители города не прекращали содержать и другие важнейшие сферы жизни города, хотя, конечно, целиком обеспечить уже не могли. Общий объем, по предварительным расчетам к 1835 г., достиг более 8 387 руб. ежегодно[3]. Самым дорогим оказалось самоуправление: расход на содержание ратуши и словесного суда составлял 3 800 руб., квартирная комиссия 100 руб. Полиция вместе с пожарной частью и воинскими служителями обходилась в сравнимую сумму. Покупка расходных предметов арестантской и ее ремонт — еще 300 руб. Расчистка улиц в зимнее время и поддержание проруби для обеспечения водой — 80 руб. Непосредственно общественные траты включали содержание общественного дома, который обходился в 952 руб., рекрутское снаряжение, траты на здания и пользование услугами городской больницы —еще 500 руб. Собрать такую сумму городу редко удавалось, бюджет в большей степени был отрицательным. Таким образом, услуги «государственного управления» в лице полиции, не считая отчисляемых налогов, обходились городу в приличную сумму. Собрать деньги из доходов города на цели роста и развития, такие как училище, библиотека, больница, общественные пространства, было почти невозможно: власть считала приоритетом безопасность.

При всех насущных, содержательных и организационных проблемах полиций надо признать, что городские, в отличие от земских, все же медленно, но развивались и расширялись. Последние по большому счету оставалась целиком в прежнем состоянии, даже с приростом управленческих и фискальных задач. Уезды, превратившиеся в округа, укрупнились, но при минимальных изменениях штата земской полиции и при целиком старых формах охраны.

[1] ГАРБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 360. Л. 15.

[2] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3396. Л. 1.

[3] ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 253. Л. 4об.–6.

Земская полиция в свой штат включала исправников, заседателей, канцелярию. В большинстве земских судов для реализации функций безопасности привлекались воинские команды, но все, что они могли, — это реагировать на уже случившиеся факты преступлений.

Рядовыми контактной полиции, но на общественных началах были выборные от местных сельских общин — сотские иди десятские. Сотские — примечательная должность, главное звено земской полиции. Обычно их избирали по одному или два на волость. Они разбирали мелкие, в том числе земельные, конфликты, проводили предварительный сыск по нетяжким преступлениям, по делам об обнаружении мертвого тела или «*блудного дела*» и т. д. В их адрес шел поток указов и распоряжений о сыске беглых крестьян и рекрутов, о розыске разбойников и скрывшихся должников, ушедших без паспортов и бежавших из рабочего дома. Им поручалась борьба с винокурением, а также «*иметь крепкое смотрение, чтоб крестьянство для своих домашних расходов пива варили корчажные, а не котельные*». Сотскому поручался контроль за временно отпущенными из-под следствия и вменялась в обязанность их немедленная доставка по первому же требованию судебных органов. Он же производил арест того или иного крестьянина по указу местной администрации [307, с. 5]. Сотским избирался обычно знавший грамоту крестьянин, сроком на один год, в помощь ему избирались товарищи, предполагаем, что это и были десятники.

Профилактика в уезде/округе строилась почти целиком на инициативе сельских жителей, если она в их среде обнаруживалась. Обходы и караулы в большинстве игнорировались, но даже если исполнялись, не вооруженный чем-либо эффективнее вил или подручного инвентаря караул был мало эффективен. Можно сказать, везло тем населенным пунктам, где так или иначе располагались воинские подразделения, априори обеспечивая ночную и дневную стражу. В ночное время некоторые поселения, обнесенные хотя бы символическим ограждением, блокировали въездные ворота. Но такие меры скорее могли помешать проезду экипажа, чем действиям грабителей. Сельские дома, как правило, замыкались на ночь изнутри на крепкие засовы, особенно те, в которых было чем поживиться ночным грабителям. Сотские и другие представители полиции в большинстве своем фиксировали уже свершившиеся факты преступлений и передавали о них информацию выше по цепочке.

На фоне всей неэффективности земской полиции становилось очевидным, что штатных изменений здесь недостаточно. Жалкие реформаторские попытки предпринял Николай I в условиях им же извращенного состояния губернских учреждений. Губернаторы, по общему признанию, в это время хозяйничали как маленькие царьки, а «*Сенат обращен в простую типографию, подчиненный каждому лицу, пользующемуся доверенностью императора*» [264, с. 8]. Собственно, эти попытки еще дореволюционными историками оценивались до крайности однозначно [196, с. 502], как «*яркий образчик беспомощности всесильной на вид бюрократии, отгородившейся от всякого общения с живыми силами страны*».

В связи с разделением «*Положением о земской полиции*» 1837 г. уездов и округов на мелкие административные единицы — станы появилась новая

должность — становой пристав. Сама идея появления нового звена полицейских, прообраз участковых, работающих непосредственно с населением, своевременна и до крайности необходима, но ее реализация оказалась загублена системой. Одновременно изданные указы, касающиеся функционала гражданских губернаторов, устройства и задач земской полиции[1], не коснулись Восточной Сибири и Дальнего Востока, по поводу которых якобы составлялись особые положения. И хотя отголоски так называемой «реформы» докатились до Сибири, они вылились лишь в переутверждение бывших ранее заседателей. В ряде случаев прошло переименование их в участковых заседателей, с поправкой на увеличение функционала, что не имело никаких последствий. Новых кадров не появилось, а потому полномочные к определению размеров участков губернаторы распределили их между имевшимися заседателями. Все ответственные за реализацию отнеслись к новшествам формально, не произведя ничего, кроме дополнительного документооборота.

Номинально губернаторы через преобразование полиции усиливали свои функции высшего надзора, николаевское правительство дало им «*силу и власть охранять святость законов, не касаясь решения дел, но в самом ходе их, и не в одних только уездных, но и во всех без исключения губернских судебных и правительственных местах*» [249, с. 322]. Фактически же ничего не менялось, за исключением того, что ужесточался надзор за упущениями по губернаторской службе и усилена ответственность за общее состояние региона. При этом не создано ни новых институтов, ни инструментов для исправления состояния отдельных отраслей. Такое восприятие проблемы, в котором можно строжайше напомнить губернаторам и прочим чинам об их функциях и якобы получить результат, характерно для николаевской эпохи.

Введенная должность станового пристава в деле сохранения безопасности сущностно ничего не меняла, тем более что для большинства чиновников она была малопривлекательной. Класс должности соответствовал коллежскому секретарю с весьма скромным жалованьем при чрезвычайно широкой компетенции, ответственности и территории, в разъездах по которой он и проводил значительную часть времени, не имея при этом ни помощников, ни канцелярии. Пристав привязывался к одному из селений стана, и это тоже стало одним из отталкивающих мотивов для амбициозных кандидатов. Приставы имели право «*производить словесное разбирательство и расправу в делах о краже, мошенничестве и всяком обмане на деньги или вещи, ценою не выше 10 рублей*» [249, с. 324], что обеспечило широкое поле для злоупотреблений — от взяток до физической эксплуатации сельских жителей в своих личных целях.

В итоге изменения системы безопасности и управления, которые прошли в Сибири усилиями М. М. Сперанского, без значительных модификаций существовали до 50-х гг. XIX в. Постепенно становились все более очевидны ключевые проблемы содержания и малочисленности штатов полиции. Региональные городские бюджеты оказались не в состоянии содержать даже ограниченный состав полиции, вследствие чего инициировалось избрание служителей для различных городских служб и полиции. Если общественные должности

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 12. Ч. 1. № 10303–10307.

в середине XVIII в. в целом могли удовлетворять требованиям безопасности, то численность населения, ее структура и вызовы второй четверти XIX в. уже не позволяли обходиться этим. Самые большие трудности, которые усугубятся уже к середине века, испытывала земская полиция, необходимость изменения которой осознавалась властью, но не вылилась в принципиальные политические решения. Минимальные попытки модернизации, которые все же были предприняты, обошли Сибирь стороной.

Организация политического надзора в первой половине XIX в.

Политическая полиция как отдельный институт системы безопасности России имеет достаточно длинную историю. Исследователи разнятся в оценках времени ее появления. Считается, что максимально близким по смыслу и содержанию были учрежденные в составе Корпуса внутренней стражи жандармские дивизионы, ближайший из которых находился в Иркутске [338, с. 123]. Первым в полном смысле надзорным институтом над политическими стало Нерчинское комендантское управление, учрежденное после восстания декабристов. Пожалуй, это был первый не только на окраинах организованный жандармский надзор, но и первый регулярный в России институт, надзиравший одновременно за таким количеством политических оппонентов власти. Комендант генерал-майор С. Р. Лепарский, минуя местные губернские органы подчинялся непосредственно новоучрежденному III Отделению Собственной ЕИВ канцелярии. Управляющие рудниками в разных организационных формах и ранее находились вне иерархического статуса региона. Отличие состояло в том, что на каторгу в большом числе прибывали не только уголовники и прочие неугодные режиму, но и образованные, привилегированные участники выступлений против власти. Особое управление коснулось только рудников, надзорные задачи по поводу других территорий Забайкалья исполнялись губернским правлением через уездных городничих, комендантов и воинских командиров.

Прежние осужденные по политическим мотивам прибывали в Сибирь либо в цепях, их изолировали в дальний угол империи, либо в почетную ссылку с хранением внутри иерархии системы. И первый вариант не считался, как бы мы сказали сегодня, «приговором» в смысле невозвратности положения. Примеров в Забайкалье тому множество. Гетман Д. Многогрешный, в начале XVIII в. приговоренный к смерти и заключенный в казематы Иркутска, был отпущен из тюрьмы, назначен на государственную службу в Селенгинск далеко не в рядовом статусе (руководство войском и обороной крепостей) и произведен в ранг сына боярского. В конце этого же века первый революционер А. Н. Радищев, приговоренный также к казни, замененной ссылкой, находился фактически в статусе почетного, но поднадзорного гостя в Илимском остроге. Но восстание декабристов 1825 г. коренным образом изменило содержание политической ссылки.

Широкую сеть институт политического сыска начал приобретать в царствование Александра I в виде отдельного корпуса внутренней стражи, созданного

на основе бывших команд полицейских драгун, получив при Николае I организационную структуру «*Положением о корпусе жандармов*» (1827), разделившим Европейскую Россию на жандармские округа. Положением от 1 июля 1836 г.[1] империя делится на 7 округов, в последний по счету включалась вся Сибирь с центром в Иркутске. Это позволило сформировать отдельную команду, состоявшую из 34 человек, во главе с начальником жандармского округа. Профессор А. А. Иванов придерживается мнения, что в Иркутске жандармский корпус появился еще в 1833 г. и насчитывал на первых порах чуть более 30 человек [184, с. 207]. Основные его задачи сводились к надзору за «*государственными преступниками*» и недопущению их к ведению какой-либо общественной и политической деятельности.

Необходимость организации политического надзора в регионе обусловливалась помимо общих соображений сохранения самодержавного режима еще и расширением массовой ссылки преступников, среди которых политические составляли все возраставший процент. Вслед за декабристами в губернию последовали представители народнических организаций, эсеры, социал-демократы, участники восстаний, массовых протестов, деятели радикальных организаций, выступавшие против самодержавия. Широко распространилась относительно новая практика — полицейский надзор как мера административного воздействия и контроля. Жандармы начали активно формировать сеть агентов и осведомителей. Боясь повторения внутриэлитного заговора, Николай I вменил жандармам в обязанность надзор за местными высшими администраторами, одновременно пытаясь бороться и с коррупцией.

Утвержденная 19 сентября 1826 г. «*Инструкция коменданту при Нерчинских рудниках*» регламентировала задачи управления и область ответственности. В преамбуле определялось, что комендант «*назначается... для присмотра и содержания сосланных... в каторжную работу государственных преступников*», а в пункте 1 подчеркивалось состояние декабристов «*в полном ведении коменданта*» [198, с. 180]. Для размещения декабристов планировалось строительство деревянной тюрьмы и оговорено ее местонахождение — «*при Акатуевских рудниках, в расстоянии 25 верст от Александровского завода*» [197, с. 80]. Лепарский разработал план охраны нового каземата силами, превосходящими 185 человек, предоставленными ему изначально. Обоснование необходимости строжайшей охраны заключенных он усматривал в местных особенностях — численности осужденных (более чем 350 ссыльнокаторжных) и их поведения: «*край Нерчинский по причине происходящих здесь, хотя дерзких от ссыльных поступков во всем морально разенствует* [разенствовать — различаться] *от прочих провинций России ... здешние поселяне есть отродие изгнанного с империи самого злейшего порока, а третья их доля есть ... стрелки, ибо они или из лука, или с ружья малой пулькой бьют белку*» и, следовательно, «*при злонамеренном атамане собранная партия и со ста стрелков-разбойников не только могут произвести замешательство, но на открытом месте уничтожить в сутки самый образцовый и стройный батальон пехоты*» [197, с. 84]. Действительно ли Лепарский не сумел осознать всю естественную непреодолимость Нерчинской каторги, на многие версты вокруг

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 11. № 9355.

окруженную тайгой и горами и любой бежавший с нее, не прибегнув к грабежу или посторонней помощи, в скорейшем времени терялся, обреченный на голодную смерть? Или опытный царедворец так пытался усилить свой аппаратный вес и поднять реально располагаемый ресурс? А может быть, стремился снять с себя ответственность за участившиеся и потенциальные побеги? Ответить однозначно не представляется возможным, но в чем он действительно был прав — это в необходимости установления более системной формы надзора за всеми этапами ссылки, от доставки правонарушителей до работы на самих рудниках. Число этапных помещений области к 1864 г. достигнет тридцати пяти[1], а должного управления и досмотра за ними так и не появится.

Декабристов разместили в Петровском Заводе, а заложенная в Акатуе тюрьма стала прибежищем для самых злостных, по мнению системы, преступников. Николаевское самодержавие расправилось с оппонентами, учитывая их привилегированный статус, сравнительно с предыдущими временами, сурово. М. А. Бестужев сопоставил новую тюрьму с конюшней: «*Нас заперли в темные стойла петровского каземата*». А. Е. Розен записал, что *камеры тюрьмы более похожи на темные монастырские кельи* [197, с. 87]. При этом отмечаем, что их положение, если сравнить его с рядовыми ссыльными, было куда более сносным, а отношение к вчерашним заговорщикам — без грубостей и довольно обходительное. Наверное, поэтому так «по-отечески» о здоровье каторжан заботился сам Лепарский, «*находя теперь по размещению их в Петровском Заводе, во вновь построенной полуказарме комнаты столь темными, что даже в ясные дни не только невозможно заниматься каким ни есть рукоделием, но и чтением книг, что ... было им в Читинском остроге мною представлено; а ныне с новым перемещением, как они всего того лишены, то я опасаюсь худших последствий для их здоровья и особенно для тех, которые, получив от природы меланхолическое расположение, быв больше в своем положении стесненными, могут подвергнуться от всегдашней в комнатах темноты не только ипохондрическим болезням, но иногда и лишению ума*» [197, с. 89]. Это отчасти продиктовано растерянностью власти, непониманием, как стоит поступать. Никогда еще Россия не сталкивалась с таким массовым выступлением дворян — к слову, основной опоры самодержавия. Для Николая решение вопроса декабристов было вопросом собственного политического выживания. Просто отпустить их по домам, не наказав, невозможно, это стало бы показателем слабости. Необходимость демонстрировать силу государства подданным тоже имела границы. Показать свое истинно «людоедское лицо» и уничтожить декабристов — значило бы позволить вырасти новому заговору — уже их родственников, находящихся на свободе. Вероятно, поэтому было избрано наиболее эффективное оружие — идеология. Именно на нее направляет основные усилия николаевская политика.

Декабристы содержались в Петровском каземате до июля 1839 г., когда у последних тридцати государственных преступников истек срок каторжных работ. Больше эта тюрьма не принимала политических оппонентов самодержавия и практически пустовала, изредка используясь для размещения уголовных ссыльнокаторжных, а в 1869 г. тюремные постройки были уничтожены пожаром.

[1] ГАЗК. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 676. Л. 19.

Основные задачи слежения за декабристами, большая часть которых находилась в Забайкалье вне рудников, несли полицейские, систематически отчитывавшиеся об их поведении в Иркутск. Докладные на поднадзорных строились по общему принципу: *«В Верхнеудинском округе государственные преступники Михаил Кюхельбекер, Михаил Глебов и Иван Шимков в течение минувшего января вели себя скромно и ни в каких предосудительных поступках замечены не были»*. Исправляющий должность акшинского сотского казачьего командира докладывал в Троицкосавское пограничное управление, что находящийся там на поселении *«государственный преступник Павел Аврамов в продолжение февраля 1836 г. относительно поведения весьма скромного и занятий никаких не предпринимал»*[1]. Не все декабристы оказывались вырванными из системы, иногда реализовывались практики прежнего XVIII в. по отношению к политическим. Например, сосланный в 1826 г. декабрист А. Н. Муравьёв уже в 1828 г. приступил к должности городничего Иркутска, а с 1832 г. замещал должность тобольского гражданского губернатора.

Таким образом, на азиатских окраинах Российской империи к концу первой трети XIX в. появился институт политического надзора, основной функционал которого напрямую связан с организацией в регионе места ссылки декабристов. Полагаем, что именно декабристы стали триггером к ускоренному созданию института политической полиции в Сибири, являясь на первых этапах главным объектом надзора. Рост городов и увеличение населения Сибири постепенно требовали организации специального надзора и за местным населением, что реализовалось в учреждении жандармерии.

Создание, структура и противоречия системы управления Забайкальской области

Забайкальский регион длительное время формировался как периферия огромной Российской империи. «Догоняющий» характер развития ему придавала специфика социально-экономических условий. Сибирские территории не могли сразу быть приравнены к западным областям и требовали особого управления, да и задача по их уравниванию в то время не ставилась. Ярким примером может служить отказ или значительное запоздание с введением ряда институтов, существовавших на западе: жандармерии, провинциального управления, корпуса следователей, отдельных подразделений полицейской стражи, а также земских учреждений.

К середине XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев пришел к мысли, что вверенный ему регион требует усиления путем создания новых административно-территориальных единиц, одной из которых должна стать область за Байкалом. В декабре 1850 г. он представил в Комитет министров проект учреждения в Восточной Сибири Забайкальской области [223], и хотя проект вызвал бурную дискуссию, его поддержал император. 11 июля 1851 г. «*из забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского, за исключением*

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 181. Л. 30, 51.

Троицкосавска и слободы Кяхтинской и Усть-Кяхтинским с прилегающим к ним землям и Нерчинского»[1] образована Забайкальская область с центром в г. Чите. Обоснование необходимости таких преобразований, по видению правительства, лежало в создании мобильного аппарата, который бы сконцентрировал жизненно важные функции: военную, налоговую, судебную, полицейскую и др. Область получила упрощенную и, соответственно, более вертикальную систему как один из способов модернизации управления с учетом сложных факторов ее существования. Вместе с тем штат и организация делопроизводства, установленные в 1851 г., в преддверии великих реформ, к 70-м гг. обнаружили такой объем проблем и просчетов, что можно сделать вывод: они, как и многие прежние модели, устарели к моменту внедрения.

С образованием Забайкальской области упраздняются окружные управления, канцелярских служащих не отправили в отставку, а перевели в Забайкальское общее окружное управление[2]. Особое устройство в регионе подтвердили Нерчинскому округу как основному месту каторги и г. Троицкосавску — пункту приграничной торговли. Последний со слободами Кяхтинская (торговая) и Усть-Кяхтинская (мещанская) вошли в состав Кяхтинского градоначальства, во главе которого поставлен градоначальник, действовавший на правах губернатора.

Высшую административную власть в области принял военный губернатор, одновременно являясь наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Основными элементами управления стали: областное правление, канцелярия губернатора, областной прокурор, землемер и инспектор по медицинской части. Забайкальское областное правление в роли исполнительной власти подчинялось непосредственно генерал-губернатору и совету ГУВС (до 1884 г.). В его состав входили вице-губернатор, советники и асессоры[3]. Советники заведовали отделениями областного правления, управляли в качестве начальников отделений канцелярией губернатора, и они же являлись членами общего присутствия (губернаторского совета). Все дела в общей канцелярии военного губернатора и областном правлении распределялись между тремя отделениями. Они ведали делами областной полиции, вели делопроизводство по всем хозяйственным и социальным вопросам — народное продовольствие, земская и дорожная повинности, общественное призрение и иные дела правления, казенной палаты и управления государственными имуществами. К предметам ведения правления относился и рекрутский набор [77, с. 41]. Ведомство дел пограничных и управление казачьим сословием определялось особым положением.

Несмотря на то, что делопроизводство велось в общем порядке, установленном для сибирских губерний, существовавшая в Забайкалье модель губернского управления вела к противоречиям. Общий порядок рассмотрения дел предполагал возможность отмены вышестоящей инстанцией решения, принятого на нижнем уровне. В сибирских губерниях дело рассматривалось несколькими инстанциями: губернское правление — общее губернское

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 26. № 25394.

[2] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 86. Л. 20.

[3] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79–94об.

управление — губернский совет с участием председателей губернаторских присутственных мест[1]. Суть системы, существовавшей в Забайкальской области, заключалась в том, что все ступени администрации имели один и тот же состав чиновников: областное правление — общее областное правление, что делало апелляцию недовольного бессмысленной. Поэтому военный губернатор направлял дело на рассмотрение в ГУВС, из чего следует, что высшее руководство области даже в рамках такой упрощенной системы считало необходимым наличие инстанционного разделения. К примеру, чтобы председатель и два советника рассматривали и подписывали документы по делам губернского правления, а два других советника — только казенных палат. В этом случае для общего присутствия привлекался бы вице-губернатор, областной прокурор, старший советник и советник того отделения, по которому представлен вопрос.

Самостоятельность Забайкальской области такими изменения была достигнута весьма существенная, но не абсолютная. Иркутскому губернскому правлению напрямую подчинялись почта, народное просвещение и акцизное управление. Неудивительно, что военный губернатор был заинтересован в создании отдельных областных ведомственных управлений по данным направлениям. Обращение по каждому мало-мальски важному вопросу этих отделений в Иркутск сильно затягивало принятие решений. От этого опять-таки страдало качество управления: к примеру, в Забайкальской области два окружных акцизных управления наблюдали за торговлей алкоголем, но их надзор признавался местными властями неэффективным. Для управления врачебной частью в области назначался инспектор по медицинской части, что тоже считалось неудобным, поэтому предлагалось образовать по примеру Европейской России врачебное отделение.

С учреждением Забайкальской области создан окружной суд в г. Чите с упразднением прежнего в Верхнеудинске[2]. Постепенно эти процессы коснулись и ратуш (Верхнеудинской, Нерчинской и Кяхтинской), которые разбирали исковые, тяжебные и уголовные дела между мещанами и купцами и отнесены к суду первой степени. Полноценно функции суда переданы в Забайкальский окружной суд только с 1864 г., хотя приговоры по мелким проступкам продолжали выноситься ратушами вплоть до их закрытия в 1875 г. и введения городского общественного управления. Окружной суд производил дела по исковым и тяжебным вопросам, представляя собой первую, а по уголовным делам – вторую степень суда. Все полицейские учреждения области также имели право суда по маловажным проступкам лиц известного звания и по преступлениям ссыльных. Суд над инородцами происходил в соответствии с нормами их обычного права, кроме случаев, изложенных в ст. 1155 «*Устава о судопроизводстве*». Для особого рода дел имелась практика учреждения комиссии военного суда. Губернатор и областное правление в судебном отношении рассматривали приговоры судебных мест, разбирали отдельные виды жалоб и вели общее наблюдение за скорейшим окончанием дел и правильным их производством.

Как уже сказано выше, городское управление вплоть до введения «*Городового положения*» в 1875 г. осуществлялось городовыми ратушами и словесными

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. С. 79–94об.

[2] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 86. Л. 1об.

судами. В малых городах, таких как Баргузин и Селенгинск, а также в населенных пунктах без статуса города, как Акша, управляли словесные суды[1]. Ликвидация ратуш воспринималась болезненно, общество пыталось сопротивляться этим решениям, ведь суть была не столько в судебной системе, сколько в отдельных правах и полномочиях системы самоуправления, которые ликвидировались. Участие в общественных собраниях принимали только лица городских сословий, взаимоотношения с администрацией ограничивались утверждением росписей и наблюдением поступлений, изысканием средств усиления городского дохода, за правильным расходом назначаемых сумм и производством дел, утверждением общественных приговоров и публичных торгов. Губернатор, стремясь улучшить состояние городского хозяйства, был заинтересован в скорейшем введении «*Городового положения*», в надежде на активизацию участия в общественных делах обывателей, которые ранее старались избегать материальных затрат, молчаливо перекладывая их на начальство. Крестьянами в области ведало IV отделение Забайкальского областного управления, в то время как в губерниях Центральной России этими делами ведало губернское по земским делам присутствие.

Успешно модернизированной, через создание военного губернаторства, можно считать часть военную. В лице губернатора Забайкальской области соединялись должности наказного атамана казачьего войска и начальника местных войск. Взаимодействие губернского правления с горным округом ограничивалось в целом лишь ревизией бюджета, представлением сведений о ценах на припасы, наблюдением за исправным содержанием дорог, больниц, училищ и т. д.

С созданием Забайкальской области в 1851 г. образована отдельная Читинская городская полиция во главе с полицмейстером, и первое время она располагалась в одном со словесным судом помещении, так как отдельного здания под ее размещение вначале не было. Позднее было построено отдельное деревянное здание у центральной Атамановской площади [359]. Позднее в 1867 г. в этом же дворе разместилась пожарная часть с деревянной каланчой на крыше, во главе с брандмайором и штатом в 11 пожарных (рис. 11). По некоторым сведениям, первым полицмейстером был К. Туловский.

Стоит еще сказать о кяхтинском градоначальстве. В середине XIX в. в Российской империи существовало всего несколько градоначальств — в городах Таганрог, Одесса, Феодосия, Керчь. Как правило, эти выделенные из общего губернаторского правления территории в силу экономических и географических факторов напрямую подчинялись профильному министру (внутренних или морских дел). Идея создания градоначальства, как и Забайкальской области, принадлежит генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву. Первоначальный проект он дополнил 22 февраля 1851 г. планом ликвидации пограничного управления с сосредоточением общего заведования пограничной, таможенной и полицейской частями в руках градоначальника[2]. Муравьев обосновывал свои соображения необходимостью переустройства торгово-дипломатических отношений с Китайской империей и в целях более эффективного пресечения

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7512. Л. 5–9.

[2] РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 2085. Л. 1.

контрабанды. Проблемы безопасности в этом плане имели первоочередное значение: дело в том, что концентрацию в регионе ссыльнопоселенцев нельзя назвать критической, но без какого-то хозяйственного обустройства для многих из них контрабанда стала единственным средством к самообеспечению. Справиться с этой ситуацией, по мысли Муравьева, мог только мобильный аппарат с подчиняющимися всеми важными местными институтами.

Градоначальник обладал собственным штатом канцелярии (табл. 13). По различным направлениям своей деятельности он напрямую обращался к тем или иным министрам и другим высшим должностным лицам. Градоначальник назначался и отставлялся императором по представлению министра внутренних дел и предварительному согласованию с министрами иностранных дел и финансов. В его ведении как начальника таможенного округа находилась Кяхтинская таможня. Обязанности надзора за приграничной торговлей и регулирования неизбежных приграничных конфликтов все так же возлагались на кяхтинского пограничного комиссара, учрежденного еще в XVIII в. Только теперь комиссар подчинялся градоначальнику напрямую и большинство текущих вопросов не нужно было согласовывать через череду институтов, раскиданных на дальние расстояния. Аппарат становился мобильным и быстро реагирующим на вызовы. С китайской стороны создан зеркальный аванпост (торговая слобода) Маймачен и аналогичная должность дзаргучея. Пограничный комиссар считался вторым по значимости после градоначальника [223].

Таблица 13

Штатное расписание Кяхтинского градоначальства

Штатная должность	**Чинов**	**Жалование, руб.**	**Столовых денег**	**Всего**
Градоначальник	1	2000	2000	4000
Ему же на пограничные расходы, прием китайцев				1000
Правитель канцелярии	1	600	400	1000
Старший помощник	1	350	150	500
Младший помощник	1	250	100	350
Пограничный комиссар для сношения с маймаченским дзаргучеем (он же и для особых поручений)	1	600	400	1000
Регистратор (он же казначей)	1	250	150	400
Переводчик с монгольского и маньчжурского языков	2	400	200	1200
Писцам жалование, на канцелярские и хозяйственные расходы				1000
Итого	8			10450

Основание: РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 2085. Л. 104.

Первоначальный проект Муравьева предполагал объем содержания градоначальства в 14 975 руб. в год [223]. Он же предложил возложить его содержание на местных купцов. Но правительство, предвидя сопротивление купцов из-за изрядной суммы и с учетом дарованных купцам льгот, пришло к решению, что надежнее будет выделять средства из казначейства. Сумма на содержание впоследствии была скорректирована и составила 14 015 руб., из которой непосредственно на канцелярию градоначальника выделялось 10 450 руб. в год.

За все время существования градоначальство возглавляли: Николай Романович Ребиндер (1851–1855), Василий Матвеевич Фёдорович (1855–1858), Александр Иванович Деспот-Зенович (1858–1862). Последний, в 1858 г. назначенный исполняющим обязанности градоначальника, бывший пограничный комиссар, опытный дипломат, неоднократно бывавший в г. Урге, направил свою деятельность на изменение ситуации в торговле. Он предложил предоставить право торговать с китайцами в Кяхте купцам 3-й гильдии и крестьянам, упростить систему пошлин, отменить или уменьшить сборы, чем добился увеличения доходов казны. Поддержав и продолжив борьбу первого кяхтинского градоначальника Н. Р. Ребиндера за равноправие русского купечества в торговле с китайцами, Деспот-Зенович стремился к преодолению монополии китайских купцов в русско-китайской торговле [221].

В подчинении градоначальника находились все важнейшие местные институты, включая отдельную городскую полицию (табл. 14), штат которой впоследствии будет изменен. До образования области и градоначальства в 1850 г. в Троицкосавске фиксируется небольшой штат полицейской команды: 1 урядник, 7 пеших казаков от пограничного ведомства, 1 сотник и 3 посыльных от местного сообщества[1]. Теперь же город получил полноценный штат гражданской и общей городской полиции. Охрана богатого города и капитала имущих купцов имела отдельную важность, но наличие полицмейстера было скорее статусное, нежели рационально обоснованное. Вопрос о целесообразности отдельной городской полиции и возможности ее переноса, например, в более интенсивно развивающийся Верхнеудинск еще неоднократно будет подниматься.

Таблица 14

Штат полиции в Троицкосавске и слободах Кяхтинской и Усть-Кяхтинской

Должность	Жалование, руб.	Столовые, руб.
Полицмейстер	600	250
Письмоводитель	200	100
Квартальный надзиратель	150	100
Писцам и на канцелярские расходы	400	

Основание: РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 2085. Л. 104–105.

Важнейшей задачей градоначальства был надзор за порядком приграничной торговли, а наличие городской полиции, надзирающей за тишиной и спокойствием в городе, в какой-то мере дублировало эти функции. В любом случае, подчеркнутый системой градоначальства Троицкосавск — более чем

[1] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 291.

амбициозный проект. Правда, он не оправдал ожиданий — отчасти по причине падения роли города в торгово-дипломатических отношениях, отчасти вследствие появления более скоростных путей доставки товаров. Так или иначе, в 1863 г. Кяхтинское градоначальство упразднено, а заведование слободой передано полицейскому управлению, подчиненному забайкальскому губернатору. Ко времени распада империи градоначальствами являлись лишь 9 городов, еще 6, включая Троицкосавск, были лишены этого статуса.

Таким образом, создание автономной Забайкальской области с собственным губернским управлением стало реализацией проекта автономизации административно-управленческой единицы за Байкалом, необходимость в которой назрела давно. Внутри области образовано отдельное Кяхтинское градоначальство в качестве инструмента наращивания перспектив двусторонних торговых отношений. Несмотря на значительные противоречия, устройство области позволяло мобильно решать некоторые управленческие и стратегические задачи. Военный губернатор, обладая широкими полномочиями и правами, был гарантом разрешения конфликтов не только в обществе, но и во властных структурах. Благодаря институту военного губернатора, предполагалось решать проблемы и противоречия законодательства, что он и делал в соответствии со своим видением ситуации и пониманием целесообразности.

Организационные особенности системы безопасности региона до реформы полиции Сибири

Создание Забайкальской области решило проблему более мобильной системы местного управления, которая могла быстро предложить решение по текущим вопросам, не только в административном, но и в военно-стратегическом плане. Значительная их масса в области поддержания безопасности по-прежнему осуществлялась при участии военных. Комплектование полиции на протяжении всего XIX в. не имело единой линии. Число чинов стражей порядка от военных то сокращалось до минимального, то резко увеличивалось, полностью заменяя выборных. Гражданское управление предпочитало набирать для полиции военных как наиболее дисциплинированных и способных к подобной службе. Активную поддержку почти любым предложениям власти оказывали горожане, если только за ними не следовали дополнительные поборы из городского бюджета.

Сложность в подборе рядовых чинов полиции имела три противоречащих друг другу аспекта. Во-первых, городское общество стремилось, насколько можно, минимизировать число избираемых и военных чинов, содержащихся на городские деньги. Во-вторых, управление полицией пыталось увеличивать штат, чаще за счет военных. В-третьих, военное ведомство и МВД постепенно сокращало командируемых для службы, предлагая заменять их вольнонаемными. Вопрос о полицейских Верхнеудинска снова поднят после циркуляра МВД от 9 декабря 1852 г.[1], которым правительство ограничило такую традицию комплектования лишь полициями, образованными по высочайше утвержденным штатам. Верхнеудинск в их число не попал, состав здесь определялся

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 154. Л. 2, 8.

губернским правлением, потому решено было оставить 12 полицейских чинов из военных с содержанием из городских доходов.

Следующий шаг, изменяющий принципы формирования полицейских органов, был предпринят в 1853 г. и предполагал замену всех городских вольнонаемных полицейских нижними чинами второго разряда военного ведомства, состоящими при гарнизонных батальонах. В том же году утверждены штаты городских полицейских команд, согласно которым на каждые 2 тыс. жителей должно приходиться 5, а на 5 тыс. горожан — 10 полицейских во главе с унтер-офицером[1]. Полицейская команда стала подразделяться на сторожевую и рассыльную. Власть не всегда делила с обществом обязанности обеспечения полиции. Если полицмейстеры, окружные начальники и городничий обычно причислялись к госслужащим и получали жалованье, то содержание непосредственных исполнителей оставалось обязанностью городского общества.

Полицейская команда из военных обеспечивалась некоторыми социальными гарантиями, например, они могли получать бесплатное лечение в городской больнице. Кроме того, город обеспечивал их обмундированием. Были и другие решения, связанные с прикомандированием военных действующих подразделений; так, к Верхнеудинску были прикомандированы трое солдат Сибирского линейного 13-го батальона. В таких случаях командиром составлялся специальный арматурный список. В 1855 г. в нем значились: овчинные шубы, суконные шинели, куртки, галстуки и панталоны, рукавицы, шерстяные вареги, холщовые рубахи, сапоги, ранцы, ремни, которые выдавались полицейским, назначенным из солдат Верхнеудинской городовой управой, а также денежное довольствие в размере 56 руб. на починку и приобретение вещей[2].

Содержание полиции имело разные основания и состав. Два соседних города могли принципиально различаться в этом отношении [215, с. 135]; одна — полностью за счет городского бюджета, другая — либо с его участием, либо целиком за казенный счет. Проблемы городских экономик во второй трети XIX в. привели к тому, что 2/3 городских полиций окраин уже к середине века оказались переведены на казенный счет.

Важные штатные изменения в Забайкалье введены указом от 6 декабря 1856 г.[3] «*О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири*». В первую очередь подняты размеры окладов служащих всех уровней регионального управления. Изменения административно-территориального характера коснулись Иркутской и Томской губерний и Забайкальской области. В последней Верхнеудинский округ разделялся на два — статус окружного присвоен городу Баргузину, где основывалось особое земское управление с функционалом несколько шире, чем у земских судов. С 1857 г. упразднялась городская полиция Селенгинска, состоявшая из городничего, помощника и десятников[4]. Город переходил в полное подчинение Верхнеудинской земской полиции. Земская безопасность Забайкальской области теперь обеспечивалась тремя земскими судами (табл. 15).

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 28. №27372. Ч. 1, Ч. 2: Штаты и табели.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 161. Л. 9–9об.

[3] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 31. Ч. 1. № 31222.

[4] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54–56.

Таблица 15

Штаты и содержаниеземской полиции Забайкальской области (1856 г.)

Должность / категория расхода	**Число чинов**	**Жалование, руб.**	**Столовые, руб.**	**Всего**	**Класс должности**
Нерчинский земский суд					
Земский исправник	1	500	200	900	VIII
содержание при разъездах		-	200		
Участковый заседатель	2	300	150	1 100	X
содержание при разъездах		-	100		
Корчемный заседатель[1]	1	300	150	550	X
содержание при разъездах		-	100		
Секретарь	1	250	150	400	XII
Столоначальник	2	125	75	400	XV
Журналист	1	125	75	200	XIV
Жалование и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	1000	-
Всего	8	-	-	4 550 (*в том числе 550 из казны*)	-
Верхнеудинский земский суд					
Земский исправник	1	500	200	900	VIII
содержание при разъездах		-	200		
Участковый заседатель	4	300	150	2 200	X
содержание при разъездах		-	100		
Корчемный заседатель	1	300	150	550	X
содержание при разъездах		-	100		
Секретарь	1	250	150	400	XII
Столоначальник	2	125	75	400	XV
Журналист	1	125	75	200	XIV
Переводчик с монгольского языка	1	125	75	200	XIV
Жалование и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	1 400	-
Всего	11	-	-	6 250 (*в том числе 550 из казны*)	-
Баргузинское земское управление					
Земский исправник	1	500	200	900	VIII
содержание при разъездах		-	200		
Помощник исправника (*он же секретарь*)	1	250	150	400	X
Жалование и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	500	-
Всего	2	-	-	6 250	-
Итого	21	-	-	12 600[2]	-

Основание: ПСЗРИ. Собр. II. Т. 31. Ч. 2: Штаты и табели. № 31222. С. 707–708.

[1] *«Содержание из казны»* — очевидно, здесь речь идет об ассигновании средств на содержание чиновника напрямую из государственного казначейства, остальной расход на полицию производился за счет государственного земского сбора.

[2] Расход на земскую полицию: 11 500 руб. из доходов государственного земского сбора; 1 100 руб. из государственного казначейства.

В сравнении с прежними штатами нижних земских судов, число которых сокращено реформами Сперанского, заметно увеличение численного состава. При этом аппарат больше занимался не проблемами сохранения и поддержания безопасности, а реализацией постановлений правительства и обеспечением сбора налогов. Штатным расписанием не исчерпываются все чины земской полиции, к ним продолжали подключать выборных сотских и в отдельных случаях воинские команды, их число также варьировалось. На монастырских землях осуществлялся полицейский контроль приказчиками отдельных объектов (мельниц, поселений) — они продолжали осуществлять нижний уровень обеспечения безопасности по указанию монастырского начальства, могли наказывать по мелким делам: за хулиганство, пьянство, неисполнение постановлений и т. д.

Некоторые изменения наблюдались в организации штатов городской полиции (табл. 16). Тенденция здесь тоже весьма очевидна и нацелена на сокращение числа городских полиций и их состава там, где они остались. Вместе с тем наблюдается перевод ее основных расходов на казенный, а не на городской бюджет.

Указанные штаты не исчерпывали всего состава городской полиции и расходов на нее, которые имели место. Время от времени совершались попытки перевода их на содержание города, например, имеется предписание Комиссариатского департамента Военного министерства от 5 августа 1857 г., которым прекращалось казенное довольствие полицейских служителей[1]. Военное ведомство пыталось освободить себя от лишних расходов на полицейские штаты, город же с его слабой экономикой не всегда мог успешно справляться даже с такими тратами. Из городских доходов расходовалось только 460 руб. (табл. 17), остальное финансирование поступало из казны, а это в два раза меньше, чем в 1850 г., когда тратилось 1 078 руб. (содержание квартирной комиссии, квартиры городничего, штата нижних чинов и пожарной охраны)[2]. Самый большой объем софинасирования полиции, не считая хозяйственного обеспечения и пожарной охраны, наблюдался в Троицкосавском городском бюджете, что неудивительно для богатого купеческого города. Но даже там содержание полиции не осуществлялось целиком за счет города. В то же время Троицкосавск, по ходатайству купеческого общества, обладал весьма солидной по тем временам пожарной командой: брандмейстер (унтер-офицер), два рядовых из Московского пожарного депо и десять рядовых Сибирского линейного батальона № 12[3], неплохое содержание в 60 руб. офицеру и по 21 руб. рядовым, не считая затрат на обмундирование, которые купцы полностью взяли на себя.

При исторически сложившемся делении Забайкалья на западное и восточное, где порядок поддерживали два соответствующих земских суда, наличие в столицах этих областей городских полиций вполне обоснованно. Дополняли картину два статусных штата городских полиций Читы и Троицкосавска. Любопытно, что для Читы штат был совершенно нестандартный и назначался

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 7. Д. 223. Л. 1–2.

[2] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 104–104об.

[3] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 26. Ч. 1: Законы. № 24866.

из казачьих чинов, полицмейстер — из казачьих офицеров, а квартальный — из казачьих урядников. Думается, что это была попытка экономии, оба чина по штату получали жалованье меньше, чем уездный городничий и квартальный, чего в принципе не должно быть.

Таблица 16

Штаты и содержание городской полиции Забайкальской области (1856 г.)

Должность / категория расхода	**Число чинов**	**Жалованье, руб.**	**Столовые, руб.**	**Всего**	**Класс должности**
Читинская городская полиция					
Полицеймейстер	1	300	-	300	-
Квартальный надзиратель	1	100	-	100	-
Жалованье и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	300	
Всего	2	-	-	700	-
Верхнеудинская городская полиция					
Городничий	1	400	200	600	VIII
Квартальный надзиратель	2	125	75	400	XIV
Письмоводитель	1	200	120	320	XII
Жалованье и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	400	-
Всего	4	-	-	1 720	-
Нерчинская городская полиция					
Городничий	1	400	200	600	VIII
Письмоводитель	1	175	100	275	XII
Жалованье и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	400	-
Всего	2	-	-	1 275	-
Итого	8	-	-	3 695[1]	-
Троицкосавская городская полиция (город и слободы)					
Полицеймейстер	1	500	350	850	VIII
Пристав гражданских и уголовных дел	1	250	150	400	IX
Квартальный надзиратель	2	125	75	400	XII
Секретарь	1	200	120	320	XII
Жалованье и паек писцам; канцелярские расходы	-	-	-	400	-
Всего	5	-	-	2 370[2]	-

Основание: ПСЗРИ. Собр. II. Т. 31. Ч. 2: Штаты и табели. № 31222. С. 708–709, 714.

[1] Из государственного казначейства.

[2] Сумма формировалась: 1 720 руб. из государственного казначейства; 650 — из городского бюджета.

Таблица 17

Расходы бюджета г. Верхнеудинска на содержание городской полиции (1857 г.)

Наименование	Число чинов	Сумма расхода	Всего
Содержание квартиры городничего	-	-	27 ¾
Пожарная часть	-	-	42,85 ¾
Пожарный обоз (приобретение и исправление инструментов)	-	-	113,71 ¼
Содержание нижних (рядовых) чинов	12	5,14 ¼	61,71
Обмундирование для нижних (рядовых) чинов	-	-	137,54 ¼
Отопление и освещение помещения полиции	-	-	76,78
Десятники	10	Без содержания	
Итого	460 руб. 1 коп.		

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 7. Д. 223. Л. 1–2, 11об.–12.

Если исключить финансовую сторону содержания полиции на протяжении всей первой половины XIX в., станет очевидна организационная несостоятельность системы сельской и городской безопасности империи. Об этом говорят дореволюционные и современные исследователи, а также почти все современники. По совокупному мнению, необходимость реформ к середине века действительно назрела. Одной из ее причин называется некомпетентность полицейских чинов и крайне слабая эффективность службы [280, с. 28]. Соглашаясь полностью с оценкой, вряд ли можно признать, что именно это стало причиной реформы, так как ни то ни другое в реформу 1862 г. не закладывалось. Кадровая проблема искусственно создавалась самой властью, сделавшей класс полицейских почти закрытым. Существовали прямые запреты набирать полицейские команды из местных жителей и инородцев[1], за исключением нескольких общностей казаков. А что касается эффективности, то вопросы общественного контроля и профессионализация полиции, которые могли бы реально ее стимулировать, опять же в реформе отсутствовали. Все это на самом деле делает «реформу» административным преобразованием.

Кардинальное изменение социальной системы общества логичным образом требовало новой организационной структуры, новых оснований службы полиции и необходимость усиления ее эффективности. Пристальный интерес дореволюционных и современных исследователей к реформе полиции середины XIX в. и современная ей общественная дискуссия могли бы свидетельствовать о неких революционных ее результатах, принципиально изменивших систему безопасности империи. В реальности реформа не более чем структурировала и универсализировала все имевшиеся ранее штаты. При этом основные их изменения наметились еще до ее начала. Реформой не затронуты принципиальные основания деятельности полиции. Общим мнением кабинета реформаторов явилось то, что «*сельские общества обязаны содержать*

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 7. № 4049а, 5062.

внутреннюю свою полицию» [234, с. 99]. Но и эта позиция не доведена до своего логического воплощения.

Реформа, на наш взгляд, имела три основные задачи. Первая заключалась в приведении существовавшей системы разных полиций к единообразию. Большинство полиций в городах и уездах (округах) создавались на разных нормативных основаниях, отчего иногда формировался индивидуальный и не всегда рациональный штат. Единообразие правительству необходимо было еще и потому, что в большинстве случаев, как верно отметил П. Е. Соборнов [265, с. 16], в министерстве не имелось цельных и полных сведений о составе местных учреждений. Такое мнение целиком подтверждается делопроизводством. Правда, он наивно усматривает причину в отсутствии *«... железных дорог и средств связи центра с российскими губерниями и уездами»*. Сведения систематически, каждые несколько лет направлялись и в министерство, и в губернские органы вполне успешно и без железной дороги. Проблема состояла в том, что эти сведения собирались исключительно формально. Никакой серьезной аналитической работы с ними не проводилось, кроме как при подготовке самой реформы. Более того, несколько примеров запрашиваемых сведений в 50-е гг. XIX в. просто не могли быть пригодны для полноценного анализа, ведь составлялись они, по разумению местных полицейских, в ответ на запрос «*о характере организации полиции в данной местности*» без указания конкретных критериев. Полицейские и сами не знали этого характера, почему и из-за чего именно так выглядел и финансировался штат. Никакого единообразия в этих сведениях нет, равно как и рекомендаций составителям. Новый этап сбора обычно начинался после пожара и полного или частичного уничтожения сведений, которые с усердием сказочного Кощея складировались без попытки практического использования.

Бюрократическая причина реформ в целом ясна, другим ее основанием было поднятие жалованья полицейским. Официальные доходы, на которые они существовали, не позволяли вести достойную жизнь. Через оптимизацию штатов проводилось одновременно укрепление системы и установление ее единоначалия. И третья причина – это отделение полиции от фискальных и судебных функций. Намерения реализованы временными правилами от 25 декабря 1862 г. лишь на территории европейской части России. Аналогичные изменения в сибирской полиции произошли только через 5 лет в 1867 г. и в усеченном виде. Например, продолжало бытовать право полиции судить по мелким проступкам. Полиция окраин существовала почти целиком на прежних основаниях.

Проблема неназначения новых служителей стояла остро, как и на территории всей империи. Даже если город сильно перерос прежний штат, нового добиться не удавалось. В 1862 г., согласно сообщению городничего Ф. В. Куркина в Верхнеудинске, несмотря на все старания и обоснования, необходимый третий квартальный так и не появился, зато расширена канцелярия и сокращены рядовые (табл. 18). В сравнении со штатом 1856 г. смета казенных расходов не изменилась, сокращение трат произошло в категории городского компонента. Уменьшилось с 12 до 4 число рядовых, а вместе с ними и

несистематические траты на их обмундирование. Исчезли расходы на квартиру городничего, отопление и освещение полиции. Последнее не могло не осуществляться, вероятно, оно просто не указано в общем составе. В два раза увеличились расходы на пожарную охрану. Эта категория была самой нестабильной, от года к году расходы здесь могли то уменьшаться, то увеличиваться в несколько раз, в зависимости от выводов надзорных комиссий. При этом постоянной команды для пожарной охраны не существовало. Еще один важный вывод из этого сравнения — продолжение тренда по сокращению расходов города на содержание полиции с 460 руб. до 425 до 94 коп. в год.

Таблица 18

Содержание городовой управы г. Верхнеудинска (1862 г.)

Наименование	**Число чинов**	**Сумма в год (жалование и столовые), руб.**	**Итого**
Городничий	1	400+200	600
Квартальный надзиратель	2	125+75	400
Канцелярия и канцеляристы		400	400
Письмоводитель	1	200+120	320
Рядовые при полиции	4	5,14	20,56
Пожарный обоз		294,13	294,13
Итого	17		2 034,69

Основание: ГАЗК Ф. 1. Оп. 1общ. Д. 510. Л. 11.

Если Верхнеудинск обладал главной активной силой городской полиции — квартальными, то система безопасности других городов Забайкалья сильно отставала. Баргузин[1] к 1862 г. окончательно лишился даже стабильных признаков города, в нем проживало 1 022 человека, а годовой доход составлял 489 руб. Благочиние находилось в ведении Верхнеудинской земской полиции, ни о какой пожарной команде речи не велось. В 1863 г. Селенгинску возвращен статус уездного города с назначением округа, и 24 февраля 1864 г. образован Селенгинский земский суд[2], поддерживавший порядок и в городе, и в округе.

Население г. Нерчинска в 1862 г. составляло 3 844 человека, доход — 9 066 руб.[3] Штат городской и земской полиции был прежним и возглавлялся исправником. Пожарной команды в городе не существовало, но при инструментах состоял один машинщик, два конюха и шесть десятников, которые в случае пожара действовали вместо пожарной команды. Содержание пожарного обоза обходилось городскому бюджету в 252 руб. Отметим, что нерчинские обыватели избирали десятников сроком на полгода, в отличие от остальных городов, где срок составлял год.

Наибольшие изменения коснулись полиции г. Читы. Несмотря на то, что Чита в этот период была небольшим городом с населением в 3 020 чел.

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 510. Л. 14.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1729. Л. 256.

[3] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 510. Л. 7, 18.

и доходом 13 011 руб. в год, штат городской полиции (табл. 19) состоял из полицмейстера и квартального надзирателя. Статусу города соответствовало и жалование служителей, которое было выше, чем в общей городской полиции. В сравнении с изначальным штатом, ориентированным на комплектование из казачьих служилых, в 60-е г. он все же приводится к стандартам империи. Всего на содержание расходовалось 2 400 руб.: из них 2 280 руб. обеспечивались казначейством и только 120 — из доходов города. Последние, очевидно, шли на содержание помещения и пожарной охраны города.

Таблица 19

Штат и содержание городской полиции г. Читы (1862 г.)

Должность / категория расхода	**Число чинов**	**Всего жалование**
Полицеймейстер	1	900
Квартальный надзиратель	1	250
Секретарь	1	400
Жалованье и паек писцам; канцелярские расходы	-	730
Десятники	2	Без содержания
Всего	5	2 280

Основание: ГАЗК Ф. 1. Оп. 1общ. Д. 510. Л. 18.

Несмотря на установление в 1856 г. универсальной штатной организации безопасности окраин империи, ситуация все же менялась. Увеличивалось население, менялись стандарты службы, вслед за ними состав и довольствие служителей безопасности. На местах устройство полиции производилось с долей гибкости, в соответствии с местными условиями. Это еще раз доказывает наличие сильной губернаторской власти на местах, которая вследствие своего понимания проблемы и сложившихся законодательных лазеек проводила политику поддержания безопасности по своему усмотрению.

Слабым местом в системе безопасности окраин империи оставалась пожарная охрана. На ее содержание расходовались достаточно ощутимые для скромных городских бюджетов средства. Как мы успели убедиться, рассмотрев штатный состав полиций, пожарная безопасность всегда составляла самую изменчивую категорию расходов. На 1860 год расходы городских бюджетов составили для Верхнеудинска — 1974 руб., Читы — 548 руб., Нерчинска — 547 руб., Селенгинска — 810 руб.[1] Иногда ведомости о состоянии пожарной безопасности несколько лукавили. Местные начальники, перечисляя скромный инвентарь и слабый уровень организации дела на местах, указывали не фактический расход на пожарную охрану городов, составлявший обычно 50–100 руб. в год, а так называемые «*планируемые расходы*», которые по странным обстоятельствам редко совпадали с фактическими. Собрать с небольшого уездного города средства на какой-либо значимый ремонт инвентаря и закупку нового обычно не представлялось возможным. В делопроизводстве нередко

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 1142. Л. 1–1об.

фигурирует невозможность исполнения этой статьи расходов, вследствие чего горожане решали проблему «натурально» — то есть своими силами. Отчитавшись перед губернским начальством о выполнении, полагаем, починкой на самом деле никто не занимался, за редчайшим исключением, как и полноценным сбором средств на покупку нового пожарного инструмента. Еще одной проблемой было использование не по назначению городской собственности — общественных лошадей, приставленных к пожарному делу. Их редко содержали на достойном уровне, кормили плохим сеном и использовали в личных целях. Как ни странно, но прямые распоряжения по этому поводу, исходящие от городничего, часто просто игнорировались ратушей.

Подводя некоторый итог, стоит отметить, что организационно-штатная система полиции окраин в первой половине XIX в. претерпела некоторые изменения, выразившиеся, в первую очередь, в тенденции на сокращение городских полиций. Губернатор продолжал играть основополагающую роль в решении вопросов организации и функционирования полиции. Последняя возглавлялась городничими в уездных, полицмейстерами в столичных (губернских, окружных) городах и исправниками в округе. Штат полиции, необходимый городу и округу, являвшийся основным управленческим ресурсом губернатора, был крайне малочислен и к середине века в основном перешел на финансирование казны. При этом городские бюджеты продолжали в небольшом объеме поддерживать его хозяйственные потребности, а также дополнительно содержать рядовых чинов полицейской стражи.

Сокращение городской полиции не привело к расширению земской. На всей территории приграничного и ссыльнокаторжного Забайкалья действовали суммарно не более шести участковых заседателей. Безопасность округа на местах обеспечивали выборные от местного общества и реже привлекаемые военные, и, конечно, при такой организации говорить о стабильном сохранении правопорядка нельзя. Немногочисленность аппарата, с одной стороны, компенсировалась широчайшей компетенцией. Надо признать, что аппарат земской полиции фактически не привлекался к непосредственной защите правопорядка внутри общества, в большинстве ограничиваясь фиксацией происшествий. Главной задачей земского суда был надзор и контроль за подвластными, подчиненными ему территориями через систему крестьянского начальства (самоуправления) и вотчинников (в случае Забайкалья вотчинниками выступали монастыри). На охрану порядка в большей степени ориентировалась городская полиция, но и она продолжала, исходя из ее штатного состава, функционировать как вотчинная (помещичья) система надзора за подчиненным обществом.

Деятельность полиции по сохранению благочиния и уголовная статистика в первой половине XIX в.

Земская и городская полиция первой половины XIX в. представляла собой, как мы выяснили, немногочисленный, слабо содержащийся и немотивированный институт. Одновременно, как важнейший проводник государственной политики, она продолжала исполнять многочисленные и разнообразные задачи.

Основные компетенции регламентировали прежние основополагающие законы: «*Учреждение для управления губерний*» (1775 г.), «*Устав благочиния*» (1782 г.) и новые: «*Учреждение для управления сибирских губерний*» (1822 г.), «*Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*» (1845 г.), «*Наказ полиции о производстве дознаний*» (1860 г.) и др. Особое значение приобрели акты: «*Устав о ссыльных*» и «*Устав об этапах в сибирских губерниях*» (1822 г.). Задачи постепенно расширялись, соответственно развитию хозяйственной деятельности, росту населения городов и области и появлению новых территориальных образований.

Все мероприятия, проводимые полицией по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в первой половине XIX в., своими корнями уходили в законодательную традицию второй половины XVIII в. Городничие заботились о соблюдении основных постулатов благочиния, что следует из предписания магистрату верхнеудинского городничего Сеннова «*по случающимся до полиции делам иметь сношение как следует*». Воспитанный в екатерининскую эпоху, он написал свой оригинальный наказ городскому обществу от 19 июня 1800 г.[1], где сформулировал 11 пунктов, соблюдение которых, по его мнению, обеспечит благочиние городу. Первый касался выдачи сумм на полицию только под расписку городничего. Три пункта посвящены организации пожарной безопасности. Подчеркнута необходимость обеспечения присутственных мест дровами, которые должны доставляться «*натурой*», и избрания способных десятников. Городничий подметил, что по городу внутренних рогаток на перекрестках не расставлено и особой необходимости в них нет. У внешних же рогаток, в двух местах, на больших дорогах и на берегу Селенги, необходимо учредить караул и нести его городским жителям. В помощь обществу городничий определил на каждую рогатку по одному казаку. Два пункта касались организации городских коммуникаций, нумерации зданий и соблюдения пропорций при их строительстве только на разрешенных городских участках.

В рамках полицейских мер городничий налагал запрет на содержание жителями в домах пришлых без разрешительных документов, особенно беглых или «*каких* [других] *злодеев*». Подытожил свое сообщение городничий следующими словами: «*Впрочем, надеюсь, что наблюдение магистрата превзойдет усугублением своим всегда, что касается добронравия живущих, совершенной тишины, трезвости, взаимной искренней дружбы и вспоможения друг другу; осторожности от огня, чистоты в домах и по улицам, призрения нищих, помощи вдовам и сиротам; и во всех делах богоугодных и гражданскому общежитию полезных; магистрат да под стать мне и градской полиции со своей стороны желанное пособие и со своей стороны быти поспешное в делах государственных решительности*»[2]. Имела место традиция привлекать к решению отдельных вопросов безопасности местных обывателей. Отчасти это обусловлено пониманием, что без участия и содействия общества поддерживать безопасность просто невозможно. Как видно из наказа Сеннова, магистрат как орган самоуправления при желании мог достаточно много сделать в этом отношении.

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 171–172.

[2] Там же. Л. 171–175.

Соотношение рассматриваемых вопросов иллюстрирует журнал заседаний городской полиции (табл. 20). Его материалы свидетельствуют о том, что полиция в первой четверти века продолжает исполнять многочисленные фискальные и надзорные задачи. Ключевые по числу рассматриваемых дел — питейные, фискальные и торговые. Важное значение придавалось делам, связанным со ссыльными и каторжными, их содержанием и транспортировкой, и мелкие происшествия (кражи, драки и т. д.).

Таблица 20

Тематическое распределение рассматриваемых вопросов на заседаниях городской полиции г. Верхнеудинска (по материалам журнала заседаний 1816 г.)

Категории дел	**Число дел**
Военное ведомство	2
Питейные сборы и контроль продажи алкоголя	16
Эпидемии и эпизоотии	2
Кражи, потеря имущества, обыск	7
Нарушение порядка, драки	5
Налоги и общие финансовые проблемы города	9
Решение кадровых вопросов	2
Обращения магистрата и церкви за помощью	2
Тюремные учреждения	1
Ссыльные и беглые	7
Пожары и пожарная безопасность	1
Регулирование цен на продукты, торговля и снабжение больницы	8
Разрешение долговых обязательств	1

Основание: ГАРБ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 85. Л. 1–82.

Общество первой половины XIX в. традиционно патриархальное, и ключевые доходы большей части населения продолжают находиться в сфере сельского хозяйства. Структура преступности в городах и областях азиатских окраин изменилась незначительно. Громкие и резонансные дела о тяжких преступлениях (намеренных убийствах, поджогах, насилии) все еще редки. Наиболее распространенными преступлениями оставались различного рода кражи, как правило недорогих бытовых предметов, одежды, скота, чаще стали появляться сообщения о краже денег. Постепенно и медленно к середине XIX в. возрастает частота случаев краж, в том числе со взломом — вскрытия квартир и домов, но все еще единичны случаи ограбления присутственных мест и церквей. Возрастает, хотя и медленно, число разбойных нападений.

Драгоценности и предметы роскоши редко становились объектами посягательств, просто потому, что их мало или совсем не было в обиходе небогатого населения. Статусные и дорогие предметы фигурируют в основном в делах, связанных с ограблениями церквей. Ценность таких предметов исчислялась не

в десятках, как при обычном ограблении, а в тысячах рублей. Сомнительно, чтобы в условиях азиатской России такую добычу можно реализовать на месте без привлечения внимания властей, но оставался вариант продажи через границу. Грабежи церковного имущества были крайним исключением.

Городская полиция обычно достаточно эффективно справлялась с мелкими хищениями, почти всегда совершавшимися непрофессиональными ворами. Успехи достигались, в первую очередь, содействием общества (которое чаще всего и доставляло в полицию виновника), профилактической работой и отсутствием специализации преступников, которая широко разовьется к началу XX в. Куда хуже дело обстояло с разбойными нападениями, они редко заканчивалось поимкой преступников.

Почти не изменилась схема расследования преступления. После происшествия первоначально опрашивался потерпевший (он же заявитель), затем подозреваемый и свидетели, на которых указывали основные действующие лица. Обязанностью всех без исключения жителей был немедленный донос на любого нового, подозрительного человека. Низкий уровень преступности в городах этого времени, по справедливому замечанию В. Н. Кручинина, объясняется медленным ростом промышленности, строгим паспортным режимом, что, в свою очередь, не позволяло маргинальным слоям прибывать в города из провинции [336, с. 13]. Тяжкие преступления совершались редко и чаще всего в состоянии сильного опьянения, поэтому носили очевидный характер, а следовательно, остроты проблемы раскрываемости не существовало. В процессе развития системы безопасности основные усилия направлялись на внешнюю полицейскую службу, увеличение обходов, караулов и проверок.

Одним из направлений профилактики преступлений продолжал быть контроль миграции, тем самым осуществлялась борьба с беглыми, шатающимися, нищими и дезертирами, то есть наиболее криминогенными элементами. С послушными слоями населения с целью пресечения противозаконной деятельности работала церковь. Она продолжала следить за исполнением наказаний приговоренных к покаянию лиц как за преступления, так и за проступки, в основном по делам, связанным с морально-этической, интимной и внутрисемейной жизнью. Среди них были и тяжкие в современном понимании преступления: растления, изнасилования, убийство новорожденных, скотоложство, внебрачные дети, убийства по неосторожности и т. д. Даже и в таких случаях иногда объявлялись амнистии[1], по которым лица с уже заведенным на них делом и те, на которых дело не заведено, освобождались от тюремного наказания.

Азиатские окраины России продолжали являться главнейшим местом ссылки и каторги в империи, потому наиболее важным аспектом были поиск и поимка беглых каторжников. Наиболее активно они бежали, начиная со второй половины апреля. Тогда сообщения Нерчинской заводской полиции о побегах начинали расходиться по региону дважды в неделю[2]. Беглые приносили значительный урон местному населению, грабили, а в редких случаях

[1] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1648. Л. 2, 9об.–10.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 73–100.

и убивали обывателей. Техника составления портретов беглых оставалась очень примитивной, формализованной. Описания включали личные данные, внешние особенности, возраст и предположение о направлении побега. Как правило, бежали группами около пяти человек. Полиция при полном содействии местного, особенно сельского, населения активно ловила беглых и перед отправкой обратно в Нерчинские заводы допрашивала в тюремном остроге. Свидетельства эффективной работы по поимке беглых представляют собой ведомости пойманных беглых за месяц. Так, ведомость 1800 г. о восьми пойманных беглых сообщает, кем они задержаны: 2 — братскими (бурятами), 4 — крестьянами (с. Куналей), 1 — часовыми солдатами, 1 явился сам[1]. Пример не демонстрирует всего разнообразия происходивших событий, тем не менее указывает на главный показатель успешности службы полиции, подтверждающейся документами предыдущего и последующего времени: более половины беглых и преступников обезвреживались благодаря содействию общества.

Для стимулирования общества к сотрудничеству власть имела отнюдь не большой арсенал средств. В кризисные периоды ужесточались репрессивные меры, в виде штрафов, физического воздействия и арестов за неподачу сведений, доносов или недостаточно проявленную активность в поиске, поимке преступников или, например, при тушении пожара. Кроме «кнута» власть применяла и «пряник». Наиболее активных обывателей награждали за поимку беглых арестантов или каторжан, удостаивали благодарностей.

В целях своевременной реакции на происходящее городская полиция всегда стремилась собирать максимально полную информацию. Ежедневно квартальный надзиратель подавал сведения об изменениях численности населения города (приехавшие, уехавшие, умершие, родившиеся) частному приставу или городничему[2], в то время как в земские суды такие сведения с округи подавались крайне медленно. Рапорты предыдущих суток представляли собой таблицу из нескольких столбцов: номер, имена и прозвания нарушителей, содеянные поступки, резолюция. Рапорт составлялся даже если ничего не происходило, а частный пристав сообщал: «*в прочем по городу* [все] *обстоит благополучно*»[3].

В целях профилактики ночных грабежей, шатания, пьянства и дебошей использовалось старое средство — ночной обход караула по городу. Общество воспринимало это как обременительную натуральную повинность, хотя и понимало, что без содействия полиции порядок в городе невозможен. Качество дозора десятников не было высоким: так, в 1829 г. 6 десятников, которые несли дозор у Гостиных рядов Верхнеудинска, упустили крупную кражу общей суммой 1 160 руб.[4] В результате их самих заподозрили в грабеже, но обнаружение действительных виновников — беглых нерчинских каторжан освободило их от дальнейшего разбирательства.

Городское и сельское общества иногда активно вмешивались в вопросы сохранения безопасности и старались вносить свой посильный вклад. Тому

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 315.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 23. Л. 598.

[3] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 506. Л. 2.

[4] ГАРБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 527. Л. 10–10об.

может служить пример прошения об учреждении караулов или применении специальных охранительных мер. Так, в обращении верхнеудинского городского общества к военному губернатору Забайкальской области от 28 июня 1863 г. сообщалось о предложении обывателей организовать в городе десяточный караул[1] (с десяти дворов). Несмотря на протест казаков Заудинской слободы, считавших новый караул обременительным, учитывая нахождение многих домохозяев на службе круглогодично, губернатор инициативу поддержал. Кроме того, жители инициировали запрет курения («*табака, папирос и сигар*») в общественных местах.

Какой-то общей статистики преступности по регионам азиатских окраин в первой половине XIX в. в научном обороте не имеется. Поэтому придется довольствоваться фрагментарными сведениями. Сводки преступности первого десятилетия XIX в. существенно разнятся, часто противореча друг другу. Отсутствие единых стандартов учета преступности (число мошенничеств и воровства часто суммировалось, не всегда ясно разделение воровства и краж и т.д.), различные источники подсчета (полиция, тюремный острог, суды разного уровня; статистика заявленных, производимых дел или число арестованных лиц), различное предназначение статистики (отчет городничему, губернатору, военному министерству). Изучая данные источники, невозможно говорить о точном числе преступлений, ведь все ведомства суммировали общее число производимых дел, а не только преступных. Например, только в Верхнеудинском округе за 1850 год в производстве окружного суда находилось порядка 95 дел[2], среди которых числились скоропостижно умершие, сгоревшие дома, убитые лошадьми, утонувшие, обнаруженные мертвыми, в смерти которых не найдено виновных или не усмотрен след наличия таковых, при этом полностью исключить факт насильственной смерти было нельзя. Хотя тела старались фиксировать, не все такие случаи становились предметом разбирательства. Вскрытия не проводились, и установить точную причину смерти не всегда было возможно. Учитывая желания властей всех уровней «приукрашивать» реальное положение дел и непрозрачную методику подсчета уголовных деяний, статистические материалы необходимо использовать с большой долей осторожности, считать же полицейскую статистику XIX — начала XX в. источником объективной информации затруднительно. Она позволяет оценить лишь тенденции развития преступности в регионе и стране в целом, и то не в полной мере. Абсолютное большинство преступлений, это мы можем утверждать из рассмотрения самих уголовных дел, или раскрывались по горячим следам и очевидным связям, или не раскрывались, а лишь фиксировались. Большая часть их совершалась мужским ссыльнопоселенческим, крестьянским и казачьим населением. В этом смысле важными оказывались сведения о социальной принадлежности и половозрастная характеристика преступников и подозреваемых.

Анализ контингента, находящегося в 1807 г. в верхнеудинском тюремном замке (табл. 21, 22), свидетельствует о том, что основная часть преступных деяний связана с кражами и побегами ссыльнокаторжных и служилых.

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 7535. Л. 1–4.

[2] ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 124.

Из общего числа арестованных 37% содержались за кражи, 22% за побеги, иногда отягощенные грабежами. Кражи почти равно распространены среди наиболее зрелых категорий населения, от 30 лет до 60 и старше, в то время как не зафиксированы такие случаи среди категории лиц младше 30 лет. Это подтверждает мысль об отсутствии в этот период специализирующихся на воровстве преступников. В основном кражи носили случайный характер. Самой криминогенной по возрасту категорией являлись лица 30–39 лет, которые совершали 35% всех преступлений. Основными объектами посягательств со стороны совершивших кражи отмечались бытовые предметы и продукты питания, что соотносится с фрагментарными данными за 1800 г.[1] Разбойные нападения характерны для средних по возрасту лиц (30–39 лет), так же как и подделка документов.

Таблица 21

Возрастная структура преступности
по материалам Верхнеудинского тюремного замка (1807 г.)

Вид преступлений	**До 19**	**20–29**	**30–39**	**40–49**	**50–59**	**Старше 60**	% от общ. числа (54 чел.)
Кража			5	6	4	5	37
Убийство		1	1				3,7
Грабеж и побеги		3	5	2	2		22
Подделка документов		2	3	1	1		13
Секретные		4	3	1	2	1	20
Прочие			1			1	3,7
% от общ. числа (54 чел.)	0	18,5	35	18,5	16,6	13	

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 7. Л. 18–19.

Таблица 22

Социальный состав арестантов Верхнеудинского тюремного замка (1807 г.)

Вид преступлений	**Ссыльные**	**Казаки**	**Ясачные**	**Горожане**	**Крестьяне**
Кража	8		1	1	10
Убийство				1	1
Грабеж и побеги	5	7			
Подделка документов	3			3	
Секретные	4			3	4
Прочие	1				2
% от общего числа (54 чел.)	39	13	1,8	14,8	31,4

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 7. Л. 18–19.

[1] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 316–317.

Выделяются две самые криминогенные социальные группы: ссыльные (в том числе поселенцы) и крестьяне. Другие источники, например списки содержащихся при гауптвахте (сентябрь — декабрь 1815 г.)[1], подтверждают наши выводы: 36% — ссыльные, 27% — поселенцы, 18% — крестьяне. Ссыльные и ссыльнопоселенцы совершали до 40% преступлений, в основном краж. Не зря в классической литературе нашли свое отражение поговорки современников, такие как «*поселенец — что младенец, на что взглянет, то и стянет*» [301]. Ссыльные и казаки являлись также главными виновниками разбойных нападений. Присутствие в регионе ссыльнокаторжного элемента, включая отпущенных на поселение, стало главным триггером роста преступности. В последующие годы состав арестантов, задержанных в городе, стабилен и согласуется с указанными выше данными.

В состав сидельцев тюремного замка логично не входили преступники, совершившие мелкие деяния: праздношатание, пьянство, дебош, ругательства, за которые обычно помещали в арестантскую при полиции, а затем по решению городничего наказывали плетьми или общественными работами. Среди местного бурятского населения основными причинами помещения в острог оставались конокрадство и пограничные махинации — с учетом того, что мелкие дела рассматривали инородческие системы самоуправления.

Увеличение численности населения постепенно способствовало росту преступности. Уровень краж, в первую очередь в городах, возрастал от года к году, и уже к середине века (данные на 1849–1850 г.) колеблется от 58 до 76% от всех случаев (табл. 23). С середины века отмечается постепенный рост числа таких тяжких преступлений, как убийства, которые фактически занимают второе место, если не учитывать самоубийства. Грабежи и разбои в середине века все еще мало распространены, составляют 2–6% от общего числа и почти всегда связаны с ссыльнокаторжными.

Таблица 23

Процентное соотношение видов преступлений
по материалам годового отчета Верхнеудинского округа за 1850 г.

Вид преступлений /деяний	**1849 г.**		**1850 г.**	
	случаев	**% от числа за год**	**случаев**	**% от числа за год**
Убийства	6	7	7	8,3
Кражи и мошенничество	63	76	49	58
Нанесение телесных увечий (ран)	3	3,6	1	1
Поджоги	1	1,2	6	7
Грабежи и разбои	2	2,4	5	6
Подделка документов	1	1,2	1	1
Конокрадство	-	-	4	4,7
Самоубийство	7	8,4	11	13
Итого	83		84	

Основание: ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 185–185об.

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 69. Л. 1–11.

Продолжается тенденция на увеличение числа преступлений, совершенных крестьянами, поселенцами и ссыльнокаторжными (табл. 24), в сумме они составили более 80% преступлений. Сравнялось число деяний, совершенных военными, казаками и мещанами. Здесь анализируется только состав преступников, без учета мелких проступков.

Таблица 24

Число и социальный состав преступников Забайкальской области согласно отчету о состоянии области (1864 г.)

Социальный состав преступников	**Число преступников**	**% от общего числа**
Дворян	1	1,4 %
Мещан	2	2,8 %
Казаков	3	4,3 %
Военных	3	4,3 %
Крестьян	26	37,7 %
Инородцев	5	7 %
Поселенцев	18	26 %
Ссыльнокаторжных	11	16 %
Всего	69	

Основание: ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 909. Л. 8.

Снижение инородческих правонарушений объясняется, скорее всего, усилением роли внутреннего инородческого управления и значения тайшей, предпочтительным решением проблем внутри сообщества, что могло формально снизить число их фиксаций. Образование области, снижение надзорных функций иркутского губернатора и изменение структуры занятости местных полицейских и других надзорных органов могли привести к сокрытию части дел с целью ретуширования негативной статистики. Поправки к статистике неоднократно отмечаются в архивных фондах военного губернатора Забайкальской области (ГАЗК). Участие же ссыльнокаторжных и поселенцев в криминальной картине становится все возрастающим и не снижается вплоть до распада имперской системы.

Сравнительный анализ структуры преступности Иркутской губернии (население в 60-70-е гг. — 360–380 тыс. чел.) и Забайкальской области (население в 60–70-е гг. — 350–360 тыс. чел.) (табл. 25) подводит к однозначному выводу — наибольший уровень преступности по всем пунктам регистрируется в экономически более развитом регионе. К общим тенденциям можно отнести довольно высокий уровень нетяжких преступлений, в первую очередь покушений на мелкую собственность — воровство и мошенничество. При этом при сопоставимой численности населения в Забайкалье фиксируется высокий относительно регистрируемых преступлений процент убийств (10–20%), при общей численности преступлений в 4 и более раз меньше, чем в Иркутской губернии.

При этом отметим, что по числу преступлений вплоть до 80-х гг. XIX в. Иркутская губерния и Забайкальская область сравнимы с регионами русского севера, например Архангельской губернией (население в 60–70-е гг. — 300 тыс. чел.), и даже несколько уступают последней. Русский север характеризуется некоторой схожестью с Восточной Сибирью, там тоже были ссыльные, хотя и несравнимо меньше, там запаздывало введение определенных судебных и полицейских инноваций. Однако тяжких преступлений на «северах» совершалось сравнительно немного, например убийств в общем объеме преступлений менее 1% (1857–1862 гг.) [331, с. 101], в то время как в Восточной Сибири и на ее окраинах в среднем от 6 до 10%. Если сравнивать коэффициенты преступлений по убийствам,то в среднем в Европейской России в этот период показатель не превышает 1, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, в это же время в Забайкальской области — это порядка 4, а в Иркутской губернии — около 8. По уровню совершения тяжких преступлений с ними сравнима только Енисейская губерния.

Таблица 25

Число и род уголовных преступлений, совершенных по Забайкальской области и Иркутской губернии, согласно отчету о состоянии области (1863–1864 гг.)

Вид преступлений	**Забайкальская область**		**Иркутская губерния**	
	1863	**1864**	**1863**	**1864**
	Число преступлений (% от числа за год)			
Убийство и покушение	10 (10%)	18 (20%)	30 (6%)	28 (7%)
Поджог	-	4 (4,5%)	-	13 (3%)
Грабеж	-	4 (4,5%)	8 (1,7%)	4 (1%)
Кража, мошенничество	75 (74%)	44 (50%)	245 (52,8%)	201 (48%)
Конокрадство	1 (1%)	8 (9%)	77 (16,5%)	90 (21%)
Самоубийство	1 (1%)	10 (11%)	33 (7%)	20 (4,7%)
Оскорбление	10 (10%)	-	17 (3,6%)	6 (1,4%)
Растление	1 (1%)	-	2 (0,4%)	4 (1%)
Побег арестантов	2 (2%)	-	12 (2,5%)	19 (4,5%)
Нанесение вреда здоровью (увечий, ран)	-	-	32 (6,8%)	16 (3,8%)
Подделка документов и денег	1 (1%)	-	8 (1,7%)	14 (3,3%)
Святотатство	-	-	-	3 (0,7%)
Итого	101	88	464	418
Виновны:				
Мужчин	249	67	неизвестно	434
Женщин	53	2		23

Основание: ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 909. Л. 2–3; ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 676. Л. 63–63об.

Еще одна особенность уголовной статистики окраин — ее «мерцание» от года к году. Преступлений в Иркутской губернии в 1861 г. совершено 169, а в 1878 г. — 357, при примерно равном населении (377 тыс.) [331, с. 203]. Тенденция на один из самых высоких в империи коэффициентов (в пересчете на 100 тыс. населения) убийств в Забайкальской области находит подтверждение и в дальнейшем, в начале XX в. Этот коэффициент обгоняет даже самые высокие средние коэффициенты в г. Москве и Азиатской России в целом [340, с. 295–301]. Если их сравнивать хотя бы по числу преступлений с западными областями империи, такими как Рязанская губерния, при сопоставимом числе преступлений (1863 г.) 463 случая несопоставима численность населения, превосходящая почти в 4 раза (более чем 1400 тыс. чел.) [331, с. 207]. Безусловно, такое сравнение не однопорядковое, но позволяет представлять криминогенную ситуацию в среднем в Европейской России и Азиатской. Сравнение с западными регионами империи указывает на серьезные проблемы в обеспечении внутренней безопасности окраин.

Уголовная статистика этого периода достаточно свободна в формулировках. Например, категории «кражи и мошенничества» в большинстве случаев совмещаются, а иногда делятся на «*воровство и кражи*» и «*воровство и мошенничество*». В ряде случаев такое разделение проводилось по соображению канцелярских служителей.

В рассмотренную таблицу включены не все сведения, а лишь наиболее достоверные, например, в отчете есть единичные данные о рождении мертвых младенцев (1) и о противозаконном вступлении в брак (1), что статистически почти ничтожно. Приведенные данные не являются исчерпывающими. В таблице не отражены мелкие проступки: пьянство, драки и проч., за которые полиция наказывала без суда. Не учтены факты бродяжничества, хотя только в одном г. Верхнеудинске в отдельные промежутки времени содержалось до 50 человек по этому поводу. Не зафиксированы и многие нетяжкие преступления, совершавшиеся в подвластных монастырям землях. Обычно отдельные случаи, например поджоги, решались монастырским начальством без гражданской полиции, если, конечно, нанесенный ущерб не сочтен критичным. Монастырь в этих случаях ограничивался строжайшими предупреждениями и восстановлением имущества нарушителем. Число случаев преступлений, с одной стороны, не свидетельствует о разгуле преступности, но с другой — в пересчете на численность населения — общество приграничных азиатских окраин действительно предстает в суровом виде.

Представляются искаженными сведения о побегах заключенных, в таблице представлены лишь случаи — без указания числа беглецов. Скорее всего, здесь не учтены побеги по пути следования колодников, которые должно учитывать управление Нерчинскими рудниками, не подчинявшееся губернскому управлению и имевшее собственную статистику. Вообще число содержащихся под стражей в 20-е гг. XIX в. незначительно отличалось от предыдущего периода, основная масса из них поселенцы и пропитанные[1]. Возраст арестованных

[1] Арестанты, выпущенные на самосодержание (пропитание), или поселенцы, которые в силу каких-либо причин получили возможность передвигаться и искать заработок вне поселения, где им полагалось находиться.

колебался от 27 до 76 лет. Большинство арестованных содержалось в городах Забайкалья, то есть там, где существовали целевые помещения, не считая каторжных. Основная причина помещения в тюремные замки — кражи или подозрения в них, бродяжничество, самовольное отлучение без письменного разрешения и «*перемена имени и прозвания*»[1]. Постепенно формируется и становится превалирующим миграционный фактор преступности. Например, в статистике 1838 г. (табл. 26, 27) отсутствуют жители города, так как за ними в тот год не зарегистрированы уголовные преступления с наказанием в виде заключения в замок. Главными преступниками в городе остаются прибывшие: ссыльные, крестьяне и инородцы. «Пришлый характер» городской преступности стал отмечаться и самой полицией, начался особый учет поселенцев, временно проживавших в городах, например в Верхнеудинске в 1843–1844 гг., и совершивших преступления[2]. Это, в свою очередь, говорит о преступности как производной от низкого качества жизни населения. В этом смысле если где-то и можно было почувствовать себя в безопасности, то это в Кяхтинском градоначальстве, где отмечается самый низкий уровень преступности среди окраинных городов. Например, за 1859 г.[3] указывается, что в городе совершены одно убийство и одно разбойное нападение. Конечно, такая статистика явно подверглась цензуре. Хотя, сравнивая отдельный штат Троицкосавской полиции и численность состоящего под ее ведением населения с учетом высокого уровня жизни, например с полицией Верхнеудинска, следует констатировать, что эта статистика скорее всего недалека от реальности.

Таблица 26

Половозрастной состав арестантов Верхнеудинского тюремного замка (1838 г.)

	До 16 лет	**16–25**	**25–50**	**Старше 50**	**% от общего числа**
Мужчин	2	12	301	97	95,8
Женщин	1	1	16	-	4,2
Всего	3	13	317	97	
% от общего числа	0,7	3	73,7	22,5	ВСЕГО 430

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 357. Л. 14–14об.

Возраст совершивших уголовные преступления ближе к середине века становился все моложе. Это видно по учетной документации: если в начале века преступники до 20 лет почти не фиксировались, то теперь это постоянная категория. Одновременно в статистике появляется и категория несовершеннолетних лиц в возрасте до 16 лет — они составляли один процент. Более 95% всех учтенных преступлений совершалось мужчинами. Число женщин стабильно держалось на уровне 4–6%.

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 290. Л. 1об.–3.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 693. Л. 2–11об.

[3] ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 635. Л. 38.

По характеру деяний, если отдельно рассматривать города (табл. 27), большинство из них относилось к мелким или незначительным, так 86% раскрытых преступлений — это пьянство. Дела по проступкам не требовали сложных технологических расследований, все обстоятельства дела были налицо. При этом такой низкий уровень преступности объясняется не чем иным, как профилактическими мерами. В этот период времени отдельные городские полиции все еще существовали и активно противодействовали преступности, в основном через обходы и надзорные мероприятия.

Таблица 27

Число раскрытых преступлений по г. Верхнеудинску и их половая градация за 1838 г.

Преступления	Кражи	Пьянство	Беспаспортные	Всего	% от общего числа
Мужчин	25	214	7	246	98,4
Женщин	1	3	-	4	1,6
Всего	26	217	7	250	
% от общего числа	10,4	86,8	2,8		

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 357. Л.14–14об.

В статистике чаще стали регистрироваться факты задержания женщин за бродяжничество. Чем вызван этот факт, сказать сложно, имели ли место скрытая проституция или возрастающий уровень урбанизации, когда представительницы нижних слоев общества ближайших сельских поселений пытались проникнуть в город в поисках работы и лучшей жизни. Некоторое усиление полиции новыми штатами в 1856 г. не могло способствовать повышению качества полицейской службы.

Статистика 50-х гг. XIX в. (табл. 28) свидетельствует о все возрастающем количестве беглых. Рост их числа начался в 1858 г., возможно, здесь имело место некоторое ослабление охраны вследствие передвижения каторжных по причине закрытия ряда рудников. К 60-м гг. число беглых ежегодно составляло в среднем около 500 человек. Большинство бежавших задерживались сразу на территории округа. Крайне интересны в этом смысле две «*Ведомости Верхнеудинской городовой управы о числе беглых заключенных, на коих наложены клейма*»[1] за 1861 г. В первой половине года заклеймлены 46 каторжных, 35 ссыльнопоселенцев, 19 бродяг; во второй половине года — 28 каторжных, 68 ссыльнопоселенцев, 13 бродяг, в общей сложности за год — 209 человек, которых нужно выследить, задержать, выяснить личность и прежнее место проживания, в частных случаях наказать — и все это малым составом полиции при наличии других полицейских обязанностей.

Бегство с каторги становилось почти массово распространенным явлением, что, в свою очередь, окончательно указывало на изживание каторги как пенитенциарного института. Задержанные городской полицией бежавшие без

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 7473. Л. 5–8.

отягощения иным деянием стандартно наказывались 15–50 ударами, чаще 25 ударами «*лозой*» и препровождались в земский суд для дальнейшего направления к месту постоянного пребывания. Таким же образом наказывали местных за мелкие нарушения порядка. Основной причиной проверок и задержаний были чаще всего привлекающие внимание действия самих беглых: пьянство (в том числе «*спящие, валяющиеся на улице*»), отсутствие разрешения на жительство или его просрочка, драки, мелкие кражи («*кулька сапожных гвоздей; рубахи; курицы; платья*»), праздношатание и оскорбления. Все чаще отмечаются примеры кражи не только бытовых предметов, но и денег. Заявления о кражах денег и долговых документов иногда поражают воображение. Взять хотя бы пример, когда у казалось бы рядового крестьянина Урлукской волости Жиндинского селения А. Елезова была украдена жестяная коробка с 69 руб., долговыми документами и ассигнациями на невероятные по тем временам 2 200 рублей[1]

Таблица 28

Число арестованных по разным преступлениям
в Верхнеудинском уезде (1857–1859, 1867 г.)

Преступления	**1857**	**1858**	**1859**	**1867**
Беглые	60	250	123	168
Убийства	13	4	6	неизвестно
Грабежи	-	6	-	
Подделка документов	7	-	-	
Женское бродяжничество	3	6	4	
Кражи	3	14	7	
Всего содержащихся	87	278	140	

Основание: ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 1122. Л. 6об.

Единичными были мошенничества, чаще связанные с торговлей, попытки грабежа со взломом. Злоумышленники обычно доставлялись в полицию силами пострадавших и неравнодушных обывателей. Праздношатание напрямую связано с проблемами разрешающих документов, просрочкой, а то и полным их отсутствием. Большинство задержанных совершали преступления на фоне употребления алкоголя. Выявить какую-либо зависимость числа преступлений со стороны поселенцев от времени года не удалось, зафиксированные аресты совершались в целом равномерно в течение года. Это говорит скорее о спонтанных мотивах, подогретых алкоголем, чем о специально планируемом и приуроченном к чему-либо преступлении.

Отметим, что с середины XIX в. снижается качество надзора за документами и полиции, и караульной стражи. Большинство задерживаемых или не имели документов, или они были просрочены. Известно это становилось лишь когда нарушители доставлялись в полицию за драку или пьянство. Иными

[1] ГАРБ. Ф. 180. Оп. 2. Д. 854. Л. 1–6.

словами, сельские мигранты без документов имели все шансы не привлекать внимание органов безопасности. Отсутствие документов постепенно перестало быть главным препятствием к нахождению в городе, особенно крупном.

Несмотря на рост показателей уголовной статистики на окраинах, вызванный как естественным увеличением населения и урбанизацией, так и нерешенной проблемой ссылки и каторги, хотелось бы отдельно отметить некоторые другие функции полиции. Прежде всего при отсутствии специальных сыщиков и следователей расследование преступлений тяжким бременем ложилось на плечи общей полиции, для чего не имелось ни обученных специалистов, ни свободных рук. Достаточно много случалось дел, когда достоверно сложно устанавливалось наличие в деле преступного умысла. К таким делам относились наиболее часто фиксируемые в рапортах сообщения об обнаружении мертвых тел. Их освидетельствовал врач, и на основе его заключения решался вопрос о дальнейшем производстве. Вскрытия обнаруженных тел не производилось, врач полагался на внешние признаки. К слову, если тело обнаруживалось далеко от города, могло пройти до нескольких дней, прежде чем врач сможет выполнить осмотр. Вне зависимости от вердикта врача, полицейские выясняли место жительства умершего и допрашивали близких с целью установления возможных обстоятельств смерти. Уголовное дело возбуждалось при наличии неопровержимых признаков — колото-резанные раны, пробитая голова, следы удушения и т. д. Далеко не всегда формы и методы проведения предварительного расследования позволяли разобраться в тонкостях совершенных преступлений и сделать вывод о насильственности смерти, особенно если речь шла об утоплении. Часто подобные случаи оставались нераскрытыми, даже если признаки насильственной смерти были очевидны.

Кроме непосредственно сыскной деятельности в компетенцию полиции входило поддержание порядка в увеселительной сфере: соблюдение запрета тайного производства и продажи алкоголя (*корчемство*), контроль над качеством продаваемой алкогольной продукции, режим работы питейных заведений, пресечение азартных игр, выявление тайной проституции, борьба с пьянством, пресечение кулачных боев и дебошей. Никаких новых приемов работы в этой сфере не появилось, как и прежде осуществлялись обходы, надзор, имели место доносы. За пьянство, к слову, под арест попадали не только рядовые обыватели, но и чиновники[1]. В этом смысле полиция была почти всесильна. Обращает на себя внимание позитивная сторона деятельности полиции, о которой редко кто упоминает — спасение жизни, особенно в зимнее время, когда «*хмельных людей*» нередко находили без сознания в сугробах[2] или на мостовых. Их доставляли в арестантскую, предоставив возможность протрезветь, а затем наказывали, по распоряжению городничего, 10–30 ударами плетьми для профилактики.

Важные изменения в «индустрии удовольствий» произошли с легализацией проституции. Теперь основные усилия полиции направлялись на контроль за увеселительными заведениями и выявление проституток, не имеющих разрешения, число которых возрастало. В первой половине XIX в. в забайкальских

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345. Л. 6–6об.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 6. Д. 693. Л. 2.

городах встречались отдельные женщины, промышлявшие развратом на квартирах. Задача полиции в этой щепетильной области заключалась в наблюдении за регулярностью медицинских осмотров и исполнением «*Правил содержания борделей*», утвержденных 22 мая 1844 г.[1] Причина внимания заключалась в активном распространении венерических заболеваний, особенно в местах концентрации военного контингента. В силу загруженности полицейских постоянное и неусыпное наблюдение за этой сферой было проблематично. Более того, законодательство не было исчерпывающим, а потому иногда бюрократическая машина в лице канцелярии губернатора не могла дать ответ на простые вопросы, например, кто должен оплатить лечение проститутки, явившейся к врачу самостоятельно.

В рамках борьбы за нравственность полиция пресекала аморальное поведение граждан. Например, в конце ноября 1816 г. при ночном обходе города казачий отряд, проходя мимо дома вдовы, титулярной советницы Широковской (между прочим покойный супруг которой тоже был полицейским), услышал «*необычный человеческий крик*»[2]. Казаки, исполняя служебный долг, зашли в дом для выяснения причин шума и, обнаружив там двух унтер-офицеров Колывано-Воскресенских горных заводов, попытались их арестовать. Хозяйка дома агрессивно защищала своих ночных гостей и даже покусала одного из блюстителей нравственности. Резолюция городничего была однозначна: Широковская с дочерью «*открыла свой дом для непотребства*», но на первый раз дело ограничилось строжайшим предупреждением и ей, и офицерам. Подобные случаи не столь часто встречались, но всегда оказывались резонансными. Собственно, даже в рассмотренном случае главная причина была в шуме, полиция в первую очередь реагировала на нарушителей тишины и спокойствия.

Полиции вменялось наблюдать за порядком и во внутрисемейной жизни, призывать к послушанию детей и т. д. Жалоба в полицию матери или отца на сына была вполне обыденным делом. Причины разлада между родителями и отпрыском выявлялись самые разнообразные, от сожительства со служанкой до пьянства и рукоприкладства. Полиция не только пыталась банально наказать ослушника, но находила способы примирения сторон, где-то ограничиваясь выговорами и предупреждениями, где-то воспитывая розгами, а где-то анализируя ситуацию и предлагая реальные выходы из нее. Полноценное взаимодействие церкви и полиции, описанное выше, в полном объеме сохранялось и в рассматриваемый период.

Говоря о широком спектре задач полиции, невозможно не охарактеризовать хотя бы в общих чертах их значение в системе местного здравоохранения. Городничие, присматривая за всеми без исключения городскими коммуникациями и учреждениями, играли принципиальную роль в деятельности местных лечебных заведений. Губернатор напрямую поручал им всеобъемлющий надзор за больницами, в частности при постройке больницы в Верхнеудинске в 1812 г. городничему Решетникову сообщалось: «*Получил от верхнеудинского исправника господина Янковского донесение, что предназначенный дом для помещения*

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2011. Л. 8–12 об.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 518. Л. 178–178 об.

больницы построен. Я рекомендую следить за порядком и чистотой, поскольку всякая неисправность или беспорядок останутся на собственной ответственности вашей» [325, с. 109]. Лечение и обследование в государственных больницах было платным, и полиции нередко приходилось взыскивать с вылеченных денежные средства. О необходимости взыскать некие средства систематически уведомлял лекарь. Беднейшим слоям населения медицинские услуги профессионального врача были недоступны из-за их неплатежеспособности. Может быть, именно поэтому губернское правление постановило «*старых и дряхлых людей не принимать в больницы Верхнеудинскую и Киренскую ... они отягощают казну*» [325, с. 112].

Полиция получала уведомление почти о любом состоянии дел в больнице. Более того, даже на лечение пациенты нередко поступали через полицию. После выписки лекарь в обязательном порядке сообщал о результатах лечения: «*находящийся в здешнем больничном доме Трифон Иванов заболел артритом*»; «*присланный для лечения Колодин Илья, признан здоровым и получил свободу*»; «*присланные ко мне из полиции больные для лечения ... вылечились и получили свободу*»; «*присланный на лечение Ф. Иванов умер 5 февраля 1814 года*» [325, с. 106, 109]. Городничий вынужден был вникать и в вопросы качества оказания медицинских услуг. Имеются свидетельства об обращении верхнеудинского городничего Измайлова к губернатору: «*занимающий здесь место лекаря надворный советник Шиллинг по болезненным припадкам и старости, хотя и старается, но не вполне исполняет служебные обязанности, на что жалуются больные*». Городничий ходатайствовал определить другого лекаря, поскольку лечением в местной больнице занимался ветеринарный врач Зборовский [325, с. 110]. К чести Шиллинга, нужно сказать, что он свое болезненное состояние и возраст оценивал вполне реалистично и еще в 1807 г. ходатайствовал перед городничим о назначении И. Шунаева лекарским учеником и его дальнейшем обучении [325, с. 104–105]. Именно городничий должен подготовить документы и обосновать решение перед губернским правлением. И хотя все процедуры были соблюдены и Шунаева исключили из казачьего звания, направив в Иркутскую врачебную управу, последняя назначила его на должность лекарского ученика в Нерчинск. Кроме контроля и надзора за кадрами и их движением городничий систематически проверял финансовые дела больницы и ходатайствовал о направлении в город средств из губернского правления на ее содержание и приобретение расходных материалов. Он организовывал проектирование, закупку строительных материалов, ремонт старых и строительство новых зданий и проч.

В продолжение медицинской темы интересна деятельность полиции в расследовании дел, связанных с целительством, колдовством и магией. Примером может быть дело о проведении следствия над мещанкой Мурзиной (1809 г.)[1]. Дело начато по заявлению земского заседателя Кобяшева, сообщившего, что Мурзина явилась к его дворовой без всякого приглашения и дала ей траву для приворота, сообщив, что принявший отвар любой человек быть без нее не сможет. Дворовая не стала ее слушать и обо всем доложила барину. Тот

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4195. Л. 1об.–10.

попытался выведать у Мурзиной, какими травами она владеет, но, не добившись ответа, обратился в полицию, «*дабы не учинено было какого вреда от нее*». Из показаний мещанина Сушкова известно, что Мурзина пыталась устроиться к нему стряпухой и предлагала траву для их с дочерью здоровья. Иркутская палата уголовного суда, квалифицировав действия Мурзиной как шарлатанство, приговорила ее к 15 дням общественных работ, что можно считать более чем мягким наказанием.

Еще одним аспектом, подотчетным полиции, были незаконные браки и незаконнорожденные дети. Восточная Сибирь, а ее окраины и подавно отличались от большинства регионов России тем, что превосходили все возможные показатели по численности и тех, и других. Ежегодно в регионе объявлялось не менее 70—120 незаконнорожденных детей, не считая мертворожденных и умерших вскоре после рождения. Особо отмечаются часто фиксируемые дела об обнаружении мертвых младенцев. Установить обстоятельства и найти виновника удавалось редко. В основном тела обнаруживались в доступных местах вокруг жилых и хозяйственных комплексов. Выяснение характера их смерти всегда становилось моральной дилеммой для врачей и полиции. В традиционном обществе, как это ни парадоксально, оставление новорожденных младенцев в условиях опасности для их жизни и даже предумышленное убийство — частое и почти обыденное явление.

Детально об отношении к маленьким детям на южнорусских материалах сообщает О. П. Семенова-Тян-Шанская [119]. Например, по ее сведениям, частым явлением было «*заспать*» ребенка, то есть задавить во время сна. Намеренные убийства, чаще незаконнорожденных, от стыда, научения родни или по экономическим соображениям были повсеместно распространенной практикой. Уголовная статистика реальное положение дел в этом вопросе никогда не отображала, ведь расследовались только случаи, попавшие на глаза общественности. Можно предположить, что незаконные браки или разовые отношения и дети от них — некий результат распущенности нравов, ветреной, но искренней влюбленности, принуждения, изнасилования, отсутствия контрацепции или ханжеского характера общества. Все эти факторы, безусловно, имели место, но принципиальным является отношение традиционного общества к детям. Ярче всего это отношение проявилось в годы спровоцированного советской властью страшного голода в Поволжье в 1919—1921 гг. Участники американских благотворительных обществ, которые организовывали питание детей наиболее пострадавших районов России, с ужасом отмечали, что крестьяне отбирают еду у своих детей. Логика крестьян ужасна, но рациональна — ценность детей для них не высока: голодный взрослый не сможет работать, что грозит смертью всей семье, а если ребенок умрет от голода, это лишь потеря очередного голодного рта. И хотя от рассматриваемого времени до указанных событий было еще очень далеко, отношение к маленьким детям было если не такое преступное, то, как минимум, не всегда гуманное. Детально и очень ярко об этом говорится в уже указанном нами сочинении. Но даже если виновника находили и им оказывалась сама мать ребенка, ей грозил либо краткосрочный арест, либо не более чем церковное покаяние.

Отдельной сферой деятельности и городской, и земской полиции продолжало оставаться наблюдение за неблагонадежными, в числе которых в Забайкалье были не только политические, но и старообрядцы. Нагрузка на чины земской полиции в этом ключе была куда выше. Они отслеживали, чтобы в устройство раскольнических часовен не вносились какие-либо поправки и переделки [16, с. 114–115], кроме согласованных с властью. К слову, несмотря на непримиримость системы к инакомыслящим и всяческое их притеснение, иногда вполне системные лица испытывали к ним симпатию или, по крайней мере, воздерживались от гонений и ограничений. Таким оказался земский исправник Верхнеудинского округа Мандрика [16, с. 115], который, согласно материалам секретной переписки между генерал-губернатором Восточной-Сибири и Иркутским гражданским губернатором, вопреки распоряжению о запрете использования колоколов раскольниками, не только не контролировал его исполнение, но и внушил возможность их сохранения и даже обещал протекцию. Абсолютно формально полицейские относились к различного рода сборам сведений, например о наличии у старообрядцев библиотек. В ответ на запрос они всегда отвечали кратко и емко — библиотек старообрядцы не имеют, хотя у каждого из них она имелась дома, иногда даже очень разнообразная и богатая.

Жизненно важным аспектом безопасности, особенно в условиях почти повсеместной деревянной городской застройки, было поддержание в рабочем состоянии пожарной охраны. Без профессиональной пожарной команды ответственность по предупреждению возгораний в городе возлагалась на полицию. Часто вопрос о состоянии пожарного инвентаря поднимался после каждого очередного происшествия, когда начинался поиск виновных. Так, И. А. Сеннов, сообщая магистрату в сентябре 1805 г. о произошедшем пожаре и обстоятельствах его тушения, отметил, во-первых, техническую слабость пожарной охраны, наличие старой маломощной машины, неисправность и недостаточность пожарных инструментов и, во-вторых, слабую организацию самого процесса пожаротушения, когда большая часть горожан прибыли на пожар из любопытства. Позднее была разработана инструкция по тушению пожаров. Требования включали в себя два ключевых положения: 1) выдача специального билета домовладельцу, которого ратуша обязывала являться на пожар с домочадцами, «*не только мужчинами, но и женщинами и девками*», с соответствующим инвентарем; 2) обязательное присутствие обывателей до окончания тушения пожара. Однако ситуация принципиально не изменилась. Общество по-прежнему пыталось оградить себя даже от намеков на возможные расходы. В некоторых случаях дело доходило до курьеза[1], когда горожане предписывали машинщику поправлять инструменты своим капиталом, что, конечно, шло вразрез с законодательством.

Действия полиции в области пожарной охраны предполагали наказание обывателей за несоблюдение противопожарных мер, пропаганду необходимости улучшения пожарной части, надзор за всеми подозрительными лицами, организацию ночных караулов и дневных обходов, обнаружение и наказание

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5891. Л. 188.

распространителей тревожных слухов и т. д. Именно в области пожарной охраны постоянно вскрывались противоречия между управой (полицией) и ратушей. Управа как государственное учреждение обязана была поддерживать пожарную охрану города на необходимом уровне, но находилась в полной зависимости от самоуправления, искавшего лазейки для отказа, отсрочки от сбора средств, собирало их крайне неохотно и медленно.

Взаимоотношения полиции и общества, даже в лице городского самоуправления, оставляли желать лучшего. Во время ведения дознания и следствия нередко обнаруживалось грубое поведение, рукоприкладство, произвол, необоснованные обыски и т. д. Производство так называемого «*повального обыска*» в случае только лишь одного предположения о том, что подозреваемый замешан в некоем преступлении, — обычное дело. Сказывалось отсутствие необходимого специального образования, почти всегда низкий уровень просвещенности и в целом воинские идеалы в обществе, где строгое и даже грубое обращение было общественной нормой. Наиболее достоверным доказательством вины продолжало являться признание подозреваемого, которого можно добиваться различными методами, в том числе и противозаконными. Полученное признание почти никогда не подвергалось сомнению.

Другой стороной взаимоотношений был, безусловно, суровый нрав местного общества. Чиновник, в том числе полицейский, мог не только выслушать достаточное число грубостей, но и получить физические им подтверждения. Таково сообщение о дерзком поступке купца Афанасия Орлова (1818 г.), который избил квартирмистра, приходившего в его дом для того, чтобы определить место пребывания казначею. Купца арестовали, но потом дело было закрыто из-за того, что квартирмистр по неизвестной причине не подал жалобу[1].

Нередко в городе проживали чины равного с городничим статуса, на которых у него не всегда хватало власти воздействовать. Сложнее всего дело обстояло с военными и казаками, особенно если они находились под воздействием хмельного, как, например, произошло в случае с поручиком штатной городовой команды Наживиным (1809 г.), которого наказали за пьянство и дебоши заключением на гауптвахту. Посланный за ним унтер-офицер трижды пытался арестовать дебошира, и даже частный пристав Широковских в сопровождении того же унтер-офицера и трех солдат мало что мог сделать, тем более, что, получив удар «*в подбородок... едва смог устоять на ногах...*»[2]. Наживин ругал городничего бранными словами, называл «*вором и лихоимцем...*», а в личной беседе с городничим заявил, что «*городничий в городе не судья*» и он «*сделает с ним* [городничим Решетниковым] *то же, что и с Сенновым*». Для городничего это стало вопросом чести, и он подал рапорт о происходящем губернатору. А вот стычек со ссыльными или арестантами в этот период было куда меньше. Городничие писали о том, что заключенные ведут себя скромно[3], за 7 лет зафиксирован только один случай, когда арестант из беглых перочинным ножом ранил смотрителя замка в грудь. Драки же между обходившими город

[1] ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5207. Л. 2–2 об.

[2] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–4.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 1122. Л. 8.

десятниками с солдатами или казаками — не редкость. Дебоширить могли не только обыватели-мужчины, не менее яростно сопротивлялись полиции и женщины. Упомянутая вдова Широковская разбила поленом голову одному из заявившихся к ней ночью казаков, обходивших город.

Подводя предварительный итог рассмотрению уголовной статистики и характеристике некоторых задач и направлений деятельности полиции, отметим ключевую мысль: о сохранении специфики предшествующего периода (XVIII в.) и постепенной эволюции в силу естественного развития общества и значимых политических решений, в частности расширения каторги. Наиболее распространенными нарушениями безопасности являлись проступки и нетяжкие преступления: мелкие кражи, пьянство, побеги, просрочка документов. Кражи часто обусловливались бытовыми условиями, совершались хорошо знакомыми, соседями или находящимися в отлучке поселенцами. Преступность в городах стала прерогативой преимущественно сельских мигрантов. Совокупная проблема беглых каторжников и отлучающихся без разрешения к середине XIX в. имела накопительный эффект. Беглые чаще совершали кражи со взломом, нередко в ночное время. Предметами краж в основном был совершенно не хитрый бытовой инвентарь и одежда, но в целом дела свидетельствовали о нарастающем материальном расслоении, в том числе и у крестьян. Основная масса совершенных беглыми и ссыльнопоселенцами деяний приходилась на город, где к этому времени на фоне сокращения городских полиций и роста населения одновременно ослабели надзорно-профилактические меры, применявшиеся полицией. Причины последнего можно искать в старых методах работы, эффективных в условиях повального миграционного контроля и небольшой численности горожан, а также постепенного переключении служб империи на бюрократический стиль управления. Сравнительный анализ общих показателей преступности и отдельно тяжких с учетом коэффициента преступности свидетельствует о достаточно низком уровне внутренней безопасности на азиатских окраинах.

Основные усилия власти по модернизации полиции были направлены на усиление внешней полицейской службы. На протяжении первой половины XIX в. обнаруживается постепенный, естественный (с увеличением населения) рост преступности, обусловленный, в первую очередь, участием ссыльнопоселенческого элемента. Полагаем, что ее уровень мог быть гораздо ниже при отсутствии института ссылки и каторги. Резкое возрастание преступности по области, по отдельным видам преступлений иногда в два раза, проявляется в 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Преступность в городах соразмерна преступности в уезде, но наибольшее число нарушений относится к обнаружению пьянствующих и мелким кражам. Отмечен стабильный рост числа уголовных преступлений и серьезное возрастание в середине века случаев бегства с мест каторги и поселения. Это свидетельствует, во-первых, о значительном экономическом отставании городов Забайкалья в слабо урбанизированном регионе, во-вторых, о все еще проводящейся в этот период профилактической работе полиции по пресечению правонарушений, которая почти не велась в уезде, в-третьих, о содействии общества, стремившегося обезопасить

город, в-четвертых, о серьезном кризисе пенитенциарной системы империи в целом и каторги в частности. Большая часть преступлений в городе совершалась временно прибывшими поселенцами, беглыми ссыльными, крестьянами, реже инородцами и казаками. Значительный рост преступности и возрастающий объем задач по сохранению благочиния в значительной мере перегружали полицейский аппарат, в результате уже в первой половине XIX в. проявилась неспособность полиции выполнять целый ряд обязательных задач. Широкое содействие общества все еще позволяло существовать прежней системе, создавая условия, когда немногочисленная полиция, территориально сконцентрированная в городе (как земская, так и городская), относительно эффективно удерживала контроль над территорией. Собственно, полноценно задачи сохранения благочиния могли исполняться только внутри городского общества. Для сохранения безопасности в сельской местности, в реальном виде, а не на бумаге, не было ни институтов, ни ресурсов.

Причины и источники злоупотреблений служителей полиции

Вопрос качества работы сотрудников полиции, безусловно сложный. Стоит отметить важное, что оно в целом отвечало политической и общественной реальности того времени. Невозможно назвать полицию самым злоупотребляющим ведомством или утверждать обратное. Но поскольку полиция среди прочих властных институтов, пожалуй, одна из самых контактных, наиболее тесно связанных с обществом, случаи незаконного использования власти, конечно, наиболее ярко отразились в истории.

Старым средством профилактики злоупотреблений городничих была их систематическая перемена и пристальный надзор со стороны губернского правления — не вполне эффективные, но все же меры к снижению уровня противозаконных действий. Царствование Николая I в историографии отмечено вполне конкретной тенденцией резкого роста бюрократии, формализма и коррупции. Действительно со второй трети XIX в. отмечается снижение качества исполнения ряда функций полиции, что, однако, не равнозначно росту злоупотреблений. В условиях отсутствия механизмов общественного контроля, сокращения полномочий самоуправления и только расширяющихся прав полиции невозможно представить основания для сокращения той же коррупции.

Тенденция на бюрократизацию и формализм в решении дел имеет заметный след в делопроизводстве. Коррупция и использование служебного положения процветали, что ширило взаимную агрессию полицейских и населения, а также привычную необходимость «выслуживаться» перед начальством. Всесилие бюрократии, помноженное на бесправность общества и крайнее удаление от центров власти, приводило к тому, что ответственные должности лиц нередко занимали случайные люди. Все тенденции предшествующего периода (малочисленность и грамотность контингента) сохраняются.

Мало пригодные к службе в полиции чиновники могли долгие годы занимать серьезные позиции в местном управлении. Любопытен случай о прошении в 1810 г. бывшего уездного стряпчего Беляева о назначении в полицию.

Городничий Решетников, признавая Беляева человеком кротким, отмечал, что «*только приметно имеет слабость в воздержании*» и, служа комиссаром при земской полиции, признан некомпетентным, а потому не мог быть «*помощником в делах полицейских*»[1]. При такой емкой характеристике удивительно, что он допускал возможность заменить Беляевым квартального Широковских. Очевидно, что городничий исходил из логики «выбивать клин клином», так как последний находившийся у должности мог «*только носить на себе имя обоих* [частного пристава и квартального надзирателя] *на звании*» и кроме занятия «*обоюдными и праздными упражнениями*» (ссорами) с женой и взаимными жалобами, дискредитировавшими полицию в глазах горожан, никакой пользы не приносил. Назвать подобную смену достойной вряд ли можно. Кадровые решения принимались крайне медленно, как в случае с прошением коллежского регистратора, квартального надзирателя Юрьева[2], почти уже не способного из-за болезни нести службу. В своем прошении он в 1809 г., жалуясь на тяжкое состояние здоровья (по описанию похожее на туберкулез: «*болезненные припадки и систематические кровотечения из носа и глотки*»), просил отставки. Прошения безрезультатно подавались в течение 15 месяцев, из чего следует, что исполнять обязанности полицейского в полную силу попросту было некому.

Уличенных в злоупотреблениях полицейских редко отдавали под суд, чаще отправляли в отставку, а через некоторое время возвращали к службе в другом месте. Но и для этого дело должно было приобрести широкую огласку и резонанс. В 1809 г. указом Иркутского губернского правления отстранен от должности верхнеудинский частный пристав Попов, который позволил палачу вырвать ноздри некоему Александрову сверх определенного ему наказания кнутом. Возможно, за какие-то злоупотребления 18 декабря 1820 г. отставлен и верхнеудинский городничий Измайлов. Время совпадает с началом расследования комиссией М. М. Сперанского, о которой мы уже говорили. Сложно сказать, было ли это продиктовано расследованием, поскольку официально его вина так и не доказана. Частный пристав Икингрин, ближайший к городничему, также недолго продолжал оставаться в полиции, в 1824 г. он отстранен от должности по болезни[3]. Подобные отставки под формулировкой «*болезненного состояния*» нередко практиковались, когда виновного пытались укрыть от правосудия или же он сам, чувствуя скорое наказание, уходил со службы. Если в случае с городничим Измайловым доказательства его противозаконных поступков не установлены, то его предшественник Решетников накопить их успел изрядно. Дела П. Е. Решетникова неоднократно рассматривались в судебном порядке[4]: 1) за беспорядки между енисейскими чиновниками — оправдан Сенатом; 2) за совершение «*законопротивных*» поступков против бывшего частного комиссара Шабанова, за несправедливость отношения к последнему — выговор; 3) за оставление дела без производства; 4) за принятие необоснованного доноса от купца на кяхтинскую таможню; 5) за вышедшие между ним и ратушей беспорядки

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 12. Л. 1–2 об.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 9. Л. 1.

[3] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 37. Л. 3.

[4] ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 321. Л. 14об.–15; Ф. 11. Оп 9. Д. 32а. Л. 17–18.

при удалении секретаря Размахина и проведении у него несанкционированного обыска; 6) за халатность в деле о запрете рытья глубоких котлованов при добыче глины со смертельным исходом. Только последнее происшествие привело к отставке Решетникова с должности троицкосавкого городничего.

Некоторые детали позволяют прояснить современники событий, подчеркивая особую дерзость и жестокость сибирской бюрократии. Полагаем, что некоторые причины проявляемой жестокости могут лежать, в том числе и в присутствии инородческого населения. В. П. Паршин описал в своих воспоминаниях [293, с. 51] особый тип общения инородцев с чиновниками, следующий обязательному восточному этикету. Инородцы часто притворялись несведущими в русском языке, прикрываясь переводчиком, хотя порой изъяснялись много лучше его. При входе в присутствие инородец молился иконам и первым делом интересовался здоровьем семейства чиновника, сообщая всегда что-то «*страстно ласкательное*», например, что «*изсох, как таловой прут на очаге*», с тех пор как не видел господина начальника, а потому специально торопился, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Инородцы, по описанию того же Паршина, несмотря на всю свою хитрость не были лишены честолюбия. Готовые жертвовать всем лишь ради того, чтобы чем-то отличиться от собратьев, инородец заходил в покои чиновника, по его словам, нередко только для того, чтобы ему поклониться и снискать его благосклонность, что, на взгляд европейца, выглядело пустой тратой времени.

Портрет полицейского служителя, равно как и канцелярского той же полиции, в глазах общества был далеко не лицеприятный. Особенно много было крепко пьющих. И если обычно городничие или квартальные попадали в поле внимания общественности крайне редко, то канцеляристы, по мнению современников, «*активно боролись с алкоголем посредством его пития*». Пагубное пристрастие приводило к служебным расследованиям. Мы уже приводили пример пристрастия к алкоголю в среде высших городских начальников, но есть примеры и рядовых полицейских. Так, в 1830 г. Иркутский губернский суд решал дело о жалобе верхнеудинского подканцеляриста И. Преловского на квартального С. Козлова[1]. Суть жалобы заключалась в том, что последний натравил чужую собаку «*изорвати ... платье*», оскорбил и безвинно арестовал пострадавшего. По показаниям же свидетелей, Преловский, будучи нетрезвым, «*азартно*» требовал в управе розыска хозяина собаки, за что и был задержан. Постановлением суда нерадивого подканцеляриста требовалось наказать, чтобы впредь жалобами не беспокоил начальство. Такое поведение характерно не только и даже не столько для полиции, сколько в целом для губернской бюрократической машины. Документы 40-х гг. XIX в. свидетельствуют о том, как широко пьянство распространялось среди мелких служащих. Почти в каждом ведомстве находился буйный канцелярист. Служители земского и окружного судов или городовой управы[2] не просто пьянствовали, а неоднократно за это задерживались. Иногда по жалобе родительницы, которая таким нехитрым способом пыталась вразумить чадо.

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 765. Л. 2.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345. Л. 6–6об.

Причина пьянства скрывалась не только в невысоком уровне культуры и образованности, но и в низком уровне денежного довольствия, которое получали канцелярские служители, и отсутствии обозримых перспектив к карьерному и личностному росту. При том, что хотя и небольшой рост, но самым способным был доступен. Прозорливые начальники примечали способных к службе в этой среде и, отмечая их поведение и усердие,ходатайствовали за них: «*... заслуживают непременного у высшняго начальства ходатайства о награждении их следующими чинами дабы они ... при молодых своих летах, видя начальническое об них попечение и рекомендацию и более впредь идущее время вмерно постарались усугубить ревность к службе, деятельность к дальнейшему познанию канцелярского порядка, самого производства дел... и для того ... к будущему их поощрению к службе составя об них формулярные списки к Вашему Высокоблагородию при рапорте и покорнейше просить о награждении сих канцелярских служителей следующими чинами ...*»[1]. Большая часть местного начальства не была в этом заинтересована, боясь перевода наиболее способных в иные ведомства. Многим ничего не оставалось, как служить за мизерное жалованье и искать утешение в алкоголе.

Из дел о растратах казенных денег канцелярскими служащими различных ведомств следует, что при отсутствии прямых улик их старались уберечь от суда, всю вину возлагая на начальника. Хотя не было ни одного, даже мелкого, чиновника, который не знал бы о злоупотреблениях своего прямого начальника — городничего, исправника или кого-либо иного. Часто канцелярские таким образом бывали оправданы, хотя сам факт подсудности оставался отметкой в формуляре. Так, в формулярном списке верхнеудинского исправника, титулярного советника дворянина Ф. И. Стоцкого, «*римско-католического исповедания*», есть указание на его подсудность в самом начале карьеры в должности письмоводителя при городничем Киренской полицейской управы (1838 г.)[2], освобожденного от следствия лишь манифестом 16 апреля 1841 г. в результате амнистии по случаю бракосочетания великого князя будущего императора Николая I. В продолжение сюжета можно еще раз упомянуть верхнеудинского земского исправника начала XIX в. М. М. Геденштрома, до назначения на должность попавшего под суд в связи с некими таможенными махинациями. Ревизией Сперанского он обвинен в казнокрадстве [58, с. 224], отрешен от должности с запрещением вновь поступать на службу. Еще пример: заседатель Нерчинского земского суда Ф. Мещеряков[3], много лет несший полицейскую службу, осужден за растление юной крестьянки, нанесение смертельных побоев военному поселенцу, лишен чинов, дворянства, приговорен к году тюрьмы и церковному покаянию в течение 12 лет. Представители далеко не рядовых чинов полиции, имеющие такой моральный облик, не могли претендовать на то, чтобы быть «*душою гражданства*», как предполагалось законом, и не вызывали ничего, кроме разочарования и неприязни обывателей.

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 9. Д. 51. Л. 1–2.

[2] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1общ. Д. 326. Л. 83.

[3] ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 845. Л. 1, 16–16об.

Та же попытка Николая I реформировать земскую полицию окончилась настоящим взрывом злоупотреблений на местах. Вообще Николай I славился тем, что, как мифологический царь Мидас, к чему бы ни прикоснулся в государственных делах, то превращалось, правда, не в злато, но в коррупцию или бюрократию. Близки в этом отношении оказались и нововведения в полиции. Во-первых, попытка упразднения дворянского представительства и отмена выборов заседателей лишили полицию какого-нибудь общественного надзора. Во-вторых, установление должности станового пристава, проживавшего в селении без надзора начальства, и других представителей земской полиции — прямой путь к самоуправству и использованию в корыстных целях крестьян, особенно там, где не было помещиков. В-третьих, при низком классном чине и мизерном жаловании становые получали скудные средства на ведение канцелярии и найм помощников, что являлось абсолютной гарантией коррупции. И нанимаемые в помощь за такую плату канцеляристы, в моральном отношении — часто люди беспринципные и шедшие на службу корысти ради, отчего нарушения только множились. В-четвертых, приставы получили право словесного разбирательства и расправы в делах о кражах, мошенничестве и других правонарушениях до 10 руб., что давало им широчайшее поле для вымогательств.

Отметим справедливости ради и мнение, что неудача полицейской реформы Николая и в целом его внутренняя политика своей целью преследовали сокращение дворянских вольностей. Дворяне отчаянно сопротивлялись, а коррупция могла быть не чем иным, как ответом на ущемление их прав. Однако это никак не объясняет те административные условия, в которые помещалась полиция, ведь сокращалась не только дворянская вольница, ослаблялось и городское самоуправление.

В результате низкое жалованье вкупе с малопривлекательной службой, несопоставимые по обширности задачи и отсутствие должного надзора привели к закономерной ситуации, когда способные служители массово уходили в отставку. На их места назначались лица, либо уже совершавшие служебные нарушения, либо имевшие к тому склонность, либо вовсе не сведущие в профессии. По свидетельству губернских штаб-офицеров, такая ситуация наблюдалась в большинстве станов. В частности, служивший во Владимирской губернии подполковник Жадовский доносил о том, что губернатор, не имея возможности замещать вакантные места людьми добросовестными, «*вынужден кой-кого определять даже вовсе безграмотных, которые не знают дела и даже затрудняются, как и приступить к начатию; чрез что надо ожидать, что все они будут преданы уголовному суду, а люди порядочные бегут в отставку, покамест еще есть возможность сдать дела*» [249, с. 321–324]. Между тем губернаторы нередко стали приостанавливать дела по привлечению к ответственности за нарушения таких должностных лиц: их не только некем было заменить, но и сами условия службы оценивались вполне реалистично.

Предлагаемые властью меры реформирования земской полиции были столь неудовлетворительны, что общественность, допущенная к обсуждению проекта, сочла возможным оставить все в прежнем виде. Сочтено, что внесение изменений в такой несовершенный проект непременно нанесет вред, тем

более в условиях отсутствия ясной инструкции. Опасения подтвердились уже в ближайшие годы. В 1840 г. Николай I отметил часто поступающие жалобы на становых приставов и на их негативное влияние на службу земской полиции. Из собранных под наблюдением А. Х. Бенкендорфа сведений был сделан вывод лишь о диспропорции размера и населенности уездов числу назначаемых губернаторами приставов. При этом не обращалось внимание на оставшееся в прежних объемах финансирование как один из факторов, осложняющих возможность расширения штата приставов. По результатам изучения всех материалов, поступивших с мест, правительство вынуждено было признать: «*Полицейская власть, управление и охранение в уездах по необходимости вверяется ныне людям, недостойным доверия и нередко с весьма вредными слабостями, коих они не умеют ... скрывать от состоящих под непосредственным их наблюдением черного класса людей... Чиновники сии, по причине крайней своей бедности и притом почти все с недостатками нравственного образования, будучи удалены от городов и не приняты в порядочное общество дворян, проживающих в уезде... сживаются с окружающими их поселянами, обнажают пред ними свои недостатки и слабости, теряют должное уважение к своему званию, а с тем вместе открывают пред народом недостаточные средства правительства в административном управлении, чего при прежнем устройстве земской полиции не могло быть, ибо избираемые от дворянства земские заседатели, хотя также не всегда соответствовали их назначению, но не имея постоянного местопребывания в уезде, временными своими наездами не могли столько выказать своих пороков*» [249].

Итогом данного бездарного эксперимента стало еще большее снижение качества и без того плохой службы полиции в уездах, а в дополнение к этому рост напряженности между обществом и властью. Четкости в функционале и задачах полиции не добавлялось, а только ширился их размах. У бюрократии сформировались собственные ценности и представление о справедливости между все повышавшимися требованиями, статусом и жалованьем. Несоответствие этих позиций приводило к тому, что даже положительные попытки изменений воспринимались исключительно негативно, отсутствие связи власти и общества делало любую попытку улучшения системы бесполезной. Путаное законодательство и отсутствие сформированного и крепкого местного гражданского самоуправления позволило цвести коррупции и прочим злоупотреблениям пышным цветом.

РАЗДЕЛ 4

Модернизация системы обеспечения внутренней безопасности и ее функционирования в последней трети XIX – начале XX в.

Нормативные основы организации и функционирования полицейской системы второй половины XIX в.

Переломным моментом в деятельности системы обеспечения внутренней безопасности империи XIX в. стала крестьянская реформа 1861 г. Изменение основ общественного устройства подстегнуло оживление политической и экономической активности и, как следствие, ломку старых порядков. Отмена крепостного права не только освободила огромные массы населения от личной и экономической зависимости, но и поставила вопрос о новых условиях деятельности судебно-полицейской системы. Дело в том, что ранее помещики кроме распоряжения крепостными являлись одновременно и полицейскими, и судьями. Теперь же прежний уклад жизни стал невозможен, как стал невозможен и прежний всеобъемлющий контроль над обществом и его жизнью. Полиция должна была соответствовать новым принципам общественного уклада, правда, власть не смогла адекватно отреагировать на вызов времени и вместо реальной реформы полиции попыталась пролонгировать прежний всесильный институт с широчайшими правами. Чтобы компенсировать некоторую потерю такого контроля, 25 декабря 1862 г. принимается указ «*Об утверждении временных правил по устройству полиции в губерниях, управляемых по общему учреждению*»[1], не коснувшийся Сибири. Первым и главным изменением стало соединение земской и городской полиции в единое формирование — уездное полицейское управление при сохранении отдельных городских полиций лишь в наиболее крупных и важных центрах. Руководителями новообразованных управлений стали уездные исправники, назначаемые губернаторами. Сохраненные полиции в городах именовались теперь городскими полицейскими управлениями во главе с полицмейстерами. Новое положение формально избавило полицию от многочисленных хозяйственных функций и мелких судебных разбирательств, которые она производила ранее. Но постепенно большинство изъятых функций было ей возвращено.

Изменения в устройстве полиции, тем не менее, были необходимы и в связи с начавшейся военной реформой (1862 г.) и переходом от рекрутской к всеобщей воинской обязанности. Результатом издания воинского устава 1874 г.

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 37. № 39087.

стал окончательный перевод от комплектования полиции военными кадрами к вольному найму. Согласно уставу воинской повинности, почти все полицейские чины освобождались от призыва в армию и от службы в государственном ополчении [350, с. 81].

Сибирь находилась на особом положении, так как ее губернии не управлялись по общему учреждению. Поэтому только 12 июня 1867 г. издан специальный указ «*О преобразовании полиции в Сибири*»[1]. С этого времени земские и городские полиции, как и в европейской части страны, объединялись в окружные полицейские управления (с 1898 г. округа переименованы в уезды). В их компетенции находилось как городское, так и сельское население в пределах округа. В значительной степени сокращены фискальные, хозяйственные, организационные и другие функции. Отменялись общие окружные управления, созданные реформами Сперанского и являвшиеся связующим звеном между губернской и уездно-городской администрациями. Значимым в указе был штат новых управлений, однако принципиальных изменений он не содержал. Проблемы состава функционала и компетенции как аспекты принципиально нового устава активно обсуждались, а ранее существовавшие акты дополнялись и переиздавались.

Либерализация Александра II расширила полномочия и возможности городского самоуправления. «*Городовое положение*» 1870 г.[2] передало ряд хозяйственных функций местному городскому самоуправлению, в частности наблюдение за благоустройством городских коммуникаций, изъяв их из полицейской компетенции. Полиция сохранила за собой право согласования большинства важнейших городских мероприятий, в том числе инициативы по благоустройству города, отведение территорий для ярмарок и базаров.

Важнейшим документом о компетенции и функциях полиции XIX в. стал «*Устав предупреждения и пресечения преступлений*»[3], действовавший вплоть до распада империи. Он представлен пятью редакциями, начиная с первого издания в 1832 г., и рядом уставов и положений, регламентировавших конкретные аспекты: «*Устав о паспортах и беглых*», «*Положение о питейном сборе*», «*Положение о трактирных заведениях*», «*Строительный устав*» и др. Полиции предписывалось вникать во все происшествия общественной и государственной жизни, что свидетельствовало о максимально возможной широте полномочий и сфер ее интересов. В вводной части устава давалась общая характеристика преступлений, подлежащих предотвращению и пресечению. К ним относились деяния против общественного спокойствия, личной и имущественной безопасности, оскорбления веры и т. д. Полицейский имел в своем арсенале некоторые средства профилактики преступлений: надзор полиции, ограничения передвижения и запрет на жительство. В особенной части устава прописывались запреты на ношение и использование оружия, причисляемые к потенциально опасным действиям, как и запрет на нарушение хода богослужения

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. №44681.

[2] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45. № 48498.

[3] Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Санкт-Петербург: Типография Второго отдела собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. 159 с. URL: https://www.prlib.ru/item/459984?ysclid=m111xhoky0465450731 (дата обращения: 10.03.2024).

в православной церкви. Устав содержал статьи предупреждения не только преступлений, но и проступков.

Полиция, по замыслу власти, выступала сдерживающим и превентивным механизмом для антиобщественных и антигосударственных элементов. Важнейшими оставались задачи паспортного и миграционного контроля, наблюдение и запрещение различных обществ, контроль делопроизводства и отчетности, упреждение беспорядков при больших скоплениях населения, карточные игры, безопасность движения и т. д. В числе прочих оставался контроль застройки, участие в карантинных мероприятиях, наблюдение за прозрачностью торговли, предупреждение пожаров, содержание чистоты на улицах. Устав подтверждал контроль полиции за всеми сторонами жизни общества, включая духовную.

Суммарно почти треть устава занимали статьи, направленные на защиту духовной монополии церкви. В них содержались правила посещения церкви, выполнения ритуалов и т. д. Разделы, касающиеся церкви, в полной мере отвечают понятию средневекового европейского полицейского государства. Второй раздел устава посвящен предупреждению преступлений против общественного порядка и правительства. Некоторые статьи имели достаточно четкие формулировки, очень затруднительные при этом к полноценному исполнению, например статья 185 о «*запрещении всем и каждому пьянства*», или ст. 191 о «*запрещении нищенствовать*». Полиция и без того обладала правом задержания любого жителя империи по собственному усмотрению, но не имела инструментов их исправления, кроме репрессивных. Наверное, самый показательный пункт указа, характеризующий всю консервативность системы и ее полицейских инструментов, — статья 129, которая гласит, что полиция пресекает всякую новизну. Весь перечисленный объем функций при установленной численности аппарата был крайне сложно выполним.

В 1881 г. полномочия полиции расширяются «*Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия*»[1]. По этому документу полиция получила право закрывать различные собрания, торговые и промышленные заведения, запрещать и арестовывать тираж органов печати, высылать лиц, заподозренных в антиправительственных действиях, и др. Все это быстро нашло отражение в общественном приятии, в том числе зарубежном (рис. 18). В рамках консервативных реформ Александра III «*Городовое положение*» также существенно откорректировано расширением полномочий полиции в 1892 г.[2] В новой редакции конкретизировались и ограничивались права и деятельность городского самоуправления. Многие вопросы, касавшиеся пожарной охраны, санитарных норм и др., городская дума должна была согласовывать с полицией. Усиливалась роль надзора губернской администрации, соответственно и полиции, которые отныне стали значительным барьером для деятельности и развития системы самоуправления. Главной функцией полицейских чинов по «Городовому положению» 1892 г. являлось наблюдение за точным исполнением обязательных постановлений правительства и возбуждение преследования; эти же функции дублировались городской управой и

[1] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 1. № 350.

[2] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 12. № 8708.

участковыми попечителями [8]. Полиция продолжала содействовать взиманию недоимок и вела обязательное совместное с городской управой наблюдение за возведением городских построек, производством, торговлей и промыслами.

Рассмотрение законодательства Российской империи, регламентировавшего организацию и деятельность системы внутренней безопасности, позволяет сделать вывод о несоразмерной широте полицейской компетенции, никак не ограниченной механизмами гражданского контроля. Полиция принимала участие во всех, даже незначительных сферах жизни города. Являясь важнейшим, а пожалуй, и главным местным исполнительным органом власти, полиция решала различные задачи — от составления отчетности почти по всем вопросам городского благоустройства до участия в производстве следствия и дознания по уголовным делам. Полиция могла самостоятельно, внесудебным порядком выносить решения и назначать штрафы и наказания. Являясь связующим звеном между проводниками имперской власти — губернаторами и местным самоуправлением, полиция сохраняла свои позиции важнейшего административно-управленческого ресурса власти.

Перегруженность избыточным делопроизводством, наблюдение за малозначительными особенностями частной жизни и поведения городского общества вкупе с ограниченными штатами позволяют сделать вывод о номинальности ее деятельности, которая должна была вселять послушание лишь своим присутствием, по примеру предыдущего века. Физическая невозможность соблюдать все обязанности, на нее возложенные, и компенсация малых штатов чрезмерной компетенцией открывали широкие возможности для злоупотреблений, ограничений прав общества. Таким образом, законодательство Российской империи свидетельствует об ориентированности полиции не на защиту прав и безопасности общества, а на их ограничение и охранение от посягательств на властную вертикаль.

Штатная система полицейских управлений по реформе 70-х гг. XIX в.

Реформы середины XIX в. вывели взаимоотношения общества с государством, его силовыми и полицейскими органами на иной уровень. Оживление общественной жизни и формирование нового сознания способствовали демонтажу прежних представлений о благочинии и правопорядке. Общество, получив личные свободы, стало более активно вмешиваться в вопросы административно-полицейского управления, изменилось отношение и к полиции. Отмена крепостного права лишила помещиков надзорно-судебных и полицейских функций. Теперь эти задачи в полном объеме легли на общую полицию.

Реформа полицейского аппарата имела большое значение для развития правоохранительных органов Российской империи. В исторической литературе превалирует мнение, что данная реформа позволила унифицировать основанные на разных нормативных актах полицейские учреждения, избавиться от хозяйственных и других лишних функций и сконцентрироваться на

правоохранительной деятельности. В целом соглашаясь с данным подходом, стоит уточнить отдельные детали, которые делают картину более полной.

Низкая эффективность деятельности полиции и несоответствие новых условий общественной организации привели к утверждению временных правил 1862 г. Хотя сбор фактических сведений и обсуждение текущих проблем полицейской охраны обсуждались в течение почти всех 60-х гг. XIX в., 12 июня 1867 г. утверждено мнение Госсовета о преобразовании штатов полицейских управлений в Сибири и упразднении общих окружных управлений[1]. Для каждого округа определялись индивидуально состав полиции, размер его содержания и служебные права служащих по должности, мундиру и пенсии.

Слияние небольших городских полиций во главе с городничими с земскими судами в единый орган — окружные полицейские управления способствовало устранению разобщенности полицейских органов, повышению оперативности в условиях усиления миграционных потоков, связанных с отменой крепостного права. Вместе с тем сокращение городских полиций, как мы увидим далее, поставило под удар городскую безопасность, одновременно никак не усилив безопасность земскую. Полиция только частично лишалась функций суда и предварительного следствия, сужались хозяйственные и административные задачи. Появление специальных органов политического сыска позволило ограничить и эту сферу наблюдения полиции, но опять же в Сибири это произошло далеко не в полном объеме.

Главный посыл реформ 1862–1867 гг. — отход от принципов «феодальной» организации полиции, основанной на натуральной повинности, к полиции вольнонаемной и профессиональной. Особенности и факторы развития управленческого аппарата азиатских окраин не позволили полностью осуществить задуманное в Сибири в целом и в Забайкалье особенно. Сделаны лишь первые шаги в этом направлении. Проект штата полиций был составлен еще в 1865 г. советом ГУВС и представлен министру внутренних дел 27 января 1866 г.[2] На основании указа 12 июня 1867 г. на заседании совета ГУВС принято новое устройство полиции в Забайкалье[3]. Его реализация возлагалась на военного губернатора Н. П. Дитмара: Верхнеудинский, Селенгинский, Нерчинский земские суды и Нерчинское и Баргузинское земские управления переименованы в окружные полицейские управления (образованы Читинское, Верхнеудинское, Нерчинское, Баргузинское, Селенгинское окружные управления); Верхнеудинская и Нерчинская городовые управы (во главе с городничими) упразднены, а городские полиции Читы и Троицкосавска переименованы в городские полицейские управления. Их полномочия распространялись на города и сельские поселения, исключениями стали лишь крупные или статусные города.

Важнейшей темой для обсуждения стал вопрос финансирования нового штата полиции. До реформы на всю полицию Восточной Сибири тратилось 135 510 руб. в год, из которых на земскую полицию поступали 82 525 руб. из земского сбора и 11 950 — из казначейства; на городскую полицию —

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. № 44681.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 12523. Л. 2–3об., 7–7об.

[3] ГАЗК. Ф 1 (о). Оп 1. Д. 12523, л. 2–3 об.

34 550 руб. из казны, 6 335 руб. из городских доходов, еще 150 руб. из страхового сбора[1]. ГУВС предоставило расчет, согласно которому на реформированную полицию предлагалось расходовать 234 845 руб. в год, то есть почти в два раза больше. Проектируемая сумма включала прежде выделяемые на все полиции финансы — 135 510 руб., остальную часть предполагалось добрать из сборов: с города Енисейска — 2 000, Троицкосавска — 650 руб. Дополнительные 1 200 руб. планировались за счет особого сбора (предложенного генерал-губернатором 18 сентября 1862 г., о котором ниже), 5 500 руб. — за счет отпускаемых средств на упраздненные Енисейское и Минусинское окружные управления. Остаток в 89 985 руб. посчитали возможным покрыть за счет государственного земского сбора. Источником особого сбора, который предполагалось направить на увеличение штата городской полиции Иркутска, должны были стать сами жители города. Эта идея впервые встречается в положении о московской полиции, по которому с жителей взимались деньги за выдачу видов на проживание и передвижение, удостоверения на получение подорожных, прописку подорожных, освидетельствование копий и разных актов по золотопромышленности, подписей на банковских билетах в зависимости от суммы, выдачу полицией взысканных с частных лиц по документам денег в зависимости от суммы[2]. Основными доходными статьями были сборы с крестьян, мещан, купцов. Однако привилегию сбора с жителей правительство оставило только полиции Москвы, и предложенные сборы не разрешены к введению, а проектируемый доход в 1 200 руб. сочли возможным возместить из городских доходов.

В процессе обсуждения ГУВС проекта по содержанию полиции Восточной Сибири он был существенно скорректирован. На основании Высочайше утвержденного 12 июня 1867 г. штата в указе Правительствующего Сената от 15 июля на содержание окружных и городских полицейских управлений полагалось отпускать 189 650 руб. Источниками выступили: государственное казначейство — 52 000 (из них 5 500 — средства, выделяемые ранее на упраздненные Енисейское и Минусинское управления); государственный земский сбор — 127 315 руб.; городские доходы — 10 185 руб. (6 335 из ранее собираемых городских доходов и добавленных к этому сборов с городов Енисейск, Троицкосавск и Иркутск); страховой сбор — 150 руб. Полное содержание полиции Западной и Восточной Сибири по новоустановленным штатам с 1 января 1868 г. обходилось в 404750 руб. в год[3].

Нагрузка на государственное казначейство, таким образом, осталась прежней, а главным источником содержания полиции стал земский сбор; из указанной выше суммы в 404 тыс. руб. 267 586 руб. покрывались именно за его счет. Главными источниками сбора были доходы с торговых документов, с земель и подушный налог. Дополнительно поднят сбор с крупнейших городов Восточной Сибири. Но в целом финансовая политика по обеспечению безопасности не претерпела сущностных изменений. Все преобразования исходили из

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 общ. Д. 12523. Л. 7об.

[2] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 общ. Д. 12523. Л. 8об.

[3] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. № 44681. С. 880.

принципа наименьших казенных затрат, почему и увеличение штатов полиции было незначительным или осталось на прежнем уровне. С одной стороны, вышесказанное указывает на попытку власти найти оптимальную схему поддержания безопасности в государстве. С другой же стороны очевидно, что внутренняя безопасность общества не стала приоритетом власти.

Согласно указу от 12 июня 1867 г.[1], за основу штатного расписания городских полиций Забайкалья взят штат Нижнеудинского окружного полицейского управления (Иркутская губерния) как наиболее универсальный для уездных городов (табл. 29). Принципиальным изменением стал перенос уездного полицейского управления, вполне рациональный, из Нерчинска в Читу. В руководстве управлений кардинальных изменений не произошло. Прежний исправник Нерчинского земского суда Шатилов стал временно исполняющим обязанности начальника, и весь прежний штат его подчиненных благополучно перешел вместе с ним. Любопытен только один кадровый маневр: вместо упраздненной должности нерчинского городничего, которую занимал князь Ухтомский, организована специальная ставка полицейского пристава Читинского окружного полицейского управления с присутствием в Нерчинске. Конечно же, кандидатом на эту должность определен прежний городничий. Несмотря на солидную протяженность Восточного Забайкалья, в основу организации штатов полагался принцип численности населения. Штат Читинской окружной полиции оказался достаточно сильно урезан в сравнении с Нижнеудинском. Здесь отсутствовали должности надзирателей, было 2 земских заседателя, сокращена сумма на канцелярию и введен пост специального полицейского пристава в Нерчинске.

Таблица 29

Высочайше утвержденный штат от 12 июня 1867 г.
окружных полицейских управлений Забайкальской области

Наименование должности / статьи расхода	**Число чинов**	**Жалование (одному), руб.**	**Всего, руб.**	**Класс по должности**	**Классы по пенсии**
Читинское окружное полицейское управление					
Окружной исправник	1	1 500	1 500	VII	V
Помощник	1	1 000	1 000	VIII	VI
Земский заседатель	2	600	1 200	IX	VI
Им на канцелярию		300	600		
Секретарь	1	400	400	X	VII
Столоначальник	3	200	600	XII	VIII
Журналист (он же архивариус)	1	200	200	XII	VIII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			1 500		
Полицейский пристав в Нерчинск	1	600	600		

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. № 44681. С. 455.

Продолжение табл. 1

Ему на канцелярские расходы		300	300		
Всего	10	Вместе с канцелярией 7 900 руб.			
Верхнеудинское окружное полицейское управление					
Окружной исправник	1	1 500	1 500	VII	V
Помощник	1	1 000	1 000	VIII	VI
Земский заседатель	3	600	1 800	IX	VI
Им на канцелярию		300	900		
Полицейский надзиратель	2	400	800	X	VII
Им на канцелярию		150	300		
Секретарь	1	400	400	X	VII
Столоначальник	3	200	600	XII	VIII
Журналист (он же архивариус)	1	200	200	XII	VIII
Переводчик	1	300	300		
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			2 300		
Всего	13	Вместе с канцелярией 10 100 руб.			
Селенгинское окружное полицейское управление					
Окружной исправник	1	1 500	1 500	VII	V
Земский заседатель	2	600	1200	IX	VI
Им на канцелярию		300	600		
Секретарь	1	400	400	X	VII
Столоначальник	2	200	400	XII	VIII
Журналист (он же архивариус)	1	200	200	XII	VIII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			1 500		
Всего	7	Вместе с канцелярией 5 800 руб.			
Баргузинское окружное полицейское управление					
Окружной исправник	1	1500	1500	VII	V
Помощник (он же секретарь)	1	700	700	IX	VII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			750		
Всего	2	Вместе с канцелярией 2 950 руб.			
Нерчинское окружное полицейское управление					
Окружной исправник	1	1500	1 500	VII	V
Помощник (он же секретарь)	1	700	700	IX	VII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			1 050		
Всего	2	Вместе с канцелярией 3 250 руб.			

Основание: ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. Ч. II. Штаты и табели. № 44681. С. 455–458.

Один из крупнейших к тому времени по населению и территории город Забайкалья — Верхнеудинск обладал самым обширным штатом полиции из 13 чинов. Отличие от г. Нижнеудинска заключалось в приграничной специфике — обязательной должности переводчика с монгольского языка. Последних в полицейских управлениях Забайкалья было только два — в Верхнеудинске и Троицкосавске. Непосредственными охранителями порядка в городе остались полицейские надзиратели, десятники и караульные. Первым верхнеудинским окружным начальником стал бывший земский исправник Ф. В. Куркин[1]. Его представлением назначены: помощник — Михайлов (?) (бывший заседатель), заседателями — Лагирев, Черепанов, Меховицкий (прежние участковые заседатели), секретарем — Цынков. Переводчик — ученик Ургинской школы Гомбоев. Членам упраздненной городовой управы Верхнеудинска — городничему Лишкевичу, квартальным надзирателям Гилевскому и Бабыкину, письмоводителю Громову предложено перейти в штат нового управления, хотя некоторые из них изъявили желание продолжить военную службу.

На скромных началах организованы окружные полицейские управления Селенгинска, Баргузина и Нерчинска. Их наполнение строилось по тому же принципу перевода прежних штатов полиций в новые. На должность селенгинского окружного исправника назначен бывший селенгинский земский исправник Кугульский, в качестве заседателей — бывшие заседатели, секретарем — прежний, лишь выбор двух столоначальников и журналиста оставался на усмотрение Кугульского. По Баргузинскому управлению на должность исполняющего обязанности окружного исправника решено назначить есаула. В Нерчинское окружное полицейское управление на должность исправника назначался бывший земский исправник Казаченко. В помощники обоим назначено по коллежскому регистратору.

На достаточной протяженности указанных округов были разбросаны населенные пункты, с небольшой численностью жителей, в отдельных частях с существенным инородческим компонентом. Инородцы продолжали подчиняться нормам обычного права и в разбирательствах по мелким делам находились в ведении инородческих управ. Полиция привлекалась в крайних случаях и в большинстве с целью надзора за их деятельностью.

Сравнивая штатную систему 1867 г. с ранее рассмотренной 1856 г., можно указать, что принципиальных трансформаций штатов, как это можно заключить из современных исследований, не произошло. Более того, скорее это было лишь закрепление прежней штатной системы, а вся новация заключалась в прибавке окладов. «Реформа» не привела к укреплению и расширению рядового состава полиции, непосредственно взаимодействующего с обществом. Полиция в качестве своей главной задачи продолжала реализовывать постановления власти и вести делопроизводственный оборот. Рядовая полицейская охрана не претерпела изменений. Обход улиц и стража ключевых объектов инфраструктуры остались в исполнении воинских чинов и выборных десятников. И хотя изначально реформой задумывался постепенный отход от привлечения воинских чинов и выбираемых обществом десятников, обойтись без них полицейской службе не удавалось, потому что два традиционных условия, влиявших на

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1общ. Д. 12523. Л. 2.

развитие полиции в Сибири, оставались неизменными — крайний недостаток подходящих для службы лиц и неудовлетворительные условия ее несения. Приведенные ниже цифры по Верхнеудинску лишь подтверждают это. Тогда город населяли от 3,5 до 4 тыс. человек, для поддержания порядка в их среде назначались два полицейских надзирателя — на 1 надзирателя приходилось более 2 000 человек, в то время как в г. Пскове с населением порядка 15 тыс. служили 24 человека на аналогичных должностях [117, с. 127], то есть на каждого надзирателя приходилось около 600 жителей. С одной стороны, увеличение плотности населения создавало синергетический эффект и усиливало криминогенную обстановку, в связи с чем в городах с высокой плотностью населения полицейских действительно требовалось больше. С другой — города азиатских окраин России стали в какой-то мере заложниками представлений о низкой численности и плотности населения, из чего бюрократия, формально подходя к вопросу о штатах, делала вывод об отсутствии необходимости их увеличения. Даже не принимая в расчет особенности и факторы, влияющие на действительность, в которой существовали окраины, численность рядовой полицейской стражи должна была рассчитываться с учетом и других, кроме численности населения, критериев, хотя бы протяженности территорий. Доказательством тому является уже ранее освещенный нами вопрос уголовной статистики. Ее сравнение с данными западных губерний показывает, казалось бы, незначительный уровень преступности, но в пересчете на численность населения регион был один из самых опасных в империи. Реформа полиции, упразднив отдельные городские полиции и переведя их в окружные, с учетом их нагрузки фактически оставила города беззащитными. Обеспечение в полной мере качественного уровня безопасности и порядка в городе при таких кадровых условиях вкупе с качеством подготовки и стимулов, было крайне осложнено.

В историографии закрепилось мнение, что реформы штатной структуры 1862–1867 гг. в большей степени привели в некий законченный, организованный вид земскую полицию. Соглашаясь в целом с этим мнением, уточним, что отчасти это произошло за счет сокращения отдельных, мало укомплектованных городских полиций. Движение к упразднению городских полиций на окраинах начинается с инициированных в 1820-х гг. М. М. Сперанским реформ, тогда их осталось 4, а после реформы 1867 г. — только 2 (табл. 30). Тот же процесс шел по всей Сибири, где отдельные полиции сохранились только в губернских или особо важных городах.

При этом период реформ привнес новые, специальные службы охраны — появилась должность горно-полицейского исправника. Сами горнозаводские округа в разных административно-управленческих видах существовали и ранее, в Восточной Сибири второй половины XIX в. их насчитывалось 5 вместе с Нерчинским. После перерыва в эксплуатации рудников, вызванного снижением их продуктивности, отменой крепостного права и рядом других изменений, решено было продолжить их разработку. Известно, что 7 мая 1865 г. в связи с ростом частной золотопромышленности и для облегчения этой деятельности, в Нерчинский округ назначен второй горный исправник[1]. По довольствию

[1] Об учреждении в Забайкальской области новой должности горного исправника для Нерчинского округа 7 мая 1865 г. Л. 403-403об. URL: https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=424075 (дата обращения: 14.09.2024).

исправники приравнивались к аналогичной позиции Олекминского округа, из чего следует, что подобные назначения есть не что иное, как конкретный метод решения проблемы, который не был комплексным. Предполагаем, что вопрос о назначении второго исправника возник почти одновременно с назначением первого, так как осуществлять надзор над таким краем в одиночку не представлялось возможным. Особенность работы горных исправников заключалась в одновременном исполнении ими следственных, судебных и непосредственно полицейских функций. Все возбуждаемые уголовные дела относились к ведению Иркутского окружного суда. Один исправник в течение года обычно имел в разработке более 100 следственных дел, на каждое из которых уходило, по подсчетам исследователей, порядка трех дней [152, с. 21—22], без учета передвижений по значительной территории округа для личного присутствия на месте происшествия и для решения различных вопросов службы и расследований. Конечно, для решения вопросов на месте ему подчинялись горно-полицейские подразделения ежегодно сменявшихся прикомандированных казаков, но они не были профессиональными полицейскими. Их возможности ограничивались посильной помощью, охранной и почтово-постовой работой.

Одна из ключевых позиций реформы — это упразднение в 1862 г. должности городничих в Европейской России, достигшее окраин, как минимум, к середине 1867 г., а вероятнее всего — в начале 1868 г. Городничим фактически не нашлось места в окружных управлениях, ведь должности их начальников в большинстве заняли исправники.

Таблица 30

Высочайше утвержденный штат от 12 июня 1867 г.
городских полицейских управлений Забайкальской области

Должность	Число чинов	Жалование (одному), руб.	Всего, руб.	Класс по должности	Класс по пенсии
Читинское городское полицейское управление					
Полицмейстер	1	1 200	1 200	VII	V
Полицейский надзиратель	1	500	500	IX	VII
Секретарь	1	600	600	X	VII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			1 000		
Всего	3	Вместе с канцелярией 3 300 руб.			
Троицкосавское городское полицейское управление					
Полицмейстер	1	1 200	1 200	VII	V
Полицейский надзиратель	2	500	1 000	IX	VII
Секретарь	1	600	600	X	VII
На писцов, сторожей и канцелярские расходы			800		
Переводчик	1	300	300		
Всего	5	Вместе с канцелярией 3 900 руб.			

Основание: ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. Ч. II. Штаты и табели. № 44681. С. 458.

Кадровая политика по городским полицейским управлениям принципиально не отличалась от окружных. В Чите полицмейстером назначен ранее служивший полицейским подполковник Терентьев, в помощь ему — два прежних канцелярских служащих. В Кяхтинском городском полицейском управлении полицмейстером стал капитан Телятчиков, при нем — следственный пристав и двое полицейских надзирателей. Основной действующей силой городских полиций, быстро и эффективно реагировавшей на происшествия в городе и области, оставались квартальные. Об их деятельности сохранились положительные отзывы современников, в частности врача М. В. Танского, оценившего их как наиболее мобильные силы полиции. Он привел пример: «*хотя крупные преступления бывали редкими, но все же преступный элемент время от времени появлялся в городе. Полицейский надзиратель Р. задержал однажды преступников, оказавших вооруженное сопротивление при аресте. Отстреливаясь, они ранили его в ногу. Несчастный потерял ногу — ампутировали*» [296, с. 21]. И хотя указанная ситуация иллюстрирует скорее не столько героизм, сколько крайнюю опасность службы, но с оценкой исключительной важности квартальных в поддержании порядка не согласиться невозможно.

Вместе с обновлением штатной системы и довольствия полицейских закономерно появились некоторые изменения в части носимого мундира. У высшего звена форма представляла собой темно-зеленый двубортный мундир на шести пуговицах. Поверх воротника по бортам, карманным клапанам и обшлагам делалась оранжевая выпушка. Брюки также темно-зеленые, с оранжевой выпушкой. Головной убор по типу кепи из сукна того же цвета с козырьком и кокардой, выше которых крепилась бляха с гербом губернии. Цвет всех металлических частей формы в городской полиции белый, а уездной — желтый. Уездный исправник, кроме того, имел на мундире плечевой шнурок гусарского типа. Классным чиновникам и старшим городовым полагалась шпага пехотного образца, младшим городовым — офицерские пехотные полусабли. Нижним чинам полагался темно-зеленый мундир и шаровары серо-синего цвета, на плечах — двойные шнуры из оранжевой шерсти, у классных полицейских — шнуры золотые для уездной и серебряные для городской полиции. Шапка темно-зеленого сукна в виде усеченного конуса с козырьком и кокардой и армейская шинель служили зимней формой одежды. Нижним чинам, несшим патрульную службу, разрешались овчинные полушубки. В летнее время допускалось ношение белого кителя и белого тканевого чехла на фуражку [350, с. 78]. В зимнее время полицейским Сибири выдавались меховые шапки, по образцу папах, изготавливаемых для армейских пехотных частей.

Таким образом, реформа полиции в Сибири и на Дальнем Востоке была осуществлена с запозданием на 5 лет после ее введения в европейской части империи. Окончательно завершен процесс сокращения отдельных городских полиций, за исключением губернских и отдельных статусных городов. Должности городничих сокращены, а подчиненные им немногочисленные городские полиции соединялись с земскими судами в единый орган — окружные полицейские управления. Реформой решена проблема увеличения довольствия полиции. Финансирование за счет земских сборов увеличилось примерно на

30% и организовано с минимальным ростом нагрузки на казначейство. Экономия государственных средств не позволяла расширить штат действующей (контактной) полиции. Вместе с тем совершена, на наш взгляд, серьезная ошибка сокращения звена малых городских полиций. Исчезли не только должности городничих, концентрировавших в своих руках значительные полномочия, но и окружных начальников и части канцелярских служителей. Замещенные кадровым составом земских полиций, окружные управления потеряли в своем квалификационном потенциале. Отчасти оказался ликвидированным сословный элемент для дальнейшей специализации правоохранительной деятельности.

Задача усиления штатов полицейских учреждений путем их слияния не была достигнута, ведь по факту численность полиции если и возросла, то на уровне погрешности. Для Забайкальской области универсальным стандартом полицейского управления стал штат окружного полицейского управления Нижнеудинска Иркутской губернии. В зависимости от местных условий он подвергался корректировке. На первых этапах, как мы убедились, новые штаты почти в полном составе вобрали в себя прежние полицейские системы региона, то есть обновления состава тоже не произошло. Одной из манифестируемых целей реформы был отход от принципов сословной организации полиции, основанной на натуральной повинности, к полиции вольнонаемной и профессиональной. При этом полноценный переход к новым принципам не был осуществлен. Напротив, забегая вперед, скажем, что намеченный шаг в царствование Александра II оказался возвратным, уже с восшествием на престол его сына.

Функционально совершена попытка к изменению компетенции общей полиции, сокращению судебных полномочий и предварительного следствия, сужению хозяйственной и административной деятельности. Однако и эта попытка «с успехом» провалилась, окончательное сокращение этих функций в Сибири, и особенно на окраинах, так и не было достигнуто. Качество службы земских полиций, по предварительным оценкам, оказалось куда ниже, чем городских, прежде всего потому, что в городах полиция ежедневно контактировала с обществом и несколько в меньшем объеме концентрировалась на фискальных и хозяйственных задачах, с объединением же эта концентрация только усилилась.

Органы полиции продолжали быть далеки от задач полноценного поддержания безопасности общества. Основное их внимание было приковано к сохранению внешнего благочиния и пресечению беспорядков, которые могли потревожить устойчивость существовавшей системы. С одной стороны, объединение способствовало устранению разобщенности местных служб, повышению оперативности их деятельности в условиях усиления миграционных потоков, связанных с отменой крепостного права. С другой — неизменность кадрового состава не позволила привнести новые методы и подходы к охране порядка.

Реформа 1867 г. была необходима, но она не отвечала всем актуальным запросам своего времени. Ее суть в итоге сводилась к штатному переустройству, и даже более — к финансовому урегулированию штата. А главный, представляемый многими исследователями положительный эффект в виде

снижения бюрократии не принес ощутимых результатов в повышении качества службы. За счет слияния городских и земских полиций ликвидирована самая эффективная и подвижная часть системы безопасности — городская полиция.

Проблемы и противоречия системы внутренней безопасности в первое десятилетие после реформ

Организационно-штатная система внутренней безопасности империи, установленная реформой, сохранила полицию своим ключевым институтом. Но уже при введении новых установлений в жизнь стало очевидно, что ее для решения всего комплекса проблем безопасности крайне недостаточно. Введенные штаты существовали 20 лет до появления в 1888 г. новых, хотя, по некоторым оценкам, они не соответствовали реалиям уже в самом начале. Система постепенно расширялась и уже не исчерпывалась лишь рассмотренным составом общей полиции. Появление новых структур, таких как полицейская стража, частная полицейская стража, горнозаводские полицейские части или жандармерия, не было системным, но каждая из них специализировалась на отдельных специфических сферах.

Создание единообразных штатов полиции стало предвестием постепенного выведения из ее состава командируемых воинских чинов. В европейской части империи это проведено в полном объеме, в Восточной Сибири — лишь частично. В 1869 г. в забайкальской полиции на всю ее внушительную территорию (рис. 12) на службе официально состояло только 50 конных и 5 пеших казаков[1]. И это были только чины, постоянно задействованные на службе полиции, не считая привлекаемых по необходимости. Из указанного состава больше половины сосредоточивалось в Верхнеудинске (12) и Чите (16). Военный губернатор Забайкальской области неоднократно подчеркивал, что в их обязанности входит только охрана казны и пороховых погребов. Полицейское же руководство активно привлекало их к исполнению многих других дел[2]. Вопрос перехода на вольнонаемную полицейскую службу в крупных городах Сибири, таких как Томск [350, с. 75], в большинстве своем решен еще в первой половине XIX в. Для окраин это оказалось неподъемной задачей. Очередная попытка отказаться от воинской помощи началась уже после реформы в 70-е гг. Основная проблема заключалась в невозможности самостоятельно поддерживать пожарную безопасность, обеспечивать дозоры и караулы, выделять достаточное число людей даже для ареста пьяных и шатающихся. Общественный приговор Верхнеудинского мещанского общества от 30 июля 1870 г.[3] выразил крайнюю озабоченность горожан тем, что городские доходы не позволяют содержать еще 12 вольнонаемных служителей полиции сверх уже имеющихся 6 десятников. Казачья полицейская стража в глазах городского самоуправления — куда более выгодный вариант, как более дисциплинированная, в отличие от

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 7697. Л. 1.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 7697. Л. 29.

[3] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 7697. Л. 7–8, 11–11об.

вольнонаемных, и не требующая больших затрат. Собственно, и управленческий класс привлечение в полицию военных более чем устраивало. Но их привлечение не было панацеей, как может показаться на первый взгляд. К этому времени отмечено существенное изменение этнического состава казаков. По сообщению губернатора[1], основная масса назначаемых полицейскими казаков — инородцы, не всегда владеющие русским языком. Русские казаки не хотели заниматься малопочетной службой, не приносящей средств к жизнеобеспечению.

Продолжающиеся выборы десятников для помощи полиции становились все более похожими на фарс. Выборные от городского общества по большей части заменялись несовершеннолетними, подходящими только для разноски корреспонденции, но никак не для преследования преступников и охранения порядка. Как и в округе, где нередко за мужей обязанность десятников исполняли жены, городские мужи за редчайшим исключением соглашались на такое избрание. Положение городских и сельских десятников было незавидным. Если казаки получали довольствие провиантскими и прибавочными деньгами, то избранные от общества несли службу безвозмездно, используя время, необходимое для работы по хозяйству, тем более что на эти должности избирались беднейшие, они не получали возмещения за износ одежды и обуви и никакого вооружения. Особенный урон своему скромному обмундированию десятники получали при тушении пожаров, но общество этого предпочитало не замечать.

По признанию министра МВД в циркулярном предложении от 7 сентября 1868 г., губернаторы не только комплектовали команды преимущественно из нижних чинов войск, настаивая на увеличении числа военных для помощи полиции, но ходатайствовали о получении льгот столичной полиции, т. е. об освобождении некоторых полицейских от воинской повинности. Министерство сохраняло столичные привилегии и не допускало их распространения на губернские города. Вместе с тем, было принято крайне спорное решение о взаимном соглашении губернаторов и воинских начальников о новом наборе рекрутов и определении из неспособных к фронтовой службе в полицию или пожарную охрану. До отмены крепостного права формирование полиций из инвалидных команд и подобные им решения можно было называть неудачными, но они все же в определенной степени решали проблемы безопасности, хотя бы потому, что люди были обучены и вооружены. Подобные постановления в новых условиях зарождения профессиональной преступности и необходимости предпринимать активные действия для борьбы с ней иначе как катастрофическими назвать нельзя.

Проблема комплектования воинскими кадрами уже неоднократно описывалась нами ранее, но и после реформ она требовала своего разрешения. Как проблемный этот вопрос был обозначен еще в Установлении 1862 г.: «*нужды государственные теперь же настоятельно требуют некоторых, по крайней мере временных, изменений и улучшений в устройстве полиции, особенно же в личном ее составе*»[2]. В качестве одной из мер по улучшению кадрового состава поли-

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79–94.

[2] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 37. № 39087.

ции послужила отмена преимущества военных офицеров, состоящих под покровительством Комитета о раненых, по замещению должностей полицмейстеров и городничих, что, соответственно, расширяло права начальников губерний по подбору кандидатов. Правда, отмена преимущества не стала препятствием для самой практики назначения военных офицеров, а лишь ограничивала их право на ношение военного мундира, сохранявшееся за офицерами, удостоенными знаков воинского отличия.

Согласно циркуляру Главного штаба от 9 августа 1873 г.[1], дальнейшее комплектование городских полиций воинскими чинами воспрещалось. Совет ГУВС своим постановлением рекомендовал постепенно переводить полиции и пожарные части полностью на вольнонаемный режим, из средств городов. Проведение военной реформы, следствием которой стало сокращение воинских чинов при полиции, резко обострило проблему кадрового состава полицейских управлений. Назначаемые младшие городовые в большинстве своем были выходцами из крестьян и в половине случаев часто увольнялись за пьянство и необоснованные задержания горожан[2]. Первоначально, правда, уездный начальник в качестве меры исправления назначал наказание в виде выговора или ареста, но воспитательный эффект это имело редко. Новые чины младшего звена принимались в полицию несколько раз в месяц, и высокая текучесть кадров негативно сказывалась на безопасности общества. Городовые получали, в отличие от десятников, жалование, хотя и крайне низкое. При этом уровень их службы также не отличался профессионализмом. Профессиональная подготовка фактически отсутствовала, в службу шли кадры не самого высокого морального уровня и материального достатка.

Новый порядок комплектования полиции в соответствии с именным указом от 4 июля 1873 г. предусматривал ее формирование исключительно вольнонаемными людьми, хотя в переходный период в составе полицейских команд служило еще достаточное количество нижних чинов, назначенных от военного ведомства. В Верхнеудинске, по сообщению городовой ратуши, полицейская команда в 1874 г. состояла из 8 человек, шестеро из которых ежегодно избирались мещанством, а двое присылались от военного ведомства. Из них четверо служили рассыльными и большую часть времени командировались по округу, остальные были приставлены к исправнику и его помощнику[3]. Пожарная команда состояла из 10 человек, из них 4 воинских нижних чина присылались военным ведомством. Городское общество считало, что 4 солдат недостаточно для пожарной команды, потому ходатайствовало об увеличении еще на 2 человека, а полицейское управление, в свою очередь, добивалось увеличения лиц, состоящих при полиции от военных, до 8 человек. Содержать их за счет городских доходов считалось крайне обременительным. Только к началу XX в. пожарную охрану столицы Западного Забайкалья можно счесть более-менее подобающей, например в 1909 г. верхнеудинская пожарная команда состояла

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 8022. Л. 1–1об., 9–9об.

[2] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–47об.

[3] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 8022. Л. 21–22.

уже из брандмейстера, его помощника и 34 служителей [40, с. 79], обоз — из 22 лошадей и 8 пожарнозаливных машин.

Некоторым свидетельством нерешенности ряда проблем полиции, если не сказать провала реформы 1867 г., является ряд сообщений военного губернатора Забайкальской области. Правительство неоднократно объявляло очередной сбор сведений с мест, например в ответ на циркулярное предписание управляющего МВД уже от 24 июня 1870 г.[1] военный губернатор перечислял множество проблем. Он отмечал многосложность функций полиции, в связи с чем считал необходимым увеличить ее состав и поднять жалование. И это почти сразу после полномасштабной реформы, цели которой заключались в решении и кадровой, и зарплатной составляющих. С другой стороны, очевидно ожидая, что его предложения будут отвергнуты, он предлагал учредить несколько специальных льгот за службу в полиции: повышение классов должностным лицам, уменьшение срока службы. Особенно он подчеркнул необходимость введения, как в западных губерниях, института судебных следователей. Чины полиции исполняли обязанности судебных следователей и производили суд по мелким делам, исполняли приговоры по уголовным и гражданским делам, наблюдали за исправлением дорог, переправ, мостов, за общественным спокойствием и безопасностью, за взысканием разных недоимок. На нерчинского исправника и одного из заседателей Верхнеудинского округа возлагались дополнительно обязанности мировых посредников. Кроме того, окружные исправники председательствовали в общем присутствии и ряде попечительских комитетов (например, окружного о тюрьмах), комитетов народного здравия, оспенного и т. д. Все это лишний раз подчеркивает, что реформа полиции в Сибири носила формальный характер перетасовки штатных расписаний. Сам губернатор, ссылаясь на сохранившийся прежний порядок делопроизводства, сообщал, что в регионе сохранялся институт стряпчих, совмещавших частично следовательские и прокурорские обязанности. Это могло бы частично разгрузить полицию, но точные их полномочия были столь размыты и столь неудачно встроены в регулярную систему, что тоже требовали реформирования.

По возникшей с петровских времен традиции, порядок решения дел в полицейских управлениях формально был коллегиальный, в то время как в Забайкальской области во многих случаях этот принцип не реализовывался: дело заводилось, писалось, рассматривалось и решалось исправником, а в его отсутствие — помощником. Губернатор предлагал обязать полицию составлять постановления без участия суда, по делам о происшествиях без виновных, как это уже практиковалось в некоторых местностях России. Ограниченность штатов управлений и их разнородный состав создавали серьезные препятствия в их работе. Например, участковые заседатели Верхнеудинского, Читинского и Селенгинского полицейских управлений никогда не находились в управлении, а исполняли свои обязанности на вверенных им участках. Относящиеся к управлению округом бумаги составлялись и на имя начальника, и на имя полицейских управлений, поэтому переписку исправники вели сами,

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79–94.

ведь у них не было специальной канцелярии, используя труд писцов из штата полицейского управления.

Заседателям напрямую подчинялись волостные и сельские начальники, а среди инородцев — старосты, через которых заседатели распространяли постановления и которые были их непосредственными исполнителями. Вместе с тем в некоторых округах заседатели отсутствовали и исправники сами решали весь комплекс задач совместно со столоначальником. В обязанности исправника и заседателей входил контроль над правильностью действий волостных и инородческих управлений, с той разницей, что только исправник имел право проводить ревизии. Но и здесь имелись проблемы, и первой и главной из них был языковой барьер: инородческие старосты по большей части не владели русским языком, да и делопроизводство степных дум велось на монгольском языке. Вторая проблема вытекала из первой: заседатель в своих разъездах должен иметь при себе переводчика: «*взятый из среды инородцев, всегда держащий сторону их и нередко переводящий не то, что следует, отчего скрываются следы преступлений и затемняются дела, тем более что инородцы, знающие русский язык, часто скрывают это*». Нанять же беспристрастного переводчика на полагающиеся штатом 1867 г. 300 руб. в год считалось почти невозможным.

Состав контактной полиции, которая напрямую взаимодействовала с обществом, был крайне недостаточен. А при всей кромешной бюрократии ни заседатели, ни исправники не имели рассыльных, поэтому использовались десятники, которые одновременно несли дозор по улицам и исполняли функции пожарных. Суммы в 300 руб., ассигнуемой исправникам на канцелярские расходы, оказывалось недостаточно на наем рассыльного, а заседателям средств на канцелярию не выделялось в принципе. Губернатор считал необходимым назначить сумму на наем рассыльных, как это и осуществлялось до 1871 г., когда по 50 и 80 руб. в год отпускалось заседателям и исправникам соответственно, но с увеличением ее размера[1]. Полицейские приставы и надзиратели в городах кроме охраны порядка исполняли функции следователей и мировых судей по маловажным преступлениям и искам. По мнению губернатора, их ликвидация могла позволить требовать более точного исполнения и без того многочисленных обязанностей.

Как неоднократно подчеркивалось ранее, ключевой проблемой земской полиции даже после реформы был большой состав исполнителей постановлений, которым было необходимо отписывать множество документов и следить за их передвижением, среди них отмечались заседатели, старшины, десятники, волостные головы, старосты, тайши и т. д. Эти позиции часто занимали люди ответственные, но необразованные (кроме заседателей, естественно), не говоря об инородцах, у которых даже в высшем звене власти мало кто хорошо владел русским языком. Инородческое управление являлось одним из самых коррумпированных, проверка его осуществлялась очень медленно и редко была успешной. Вскрывавшиеся злоупотребления тайшей оказывались чудовищны, при этом недоимок за ними почти не водилось. Они умели вытягивать необходимое из своих соплеменников, прикрываясь русским царем.

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79–94.

Все увеличивавшееся население окраин нуждалось в охране общественного порядка, поэтому указом от 9 июня 1878 г. в штат уездных полицейских управлений вводится должность полицейского урядника, занимавшего среднее положение между становым приставом и сотским. На урядников возлагались функции по предупреждению и пресечению преступлений, а также производству дознаний по уголовным делам. Затем указом от 14 апреля 1887 г.[1] в городах с населением более 2 тыс. человек, для которых не установлено особых штатов полиции, властям вменялось содержание одного городового на каждые 500 человек населения. Введены новые должности: старший и младший городовой из расчета 1 к 4 соответственно. Помимо 25 руб., которые ежегодно отпускались всем на обмундирование, содержание первым устанавливалось в размере 180 и 150 руб. в год соответственно. В законе четко прописывалось, что городовые не должны привлекаться к исполнению обязанностей рассыльных и сторожей, ведь их главная задача — «*охранять общественный порядок и безопасность*».

По истечении десятилетия после полицейской реформы завершить процесс профессионализации полиции так и не удалось. Устранение разобщенности в работе служб если и имело сначала значимый эффект, то он достаточно быстро сходил на нет. Не произошло сущностного сокращения функций суда и предварительного следствия, хозяйственных и административных задач. Принципиально важным оказалось сокращение отдельных городских полиций. Штатный состав продолжал исполнять множественные бюрократические задачи, так и не обзаведясь специальной канцелярией. Цели, реализуемые в течение первого десятилетия после реформы, стали очевидно недостижимыми. Сохранялась прежняя натуральная повинность в виде избрания десятников, а также командирования военного контингента. Поднятое реформой жалованье очень быстро съела инфляция, вспышки которой как раз относились к 70-м годам. Продолжали предприниматься попытки переложить часть расходов на города, но успеха они не имели. Вместе с тем с появлением новых штатных единиц все-таки были сделаны первые шаги по усилению общей системы безопасности.

Преобразования штатов и организационная структура общей полиции в 1880-е гг. и до распада империи

Прошла почти четверть века с момента проведения реформы полиции, но осознание целесообразности ее дальнейшей трансформации не снижалось. К 1880-м гг. потребность в модернизации стала критически необходимой. Ситуация, усугубилась политическим кризисом и начавшейся ранее небывалой волной революционного террора. III отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии упразднялось, и его функции передавались созданному в составе МВД департаменту полиции. «*Пытаясь преодолеть кризис, правительство полагало, что в первую очередь нужно овладеть ситуацией*

[1] ПСЗРИ. Собр. III. Т. 7. № 4351.

в крупных городах, разгромив террористическое подполье. Для этого решили усилить полицейский аппарат, проведя его реорганизацию» [276]. Стала отчетливо видна проблема прежней реформы — слабость городского аппарата полиции, особенно в малых городах, где она ликвидирована.

В числе первых изменений стало усиление роли политической полиции для борьбы с оппозицией. 6 августа 1880 г. создано новое учреждение в составе МВД — департамент государственной полиции, ставший высшим органом политического надзора в империи, призванный направлять и координировать работу всей системы внутренней безопасности империи. Продолжавшийся тренд на вертикализацию и ее укрепление еще сыграет свою роковую роль впоследствии, но власть империи, не осознавая необходимости хотя бы частичной децентрализации и уменьшения бессмысленной бюрократии, не могла реагировать на ситуацию как-то иначе. Распространено мнение, что введение временных генерал-губернаторств и было средством к децентрализации власти, но существенного эффекта это не принесло.

Департамент государственной полиции состоял из отделов и делопроизводств, руководивших различными сторонами его деятельности. Их количество менялось в его зависимости от ситуации в стране. В 80-е гг. XIX в., например, в состав входили распорядительное, законодательное, секретное, судебное и исполнительное делопроизводства. В 1894 г. создано делопроизводство, которое контролировало изготовление и хранение взрывчатых веществ, питейное дело, вело переписку по еврейскому вопросу и фабричным делам.

Важным административно-территориальным изменением стало включение 16 июня 1884 г. Забайкальской области в состав Приамурского генерал-губернаторства. Область разделялась на 8 округов: Верхнеудинский, Нерчинский, Баргузинский, Селенгинский, Читинский (с 1870 г.), Троицкосавский, Акшинский, Нерчинско-Заводской (1872 г.). Возврат в состав Иркутского генерал-губернаторства произошел 17 марта 1906 г.

Продолжились трансформации штатов безопасности регионов. «*Проектом штатов городских и окружных полицейских управлений Приамурской области*» 9 июня 1888 г.[1] обновлены прежние и созданы новые структуры (табл. 31), в том числе нестандартные, например полицмейстер Карийских промыслов. Несмотря на то, что последний по факту являлся представителем политической полиции, он по каким-то соображениям внесён в штат общей полиции. Земские (участковые) заседатели переименованы в участковых приставов. Всем чинам полиции увеличено жалованье, оно стало включать «*столовые деньги*», которые не получал только переводчик. Расход на содержание полиции, в сравнении с 1867 г., возрос более чем в два раза. Штат полиции несколько расширился за счет увеличения контактных чинов: квартального или пристава. Еще один момент, который стоит отметить: штатная система перестала быть типовой. Как результат осознания, что система безопасности должна строиться в соответствии с особенностями области, а не только с механическим расчетом по численности населения, каждое управление теперь тщательно подбиралось, ни одно из них не совпадало с другим.

[1] ПСЗРИ. Собр. III. Т.8: Штаты и табели. № 5318.

Таблица 31

Высочайше утвержденный 9 июня 1888 г. штат полиции Забайкальской области

Чины / категории расхода	Число чинов	Жалование (одному), руб.	Столовых (одному), руб.	Всего	Класс по должности	Класс по пенсии
Городское полицейское управление в г. Чите						
Полицеймейстер	1	1050	1050	2100	VII	V
Полицейский надзиратель	2	500	500	2000	X	VIII
Им на канцелярию				600		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
			Итого	5420		
Городское полицейское управление в г. Троицкосавске						
Полицеймейстер	1	1050	1050	2100	VII	V
Полицейский надзиратель	2	500	500	2000	X	VIII
Им на канцелярию				600		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Переводчик	1	360	360	720		
			Итого	6140		
Нерчинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	3	600	600	3600	IX	VII
Им на канцелярию			600	1800		
Полицейский надзиратель	2	500	500	2000	X	VIII
Им на канцелярию		300		600		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	3	250	250	1500	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
			Итого	14640		
Окружное полицейское управление на Карийских промыслах						
Полицеймейстер	1	600	600	1200	VIII	VI
			Итого	1200		
Троицкосавское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	3	600	600	3600	IX	VII
Им на канцелярию			600	1800		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII

Продолжение табл. 31

Чины / категории расхода	Число чинов	Жалование (одному), руб.	Столовых (одному), руб.	Всего	Класс по должности	Класс по пенсии
Столоначальник	2	250	250	1000	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
Толмач	1	-	-	600		
			Итого	12140		
Акшинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	2	600	600	2400	IX	VII
Им на канцелярию			600	1200		
Полицейский надзиратель	1	500	500	1000	X	VIII
Ему на канцелярию				300		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	2	250	250	1000	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
Толмач	1	-	-	600		
			Итого	11640		
Селенгинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	3	600	600	3600	IX	VII
Им на канцелярию			600	1800		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	2	250	250	1000	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
			Итого	11540		
Нерчинско-Заводское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	3	600	600	3600	IX	VII
Им на канцелярию			600	1800		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	1	250	250	500	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
			Итого	11040		

Продолжение табл. 31

Чины / категории расхода	Число чинов	Жалование (одному), руб.	Столовых (одному), руб.	Всего	Класс по должности	Класс по пенсии
Верхнеудинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	4	600	600	4800	IX	VII
Им на канцелярию		600		2400		
Полицейский надзиратель	3	500	500	3000	IX	VII
Им на канцелярию		300		900		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	3	250	250	1500	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
Переводчик	1			600		
			Итого	18340		
Читинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	3	600	600	3600	IX	VII
Им на канцелярию		600		1800		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	3	250	250	1500	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
			Итого	12040		
Баргузинское окружное полицейское управление						
Окружной начальник	1	1200	1200	2400	VI	III
Помощник	1	800	800	1600	VII	V
Участковый пристав	2	600	600	2400	IX	VII
Им на канцелярию		600		1800		
Секретарь	1	360	360	720	X	VIII
Столоначальник	1	250	250	500	XII	IX
Журналист	1	210	210	420	XII	IX
			Итого	9240		
			Всего[1]	135280		

Основание: ПСЗРИ. Собр. III. Т. 8. Штаты и табели. № 5318. С. 119–122.

[1] С учетом расхода на городские полицейские управления г. Читы и Троицкосавска.

В 1901 г. одновременно с трансформацией инородческого управления и введением унифицированной системы управления [169, с. 14] ранее существовавшие округа на окраинах переименованы в уезды. Все это время полицейские управления фактически не менялись ни содержательно, ни организационно. В Верхнеудинске полицейское управление оставалось даже в прежнем здании, приобретенном еще в начале века. Здесь уже вырос настоящий комплекс, включавший не только арестантские помещения, но и пожарную охрану и каланчу. Соседство с пожарной вышкой стало причиной курьеза. 22 мая 1891 г. полицейское управление сообщало о необходимости приведения здания в подобающий вид: «*Ввиду предстоящего проезда через г. Верхнеудинск Его Императорского Высочества государя-наследника, необходимо подкрасить крышу здания полицейского управления, так как краска на крыше здания частично испорчена дежурными на каланче, кои позволяли себе естественные отправления делать прямо на крышу*» [67, с. 10–11]. В прежних помещениях оставалось и большинство старых управлений, например, сохранилась фотография здания Нерчинского уездного полицейского управления (рис. 10), одного из самых крупных в регионе. В начале XX в. возведено отдельное двухэтажное кирпичное здание Читинского уездного полицейского управления (рис. 14). Первый этаж здания был оборудован под городскую пожарную команду во главе с брандмейстером, а второй — под непосредственно полицейское присутствие.

Со времени проведения реформы полиции 1867 г. денежное довольствие не индексировалось, хотя именно на этот период приходится значительный мировой рост инфляции. В среднем инфляция в этот период составляла примерно 3% в год. И если для европейской части жалованье еще могло обеспечить проживание семейства, то в Сибири, учитывая, что цены на основные продукты и товары были существенно выше, материальное положение полицейских, особенно служащих канцелярии и исполнительной полиции (надзирателей, приставов), было очень непростым.

Высшим чинам полиции доставалось сравнительно неплохое содержание и некоторые социальные льготы, предоставляемые государством. Окружным начальникам, например, полагалось по 300 руб. в год в качестве «*квартирных денег*». Еще одним видом обязательств была пенсия после выхода в отставку, в том числе вдове, тем самым государство признавало значимость полицейской службы. Пенсия позволяла чиновнику или его семье иметь свой небольшой, но гарантированный доход, при лишении возможности заработка. Так, после смерти в 1885 г. верхнеудинского окружного исправника М. А. Смирнова его жена добилась выплаты ей пенсии в размере 95 руб. 30 коп. в год, т. е. менее 10% от основного жалованья мужа[1]. Размер пенсий в процентном отношении от жалованья с начала века значительно уменьшился, что связано с возросшим числом лиц, претендующих на содержание.

Разрастающиеся социальные гарантии государства требовали специальных на то сборов. Постепенно формируется система налогов, расходуемых на социальные цели. Еще до внедрения новых штатов полицейские уплачивали вычеты на пенсию и инвалидный госпиталь[2]. Сумма вычета была неболь-

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6504. Л. 1.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 12523. Л. 12.

шая: из годового дохода окружного начальника в 1500 руб. вычитывалось 30 руб., а, например, журналист с доходом 200 руб. платил 4 руб., что составляло 2% от годового заработка. Наличие социальных обязательств власти не касалось рядового состава полицейских. Это было предметом систематического обсуждения и чаще сводилось к тому, что некие текущие гарантии должно обеспечивать городское общество.

Ранее мы уже поднимали тему рядовых при полиции и постепенной смены десятников городовыми. Приведем достаточно показательный пример: в 1872 г. Верхнеудинск делился на кварталы (сначала на два участка[1], затем на три [120, с. 30]), в каждом из которых за порядком следил полицейский надзиратель. Первый участок — новый город в нагорной части и предместье Нижняя Березовка, второй — две трети старого города, третья — треть старого города, предместья Заудинское, Посельское и Верхняя Березовка. Инициатором разделения выступило само полицейское управление, которое, ссылаясь на неудовлетворительную службу надзирателей, считало, что с разделением на участки каждый из них станет персонально ответственным за свой участок. Таким образом, рядовой (контактный) состав полиции на значительную территорию города ограничивался тремя полицейскими и несколькими десятниками. Появление городовых, при всех оговорках их качества и опыта, облегчило наблюдение в городе за, по крайней мере, ключевыми позициями. Как минимум, они были в состоянии обеспечить видимость охраны основных объектов города (рис. 13). В 1907 г. в Верхнеудинске насчитывалось 40 городовых: 8 старших и 32 младших. Законом «*О численном составе и устройстве полицейских команд*» от 14 апреля 1887 г. установлена норма их численности — 1 полицейский на 500 жителей. Их содержание обходилось Верхнеудинску в 8640 руб. из расчета жалованья — 180 руб. старшим и 150 руб. младшим и сверх него по 60 руб. ежегодно на обмундирование и съем квартиры на каждого. Расходы обеспечивались городским бюджетом, который продолжал осуществлять наем помещений, их отопление и освещение, лечение в больницах и вооружение шашками и револьверами [263, с. 50] (одному городовому полагалось 100 патронов в год и при необходимости оплата лечения [278]). Жалованье городовых оставляло желать лучшего, в среднем оно составляло 150 руб. в год; для сравнения: доход, например, столяра или каменщика в месяц составлял 35 руб., или более 400 руб. в год.

С изменением довольствия менялись и общие требования к квалификации полицейских. Если ранее было достаточно иметь опыт военной службы и элементарную грамотность, то к концу XIX в. в формулярных списках все чаще стали появляться пометки об обучении в училищах. Специальное полицейское образование отсутствовало, но чиновники уже являются выпускниками 4–5-классных училищ, реже получали домашнее образование. При поступлении на службу в полицию подавалось свидетельство об окончании образовательного учреждения с перечислением дисциплин и успеваемости, затем создавался формуляр с указанием всех обязательных анкетных сведений. На принятие в службу успеваемость не влияла, многие выпускники, впоследствии

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1169. Л. 1–3об.

штатные служители полиции, могли иметь лишь удовлетворительные отметки[1]. Несмотря на недостаток прилежания, аттестат с тройками указывал на наличие базового уровня усвоенных навыков и позволял продвигаться по службе значительно быстрее. Полицейские, окончившие училища, на основе устава о воинской повинности имели льготы. Конечно, в первую очередь это касалось канцелярской части: столоначальников и письмоводителей, но и в обыденной практике многие из тех, кто показал наибольшую способность, быстро становились квартальными.

На уровне окружных исправников отмечается куда более серьезная подготовленность, одновременно с уменьшением значения военной службы. Остановимся на характеристике уже упомянутого выше верхнеудинского окружного исправника, достаточно типичного для окраин. Губернский секретарь Михаил Александрович Смирнов, 32 лет[2], происходил из обер-офицерских детей, женат на дочери священника, детей нет. Как городничие и исправники прежних лет, он не владел недвижимым имуществом, зато имел за плечами полный курс наук Томского уездного училища, после которого успел поработать младшим учителем Томского Воскресенского училища. Первый опыт службы получил в губернском суде, а затем достаточно стремительно пошел по полицейской части, дослужившись до исполняющего обязанности полицмейстера г. Иркутска, а затем Троицкосавска. Служба не была идеальной, один раз он находился под судом за растрату, сделанную журналистом Мариинской полиции, и приговорен к трехмесячному лишению жалованья. Любопытно характерное отличие его от коллег первой половины века — это стремительный карьерный рост в достаточно молодом возрасте и отсутствие воинского прошлого, что ранее было обязательным. Жизнь молодого, подающего надежды исправника Смирнова резко оборвалась: он скончался в возрасте 33 лет.

Наличие базовых знаний значительно влияло на качество службы, но этого оказалось недостаточно для поддержания безопасности общества в новых условиях. Главным испытанием для системы стала революция 1905–1907 гг. Общая полиция не умела и физически не могла реагировать на рост массовых тайных обществ и подпольную революционную деятельность. Для повышения эффективности ее работы встал вопрос реформирования общей полиции, сокращения части ее функций с возложением их на исполнительные органы и самоуправление[3], что фактически оказалось невыполнимо. В ряде случаев совершались попытки совершенствования систем городской безопасности, например обсуждался вопрос создания Верхнеудинского городского полицейского управления. Военный губернатор Забайкальской области в 1907 г.[4], учитывая густонаселенность Верхнеудинского уезда и города, а также падение торгово-экономического значения Троицкосавска, ходатайствовал об упразднении Троицкосавского городского полицейского управления и создания его в Верхнеудинске (табл. 32).

[1] ГАЗК. Ф. 1(тюр). Оп. 3. Д. 57. Л. 4.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6504. Л. 3–12.

[3] ГАЗК. Ф. 1(тюр). Оп. 4. Д. 303. Л. 1–2об.

[4] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10. Ч. 16. Л. 1–3.

Таблица 32

Проект штата Верхнеудинского городского полицейского управления (1907 г.)

Должность	Число чинов	Жалование (одному), руб.	Столовых (одному), руб.	Класс по должности	Класс по пенсии
Полицеймейстер	1	1 050	1 050	VII	V
Полицейский надзиратель	3	500	500	IX	VII
Каждому на канцелярские расходы		300			
Секретарь	1	360	360	X	VII
Столоначальник	1	250	250	XII	VIII
Переводчик с монгольского	1	360	360	X	VII
Старшие городовые	10	300			
Младшие городовые	40	240			
Всего	57	18 240			

Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10 ч 16. Л. 4.

Свое ходатайство губернатор обосновал влиянием железной дороги на экономику и значение городов региона. Верхнеудинск, расположенный на линии железной дороги, привлекал внимание не только предпринимателей, но и преступников, усугубляя тем самым криминальную обстановку. Делопроизводство Верхнеудинского уездного полицейского управления в 5 раз превышало таковое в Троицкосавском уездном и городском управлениях, вместе взятых. Сопоставление уголовной статистики по тяжким преступлениям в двух городах (табл. 33) должно было наглядно свидетельствовать о необходимости реализации проекта — отличный пример «жонглирования» статистикой. Безусловно, преступность в Верхнеудинском округе имела куда более широкий размах, но в данном случае отмечалась некоторая лакировка фактов. Ходатайство было поддержано как генерал-губернатором, так и городским обществом, которое даже предложило увеличить сумму на содержание городовых вместо 8 640 до 10 800 руб.

Таблица 33

Сравнительная численность тяжких преступлений городов Верхнеудинска и Троицкосавска (1904–1906 гг.)

Год	Верхнеудинск	Троицкосавск
1904	101	4
1905	230	5
1906	186	6

Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10. Ч. 16. Л. 1–3.

Несмотря на острую необходимость, городское полицейское управление в Верхнеудинске так и не открылось. Сначала Государственная дума отвергла проект упразднения городской полиции в Троицкосавске и ее переноса в Верхнеудинск, а затем, вследствие ряда неудач на фронтах Первой мировой войны, проект вообще отложили и полицейское управление Верхнеудинска осталось в прежнем виде. К слову, сохранилось фотография сотрудников Троицкосавской городской полиции начала XX в. (рис. 15), в центре которой, как предполагается, находится начальник управления Н. М. Добромыслов. По некоторым сведениям, его сын впоследствии был участником событий первой русской революции 1905 г. на стороне протестующих.

Несмотря на бюрократические проволочки, в начале XX в. постепенно происходят изменения, хоть и крайне медленные, в деле расширения структуры региональной безопасности. Участковые приставы к этому времени были заменены становыми приставами с сохранением прежнего функционала. К 1912 г., в сравнении со штатами 1888 г., городская полиция региона предстает в Чите в следующем виде[1]: полицмейстер, его помощник, секретарь, два столоначальника, приставы четырех частей города, четыре помощника пристава 2-й части, один помощник пристава 4-й части и акшинский полицейский надзиратель, заведовавший колонией Дальний Вокзал в поселке Дальний Вокзал. Сыскная полиция Читы состояла из начальника отделения и двух полицейских надзирателей. В городе имелась ставка брандмейстера. Троицкосавская городская полиция расширилась за счет дополнительной, хотя и по всем параметрам избыточной, ставки полицейского надзирателя.

После добавления по одной ставке становых приставов увеличились Верхнеудинское (сократилась ставка столоначальника), Читинское, Троицкосавское, Селенгинское уездные полицейские управления. Акшинское и Нерчинско-Заводское уездные управления увеличились за счет дополнительных ставок переводчиков с монгольского. Целиком неизменными остались штаты Баргузинского и Нерчинского уездных полицейских управлений.

Не снижалась с течением времени острота проблемы штата городовых. Как и раньше, они делились на старших и младших, в 1906–1907 гг. в штате в Чите их состояло 31 человек. Однако согласно закону «*О преобразовании полиции в империи*», приемлемым признавалось наличие 1 городового на 400 жителей (ранее было 1 к 500), каждых 5 городовых возглавлял 1 старший. Но даже исходя из прежних оценок, городу полагалось иметь не менее чем в два раза большее число городовых. Проблему под личный контроль взял военный губернатор М. И. Эбелов и добился некоторых успехов: к 1908 г. число их выросло до 75, из которых 31 — штатные, 30 — за счет средств города и 14 — за счет средств состоятельных горожан Читы. К 1910 г. их численность выросла почти до 100 человек, хотя нормативное их количество, если учитывать действовавший закон, должно достигать более 200 человек. В данном случае речь идет о статусном городе, а что говорить об уездных городах, где гораздо меньше желающих служить за достаточно низкое жалование.

---

[1] Памятная книжка Иркутской губернии на 1912 год. Издание Иркутского губернского статистического комитета. Иркутск : Иркутская типография, 1912. С. 10–11, 12–13.

Общий штат уездной полиции со смещением акцента с городской на земскую полицию был усилен незначительно, например в 1912–1914 гг. систему безопасности региона при общей численности населения порядка более 500 тыс. человек представляли 25 становых приставов, 10 полицейских надзирателей, 2 горных исправника, 2 пристава золотых промыслов Нерчинского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества и 2 пристава на постройке Амурской железной дороги (1909–1915). Особая нагрузка ложилась на становых приставов, которым нередко приходилось обслуживать участки с довольно внушительным числом жителей. При комплектовании полиции в сельской местности численность населения учитывалась редко. Например, в 1910 г. 5 приставов Верхнеудинского уезда обслуживали территорию с населением в 199 965 человек, 4 пристава Читинского уезда — 152 328 человек. В январе — феврале 1917 г. пристав 4-го стана Читинского уезда обслуживал 6 волостей и 3 инородческих отдельных общества, в которых проживало 56 445 человек [340, с. 216]. Воспользуемся сравнением А. С. Петрова по Самарской губернии, в которой считалась существенной загруженность одним приставом территории с населением в 12 446 человек. В Сибири притом достаточно большой по длине была и сама обслуживаемая территория, протяженность некоторых станов достигала 500 верст. Нередко самые ближние населенные пункты от резиденции пристава находились на расстоянии в 70 верст, а самые дальние — в 300–350 верст [там же, с. 216–217]. Положение с недостаточностью штатов, компенсируемой сверхширокими правами и полномочиями, оставалось действующим вплоть до распада империи, тогда как штаты, установленные в 1888 г., уже на момент внедрения не удовлетворяли потребности общества. По этой причине расширение функций и полномочий полиции продолжалось.

Содержание общей полиции, являясь главным элементом системы обеспечения внутренней безопасности и столпом проведения властных решений на местах, в течение начала XX в. почти не усиливалось штатным и организационным составом вплоть до революции 1917 г. Конечно, ключевыми фигурами этой системы оставались начальники управлений и полицмейстеры. Сохранились фотографии всех крупнейших чинов забайкальской полиции, сделанные перед самым началом первой мировой войны (рис. 17). Многие из представленных чинов занимали разные должности в системе безопасности в течение длительного времени. Благодаря внимательной работе краеведов, о них добыты некоторые биографические сведения, в частности о лицах, в разное время занимавших должность читинского полицмейстера. Например, указанный в качестве баргузинского горного исправника Константин Павлович Попрядухин (рис. 17, портрет 8) занимал ее с 1887 по 1893 г. и, будучи в этой должности, из рук цесаревича Николая получил в подарок золотые часы за участие в почетном конвое, обеспечивающем его охрану. Другой колоритный персонаж — Алексей Николаевич Грузинов, уроженец Донской области. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. Кавалер орденов Св. Анны III ст. и Св. Станислава III ст. Занимал должность полицмейстера не позднее чем с декабря 1913 по сентябрь 2014 г., когда был назначен окружным начальником Ростовского округа, а после — исполняющим дела харьковского полицмейстера. Бывший

в 1914 г. акшинским уездным начальником полковник Николай Николаевич Чайкин (рис. 17, портрет 6), назначенный полицмейстером в 1915 г., стал последним на этой должности. Он родился в г. Верхнеудинске в 1865 г. и там же окончил полный курс Верхнеудинского уездного училища. С 1894 г. связал свою жизнь со службой в полиции. Успел послужить верхнеудинским, акшинским и читинским уездным начальником. Кавалер орденов Св. Станислава II и III ст. и монгольского ордена Эрдени-Вагира [359]. Некоторыми краткими сведениями располагаем также в отношении верхнеудинского уездного начальника Евсевия (Евсея) Петровича Костылева (рис. 17, портрет 9). Он родился в 1877 г. в станице Размахнино Нерчинско-Заводского округа. О судьбе последних двух есть сведения и после революции, но об этом скажем в соответствующем разделе.

Исполнение решений и приговоров следственно-судебных и судебных органов в местностях области, не входящих в состав городов, всецело возлагалось на общую полицию области. Сотрудники занимались взысканиями денежных средств с населения, осуществляли надзор за ссыльнопоселенцами и иными поднадзорными лицами, производили аресты, доставку лиц в судебно-следственные органы и содержание арестованных лиц в арестантских помещениях до доставления их в тюремные учреждения. Обеспечением явки нижних чинов запаса на поверочный сбор в волостных правлениях занимались также приставы и полицейские надзиратели. На недостаточные силы общей полиции возлагалась даже организация сборов пожертвований на строительство храмов, часовен, памятников.

Кроме общей полиции в Забайкалье, в местах активной разработки недр, действовал институт исправников горных округов. Их специфика состояла, с одной стороны, в подчиненности изначально министерству финансов, а затем — министерству государственных имуществ. С другой стороны, их полномочия касались не всего пестрого населения обычных областей и уездов, а только обществ, проживавших на территории горного округа и занимавшихся добычей полезных ископаемых. Кроме того, в отличие от общей полиции, горный исправник вел надзор за некоторыми техническими аспектами и соблюдением регламентов добычи. В Забайкалье горных округов было два: Баргузинский и Шилкинско-Аргунский (бывший Нерчинско-Заводской округ)[1]. Штат каждого из них ограничивался самим исправником, письмоводителем и одним прикомандированным от областного правления. Впоследствии в помощь им добавлены учрежденные 17 июля 1901 г. инструкцией «*О горно-полицейской страже...*» конные и пешие горные стражники, из которых назначались старшие — урядники [152, с. 22].

Как вся система общей полиции, горнозаводская ее часть нуждалась в серьезном реформировании. Как признавал сам военный губернатор (1896), она из «*охранителя законности и беспристрастного посредника...*» в существовавших условиях более стала служителем интересов владельцев приисков[2]. По

[1] Памятная книжка Иркутской губернии на 1914 год / Издание Забайкальского областного статистического комитета. Чита : Типография Забайкальского областного правления, 1914. С. 129.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 7. Л. 7.

его мнению, лучшим вариантом было включение ее в состав общей полиции, чем усиливался бы надзор. Министерство внутренних дел сопротивлялось и переподчинению этого ведомства, и расширению структуры горной полиции в существовавшем виде за счет поднятия жалований и учреждения третьей должности горного исправника. Не имея возможности нанять канцелярию и оплачивать сопутствующие расходы, даже не хотя этого, исправники подпадали под прямую зависимость от золотодобытчиков. Например, по штату горный исправник получал 2 100 руб. в год, из них 300 руб. предназначались для найма писца, а по факту он обходился в лучшем случае в 600 руб.; невозможно, кроме того было выполнять обязательства по уставу о частной золотопромышленности в части обязанности исправника постоянно проживать на приисках. Учитывая, что на всю Забайкальскую область их приходилось по меньшей мере 137, находящихся друг от друга на сотни верст, исправник максимум что мог это для соблюдения формы, — посетить каждый 1–2 раза в год. В это время на промыслах в Баргузинском округе за 1894 год было намыто 36 пудов золотого песка (21 млн. руб.), а в Читинском, Акшинском, Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах — 24 пуда.

Полицейские общей и специальных полиций занимались также дознанием на основе самостоятельно выявленных нарушений или заявлений пострадавших, причем каждое ведомство было полномочно заниматься этим лишь на собственной территории. Количество дознаний, проводимых одним полицейским к концу XIX — началу XX в., увеличилось кратно. Например, пристав 4-го стана Читинского уезда Ефимов только в 1910 г. провел 213 дознаний, к нему поступило 1988 всевозможных письменных запросов, на которые необходимо было давать письменные ответы, кроме того, за это время он имел в производстве порядка 17 гражданских дел. Уже за 10 месяцев 1911 г. он провел 239 дознаний, получил 2010 иных письменных запросов и возбудил 23 гражданских дела. Отметим, что это больше, чем выполнило все читинское сыскное отделение за 1911 г. Застать пристава на месте и потребовать оказать содействие по каким-либо текущим полицейским делам было проблематично, так как для исполнения запросов и дознаний он совершал частые и длительные разъезды в пределах стана. Поездки длились нередко по 1–2 недели, ведь обычно волости стана находились от кабинета пристава на расстоянии 150–200 верст [340, с. 218–220]. Таким образом, дисбаланс функций и штатных единиц в системе внутренней безопасности окраин оказывался чрезвычаен.

Установленная реформой середины XIX в. система общей безопасности продолжила совершенствоваться и уточнена в очередной раз в 1888 г. С того времени и вплоть до полного упразднения в 1917 г. штаты единично дополнялись ставками. Более серьезным шагом можно считать введение должности городовых, которые позволяли более качественно, со всеми оговорками, справляться с дневным и ночным надзором в городе. И хотя, в сравнении с прежними периодами, штаты полиции были фактически индивидуально подобраны к местностям, их стало больше и территориально, и количественно, качество полицейской службы продолжало оставться невысоким. При этом широчайшие полномочия полиции позволяли достаточно долго удерживать систему в состоянии относительной стабильности. Сказать при этом, что она

отличалась высокими показателями сохранения безопасности в обществе, нельзя. Вместе с тем, функциональная нагрузка с усложнением системы власти и общества все увеличивалась, и непропорционально этому, но все же рос уровень квалификации служителей, их довольствия и авторитета в подчиненном обществе. Система внутренней безопасности продолжала нацеливаться на поддержание внешнего благочиния и не могла быть ориентирована на другое в силу ограниченных организационных и штатных возможностей.

Обеспечение внутренней безопасности органами полиции во второй половине XIX в.

При сохранении большинства функций полиции и методов ее работы во второй половине XIX в. значительно изменились условия поддержания безопасности. Активно внедрялся капиталистический уклад жизни, который естественным образом вел за собой всплеск преступности. Активизируется общественно-политическая жизнь. Ширится публикационная активность, научная и художественная деятельность. Граждане стремились к различного рода объединениям, кружкам, часть которых сразу ушла в «подполье». Все это власть стремилась повсеместно контролировать.

Криминогенная обстановка в Забайкалье второй половины XIX в. в большинстве материалов и исследований характеризуется как затруднительная. Одну из главнейших проблем для внутренней безопасности представляли ссыльные. Всё возрастающее их число, давно перевалившее ту критическую массу, что могла принять инфраструктура окраин России и сносно обустроить, обусловило крайне опасную обстановку. Контроль за деятельностью каторжных и ссыльнопоселенцев становился все более формальным, хотя губернаторский корпус и пытался различными способами структурировать эту часть своих обязанностей, но политической воли на ликвидацию ссылки и каторги добиться не удалось.

Большинство ссыльных не желали обзаводиться хозяйством и оседать на месте, они бродяжничали и перебивались случайными заработками, нередко сомнительного характера. Для сравнения: в 80–90-е гг. XIX в. в Восточной Сибири среди местных крестьян бездомных было не более 5%, среди ссыльных это число доходило до половины и более. Не привязанные к месту, они отходили на заработки в города и на промыслы. По разным оценкам, от 30 до 40% ссыльных в Сибири постоянно находилось в бегах [193, с. 146]. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, сообщая о сложности контроля огромной массы ссыльнопоселенцев, подтверждал свою мысль тем, что «*... в одной только Иркутской губернии из числящихся в ней 84 тыс. ссыльных... 60 тыс. считаются в безвестной отлучке, а из остальных едва ли 9 тысяч живут, устроившись в местах причисления*». В Забайкалье цифры скромнее, но не менее серьезные. По официальным источникам, в отлучке находилось от 3530 (1902) до 5711 (1910) ссыльных [Там же]. Военный губернатор М. И. Эбелов считал, что из-за значительного числа ежегодно прибывающих ссыльнопоселенцев, «*Забайкальская область находится в исключительных условиях развития*

преступности среди населения». Сменивший его В. И. Косов в отчете за 1910 г. поддержал предшественника: «*Вопрос о положении ссыльнопоселенцев в Забайкалье обостряется с каждым годом ... поселенцев прибывает с каторги ежегодно от 600 до 700 чел. Большая часть из этого числа, не будучи совершенно пригодна к земледельческому труду и не находя на местах водворения заработков, естественно стремится уйти оттуда ... население само радо избавиться от этого элемента и не препятствует уходу поселенцев. Результат этого — постоянное пополнение кадрами преступников в городах и больших селениях и не прекращающееся увеличение числа преступлений*» [193, с. 146]. И хотя центральная власть всячески требовала оградить население от нравственного разложения, которое несли ссыльные, местные власти, напротив, не препятствовали контактам с обученными ремеслам ссыльнопоселенцами. Те из них, что были образованны, активно настраивали местное население против режима.

Противоречивости этой картине добавляют характеристики, которые приписываются в этот период местному населению. Например, несмотря на казалось бы бойкий нрав, те же казаки «*вообще имеют характер кроткий...*», отличаются достаточной правопослушностью. Воровство, грабежи или мошенничество с их стороны отмечались редко еще и потому, что «*мелкие преступления не фиксировались, так как разрешались договором обеих сторон...*» [48, с. 95]. Вместе с тем основная масса преступлений приходилась на городские поселения, рост которых начался сразу после отмены крепостного права и взрывным образом увеличился с открытием железнодорожного движения.

В течение второй половины XIX в. значительно возрастает число содержащихся в тюремных казематах. Только в одной верхнеудинской тюрьме за 10 лет (1867–1877) число содержащихся увеличилось более чем в два раза (табл. 34, 35). Резкий рост преступности наблюдается в 1870–1880 гг. Только к концу века она стабилизировалась, но продолжала расти. Например, на Верхнеудинск и округ в 1870-е гг. приходилось более 50 % от общего состава содержащихся в тюрьмах всей Забайкальской области. К концу века эта доля составляла только четверть. Резкий рост произошел в Восточном Забайкалье (Чита, Нерчинск), которое, вероятно, и стало в это время самой криминогенной территорией окраин. Общий состав арестантов области достигал в 1898 г. более 8 тыс. В то же время, примерно с середины XIX в., от 70 до 90 % содержащихся в тюрьмах составили переправляемые ссыльные.

Полиция фактически ежедневно находилась в состоянии чрезвычайной ситуации. Все тюрьмы Забайкальской области (Читы, Верхнеудинска и Нерчинска) в среднем ежемесячно вмещали около 600 человек вместо рассчитанных 500. Это еще средний показатель, в отдельные периоды число содержащихся превышало нормативную вместимость почти в 2 раза. Троицкосавск в этих подсчетах не учитывается, так как он располагал только временной тюрьмой. При малочисленном конвое и тюремной страже, в которой обычно служили чины инвалидных команд, становится очевидным, что на органы полиции ложилась вся ответственность за организацию размещения и охрану ссыльных в черте города и округа. В таких условиях полицейские не имели возможности ответственно и своевременно реагировать на возрастающую криминогенную напряженность.

Таблица 34

Число арестованных, содержащихся
в Верхнеудинском тюремном замке в 1867–1877 гг.

Год	Число арестованных на момент учета	Общая численность в течение года
1867	203	-
1871	337	1620
1874	405	1863
1877	-	4880
1898	212	1133

Основание: ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 46. Л. 64-64 об; Обзор Забайкальской области за 1898 год. Чита : Типография Забайкальского областного правления, 1899. С. 21.

Таблица 35

Число содержащихся в тюрьмах Забайкальской области

Тюрьма	В течение 1898 г.			
	Прибыло		Убыло	
	Подсудимые и срочные	Пересылаемые	Подсудимые и срочные	Пересылаемые
Читинская	275	1377	233	1350
Верхнеудинская	382	500	336	486
Нерчинская	278	1343	238	1367
Троицкосавская	83	-	77	-
Всего	**1018**	**3220**	**884**	**3203**

Основание: Обзор Забайкальской области за 1898 год. Чита : Типография Забайкальского областного правления, 1899. С. 21.

Нельзя сказать, что все беглые ссыльнокаторжные повинны исключительно в тяжких преступлениях. Большинство арестованных задерживались за бродяжничество, то есть отсутствие разрешительных документов. Например, в 1873 г. по самому многолюдному Верхнеудинскому округу задержано 100 бродяг[1], большая часть оказались ссыльнокаторжными и несколько меньшая — поселенцами. Само бродяжничество могло не нести в себе опасности для местного общества, однако отсутствие стабильного места жительства и занятия, которое может обеспечивать пропитание, рано или поздно толкало их на преступный путь. В конце XIX в.[2] ссыльные официально были главным источником криминальной тревожности для Восточной Сибири.

Во второй половине XIX в. произошло некоторое смещение социального состава преступности в регионе. Основная масса правонарушений приходится на ссыльных и поселенцев (60–70%) (табл. 36), далее шли крестьяне, потом военные, казаки и инородцы. Последние совершали преступления численно

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1271. Л. 130об.–131.

[2] ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 785. Л. 15.

примерно на уровне категории военных и казаков. Они, правда, не фигурируют в данной статистике, но, во-первых, многие из них уже влились в категории крестьян и казаков, а во-вторых, суд по нетяжким преступлениям у них продолжал оставаться делом внутреннего разбирательства. За ними следовали мещане (в том числе почетные граждане) и дворяне.

Таблица 36

Социальное происхождение и число преступников Забайкальской области по Всеподданнейшему отчету Забайкальского военного губернатора (1877)

Социальный состав	**1877 г.**		**1883 г.**			
	Число преступников	**% от общего числа**	**Число преступников**		**Всего**	**% от общего числа**
			Муж.	**Жен.**		
Дворяне	1	**0,3**	3	-	3	**0,7**
Почетные граждане	6	**1,8**	7	-	7	**1,7**
Мещане	27	**8**	38	13	51	**12,8**
Крестьяне	43	**13,3**	33	8	41	**10,3**
Военные, казаки	33	**10**	52	3	55	**13,8**
Ссыльные, поселенцы и др.	213	**66**	233	8	241	**60,5**
Всего	323		366	32	398	

Основание: ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 731. Л. 40об-41; Д. 785. Л. 15.

Изменение социального состава указывает на постепенное нарастание криминогенной обстановки при сохранении ее социального облика. Данные за 1877 и 1883 гг. указывают на более чем 20%-ный рост преступности за 6 лет. Притом полиция сохраняла весь свой основной функционал, в том числе учет и контроль над миграцией в уезде и городе, который становился все более бессмысленным. Дело в том, что выявлять миграционные нарушения было возможно, но для борьбы с ними не было никаких инструментов, кроме отсылки обратно к месту проживания. Чисто полицейскими методами это исправить было нельзя, а целенаправленной социальной политики на изжитие такой проблемы не проводилось, тем более что с массовым бродяжничеством бороться становилось все сложнее даже бюрократическими (запретительными) мерами. При крайне плохом материальном положении многочисленные ссыльнопоселенцы мигрировали в более крупные населенные пункты. В попытках удержания их на местах полиция оказалась бессильна. Единственное, что мог сделать окружной исправник, — это отправлять рапорты об очередной проверке на наличие ссыльнопоселенцев, в ходе которой обнаруживался не более чем каждый седьмой.

Поведение мещан в городах мало отличалось от поведения сельского населения, особенно если учитывать, что основной вид занятий, по сведениям Т. В. Паликовой в городах, — это сельское хозяйство (крестьяне составляли до четверти населения городов Забайкалья). Основные причины преступности

в крестьянско-ссыльнопоселенческой среде можно списать на низкий уровень жизни, простые нравы и проч., в чем мещане отличались не так принципиально, как может казаться на первый взгляд. Низкий уровень преступности среди мещан в большинстве своем объясняется их малой численностью.

В течение года полицией задерживалось большое число горожан по различным проступкам[1], львиной долей из которых было пьянство и его последствия. Это же увлечение широко распространялось в округе, но там за это задерживали существенно реже. В основном кражи, совершенные под воздействием алкоголя, были импульсивными и поэтому достаточно мелкими. Похитителя быстро вычисляли, и потеря сразу возвращалась хозяину. Обычно пьянство сопровождали драки и шумное поведение, песни, крики, что, собственно, и привлекало внимание органов. В таких нарушениях обвинялись не только мужчины. Значительное число женщин также препровождалось в полицию по причине пьянства и развратного поведения. В процессе задержания нередко проявлялся строптивый характер нарушителя. Чаще всего буйные проводили ночь в полиции, а после доставлялись в ратушу для принятия мер.

Организация полицейских мероприятий по увещеванию и предупреждению преступлений продолжала носить патриархальный характер отношения родителей к неразумным детям. Например, задержанную за пьянство, праздность или разврат жену после положенных взысканий передавали мужу, с обязательством не отпускать загулявшую супругу в город. Нередко арест за пьянство и буйство сына санкционировался заявлением (просьбой) родителя. Стабильным было число случаев оскорбления представителей органов власти, главными адресатами которых становились канцелярские и почтовые чиновники, реже надзиратели и высшие чины — исправники.

В статистику о положении полицейского порядка, особенно в городе, отлично добавляют живых красок воспоминания очевидцев, в частности врача М.В. Танского. По его словам, относящимся к бытности 70–80-х гг., уличных фонарей в городе не было, поэтому препятствий к передвижению преступных элементов в ночное время почти не было. Керосиновые лампы появляются в городе к концу XIX в., а в начале XX в. — уже и электрические. С наступлением весны и до первых заморозков город охранялся по ночам околоточным караулом, который ежегодно организовывала городская управа. Поднять шум по поводу опасности караульные могли лишь старыми, «дедовскими» способами, обходясь трещотками, «*или двумя дощечками, или двумя палочками*» [296, с. 13]. Караулы в большей степени носили формальный характер. Состоящие часто из безоружных женщин, подростков или инвалидов, никакого реального сопротивления преступникам они оказать не могли. Танский вспоминал, что в один из вечеров, возвращаясь домой, он услышал истошный крик пострадавшего, но попавшийся ему навстречу караульный заверил его, что «*не наше это дело, еще* [самих] *убьют! Наше дело по части пожаров, — ответил он и зашагал спокойно дальше*» [296, с. 14]. Финал этой истории печален: пострадавший мужчина доставлен в больницу, где скончался от полученной ножевой раны

[1] ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1314. Л. 40–42.

в область печени. Но такие случаи — скорее исключение, чем правило. В их числе — убийство в конце 1880-х гг. приезжего купца Бабуева, которое крайне взволновало горожан. Но все-таки число тяжких преступлений в этот период в городе небольшое (табл. 37). По словам того же Танского, город обходился без специальных полицейских караулов и постов, что, правда, не исключало наличие караулов в принципе. «*Совершенно бесполезно было бы кричать на улице ночью: Караул!, ибо караул в это время безмятежно спал и храпел во все носовые завертки*» [296, с. 21], что подтверждается архивными свидетельствами, фиксирующими десятнический караул. Воинский караул в лице инвалидной команды к этому времени ликвидирован, а отдельные сторожа, охранявшие присутственные места, обходы не производили и вряд ли покидали охраняемое место даже в случае тревоги.

Сравнительное сопоставление преступлений, совершенных в округах Забайкальской области (табл. 37) по черновикам Всеподданнейшего отчета свидетельствует об относительно невысоком количестве преступлений в численном выражении. Приведенные сведения входят в противоречие с данными чистового отчета (табл. 38).

Таблица 37

Сопоставление некоторых видов преступлений и происшествий по округам Забайкальской области (1877 г.)

Вид преступлений	**Число преступлений и происшествий**			
	Верхнеудинский округ	Баргузинский округ	Селенгинский округ	Троицкосавский округ
Нанесение ран, увечий	7		2	5
Кража		3	3	3
Мошенничество		1		2
Убийство	2		1	
Поджог	2		1	
Подделка документов		1		1
Нарушение паспортного устава		13		3
Случайные смерти	14			
Обнаружение мертвых	4			
Растрата				5
Нарушение питейного устава				4
Похищение человека				1
Самоубийства			6	

Основание: ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1729. Л. 209, 239, 323, 368.

Во-первых, в черновом варианте не учтены данные по Нерчинскому округу, одному из самых криминальных. Во-вторых, не сходятся данные по некоторым видам преступлений, хотя бы по числу совершений: в чистовом отчете указан один случай поджога, в то время как в черновике сообщений с мест о поджогах — минимум 3. Можно решить, что в финальный отчет вошли только те случаи, что доказаны и по делу уже есть судебное решение. Тогда возникает другое противоречие: в чистовом отчете указано об одном случае растраты, в то время как сведения с мест информируют о 3 растратах общественных сумм, по которым осуждено 5 человек, и о 2 случаях за растрату казенных сумм с 3 осужденными. Допускаем, что эти преступления могли войти в число учтенных в достаточно широкой категории «*по государственной и общественной службе*». В чистовом отчете 1877 г. не указаны случаи нанесения телесных увечий, хотя сведения о них одни из самых многочисленных; не указаны также случаи подделки документов, подкидывания младенцев, похищения, растления и т. д. И совершенно загадочная цифра — число задержанных бродяг. Само количество не вызывает особых сомнений, но вопросы вызывает тот факт, что эти сведения никак не извлекаются из документов исправников. Дополнительно к этому, полицейская статистика городов не совпадает с данными всеподданнейших отчетов, а иногда им противоречит. На поверхности лежит факт «полировки» сведений с мест губернаторами, продуктом которой и стал Всеподданнейший отчет. В материалах фонда Забайкальского военного губернатора достаточно документов, связанных с его подготовкой за разные годы, многочисленные правки указывают на плохо скрываемое исправление реальных цифр, которые подавались полицейскими управлениями. Встречаются и прямые указания губернаторов на необходимость подлога сведений. Это правда, но не вся. Одна из проблем такого составления отчетов нам видится не только и, вероятно, даже не столько в желании губернатора показать «правильные» сведения, а в методике подсчета и исходящей из нее путанице, усугубляемой бюрократичностью власти. Мы уже неоднократно могли убедиться в чрезвычайной разности сведений о преступлениях на примере только одного города в зависимости от ведомства, подавшего сведения. Парадоксальность такой ситуации заключена в том, что никто и не планировал сопоставлять эти сведения с целью понимания существующего реального положения дел. Фиксируемые преступления могли извлекаться из данных движения дел по судебным учреждениям разных уровней, полиции, ратуши, тюрьмам и местам временного заключения. Из этих сведений могли удаляться целые категории, например ссыльнопоселенцы, ссыльные или инородцы, так как их учет мог не подпадать под компетенцию конкретной службы. Иногда учитывались не все случаи правонарушений, а лишь те, по которым вынесены приговоры, иногда и те и другие цифры самопроизвольно перемешивались. Это отмечается нами даже в отчетах военных губернаторов, где в рамках одного документа, в разных его частях по одному и тому же вопросу приводились разные данные. В результате исследователь имеет возможность использования указанных цифр лишь для понимания контуров развития преступности, а никак не ее фактического состояния.

Проблема достоверности сведений — еще одна острая и малорешаемая сложность в работе со статистическими источниками XVIII – начала XX в. В ряде случаев сведения заставляют усомниться в их точности, так как нами отмечены и случаи неоднократного повторения устаревших сведений под видом новых. Это стало причиной того, что некоторые исследователи, занимавшиеся вопросами истории полиции Российской империи, в своих работах полностью отказались от анализа статистики преступности [350, с. 181]. В то же время другие ученые не только считают возможным опираться на статистику как исторический источник, но и строят на этом свои научные выводы [331; 340]. Тем самым констатируем, что уголовная статистика является в любом случае важным источником информации о деятельности правоохранительных органов, дает представление о структуре и тенденциях развития преступности в регионе. При этот ее вряд ли можно использовать без перекрестной проверки другими источниками.

Стремление власти контролировать все и вся в империи бюрократическими методами оборачивалось тем, что собираемая многочисленная статистика государственных органов в большинстве своем не имела перспективы использования. Ту же статистику, воспользоваться которой было возможно, система в силу своей неповоротливости не могла применить должным образом, кроме привычного рапорта об успехах. Методика расчетов, установленная еще в правление Николая I, обязывала к учету всех процессов государственного аппарата, но ее качество и объективность, как видно, не отражали реальной картины, упираясь во внутреннее исправление и полировку. Исправление статистики в этих условиях было политически необходимым для выживания бюрократии. Ярким примером служат уже рассмотренные выше сведения обоснования необходимости открытия в Верхнеудинске городской полиции (табл. 33). Общие контуры, описанные приведенными в таблице данными, абсолютно верные: действительно, преступность в Верхнеудинске существенно выше, чем в Троицкосавске, и действительно эта разница достигала нескольких раз. Другое дело, что данные подправлены так, что не согласиться с наглядными доводами губернатора было невозможно. Очевидно, к закату империи бюрократия научилась виртуозно использовать поправки в статистике, и не исключаем, что иногда даже с благими намерениями, как указанный пример.

Вернемся к уголовной статистике. Как мы уже сказали, статистика даже в процентном соотношении указывает нам не более чем тенденцию. В сравнении с серединой XIX в., продолжается снижение доли преступников среди сельского населения — крестьян. В то же время число преступлений, ими совершенное на протяжении 20 лет, остается относительно стабильным. Другое характерное изменение — постепенное возрастание преступности среди привилегированных слоев населения: дворян, купцов. Показательно, что эти категории устойчиво присутствуют во всех статистических сводках правонарушений с середины XIX в. Рост числа совершаемых преступлений в их среде указывает как на рост численности этих групп, так и в целом на некоторую потерю ими условной неприкасаемости (возможности урегулировать вопрос без заведения дела) в связи с трансформацией общества после Великих реформ Александра II.

Формальный подход к статистике позволяет сделать вывод в целом о нетяжком характере преступности на окраинах империи. Правда, отношение тяжких преступлений к численности населения, даже с учетом их малой плотности, в сравнении с европейскими губерниями, достаточно высокое. Превалирующее число задержаний происходило за нарушение миграционных требований (36,7%) и кражи (21,7%). Заметен постепенный рост числа преступлений против собственности. Возрастают противоречия между экономически активной частью населения городов и мигрантами из области и других регионов. Не все прибывшие имели возможности применить себя в найме по причинам отсутствия квалификации, достаточного рынка труда, культуры. Случаи краж в 1883 г. по отношению к 1877 г. выросли в 4 раза, изменилось и процентное соотношение преступлений (табл. 38), при этом общее число преступлений за 7 лет выросло больше чем в два раза.

Таблица 38

Сравнение числа преступлений в Забайкальской области по Всеподданнейшему отчету Забайкальского военного губернатора в 1877 и 1883 гг.

Вид преступлений	**Число преступлений**	**% от общего числа (296 случаев)**	**Число преступлений**	**% от общего числа (620)**
	1877 г.		**1883 г.**	
Убийства	11	3,7	21	3
Изнасилования	1	0,3	6	0,9
Оскорбления	6	2	47	7,4
Оскорбления чиновников			13	2
Поджоги	1	0,3	25	3,9
Нанесение ран и увечий	не учтено		14	2
Грабежи	5	1,6	10	1,5
Кражи	34	11	137	21,7
Мошенничество	2	0,6		
По государственной и общественной службе	27	9	3	0,4
Растраты	1	0,3	не учтено	
Бродяжничество	165	55,7	231	36,7
Содержание мест для запрещенных игр	1	0,3	не учтено	
Нарушение уставов: торгового, о кредитах, монетного, о соли	15	5	12	2
Нарушение уставов: фабричного, горного	2	0,6	не учтено	
Побеги арестантов	не учтено		28	4,4
Подделка документов	не учтено		25	3,9
Нарушение устава питейного	11	3,7	57	9

Основание: ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 731. Л. 12; Д. 785. Л. 28об.–29.

Вышеприведенные данные могут свидетельствовать о значительном сокращении преступности, связанной с государственной и общественной службой, что можно объяснить назначением нового военного губернатора или проведением специальной внутренней ревизии после 1877 г. Еще один сократившийся вид преступлений — нарушение уставов, все остальные виды правонарушений значительно выросли количественно.

Причины наиболее распространенных видов преступлений продолжали лежать в социальной сфере. Большинство преступников относились к категории деклассированных элементов, находились в тяжелом материальном и нравственном положении. Число тяжких преступлений по крупным городам региона заметно возросло, иногда в 2 раза (табл. 39). Хотя еще в 1870-е гг. по отдельным городам сумма таких преступлений за год в численном выражении только приближалась к двузначным, а для тихих, «сонных» городов окраин каждый такой случай еще являлся событием. Менее чем через два десятилетия такие происшествия станут почти нормой. Еще один примечательный факт трансформации общества — рост доли личных оскорблений (до 7,4%). Это подтверждает увеличение численности деклассированных элементов, свидетельствует о возросшем уровне миграции и о том, что выходцы из маргинальных слоев тяжело встраивались в принимающее общество. Мигранты из окрестностей редко представляли себе нормы городского бытия и привозили с собой собственное их понимание, которое вдали от патриархального надзора было куда более вольным. На первых порах эта вольность нередко перерастала во вседозволенность. С другой стороны, в этом факте, мы видим постепенное нарастание конфликта внутри общества.

Таблица 39

Число обвинений в тяжких преступлениях по г. Верхнеудинску в 1870 г.

Вид преступлений	**Число**	**Социальный состав преступников**
Нанесение ран ножом	3	Крестьяне, инородцы
Убийство	2	Инородцы
Поджог	1	Крестьяне
Подделка билетов	4	Ссыльнопоселенцы

Основание: ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 46. Л. 72, 74.

Среди вышеприведенных сведений не фигурируют случаи детоубийства. Объяснить это сложно, ведь обнаружение мертвых младенцев и даже обвинения в убийстве детей встречаются в делопроизводстве. Возможно, что они учитывались в общем объеме убийств или шли отдельным учетом, так как в большинстве проходили по церковному ведомству. Детская смертность всегда оставалась на высочайшем уровне, и проблема доказанности преднамеренного убийства или по неосторожности сохранялась. Интересно свидетельство врача Н. В. Кирилова, жившего в с. Бичура с 1890 г., цитирующего местных обывателей: «*...везде горлянка* [дифтерия] *ходит, мрут дети, как мухи, а солдатка Акулина таскает своего ребенка по больным, спать вместе кладет, и целовать*

велит, а он все жив, и не схоронит она свою стыдобушку, пока муж с Владивостока придет...» [325, с. 85]. Доказательство преднамеренности действий крестьянки получить было почти невозможно, женщины в таких случаях прикрывались незнанием. Ничего, кроме осуждения от односельчан, родительнице не грозило, но и в случае доказанного намерения оставить ребенка в опасных условиях она получала не более чем церковное покаяние на определенный срок. По этой причине можно заключить, что в этой области ничего принципиально нового в сравнении с прежними временами не произошло.

Что же касается возрастного состава преступников, мы отмечаем тенденцию «омоложения». Если в 1877 г. преступников младше 17 лет не было совсем, то в 1883 г. они уже стабильно фиксируются год к году (табл. 40). Молодежь не всегда приходила к сомнительному ремеслу самостоятельно, к этому их склоняли закоренелые преступники. Все чаще появлялись сообщения не только о преступлениях, подобных краже или нарушению спокойствия, совершенных ими, но и о том, что юноши становятся полноценными фигурантами дел о грабежах, в том числе с применением оружия: например, «*поселенец Ильин с 16-летним крестьянским сыном Карнауховым 2 марта 1912 г. напали на иркутского мещанина, угрожая ему револьвером... отняли деньги*». Другой пример: ссыльнопоселенец Юшков использовал крестьянского и мещанского сыновей 16 и 14 лет в краже вещей и драгоценностей из дома верхнеудинского мещанина [340, с. 200]. В промежутке между 1877 и 1883 гг. заметно смещение лидирующих по возрастным группам преступников в сторону среднего возраста. Наибольшим числом совершенных преступлений отличаются возрастные категории 21–30 лет (123) и 31–40 лет (138 случаев). Сокращалась как в численном, так и в процентном соотношении преступность, совершаемая в возрасте от 50 лет и старше.

Таблица 40

Половозрастной состав преступников Забайкальской области по Всеподданнейшему отчету Забайкальского военного губернатора в 1877 и 1883 гг.

Возраст	**Мужчин**	**Женщин**	**% от общего числа**	**Мужчин**	**Женщин**	**% от общего числа**
	1877 г.			**1883 г.**		
До 17 лет	-	-	**-**	3	-	**0,7**
17–20 лет	5	1	**1,8**	6	6	**3**
21–30 лет	94	7	**31**	116	7	**30,9**
31–40 лет	79	1	**24,7**	127	11	**34,6**
41–50 лет	65	3	**21**	77	7	**21**
51–60 лет	47	1	**14,8**	27	1	**7**
Старше 60 лет	20	-	**6**	10	-	**2,5**
Всего	310	13	**323**	366	32	**398**

Основание: ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 731. Л. 40об.–41; Д. 785. Л. 28об.–29.

Сохранение структуры преступности при одновременном снижении возраста нарушителей закона указывает на осознанность большинства деяний, переходящих от импульсивных разовых к обдуманным и запланированным.

Это, в свою очередь, указывает на постепенную профессионализацию преступной деятельности. Наименее обеспеченные, не лишенные жилки авантюризма люди делали ее своим основным ремеслом. Преступность на окраинах в 1870-е–1880-е гг. начала приобретать характер устойчивого явления, для исправления которого профилактических мероприятий, а также мер увещевания или устрашения уже было недостаточно. Процесс осложнялся на фоне отсутствия общественных институтов поддержки освобожденных преступников, их социализации и возврата к мирной и законопослушной жизни. В большинстве своем ссылка воспринималась не как нечто, исправляющее нравы, а именно как средство расправы. И хотя еще в 1863 г. отменено клеймение преступников как полицейская мера, направленная на упрощение идентификации и поимки беглых, создание тем самым из преступников «людей второго сорта», особенно из ссыльных, оно успело сыграть свою негативную роль. Кроме того, в это время развивается идея о том, что склонность к преступности в принципе может быть неким наследственным фактором, и такой человек мог иметь некие специфические внешние черты. Такой подход быстро был отвергнут в научной среде, но в общественном сознании жил еще очень долго.

В истории Сибири существует множество легенд о разных лихих разбойниках и даже пиратах, наводивших ужас на местное население. Несколько историй в своей работе приводит В. В. Птицын [294, с. 85–86], например о таких «героях», как Сохатый, известный ограблением одной из крупнейших в Забайкалье Чертовкинской ярмарки. Или как отчаянный авантюрист и грабитель Капустин, всегда умудрявшийся бежать от преследования. Местное население с содроганием, но в то же время и с некоторым восторгом вспоминало таких легендарных разбойников, особенно тех, кто, по их убеждению, грабил только купцов.

Подводя некоторый итог, мы можем утверждать, что в течение второй половины XIX в. на примере окраин России явственно проступает тенденция постепенного роста отдельных видов преступности. Главным источником ее роста являлись, в первую очередь, миграционные и социально-экономические проблемы населения, в том числе непродуманность политики в области ссылки и каторги. Очевиден тренд на возрастание отдельных видов преступлений, особенно в черте городов. Надо признать, что спорадический характер преступности, с одной стороны, создает обманчивое представление о невысоком в целом уровне тяжких преступлений в 70–80-е гг. XIX в. Одновременно в этот период, когда криминогенная обстановка в Забайкалье приобрела тенденцию к обострению, стало очевидно, что даже незначительный рост преступности привел существовавшую систему безопасности в негодность, а уровень защищенности населения — к резкому снижению. Сохраняемая прежде система безопасности профилактическими и бюрократическими мерами целиком себя исчерпала. Это подтверждают и воспоминания, и оценки современников, и даже попытки ввода дополнительных институтов сохранения безопасности кроме общей полиции. Однако власть сделала акцент не на усиление общей полиции с включением общества в решение задачи поддержания безопасности, а на наблюдение за любой общественной и политической его активностью, в том числе через систему политической полиции.

Система политического охранительства в структуре безопасности окраин

Медлительность и непоследовательность реформ в 70–80-е гг. XIX в. усиливали недовольство общества и провоцировали социально-политическую напряженность в стране. Рост революционной деятельности народнических групп, крестьянских выступлений, нараставшего рабочего движения, добивавшегося решения насущных экономических проблем, а кроме того студенчества, капиталистов и земцев, требовавших права политического участия и свобод, воспринимались властью все более враждебно. Либеральные реформы, с одной стороны, и усиление давления и надзора — с другой отличали политику этого времени. Александр II, словно утвержденный им же в 1857 г. двуглавый орел на гербе империи, смотрел «одной головой» вперед, в сторону реформ, хотя и вынужденно, а «другой назад» — в николаевское время, в прежнюю «стабильность», против которой, казалось, никто не мог даже думать протестовать. Такой, с позволения, «политический дуализм» реализовался в оборотной стороне реформ и освобождении от крепостного права — стремлении власти контролировать все проявления активности общества и запрета активистов в любой общественной деятельности, кроме одобренной властью. Усовершенствование полицейского аппарата логично продолжилось в русле развития политической полиции. Под требования времени 9 сентября 1867 г. утверждено «*Положение о корпусе жандармов*»[1], направленное на обновление системы политического надзора в стране. Система претерпела некоторые организационные изменения: основной ячейкой стали губернские жандармские управления (ГЖУ), а большая часть прежних округов ликвидирована. 8-й корпус жандармов, в который входила отдельная Иркутская команда (начиная с 1833 г.) [183, с. 117], стал именоваться Сибирским жандармским округом со штатом в 12 человек во главе с начальником округа — офицером высшего командного состава. Ему подчинялось Иркутское ГЖУ, самое крупное в округе, относящееся ко 2-й категории. К первой категории причислялись только столичные города. Жандармы стали универсальными чинами системы безопасности, ведь согласно 26-й части Положения, они выполняли обязанности наблюдения, содействия и восстановления нарушенного порядка при условии обращения местных властей и принимали непосредственное участие в сохранении общественного порядка в местностях, где не было общей полиции. Забайкальская область, находясь в особом статусе военного губернаторства, также входила в состав Иркутского ГЖУ. Начальник Сибирского округа и начальники ГЖУ принимали личное участие в наблюдении за вверенными им местностями, совершая объезд по ним не реже раза в год [183, с. 109].

Штат ГЖУ , штаб которого располагался в Иркутске, в 1870-е гг. состоял из начальника, адъютанта, двух-трех помощников и небольшой команды офицеров. А. А. Иванов, обосновывая исключительную важность адъютанта для службы в жандармерии, приводит отрывок из объяснительной записки

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

начальника Иркутского ГЖУ в департамент полиции от 27 сентября 1906 г., которая демонстрирует очень близкую к сложностям общей полиции обстановку в управлении: «*... начиная с 10 января при вверенном мне управлении не было ни адъютанта, ни помощника, так как последние были командированы для следственных действий в свои районы и Забайкальскую область, а адъютант не назначался с июня прошлого года. При подобных условиях, ведя громадную текущую переписку по канцелярии, имея до 600 человек арестованных, производя лично разборку всех вещественных доказательств, формируя и направляя все вышеупомянутые переписки, которые необходимо было снабдить пояснительными записками, и располагая для всей этой работы помощью двух еле грамотных писарей, я лишен был физической возможности лично производить дознания*» [183, с. 211].

Изначально жандармы намеренно дистанцировались от общей полиции, сосредоточиваясь только на политическом делопроизводстве. Ситуация изменилась 19 мая 1871 г., когда были приняты «*Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений*»[1]. Тем самым было признано близкое к катастрофическому положение общей полиции в регионах. Получив право производства дознания по государственным и уголовным делам, жандармерия стала полноправным участником уголовного процесса. Более того, ей вменялась обязанность содействовать прокуратуре и полиции в обнаружении уголовных преступников, но разделение полномочий еще только предстояло. Начиная с 1879 г. главное тюремное управление являлось основным распорядителем системы исполнения наказаний, в то же время система политических тюрем оставалась в ведении корпуса жандармов. Более того, они наделялись правом надзора за действиями тюремной администрации в политических каторжных тюрьмах на Каре и недопущения отклонений от установленных норм. Помимо этого в инструкции Забайкальского военного губернатора жандармскому штаб-офицеру при тюрьме отдельно оговаривалось его заведование всеми ссыльнокаторжными государственными преступниками при непосредственном подчинении губернатору [193, с. 137]. Забайкалье в силу специфических факторов его развития находилось в нормативном противоречии, а именно в отношении системы тюрем, ссылки и каторги. Ответственным за порядок при Нерчинской уголовной ссылке был военный губернатор Забайкальской области. При этом горное и жандармское управления подчинялись Иркутской администрации, а Забайкальский губернатор был подотчетен Восточно-Сибирскому генерал-губернатору. Только в 1895 г. противоречие было снято путем создания отдельного управления Нерчинской каторги, которое подчинялось военному губернатору.

С восшествием на престол Александра III, расцветом эпохи реакции и завершением реформ начинается новый виток массовой ссылки в Восточную Сибирь. Губернаторское звено власти неоднократно сообщало об устаревании системы ссылки и каторги как средства перевоспитания, а также и в организационном плане, поскольку заключенных в таком количестве фактически нечем было занять. Не имея возможностей заработка в мелких сибирских городках, арестанты содержались лишь на государственное пособие, что лишало каторгу какого-либо смысла, кроме репрессивного. Бегство с каторги приобрело

[1] ПСЗРИ. Собр. II. Т. 46. Ч. 1. № 49615.

невероятные масштабы. Причина даже не в том, что общество конца XIX в. было более активным и мотивированным для борьбы с режимом. Состояние каторги стало таковым, что у прибывших для отбытия срока оставалось только два выбора — либо бежать, либо смиренно ждать неминуемой смерти, часто медленной и мучительной. В доказательство хотелось бы привести небольшой фрагмент описания лазаретных палат Карийской каторги врачом В. Я. Кокосовым, работавшим там с 1873 г.: «*Сотни тифозных и цинготных больных с кандалами на ногах валялись на полу. Запах одурманивал даже привыкших ко всему фельдшеров. Мириады вшей ползали по больным, по полу, по стенам. Раза четыре в сутки приходилось осматривать палаты для выноса умерших, места которых заполнялись вновь прибывшими*» [325, с. 213]. Большинство заключенных, видя условия содержания, работы и лечения на каторге, могли рассчитывать лишь на собственное крепкое здоровье, так как любая, даже незначительная проблема почти гарантировала им гибель. Ни о каком перевоспитании, конечно, речи быть не могло, даже самые отъявленные преступники и убийцы не испытывали ничего к существующему порядку и власти, кроме ненависти за помещение в такие ужасающие условия.

Сам надзор за размещением ссыльных отличался крайним формализмом. Многие свидетели сообщали, что никто толком не знал, сколько находится ссыльных в местах заключения. Даже такие элементарные формы учета, как перекличка, не проводились. Потому бежать из ссылки было достаточно просто. Другой вопрос, что природа и расстояния делали это возможным только для самых отчаянных. Примечателен в этом смысле невероятный побег народников И. Н. Мышкина и Н. Е. Хрущева, успевших от Кары добраться до Владивостока по поддельным паспортам [228, с. 13]. Если бы информация вовремя не поступила к местному полицмейстеру, их мечта попасть в Америку могла осуществиться.

Строительство железной дороги многократно усилило криминогенную обстановку, особенно в городах. Вместе с тем, такой скоростной путь увеличил приток на окраины антигосударственных идей, а именно свержения монархии, убийства царя и прочих революционных настроений.

В губерниях в целях усиления надзора на местах появляются руководители уездных жандармских служб, хотя специальный помощник начальника управления по Забайкальской области в чине ротмистра назначен только в начале XX в. На основании приказа военного ведомства от 11 марта 1899 г., специальным предписанием по Отдельному корпусу жандармов № 26 от 30 марта 1899 г. кроме ГЖУ в Иркутске образовано жандармское полицейское управление (ЖПУ) Сибирской железной дороги, а внутри нее уже впоследствии появилось и ЖПУ Забайкальской железной дороги. Управление включало две железнодорожные линии: Забайкальскую и Кругобайкальскую. Забайкальская железная дорога разделена на 6 отделений: Забайкальское, Верхнеудинское, Яблоновское, Читинское, Сретенское, Карымское. Система надзирала за строящейся железной дорогой от пристани Мысовой на восточном берегу оз. Байкал до Сретенска и на двух ветках — к реке Селенге и к маньчжурской границе.

ЖПУ Забайкальской железной дороги создано для поддержания благочиния в поездах, на станциях,вокзалах и полосе отчуждения вверенной ему дороги. Выполняя функции общей полиции, жандармы проводили ежедневную работу по предупреждению и оперативному расследованию правонарушений, следили за исправностью железнодорожного полотна, сохранностью подвижного состава и грузов. Они же занимались, как бы мы сегодня сказали, антитеррористическим надзором. Повседневная деятельность жандармов, таким образом, сочетала в себе обязанности общей полиции, таможенной службы и администрации магистрали [185, с. 215]. Имея такой круг должностных компетенций, они должны были уметь эффективно действовать в отдельных сложных ситуациях. Отсутствие специальных школ приводило к необходимости организовывать с офицерами занятия, повышавшие их квалификацию. Обычно такие занятия проводились в течение всего дня, до 12 и более часов подряд. Самым опытным из действовавших жандармов, владевшим и теорией, и практикой службы, как правило, был начальник управления, в полном объеме обучавший подчиненных всем тонкостям полицейско-политической службы. План обучения мог включать: алгоритм действий при пожаре на линии и в поездах, в случаях травм и получения ран, причинения смерти; охрану императорских поездов; изучение нормативной базы, различных уставов (уголовного, строительного, о наказаниях), инструкций, указов, предписаний и даже знание таких технических тонкостей, как устройство паровозов и управление ими. К закату империи для подготовки офицеров появились уже специальные курсы и пособия, но эти новшества оставались малодоступными за Байкалом.

Главная резиденция ЖПУ Забайкальской железной дороги находилась в г. Иркутске. Полномочия отделений распространялись на всю территорию, отчуждаемую под железную дорогу, и, соответственно, на поселения и заимки вдоль нее. Отделения возглавляли ротмистры, в подчинении которых состояли вахмистры и унтер-офицеры. Главными задачами отделений значились: поимка преступников, розыск похищенных вещей, охрана внешнего порядка и общественной безопасности и основная — «*пресечение и предупреждение преступлений, направленных к нарушению государственного строя*» [Там же, с. 213]. Несмотря на внешнюю отделенность общей полиции от железнодорожной жандармерии, их деятельность начала тесно переплетаться. Общая полиция обязывалась оказывать содействие железнодорожной.

Вопрос о численности аппарата жандармского управления Забайкальской железной дороги остается открытым. По предварительным оценкам, на 1906 г. она составляла от 180 до 200 человек, из них на каждое отделение приходилось по 1 вахмистру и 20–30 унтер-офицеров [183, с. 118–119]. Большинство кадров жандармерии комплектовалось из отставных военных, подавших соответствующие рапорты и прошедших должную проверку. Отметим немногочисленность случаев, когда штаты были целиком заполнены, почти всегда пустовало сразу несколько ставок.

Кроме корпуса ГЖУ и Забайкальского железнодорожного ЖПУ в Иркутске в начале XX в. создано охранное отделение, действовавшее в общей системе главного жандармского управления. Оно имело свой штат, канцелярию,

секретных сотрудников и осведомителей. Если жандармское управление занималось надзором и производством дознания по государственным преступлениям, то «охранка» — оперативно-розыскной деятельностью по этим же делам, сосредоточивая свои усилия на политическом сыске и наблюдении комплектуемых [184, с. 214].

Власть с прежним рвением продолжала контролировать любую активность населения, в особенности своих оппонентов. Любое проявление самостоятельности воспринималось ею с подозрением и сопровождалось попыткой ограничений. С этой целью формировались и основные задачи общей и политической полиции, которые при Александре III официально обязывались бороться со всем новым, концентрируясь на безопасности системы, а не общества, что в результате привело к полной потере доверия к ней. Содействие церкви в охранении самодержавных порядков и доносы на прихожан быстро посеяли в общественном сознании убежденность, что вся система настроена против граждан. Важное значение для формирования такого видения сыграла пресса, пестрившая соответствующими карикатурами (рис. 16) и заметками.

К началу XX в. гласный и негласный надзор за любыми активистами стал основным методом работы жандармов. Интерес вызывали любого рода группы и общественные лица, и тем более политические, способные к организации и протесту: студенты, врачи, учителя, заводские рабочие. Основные силы направлялись на пресечение деятельности нелегальных, в том числе революционных, организаций, профилактику их появления. Справедливости ради скажем, что в условиях окраин империи основной функционал жандармерии касался не столько политических, сколько уголовных преступников. Такой поворот был обусловлен реальным положением дел и атрофией к началу XX в. общей полиции.

В целях информирования существовала широчайшая сеть осведомителей (информаторов), в отличие от агентов, о которых речь пойдет ниже, они получали вознаграждение не помесячно, а за конкретные ценные сведения. Информаторы пользовались разными источниками, как самостоятельно добывая информацию, покупая ее, так и не чураясь банальных сплетен или доносов. Некоторые доносили ради материальной выгоды и наград, другие — из-за заниженных морально-этических принципов или негативного отношения к отдельным лицам. Наиболее частым и эффективным доносчиком являлся обслуживающий персонал: гувернантки, официанты, сторожа, дворники и др. Разовые информаторы назывались в собственной жандармской среде «*штучниками*», отношение к ним было пренебрежительным.

Иллюстрируя вышесказанное, отметим, что из документов ЖПУ Забайкальской железной дороги за 1914 г. вырисовывается следующая действующая структура: начальник управления (в чине полковника), ему подчиняются начальники отделений (фигурируют отделения: Верхнеудинское, Байкальское, Петровско-Заводское, Читинское, Бурятское, Сретенское), в работе у которых находятся «*сотрудники*». Сведения об агентуре не раскрываются даже в секретной переписке, поэтому известны лишь прозвания этих сотрудников (агентов), например: Иркутский, Бывалый, Рябой, Бойкий, Черный, Железняк, Казанцев[1].

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 35. Д. 300. Ч. 6. Л. 5–8, 15–16.

Более подробно о структуре и состоянии агентурной сети в Сибири написал Д. А. Бакшт [150]. Он, в частности, сообщает, что до революции 1905–1907 гг., которая стала некой отправной точкой развития агентурной сети в Сибири, ее фактически не существовало. Только после такого потрясения начали активно выделяться средства на работу в этом направлении. Но основной специализацией Забайкальского ЖПУ оставались общеуголовные дела.

Начальники отделений для содержания указанной агентуры имели на руках средства, выделяемые департаментом полиции на различные расходы по делам сыска. Начальник управления в начале нового года перед получением следующего транша отчитывался о расходовании средств. Они шли на покупку информации о месте пребывания преступника, оплату транспорта до места розыска, наем агента-осведомителя, вознаграждение сотрудников. Отчеты о списании финансовых поступлений позволяют больше узнать о делах, которые расследовали жандармы, надо признать достаточно эффективно. Чаще всего они разрабатывали дела об убийствах и хищениях собственности. Иногда удавалось раскрыть грабительские артели, но редко получалось задержать сразу всех участников. Имелись случаи, когда преступниками или в сговоре с ними оказывались сторожа вокзалов. Несмотря на хорошую раскрываемость, работа эта была очень щепетильной, а потому одновременно могло расследоваться не много дел. Так, за сентябрь — декабрь 1914 г. раскрыты 3 убийства и 8 краж, за период с середины апреля по середину июля 1915 г. раскрыто 7 краж. Еще один любопытный факт: в наиболее дерзких и чаще организованных преступлениях оказывались замешаны лица разных кавказских народностей: «*в лесу близ ст. Горхон обнаружен каторжник черкес Дадан, устроенной облавой ... убит оказав вооруженное сопротивление*»; «*раскрыта осетинская шайка из 5 кавказцев, имеют сношения с лавочником Сомхешвили. Преобрели патроны к пистолетам браунинг и маузер. Ими произведено ограбление, во главе их стоит Вано Газешвили ... организатором нападения является грузин Нанава Николай...*»[1].

Несмотря на конспирацию, и революционеры, и уголовники в большинстве своем не были профессионалами, поэтому для наблюдения за ними в городах применялся эффективный метод наружного наблюдения, который позволял выявить большинство революционных объединений на самых ранних этапах их формирования. Наружное наблюдение осуществлялось офицерами жандармерии, караульными, полицейскими чинами, дворниками и многочисленными агентами наблюдения (филерами) [195]. Они не всегда знали, за кем и с какими целями следят, задача заключалась в информировании сотрудника отделения о передвижении и контактах наблюдаемого. Наружное наблюдение могли устанавливать как за конкретными лицами, так и за помещениями и предприятиями. Наибольшей результативностью отличался тайный надзор, систематическое посещение одним и тем же человеком определенной группы лиц давало повод установить за ними отдельное наблюдение. Это с легкостью наводило жандармов на целую сеть, которая нередко находилась либо на стадии формирования ячейки или деятельности уже существующей, неважно какой направленности, уголовной или политической. В ответ преступники

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 35. Д. 300. Ч. 6. Л. 5–8, 19.

усложняли схемы встреч, например на посторонних квартирах, и различные махинации с передачей информации и сигналов так, чтобы это не было заметно потенциальным наблюдающим.

В арсенале жандармов имелись и другие инструменты, широко применяемые в Центральной России, например внедрение агентов. Чаще всего это были обыватели, которые имели связи и доверие революционного, преступного или иного подпольного сообщества. Они не всегда в полной мере понимали, что работают на охранное отделение, но в любом случае имели свой интерес, в том числе материальный. Агенты находились во всех городах без исключения. Они получали ежемесячное вознаграждение, а иногда и сверх того на передвижение и прочие расходы. В большинстве случаев их реальные имена навсегда остались тайной, их заменяли кличками. Контактировать с ними мог только строго ограниченный круг лиц. Важнейший из способов их работы — провокация, т. е. внедрение в нелегальные организации и активная деятельность, которая приводила к раскрытию и аресту ее членов. По сути, ни одна мало-мальски важная подпольная организация не избежала внедренного агента, осведомителя или провокатора. Такая работа имела определенную траекторию — в небольшую ячейку или группу революционеров внедрялся агент, силами которого удалялось управляющее ядро группы, а большинство оставалось бездействовать, но под негласным надзором, и в любой момент могло быть накрыто. Жандармы, разыгрывая длинные «шахматные партии», искусно берегли своих агентов, не позволяя их разоблачать. Охота всегда шла на крупную «дичь», а потому жандармам куда интереснее было с помощью одного натренированного человека раскрыть к ряду несколько организаций. Приобретение и воспитание хорошей агентуры считалось верхом профессионализма жандармского офицера. Она приравнивалась к хорошему капиталу, который позволил бы быстро двигаться по карьерной лестнице. Служащие отделения, имевшие деятельных секретных сотрудников, всячески поощрялись, а вот отсутствие агентуры служило поводом к сомнению в профессиональных качествах и служебном рвении. Отсутствие качественного состава, приносящего сведения, а жандарм ежемесячно отчитывался и передавал вышестоящим руководителям сведения, могло служить причиной серьезных служебных проблем, вплоть до отставки.

Начало русско-японской войны значительно усилило нагрузку на жандармский корпус. Основная его деятельность, как и прежде, была связана с непрекращающимися разъездами по делам розыска. Но серьезно расширился комплекс задач, связанный с патрульно-постовой службой, особенно у стратегически важных узлов перемещения и связи: мостов, переправ, туннелей, железной дороги и т. д.

В период первой русской революции правительство ориентировало жандармов на наблюдение за любыми проявлениями общественно-политической активности на дороге и полосе отчуждения, а также на полный запрет агитации среди рабочих и служащих дорог, выявление и пресечение террористических актов и т. д. И, нужно сказать, директивы действительно исполнялись. Жандармы систематически осматривали багаж и нередко обнаруживали запрещенные провозы. Например, унтер-офицер Ф. Грива при обходе станции Чита

приметил в зале третьего класса большую корзину, показавшуюся ему подозрительной. При осмотре в ней оказались затворы, магазинные коробки, упоры для линейных винтовок [183, с. 126]. Такие примеры фиксировались многочисленно. Внимание к железной дороге обосновывалось уже целями не только общественной безопасности, но и политической. Железная дорога незаметно стала средством транспортировки людей и грузов, а также важнейшим каналом нелегальной доставки оружия, боеприпасов и агитационных материалов (в том числе средств к их печати) по всей империи. Особенно такой вид транспортировки запрещенного возрос во время проведения широкомасштабных акций, таких как всероссийская октябрьская стачка.

Служба в жандармерии, несмотря на кажущуюся элитарность, в сравнении с общей полицией, являлась не менее сложной и опасной для жизни. Хорошей иллюстрацией служит приказ Иркутского губернского ЖУ от 1901 г., в котором сообщается, как вахмистр В. Коробко единолично пытался задержать трех грабителей, проникших в квартиру учителя. Грабители оказались особо опасными, так как к моменту задержания уже убили проживавшую в квартире мещанку и серьезно ранили жену хозяина. Вахмистру пришлось отбиваться от одного из злодеев с топором, в результате чего он получил тяжелое ранение и истекал кровью. Тяжело раненный, он нашел силы вернуться в управление и сообщить офицерам необходимые сведения для задержания. И хотя в данном конкретном случае речь идет о действительно мужественной борьбе в интересах общества, из того же документа следовало, что собравшаяся на шум толпа отнеслась к происходящему безучастно и на все просьбы жандарма о помощи никто не откликнулся. Примеров холодного отношения к жандармам, особенно в среде интеллигенции, было очень много. Полная потеря сочувствия со стороны общества объяснялась методами их работы: повальные обыски, задержания, вмешательство в частную жизнь воспринимались не иначе как ущемление прав граждан. И совсем не удивительны слова врача Балаганского округа Буторина, который, заступаясь за фельдшерицу, у которой производился обыск, выкрикнул: *«Жандармы только тем и занимаются, что ломают двери и врываются в квартиры»* [185, с. 214]. Его же обвиняли в дискредитации чинов полиции и корпуса жандармов в глазах местного населения, а также в отказе в помощи под предлогом болезни, когда у одного из офицеров заболел ребенок. Взаимная ненависть и недоверие очень быстро распространялись на широчайшие круги общества.

Предсказуемо, что жандармы пытались усматривать политический подтекст даже там, где его не было, чем еще сильнее настраивали против себя даже проправительственную общественность. Это была вполне закономерная профессиональная деформация служителей безопасности — искать заговор там, где его нет. Подобные примеры видны из переписки начальника Иркутского ГЖУ с начальником ЖПУ Забайкальской железной дороги [Там же, с. 219]. В 1907 г. первый выговаривал второму за попытку усмотреть в сходке рабочих депо Иркутска некий политический характер и за «*ни к чему не идущие назидания*» в его сторону. Если с рабочими удалось договориться без шума, применения силы, личным воздействием начальника Иркутского отделения Павловым, то

к чему дальнейшее раздувание сего факта и поиск политического подтекста, — недоумевал он. Разобщенность действий и соперничество жандармов играли негативную роль. Они нередко занимались разбором межведомственных дрязг и споров. В одном Иркутске в начале XX в., по сведениям А. А. Иванова, существовало четыре жандармских ведомства, имевших каждое свою агентуру, управление, штат и работавших против общего врага [185, с. 220]. Несмотря на то, что компетенции ведомств были четко определены, вполне естественное соперничество приводило к конфликтным ситуациям, а губернатор не мог их разрешить, так как ни те ни другие структуры ему не подчинялись.

В связи с общественными потрясениями начала XX в. главной заботой жандармерии стали общественные, в том числе подпольные и террористические, организации. Несмотря на отдаленность, в Забайкалье также существовали кружки и комитеты разной политической направленности. Только в конце 1906 г. были ликвидированы две группы — «*Забайкальская федерация группы вооруженного восстания в Забайкальской области*» и «*Читинский комитет Российской социал-демократической рабочей партии*». Успешно раскрытые связи позволили арестовать из первой 24, а из второй 12 человек. Весной 1907 г. выявлена еще группа из четырех человек, устроившая подкоп под кладовую Читинского казначейства с целью выкрасть около 15 млн руб. Надзор за собраниями рабочих привлекал, пожалуй, максимальное внимание жандармов. Материалы внутренней переписки, отчеты о полученных от агентов сведениях пестрят сообщениями о различных собраниях, на которых велись разговоры о политике и партиях, обсуждались планы выступлений и требования к правительству. Отдельного внимания заслуживали общественники, революционные работники и политические ссыльные. За ними устанавливался повсеместный надзор с выявлением места и количества работников предприятия или участников собрания, возможной организации кружков, чтения запрещенной литературы.

Выйти из поля зрения жандармов было возможно, только целиком уйдя в нелегальное подполье. В обычном же режиме революционеры, перемещаясь с места на место под предлогом устройства на новую работу, немедленно попадали под надзор. Часто информация о прибытии того или иного революционера обгоняла его приезд к новому месту проживания. Так, начальник Иркутского ГЖУ секретно сообщал своему помощнику по Забайкальской области 14 января 1916 г.: «*Из Иркутска выбыл в Сретенск на постоянное жительство деятельный работник социал-демократической организации Константин Сергеевич Гноев. Названная личность весьма продуктивно ведет дело сорганизовывания рабочих. Так, в 1913 г. им в короткий срок были организованы в профессиональный союз колбасники г. Иркутска*» [Там же, с. 218]. В ответ из Сретинска незамедлительно сообщили, что прибывший объект устроился на работу и взят под наблюдение.

Жандармы активно пользовались средствами надзора за перепиской — перлюстрацией. Контролировалась фактически вся переписка ссыльных, в особенности политических. Нередко с помощью писем удавалось выявлять целую сеть политически активных подпольщиков. Правда, методы, которые

использовала система против таких связей, были недостаточно эффективны. В основном принимались решения об административном выселении. К одному и тому же лицу такие меры могли применяться неоднократно.

Одним из наиболее активно сопротивляющихся слоев общества была интеллигенция, в особенности врачи и учителя. Эта категория лиц наиболее тщательно проверялась на предмет политической благонадежности. Проверка осуществлялась не только во время приема на работу, но и в процессе. К слову, одно из противоречий в системе политического надзора и наказания ярко проявлялось на примере Забайкалья. Прямой запрет на отлучку с места пребывания и занятия многими видами деятельности ставил ссыльных, особенно в конце XIX в., на грань выживания, тем самым усиливая ненависть к режиму. Даже представители сыска понимали жесткость такой нормы. Так, капитан Глинский в своем секретном рапорте о побеге Е. К. Брешко-Брешковской, сообщал о необходимости «*быть более человечными в отношении к преступникам, в особенности к их нравственным и материальным нуждам, никакие преступления не обращают их на голод, а в Баргузине преступникам, получавшим казенное пособие 3 р. 60 коп. или 6 рублей в месяц, приходится голодать, они физическим трудом заниматься не имеют возможности, в особенности ремеслами, за отсутствием спроса на этот труд и потребления*» [206]. И, вероятно, этот всеобъемлющий надзор, невозможность устроить бытовую жизнь не оставляла политическим ссыльным ничего иного, как с особенным усердием систематически нарушать всевозможные регламенты и режим содержания. Могли ли как-то иначе относиться политические заключенные к власти, которая бросала их на грань выживания за деяния, образованным обществом не воспринимаемые как преступления?

Рассмотрению жандармерией подлежали просьбы о проведении общественных мероприятий, будь то выставка, концерт, открытая лекция, общественные собрания. Начальник ЖПУ Забайкальской дороги уведомлял ротмистра Байкальского отделения 26 июня 1913 г., что «*30 сего июня при станции Слюдянка скрипачу Золотареву мною разрешен концерт*», или сообщал, что не нашел «*препятствий к прочтению лекций по электричеству лектором Трофимовым на ст. Иркутск, Слюдянка, Верхнеудинск, Хилок, Чита и Шилка при условии, чтобы о времени прочтения лекций заблаговременно поставлялись в известность подлежащие начальники жандармских отделений*» [206]. Разрешение на подобные мероприятия в черте города или в уезде отдавалось общей полицией. Это же касалось расклейки плакатов, содержащих любую рекламу. Важность этого акта заключалась именно в публичности демонстрируемых материалов, которые подвергались необходимой проверке на предмет запрещенного или антигосударственного содержания. Разрешение запрашивалось и в случае обычного объявления, которое планировалось разместить на территории вокзала. Например, Верхнеудинская городская управа обращалась к начальнику Верхнеудинского отделения ЖПУ 19 сентября 1913 г.: «*Препровождая при сем один экземпляр объявления о том, что для приезжающих в Верхнеудинск господ генералов штаба и обер-офицеров назначена квартира в гостинице «Сибирь», городская управа имеет честь просить Ваше Высокоблагородие не отказать сделать*

распоряжение о вывеске этого объявления на станции Верхнеудинск в зале у касс на видном месте» [184, с. 220]. Стремление власти контролировать все стороны общественной жизни не могло пересилить негативное отношение общества, особенно его образованной части, к жандармам, даже несмотря на их борьбу с опасными уголовными элементами.

Службу жандармов окраин Российской империи можно оценивать как эффективную. Ее чины имели сведения фактически обо всех подпольных революционных группах, использовали методы наблюдения и провокации, благодаря чему успешно ликвидировались террористические организации. Широкая сеть осведомителей позволяла иметь точный замер политических настроений в обществе. Полномочность расследовать общеуголовные дела помогала более эффективно справляться с преступностью в черте пролегания железной дороги, хотя темпы роста преступной деятельности опережали возможности ее раскрытия. Вместе с тем распыленность надзора за любой, даже неопасной общественной организацией, потенциально претендующей на самостоятельность и независимость от власти, не позволила жандармам полностью погасить террористические ячейки и революционный настрой общества. Отсутствие представительской площадки для проявления активной энергии общества вкупе с отсталыми институтами власти и управления не позволили создать взаимно поддерживаемую систему политической безопасности. Надзор существовал лишь на фундаменте диктата власти. Сценарий содействия и сотрудничества общества и власти в решениях проблем безопасности в существовавших реалиях создать было почти невозможно: общество отталкивало всесилие и вседозволенность полиции и особенно жандармерии. Таким образом, существовавшая система безопасности, базировавшаяся на фундаменте поддержки общества и широчайших правах и полномочиях, потеряв первый компонент, начала расшатываться. Выталкивание важных «маяков» общественных настроений через институт ссылки на грань выживания, с полным лишением средств к существованию укореняло в обществе уверенность в представлениях о власти и полиции как о чудовищном инструменте угнетения и принуждения.

Инновации в сфере борьбы с уголовной преступностью и ее классификация в начале XX в.

Модернизация общественно-политической и экономической жизни русского общества в начале XX в. стремительным образом ломала традиционно-патриархальный уклад жизни. Расширение поля действия свободных рыночных механизмов, строительство сети железных дорог и другие явления резко ускоряли процессы урбанизации на отдаленных территориях империи. Отмечая интенсивное развитие России, председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Н. Авдаков в 1914 г. заявлял: «*Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратились в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам культуры*» [32, с. 27]. Обратной

стороной модернизации и урбанизации, естественным образом, стало такое же взрывное возрастание преступности. Прежние патриархальные порядки перестали действовать на тех, кто оказывался вне поля их досягаемости, вне деревни. И, в отличие от 60–80-х гг. XIX в., теперь численность внутренних мигрантов, переселившихся в города, нередко превышала число прежних их жителей. Отсутствие сформированной культуры городской жизни, образования и воспитания, совмещенное с ощущением свободы города, вседозволенностью, специальных средств поддержки малозащищенных слоев создали благоприятную среду для рецидивов преступности. Но что еще более важно, преступность стала не единичной формой отклоняющегося поведения, а главным средством к существованию и ушла в глубокую профессионализацию.

Молодое общество городов России оказалось не способно консолидированно противостоять росту криминала. Не вполне действенными оказались силовые и правоохранительные системы, которые в начале XX в. характеризовались недостаточностью кадрового состава полиции и его подготовки, отсутствием единой системы учета преступников и рецидивистов, бюрократизмом, снижающимся содействием общества вкупе с быстро усложняющимися схемами и адаптацией организованных криминальных групп. В то же время сказать, что полиция не искала инновационных средств борьбы и не пыталась идти в ногу с научно-техническими достижениями времени, будет грубой ошибкой.

В деле борьбы с уголовной преступностью в Российской империи начала XX в. появляется несколько совершенно новых феноменов. Одним из таковых было возникновение так и не прижившихся частных сыскных агентств. Несмотря на недоверие власти к таким инициативам, стремление их развивать не угасало. Из известных нам, в том числе введенных в научный оборот, архивных материалов узнаем, что все поданные прошения на открытие частных сыскных агентств, а таковых было немало, отклонены. Правда, существовали примеры частных детективных расследований, которые обычно сочетались с основной службой в полиции или жандармерии. Такие дела не заявлялись полиции открыто, боясь оглашения компрометирующих сведений, например о пропаже вещей клиента в борделе. Примеры подобных историй встречаются в мемуарах. И хотя все условия для появления частных детективов в России к тому времени уже сложились, власть упорно считала, что государственная полиция и без того успешно справляется со своими задачами, а брать плату за розыск и вовсе дело кощунственное, а потому так и не позволила частным сыскным агентствам развиваться официально.

В отличие от сыскной деятельности, расширение состава служб безопасности путем организации частной полиции по закону разрешалось. Значительный рост частных капиталов, активные выступления против власти и собственности, с которыми невозможно справиться силами штатной полиции, вынудили правительство разрешить создание частных охранных подразделений. Закономерно, они не допускались до следственной деятельности. Первые частные полицейские начали появляться на золотых приисках Урала еще в середине XIX в. [237, с. 35–37] и содержались они целиком за счет владельцев

предприятий. Законодательство Российской империи содержало два основных акта, позволявших создавать частную полицию, прообраз современного охранного агентства. Закон от 12 мая 1900 г. «*О предоставлении министру внутренних дел права разрешать ходатайства общественных учреждений и частных обществ и лиц об учреждении должностей пеших и конных полицейских стражников во всех губерниях Европейской и Азиатской России*» разрешал создание стражи, но предложенный механизм решения через ходатайство министру чрезвычайно затягивал рассмотрение вопроса. Усовершенствовать систему удалось на основе мнения Совета министров, утвержденного 6 декабря 1905 г. Николаем II, по которому ходатайство мог удовлетворить губернатор [283]. С этого времени широко распространился институт стражи, содержавшейся на средства частных лиц, для охраны их жизни и собственности.

Частновладельческая (полицейская) стража существовала, как мы уже сказали, преимущественно при частных заводах, приисках фактически по всей территории империи. Основной состав стражников был представлен казаками. Численность стражи от региона к региону разнилась, но была невелика. Для сравнения, в 1917 г. при Верхнеудинском уезде уездная стража составляла 112 человек, а частная — 7 человек[1]. В экономически более развитых регионах, к примеру в Пермской губернии, в 1914 г. общая численность частновладельческой стражи составляла 250 служащих [237, с. 55]. Сопоставимое число 235 стражников находим в Пензенской губернии в 1906 г., хотя к 1914 г. оно сократилось до 16 человек [161, с. 371] . Несмотря на неоднозначность оценок и численного состава такой стражи, она составляла большую конкуренцию в плане условий службы официальным органам полиции. Кроме достойного жалования, фуражных и квартирных денег нуждающимся кандидатам предоставляли подъемные на покупку лошади, а по успешном окончании годового контракта лошадь позволялось оставить себе [283, с. 87]. Условия оказались столь завлекательными, что достаточно быстро последовало распоряжение не принимать на службу казаков без разрешения войскового атамана.

В числе главных причин малоэффективной борьбы полицейских органов Российской империи с увеличивающейся в начале XX в. преступностью можно отметить и отсутствие повсеместно распространенной практики регистрации преступников и рецидивистов. Проблема приобрела особую актуальность более чем столетие назад, с ростом численности ссыльнокаторжных на востоке империи. Как только кто-либо из каторжан совершал побег, местной полиции предписывалось публиковать сведения о бежавшем. Описания бежавших были достаточно формальные, как и 100 лет назад. Главными факторами успешной поимки преступников были: география региона, содействие местных жителей, которые в основном «*имали*» беглых, обязательность соблюдения миграционного законодательства (систематическая проверка документов) и бдительность караулов и полиции в городах. Но все эти факторы, успешно обеспечивавшие работу дореформенной полиции, начали снижать свое значение на фоне системной трансформации общества и резкого роста городов. Население городов разрослось, и бывшие караулы и обходы территории уже не могли

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 9. Д. 64. С. 89–89об.

справиться с надзором. Сельские общины перестали содействовать поимке беглых, как только те стали слишком опасны. Они вооружались огнестрельным оружием и давали отпор. Сохранялось лишь значение географии региона, но и оно все чаще работало на грабителей.

Практика нанесения клейма на преступников в свое время служила хорошей, хоть и античеловеческой мерой профилактики рецидивов. Гуманизация общества во второй половине XIX в. привела к отмене средневековой практики отметки преступника (клеймения) и других способов нанесения видимых примет (вырывание ноздрей, языка). Конечно, розыск лиц по таким признакам сужал круг подозреваемых. Только в тех случаях, когда у преступника имелись особые приметы — шрамы, рубцы и другие «*отметины*», розыск по признакам внешности оказывался продуктивен. Но массовый рост преступности свел на нет преимущества наличия таких внешних признаков. В результате преступный элемент либо избегал наказания, либо получал его как за впервые совершенное преступление. М. В. Танский вспоминал, что в 70–80-е гг. XIX в. ему «*пришлось еще видеть людей клейменых, с синим клеймом на лбу и на щеках, проживавших в Верхнеудинске по отбытии каторги и мирно занимавшихся каким-нибудь ремеслом. Я хорошо запомнил одного старика — медника, постоянно ходившего по домам и собиравшего кастрюли для починки. Клеймили лоб и щеки преступника раскаленной металлической пластиной в виде литеры, соответствовавшей преступлению (например, «У» — убийца)*» [296, с. 14].

Одним из средств разрешения проблемы розыска и задержания рецидивистов была организация антропометрических станций. Антропометрия и фотографирование — первые в достаточной мере обоснованные наукой методы регистрации преступников. Метод антропометрии, разработанный чиновником парижской сыскной полиции А. Бертильоном, заключался в измерении и фиксировании отдельных параметров тела регистрируемого человека. Несмотря на значительные затраты времени и необходимость специального оборудования, антропометрия позволяла достаточно точно идентифицировать личность человека. Самая большая в начале XX в. антропометрическая станция в России находилась при сыскном отделении Санкт-Петербургского градоначальства. За 11 лет существования отделения через него прошли 46 тыс. преступников и подозреваемых. Для измерений в отделение ежедневно доставлялись все лица, задержанные полицией, и арестанты из разных мест заключения. Существовало еще несколько станций, «*устроенных на скромных началах*» при тюрьмах. Постепенно такие станции появились в большинстве губернских городов. Как несложно догадаться, наибольшей проблемой такого метода была работа со все более расширяющейся картотекой, поиск, сравнение и передача сведений в подразделения других городов. Эти станции признавались одним из средств розыска, находящегося в обязанности полиции[1], правда, широкого внедрения техники, особенно на окраинах империи, не получили, так как у правительства не находилось средств на оборудование станций. Делопроизводство оставалось достаточно архаичным. Главным нововведением стало появление в делопроизводстве фотографии, которая облегчала розыск и опознание преступников, но

[1] ГАЗК. Ф. 1(тюр). Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

широкое распространение фотографирование получило только в начале XX в. При отсутствии фотографий и антропометрии сведения о подозрительных бродягах выглядели достаточно примитивно: указывались фамилия, имя и отчество со слов задержанного, примерный возраст на усмотрение полицейских, среди примет — рост, телосложение, цвет глаз и волос[1].

Описание инвентаря, необходимого для устройства антропометрических станций, позволяет представить основное содержание работы по антропометрии: *доска с метрическими линейками (с накладным передвигаемым деревянным наугольником); табурет со спинкой в виде доски для прикрепления к стене для измерения бюста и ступни; стол с медной ручкой для измерения локтя; скамейка для измерения ступни; схемы определения глаз и носов; большой скользящий циркуль для измерения локтя, руки и ноги; малый скользящий циркуль для измерения пальцев и ушей; масштаб (таблица) для измерения расстояния между распростертыми руками; циркуль для измерения длины и ширины головы; деревянный масштаб делений на миллиметры и дюймы; тесьма для измерения груди и роста; фотографический аппарат и принадлежности к нему*[2]. Для правильного производства измерений имелось и краткое руководство из типографии Санкт-Петербургского градоначальника. Организовать такую работу силами общей полиции при ее загруженности было невозможно, поэтому постепенно отдельные антропометрические станции открывались при градоначальствах и сыскных отделениях крупных губернских городов. Благодаря накоплению фактических сведений и развитию научных подходов, появлялись даже отдельные научные теории. Одна из популярных идей, которую мы уже упоминали, сводилась к доказательству наличия определенных антропологических отличий преступников от законопослушных граждан. Другая пошла еще дальше и сообщала, что преступная деятельность родителей сказывается на антропологических чертах их детей. Хотя уже в этот период практические изыскания, проводимые работниками антропометрических станций, свидетельствовали, что при сравнении групп детей «*преступных и непреступных родителей, хоть и имелись определенные отличия, но установить резких черт, отличающих группы, нельзя*»[3]. К таким выводам пришел в 1899 г. заведовавший центральным антропометрическим отделением инженер-полковник Н. А. Козлов.

И, несмотря на большой вклад в развитие уголовного сыска, предупреждения и пресечения преступности, а также открытие в начале XX в. антропометрических станций на всей протяженности Российской империи, это направление лишь положило начало системе регистрации преступников. Многие ходатайства на открытие станций не удовлетворялись из-за отсутствия средств. Некоторые открывались при тюрьмах, хотя современники и отмечали бесполезность таковых. Сыском преступников занималась полиция, а снятие антропометрии при тюрьмах по факту не имело большого значения. Антропометрические измерения носили чаще случайный характер, чем принижалось их значение. Крайней слабостью характеризовалась связь между станциями разных губерний, в

[1] ГАЗК. Ф. 1(тюр). Оп. 2. Д. 225. Л. 9об.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 55. Д. 162. Л. 83, 101.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 55. Д. 162. Л. 14.

то время как преступники активно перемещались между регионами. Розыски даже приметных преступников оставались безуспешными, потому что ни одно из полицейских учреждений, даже в губернских городах, не имело необходимых сведений о преступниках и совершенных ими преступлениях и, тем более, их фотографических карточек для предъявления потерпевшим. Но даже те станции, что работали, не всегда своевременно обеспечивались специальными измерительными карточками, еще реже имели в распоряжении фотоаппараты и расходные материалы к ним. Поэтому можно заключить, что хотя в руках полиции и появился такой инновационный и эффективный инструмент, как антропометрия, использовался он далеко не в полную силу. Там, же, где эта работа была поставлена на нужный уровень, она в значительной мере усложнила жизнь преступников и в особенности рецидивистов, которым приходилось снижать активность и искать новые схемы своей деятельности.

Расширение методов антропометрии привело к внедрению в полицейскую практику в начале XX в. сегодня вполне классического метода — дактилоскопии. Московская сыскная полиция начала применение этого метода, разработанного начальником лондонской полиции Э. Генри, еще в 1901 г. [258, с. 199–201], сознавая эффективность метода, который превзошел полноценную антропометрию. Уже в 1906 г. департамент полиции направил начальникам жандармских управлений и охранных отделений циркуляр о необходимости введения дактилоскопии для регистрации и розыска преступников. Применение такого метода общей полицией вообще не рассматривалось в силу ее перегруженности.

Развиваются в этот период и теоретические представления о полицейской и следственной работе, о самом феномене преступности, методы и техники раскрытия преступлений, работы с преступниками, информаторами. В ответ ширилась структура и формы организованной преступности. Если ранее, например в XIX в., самое распространенное преступление — мелкая кража — в целом не вызывало особых сложностей в поиске преступника еще старыми методами розыска, теперь же все более применялись новые тактики. Например, когда похищенное сразу передавалось одному сообщнику, а затем другому, который реализовывал краденое уже в другом поселении, и к моменту объявления о краже предмет было невозможно разыскать. Организованная преступность, которая сделала это своим основным ремеслом, стала непосильным вызовом царской полиции.

Появлялись специализированные труды по розыску и раскрытию преступлений, используемые для обучения и повышения квалификационного уровня действующих полицейских. Одной из классических для подготовки кадров считалась работа криминалиста и практического работника розыска В. И. Лебедева [219, с. 519] «Искусство раскрытия преступлений» (1909 г.).

К началу века в системе общей и сыскной полиции сложилось полное понимание, что профессиональные преступники, в отличие от случайных (или непрофессиональных), делятся на специализации. В связи с этим в полиции Российской империи существовало несколько классификаций преступников, и одна из них состояла из более чем 32 категорий. Ее автором был заведовавший

сыскной частью Киевской городской полиции Г. М. Рудой [282; 361]. Записка «*О мерах к упорядочению сыскного дела*» от 18 декабря 1901 г.[1], составленная им на основании служебного опыта, содержала наименования специализаций преступников, которые происходили от жаргонных названий объектов, близко описывающих сущность преступного деяния. Эти названия широко распространены в преступной и обывательской среде, в том числе как форма сокрытия своих намерений от окружающих. Считаем необходимым привести данную классификацию в полном объеме с собственными комментариями и уточнениями (приложение 2).

В приведенной классификации некоторые категории преступников пересекаются или вовсе дублируют друг друга. Основная категория злоумышленников — это воры различной специализации и мошенники, что совершенно подтверждено статистикой. Первое место в среде преступлений, совершенных в Российской империи, занимала кража, число свершений которой превышало все последующие виды злодеяний во много раз, и на 1912 год только официально рассмотренных мировым судом насчитывалось более 205 тыс. случаев [32, с. 283]. Классификация предусматривает основные специализации преступлений для городской среды, что также подтверждается статистикой. Их львиная доля совершалась в городах, в первую очередь крупных.

Представленная классификации обладает признаками полового разделения. Некоторые из приведенных наименований — исключительно женские виды ремесла. По статистике начала XX в., преступность в Российской империи имела «мужское лицо», почти 85% деяний совершались мужчинами. Доля и число женских преступлений хоть и медленно, но неуклонно возрастали. В 1912 г. среди осужденных было почти 12% женщин [там же, с. 399]. В структуре женской преступности более 33% составляли преступления против имущества, кражи [211, с. 10]. Женщины заняли свою нишу в противоправном ремесле и нашли собственную специализацию. Дополнительно, ниже приведенной классификации, автор сообщил о существовании еще нескольких категорий: специалисты в подделке документов, *педерасты* и др. Последние также считались связанными с уголовным миром [267, с. 27], не всегда в прямом смысле. Лица, практиковавшие нетрадиционные сексуальные контакты, криминализованы имперским законодательством, но редко осуждались по прямой статье. Чаще всего они имели тесные связи с криминальным подпольем, чем вызывали к себе интерес со стороны властей.

Разработка Г. М. Рудого не лишена множества проблем и разночтений: она не исчерпывает всех видов преступлений, даже достаточно распространенных, и тем более их обозначений в преступном мире того времени [299; 316]. Некоторые из наименований явно носили ограниченную географическую область хождения, а то и вовсе не просматривались в источниках, например, в пунктах 10, 12, 13, 20, 29. Классификация не учитывает некоторые особенности регионов, хотя и имеет значительные пересечения со справочной литературой своего времени и подтверждается другими источниками. Вместе с тем, представленная классификация позволяла более глубоко понимать предмет расследования,

[1] ГАРФ. Ф .102. Оп. 55. Д. 162. Л. 111–112об.

возможные преступные связи, расширяла инструментарий полицейского и в целом совпадала с большинством наименований преступлений по всей территории империи. Наличие такой классификации позволяло более широко и успешно внедрять в ряды преступных группировок собственных агентов.

С именем Г. М. Рудого связывают и появление в России основ кинологической службы. В 1904 г. он с разрешения вышестоящего начальства приобрел несколько немецких овчарок для сыска по горячим следам. Он же стал автором одной из первых инструкций по работе со служебными собаками. Но отцом кинологической службы в России по праву считается В. И. Лебедев, подготовивший работу «*Руководство дрессировки полицейских и военных собак*» (1911 г.). Его идея создания «*летучих отрядов*» — отрядов быстрого реагирования впоследствии успешно применялась в советской и российской практике. Накопив значительный практический опыт, Лебедев стал основателем специального питомника, где дрессировали служебных (сторожевых и санитарных) собак [187, с. 230–234]. Несмотря на то, что разработанные методы не получили повсеместного в дореволюционной России распространения, впоследствии этот опыт был реанимирован и успешно применялся.

В начале XX в. на большинстве территорий империи, даже самых отдаленных, начали стремительно внедряться последние достижения техники, например, получили распространение сигнальные кнопки для вызова воинской или полицейской команды, особенно после начала первой мировой войны. Обычно «*сигнальные устройства*» полагалось иметь в банках, кассах, почтово-телеграфных конторах и на других объектах городской инфраструктуры, подверженных наиболее частым нападениям и имеющим на хранении какие-либо значительные ценности. Если в крупных городах устройство таких кнопок было необходимо, в отдельных провинциальных городах такие новации делались больше «для галочки». В ряде случаев быстро среагировать на сигнал могли либо имеющиеся в здании чины полиции, как правило, канцеляристы, либо пожарная команда[1]. Последняя в случае грабежа вызывалась исключительно декоративно, так как не вооружалась на такой случай ничем, кроме подручного инструмента. Сопровождение почты и казны осуществлялось силами общественно избранных десятников, у которых отсутствовало огнестрельное оружие[2], как и у большинства уездных полицейских. В таких случаях внедрение многих инноваций как средства к усилению безопасности просто не имело почвы.

В столичных городах, как наиболее развитых, техническое обеспечение ушло далеко вперед и часто находилось на среднем европейском уровне. В распоряжении крупных отделений полиции уже к финалу существования империи появились автомобили, в частности автомобиль «Черный ворон» NAG Typ L4 [355], предназначенный для перевозки арестантов, который первым получил в народе прозвание «*воронок*», впоследствии перекочевавшее в советскую бытность.

Таким образом, инновации в сфере борьбы с уголовной преступностью в Российской империи активно внедрялись в течение всего начала XX века.

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 63. Л. 34–35.

[2] Там же. Л. 9–10об.

Они, будь то теоретические разработки или конкретные практические методы, повышали эффективность и качество реагирования полиции и охранных отделений. Большую пользу эти методы принесли в наиболее развитых и одновременно наиболее криминальных регионах, столичных и крупных губернских городах. Система безопасности отдаленных окраин продолжала сохранять многие неизжитые традиции дореформенной полиции. Вместе с тем ведение специальной классификации, разработка методов дактилоскопии или антропометрии, появление кинологической службы — все это говорит о стремлении системы безопасности соответствовать времени и использовать новейшие средства и методы в своей работе. Отсутствие системного реформирования полицейской службы, внедрения новейшего арсенала приводило к усугублению криминогенной обстановки. Одновременный рост сопротивления общества власти, в том числе методами террора, не позволил в полной мере внедрить и использовать эти методы.

Система уголовного сыска и правоохранительная деятельность в начале XX в.

В структуре общей полиции (городской и земской) в начале XX в. появляется принципиально новая структура — уголовная полиция, так называемые сыскные отделения. Эти полицейские подразделения, прообразом которых стало первое в стране санкт-петербургское сыскное отделение, специализировались прежде всего на раскрытии преступлений. Общая полиция в большинстве стала концентрироваться на фиксации происшествий. Сыскная полиция почти не занималась надзорными и контролирующими задачами, хотя в том же санкт-петербургском отделении специальный летучий отряд нес службу и в местах значительного скопления людей: на вокзалах, в театрах и т. д. На окраинах, как и в большинстве регионов России, сыскное отделение было создано в начале XX века.

Читинское сыскное отделение открыто в 1908 г. в составе общей городской полиции г. Читы, с прямым подчинением начальника полицмейстеру. Деятельность отделения распространялась на всю территорию области. Ее основной специализацией был розыск преступников и раскрытие тяжких преступлений. Отделение существовало по 4-му разряду в составе начальника, двух полицейских надзирателей и трех городовых. Вопреки указу 1908 г. «*Об организации сыскной части*», устройство Читинского сыскного отделения не зависело от численности города и области, очевидно в целях экономии, и вплоть до своего упразднения в 1917 г. сохраняло установленный состав. Материальное положение служителей сыскного отделения оценивалась достаточно скромно: начальник Читинского отделения получал 1000 руб. в год, городовые — по 360 руб., при этом супруги сыщиков не имели права заниматься ремеслами, работать на фабриках, содержать торговые заведения и осуществлять любое доходное занятие, связанное с личной ответственностью [340, с. 220]. Последнее

обстоятельство наряду с многосложностью работы и низким жалованьем не добавляло привлекательности работе в сыскном отделении.

Чаще всего штат сыскного отделения пополняли сотрудники общей полиции, поэтому и качество кадрового состава было довольно низким. Даже высшие чины, начальники читинского отделения, сначала Ф. С. Ялин, затем В. А. Свитнев, не владели в полной мере навыками правильного ведения регистрационного учета преступников, использования инструментов и методов производства. Не удивительно, что весь комплекс этих методов в общей картине уголовного розыска приносил мало ощутимых результатов. Хотя все необходимое для полноценной работы, включая дактилоскопические приборы, антропометрический инструмент системы Бертильон, заграничные фотоаппараты, а также учебные пособия, инструкции, рекомендации, правила, таблицы, образцы в отделении имелись. О внедрении и использовании новаций для раскрытия преступлений говорить не приходится. Не удивляет, что начальник Читинского городского полицейского управления А. Н. Грузинов (рис. 17, портрет 1), выяснив полный непрофессионализм подчиненных ему читинских сыщиков, лично занялся раскрытием преступлений в г. Чите (опросы, допросы, розыск) при номинальном участии во всех этих мероприятиях начальника сыскного отделения Я. А. Кранберга [340, с. 223]. Почти полная некомпетентность сыщиков компенсировалась применением куда более привычных методов работы общей полиции — физическое насилие, истязания, побои задержанных, а то и свидетелей преступлений. В этом смысле сыскная полиция была прямой преемницей розыскных методов полиции XVIII века.

Некомпетентность характеризовала лишь одну сторону полицейской повседневности, другая была связана с возрастающей опасностью службы. Если ранее она очевидным образом представляла некий риск для жизни, то теперь этот риск становился фактически неотъемлемой ее частью. Пожалуй, высшей точкой напряжения стало громкое политическое убийство начальника Нерчинской каторги Ю. И. Метуса [247, с. 147] в гостинице г. Читы. Мало того, что убийство произошло днем, так убийце еще и удалось сбежать из-за прохожих, помешавших его задержанию. На этом факте хочется заострить внимание, ведь успех полицейской охраны городов и в меньшей степени земств начала XIX в. характеризовался полным содействием населения полиции. Как мы уже могли убедиться ранее, поимка беглых каторжан в большинстве обеспечивалась местным населением. К началу же XX в. этот основной, стержневой элемент всей конструкции безопасности не только пришел в негодность, он стал элементом противодействия ей.

Не меньший резонанс вызвала серия крупных и мы сказали бы даже наглых грабежей и произошедшая по этому поводу 21 сентября 1913 г.[1] в Верхнеудинске перестрелка между нарядом полиции во главе с полицейским надзирателем Бореиусом, 7 городовыми и 2 агентами со злоумышленниками, пытавшимися ограбить артельщика Амурской железной дороги на 100 тыс. руб. Трое городовых были убиты, а сам надзиратель и еще двое городовых ранены. Этот случай можно разбить на несколько составляющих. Во-первых, это было

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 701. Л. 7.

свидетельством серьезнейшего кризиса и крайней ветхости системы внутренней безопасности, во-вторых, очередной демонстрацией непрофессионализма, неподготовленности и неопытности полицейских в подобных ситуациях. Злоумышленники обладали куда более качественной подготовкой и вооружением. И хотя потери с их стороны неизвестны, они смогли вывести из строя больше половины своих оппонентов. Во-третьих, появилась социальная проблема: убитые городовые оставили вдов и детей, для которых не предусматривалась система поддержки: семьи оставались на попечении родни, что хорошо осознавалось теми, кто впоследствии заменил погибших. Главный вывод, который не могли не сделать служители — качественное исполнение своих задач увеличивало риск гибели, а это ставило их семьи на грань выживания. Справедливости ради надо сказать, что ввиду их тяжелого материального положения губернатор ходатайствовал о назначении пенсий по числу детей, одной вдове 300, двум другим по 360 руб. Можно думать, что несистемный механизм помощи все же существовал, но, оставаясь на рассмотрении и решении бюрократического аппарата, представлялся гипотетическим.

После первой русской революции криминогенная ситуация серьезно обострилась. Городские обыватели, чтобы не стать жертвами злоумышленников, не выходили на улицы после 6 часов вечера. Сельские обыватели с началом сумерек запирали дома изнутри на ставни и засовы. В нагорной части г. Верхнеудинска, редкий день не бывало кулачного боя, часто с использованием камней, ножей и оружия [69, с. 39–40]. Семейные ссоры в мещанской среде на почве пьянства, переходящие в побои и драки, были обыденным делом. Социальные изменения в структуре населения, происходившие на рубеже веков, не могли не оказать масштабного влияния на культуру жизни общества, обывательские привычки и уровень образования. Увеличилась численность всех групп населения города, но наибольшими темпами росла доля крестьян. В 1915 г., по сравнению с 1899 г., их число увеличилось в 12,8 раза [Там же, с. 40]. Крестьяне мигрировали в города в надежде найти благополучие, но лишь пополняли собой число обездоленных людей, часть из которых неизбежно опускались на самое дно.

Массовая миграция крестьян в города самым серьезным образом испытывала систему внутренней безопасности на прочность, не в пользу последней. Данные по Верхнеудинску за 1904–1906 гг. (табл. 41) свидетельствуют о продолжающемся тренде общего роста преступности. В этот период она и в уезде, и в городе превысила суммарные показатели по Забайкальской области 80–90-х гг. XIX в., а сравнение с 70-ми гг. XIX в. свидетельствовало о возрастании числа тяжких преступлений в городах в десятки раз. Тезис о почти полной неэффективности профилактики подтверждается уверенным ростом числа убийств, грабежей и краж со взломом. Совокупное их число в городе превышало аналогичные преступления по уезду, хотя ранее ситуация была обратной. Все чаще стали фиксироваться грабежи с нанесением серьезных ранений. Так, 25 июня 1912 г. в Верхнеудинске двумя неустановленными мужчинами совершено нападение на крестьянку, проживавшую в доме своего родственника. Нанеся ей несколько ножевых ранений, забрав деньги и шкатулку с мелкими

ценностями, они скрылись. Появлялись и «инновационные» методы отъема ценностей под угрозами огнестрельного оружия не только крупных, но и вполне рядовых сумм и ценностей. Преступления, подобные тому, что случилось 19 июля 1910 г., когда двое неизвестных, ранив из револьвера двух крестьян и отняв деньги, скрылись, — стали совершаться не только в округе, но и в городах и все чаще происходили днем. Распространение огнестрельного оружия среди грабителей стало поистине повсеместным. При этом самым частым деянием оставалось нарушение установленных миграционных правил, что говорит о главном вызове системе городской безопасности — неконтролируемом притоке населения.

Таблица 41

Данные о числе и виде преступлений
по г. Верхнеудинску и уезду в 1904–1906 гг.

Вид преступлений	**1904 г.**		**1905 г.**		**1906 г.**	
	город	уезд	город	уезд	город	уезд
Убийства	11	35	16	46	23	51
Разбои	5	18	6	12	3	20
Грабежи	19	13	26	15	29	22
Подделка денег	2	-	-	2	-	-
Кражи со взломом и на сумму более 300 руб.	63	101	182	109	131	123
Кражи без взлома	99	175	67	153	111	159
Просроченных паспортов	482		638		295	
Других преступлений	91	298	62	351	74	397

Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10. Ч. 16. Л. 5.

Несмотря на существенный рост краж со взломами, местные жители всегда были настороже, и грабители задерживались либо при попытке ограбить, либо по горячим следам. Примером может служить случай 24 июля 1909 г.: ссыльнопоселенец проник в незапертое окно квартиры и похитил золотые и серебряные украшения, но был задержан с поличным. Хозяину, обнаружившему вора на месте преступления, очень повезло, ведь грабитель оказался непрофессионалом и отправился на дело без оружия.

Верхнеудинск перестал быть криминальным центром окраин. По числу совершаемых тяжких преступлений пальму сомнительного первенства перехватила молодая столица Чита (табл. 42). Особенно обращает на себя внимание 1907 год, когда каждое четвертое убийство в Забайкальской области совершалось в столице края. Эта статистика и стала поводом для организации здесь уже в следующем году сыскного отделения. Резкое снижение числа тяжких преступлений в черте города в 1908–1910 гг. можно счесть заслугой нового управления.

Ему способствовал и некоторый спад общественной активности, вызванной ранее поражением в русско-японской войне и революцией. О том, что революция и война действительно стали факторами нарастания криминогенной обстановки, свидетельствуют вышеприведенные данные по Верхнеудинску и уезду в 1904–1906 гг. Открытие сыскного отделения в Чите произвело пусть и краткосрочный, но ощутимый эффект. Ведь если в 1910 г. общее число убийств в области, по сравнению с двумя предыдущими годами, сократилось на 40%, то по городу оно упало в 4,5 раза.

Таблица 42

Сравнительные данные по числу возбужденных уголовных дел по г. Чита и Забайкальской области (1907–1910 гг.)

	1907 г.		**1908 г.**		**1910 г.**	
	Чита	**Область**	**Чита**	**Область**	**Чита**	**Область**
Убийства	45	152	24	159	10	95
Поджоги	6	97	6	61	6	74

Основание: Петров А. С. Уголовная преступность и сыск в Забайкалье в межреволюционный период (июнь 1907 — февраль 1917 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2016. С. 303.

Общая ситуация по Забайкальской области с динамикой преступности (табл. 43) выглядела удручающе. К началу первой мировой войны преступность неумолимо росла, особенно убийства, поджоги и грабежи. Лишь с началом масштабной войны 1914 г. она начала снижаться, что объясняется сокращением свободного молодого мужского населения и введением некоторых строгих норм военной жизни. Особенно заметное падение отмечается в 1915 г. При этом «*коэффициент преступности*» совершенных тяжких преступлений в расчете на 100 тыс. чел. продолжал оставаться здесь одним из самых высоких в империи [340, с. 43], уступая лишь столичным городам. В 1907 г. он был в 2,5 раза выше, чем самые высокие показатели во всей империи.

Социальный состав преступников почти не изменился в сравнении с тем, что мы охарактеризовали в предыдущих параграфах. Обратим внимание на значительный рост правонарушений среди мещан, что указывает на изменение качественного их состава. Само по себе число преступлений, совершаемых мещанами, сравнительно невысоко, хотя заметно выше, чем в предыдущие периоды. В книге судимости мещан Верхнеудинска за 1904–1915 гг. зафиксировано 66 осужденных за убийства, разбои и грабежи, причем наиболее распространенным преступлением были кражи. Притязания грабителей оставались достаточно скромными, что свидетельствует не столько о непрофессиональной, сколько о случайной злоумышленной деятельности, когда объектом наживы становятся простейшие бытовые предметы. Показателен случай кражи у учительницы Семёновой бытовых предметов общей суммой 200 руб., но самое удивительное — воры забрали с собой даже неотжатое белье, замоченное в кадке [69, с. 39–40].

Таблица 43

Число возбужденных уголовных дел по Забайкальской области: выборка 1907–1915 гг.

Преступления	**1907 г.**	**1909 г.**	**1911 г.**	**1913 г.**	**1914 г.**	**1915 г.**
Убийства	493	483	530	525	406	325
Против телесной неприкосновенности	240	130	190	192	119	81
Против женской чести	68	114	123	106	107	90
Поджоги	178	199	210	226	210	108
Насильственное похищение имущества	298	251	268	313	291	218
Кражи	864	629	610 (+408[1])	691 (+401)	736 (+406)	558 (+301)
Мошенничество	27	38	48	50	40	14
Всего возбуждено дел по тяжким преступлениям	2882	2670	3466	3460	3179	2430

Основание: Петров А. С. Уголовная преступность и сыск в Забайкалье в межреволюционный период (июнь 1907 — февраль 1917 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2016. С. 294, 296, 298, 300-302.

Кроме общеуголовной деятельности полиции отметим не снижающуюся по важности задачу полиции по поддержанию пожарной безопасности города. Безусловно, многие вопросы ее организации, в соответствии с «*Городовым положением*», делегировались Городской думе, но полиция оставалась главным регулятором. Несмотря на все профилактические мероприятия, проверки инвентаря и меры по его обновлению, пожары в городах происходили чаще, чем в уезде, что вполне закономерно, учитывая, что в городе превалировала скученная застройка. Вместе с тем существовали объективные технические причины, связанные с развитием технологий того времени, не позволявшие своевременно локализовать и потушить пожар. Влияние на низкую эффективность противопожарных мероприятий оказывала городская экономика. Слабое ее развитие, с одной стороны, не позволяло иметь дорогое пожарно-полицейское обслуживание за счет города, с другой — жители, содержащие ее на собственные средства, экономили на всем. Основанные даже на скромные средства, городские пожарные команды все же имели важное значение, хотя бы потому, что были во всеоружии в периоды наибольшей пожарной опасности: празднеств, мероприятий, ярмарок. К началу века развитие пожарной безопасности получило технические стимулы к развитию, в большинстве городов появились так называемые добровольные пожарные общества, которые более эффективно позволяли бороться с главной опасностью городских застроек — пожарами. Многие из них с помощью городских средств обзавелись специальными помещениями и вышками для надзора (рис. 20). В активно разраставшихся городах таких вышек могло быть несколько, их основной задачей было наблюдение за городом и скорейшее оповещение пожарной команды в случае появления возгорания.

[1] Кражи только лошадей и крупного скота.

Поддержание правопорядка и благочиния в ярмарочное время для таких купеческих городов, как Верхнеудинск, где происходили самые значительные торги в Забайкалье, было для полиции основополагающей проблемой. По воспоминаниям М. В. Танского, Базарная площадь и Большой гостиный двор, лавки которого в обычное время более чем наполовину не использовались, во время ярмарки «*оживали*» [296, с. 41]. Привозили столько много товаров, что не всегда их можно было уместить в помещения, и фактически они оставались под открытым небом. Вследствие недостаточного надзора за ними, в том числе и по неопытности сторожей из обывательских караулов и из-за недостатка кадровых полицейских, активизировалось воровство среди местных обывателей.

Ярмарочное время, как праздничное и чуть более свободное, всегда сопровождалось возрастанием употребления алкоголя как гостями, так и местными жителями. Празднества всегда несли увеличение числа различных происшествий, в том числе карманных краж, взломов магазинов, домов, избиений извозчиков, прохожих и соседей [69, с. 136]. В ярмарочное время в городах открывались многочисленные временные развлекательные заведения: трактиры, харчевни, питейные и чайные дома, бильярдные. Число связанных с этим происшествий логичным образом возрастало. Фактически полицейские в это время работали в экстренном режиме. Отдельный и более детальный надзор за подобными заведениями осуществлялся, когда налагались определенные ограничения на торговлю алкоголем. Уже с 1901 г. в городе действовало только 20 питейных заведений, при этом ни одно из них не могло располагаться по Большой улице. С 1906 г. запрещалась продажа алкогольных напитков, даже малой крепости, ближе чем в районе двух верст от железной дороги, в том числе и в буфетах вокзала. Считалось, что вокзалы сами по себе являются зоной притяжения разного уровня преступников. И действительно, скученность людей и отсутствие должного досмотра облегчали действия преступников (рис. 19).

Большой скученностью отмечались и ярмарки. Для поддержания порядка на очередной из них, проходившей с 18 января по 2 февраля 1903 г., уездным начальником Харченко (рис. 17, портрет 7) устанавливался порядок наблюдения за поддержанием безопасности в городе. Верхнеудинск делился на два участка полицейских надзирателей Новоковского и Сутурина, дежуривших сутками, а для несения наружной службы вызывался уездный пристав Васильев. Надзиратель, дежуривший по городу, организовывал и возглавлял дневные и ночные обходы, оставшийся в управлении — принимал арестантов, производил обыски и досмотры, принимал заявления, являлся на места преступлений для осмотра. Одновременно в городе дежурили посменно три надзирателя. Всем чинам предписывалось усилить бдительность. Дополнительную нагрузку создавали командированные Кяхтинской таможней для надзора за продажей чая и задержанием контрабанды чиновники, которым нужно было оказывать всяческое содействие. Ритм работы — по двое суток без перерыва — тяжело давался и постоянно нарушался, особенно в самый разгар ярмарки, когда и обыватели, и должностные лица, чувствуя пьянящий запах праздника, позволяли себе чуть больше обычного. Так, 25 января 1903 г. дежурный по городу надзиратель Новоковский не участвовал в ночном обходе, отправив вместо себя

городовых, двое из которых, находясь в алкогольном опьянении, развлекались безосновательными арестами горожан. Второй надзиратель 24 января, будучи в очередном наряде дежурным по управлению, самовольно его покинул, предпочтя службе уютную квартиру. Обоим надзирателям объявлены выговоры, в некоторых случаях они подвергались штрафам. Нижние служители наказывались более жестко, чаще всего увольнением либо краткосрочным заключением под стражу. Не исполняли своих обязанностей с требуемым рвением, нередко игнорировали ночные обходы не только надзиратели, но и старшие городовые[1]. Отсутствие освещения товарных складов дополнительно помогало ворам: в скрытые во тьме помещения они легче проникали, особенно те, что умели провести взлом самым тишайшим образом.

По окончании ярмарки в середине февраля 1903 г. в предместьях Верхнеудинска началась эпизоотия. Оба надзирателя тут же были откомандированы для организации противочумных мероприятий. В дополнение появилось известие об убийстве унтер-офицера Банных и девицы Соловьевой, для расследования которого отправился столоначальник полицейского управления Бекишев, заменявший надзирателей. В результате город в отдельные промежутки времени оставался под не более чем символическим присмотром городовых, а то и вовсе без такового.

С началом мобилизации в 1914 г. производство и продажу алкоголя полностью запретили на всей территории империи. Жители окраин с восторгом отмечали *«...с прекращением торговли спиртными напитками сократилось до минимума число преступлений и хулиганство, увеличилось народное достояние, о чем свидетельствует громадный приток вкладов в сберегательные кассы. В семьях установился мир, дети и в особенности жены отдыхают от кошмарного смертного боя и благодарят судьбу...»* [69, с. 136]. Для полиции же такие меры означали многократное увеличение досмотра всех проезжающих лиц, общественных заведений и мест питания. Борьба с подпольным производством нередко очень плохого по качеству алкоголя многократно усилилась.

Сельская местность в пределах поселений оставалась чуть более спокойной. Постановления даже волостного правления, не говоря о полиции, которая воспринималась как более чем значительное начальство, воспринимались серьезно и в основном исполнялись. Арестованные без всякого принуждения отбывали под арест, иногда даже не сопровождаемые ответственным лицом. Сопротивление оказывали в основном закоренелые нарушители порядка, грабители и буйные пьяницы. Помещенных под арест на территории вне города, как правило, не кормили, но при необходимости отпускали в деревню, опять же без конвоя. На время ареста они запасались хлебом или получали еду от домашних. В местах временного содержания специальные условия отсутствовали, спали арестованные на полу, подостлав под себя армяк или полушубок [181]. Женщины за мелкие проступки редко помещались под арест, что в волостях, что в городах, если не были буйными или «*бражницами*»[2]. Чаще их приговаривали к черновой работе, например, уборке в волостных и городских правлениях.

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 2об.–4об., 28об., 46об.

[2] Устар. — пьяница.

Отдельных помещений в окружных арестантских для мужчин и женщин не существовало, как и для подростков, все находились в общей камере. Женщины в них сидели с мужчинами по очереди, днем их держали вместе, а на ночь женщин переводили в правление. Женщины, имевшие навыки, во время пребывания под арестом занимались рукоделием.

Возвращаясь к обязанностям полицейских, нужно сказать, что задачи надзирателей мало изменились в сравнении с функциями прежнего квартального. Несмотря на частые напоминания начальства, многие работы, такие как «*понуждение жителей к очистке улиц*», особенно в теплое время года, выполнялись плохо либо в силу ограниченного штата надзирателей, либо в силу их недостаточной строгости. Горожане соглашались очистить улицу, а скопившийся у заборов мусор нередко просто разметался в сторону дороги[1]. Забайкальский губернатор даже отмечал, что с упразднением городовой управы полиция слабо следила за санитарным порядком в городе[2]. Он требовал ужесточения мер, так как мусор и грязь грозили городу не только возможностью пожаров, но и заражением воды и, как следствие, распространением эпидемий. Тем не менее роль полиции в поддержании санитарного порядка в городе была значительной, что понимала и общественность города. В 1908 г. М. В. Танский, выступая в Чите с докладом, вынужден был признать: «*Культурность населения нашего города, как и прочих русских городов, невысокая, скорее можно говорить о некультурности массы. "Благодаря" этому обстоятельству, непониманию обывателей, что чисто, что опрятно, что гигиенично, что нет, даже чистота дворов сопряжена с большими хлопотами и часто производится только полицейскими мерами, под полицейским нажимом*» [296, с. 54]. Наблюдение за санитарным порядком распространялось не только на городские коммуникации, но и на сферу услуг и развлечений. Ввиду участившихся жалоб горожан на торговлю алкоголем в пивных и трактирных заведениях в течение ночи, с шумом и безобразиями[3] полицейским напоминалась обязанность наблюдения и контроля правил торговли в них, в том числе режима работы. Одновременно вокруг должны соблюдаться тишина и порядок. Требовался постоянный учет контингента клиентов в гостиницах, и отражение нарушений в протоколах. Правда, одновременно со снижением нажима начальства снижалось и рвение полицейских.

Продолжая санитарную проблематику, стоит сказать, что полиция была основным институтом по борьбе с эпидемиями в округах. Если говорить о последней трети XIX и начале XX в., то, получив информацию из населенных пунктов о заболеваниях напрямую или через больничные учреждения, полиция сразу уведомляла окружные комитеты общественного здравия. Обычно они возглавлялись исправниками. Например, 22 сентября 1880 г. по приглашению верхнеудинского окружного исправника состоялось экстренное заседание, на котором обсуждена телеграмма укырского сельского старшины. Он сообщал, что в Погроминском селении началась эпидемия дифтерита и уже 20 детей от нее скончались [325, с. 184]. По итогу заседания принято

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 47об.

[2] ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 1169. Л. 1.

[3] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 120.

решение направить на борьбу с эпидемией врача и младшего лекарского ученика, снабдив их лекарствами из городской аптеки.

Освидетельствование больных нередко производилось командированным на место врачом, в присутствии чиновника полиции [325, с. 179–180]. Особенно это касалось сообщений об эпидемии, но без сведений, что это за болезнь, или если освидетельствование проводилось в городе. Все противоэпидемиологические мероприятия в городе организовывались полицией. Вначале управа определяла помещение для больных, с тем чтобы немедленно их изолировать. По городу распространялись объявления с призывом немедленно сообщать о появлении новых случаев заболевания в полицейское управление или в больницу. Полицейский надзиратель каждый день обходил жителей по домам и справлялся об их санитарном благополучии, что, безусловно, подвергало полицейских дополнительному риску. При объявлении комендантского часа только полицейские могли передвигаться по городу. В случае обнаружения заболевания полицейский надзиратель проводил расследование и о мерах, предпринимаемых для предотвращения распространения болезни, должен оповестить всех вышестоящих начальников. Еще один пример: на заседании Троицкосавского уездного комитета общественного здравия 12 июня 1910 г. полицмейстер сообщил о выявлении в городе заболевших менингитом. Оба заболевших скончались, а комитет постановил усилить карантинные и санитарно-гигиенические мероприятия [Там же, с. 191].

Достаточно многочисленны были обращения администрации городских больниц в местные органы полиции с целью взыскания с граждан, иногда вполне состоятельных, средств за оплату услуг лечения. Эта задача представлялась для полиции бесконечной, притом что полиция на самом деле была последней инстанцией для обращений. Изначально все требования поступали в местный городской орган самоуправления, например ратушу, но редко доводились до желаемого результата.

Развитие железнодорожного транспорта многократно увеличило нагрузку на полицейских, не только в плане приумножения миграционных потоков, но и в плане охраны и препровождения грузов, пресечения карманных краж. В 1903 г. уездный начальник приказывал одному из городовых раз или два в неделю являться на вокзал ко времени прихода почтово-пассажирских поездов для наблюдения за извозчиками[1], исполнением ими обязательных постановлений городской управы. Железная дорога, как видно, уже сама по себе расширяла сферу применения полицейской охраны города, несмотря на наличие специальной жандармерии.

В начале XX в. усилились задачи по выявлению и пресечению революционной и подпольной политической деятельности общества. Это было тем более сложно, что многие политические ссыльные занимались просвещением [250], что само по себе уже считалось незаконным. Накануне 1906 г. в Верхнеудинске состоялся съезд 60 учителей Верхнеудинского и Баргузинского уездов. Фактически на нем обсуждались проблемы образования, хотя не обошли стороной и политические вопросы. Так или иначе, съезд не вылился

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43. Л. 4об.–5.

в какое-то политическое движение, но самого факта было достаточно, чтобы быть замеченным полицией. Несмотря на то, что протоколы съезда из-за опасений реакции были уничтожены, сразу после его окончания в городе начались аресты, несколько верхнеудинских учителей арестованы, часть уволена, а позднее выслана за пределы Иркутского генерал-губернаторства [69, с. 98]. Даже импровизированные детские сады находились под полицейским надзором. По сведениям И. Ю. Замулы, детские концерты, организованные под руководством председателя общества попечения о народном образовании Е. Г. Гирченко, неизменно, в первых рядах, посещал «*блюститель порядка полицмейстер Чайкин*» [69, с. 94–95]. На деле, вероятно, речь шла об исправнике, который стремился контролировать и этот казалось бы безобидный порыв общества к детскому летнему досугу.

Специфика региона, обусловившая особый надзор полицейских и организацию препровождения ссыльных, продолжала сохранять актуальность вплоть до распада империи. Предписание Забайкальского областного правления еще с 1874 г. [28, с. 172] обязывало окружные управления подавать ежемесячные сведения о числе политических ссыльных, «*выдворенных*» поляках и прочих по специальной форме. Их охрана и наблюдение за поведением, в большинстве своем из-за отсутствия разбросанности населенных пунктов, оставались обязанностью местной общей полиции.

С началом XX в. расширяется деятельность по усмирению забастовок и стачек. Так, 8 апреля 1907 г. в лесу близ города, на месте предполагавшейся сходки членов комитета верхнеудинской социал-демократической группы задержаны уволенный за участие в забастовке 1905 г. чиновник почтово-телеграфной станции А. Черных и безработный мещанин Н. Полянский[1]. При обыске у них обнаружена обширная переписка и проект устава военно-революционной организации, именуемой «*Военным союзом Верхнеудинского гарнизона*». Прибыв на занимаемую подозреваемыми квартиру, полицейские, в том числе помощник верхнеудинского уездного начальника Курбатов, обнаружили там еще 5 человек. Двоих из них тут же отпустили без выяснения личностей по указанию Курбатова. За этот недопустимый с розыскной точки зрения проступок он подвергся дисциплинарному взысканию и понижению в должности до станового пристава. Что послужило причиной поступка, личные ли отношения Курбатова, его уверенность в непричастности обнаруженных лиц или симпатия к революционерам — остается загадкой. Но факт саботажа постановлений власти уже был налицо.

На фоне активизации общественного движения, особо интенсифицировалось развитие печати, что требовало от полиции постоянного и неусыпного контроля. Консервативная реакция, как считается, началась с опубликования 18 августа 1881 г. манифеста — положения о чрезвычайной охране, по которому полиция получала исключительные и недопустимые по своему содержанию права на разгон любого рода народных собраний, закрытие печатных органов, высылку без суда и следствия лиц, лишь заподозренных в антиправительственных действиях. Даровав на низовом уровне абсолютное

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 231. Л. 1–5.

право регулировать все движения жизни общества, власть с этого времени будет как будто целенаправленно делать верные шаги к революции и полному своему уничтожению. И хотя основные полномочия по работе с печатью и собраниями оставались за жандармами, полиция расширила свою роль в ограничении прав и свобод общества. Осуществляя контроль над публикационной активностью, она усилила цензуру периодики и перлюстрацию корреспонденции. В Забайкальской области издавалось много различных газет, в том числе оппозиционного характера, только в одном г. Верхнеудинске выходили «*Верхнеудинский листок*», «*Верхнеудинская конституционная газета*», «*Сибирское слово*» и др. Каждая из этих газет закрывалась на определенном номере по решению местной полиции. Кроме периодики полиция направляла развитие театра и музыки. Каждый спектакль должен был снабжаться разрешением полиции и резолюцией «*Разрешаю*», проставленной на афише [69, с. 113]. В начале 1880-х гг. таких спектаклей в городе проходило 5–6 за зиму.

Полиция продолжала осуществлять полное сопровождение массовых мероприятий, особенно в городах. Е. А. Танская вспоминала: «*... на маскарад съезжалась публика всех возрастов, включая почтенных отцов семейств, не отказывающихся вдали от семейного очага повеселиться, вспомнить давно прошедшую молодость. Веселящаяся публика вела себя непринужденно, вино лилось рекой, временами вспыхивали ссоры, и тогда дежурные полицейские отправляли клиентов по их домашним адресам...*» [295, с. 148]. И хотя охрана общественных мероприятий была действительно важной функцией полиции, начальнику управления куда проще было запретить отдельные подозрительные сборища, нежели выделять и без того скудный штат служителей для их охраны.

Важнейшей составляющей духовной жизни общества оставалась религия, одновременно преследовавшая задачи массового объединения и управления гражданами. Законом на церковь возлагалось ведение актов гражданского состояния и установление для православных непременной исповеди и причащения. Наблюдение за посещением церкви подданными абсолютизм XVIII в. возлагал на полицейский аппарат. XIX век принес некоторые изменения в политику власти, на фоне сокращения паствы принимались строгие меры. Приходилось больше внимания уделять охране церковных порядков, которые, к слову, нарушались и раньше. На примере конца XIX и начала XX в. эти нарушения стали систематическими: «*на соблюдение в церквах должного порядка и тишины, и с нарушением оных, несмотря ни на какое лицо, полиции ... немедленно распоряжаться и предавать суду*» [69, с. 72]. К исполнению религиозных обрядов значительную часть населения приходилось привлекать также при помощи полиции. Высшие чиновники, обязанные подавать пример, не были исключением, им делались строжайшие предупреждения за непосещение торжественных богослужений. Религиозным воздействием охватывались «*от мала до велика*» все слои населения, включая заключенных и каторжников. Роль и значение полиции в организации религиозной жизни характеризует хотя бы пример с выборами раввинов, в отличие от православных священников крепко встроенных в систему власти. Еврейские молитвенные общества осуществляли избрание через уполномоченных, а председателем на выборах неизменно был

полицейский надзиратель [69, с. 72]. Власть стремилась исключить возможность появления на таких позициях нелояльных ей кандидатов и осуществляла через полицию неусыпный надзор за процессом.

Впрочем, изменение отношения к духовной власти все же заметно проявляется в начале XX в. даже на окраинах. Громкие случаи убийств священников хотя и исключительны, но свидетельствуют именно об этом. Священники, будучи владетелями значительного имущества, были выгодной добычей. Показателен случай убийства настоятеля Нижнеудинской слободской церкви Иркутской губернии Паргачевского[1]. По «*народной молве*», священник держал в своем доме значительные средства. Жил он одиноко, а домашние работы у него вела кухарка со своим сыном. Злоумышленники, предположительно три человека, совершили под его дом подкоп и проникли туда через подполье. Священнику нанесли 8 колото-резаных ран в грудь и живот и 4 удара по голове, от которых он скончался. Из дома похищены деньги, револьвер, серебро, кинжал, одеяло и три пары брюк.

Справедливости ради стоит отметить, что поменялось не только отношение к церкви и религии. Трансформировалась мораль как таковая. Например, 1 марта 1914 г. при станции Хилок Верхнеудинского уезда трое неустановленных мужчин изнасиловали 4-летнюю дочь ссыльнопоселенца И. Кузьменко, после чего подожгли на ней одежду. От полученных травм девочка скончалась, а злоумышленники так и не были найдены. Этот и подобные чудовищные случаи являются скорее исключительными, но их наличие свидетельствует о глубокой трансформации нравов традиционного общества.

Количество преступлений и, как следствие, чрезвычайных функций полиции значительно возросло с началом первой мировой войны. В делах о нарушениях правопорядка стали чаще фигурировать военнопленные, их пребывание в регионе влияло на систему безопасности в целом. Ситуация в преддверии революционных событий стала фактически неконтролируемой. Согласно циркуляру товарища министра внутренних дел Белецкого[2], в стране участились случаи разбойных нападений, грабежей и подрывная работа революционных организаций. От начальников губерний требовалось принимать решительные меры по усилению бдительности местных полицейских и сыскных органов в работе по розыску, задержанию злоумышленников, охране ценностей и т. д. Формат подачи информации в циркуляре весьма эмоциональный, что свидетельствует о параличе власти, уже не способной контролировать и управлять происходящим. Можно счесть, что такая ситуация характерна только для центра страны, но ситуация на окраинах если и не была точно такой же, то по крайней мере, близкой к критической. В качестве формы поощрения заместитель министра предлагал представлять к денежным наградам отличившихся полицейских, а виновников грабежей предавать военному суду. Подобные паллиативные меры, конечно, не принесли результатов.

Основным предметом охраны должна была стать транспортировка казенных денежных сумм на оплату военных расходов. Военный губернатор Забайкальской

[1] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 27. Д. 660. Л. 1–7.

[2] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 63. Л. 1–2.

области предписал местным полицейским управлениям ряд мероприятий для сохранения перевозимых денежных сумм. Предполагалось, во-первых, установить между государственными банками, казначействами, органами полиции и воинскими частями сигнализацию, организовать наемную стражу и воинские караулы; во-вторых, усилить охрану ценностей в почтовых конторах и отделениях при перевозке почт; в-третьих, конспирировать транспортировку казенных денег, меняя маршруты и способы перевозки. В ответ на требуемые меры посыпались жалобные рапорты уездных начальников. Верхнеудинский уездный начальник сообщал, что казначейство во вверенном ему городе размещалось в нижнем этаже здания полицейского управления, соединяясь с ним телефоном и «*особым сигнализационным прибором*»[1], но охранялось собственными вооруженными чиновниками. Ночью кладовую сторожил постовой из местного гарнизона. В чрезвычайных случаях по тревоге вызывалась гарнизонная караульная команда, чины полицейского управления и расположенная в соседних зданиях пожарная команда, правда невооруженная. При доставке груза на вокзал полиция выделяла особые наряды. Ситуация в Верхнеудинске в этом смысле оценивалась как относительно благополучная, в отличие от Селенгинска и Баргузина, организация охраны казны и почты в которых находилась в плачевном состоянии. Почтовые конторы и казначейства там охранялись исключительно персоналом этих учреждений, а в случаях препровождения больших сумм охраной выступали не вооруженные огнестрельным оружием, как и почти вся полиции Забайкальской области, сотские и десятские. Оказать значимое сопротивление нападающим такая стража не могла. Более того, о сборе десятников и их целях заранее объявлялось крестьянскому обществу, расположенному по тракту, так что конспирацию транспортировки денег обеспечить не представлялось возможным.

В области также действовала отдельная горно-полицейская стража, сведения о которой на текущий момент отрывочны. Принципиально в горных округах задачами полицейской стражи определялись две основные: пресечение хищений и незаконной продажи золота и борьба с нелегальной продажей алкоголя [152, с. 23]. Основные их функции сводились в целом к тем же, что и в уездах, то есть к охране общественного порядка. Правда, горные округа имели и свой специфический профиль преступности: бродяжничество, попрошайничество, незаконное использование огнестрельного оружия, проституция, трудовые споры работников и частных владетельцев приисков, нелегальная добыча золота, споры между золотопромышленниками и т. д.

Таким образом, на протяжении последней трети XIX — начала XX в. система безопасности азиатских окраин Российской империи претерпела ряд преобразований как организационно-штатного, так и функционального характера. В значительной мере улучшилось материальное обеспечение и довольствие полицейских, но оно все еще оставалось недостаточным, особенно нижних чинов. Основные направления деятельности полиции охватывали административно-контролирующую, правоохранительную, хозяйственную, морально-этическую сферы. Несмотря на большую ориентированность на исполнение

[1] ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 63. Л. 34–35.

правительственных постановлений и проведение в жизнь политики государства, полиция осталась главным инструментом системы сохранения внутренней безопасности общества. Она лишь частично лишилась функций суда и предварительного следствия, были сужены хозяйственные и административные задачи, а появление специальных органов политического и уголовного сыска позволило частично ограничить и эти сферы наблюдения. Однако все это в большей степени могло быть реализовано только в крупных городах империи, а в средних, тем более окраинных, городах, таких как Верхнеудинск и Чита, весь набор функций почти в полном объеме сохранялся вплоть до распада империи. Уровень преступности в уездах и частично в городах фактически свидетельствует о потере контроля над криминалитетом. Меньше всего система обеспечения безопасности действовала в сельской местности — больше прочих именно окраины подвергались наплыву беглых каторжников, значительно снижавшему уровень безопасности. Пресечение свобод общества, расширение и без того почти безграничных прав и полномочий полиции, блокирование политических инструментов борьбы и низкий качественный кадровый состав сформировали стойкое негативное отношение общества к полиции и власти, проводником которой она являлась. В ходе февральской революции 1917 г. полиция, потеряв все остатки поддержки и доверия общества, была расформирована в первую очередь как одно из важнейших звеньев имперской системы — ее ключевая подпорка.

Надзорная деятельность полиции над проституцией в городах Забайкалья

Проституция как определенное социальное явление с древнейших времен выступала в мировой истории неотъемлемой частью повседневной жизни любого общества. В этом контексте достаточный интерес представляет собой деятельность полиции по контролю над сферой интимных услуг. Особенную актуальность проблема приобретает в разрезе рассмотрения продажи сексуальных услуг как закономерного результата развития социально-сервисной сферы городов [242, с. 38–39], на фоне интенсификации торгово-экономических связей и увеличения потоков миграции. Появление организованной проституции на окраинах империи совпало со становлением там сферы других услуг.

Существует и другой подход, более популярный, который определяет феномен широкого распространения проституции как закономерный этап изменения общественно-экономической формации [151, с. 46; 252, с. 54], следствием чего стала трансформация семейно-брачных отношений. Соглашаясь с указанными подходами, считаем важным внести еще одну деталь. Важнейшей социальной проблемой общества во все времена является одиночество. В демографическом отношении одиночество опасно не только сокращением численности работоспособного молодого поколения, но и усугублением проблем, связанных с уходом за нетрудоспособным, пожилым населением, особенно в традиционных обществах. В случае отсутствия семьи и детей уход за людьми,

потерявшими возможность самостоятельного обеспечения, в полной мере возлагается на государство. В истории России такая проблема крайне остро ощущалась в период заселения русскими бескрайних сибирских пространств. Вот челобитная забайкальских казаков XVII в., обращенная к государю: «*...а без женочек нам быти никак не мочно...*» [62, с. 27], наглядно характеризует женскую проблему в суровом мужском обществе сибирских военных. Архивные материалы свидетельствуют о том, что эта тема оставалась актуальной вплоть до начала XX в. Одиночество, невозможность удовлетворить рядовые физиологические потребности и завести семью — важный спектр проблем, которые в урезанном виде временно купировались с помощью коммерческой любви.

Рассматривая проституцию под разными углами зрения, исследователи редко обращают внимание на психофизиологические потребности человека, которые являются основой ее существования. Другое дело, что осознание этих потребностей проходит под воздействием ряда катализаторов, к числу которых относятся урбанизация, изменение окружения, повышение качества жизни и соответствующие им психологические изменения. Именно они запустили рынок удовольствий, начавший активное развитие во второй половине XIX в. Вообще отношение современников, в том числе исследователей, к данному феномену более чем противоречиво. Российская дореволюционная историография развивала данную тему в двух основных направлениях: с позиций исключительно медицинского факта, как медико-санитарную проблему, потенциально опасную в том виде, в котором она существовала [89, с. 26; 135, с. 5], и морально-этическую, трактующую проституцию как вредную в любом ее проявлении [112, с. 50]. Подход к рассмотрению проституции как занятия безнравственного, результата проявления развращенной натуры женщины (или мужчины) также достаточно популярен [78, с. 12–13].

Проституция в Российской империи фактически легализована в 1843 г., но ограничена жесткими нормативами и порядком. В течение второй половины XIX — начала XX в. законодательство в этой сфере неоднократно изменялось. Для продажи сексуальных услуг в городах империи распространялось несколько форм организации: дом терпимости (притон, бордель), оказание услуг на своей (съемной) квартире, проституция при общественных и увеселительных заведениях (бильярдные, пивные, трактиры и т. д.). Первая форма, наиболее удобная для полицейского надзора, была хорошо регламентирована. Заведением могла владеть только благонадежная женщина в зрелом возрасте, собравшая необходимый пакет документов. Согласно Положению о содержании публичных домов, она не только получала прибыль от бизнеса, но и следила за хозяйственным и санитарным порядком. На нее возлагалась ответственность за регулярность медицинского освидетельствования работниц, которое проводилось городскими врачами при содействии полиции. Несоблюдение правил и положений влекло за собой немедленное закрытие притона полицией. К слову, возрастной ценз нередко был серьезным препятствием, который систематически пытались обходить. В 1907 г. некая П. Д. Соколова воспользовалась паспортом своей горничной Е. И. Медведевой без ее согласия, получив на ее имя свидетельство на открытие в Верхнеудинске японского дома терпимости на

10 проституток. Другой пример: в 1909 г. читинский врачебно-полицейский комитет отклонил просьбу о переходе дома терпимости Е. С. Качиной «*со всею обстановкою*» к киренской мещанке С. Гардон, так как, по сведениям полиции, она являлась «*лицом подставным... находясь в услужении у Качиной*». Случалось, что «хозяйка», на чье имя выдано свидетельство, проживала вообще в другой губернии, а делами управлял компаньон, который, скорее всего, и был реальным владельцем заведения: из девяти читинских домов терпимости в 1908 г. [242, с. 40] таких значилось три.

Максимальные затруднения испытывала полиция при выявлении тайной проституции. Отслеживать «*одиночек*», нарушавших особый порядок своего ремесла, существенно сложнее, что в целом и явилось причиной легализации проституции. Несмотря на узость социального поля городов [242, с. 39], занятие тайной проституцией было вполне возможным, чему в немалой степени способствовали особенности службы полиции, функции и задачи которой превалировали над кадровыми резервами. Дополнительно всегда оставалось место для коррупционных схем. «Невидимость проституции» для властей и полиции была характерна и для империи в целом. В «*Очерке Забайкалья*» К. Н. Василисина утверждает, что в начале 1870-х гг. чистотой нравов уже и отдаленные регионы похвалиться не могли. Считаем необходимым привести пространную цитату из него: «*...хотя гласных проституток очень мало, но в городах почти вся женская прислуга промышляет развратом, скрываясь от наблюдения полиции и делаясь таким образом гораздо опаснее. Гибельнее всего действуют на нравы и поощряют развитие проституции золотые промыслы; в бойкое время, т. е. в сентябре и октябре, когда рабочие выходят с приисков, проституцией занимается все женское население сборных пунктов и деревень, лежащих на пути золотопромышленников: мужья сводничают жен, отцы дочерей, и трудно поверить, не видавши, до чего может дойти разврат в этих местах. Беспрестанно проходящие на Амур и с Амура солдатские партии также не мало способствуют порче нравов*» [46, с. 103].

Организационно надзором за проституцией в городах занимались врачебно-полицейские комитеты, состоявшие обычно из уездного (окружного) начальника, городского головы и врача[1]. Самые ранние известные нам упоминания о «*развратных женщинах*» в Забайкалье известны с 1866 г. в Верхнеудинске[2], когда еще не существовало отдельных притонов, но уже работали одиночные проститутки. Часто проституция существовала бок о бок с увеселительными и питейными заведениями, дополняя одно другим. С разрастанием питейных растет и доля интимных услуг. Сведения об организованной проституции появляются уже в делопроизводстве полиции в 1878–1879 гг. Часть девиц легкого поведения находились на легальном положении, что фиксируется в документах полиции, другие действовали в теневой зоне и сведения о них получить сложно. В 1878 г. в верхнеудинском борделе поселенческой жены Ходы Эйрогольской находилось 6 девиц возрастом от 16 до 22 лет[3], в 1911 г. зарегистрировано уже

[1] ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 5051. Л. 501.

[2] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2011. Л. 17об.

[3] ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 376. Л. 1–10.

три дома терпимости: Евдокии Денисовой, Ирины Ципкиной, Малки Молдовар. В 1907 г. в домах терпимости Верхнеудинска насчитывалось 58 девиц в возрасте от 18 до 36 лет, из них 9 были японками. Этим архивным сведениям отчасти противоречат воспоминания 1870–1880-х гг. М. В. Танского: «*... кабаки процветали, но повального, беспросветного пьянства все же не бывало — «гуляли» больше по праздникам. Существовала, вероятно, и проституция — это неизбежное пока зло для всякого времени и для всякого общественного строя, но только нелегализованная, без регистрации в полиции. Поэтому и института для девиц, где «не преподавались древние языки», также не существовало*» [296, с. 47]. Примиряет эти два источника тот факт, что проституция, несмотря на официальную легализацию, была не столь явна и открыта, как это может казаться на первый взгляд. Большинство населения, в том числе мужского, в условиях главенства христианской морали, воспринимало проституцию как нечто отвратительное и недопустимое, поэтому для обывателей она оставалась незаметной. Официальные данные переписи населения в 1897 г. сообщают, что в Забайкалье насчитывались всего 21 женщина и 1 мужчина, занимавшиеся проституцией (в Чите — 12, в Троицкосавске — 2, в Верхнеудинске — 8) [242, с. 40]. Нельзя назвать эти данные исчерпывающими или хотя бы иллюстрирующими реальную картину. Например, тремя годами ранее (1894 г.) в полицейских документах только Троицкосавска насчитывались 16 проституток, в Нерчинске — 3, а в Нерчинском округе еще 10[1]. Годом ранее (1893 г.) в г. Троицкосавске насчитывалось до 27 одиночек, и еще 2 — в доме терпимости японской подданной Мелки-Секи. И это только часть зафиксированных данных. По данным Т. В. Паликовой, в Забайкалье активно сервисная сфера продажи интима развивалась в Чите и Верхнеудинске. На два города в среднем в 1908–1910 гг. приходилось порядка десяти заведений с общим контингентом от 100 до 160 проституток [242, с. 42], из которых 10–20 % в разное время составляли иностранки (в основном японки). Рынок интимных услуг увеличивался одновременно с ростом экономики в целом. Это хорошо иллюстрируется на примерах перспективных населенных пунктов, небольших, но заметно разраставшихся в начале XX в., таких как станица Сретенская. В 1913 г. там фиксируется 7 публичных домов с общей численностью 64 проститутки, которые, как указывается в документах, посещаемы чаще нижними чинами местного гарнизона.

Дома терпимости на окраинах фактически не существовали на постоянной основе, продействовав в течение года-двух, они закрывались. Причина заключалась в нарушении правил их содержания. Например, в 1908 г. помощник уездного начальника и 10 городовых осмотрели один из самых скандальных публичных домов Верхнеудинска [69, с. 138] и выявили проблемы санитарного плана: сырость, грязь, мусор, масса пустых бутылок под кроватями проституток, которые спали в это время по 2–3 на одной кровати. Нередко во время обыска обнаруживались несанкционированные винные склады.

Публичные дома были притяжением разного рода правонарушений. Систематически на их территории или поблизости происходили драки, разбои, убийства. Контроль надзирателей вплоть до первых происшествий, жалоб или

[1] ГАЗК. Ф. 1 (вр). Оп. 2. Д. 214. Л. 3–16.

масштабных проверок был скорее формальным. В целом проверка полиции касалась не только осмотра помещения дома терпимости и его санитарной пригодности, проверялись также документы, домовая книга и медицинские билеты, соответствие количества и возраста работниц разрешенным полицией. Нередко проверка выявляла подделку документов, которая производилась кустарным способом, весьма грубо. Не брезговали такими действиями и служители полиции — одной из девиц документ с подделанным возрастом выдал полицейский надзиратель, либо не проверив достоверность данных, либо получив взятку. Но и для оправдания у полиции было достаточно аргументов. При одновременном закрытии в 1911 г. двух домов терпимости ответственность за недосмотр заведений была возложена на полицейского надзирателя Токарева, который оправдывался длительным отсутствием из-за командировок. Циркуляром министра внутренних дел[1] местным властям поручалось лучше наблюдать за больными, поступавшими с венерическими заболеваниями. А полиции важно было получить показания, выяснить, от кого они могли заразиться, устанавливать «*порочных женщин*», занимавшихся тайной или явной проституцией. Такие строгие полицейские меры позволяли сдерживать эпидемию венерических заболеваний.

Отдельный интерес в контексте проблемы представляет обсуждение русскими чиновниками в 1862–1866 гг. солидного геополитического проекта и решение о целесообразности покупки более чем 500 китайских женщин «*частным образом*»[2] для размещения их в Амурском крае и выдачи замуж за одиноких ссыльных русских мужчин и жителей китайского происхождения, оказавшихся в Сибири. И хотя этот вопрос не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблеме, сама его постановка несколько расширяет наши представления о власти и взгляде на социальные проблемы того времени.

Впервые эта мысль появилась в путевой канцелярии ГУВС и объяснялась недостатком как публичных, так и вообще женщин в Амурско-Уссурийском крае. По примеру Калифорнии, которую в первое время заселяли преимущественно золотоискатели, молодые и холостые мужчины, Азиатскую Россию заселяли ссыльные, как правило, одинокие мужчины. Для калифорнийских публичных домов китаянки поставлялись большей частью торговыми капиталами из китайских приморских городов с согласия самих переселяемых женщин. Этому примеру предлагалось последовать и при заселении Амурского региона, правда с оговорками на исключительно частные договоренности с китайской стороной, без официальных соглашений.

Основной контингент Восточной Сибири и Дальнего Востока, нуждающийся в женском внимании, представлен военными. За их передвижением пристально следили предприимчивые владельцы борделей и специально располагали свои заведения максимально близко к воинским казармам. Второй большой группой были ссыльные, которые получили возможность поселиться на новых территориях и обзавестись своим хозяйством. Ведение в то время собственного хозяйства без женщины фактически не представлялось

[1] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2011. Л. 1.

[2] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 160. Л. 1–20.

возможным. Военный губернатор Приморской области в 1864 г. сообщал[1], что отсутствие женщин и их крайняя важность для крестьянского хозяйства так чувствительны, что многие крестьяне просят разрешения жениться даже на тех женщинах, которые в силу возраста уже не могут стать матерями.

В результате сложившихся обстоятельств запрашивается мнение русской дипломатической миссии в Пекине, которая, в целом одобрив идею покупки китайских женщин, сообщила об опасности влияния Китая на территории их будущего расселения через своих подданных. Примерами служили заселенные территории Америки, Австралии и Сингапура, в которых уже отмечались некоторые столкновения переселенных китайцев с местным населением (в основном в экономической сфере), вызванные большой предпринимательской активностью китайцев. Эти предложения вселили крайнее беспокойство в военного губернатора Приморской области: «*Если посреди такого энергического населения как англосаксонская раса, китайский элемент становится опасным и стесняет деятельность народа, то что ожидать при нашем рассеянном населении, стоящем на низкой ступени образования, а главное — при близком соседстве самого Китая?*».

Проблема одиночества осознавалась русской бюрократией как вполне утилитарная: «*Даже ссыльнопоселенные уже в деревнях и занимающиеся хозяйством постоянно жалуются, что недостаток в доме хозяйки мешает им заняться полевыми работами, что некому приготовить им пищи, некому присмотреть за домашним скотом, птицей и проч. Этот недостаток в женщинах для русского населения так чувствителен даже между крестьянами, что многие из них просят разрешить жениться на таких ссыльных женщинах, которые по возрасту не могут быть матерями*». Военный губернатор Приморской области в 1864 г. оценивал численность холостых ссыльных, приписанных к поселениям и остро нуждающихся в обзаведении семьей, в 600 человек. Это вынуждало прибегать к нестандартным формам организации жизни, например, к фактическому сожительству двух мужчин с одной женщиной. На деле же, предполагаем, речь шла о том, что одна женщина следила за хозяйством двух домов. Но такие примеры исключительно возбуждали фантазию блюстителей нравов.

Серьезность проблемы, по словам генерал-губернатора, «*заслуживает полного внимания и скорой помощи потому, что недостаток женщин и подобное положение новых поселенцев имеет пагубное влияние не только на нравственность населения, но и на экономический быт; особенно пагубные последствия могут оказаться в непродолжительном будущем, когда эта масса поселенцев бессемейных одряхлеет, потеряет силы трудиться, не имея дома, семейства, детей, которые могли бы в старости служить опорою и в то же время служить побуждением стремиться к благосостоянию, вся эта масса бессемейных потребует общественного призрения и все расходы и пожертвования правительства к усилению населения в Приморской области пропадут даром*»[2].

Часть участников дискуссии предлагали отказаться от опасной в

[1] ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 160. Л. 10–12.

[2] Там же.

политическом плане затеи покупки китайских женщин и остановиться на высылке проституток из западных регионов России. Но, как выразился один из оппонентов, «*по столбовой дороге трава не растет*», и женщины с «заниженной социальной ответственностью», пробывшие в профессии некоторое время, не способны стать полноценными спутницами ссыльнопоселенцам, а «*те же из них, которые согласились бы на подобную эмиграцию, вероятно, так пропитаны венерою, так истерты, что они даже не в состоянии долго исполнять второстепенное значение женщины*». В конечном итоге решено было перенаправлять ссыльных поселенок, преступниц, стремящихся к переселению, а также сирот, вдов и воспитанниц детских приютов из Западной и Восточной Сибири в Приморскую область. Первым «взносом» в большое дело стали 29 ожидающих распределения ссыльных женщин, находившихся в г. Иркутске.

Не только Дальний Восток ощущал остроту проблемы. Специфичной являлась ситуация на территории КВЖД, где основной массой населения были военные, инженеры и рабочие — преимущественно молодые и среднего возраста мужчины. Очевидная для всех потребность в общении с женщинами притягивала значительное число сутенеров и проституток-одиночек, у которых часто находились высокие покровители. Пособничество организованной и тайной проституции являлось нередким обвинением и в адрес высших чинов полиции. Согласно представлению начальника сыскного отделения Харбинской полиции от 27 сентября 1906 г. фон Циглера[1], местная полиция покровительствовала, естественно за взятки, «*котам*» (сутенерам) и покрывала существование тайных притонов и игорных домов. За местной полицией настолько закрепился имидж пособников теневого бизнеса развлечений, что бывший начальник сыскного отделения Харбинской полиции штабс-капитан Иван фон Кюгельген, переведенный помощником одесского полицмейстера по сыскной части[2], обвинялся местными журналистами в вымогательстве у содержателей одесских притонов ежегодной взятки в размере 86 тыс. руб. с припоминанием им всех прочих грехов.

Крайне интересен в этом смысле случай выписки инженерами КВЖД в 1901 г. проституток через посредничество харбинского полицмейстера. Некий мещанин П. Беляев получил от полиции удостоверение на «*беспрепятственный провоз из г. Иркутска до г. Харбина*» 15 проституток[3]. Означенный мещанин обходил дома терпимости и, «*убеждая невероятными по выгодности обещаниями*», склонял женщин к поездке, вследствие чего и задержан. Военный губернатор Забайкальской области счел, что, выдав подобный документ, харбинский полицмейстер, мягко говоря, превысил свои полномочия.

Внимание организаторов рынка удовольствий привлекали не только территории КВЖД. Они стремились освоить новые регионы, проникая в иноэтническую среду, где подданные Российской империи сами становились экзотическим товаром или востребовались русским населением. Четвертый политический отдел МИД Российской империи неоднократно высылал лиц,

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 252. Л. 2–5.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 290. Л. 73.

[3] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4046. Л. 2, 6–6 об.

уличенных в занятии проституцией, не только на территории КВЖД, но и в самом Пекине. Так, сообщением от 8 августа 1914 г. из пределов Китая в распоряжение пограничных русских властей депортированы крестьянки Енисейской и Минской губерний и мещанки городов Нерчинска и Оренбурга[1], а сообщением от 22 февраля 1916 г. — крестьянки Томской и Уфимской губерний, мещанки г. Барнаула и их сутенер мещанин г. Одессы еврейского происхождения[2]. Такие сообщения фиксировались стабильно несколько раз в год.

Безусловно, легализация проституции в Российской империи позволила установить контроль за большей частью сферы интимного бизнеса, но продолжала сохраняться и теневая его часть, нередко покрываемая статусными людьми из управленческого аппарата. Вопрос одиночества и крайней недостаточности женщин в Восточной Сибири и еще более на Дальнем Востоке вынуждал русскую администрацию находить оригинальные способы его решения. Нельзя назвать проект покупки китайских женщин только циничным расчетом, это отражение глубокой социальной проблемы, решение которой на тот момент не находилось. Все участники дискуссии сознавали, что проституция эту нужду удовлетворить в полной мере не может, но будет некой смягчающей мерой. В то же время угроза усиления геополитического влияния крепкого и энергичного соседа — Китая на восток империи стала главным аргументом против. Проституция как явная, так и теневая, продолжала играть важную социальную роль в регионах с превалированием мужского населения на протяжении XIX и начала XX в.

Злоупотребления чинов системы безопасности

Коррупционная составляющая в деятельности служб охраны безопасности в историографии стала темой многих исследований. На текущем этапе злоупотребление полицейских чинов царской России своими полномочиями считается априори доказанным явлением. Ранее мы уже говорили об этом применительно к периоду до середины XIX в. Основными источниками описания злоупотреблений периода второй половины XIX и начала XX в. являются две главных категории документов: воспоминания современников и делопроизводственные и следственные материалы.

Отдаленность окраин от центров власти, как мы уже подчеркивали, наложила особый отпечаток на внутренние, в том числе и коррупционные, взаимодействия общества и должностных лиц. Не случайно посетивший Забайкалье военный А. В. Глинский писал об одном из городов, указывая то ли на определенную дикость местности, то ли на обычность нравов местного и даже городского населения «*...это такой город, что, говорят, медведи подавали прошение о зачислении их в баргузинские мещане*» [227, с. 573]. Он же с саркастическим юмором писал о севере Восточной Сибири как месте, где «*сальные свечи подают как редкое кушанье в виде десерта...*» [227, с. 575]. Конечно, такой

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 5. Ч. 49. Л. 5.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 74. Д. 6. Ч. 4. Л. 1.

взгляд европейского русского на дальний край родины больше напоминает описание «английским джентльменом» посещенных им индийских колоний, с теми же нотами надменности и брезгливости. И хотя сальные свечи в этом далеком крае никто в добром здравии не употреблял, специфичность нравов на рассматриваемой нами окраине трудно отрицать.

Анализируя воспоминания современников как источник для описания коррупции, отметим отличительную черту этой группы материалов — крайнюю пристрастность. И хотя это не снижает ценность источника самого по себе и не означает, что он недостоверен, нужно, однако, иметь в виду, что некоторые их описания гиперболизированы. Центральной темой воспоминаний о полиции является проблема коррупции и низкой квалификации. Начнем с наименее, как нам кажется, ангажированных примеров. Означенный выше начальник верхнеудинской местной команды А. В. Глинский, привлеченный в 1881 г. к поимке бежавших из г. Баргузина политических ссыльных, в числе которых была и Е. К. Брешко-Брешковская, вспоминал: «*...город Баргузин жалок во всех отношениях, пятьсот человек жителей, считая в том числе и административно-ссыльных; местные жители главным образом занимаются засолкой омуля и отправлением его во все места Восточной Сибири; ловля этой рыбы определена законом в известное время, разрешение же исправником в неуказанное время составляло изрядный доход полиции, так что назначение на место баргрузинского исправника оплачивалось очень крупной взяткой в Чите; я застал исправником старого Языкова; очень ловкого полицейского чиновника, имевшего большую силу в Чите...*» [227, с. 572]. Любопытно двуличие в воспоминаниях Глинского, так как в рапорте [206] о проведенной операции он описал Языкова как энергичного, самоотверженного и заслуживающего похвалы. Не исключаем, что хоть этот рапорт и секретный, но уверенность Глинского в связях исправника с читинскими должностными лицами подвигла его на положительный отзыв. Представить приблизительные доходы от неофициальной деятельности наиболее зарвавшихся высших полицейских чинов в регионах позволяет обзор Иркутского губернского жандармского управления по Верхоленскому округу за 1886 г.: «*Верхоленский окружный исправник Киселев, получая содержание от казны вместе с квартирными 1650 руб. в год, пользуется кроме того содержанием от 3 волостей его округа по 600 руб. в год, всего 1800 руб., от 3 родовых управ и дум с одной 600, с другой 500, с третьей 400 руб. — всего 1500 руб., от винокуренных заводов: Домбровского — 1000 руб., Голдобиной — 1000 руб., с винных складов: Нечаева — 300 руб., Николаева — 300 руб., Харакова — 200 руб., от 3 складов с. Знаменского — 450 руб. и других мелких — 500 руб., всего 8750 руб. Все это составляет определенное и неизменяющееся содержание исправника и выплачивается ему аккуратно помесячно. Случайные же его доходы составляют: ревизия сельских хлебных магазинов, дающая ему довольно солидную сумму, требование поправки дорог в самое рабочее для крестьян время. Приход в Верхоленск паузков с товарами и беспаспортными людьми, пропуск и отправка их в Витим, получение натурой водки не менее 5 ведер с каждого склада по несколько раз в год; и получение безвозмездно различных жизненных продуктов. Все содержание его деньгами и натурою заключается от 10 до 12 тысяч в год*» [227, с. 578]. Это лишь один,

хотя и вопиющий пример среди потерявших связь с реальностью полицейских Восточной Сибири.

Размах коррупции в среде полицейских чинов оценить очень сложно, фактически нормой считался приход полицейского в купеческую лавку под предлогом празднования «*дня ангела*», в честь чего купец одаривал храброго блюстителя благочиния. И, как писали современники, некоторые особо ретивые служители отмечали такой день не единожды в течение года. Обижать купцов полицейские в основном не стремились, наоборот, выгоднее сохранять с ними теплые отношения, а вот по отношению к бедным представителям мещан, крестьян или инородцев они не стеснялись прикладываться руками и соответствующей лексикой. В материалах делопроизводства отмечаются многочисленные нарушения: как мещан безосновательно задерживали не вполне трезвые городовые, били и по-разному безобразничали. А битье от высшего начальника вовсе не считалось чем-то заслуживавшим осуждения, ведь «*бьет по-отечески*». Такие случаи расследовали, но сатисфакции устраивались не часто. Отсутствие полномочного самоуправления, способного заступиться за обиженных, оставляло широкие возможности для злоупотреблений.

Полицейские в редких случаях могли дотянуться до высших слоев общества — дворянства, для любых манипуляций по отношению к которому требовалось разрешение губернского начальства, или военных, сообщения о мелких правонарушениях которых передавались командирам и православному духовенству. В отличие от последнего, духовенство буддистское, по свидетельствам В. В. Птицына [294, с. 3–4], находилось в полной зависимости от земской полиции. И так как полиция в целом не была примером нравственных качеств, она под предлогом усмотрения мелких нарушений получала от дацанов взятки. «Подношения» производились нестандартно, через дарение бронзовых статуэток бурханов (буддийских богов) с вложенными в них снизу кредитными билетами. Другой интересный вариант, изобретение которого Птицын приписывает некоему селенгинскому исправнику. Периодически объезжая дацаны своего округа, он имел обыкновение наведываться к настоятелям и сообщать о якобы потерянной сумме денег (например, 200 руб., немалая по тем временам). Настоятель немедленно отправлял на поиски одного из лам и, как едко подмечает Птицын, «*неудач в поисках* [потери] *никогда не бывало*». Что говорить о исправниках, если неназванный губернатор Забайкальской области при посещении дацана на р. Чикой просто и неприметно забрал из главного храма золотого бурхана «*на рассмотрение*» и ожидаемо забыл вернуть.

Иллюстрирует отношение рядовых чинов полиции к дацанам записанный разговор с одним из безымянных мелких чинов окружного полицейского управления в должности помощника столоначальника. Он живо интересовался слухами о якобы упразднении должности хамбо-ламы и нескольких дацанов. По его словам, округ, в котором он проживал, крайне скудный, предприятий почти нет, «*один Голдобин..., что же это на всех-то! Что и говорить: одними дацанами только и живем*». Кроме официальных дацанов доход земской полиции приносили так называемые заштатные (нелегальные) ламы, «невидимость» свою для полицейского делопроизводства они оплачивали специально.

Не отставали от чинов общей полиции и чины жандармерии, хотя, надо признать, они куда как реже фигурируют в коррупционных делах. Показательную историю приводит А. А. Иванов про унтер-офицера В. С. Коваленко в мае 1901 г.: «*прибыв по делам службы в Карагунский улус Балаганского уезда, потребовал, чтобы сельский староста В. Борисов и другие инородцы уплатили ему по 1 рублю за участие в лотерее, разыгрываемой в его, Коваленко, пользу, что указанные инородцы из страха притеснений и исполнили. Затем, проходя с тем же старостой по улице улуса и заметив на общественном магазине неисправный замок, стал кричать на старосту и грозить... и требовать в свою пользу 20 рублей, чтобы скрыть неисправность этого замка. Староста Борисов и дал эти 20 рублей*» [184, с. 220]. Помянутый Коваленко в результате разбора этого дела был лишен воинского звания и отдан под суд Сибирского военно-окружного суда.

Чины системы безопасности отмечались не исключительно лишь в коррупционных делах. Есть свидетельства разного рода ущемлений и обид рядовым обывателям и лицам, находящимся на службе. Например, в своей жалобе (1897 г.) в Верхнеудинскую городскую управу врач П. Пекурь [325, с. 159] сообщал, что имеет опасение за свое здоровье, так как получил предостережение от судебного следователя А. И. Иванова, что помощник начальника Верхнеудинского округа Попрядухин (рис. 17, портрет 8) собирается его избить. Пекурь, кроме того, жаловался на систематическое привлечение его тем же господином к вскрытиям и составлениям протоколов по полицейским и следственным делам в обход имевшегося для этих задач городового врача. Военный губернатор, игнорируя сведения об угрозах должностного лица, выдал резолюцию только в исключительных случаях привлекать Пекуря к судебно-медицинским экспертизам.

Нередко в воспоминаниях сообщается о чрезвычайной наглости полицейских чинов, беспринципности и неуважении человеческого достоинства. И если таких примеров описано, в том числе и в настоящей работе, немало, хотелось бы привести, как ни странно, противоположный пример, характеризующий этику того времени, в том числе по отношению к государственным преступникам, далеко не в целях оправдать, а скорее указать на сложность и разнообразие картины. Воинская команда, которая отправилась для розыска бежавших политических и Е. К. Брешко-Брешковской, после задержания беглых срочно обыскала и отняла все оружие, кроме самой Брешковской, «*которая для обыска требовала женщину... когда привезли бежавших в Баргузин, то акушерка вынула из-под грудей револьвер, бумаги и две пачки патронов*» [227, с. 574–575]. Вооруженная стража все это время везла беглую преступницу с подозрением наличия у нее оружия, но не смела к ней прикоснуться. Этика действительно обескураживающая, особенно в сравнении с раннесоветским периодом и уже новым отношением как к политическим в целом, так и к женщинам в частности. И несмотря на побег, впоследствии Брешковской и Шамарину, между которыми были действительно теплые отношения, разрешено вместе отбывать ссылку в Селенгинске только лишь на основе их прошений. Само отношение человека в то время, особенно образованного, к притеснениям и репрессиям показательно, ведь нередко сводилось к объявлению таковыми: «... *носить*

одежду каторжан, брить ли им головы; проводились ли у них личные обыски и просматривались ли их вещи...» [192]. Какие-либо значительные нарушения прав человека считались чем-то из ряда вон выходящим. Воспоминания ссыльных о некоторых высших чинах полиции и местной власти хоть и пестрели негативными характеристиками, но это было скорее из-за протеста, нежели объективно. Полицейские чины часто закрывали глаза на запрещенную деятельность в среде ссыльных. Например, закон запрещал им учительствовать, заниматься репетиторством на дому и даже исполнять должности писарей. И хотя здесь можно опять же найти следы взяточничества, не исключено и вполне бескорыстное поведение отдельных представителей власти, ведь содержание политических ссыльных было небольшим, а подработать в маленьких городках было сложно. И тем не менее это тоже было своего рода ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Отбор в полицию в целом тщательностью не отличался. Полицейские ряды пополняли лица, имевшие склонность к преступному поведению. Причем чаще всего преступления представителей полиции носили общеуголовный характер, нежели должностной. Только за 1907 г. в Забайкалье за совершение всевозможных преступлений возбуждено 33 уголовных дела против классных чинов полиции. В сумме под подозрения попали 7 нижних чинов городских и 22 представителя земских полиций. В итоге суду предано 7 чинов областной, 3 нижних чина городской и 16 — земской полиций [340, с. 221]. Проверка рядов классных чинов несистематически, но проводилась, и чаще в составе комплексной ревизии региона или ведомства. Фактически это была единственная мера, которая обеспечивала ротацию кадров и удаление наиболее зарвавшихся из них. Закономерно, что чем более вороватыми и коррумпированными на деле оказывались чиновники, тем громче они заявляли о своей лояльности имперской вертикали власти.

М. В. Танский вспоминал: «*Время от времени город посещали сановные особы: генерал-губернатор, или губернатор, или архиерей. В первых случаях приходили в «священный трепет» власти гражданские и военные, а в последнем — духовенство. Чиновники извлекали из шкафов пропахшие нафталином мундиры, трехуголки, шпаги, чтобы явиться в назначенный день и час на «представление» к его высоко- или просто превосходительству, военные готовились к смотру и параду, духовенство — к торжественным архиерейским службам*» [296, с. 50]. Кроме официальных церемоний чины безопасности обязаны были демонстрировать приверженность государственной идеологии — православию, они «*обязаны были говеть ежегодно и если кто этого не делал, на того косились, хотя и без каких-либо реальных последствий. Более строго требовали от чиновников посещения «молебнов» в царские дни (тезименитство, рождение царя, царицы и проч.) во всем параде: в мундирах, при шпагах, в регалиях*» [296, с. 57]. Тем самым чиновники демонстрировали власти полное соответствие ее требованиям и усердие в службе, все проблемы списывая на дикость, необразованность и непослушность общества, которым можно управлять только суровыми, отеческими методами. Последнему при том демонстрировалась иная, оборотная сторона — полное несоответствие высоких слов и христианской морали

с реальной деятельностью и обликом полиции. Граждане в отношениях между властью и полицией мало сопротивлялись всем злоупотреблениям, творимым чинами системы безопасности, из чего власть делала устойчивый вывод, что «*общество молчит, ибо благоденствует*». На самом деле рядовой обыватель хорошо понимал и в определенном роде принимал совершаемое вокруг за норму. Он привык адаптироваться и не концентрировать внимание на том, что происходило вокруг, тем более не имея возможности на это повлиять.

О соблюдении христианских норм в поведении чиновников, в том числе силового блока, свидетельствует еще одна история. Служивший примерно в тот же период времени судебным следователем некий Липский, «*который самолично, вероятно не иначе как под винными парами, ловил и купал "жиденят" в луже, по его заявлению — крестил...*» [296, с. 25]. Безусловно, сам автор воспоминаний воспринимал эти истории как полуанекдотические, тем ярче они иллюстрируют нравы, как он выражался, «*дикого времени*». Несмотря на схожесть с гоголевскими историями, они целиком укладываются в представления времени и ситуативные контуры, описываемые более строгими источниками. Усложнения процессов общественной жизни без изменения политической и институциональной конструкции закономерно приводили к тому, что управленческий класс, снабженный всеми мыслимыми правами, лишенный любого контроля, кроме внутриэлитного, злоупотреблял ими. Широкая часть обывательского общества выработала «иммунитет» в виде полного безразличия к происходящему, позволявший относительно легко смиряться с любой приходящей властью. Другая часть, не мирясь с таким положением, боролась с властью безжалостными методами террора, окончательно потеряв границы в бытовом и христианском их понимании.

Становление системы обеспечения общественного порядка после февральской революции 1917 г.

Стремительная трансформация основ государственности России, вызванная февральской революцией 1917 г., затронула все стороны управления. Формирование новой системы способствовало пересмотру всего арсенала правоохранительных средств и методов. На фоне этого пересмотра переоценивались структура и функции общественной безопасности.

Важное значение в становлении хотя бы и временной, но все же действовавшей некоторое время системы общественной безопасности имели совершенно разные в политическом отношении единицы: Советы[1], комитеты общественной безопасности (КОБы)[2], общественные организации, земства, регулярные военные подразделения и органы городского самоуправления. Именно они

[1] Советы — коллегиальные представительные органы молодой Советской власти в регионах.

[2] Комитеты общественной безопасности — коллегиальные выборные, представительные органы, занимавшиеся демонтажем прежних имперских элементов управления, в том числе полиции, и одновременно на местах решавшие ключевые проблемы обеспечения безопасности.

в большей степени приняли участие в формировании правоохранительной системы после революции [129, с. 5; 201, с. 127].

В разгар февральских событий трансформация режима была ожидаема, но окончательные новости о революции и отречении императора не сразу достигли окраин. Сведения распространялись по тем временам молниеносно, но в обществе множились самые разные слухи и домыслы. Они достигли апогея в конце февраля — начале марта 1917 г., когда нервозность дошла до высшей точки и в силовых службах. Полицейские приставы начали «бомбардировать» губернаторов и областные правления телеграммами с прошениями «*дать знать, остановлена ли уездная полиции служба*»[1]. Тревожность официальных лиц полиции подогревали то тут, то там появлявшееся представители разных партий и движений с требованием немедленно сдать полицейские дела. Не получая официальных распоряжений, приставы с трудом удерживали территорию от полномасштабного хаоса.

Всеобщее ликование от падения самодержавия создало благоприятные условия для привлечения широких масс к решению текущих вопросов, к чему они так стремились, в том числе и вопросов общественной безопасности. «*Энтузиазм неописанный ...на улицах группы горячо обсуждающих события, поздравляющих друг друга, крепко, радостно пожимающих руки друг другу*», «*...ходили по городу толпы народа, по-праздничному одетые, по-новому весело возбуждённые, обсуждали новое положение, вкладывая в него такое содержание, которое бы больше всего отвечало желаниям, давнишним мечтам*» [83, с. 87]. Вместе с тем некая тревога о будущем в условиях стремительно менявшегося настоящего уже ощущалась в обществе. Возможно, именно эта тревога и растерянность способствовала такой мирной и относительно спокойной передаче власти большинства силовых учреждений в Сибири в новые руки. Никто из прежних всемогущих полицейских чинов не оказывал сопротивления в передаче полномочий, получив официальные сообщения от комиссаров Временного правительства. Долгожданной властью воспользоваться не удалось, как это виделось в светских салонах до революции.

Прежде указа об остановке деятельности силовых органов отстранены были от своих должностей губернаторы, вместо них назначались губернские комиссары Временного правительства. То же произошло с уездными начальниками, которые заменялись уездными комиссарами, укомплектованными из городских голов и городских старост. В регионах, где не были введены земства, в Сибири и на Дальнем Востоке вступали в эту должность представители губернских или областных общественных организаций. Любопытным исключением в Восточной Сибири стал Нерчинско-Заводской уезд, где в отсутствии самоуправления все функции уездного комиссарства переданы избранному КОБом ответственному лицу. Исключение было продиктовано в целом особенностями указанного уезда, который представлял собой бывшие кабинетные земли, а вдобавок территорию самой знаменитой в России каторги.

10 марта 1917 г. Временным правительством упразднен Департамент полиции. Вместо него в составе МВД учреждено Временное управление по

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5346. Л. 1–3.

делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, в дальнейшем переименованное в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, в свою очередь ликвидированное октябрьской революцией. В задачи управления входили организация деятельности центральных и местных органов милиции и контроль за их деятельностью, а также разрешение въездов — выездов за границу, надзор за военнопленными и иностранными подданными. Реформирование полиции поручалось органам местного самоуправления.

Первой и главной задачей новых органов власти было полное переустройство системы внутренней безопасности через ликвидацию прежней полицейской системы. К 20-м числам марта в крупных городах Забайкалья образованы временные КОБы во главе с уездными комиссарами. Они создавались не только в городах, но даже в казачьих станицах [48, с. 112]. Созданные органы почти сразу потребовали от полиции передачи ее делопроизводства и имущества[1], к чему уездные начальники не рисковали приступить без резолюции военного губернатора, хотя и сознавали необходимость. Полицейские просили начальство уволить их от службы и начали подавать ходатайства о выдаче им содержания, а другие — о назначении пенсии по состоянию здоровья. И те, и другие ходатайства приостанавливались. Областной комитет требовал учреждения милиции в городах и уездах, но комитеты управления сообщили о неимении денег на местах и о необходимости выделения областных ресурсов. Созданная милиция частично содержалась на остатки средств от царской полиции и добровольные пожертвования, милиционеры в дальнейшем отказывались от неоплачиваемой работы. В апреле 1917 г. началось серьезное обсуждение и подача проектов будущей регулярной милиции, штатов и объемов средств на ее содержание.

На фоне всеобщей ненависти к полиции ее демонтаж сопровождался системным обустройством правоохранительной службы нового типа. В большинстве случаев прежние силовые учреждения в Сибири слагали с себя полномочия вполне мирно. Несмотря на стихийность своего появления в течение марта 1917 г., сотрудники КОБов понимали важность сохранения демократических процедур, в том числе всеобщего, прямого и тайного избирательного права. Предполагалось, что правом выбора будет пользоваться все население, достигшее 18 лет, без различия пола и национальности — невероятное достижение по тем временам. Осознавая шаткость собственного положения, КОБы в ряде регионов добавляли к своему названию «*временный*». Приняв на себя обеспечение безопасности в уездах и волостях, учреждения постепенно формировали привычную вертикальную систему от самой высокой: областной КОБ — уездные КОБы — волостные/станичные КОБы — сельские КОБы. Почти сразу и в ультимативной форме, особенно в уездах, они требовали от местных полицейских полной передачи делопроизводства и всего наличного имущества. В Сибири широко развернулось сотрудничество Советов и КОБов в деле организации общественной безопасности. Причиной такого сотрудничества были не столь острые политические противоречия внутри общества в первые

[1] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 5346. Л. 4, 16–17.

месяцы после свержения самодержавия: и те, и другие были настроены резко против Романовской династии.

Органы внутренней безопасности на первых этапах разнились в зависимости от региона. Это могли быть Советы, авторитетные военные, поддержанные местными органами самоуправления, отдельно избранные комиссии или комитеты и т. д. Все они в той или иной степени искали варианты решения насущных проблем. Так, в г. Чите в системе КОБа выделена специальная комиссия[1]. На своих заседаниях эта комиссия констатировала, что оклады полицейских служащих крайне малы: младшие городовые получали 30 руб., а старшие — 40 руб. месячного содержания, на что невозможно жить, не прибегая к «*греховным*» доходам. Комиссия пришла к выводу, что оплату нужно удвоить — до 60 и 75 руб. в месяц соответственно. Также обсуждались оклады и других чинов полиции, но средств на все это не было.

Само слово «*полиция*» не могло адекватно восприниматься населением. Быстро нашли замену — *милиция*. Этот термин в прежние эпохи обозначал земское войско или народное ополчение и менял значение правоохранения в сторону защиты общества, что целиком укладывалось в новую дискуссию о его безопасности. КОБы изначально взяли на себя функции, в первую очередь, обсуждения, организации новой «*народной милиции*» и распоряжения имуществом прежней полиции, но ситуация в целом в России и в Сибири в частности не была однородной. Реализован был ранее только обсуждаемый проект организации отдельной Верхнеудинской городской милиции. В целом схема поддержания порядка в послереволюционном городе осталась прежней. Город делился на четыре участка[2], возглавляемых надзирателями под руководством начальника. Назначенные в милицию люди по большей части оказались неопытны и редко в полном объеме получали жалование. На первых порах новая система унаследовала функции царской полиции в усеченном виде.

Штат общественного порядка столицы Забайкалья определялся начальником и тремя помощниками, туда же должны были войти 18 старших и 70 младших милиционеров. Новая смета предполагала увеличение расходов почти в два раза — до 117 000 руб., но, учитывая условия времени, средства на эти цели изыскать было сложно. Большую часть содержания продолжало ассигновать МВД, наблюдалось как секвестрование запрашиваемых сумм, так и их значительная задержка. Было высказано предложение об использовании средств, ранее выделяемых на содержание жандармского отделения. Поскольку инициатива организации общественной безопасности шла снизу, то она и оказалась за рамками преобразовательной деятельности комитетов. Читинский КОБ — яркий пример достаточно неожиданного решения вопроса о подчиненности охраны общественного порядка: на совместном заседании с Советом рабочих и солдатских депутатов милиция передается в прямое ведение городского самоуправления. Таким образом, послереволюционное общество вернулось к первоначальным идеалам петровских магистратов, органов самоуправления, которым по изначальной задумке должны подчиняться местные представители полиции.

[1] Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности [Чита]. 1917. № 5. С. 2.

[2] ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 5346. Л. 167.

Инициатива создания народной милиции, как уже говорилось выше, принадлежала разным учреждениям, но чаще Советам. В таких городах, как Омск или Верхнеудинск, она находилась в руках Совета рабочих и солдатских депутатов и подчинялась исполкому Совета, однако такие вопросы, как комплектование оружием или кадрами, решались совместно с КОБом. В Томске эта инициатива принадлежала Совету солдатских депутатов и гарнизонному Совету. В меньших городах, таких как Черемхово, проблему организации милиции взял на себя Совет рабочих депутатов, совершенно иначе подошедший к проблеме. Им удалось набрать порядка сотни добровольцев для урегулирования вопросов безопасности в уезде, но через некоторое время черемховские добровольцы заменены на вольнонаемных инвалидов и раненых военных, т. е. наметился возврат к системе вербовки прежнего времени. В Иркутске инициатива организации милиции принадлежала комитету общественных организаций (КООРГ), который и продолжил ее комплектование даже после возникновения Совета рабочих депутатов. Почти во всех восточносибирских городах прибегали к набору добровольцев на службу в милиции, и, нужно сказать, в краткосрочной перспективе успех ощущался.

Служба в милиции первоначально осознавалась как общественная, занятие которой даровало льготу — освобождение от призыва. Самоуправление быстро усвоило, что неподкрепленная не то что подобающим, а хотя бы каким-либо содержанием, милицейская должность не способна привлечь достойных людей. Исполнительный комитет общественных организаций г. Верхнеудинска сообщал областному комиссару, что милиция, созданная почти повсеместно, содержится на пожертвования и частично оставшиеся полицейские и волостные средства[1]. А такая нестабильность придает милиции характер «*случайной организации*», зависящей от воли комитетов. На содержание всех милицейских органов вместе с полицейской стражей Забайкальской области требовалась сумма свыше 430 тыс. руб., в то время как ранее на полицию и содержание помещений, без учета горной полиции, расходовалось 570 тыс. По сути, речь шла не столько об увеличении штатного содержания, которое обусловлено подорожанием в военное время, сколько о минимальной сумме, необходимой для «выживания» системы.

Увольнение полицейских, которые не подали прошений об отставке, областным комиссаром Забайкальской области приказано осуществить до 15 апреля 1917 г.[2] Все отставные обязывались встать на особый воинский учет, за исключением горных исправников и горно-полицейской стражи. Любопытна оговорка о том, что в милицию могут быть избраны или наняты «*достойные*» чины старой полиции[3]. Такое предложение шло вразрез с первоначальными идеями о полном отказе использования представителей угнетавшего режима. Однако быстро выяснилось, что мало кто может исполнять столь многосложный функционал, кроме небольшого числа прежних полицейских. Как мы ранее упоминали, некоторые из них заняли должности после революции. И то,

[1] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5346. Л. 134.

[2] Там же. Л. 64об.

[3] Там же. Л. 65.

что, пожалуй, сложно было представить в Западной России, что главные представители столь ненавистного полицейского режима вновь вернутся на свои должности, с легкостью реализовалось на окраинах. Прежние начальники уездных полицейских управлений (рис. 17): Н. Н. Чайкин, Е. П. Костылев нашли свое место в новых реалиях, хотя и на короткое время. Н. Н. Чайкин после отставки с должности читинского полицмейстера вернулся в Верхнеудинск и с установлением власти атамана Семёнова успел побыть начальником верхнеудинской милиции. В 1919 г. он даже награжден за усердную службу по ликвидации разбойничьей шайки и поимку преступника Турчанинова [359]. Уже при советской власти он был репрессирован и дальнейшая судьба его неизвестна. Е. П. Костылева революция 1917 г. застала начальником Читинского уездного полицейского управления. После его упразднения до 1921 г. он служил начальником Читинской городской милиции, был областным инспектором милиции. Репрессирован в 1930 г. [358]. В отличие от них, бывший троицкосавский уездный начальник П. И. Афанасьев не занимал постов при новой власти, хотя и подвергся аресту, но был амнистирован. По некоторым косвенным сведениям, бывший нерчинско-заводской уездный начальник Г. М. Юринский после революции эмигрировал в Маньчжурию и прожил там, по меньшей мере, до середины 30-х гг.

Возвращаясь к деятельности КОБов, нужно сказать, что решительное непонимание содержания и функций органов внутренней безопасности приводило к тому, что некоторые из них ставили себе недостижимые в тех условиях цели. В частности, Читинский КОБ среди прочего первейшими своими задачами декларировал: организацию новой власти на местах, контроль за действием существующей (старой) власти, организацию населения для осуществления новых начал государственного устройства. Значительный объем полномочий определялся в части обеспечения спокойствия и безопасности, в большинстве невозможных к реализации, учитывая условия и ресурсы: охрана на транспорте, дорог и путей сообщения, государственного имущества, территорий бывшего Кабинетного ведомства, телеграфов, банков, надзор над винокурением. Интересно, как органично сохранялась память о казалось бы совсем не полицейских задачах с современной точки зрения. Такие задачи, как забота о школах, больницах, общественных заведениях, помощь семьям призванных на военную службу, инвалидам и старикам, об увеличении площадей посева и наблюдении за исправным поступлением налогов и податей, считались обязательными для КОБа. Комитет в некотором виде транслировал опыт ликвидированной полиции на новый созданный орган, без стремления передать эти задачи, что было бы логично, в руки местного самоуправления. Причина этого вполне ясна — отсутствие опыта реализации подобных стратегий ранее, более естественным считалось поступать в соответствии с уже существовавшими лекалами.

Объявленные Временным правительством амнистии освободили из заключения значительные группы населения, среди которых нашлось немало желавших отомстить, в том числе, тем, кто способствовал их поимке. В первую очередь под удар попадали крестьяне, чаще способствовавшие поиску и выдаче властям беглых. Среди освободившихся были и закоренелые преступники.

Только в крупных городах, таких как Томск и Красноярск, на свободу вышло от 1500 до 2000 уголовников [182, с. 88]. Дополняли картину участившиеся случаи разбоев и грабежей со стороны самих представителей закона. Появились случаи, когда преступники прикрывались формой милиции для достижения корыстных целей. Яркими примерами тому могут стать Иркутск и Канск, где после организации народной милиции целые банды, раздобыв военную форму или специальные отличительные знаки (повязки на рукав), ссылаясь на постановления исполнительного комитета и под видом розыска, грабили склады и лавки торговцев. Такие действия только усиливали недоверие к милицейским органам, выражавшееся и в том, что обыватели не столь охотно стремились содействовать их работе. Быстро наступило разочарование от свержения старых и утверждения новых порядков.

В условиях революционного времени, когда нежелание подчиняться власти любого типа стало частью обыденности, усилия по добровольному сохранению порядка были почти невыполнимы. Служба по охране порядка и раньше не обещала служителям сохранность здоровья и жизни, теперь же потеря того или другого фактически стала основным ее содержанием. Под лозунгом свободы и борьбы с режимом совершались грабежи и убийства, не говоря уже о мелких происшествиях и хулиганствах, о чем было немало сообщений в местной прессе[1]. Новые стражи порядка — милиционеры еще реже полицейских обладали специальными навыками и умениями. Даже прежние городовые, особенно в Сибири, чаще имели лишь воинскую подготовку. Специальными же навыками работы, в том числе ведения расследований, владел только высший уровень чинов полиции: полицмейстеры, начальники сыскных отделений — и средний — надзиратели. Это был тот самый корпус служителей правопорядка, скомпрометированный властью, целиком отстраненный от занимаемых должностей. Пришедшие им на смену милиционеры, особенно на первых этапах, были полны энтузиазма, которым предполагалось компенсировать опыт и специальные знания.

Отсутствие твердой правоохранительной системы и атмосфера вседозволенности, породившие разгул преступности, имели и другую сторону. Невозможность удовлетворить глубинный запрос на справедливость и наказать преступников вызывала широчайшую практику самосуда. Пойманные с поличным или заподозренные в преступлении не всегда доживали до похода в милицию, смертный приговор, вынесенный им народным гневом, исполнялся на месте[2]. Такие примеры на страницах сибирской прессы Томска, Барнаула, Иркутска, Верхнеудинска и других городов появлялись все чаще. Расправа народа над преступником была редко адекватна его деянию.

КОБы в условиях революционного времени иногда принимали непопулярные решения. В Минусинске местный КОБ и Совет рабочих и солдатских депутатов создали соединенное бюро, введя в городе чрезвычайное положение.

---

[1] Сибирская жизнь [Томск]. 1917. 29 марта, 6 июня, 5 июля, 24 августа; Единение [Иркутск]. 1917. 22 июня, 23 июня, 7 июля; Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности [Чита]. 1917. № 4–9.

[2] Сибирская жизнь [Томск]. 1917. 24 авг. С. 2.

В условиях возврата нескольких сотен солдат, сеявших «*революционные настроения*» [182, с. 89] это было, пожалуй, единственным средством стабилизации. Но нацеленные на краткосрочное решение, они не были способны урегулировать ситуацию в долгосрочной перспективе.

Деятельность КОБов и других местных институций по организации и обустройству системы общественного порядка на местах можно оценивать как отвечающую запросам времени. Мероприятия, проводимые Временным правительством и инициативой местных органов и учреждений по созданию основ системы общественного порядка и безопасности, можно в определенной мере признать даже успешными. В обстановке пробуксовки централизованной системы финансирования, отсутствия выстроенной политики устройства милиции, соответствующих подготовленных кадров, анархии общественной и политической жизни противостоять вызовам и угрозам безопасности мирного населения бывшей Российской империи могли только самоотверженные и инициативные люди. Благодаря сотрудничеству различных политических и общественных сил Сибири внесен существенный вклад в выстраивание новой системы общественного порядка и безопасности. На ее качестве сказывалось отсутствие единого представления об устройстве, особенно когда она инициировалась снизу, и уже по этой причине существовало разнообразное видение стратегии обеспечения безопасности. Реализуемые мероприятия давали быстрые и важные, но непродолжительные результаты. Они рассчитывались на краткосрочную перспективу и не были способны в ситуации революционного хаоса установить стабильную систему охраны порядка. Отсутствие ресурсов, единых стратегий и развитой системы гражданского участия ограничили возможности системы и были скоротечными. При этом достижения деятельности КОБов, вклад, который они внесли в организацию системы обеспечения безопасности граждан, впоследствии разовьются и лягут в основу организации советской милиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полиция как ядро системы внутренней безопасности Российской империи одновременно была важнейшим институтом организации жизни общества. В условиях максимального отдаления от европейского центра полиция стала фактически главным управителем общественного и административного развития, транслировавшим решения высшей власти.

Забайкалье в составе азиатских окраин Российской империи — нестандартный регион даже в контексте сибирского своеобразия. Во-первых, оно имело ряд особенностей в организации управления, что ярко проявилось в создании отдельных субъектов на ее территории — провинций, градоначальств, областей. Во-вторых, отдаленность от центральных узлов управления усложнялась конфессиональным и полиэтническим факторами, средоточием ссылки, каторги и другими обстоятельствами. Все это стало отягощающими условиями для службы полиции, имевшей множественные функции по надзору за общественным полем и регулированию конфликтов внутри него. Значительная удаленность привела к созданию автономного управления и, как следствие, расширению полномочий местных административно-полицейских органов в рамках усиления их эффективности. Все это сыграло решающую роль в формировании обстоятельств организации и функционирования административно-управленческого и полицейского аппарата, придав ему специфические черты.

Окраины с момента своего присоединения и освоения по статусу и формам управления находились в неравных условиях с другими областями России. Формирование имперским правительством в Забайкалье маневренного института управления для сохранения порядка и властных интересов обусловлено необходимостью удержания колонизованных территорий. Попытки создания автономного управления предпринимались еще во второй половине XVII в., но более ярко проявились в последней трети XVIII в. с организацией провинции. В большей мере этого удалось достигнуть учреждением в 1851 г. Забайкальской области во главе с военным губернатором. Власть пыталась применять наиболее адекватную форму управления, часто путем использования старых моделей, которые к моменту их внедрения уже были демонтированы в других частях империи.

В учреждении полиции главную роль сыграл губернаторский корпус, санкционировавший ее создание и последующие изменения в штатах и организации. Именно в решении вопроса организации и подчиненности губернаторская власть выглядит наиболее полновесной и самостоятельной. Причина более позднего возникновения полиции на окраинах видится в незрелости городских поселений как исходном пункте ее образования. Условия, при которых

полицейские функции в качестве дополнительных поручались любым компетентным чинам управления, устраивали власть длительный период времени. Рассредоточенность населенных пунктов и точечный характер их размещения, а следовательно, недостаток административных органов и слабость общественного управления, усугубляемые приграничным положением, дислокацией войсковых соединений, способствовали тому, что полиция фактически стала главным органом проведения имперской политики на местах.

Реализованные схемы полицейского управления на окраинах характерны для общеимперской практики, но плохо соответствовали реалиям региональных особенностей. Временами с предложениями об усовершенствовании системы безопасности выходило общество. Иногда такие начинания требовали некоторых расходов, нести которые население было готово, что свидетельствует о его вполне зрелом, ответственном за себя и свою безопасность мировоззрении. Однако в предлагаемых властью намерениях общество видело лишь очередные начальнические надобности и относилось к их исполнению весьма индифферентно.

Организационно-штатная структура системы внутренней безопасности окраин империи обусловлена факторами ее формирования и общеимперскими нормативными актами. Ключевым институтом системы обеспечения внутренней безопасности до середины XIX в. была городская полиция и только после — уездная. Свои истоки они ведут от военного ведомства, управлявшего острогами-крепостями. Регулярная полицейская служба повсеместно появляется на указанной территории с полномасштабных реформ Екатерины II, из управлений военных комендантов крепостей как их структурная часть. Комендант с чрезвычайной функцией начальника полиции возглавлял команду из нескольких военных и обывателей, избранных от общества. С течением времени эти функции передаются гражданским властям — городничим правлениям и созданным отдельным ведомствам городских и уездных полиций (земских судов), приобретавших черты профессиональной, хотя и еще феодальной системы обеспечения безопасности.

Тенденция на унификацию полицейских служб Сибири, наметившаяся в начале XIX в., достигла некоторого усовершенствования в 1822 г., между тем как в западной части империи это произошло вследствие реформ 1782 г. Следующий важный этап, который редко упоминается в литературе, приходится на 1856 год, когда происходит первая серьезная унификация полицейских органов. Установленный в это время штат еще можно счесть относительно эффективным, сохранявшим ключевые позиции городских полиций, хотя и с сокращением их в малых городах. При этом полицейские продолжали основываться на регламентах пятидесятилетней давности.

Ключевым этапом реформирования в историографии традиционно считается 1867 год — время образования окружных полицейских управлений. Унификация, которая приписывается этой реформе в Сибири, проведена еще в 1856 г., а поднятые оклады к моменту их внедрения уже оказались недостаточными. На деле реформа 1867 г. привнесла лишь одно сущностное решение, которое в нашем представлении показало себя глубоко ошибочным, — ликвидацию

отдельных городских полиций. Их формальное включение в состав земских привело к тому, что последние не получили значительного усиления, в то время как городская охрана порядка вследствие многозадачности земской сильно ослабла.

Некоторое исправление недостатков реформ середины века произошло в 1888 г., но избранная траектория развития уездных полиций не способна была качественно изменить сложившуюся криминогенную ситуацию в стране. Фактически новых оснований деятельности полиции не создано, не изменился характер службы и ответственность. Основными источниками комплектования продолжали быть выходцы из военно-служилого сословия. Набор рядовых полиции, в том числе десятников, производился из числа городских жителей — мещан, крестьян, инородцев и даже ссыльнопоселенцев. Эта схема, будучи стандартной, сохранялась еще с петровских времен.

Развитие полиции шло экстенсивным путем — через добавление штатных единиц, функционального расширения, замены чинов и увеличения жалования. Интенсивные стимулы развития — рост качества, повышение уровня квалификации, развитие институциональных взаимодействий, сокращение надзорных задач, расширение полномочий и контроля со стороны самоуправления, снижение уровня бюрократии и формализма — или не расценивались как треки к развитию, или определялись как затратные. Полицейские управления и после реформ продолжали повсеместно играть роль основного регулятора жизни, совмещая функции полицейской, пожароохраной, административной, санитарной, фискальной и многих других служб. Освобождение от крепостного права принципиально изменило русское общество, вследствие чего такой многосложный функционал стало невозможно совмещать с основной задачей охраны безопасности.

Удержание контроля над столь значительной территорией, как Азиатская Россия, при минимальном штате исполнительной полиции было возможно при чуть ли неограниченных ее правах и полномочиях. Эффективность деятельности полиции при этом можно оценивать как низкую, скорее ориентированную на удержание общества силой авторитета и полнотой власти над ним. Но несмотря на широчайшие права надзора за почти всеми сторонами жизни, полиция была не способна систематически его осуществлять. Устойчивость системы столь длительное время объясняется широким содействием и беспрекословным подчинением общества.

Некоторое усиление системы внутренней безопасности произошло во второй половине XIX в. путем внедрения специализированных подразделений, таких как жандармерия, сыскная, горнозаводская и железнодорожная полиция, специальные приставы, полицейская и частновладельческая стража и др. Существовавшие в городах и округах штаты уездных полицейских управлений при чрезвычайно широком функционале продолжали компенсироваться безграничными правами и полномочиями. В конечном итоге, перераспределения функций путем передачи их части городам не произошло, однако общество все же наделялось некоей ответственностью за свою личную и имущественную безопасность. Власть выполняла патерналистские функции, пытаясь

привлекать граждан к решению исключительно собственных задач. Обыватели, в свою очередь, не хотели вкладываться в задачи безопасности, видя за ними всеобъемлющую машину государственной власти, способную решать, как она в этом убеждала, все проблемы без их участия.

Полиция сохраняла позиции важного управленческого ресурса, что обусловливалось ее широчайшей компетенцией и возможностью вмешиваться в любые происшествия и мероприятия. Без преувеличения можно сказать, что она являлась устроителем и координатором городской жизни империи, особенно на окраинах. В силу значительной удаленности аппарат управления, в отличие от регионов, наиболее приближенных к губернским и административным центрам, стремился самостоятельно разрешать многие задачи. Важнейшей функцией полиции стала деятельность по проведению политики государства на местах и исполнению обязательных постановлений правительства. Наиболее заметной и, на наш взгляд, важнейшей задачей полиции была правоохранительная деятельность, защита общества и его частной собственности. Однако еще с XVIII в. задачи полиции определялись сохранением спокойствия, тишины и благочиния, что при ближайшем рассмотрении не является синонимом правоохранительной деятельности. В рамках последней осуществлялся ряд профилактических мероприятий: обходы по городу, контроль миграции, учет свободного населения, караульная служба и др. При этом почти до середины XIX в. значительное содействие полиции оказывало само общество. Нередко граждане сами доставляли пойманных с поличным преступников, организовывали дополнительные патрули по городу, ловили беглых и ссыльных.

В силу традиционности развития социума преступность на окраинах, с одной стороны, была численно невысока. С другой же, в пересчете на численность населения, в том числе по тяжким деяниям, уступала только столичной преступности. Иными словами, Забайкалье XIX — начала XX в. было одной из самых опасных территорий империи. Значительный рост преступности начинается с середины XIX в., более всего — с 70–80-х гг., в силу значительной концентрации ссыльнокаторжного населения с крайне низким уровнем жизни, в условиях стремительного развития транспортной инфраструктуры, социальных изменений, вызванных Великими реформами, развитием капитализма и урбанизации. Система безопасности была крайне несовершенной, но надо признать, что она и не нацеливалась на те задачи, которые мы сегодня приписываем полиции — обеспечение безопасности внутри общества. При этом она выстояла достаточно длительное время и могла продолжать действовать дальше. Великие реформы Александра II привели к разбалансировке этой хрупкой системы, но не предложили какой-то иной логики ее организации, основанной на иных принципах.

Криминальную ситуацию сильно подстегивали ограничительные меры власти, боровшейся с любыми проявлениями оппозиции, попытками участия в политической жизни, особенно с началом консервативного поворота Александра III. Усиливало отторжение отсутствие обратной связи и контроля за деятельностью полиции со стороны социума, выливавшееся в усиление

революционных настроений. А потрясение от войн начала XX в. усугубило проблемы криминального характера. В результате небольшие штаты полиции противостояли всевозрастающей преступности, но уже не могли серьезно влиять на ситуацию. Их деятельность воспринималась как необходимая и полезная, но жестокость, репрессивные меры и коррупция,освещавшиеся в местной оппозиционной печати, вызывали стойкое, абсолютно негативное отношение. Горожане были фактически бессильны в противостоянии с полицией и влиянии на неё, так как для этого не было создано адекватных рычагов воздействия и регулирования полицейской вседозволенности.

Напряженность между полицией и обществом в целом, а в первую очередь наиболее мобильным городским, нарастала к 1917 г. поэтапно. Существенно сократилось содействие населения, даже в сельской местности. Оно сохранялось лишь в тех сферах, где обыватели испытывали непосредственный ущерб, — грабежи, драки, покушения на убийство. Даже обращаясь в полицию по случаю тяжких преступлений, пострадавшие редко надеялись на решение и тем более справедливость, зная нерасторопность, а ближе к революции почти полное бессилие властей. Не только граждане потеряли веру в справедливость в лице полиции как государственного органа, но и сами полицейские, очевидно, разочаровались в системе до такой степени, что стали испытывать сочувствие революционным партиям и движениям. В изменившемся обществе, прошедшем несколько этапов модернизации, полиция постепенно перестала быть символом защиты и справедливости, став маркером заскорузлости, медлительности и бесполезности огромной машины власти, более неспособной выполнять главную задачу — защищать, окончательно превратившись в машину подавления, угнетения и страха.

ЛИТЕРАТУРА

Архивные документы

Неопубликованные

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) — г. Чита

   Ф. 1: Забайкальское областное управление. Опись: 1 (общ). Дела: 37, 154, 239, 293, 326, 510, 909, 1169, 1271, 1496, 1729, 3939, 4046, 5051, 5346, 5957, 6504, 6789, 6806, 6835, 7473, 7535, 7697, 8022, 11299, 12523, 15857, 16514; Опись 1 (тюр). Дела: 109, 119, 210, 225, 303; Опись 2 (вр). Дела: 182, 214, 225, 1144; Опись 3 (тюр). Дела: 22, 57.

   Ф. 2: Верхнеудинское окружное управление. Опись 1. Дело 9.

   Ф. 13: Военный губернатор Забайкальской области. Опись 2. Дела: 43, 46, 63, 86; Опись 9. Дело 64.

2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) — г. Иркутск

   Ф. 24: Главное управление Восточной Сибири. Опись Оц. Дела: 181, 635, 676, 731, 785, 845; Опись 10. Дела: 99, 160, 219.

   Ф. 50: Иркутская духовная консистория. Опись ОЦ. Дело 521; Опись 1. Дела: 845, 1648, 3492, 3892, 5763, 6921.

3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) — г. Улан-Удэ

   Ф. 11: Верхнеудинская городовая управа и городничий. Опись 1. Дела: 3, 23, 357, 423; Опись 2. Дела: 190, 598, 765, 793, 1304, 1327, 2011; Опись 3. Дела: 140, 313, 358, 452, 1094, 1115, 1122, 1142, 1176; Опись 4. Дела: 69, 88, 182, 345, 512, 568; Опись 6. Дела: 91, 290, 326, 436, 693, 735, 881; Опись 7. Дела: 85, 206, 223; Опись 9. Дела: 1, 4, 7, 8, 9, 12, 27, 31, 32а, 37, 48, 49, 51, 141, 157, 160, 161, 187; Опись 10. Дело 8.

   Ф. 20: Верхнеудинский городовой магистрат. Опись 1. Дела: 26, 31, 130, 238; Опись 2. Дело 44; Опись 4. Дела: 3159, 3313, 3396, 3504; Опись 5. Дела: 4195, 4790, 4876; Опись 6. Дела: 4111, 5048, 5207, 5342, 5876, 5891, 5896; Опись 7. Дело 6026.

   Ф. 74: Иволгинский сельский выборный по крестьянским делам. Опись 1. Дело 15.

   Ф. 87: Селенгинская воеводская канцелярия. Опись 1. Дела: 2, 4.

   Ф. 88: Управление Верхнеудинского коменданта. Опись 1. Дела: 1, 2, 5, 6, 36, 40, 44, 57, 108, 143, 144, 156, 240, 369, 457, 695, 696, 716, 720, 751.

   Ф. 90: Верхнеудинская городская полиция. Опись 1. Дела: 3, 5, 11, 19, 20, 25, 32, 52, 58, 69, 106, 118, 138, 273, 307, 315, 321, 341, 371, 389, 470, 506, 518; Опись 2. Дела: 3, 20, 85, 91, 130, 138.

Ф. 108: Верхнеудинский городской суд. Опись 1. Дела: 360, 481, 527.

Ф. 128: Верхнеудинская городовая ратуша. Опись 1. Дела: 111, 253, 528, 1314, 1352, 1394.

Ф. 180: Нижний земский суд. Опись 2. Дела: 1, 854.

Ф. 207: Тарбагатайское волостное правление. Опись 1. Дело 1310.

Ф. 306: Селенгинская городовая ратуша. Опись 2. Дело 1.

Ф. 337: Верхнеудинское окружное полицейское управление. Опись 1. Дело 376.

Ф. 393: Верхнеудинская провинциальная канцелярия. Опись 1. Дело 3.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) — г. Москва.

Ф. 102: Департамент полиции Министерства внутренних дел. Опись 15. Дело 492; Опись 33. Дела: 701, 300, ч. 6, 617; Опись 35. Дело: 640, ч. 26; Опись 44. Дело 32, ч. 61; Опись 49. Дело 282; Опись 54. Дело 16, ч. 37; Опись 55. Дело 162; Опись 61. Дело 10, ч. 20; Опись 64. Дело 10, ч. 16; Опись 67. Дело 10, ч. 51; Опись 71. Дело 5, ч. 49; Опись 72. Дела: 108, 175; Опись 73. Дело 88, ч. 19; Опись 74. Дело 6, ч. 4; Опись 105. Дела: 231, 252; Опись 108. Дело 290; Опись 262. Дело 244; Опись 262. Дела: 7, 65.

Ф. 124: Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции. Опись 27. Дело 660; Опись 28. Дело 831.

5. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) — г. Москва. Ф. 416: Якутская провинциальная канцелярия. Опись 1. Дело 2.

6. Российский Государственный исторический архив (РГИА) — г. Санкт-Петербург. Ф. 1286: Департамент полиции исполнительной МВД. Опись 13. Дело 2085.

Опубликованные

7. Адрес-календарь российский на лето 1766 от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной ЕИВ канцелярии, 1766. 169 с. Текст : непосредственный.

8. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и узаконениями / составитель С. В. Щегловитов. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1892. 736 с. Текст : непосредственный.

9. Грибовский В. М. Сборник русских законодательных памятников XVIII столетия. Вып. II. Эпоха Петра III и Екатерины Великой / В. М. Грибовский. Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня Г. П. Пожарова, 1900. 85 с. Текст : непосредственный.

10. Деловая письменность Троицко-Селенгинского монастыря первой половины XVIII века / составитель Т. Н. Меженина, научный редактор А. П. Майоров. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. 192 с. Текст : непосредственный.

11. Инструкция из Правительствующего Сената. Сыщикам для искоренения воров и разбойников, 1744 г. URL: https://archive.org/details/bmk-brz_20201018/mode/2up (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.

12. Инструкция пехотного полка полковнику: с приложением форм, штатов и табелей. Санкт-Петербург : [Сенатская типография], 1764. 50 с. Текст : непосредственный.

13. Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / составители И. Н. Николев, Н. А. Найденов. Москва : Типография М. Н. Лаврова и Ко, 1883. 92 с. Текст : непосредственный.

14. История органов внутренних дел : сборник документов Вып. 2. Общая полиция в России XVIII века / составители А. Я. Малыгин, М. И. Сизиков. Курск : Региональный открытый социальный институт, 1998. 38 с. Текст : непосредственный.

15. История полиции дореволюционной России : сборник документов и материалов по истории государства и права / составители: В. М. Курицын, Р. С. Мулукаев, В. П. Коряков. Москва : Московская высшая школа милиции, 1981. 78 с. Текст : непосредственный.

16. История старообрядцев (семейских) в документах государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.) : сборник документов, комментарии, перечень документов / научный редактор С. В. Васильева ; составители Б. Ц. Жалсанова [и др.]. Иркутск : Оттиск, 2016. 336 с. Текст : непосредственный.

17. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1782 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1782. 473 с. Текст : непосредственный.

18. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1785 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1785. 445 с. Текст : непосредственный.

19. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1779 от Рождества Христова. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1779. 444 с. Текст : непосредственный.

20. Памятная книжка Иркутской губернии на 1912 год. Издание Иркутского губернского статистического комитета. Иркутск : Иркутская типография, 1912. 359 с. Текст : непосредственный.

21. Памятная книжка Иркутской губернии на 1914 год / Издание Забайкальского областного статистического комитета. Чита : Типография Забайкальского областного правления, 1914. 540 с. Текст : непосредственный.

22. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / составители А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005. 259 с. Текст : непосредственный.

23. Памятники сибирской истории XVIII века / под редакцией А. И. Тимофеева. Санкт-Петербург : Типография МВД, 1882–1885. Кн. 1: 1700–1713. 1882. 551 с. ; Кн. 2. 1713–1724. 1885. 541 с. Текст : непосредственный.

24. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 74. Забайкальская область / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1904. 184 с. Текст : непосредственный.

25. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1851. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#1 (дата обращения: 27.09.2024). Текст : электронный.

26. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. Санкт-Петербург : Тип. 2-го отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1885. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#2 (дата обращения: 27.09.2024). Текст : электронный.

27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание III. С 1 марта 1881 по 1913 г. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1885–1916. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#3 (дата обращения: 27.09.2024). Текст : электронный.

28. Польские политические ссыльные в Бурятии (1847–1919 гг.) : сборник документов Государственного архива Республики Бурятия / составители: Б. Ц. Жалсанова, Н. А. Ильина, Е. В. Семёнов [и др.]; научный редактор Л. В. Курас. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2016. 415 с. Текст : непосредственный.

29. Реформы Петра I: сборник документов / составитель В. И. Лебедев. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 379 с. Текст : непосредственный.

30. Роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1805. Ч. 2. 332 с. Текст : непосредственный.

31. Роспись чиновным особам, в губерниях обретающимся. Санкт-Петербург : Инспекторский отдел собственной Е.И.В. канцелярии, 1806. Ч. 2. 492 с. Текст : непосредственный.

32. Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник / редакторы-составители: А. М. Анфимов, А. П. Корелин. Санкт-Петербург : Русско-балтийский информационный центр Блиц, 1995. 413 с. Текст : непосредственный.

33. Русско-китайские отношения в XVIII веке : материалы и документы / составители: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Москва : Наука, 1978. Т. 1: 1700–1725. 703 с. Текст : непосредственный.

34. Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы / составители: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Москва : Наука, 1990. Т. 2: 1725–1727. 669 с. Текст : непосредственный.

35. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / составители: Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ : Типография Министерства культуры БурАССР, 1960. Вып. 1. 492 с. Текст : непосредственный.

36. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / составитель А. Барсуков. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с. Текст : непосредственный.

37. Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената, 19 ноября 1756 года. Об определении главных сыщиков для розыска и искоренения воров и разбойников и беглых людей. URL: http://http://hisdoc.ru/laws/16433 (дата обращения: 12.01.2023). Текст : электронный.

38. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Санкт-Петербург: Типография Второго отдела собственной Е.И.В. канцелярии, 1872. 159 с. URL: https://www.prlib.ru/item/459984?ysclid=m1l1xhoky0465450731 (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.

Основная литература

Монографии

39. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / ответственные редакторы: А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с. Текст : непосредственный.
40. Байбородин В. А. Рыцари неопалимой купины. История образования пожарной охраны города Верхнеудинска (Улан-Удэ) / В. А. Байбородин. Улан-Удэ, 2006. 96 с. Текст : непосредственный.
41. Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX — начала XX века / В. Б. Безгин. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2015. 192 с. Текст : непосредственный.
42. Березницкий С. В. Нерчинская экспедиция / С. В. Березницкий. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. 296 с. Текст : непосредственный.
43. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. / М. М. Богословский. Москва: Университетская типография, 1902. 582 с. Текст : непосредственный.
44. Болонев Ф. Ф. Сокровища земли Тарбагатайской: очерки истории и культуры / Ф. Ф. Болонев ; ответственный редактор И. И. Калашников. Улан-Удэ, Иркутск : Медиа-информ, 2012. 218 с. Текст : непосредственный.
45. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. Санкт-Петербург : Типография МВД, 1858–1863. Т. 1–8. Ч. 1–3. Текст : непосредственный.
46. Василисин К. Н. Очерк Забайкалья. Памятная книжка Забайкальской области на 1871 год (издание областного статистического комитета) / К. Н. Василисин. Иркутск : Типография Н. Н. Синицына, 1871. 156 с. Текст : непосредственный.
47. Власов В. И. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование): в 2 ч. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. Домодедово : РИПК работников МВД России, 1997. Ч. 1. 145 с.; Ч. 2. 124 с. Текст : непосредственный.
48. Высотина Е. А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем / Е. А. Высотина. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 228 с. Текст : непосредственный.
49. Гергилёв Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII — первой трети XIX века / Д. Н. Гергилёв. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2016. 171 с. Текст : непосредственный.
50. Гессен В. М. Административное право: популярные лекции для самообразования / В. М. Гессен. Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. 242 с. Текст : непосредственный.
51. Гирченко В. П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских / В. П. Гирченко. Верхнеудинск : Книгоиздательство Объединенного прибайкальского союза кооперативов, 1922. 20 с. Текст : непосредственный.

52. Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII — начало XX в.) / Д. А. Ананьев [и др.] ; ответственный редактор М. В. Шиловский. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2014. 243 с. Текст : непосредственный.

53. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II / Ю. В. Готье. Москва : Типография Лисснера Г. и Собко Д., 1913. Т. 1. 492 с. Текст : непосредственный.

54. Градовский А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский. Санкт-Петербург : Печ. В. Головина, 1868. 527 с. Текст : непосредственный.

55. Градовский А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский // Собрание сочинений А. Д. Градовского : в 9 томах. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 492 с. Текст : непосредственный.

56. Гусаков Д. Б. История права государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи / Д. Б. Гусаков. Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 110 с. Текст : непосредственный.

57. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. Иркутск : Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете, 2009. 389 с. Текст : непосредственный.

58. Дамешек Л. М. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. 339 с. Текст : непосредственный.

59. Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII — начала XX века: закон и практика / Л. М. Дамешек, И. Н. Мамкина. Чита : Изд-во Забайкальского государственного университета, 2021. 278 с. Текст : непосредственный.

60. Демин Э. В. Удинск. Очерки начальной истории, нераздельной с Селенгинском / Э. В. Демин. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 244 с. Текст : непосредственный.

61. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1: Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. Санкт-Петербург : Типография П. П. Меркульева, 1875. 507 с. Текст : непосредственный.

62. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья XVII–XVIII вв. / С. В. Евдокимова. Улан-Удэ : Общественно-научный центр Сибирь, 1993. Ч. 1. 68 с. Текст : непосредственный.

63. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII – XIX вв. / С. В. Евдокимова. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2007. 248 с. Текст : непосредственный.

64. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. Москва : Высшая школа, 1968. 368 с. Текст : непосредственный.

65. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. Москва : Мысль, 1981. 252 с. Текст : непосредственный.

66. Жалсараев А. Д. История православия в Забайкалье (середина XVII — начало XX в.) / А. Д. Жалсараев. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2015. 263 с. Текст : непосредственный.

67. Жалсараев А. Д. Верхнеудинская старина: очерки о жизни, быте и нравах горожан в XIX и XX вв. / А. Д. Жалсараев, Б. Д. Жалсараева. Иркутск : Время странствий, 2016. 370 с. Текст : непосредственный.

68. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. Москва : Мысль, 1978. 288 с. Текст : непосредственный.

69. Замула И. Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 — февраль 1917 г.) / И. Ю. Замула ; научный редактор Г. Л. Санжиев. Иркутск : Облмашинформ, 2001. 208 с. Текст : непосредственный.

70. Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX — начала XX в. / А. А. Иванов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. 275 с. Текст : непосредственный.

71. Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья) / А. А. Ионин. Иркутск : Типо-литография П. И. Макушина, 1895. 252 с. Текст : непосредственный.

72. Иркутские повествования. 1661—1917 годы : в 2 томах. / автор-составитель А. К. Чернигов. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 1. 464 с. Текст : непосредственный.

73. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / составитель Е. Н. Анучин. Санкт-Петербург : Типография МВД, 1872. 252 с. Текст : непосредственный.

74. История Иркутска XX века / составители А. Н. Геращенко, А. А. Иванов ; научный редактор П. А. Новиков. Иркутск : Оттиск, 2016. Т. 1: 1900−1920 годы. 544 с. Текст : непосредственный.

75. История Сибири. Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. Составлена по данным, представляемым полным собранием законов, и актам Петровского царствования / составитель В. К. Андриевич. Санкт-Петербург : Типография В. В. Комарова, 1889. Ч. II. 487 с. Текст : непосредственный.

76. Кальмина Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века — февраль 1917 года) / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с. Текст : непосредственный.

77. Кальмина Л. В. «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области / Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина ; научный редактор К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 184 с. Текст : непосредственный.

78. Канкарович И. И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени / И. И. Канкарович. Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова, 1907. 200 с. Текст : непосредственный.

79. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия. Московский

комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / ГУ Государственный архив Омской области ; составитель Л. И. Огородникова. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 208 с. Текст : непосредственный.

80. Кедров П. П. Баргузинская тайга / П. П. Кедров. Томск : Паровая типолитография П. И. Макушина, 1899. 126 с. Текст : непосредственный.
81. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII — начало XX в.) / Н. В. Ким. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1966. 113 с. Текст : непосредственный.
82. Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование) / С. В. Кодан. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1983. 282 с. Текст : непосредственный.
83. Коновалов И. А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII — начала XX века) / И. А. Коновалов. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2020. 311 с. Текст : непосредственный.
84. Коновалов И. А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период. Становление и развитие / И. А. Коновалов. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2019. 302 с. Текст : непосредственный.
85. Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края. Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII — начале XX века / Н. Н. Константинова. Чита : Экспресс-изд-во, 2014. 208 с.
86. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов ; под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга. Изд. 6. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 2. 739 с. Текст : непосредственный.
87. Кошель П. А. История сыска в России : в 2 книгах / П. А. Кошель. Москва : Литература, 1996. Т. 1. 640 с. Текст : непосредственный.
88. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. / составитель В. К. Андриевич. Санкт-Петербург : Военная типография, 1887. 249 с. Текст : непосредственный.
89. Кузнецов М. Г. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования / М. Г. Кузнецов. Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1871. 268 с. Текст : непосредственный.
90. Ларьков Н. С. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX — XX вв.) / Н. С. Ларьков, И. В. Чернова, А. В. Войтович. Томск : Красное знамя, 2002. 519 с. Текст : непосредственный.
91. Ларьков Н. С. Полицмейстеры, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX — XX вв.) / Н. С. Ларьков, И. В. Чернова. Томск : Изд-во НИ ТГУ, 1999. 184 с. Текст : непосредственный.
92. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) / Г. А. Леонтьева. Москва : Изд-во Московского государственного университета, 2012. 321 с. Текст : непосредственный.
93. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. Москва: Изд-во В. М. Саблина, 1907. 69 с. Текст : непосредственный.

94. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649—1917 / Ф. М. Лурье. Санкт-Петербург : ИнКА, 1992. 417 с. Текст : непосредственный.

95. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. Москва : Азбуковник, 2006. 261 с. Текст : непосредственный.

96. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов / Е. П. Мартынова ; РАН, институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва, 1998. 235 с. Текст : непосредственный.

97. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ / Л. К. Минерт. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. 248 с. Текст : непосредственный.

98. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии / Л. К. Минерт. Новосибирск : Наука, 1983. 189 с. Текст : непосредственный.

99. Министерство внутренних дел [1802—1902] : исторический очерк / составитель С. А. Адрианов. Санкт-Петербург : Альфарет, 2012. Т. 1. 225 с. Текст : непосредственный.

100. Москвитин Ю. Н. Полиция Томской губернии в 1867—1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих) / Ю. Н. Москвитин. Барнаул : Изд-во Барнаульского юридического института, 2006. 194 с. Текст : непосредственный.

101. Мошкина З. В. Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX века / З. В. Мошкина. Чита : Изд-во ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с. Текст : непосредственный.

102. Мулукаев Р. С. История отечественных органов внутренних дел / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. Москва : Nota Bene Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с. Текст : непосредственный.

103. Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер / Р. С. Мулукаев. Москва : РИО Академии МВД СССР, 1979. 27 с. Текст : непосредственный.

104. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695—1698 годов (очерк из истории народных движений в Сибири) / Н. Н. Оглоблин. Томск : Паровая типолитография П. И. Макушина, 1902. 47 с. Текст : непосредственный.

105. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А. В. Борисов, М. Г. Детков, С. И. Кузьмин [и др.]. Москва : Объединенная редакция МВД России, 1996. 464 с. Текст : непосредственный.

106. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.) / И. В. Оржеховский. Москва : Мысль, 1982. 207 с. Текст : непосредственный.

107. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / С. С. Остроумов. Москва : Изд-во Московского государственного университета, 1960. 339 с. Текст : непосредственный.

108. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова ; научный редактор З. С. Бочарова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 312 с. Текст : непосредственный.

109. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917) / З. И. Перегудова. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2000. 432 с. Текст : непосредственный.

110. Полиция и милиция в России: страницы истории / А. В. Борисов, А. Н. Дугин, А. Я. Малыгин [и др.]. Москва : Наука, 1995. 318 с. Текст : непосредственный.

111. Постников И. Н. Записки Бежецкого городового старосты. Черты городского общественного быта конца XVIII столетия / И. Н. Постников. Тверь : Типо-литография М. В. Блинова, преемника Н. М. Родионова, 1914. 19 с. Текст : непосредственный.

112. Приклонский И. И. Проституция и ее организация: исторический очерк / И. И. Приклонский. Москва : Изд-во А. Карцева, 1903. 108 с. Текст : непосредственный.

113. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) / М. В. Пулькин. Петрозаводск : Изд-во Карельского научного центра РАН, 2009. 422 с. Текст : непосредственный.

114. Пыкин В. М. Удинск — Верхнеудинск — Улан-Удэ: страницы истории / В. М. Пыкин. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 68 с. Текст : непосредственный.

115. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. 236 с. Текст : непосредственный.

116. Рубцов С. Н. Уголовный сыск Российской полиции на территории Восточной Сибири / С. Н. Рубцов, А. А. Сысоев. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2007. 215 с. Текст : непосредственный.

117. Седунов А. В. Губернский городовой. История Псковской городской полиции в XVIII — начале XX в. / А. В. Седунов. Псков : Псковская областная типография, 2004. 286 с. Текст : непосредственный.

118. Семёнов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты / составитель Д. Д. Семёнов. Санкт-Петербург : Электро-типография Н. Я. Стойковой, 1901. 387 с. Текст : непосредственный.

119. Семёнова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О. П. Семёнова Тянь-Шанская. Санкт-Петербург, 1914. 136 с. Текст : непосредственный.

120. Сёмина Г. М. Из истории города Улан-Удэ. Документы и фотографии / Г. М. Семина. Улан-Удэ: Республиканская типография, 1995. 31 с. Текст : непосредственный.

121. Сибирские города. Материалы для их истории. XVII и XVIII стол. Нерчинск. Селенгинск. Якутск / составители И. Н. Николев, Н. А. Найденов. Москва : Типография М. Г. Волчанникова, 1886. 146 с. Текст : непосредственный.

122. Сибирь в составе Российской империи / ответственные редакторы Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. 364 с. Текст : непосредственный.

123. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли / Е. П. Силин. Иркутск : Полиграфкнига, 1947. 203 с. Текст : непосредственный.

124. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX века / В. В. Синиченко. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с. Текст : непосредственный.

125. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 книгах / ответственный редактор Л. В. Черепнин. Москва : Соцэкгиз, 1962. Кн. 7. Т. 13—14. 726 с. Текст : непосредственный.

126. Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву / И. Т. Тарасов. Москва : Университетская типография, 1908. 64 с. Текст : непосредственный.

127. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. Москва : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1885. 160 с. Текст : непосредственный.

128. Удинск — Верхнеудинск (Улан-Удэ) в описаниях и лицах / составитель Э. В. Демин. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2006. 294 с. Текст : непосредственный.

129. Феоктистов С. Ф. Милиция Забайкалья: ее развитие и деятельность (1917 — начало 1930-х годов): историко-правовой аспект / С. Ф. Феоктистов. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. 175 с. Текст : непосредственный.

130. Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х гг.): кризис правительственной политики / М. И. Хейфец. Москва : Изд-во Московского университета, 1963. 240 с. Текст : непосредственный.

131. Храмцов А. Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX — начала XX века / А. Б. Храмцов. Тюмень : Изд-во ТюмГАСУ, 2010. 316 с. Текст : непосредственный.

132. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX века / В. Г. Чернуха ; под редакцией Р. Ш. Ганелина. Ленинград : Наука, 1978. 246 с. Текст : непосредственный.

133. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б. Н. Чичерин. Москва : Типография Александра Семена, 1856. 592 с. Текст : непосредственный.

134. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII — первой половины XIX в. / В. П. Шахеров. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 256 с. Текст : непосредственный.

135. Шашков С. С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция / С. С. Шашков. Санкт-Петербург : Типография Ф. С. Сущинского, 1872. 623 с. Текст : непосредственный.

136. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. Иркутск : Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1. 593 с. Текст : непосредственный.

137. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. Иркутск : Иркутское обл. гос. изд-во, 1957. Т. 2. 673 с. Текст : непосредственный.

138. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. /

М. В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. 270 с. Текст : непосредственный.

139. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция в царской России в эпоху империализма / Д. И. Шинджикашвили. Омск : Изд-во Омской высшей школы милиции, 1973. 67 с. Текст : непосредственный.
140. Шитова Т. В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири в XIX — начале XX в. / Т. В. Шитова. Красноярск, 2006. 152 с. Текст : непосредственный.
141. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII — середины XIX в. / М. М. Шмулевич. Новосибирск : Наука, 1985. 286 с. Текст : непосредственный.
142. Шулунов Ф. М. Улан-Удэ / Ф. М. Шулунов. Улан-Удэ : Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1955. 49 с. Текст : непосредственный.

Статьи из журналов, сборников, материалов конференций и других изданий

143. Адиньяев С. И. Основные этапы развития органов полиции в XVII–XX вв. в Российской Федерации / С. И. Адиньяев // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 153–161. Текст : непосредственный.
144. Адоньева И. Г. Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II / И. Г. Адоньева // Научный диалог. 2021. № 7. С. 325–340. Текст : непосредственный.
145. Ананьев Д. А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. / Д. А. Ананьев // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Приртышье в XVII–XX вв. : сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 38–42. Текст : непосредственный.
146. Антропов В. М. Организационно-правовые основы деятельности городской полиции Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (на примере г. Барнаула) / В. М. Антропов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14-2. С. 245–246. Текст : непосредственный.
147. Антропов В. М. Полицейские функции земских учреждений Томской губернии / В. М. Антропов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1(28). С. 7–8. Текст : непосредственный.
148. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII веке и типы оборонительных сооружений / А. Р. Артемьев // Российская история. 1998. № 5. С. 140–147. Текст : непосредственный.
149. Байгутлин Р. И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I / Р. И. Байгутлин // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2010. № 25(206). С. 76–81. Текст : непосредственный.
150. Бакшт Д. А. Секретный сотрудник жандармского управления между двумя революциями (на материалах Енисейской губернии, 1907–1917) / Д. А. Бакшт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. № 1(27). С. 213–217. Текст : непосредственный.

151. Безгин В. Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX — начало XX века) / В. Б. Безгин // Белые пятна российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 32–47. Текст : непосредственный.

152. Белозерцев С. М. Направления деятельности горной полиции в начале XX в. в дореволюционной России (на примере Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств) / С. М. Белозерцев // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3(113). С. 20–24. Текст : непосредственный.

153. Берман Е. А. Сектанты-субботники Иркутской и Енисейской губерний (первая четверть XIX в. — первая четверть XX в.) / Е. А. Берман, Н. А. Орехова, Е. С. Генина // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 133–140. Текст : непосредственный.

154. Бобров Д. С. Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII — первой половины XVIII в. (по материалам Кузнецкого уезда) / Д. С. Бобров // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 87–95. Текст : непосредственный.

155. Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом / М. М. Богословский // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 9. С. 45–144. Текст : непосредственный.

156. Борисов А. А. Особенные формы управления на окраинах Российской империи: Якутская область (конец XVIII — середина XIX в.) / А. А. Борисов, И. И. Юрганова, А. И. Архипова // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2018. № 4. С. 107–115. Текст : непосредственный.

157. Бураева О. В. Новое в истории Удинского зимовья/острога / О. В. Бураева // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 27–30. Текст : непосредственный.

158. Вакилев Т. Р. Формулярные списки в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления / Т. Р. Вакилев // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 261. Текст : непосредственный.

159. Высотина Е. А. Казаки — основатели забайкальских городов / Е. А. Высотина // Освоение Сибири в панораме столетий: опыт, стратегия, проблемы : материалы научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2009. С. 66–72. Текст : непосредственный.

160. Гагиева А. К. Местное управление в Коми крае в XVIII веке / А. К. Гагиева // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 335–343. Текст : непосредственный.

161. Гарбуз Г. В. Полицейская стража в России в начале XX в. / Г. В. Гарбуз // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 368–372. Текст : непосредственный.

162. Гирченко В. П. Основание и начальная история г. Верхнеудинска / В. П. Гирченко // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 110–117. Текст : непосредственный.

163. Грозин С. Ю. Полиция Иркутской губернии в начале XIX в. / С. Ю. Грозин // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2012. С. 290–293. Текст : непосредственный.

164. Грозин С. Ю. Реформирование российской полиции в начале XX века / С. Ю. Грозин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 68–75. Текст : непосредственный.

165. Грозин С. Ю. Становление и развитие полицейских органов в Восточной Сибири в XVIII в. / С. Ю. Грозин // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2013. С. 177–178. Текст : непосредственный.

166. Дамешек Л. М. Реформа Сибирского управления М. М. Сперанского и первый Сибирский комитет / Л. М. Дамешек, И. З. Сосновский // Иркутский историко-экономический ежегодник : сборник статей. Иркутск, 2008. С. 309. Текст : непосредственный.

167. Дамешек Л. М. «Реформа судебной части в России тем более необходима для Сибири» / Л. М. Дамешек, С. Л. Шахерова // Правосудие в Восточной Сибири. 2001. № 3–4. С. 96–143. Текст : непосредственный.

168. Дамешек Л. М. Особые комитеты как органы управления окраинами империи (на материалах Азиатской России XIX в.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 8–24. Текст : непосредственный.

169. Дамешек Л. М. Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организации территории / Л. М. Дамешек, И. А. Федореева // Известия Иркутского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 7–17. Текст : непосредственный.

170. Детинина Е. А. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) / Е. А. Детинина // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2(357). С. 36–41. Текст : непосредственный.

171. Дмитриев А. В. Организационные изменения в составе контингентов русской регулярной армии в Сибири (конец 1750-х — 1760-е годы) / А. В. Дмитриев // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 80–88. Текст : непосредственный.

172. Дубровин Н. О. Русская жизнь в начале XIX века / Н. О. Дубровин // Русская старина. 1899. № 4. С. 58. Текст : непосредственный.

173. Дятлов В. А. Происхождение и образование как факторы социальной мобильности провинциального чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) / В. А. Дятлов // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 605–608. Текст : непосредственный.

174. Жукова Н. Е. «...не верьте официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск / Н. Е. Жукова, Т. В. Паликова // История повседневности. 2023. № 1(25). С. 26–39. Текст : непосредственный.

175. Жукова Н. Е. Замужество в представлении юной горожанки Верхнеудинска начала XX в. / Н. Е. Жукова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 2. С. 27–31. Текст : непосредственный.

176. Жукова Н. Е. Ключевые события начала первой русской революции 1905 года глазами рядовых жителей уездного Верхнеудинска / Н. Е. Жукова, Т. В. Паликова, Е. Н. Палхаева // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4(42). С. 113–117. Текст : непосредственный.

177. Жукова Н. Е. Образ города Верхнеудинска в письмах Екатерины Сергеевой (Танской) начала XX в. / Н. Е. Жукова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. № 3. С. 49–54. Текст : непосредственный.

178. Журавлёв Д. С. Понятие преступления и классификация его видов в период Российской империи / Д. С. Журавлёв // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9(177). С. 31–33. Текст : непосредственный.

179. Зайцев Н. В. Полицейское государство: миф или реальность? / Н. В. Зайцев // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 1(1). С. 33–38. Текст : непосредственный.

180. Залкинд Е. М. Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах / Е. М. Залкинд // Труды БКНИИ СО АН СССР. Из истории народов Бурятии. 1962. Вып. 10. С. 157–168. Текст : непосредственный.

181. Залюбовская Т. А. Волостные суды Забайкальской области (1882–1917 гг.) / Т. А. Залюбовская // Известия Иркутского государственного университета. История. 2015. Т. 11. С. 38–44. Текст : непосредственный.

182. Захарова К. Л. Практики участия Советов Сибири в охране общественного порядка и безопасности (март — октябрь 1917 г.) / К. Л. Захарова // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2021. № 4. С. 87–98. Текст : непосредственный.

183. Иванов А. А. Жандармская полицейская служба Забайкальской железной дороги в начале XX в.: организация и формы работы / А. А. Иванов // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2019. Вып. 9(21). С. 113–133. Текст : непосредственный.

184. Иванов А. А. Иркутские жандармы / А. А. Иванов // Клио. 2012. № 6(66). С. 69–77. Текст : непосредственный.

185. Иванов А. А. Иркутские жандармы / А. А. Иванов // Сибирский город XVIII–XX веков : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2011. С. 204–230. Текст : непосредственный.

186. Иванов А. А. Политическая полиция Восточной Сибири в начале XX в. / А. А. Иванов // Иркутску 350 лет — история и современность. Сибиряковские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : Оттиск, 2011. С. 123–133. Текст : непосредственный.

187. Иванов А. А. Становление службы полицейских собак в Российской империи / А. А. Иванов, Т. Л. Матиенко, Н. Д. Эриашвили // Образование и право. 2018. № 1. С. 227–234. Текст : непосредственный.

188. Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII — начало XX в. / В. А. Иванов // Вестник архивиста. 2012. № 4(120). С. 30–39. Текст : непосредственный.

189. Иванова Е. В. Нерчинская горная экспедиция в первой половине XIX в. / Е. В. Иванова // Восьмые Байкальские международные

социально-гуманитарные чтения : в 2 томах. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. Т. 1. С. 145–150. Текст : непосредственный.

190. Ильин И. А. О грядущей диктатуре / И. А. Ильин // Ильин И. А. Наши задачи : статьи, 1948–1954 гг. : в 2 томах. Париж : Издание Русского общевоинского союза, 1956. Т. 1. 356 с. ; Т. 2. С. 353–688 [337 с.]. Текст : непосредственный.
191. Кавецкий Д. Б. Преследование фальшивомонетчиков на территории Восточной Сибири в XIX — начале XX в. / Д. Б. Кавецкий, А. А. Сысоев // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 1(96). С. 240–247. Текст : непосредственный.
192. Калихман А. Д. Дневник Бенедикта Дыбовского: политическая ссылка, иркутские страницы / А. Д. Калихман // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2019. Вып. 9(21). С. 523–569. Текст : непосредственный.
193. Кальмина Л. В. «Забайкальская область находится в исключительных условиях развития преступности...» (Военный губернатор Забайкалья в системе управления ссылкой) / Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2019. Вып. 9(21). С. 133–149. Текст : непосредственный.
194. Кальмина Л. В. Забайкальская область — геополитический проект самодержавия / Л. В. Кальмина // Власть. 2016. № 9. С. 190–195. Текст : непосредственный.
195. Келлер В. Ю. Наружное наблюдение как метод работы политической полиции / В. Ю. Келлер // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1696–1700. Текст : непосредственный.
196. Кизеветтер А. А. Внутренняя политика в царствование Николая Павловича / А. А. Кизеветтер // История России в XIX веке. Санкт-Петербург, 1908. Т. 3. С. 419–502. Текст : непосредственный.
197. Кодан С. В. К истории Петровского каземата для декабристов / С. В. Кодан // Сибирь и декабристы. Иркутск : Восточно-Сибирское издательство, 1981. Вып. 2. С. 77–92. Текст : непосредственный.
198. Кодан С. В. Нерчинское комендантское управление и декабристы / С. В. Кодан // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 178–182. Текст : непосредственный.
199. Кое-что о полиции // Сибирские вопросы. 1911. № 51. С. 59–67. Текст : непосредственный.
200. Коновалов И. А. Городская полиция Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Право. 2007. № 12(3). С. 44–47. Текст : непосредственный.
201. Коновалов И. А. Особенности сибирской полицейской бюрократии в конце XIX — начале XX в. / И. А. Коновалов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 127–132. Текст : непосредственный.
202. Коновалов И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Право. 2014. № 1(38). С. 19–26. Текст : непосредственный.

203. Коновалов И. А. Учреждение и организационно-правовое становление регулярной полиции в Сибири в XVIII в. / И. А. Коновалов // История государства и права. 2016. № 11. С. 38–42. Текст : непосредственный.

204. Константинов М. В. Археологические исследования Г. Ф. Миллера в Забайкалье / М. В. Константинов, Т. А. Константинова // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. Новосибирск : Изд-во Института археологии РАН, Москва, 2011. С. 52–53. Текст : непосредственный.

205. Константинов М. В. Начало русского освоения Забайкалья / М. В. Константинов, Т. А. Константинова // Известия Иркутского государственного университета. История. 2015. № 11. С. 6–11. Текст : непосредственный.

206. Константинова Т. А. «Следовало быть более человечным в отношении к преступникам, в особенности к их нравственным и материальным нуждам...»: документы Госархива Забайкальского края о пребывании Е. К. Брешко-Брешковской на каторге / Т. А. Константинова // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 83–101. Текст : непосредственный.

207. Контев А. В. Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. По картографическим источникам / А. В. Контев // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4(80). С. 29–33. Текст : непосредственный.

208. Космовская А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII веке / А. А. Космовская // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1(18). С. 135–143. Текст : непосредственный.

209. Кузнецов Л. Материалы по ревизии Сперанского / Л. Кузнецов // Сибирский архив. 1915. № 3. С. 123–152. Текст : непосредственный.

210. Кузнецов-Красноярский И. П. Главного магистрата росписание / И. П. Кузнецов-Красноярский // Сибирский архив. 1914. № 12. С. 536. Текст : непосредственный.

211. Куликова С. Г. Женская преступность в России второй половины XIX — начала XX века: взгляд справа / С. Г. Куликова // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 9–15. Текст : непосредственный.

212. Курас С. Л. Делопроизводство в правоохранительной системе дореволюционной России / С. Л. Курас // Власть. 2011. № 8. С. 119–121. Текст : непосредственный.

213. Курас С. Л. Судебная отчетность в пореформенной России как источник изучения преступности / С. Л. Курас // Власть. 2013. № 4. С. 165–167. Текст : непосредственный.

214. Куренная И. Г. Персонифицированные печати Нерчинского воеводства (1655–1783 гг.) / И. Г. Куренная // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток : Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 1. С. 296–304. Текст : непосредственный.

215. Лазарева О. В. Источники финансирования губернской полиции Российской империи в XIX — начале XX в. (на примере Пензенской и Саратовской губерний) / О. В. Лазарева // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2008. № 3. С. 133–136. Текст : непосредственный.

216. Лезина Е. П. Воеводское управление пограничных территорий Российского государства в XVII веке / Е. П. Лезина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-2. С. 177–187. Текст : непосредственный.

217. Лен К. В. Сыщики Российской империи XVIII–XIX вв. (некоторые аспекты развития темы) / К. В. Лен // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 2(27). С. 44–48. Текст : непосредственный.

218. Лохов А. Ю. Нерчинский острог 1689 года / А. Ю. Лохов, В. И. Трухин, И. В. Зайцев // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 4(41). С. 119–131. Текст : непосредственный.

219. Луцкий А. И. Вклад профессора М. Н. Гернета в развитие юридической науки / А. И. Луцкий, М. И. Луцкий, Б. В. Киндюк // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 519–529. Текст : непосредственный.

220. Майоров А. П. Рапорты (репорты) как памятники истории русского языка XVIII века / А. П. Майоров // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 131–133. Текст : непосредственный.

221. Маланова А. В. Кяхтинское градоначальство и А. И. Деспот-Зенович / А. В. Маланова // Молодой учёный. 2011. № 9(32). С. 163–167. Текст : непосредственный.

222. Малкова Н. Г. К вопросу о причинах взяточничества чиновников в России в конце XVIII — первой половине XIX века / Н. Г. Малкова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 3–1. С. 118. Текст : непосредственный.

223. Малыгина О. А. Кяхтинское градоначальство — особый административный проект преобразования забайкальского трансграничья (вторая половина XIX в.) / О. А. Малыгина // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 88–91. Текст : непосредственный.

224. Малыгина О. А. Решение казачьего земельного вопроса военными губернаторами Забайкальской области (конец XIX — начало XX в.) / О. А. Малыгина // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 1. С. 83–88. Текст : непосредственный.

225. Матвеева Е. С. Осуществление земскими управителями хозяйственного управления приписным крестьянством Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) / Е. С. Матвеева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 27–32. Текст : непосредственный.

226. Матиенко Т. Л. Особенности организации и правового регулирования общеуголовного сыска в первой половине XVIII в. / Т. Л. Матиенко // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 11–14. Текст : непосредственный.

227. Матханова Н. П. Воспоминания А. В. Глинского о побеге из Баргузина Е. К. Брешко-Брешковской и ее товарищей и их поимке / Н. П. Матханова // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2019. Вып. 9(21). С. 571–580. Текст : непосредственный.

228. Матханова Н. П. Воспоминания генерал-майора А. В. Глинского о сибирской службе (к характеристике источника) / Н. П. Матханова // Исторический курьер. 2019. № 2(4). Ст. 11. С. 1–17. Текст : непосредственный.

229. Мельников А. С. Институт дворянства в области Войска Донского: становление, основные этапы развития / В. А. Мельников // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 70–73. Текст : непосредственный.

230. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) / В. И. Мерцалов // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 13. С. 26–33. Текст : непосредственный.

231. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) / В. И. Мерцалов // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 5(84). С. 3–10. Текст : непосредственный.

232. Михеева Ц. Ц. Становление института губернатора в период петровских реформ / Ц. Ц. Михеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2011. № 4. С. 7–18. Текст : непосредственный.

233. Москвитин Ю. Н. Проблемы охраны общественного порядка в городах Алтайского округа Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / Ю. Н. Москвитин, В. М. Антропов // Алтайский юридический вестник. 2016. № 14. С. 16–21. Текст : непосредственный.

234. Мочалова А. А. Полицейская реформа 1862 года: проекты и способы реализации / А. А. Мочалова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 94–103. Текст : непосредственный.

235. Мошкина З. В. Жандармский надзор на Нерчинской политической каторге (конец 70-х — начало 80-х годов XIX в.) / З. В. Мошкина // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 46–48. Текст : непосредственный.

236. Нижник Н. С. Полицейское государство — социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории / Н. С. Нижник // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130. Текст : непосредственный.

237. Нижник Н. С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований / Н. С. Нижник // Полицейская деятельность. 2017. № 6. С. 35–78. Текст : непосредственный.

238. Новиков П. А. Развитие структур жандармерии в Сибири (краткий обзор) / П. А. Новиков, Т. А. Соколовская // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2023. № 2(52). С. 122–127. Текст : непосредственный.

239. О введении полицейской стражи в Сибири // Сибирские вопросы. 1912. № 16. С. 92–96. Текст : непосредственный.

240. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Сибири) / Н. Н. Оглоблин // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. CCCXXXV. № 5. С. 25–69. Текст : непосредственный.

241. Окунь С. Б. К истории Бурятии в XVII в. / С. Б. Окунь // Красный архив. 1936. № 3(76). С. 156–191. Текст : непосредственный.

242. Паликова Т. В. «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. / Т. В. Паликова // Вестник РУДН. История России. 2009. № 2. С. 38–52. Текст : непосредственный.

243. Паликова Т. В. Неизвестное описание Троицкосавска — Кяхты / Т. В. Паликова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 4. С. 18–23. Текст : непосредственный.

244. Паликова Т. В. Русско-восточное сотрудничество во второй половине XIX — начале XX в. / Т. В. Паликова // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 2. С. 4–11. Текст : непосредственный.

245. Паликова Т. В. Юго-Западное Забайкалье XIX — начала XX в. в условиях трансграничья / Т. В. Паликова // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90. Текст : непосредственный.

246. Паликова Т. В. «... я приеду к вам уже не курсисткой, просто свободной гражданкой своей родины»: Женщина в общественно-политическом контексте начала XX в. / Т. В. Паликова, Н. Е. Жукова // Вестник Московского университета. История. 2023. № 2. С. 43–56. Текст : непосредственный.

247. Петров А. С. Убийство начальника Нерчинской каторги : в 2 частях / А. С. Петров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8(22). Ч. II. С. 147–149. Текст : непосредственный.

248. Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) / Л. Ф. Писарькова // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33. Текст : непосредственный.

249. Плех О. А. Административно-полицейская реформа 1837 г. в зеркале общественного мнения / О. А. Плех // Clio-2019 : сборник материалов 9-й международной конференции молодых ученых и специалистов. Москва : Политическая энциклопедия, 2019. С. 321–324. Текст : непосредственный.

250. Полянская О. Н. «Желал бы умереть непременно в России...»: декабрист А. В. Поджио в сибирской ссылке / О. Н. Полянская // Русские в Италии. Итальянцы в России: взаимовлияние культур : материалы международной заочной научной конференции. Санкт-Петербург, 2012. С. 139–152. Текст : непосредственный.

251. Пушкарёв Е. А. Становление полицейских учреждений как основы полицейского государства в Российской империи в XVIII веке / Н. Л. Пушкарёв // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 124–128.

252. Пушкарёва Н. Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) / Н. Л. Пушкарёва, З. З. Мухина // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 3(20). С. 43–55. Текст : непосредственный.

253. Пыкин В. М. Первый «отец» нашего города был героем не только на поле брани / В. М. Пыкин // Бурятия. 2010. 23 января (№ 10). С. 5. Текст : непосредственный.

254. Пыкин В. М. Удинск – Верхнее-Удинск: статус и население во второй половине XVIII в. / В. М. Пыкин // Верхнеудинск: вехи истории: материалы научно-практической конференции. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. С. 12–17. Текст : непосредственный.

255. Редин Д. А. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. (предварительные наблюдения) / Д. А. Редин

// Проблемы истории России : сборник научных трудов. Екатеринбург : Волот, 2003. С. 272–289. Текст : непосредственный.

256. Ремнев А. В. «Омский паша» — генерал-губернатор князь П. Д. Горчаков / А. В. Ремнев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2008. № 14. С. 179–196. Текст : непосредственный.

257. Решетнёв И. А. К вопросу о шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX — начале XX в. / И. А. Решетнёв, В. В. Синиченко // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. 2007. № 6. С. 41–54. Текст : непосредственный.

258. Саркисян Г. Г. История развития криминалистических учетов полиции в Российской империи (1715–1917 гг.) / Г. Г. Саркисян // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3(55). С. 199–209. Текст : непосредственный.

259. Сизиков М. И. Полиция Российской империи в середине XVIII в. / М. И. Сизиков // Государство и право. 1993. № 11. С. 120–131. Текст : непосредственный.

260. Сизиков М. И. Центральный и столичный полицейский аппарат России в 1732–1740 гг. / М. И. Сизиков // Армия и полиция в аппарате эксплуататорских государств: сборник научных трудов. 1975. Вып. 23. С. 70–91. Текст : непосредственный.

261. Синиченко В. В. Правовые условия таможенной политики России (1860–1917 гг.) / В. В. Синиченко // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2003. № 3–4(15–16). С. 137–141. Текст : непосредственный.

262. Синиченко В. В. Уголовная преступность азиатских мигрантов на российском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири (1856–1917) / В. В. Синиченко // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. 2003. № 5. С. 138. Текст : непосредственный.

263. Сичинский Е. П. Субъективные последствия организационно-правовых основ комплектования полицейских команд дореволюционной России / Е. П. Сичинский // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 49–54. Текст : непосредственный.

264. Соборнов П. Е. Деятельность становых приставов в российской провинции: из истории полицейской реформы 1837 года (по материалам Нижегородской губернии) / П. Е. Соборнов // Научный портал МВД России. 2019. № 4(48). С. 7–13. Текст : непосредственный.

265. Соборнов П. Е. Полицейская реформа 1862 года: к вопросу о причинах и условиях проведения в российской провинции / П. Е. Соборнов // Научный портал МВД России. 2021. № 2(54). С. 13–18. Текст : непосредственный.

266. Спиридонов А. П. Особенности развития российского уголовного права в XVIII в. / А. П. Спиридонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 112–117. Текст : непосредственный.

267. Степанова О. Ю. Противодействие гомосексуализму в Российском государстве досоветского и советского периода / О. Ю. Степанова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 1. С. 27–34. Текст : непосредственный.

268. Суслов В. И. Сибирь — российская колония / В. И. Суслов // Вестник НГУЭУ. 2008. № 1. С. 172–190. Текст : непосредственный.

269. Сысоев А. А. Общественный институт обеспечения личной и имущественной безопасности в Восточной Сибири XIX — начала XX века / А. А. Сысоев. Д. Б. Кавецкий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4(71). С. 86–90. Текст : непосредственный.

270. Сысоев А. А. Полицейская служба воинских формирований на территории Восточной Сибири XVIII — XIX вв. / А. А. Сысоев, Д. Б. Кавецкий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2(69). С. 104–115. Текст : непосредственный.

271. Тарасова И. А. Участие полиции в реализации социальной функции государства в дореволюционной России / И. А. Тарасова // История государства и права. 2012. № 21. С. 6–9. Текст : непосредственный.

272. Тархов С. А. Изменения административно-территориального деления России за последние 300 лет / С. А. Тархов // География 2001. № 15. С. 1–23. Текст : непосредственный.

273. Трухин В. И. Административно-территориальное устройство приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке / В. И. Трухин // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Вып. 16. № 3(36). С. 150–161. Текст : непосредственный.

274. Тушемилов М. В. Становление полицейской системы в Сибири (XIX — начало XX в.) / М. В. Тушемилов // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2009. Вып. 5(17). С. 123–135. Текст : непосредственный.

275. Тычинских З. А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. / З. А. Тычинских // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 172–182. Текст : непосредственный.

276. Феоктистов С. Ф. Реформа органов полиции в Сибири во второй половине XIX века / С. Ф. Феоктистов // Baikal Research Journal. 2013. № 4. С. 33. Текст : непосредственный.

277. Храмцов А. Б. Полицейский надзор в Западной Сибири в 1880-е гг. / А. Б. Храмцов // История государства и права. 2014. № 22. С. 8–12. Текст : непосредственный.

278. Храмцов А. Б. Реформа полиции Западной Сибири в 1867 году / А. Б. Храмцов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5(11). С. 193–196. Текст : непосредственный.

279. Храмцов А. Б. Реформирование полиции в городах Западной Сибири в начале XX века / А. Б. Храмцов // Законность и порядок в современном обществе. 2012. № 11. С. 78–84. Текст : непосредственный.

280. Храмцов А. Б. Реформы полицейского управления Западной Сибири в последней трети XIX века / А. Б. Храмцов // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 28–33. Текст : непосредственный.

281. Чернова И. В. Реорганизация пенитенциарной системы и разделение функций тюремного ведомства и полиции (на примере Томской губернии)

/ И. В. Чернова // Сибирская ссылка : сборник научных статей. Иркутск : Оттиск, 2003. Вып. 5(17). С. 135–144. Текст : непосредственный.

282. Чисников В. Н. Г. М. Рудой — новатор полицейского сыска / В. Н. Чисников // Оперативник (Сыщик). 2006. № 1(6). С. 8. Текст : непосредственный.
283. Шабаев В. В. К вопросу кадрового обеспечения команд частновладельческой стражи в начале XX века / В. В. Шабаев // Мир науки и образования. 2015. № 3. С. 87–90. Текст : непосредственный.
284. Шаламов В. А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г. М. Семенова (осень 1918 — весна 1919 г.) / В. А. Шаламов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 156–166. Текст : непосредственный.
285. Шободоев Е. Б. Иркутский острог 1731 г. / Е. Б. Шободоев // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 9–12. Текст : непосредственный.
286. Щербаков Н. Н. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма / Н. Н. Щербаков // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.) : сборник научных статей. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1983. Вып. 8. С. 26–49. Текст : непосредственный.
287. Юдин И. К истории полицейской реформы / И. К. Юдин // Русский архив. 1913. № 10. С. 579–580. Текст : непосредственный.

Воспоминания

288. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II : в 2 томах / С. Ю. Витте. Берлин : Слово, 1922. Т. I. 510 с. Текст : непосредственный.
289. Калашников Т. П. Жизнь незнаменитаго Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная, с 1762 по 1794 год / Т. П. Калашников // Русский архив. 1904. № 10. С. 147–183. Текст : непосредственный.
290. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка : в 2 томах / Дж. Кеннан. Санкт-Петербург : Типо-литография И. Люндорф, 1906. 398 с. Текст : непосредственный.
291. Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания С. Максимова / С. В. Максимов. 2-е изд. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. 594 с. Текст : непосредственный.
292. Максимов С. В. Собрание сочинений : в 7 томах / С. В. Максимов.. Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. Т. 1, ч. 1. 672 с. Текст : непосредственный.
293. Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край : в 2 частях / В. П. Паршин. Санкт-Петербург : Типография Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 356 с. Текст : непосредственный.
294. Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края : в двух частях / В. В. Птицын. Санкт-Петербург : Экономическая типо-литография, 1896. 306 с. Текст : непосредственный.
295. Танская Е. А. Ярмарка в Верхнеудинске в начале 90-х годов XIX века / Е. А. Танская // Байкал. 1976. № 1. С. 148–151. Текст : непосредственный.
296. Танский М. В. Верхнеудинск — Улан-Удэ : очерк / редактор Л. Г. Орлов. Улан-Удэ : НоваПринт, 2016. 112 с. Текст : непосредственный.

Энциклопедии, справочники, учебные издания

297. Географическо-статистический словарь Российской империи / составитель П. П. Семенов-Тян-Шанский. Т. 1. Аа-Гям-малик. Санкт Петербург : Типография В. Безобразова и Ко, 1863. 510 с. Текст : непосредственный.

298. Географическо-статистический словарь Российской империи / составитель П. П. Семенов-Тян-Шанский. Т. 2. Дабан-Кяхтинское градоначальство. Санкт Петербург : Типография В. Безобразова и Ко, 1865. 898 с. Текст : непосредственный.

299. Городин Л. М. Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России / Л. М. Городин. Москва : Музей истории ГУЛАГа, 2021. 336 с. Текст : непосредственный.

300. Должностные знаки второй половины XIX века до 1917 года из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / составитель М. В. Лукьянова. Владимир : Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2018. С. 3—4. Текст : непосредственный.

301. Достоевский Ф. М. Записки мертвого дома / Ф. М. Достоевский. Москва : Речь, 2018. 352 с. Текст : непосредственный.

302. Жалсараев А. Д. Время. События. Люди. Хронологический перечень дат и фактов из истории этнической Бурятии (эпоха палеолита — 2010 год) / А. Д. Жалсараев. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. 408 с. Текст : непосредственный.

303. История Бурят-Монгольской АССР : в 2 томах / редакционная коллегия: П. Т. Хаптаев [и др.]. Улан-Удэ : Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1954. Т. 1. 487 с. Текст : непосредственный.

304. История Бурят-Монгольской АССР : в 2-х томах / редакционная коллегия: П. Т. Хаптаев [и др.]. Улан-Удэ : Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1959. Т. 2. 636 с. Текст : непосредственный.

305. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / под редакцией А. П. Окладникова. Ленинград : Наука, ЛО, 1968. 511 с. Текст : непосредственный.

306. История Сибири : в 6 томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма (1861—1917) / ответственный редактор Ф. А. Кудрявцев. Новосибирск : Наука, 1965. 355 с. Текст : непосредственный.

307. Камкин А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века (пути и формы крестьянского общественного служения) : учебное пособие / А. В. Камкин. Вологда : Изд-во Вологод. ГПИ, 1990 (1991). 95 с. Текст : непосредственный.

308. Летопись Удинска — Верхнеудинска — Улан-Удэ / составители: Е. А. Голубев, Л. В. Гомбоева, А. З. Богданова. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2009. 264 с. Текст : непосредственный.

309. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : учебное пособие / Р. С. Мулукаев. Москва: Высшая школа, 1964. 28 с. Текст : непосредственный.

310. Обзор Забайкальской области за 1898 год. Чита : Типография Забайкальского областного правления, 1899. 38 с. Текст : непосредственный.

311. Пыкин В. М. Старообрядцы Забайкалья — семейские : материалы к спецкурсу / В. М. Пыкин. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 168 с. Текст : непосредственный.

312. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы : опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований) / Н. А. Рубакин. Санкт-Петербург : Вестник знания (В. В. Битнера), 1912. 216 с. Текст : непосредственный.

313. Рыбников В. В. История правоохранительных органов Отечества : учебное пособие / В. В. Рыбников, Г. В. Алексушин. Москва: Щит, 2008. 296 с. Текст : непосредственный.

314. Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I / О. В. Сухарева. Москва : АСТ, 2005. 701 с. Текст : непосредственный.

315. Съёмщиков Е. А. Окружное управление Сибири 1822–1898 гг.: учебное пособие / Е. А. Съемщиков. Новосибирск, 2019. 241 с. Текст : непосредственный.

316. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («Жаргонъ» тюрьмы) / редактор И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Санкт-Петербург : Типография А. Г. Розена, 1908. 116 с. Текст : непосредственный.

317. Фёдоров К. Г. История полиции дореволюционной России : учебное пособие / К. Г. Фёдоров, А. Н. Ярмыш. Ростов-на-Дону : Академия МВД СССР, 1976. 94 с. Текст : непосредственный.

318. Черных В. В. История пожарного дела в России (1800–1917 гг.) : учебное пособие / В. В. Черных. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2005. Ч. 2. 220 с. Текст : непосредственный.

319. Черных В. В. История пожарного дела в России (с древнейших времен до конца XVIII века) : учебное пособие / В. В. Черных. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД РФ, 2003. Ч. 1. 202 с. Текст : непосредственный.

320. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями / С. У. Ремезов [и др.]. Санкт-Петербург, 1882. 49 с. Текст : непосредственный.

321. Шинджикашвили Д. И. МВД царской России в период империализма (структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами) : учебное пособие / Д. И. Шинджикашвили. Омск : Омская высшая школа милиции, 1974. 111 с.

322. Энциклопедический лексикон. Санкт-Петербург : Типография А. Плюшара, 1835–1841 гг. Т. 6: Бин-Бра. 1836. 551 с. Текст : непосредственный.

Дополнительная литература

Диссертации и авторефераты

323. Альмухаметова М. Ш. Правоохранительная система в Западной Сибири и местное общество: опыт взаимодействия и взаимовлияния (1864–1917 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / М. Ш. Альмухаметова ; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2011. 26 с. Текст : непосредственный.

324. Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775-1862 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / Р. И. Байгутлин ; Академия управления МВД России. Москва, 2003. 20 с. Текст : непосредственный.

325. Батоев С. Д. Зарождение основ системы здравоохранения в Забайкалье: XVIII — конец первой четверти XX в : диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук: 07.00.10 / С. Д. Батоев ; Первый Московский гос. мед. ун-т им. И. М. Сеченова. Москва, 2019. 487 с. Текст : непосредственный.

326. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. В. Волочаева ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2009. 227 с. Текст : непосредственный.

327. Гергилёв Д. Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII — первой трети XIX века : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Д. Н. Гергилёв ; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2010. 200 с. Текст : непосредственный.

328. Гомонова С. А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / С. А. Гомонова ; Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 2012. 23 с. Текст : непосредственный.

329. Гуркин Я. А. Санкт-Петербургская сыскная полиция в конце XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 07.00.02 / Я. А. Гуркин ; Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург, 2016. 35 с. Текст : непосредственный.

330. Данилова Д. С. История становления и развития системы пожарной безопасности в Бурятии (1814–2000-е гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Д. С. Данилова ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2011. 25 с. Текст : непосредственный.

331. Данчевская А. В. История борьбы государства с уголовной преступностью в пореформенный период : на примере Иркутской и Енисейской губерний : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. В. Данчевская ; Иркут. гос. университет. Иркутск, 2018. 225 с. Текст : непосредственный.

332. Казанцева Н. Г. История таможенного дела Забайкалья (конец XVII — начало XX в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Н. Г. Казанцева ; Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2016. 36 с. Текст : непосредственный.

333. Калашникова С. И. История уголовного сыска в России в конце XIX — начале XX в.: на материалах Забайкальской области : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / С. И. Калашникова; ИМБиТ БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2007. 154 с. Текст : непосредственный.

334. Клоков С. Н. Генезис и эволюция российской гражданской служилой бюрократии в XVIII столетии: историко-правовой аспект : диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / С. Н. Клоков ; Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. 228 с. Текст : непосредственный.

335. Коновалов И. А. Общая полиция в системе местного управления в Сибири: XVIII — начало XX в. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / И. А. Коновалов ; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2018. 393 с. Текст : непосредственный.
336. Кручинин В. Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII — начале XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / В. Н. Кручинин ; Академия управления МВД России. Москва, 1998. 199 с. Текст : непосредственный.
337. Масалимов А. С. Реформы суда и полиции России 60–90-х годов XIX века (на материалах Уфимской губернии) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / А. С. Масалимов ; Уфимский юридический институт МВД РФ. Уфа, 2000. 24 с. Текст : непосредственный.
338. Медведев В. В. Формирование и эволюция полицейского государства в России (XVIII — первая половина XIX вв.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / В. В. Медведев ; Институт государства и права. Москва, 2009. 23 с. Текст : непосредственный.
339. Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / З. И. Перегудова ; Моск. гос. ист.-архив. ин-т. Москва, 1988. 26 с. Текст : непосредственный.
340. Петров А. С. Уголовная преступность и сыск в Забайкалье в межреволюционный период (июнь 1907 – февраль 1917 гг.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. С. Петров; ДВФУ. Владивосток, 2016. 313 с.
341. Петухов Е. А. История пенитенциарной системы Забайкальской области (80-е годы XIX в. — февраль 1917 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Е. А. Петухов ; ИМБиТ БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2004. 152 с. Текст : непосредственный.
342. Пинигин М. Г. Организационно-правовые основы деятельности полиции в России по «Уставу благочиния или Полицейскому»: 1782–1862 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / М. Г. Пинигин ; Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2003. 180 с. Текст : непосредственный.
343. Семёнов Е. В. Место польских политических ссыльных в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья: 30–50-е гг. XIX века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Е. В. Семёнов ; Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ, 2005. 25 с. Текст : непосредственный.
344. Степанова Е. И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX — начале XX в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук:

07.00.02 / Е. И. Степанова ; Курский гос. ун-т. Курск, 2012. 25 с. Текст : непосредственный.

345. Сунгуров П. А. Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / П. А. Сунгуров ; Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2014. 25 с. Текст : непосредственный.
346. Тумин А. Ю. Московская общая полиция в XVIII – XIX вв.: историко-правовое исследование : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / А. Ю. Тумин ; Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя. Москва, 2021. 248 с. Текст : непосредственный.
347. Фомин О. Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / О. Е. Фомин ; Юридический ин-т МВД. Москва, 1999. 20 с. Текст : непосредственный.
348. Хохлов А. В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905–1907 годов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / А. В. Хохлов ; Всесоюзный юридический заочный ин-т. Москва, 1975. 18 с. Текст : непосредственный.
349. Ченкова В. И. Полиция и органы местного управления в феодальной России XVIII века : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / В. И. Ченкова; Санкт-Петербургский ун-т. Санкт-Петербург, 2001. 185 с. Текст : непосредственный.
350. Чернова И. В. Томская городская полиция в конце XVIII — начале XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / И. В. Чернова ; Томский гос. ун-т. Томск, 2005. 181 с. Текст : непосредственный.
351. Черных В. В. История формирования и развития пожарного дела в Иркутской области в XIX–XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / В. В. Черных ; Иркутский гос. ун-т. Иркутск, 1998. 42 с. Текст : непосредственный.
352. Шайдурова Г. А. История пенитенциарной политики Российского государства в Сибири второй половины XIX — начала XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Г. А. Шайдурова ; ИМБиТ БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2010. 211 с.
353. Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Д. М. Шиловский ; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 251 с. Текст : непосредственный.

Электронные издания

354. Иркипедия.ru : мультимедийная интернет-энциклопедия Иркутской области, Байкала и народов, населяющих их. URL: http://irkipedia.ru (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.
355. Кирилец С. В. Моторизация силовых структур всея Руси / С. В. Кирилец. URL: http://www.gruzovikpress.ru/article/2493-motorizatsiya-silovyh-struktur-vseya-rusi/ (дата обращения: 06.11.2022). Текст : электронный.

356. Кротов Я. Сто дней Нарышкина / Я. Кротов. URL: http://krotov.info/yakov/history/ 18_bio_moi/naryshkin.htm (дата обращения 02.02.2015).

357. Об учреждении в Забайкальской области новой должности горного исправника для Нерчинского округа 7 мая 1865 г. Л. 403-403об. URL: https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=424075 (дата обращения: 14.09.2024 г.). Текст : электронный.

358. «Открытый список» : база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.). URL: https://ru.openlist.wiki/ (дата обращения: 29.09.2024). Текст : электронный.

359. Петров А. На страже порядка и благочиния / А. Петров // Просто о прошлом. URL: https://justpast.ru/person/na-strazhe-poryadka-i-blagochiniya/ (дата обращения: 27.09.2024). Текст : электронный.

360. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX в. Некоторые итоги и перспективы изучения / А. В. Ремнев // Сибирская заимка. URL: https://zaimka.ru/remnev-imperium/?ysclid=lrqoyu7ll3577693330 (дата обращения: 10.03.2024). Текст : электронный.

361. Чисников В. Н. Г. М. Рудой — новатор полицейского сыска (К 155-летию со дня народження и 100-летию со дня гибели) / В. Н. Чисников. URL: http://s.siteapi.org/a14c49accd5abbe.ru/docs/dbasryojejw44cscogc8gsco4okww0 (дата обращения: 02.02.2023). Текст : электронный.

Периодические издания

362. Байкал [Троицкосавск]. 1897–1906 гг.

363. Верхнеудинский листок [Верхнеудинск]. 1905–1906 гг.

364. Единение [Иркутск]. 1917 г.

365. Забайкальская новь [Чита]. 1907–1917 гг.

366. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности [Чита]. 1917 г.

367. Сибирская жизнь [Томск]. 1917 г.

Приложение 1

ИМЕННОЙ СПИСОК О ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ПО ДЕЛУ ВИНОВНИКАХ И ОСТАЮЩИХСЯ В ПОДОЗРЕНИИ ПРИДЕРЖИВАЮЩИХСЯ СКОПЧЕСКОЙ ЕРЕСИ

Номер	Имена, прозвища	За что обвиняется
1	Крестьянская дочь Евдокия Игнатьева	в оскоплении себя железом, отрезании грудей и наложении на обе руки по два обожженных знака, осуждена не была
2	Василий Агафонов, из поселенцев	оскопил себя железом
3	Крестьянская жена Домникия Голубева	не созналась, по свидетельству повивальных бабок, из-за неимения полноты в грудях и выжженных на руках по примеру других скопцов знаках
4	Ясашной Козьма Попов	в оскоплении железом, не судился
5	Поселенец Никифор Филипов	в оскоплении себя железом, сознался, за что будто бы и сослан в Сибирь
6	Крестьянин Тимофей Невидимов	телесных знаков не имеет, принадлежность к секте отрицает
7	Крестьянин Яков Третьяков	сознался в оскоплении железом
8	Жена крестьянина Якова Третьякова	подозревается в связи со скопцами
9	Крестьянская дочь, девица Мелания Наумова	подозревается в отношении к скопцам по знакам на руках и ногах, специально выжженным, отвергает брак, не ест мясо
10	Крестьянская дочь, девица Анисия Невидимова	подозревается по отрицанию брака и не употреблению мяса, по имеющимся на руках и ногах выжженным знакам
11	Сестра ее Акилина Невидимова	подозревается в том же, как сестра
12	Сестра их, девица Агрипина Невидимова, 13 лет	то же самое
13	Пропитанный из ссыльных Радион Савицкий	по оскоплению себя железом еще в России
14	Пропитанный из ссыльных Изот Петров	сознался в оскоплении себя железом
15	Максим Ефимов, пропитанный	в оскоплении железом в России, за это сослан в Сибирь на поселение
16	Пропитанный крестьянин Яков Новиков	оскоплен, был осужден, но по манифесту прощен
17	Дочь его Акилина, 14 лет	не оскоплена, но имеет знаки на руках и ногах

Основание: ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3492 (Дело об открытии скопческой секты в Голуметской слободе — 1831). Л. 17–19об.

Приложение 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(автор Г. М. Рудой)

1. *Гейменики (геймоники), гранды — убийцы.* От жарг. «гейм» — убийство.
2. *Грантовщики — разбойники и грабители.* От жарг. «гранд» — в западных и южных губерниях означает грабеж.
3. *Фуфыры — поджигатели.* Аналог и происхождение данного слова найти сложно, наиболее близкое по значению жарг. «фу-фи» («чердачник, кипер») — поджигатели торговых и жилых помещений, нанятые собственниками для получения страховых выплат.
4. *Шниферы — воры, совершающие кражи со взломом.* «Шнифер или шниф» — вариант так называемых «домушников», грабящих дома, но, в отличие от последних, шниферы были готовы к совершению сложных видов взломов, вплоть до подкопа под помещение. Часто этим словом называли ночных воров.
5. *Похитители касс.* «Кассиры» — воры, специализированные на взломах железных шкафов, касс и ящиков.
6. *Скачки — квартирные воры с подобранными ключами и «на замазку».* «Скакарь» почти то же, что «домушник» − вор, который совершает взлом и кражу квартиры «наскоком», то есть сразу, быстро и без особой подготовки и инструментов; кража «на замазку» обозначает, что окна помещения, которое намечено к ограблению, окрашены белой краской, а значит, хозяин квартиры в отъезде; чаще всего совершались в летнее время.
7. *Цыпера — похитители из передних.* Передняя — часть помещения сразу после входа; цыпер — в некоторых источниках не только похититель из передней, но и просто вор, совершающий кражу, преимущественно одежды, при большом стечении людей (праздник, похороны).
8. *На доброе утро — крадущие у спящих утром.* Особый вид краж «домушников», совершаемый на рассвете или рано утром, через открытое летом окно или оставленную открытой дверь помещения при кратковременном отсутствии хозяина.
9. *Мойщики — крадущие у спящих, преимущественно на железной дороге, в вагонах.* Мойщики — специализированные железнодорожные воры, исключительно на станциях и в вагонах. Считались одним из самых опасных типов воров, не останавливавшихся, если нужно, перед убийством жертвы. В терминах преступного мира они «мыли» жертву, то есть полностью обирали. Согласно воспоминаниям бывшего начальника Харьковской сыскной полиции В. В. фон Ланге, мойщики нередко одурманивали своих жертв различными средствами, например хлороформом.
10. *Цапленики — специализированные железнодорожные воры.* Слова «цапленик, цапельник или чапленик» использовались в обозначении ухвата для

сковороды. В данном случае предполагается, что эта категория воров грабила грузовые и багажные вагоны и специализировалась на кражах (ухватывать, сцапать) с ручных и гужевых тележек.

11. *Голубятники — крадущие на чердаках.* «Голуби» — в некоторых источниках белье, которое для просушки развешивали на чердаках, соответственно «голубятник» — чердак или вор, крадущий белье. Нередко и такая скромная собственность становилась предметом краж.
12. *Воры-полотеры и ремесленники* — высматривающие квартиры во время их ремонта и совершающие впоследствии кражи.
13. *Воровская прислуга — поступающая на службу к хозяевам с целью обкрадывания.* Более всего подходит к известной категории «наводчиков», которые с умыслом или без него наводили злоумышленника на кражу, предоставляли информацию.
14. *Шопенфилеры — крадущие в магазинах.* Наименование, распространенное на юге и западе империи, в остальной России обозначались «городушниками». Воры (чаще женщины), специализированные на магазинных и ювелирных кражах, приходящие в магазины под видом покупателей.
15. *Марвихеры и фортыцеры − карманщики и заторщики.* «Марвихер (маравихер)» — общее название карманных воров, в том числе тех, которые не брезговали воровством самых простых вещей, например носовых платков; «фортыцер» (фартицер) — вор, использующий при карманной краже отвлекающий предмет, например газету; или ловкий помощник, который отвлечением внимания жертвы позволяет марвихеру совершить кражу.
16. *Хипесники, коты и кошки — обкрадывающие мужчин посредством женщин, заманивающих своих жертв для совокупления в приспособленные для этого помещения.* «Хипесница» (от евр. хипес — искать) — женщина, нередко проститутка, выискивавшая в общественных местах мужчин, чаще солидных на вид, соблазнявшая и заманивавшая их на специальную квартиру, где сама женщина или ее подельник (кот) совершали кражу. К слову, «котами» также называли мужчин-сутенеров.
17. *Халамидники и девятники — мелкие воришки.* Слово «халамидник» в основном использовалось в значении «оборванец, неряшливый», часто этим словом обозначали базарных воришек. Девятник — в обывательском словаре был связан с церковными празднествами или молитвенными днями, которые сопровождались подаянием милостыни, во время которых, очевидно, и совершались мелкие кражи.
18. *Ридикюльщики — выхватывавшие ридикюли у прохожих дам.* Ридикюль — маленькая женская сумочка на шнуре.
19. *Черединники — конокрады.* От жарг. слова «черед» — стадо скота. Конокрадов также именовали «сцепщиками, абротниками».
20. *Апостольники — крадущие рогатый скот.*

21. *Оребурки и нухгееры — наводчики и идущие по следам воров для получения части добычи.* «Оребурка» от франц. «на выворот», обычно обозначало мелких и нерешительных воров. Дословно «нухгеер» — идущий следом, не отстающий; нухгееры в меньшей степени воры, в большей степени собирали свою долю с карманников.

22. *Поездники — дающие подводы для воров и похищенного.* В других источниках тем же понятием обозначают шулеров, обыгрывавших свои жертвы в поездах.

23. *Хавирники-малинщики — пристанодержатели* (устар. содержатель пристани). «Малина» — это снимаемая квартира, где укрываются злоумышленники. «Хавир» — это человек которому незаметно подложена украденная вещь, чтобы запутать след.

24. *Блатаки (блатакаи) — перекупщики краденого.* Данное понятие аналог слова «барыга» — скупщик краденого, только в тюрьмах юга Российской империи.

25. *Феи-счастливчики* — аферисты.

26. *Бассаманщики, бугаи, счастливчики и линкерхалфины — похищающие деньги посредством подбрасывания кошелька.* Слово «бассаманщик» не обнаруживает аналогов. Бугай — на жаргоне мошенников означало кошелек, а подкидывавший кошелек — бугайщик. Счастливчик — сообщник подкидчика, который поднимал находку/добычу. Слово «линкерхалфины» не обнаруживает аналогов, но предполагаем, что оно использовалось в переводе с немецкого «linker hand» — левая рука. Вероятно, в данном контексте все четыре термина означают разные стадии совершаемого преступления: кражи кошелька, его подбрасывания ничего не подозревающему человеку, изъятие у последнего и т. д.

27. *Клоперы — похищающие деньги при размене.* Обычно клоперами называли воров, разменивавших деньги в торговых точках или покупателей мелких товаров, которые при размене или получении сдачи воровали часть денег.

28. *Шулеры — мошенники, занимающиеся обманом в азартных играх.* Одна из самых широко распространенных категорий мошенников.

29. *Фильмахеры — лотерейщики, играющие на три карты.* В других источниках «чернушник», «юлашник» — аферист, играющий в заведомо выигрышной для него игре как «три карты».

30. *Зуктера, альфонсы, супники — сутенеры.* «Зухтер» («зуктер») — живущий на счет женщины, кот, сутенер. «Субчик» («супчик») — сводник, сутенер. «Супник» — педераст; сожитель и эксплуататор проститутки, сводник, сутенер. В источниках нами не обнаружено толкование первого значения.

31. *Торгующие женщинами.* До точности неизвестно смысловое наполнение данной категории. Допускаем, что речь может идти о физической продаже уголовниц или каторжанок при следовании этапом, о чем имеются сведения в литературе, особенно на примере ссылки в Сибирь, Нерчинские рудники.

32. *Проститутки-мойщицы и аферистки — воровки*. Широкая категория воровок с различными уголовными обозначениями. «Мойщиками» также называли воров, обкрадывавших жертв в пьяном виде или без сознания.

Также есть подделыватели паспортов и разных документов; педерасты; лица сомнительного поведения и т. д. Из означенных выше преступников наиболее опасны и неуловимы № 1–7, особо если они совершают преступления вне места своего жительства набегом на другие места. Безусловно опасны и неуловимы № 8, 9, 13, 14, 15, 16 — так как оперируют исключительно вне места своего жительства, дабы скрыть следы; случаи их обнаружения крайне редки, так как полиция не обладает сведениями и главное — фотокарточками. Наиболее распространенными и весьма опасными для сельского населения являются преступники № 15 и 26, они целыми десятками приезжают на ярмарки и обкрадывают массу крестьян, хотя и последние много описывают характерных примет похитителей, розыски их почти всегда безуспешны.

Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 55. Д. 162. Л. 111–112об.

Научное издание

Роман Артурович Евтехов

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ (КОНЕЦ XVII — НАЧАЛО XX в.)

Монография

Редактор *Е. И. Борисова*
Дизайн обложки *Б. Ч. Карпушкеевой*
Компьютерная верстка *С. В. Сазоновой*

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 25.02.2025. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 26,6. Усл. печ. л. 32,9+вкл. Тираж 1000. Заказ 12.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
rio@bsu.ru

Отпечатано и переплетные работы
выполнены в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а